

Развитие европейских наций, 1870-1914 (5-е изд.)

Дж. Холланд Роуз

**The Development of the European Nations,
1870-1914 (5th ed.)**

J. Holland Rose

Электронная книга проекта Гутенберга о развитии европейских наций, 1870-1914 (5-е изд.)

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Развитие европейских наций, 1870-1914 (5-е изд.)

Автор: Дж. Холланд Роуз

Дата выхода: 9 января 2005 г. [Электронная книга № 14644]

Последнее обновление: 28 октября 2024 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Джонатан Ингрэм, Чарли Киршнер и команда онлайн-распространяемой корректуры.

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "РАЗВИТИЕ ЕВРОПЕЙСКИХ НАЦИЙ, 1870-1914" (5-Е ИЗД.) ***

Кампании 1859-71гг.

РАЗВИТИЕ ЕВРОПЕЙСКИХ НАЦИЙ

1870-1914

АВТОР Дж. ХОЛЛАНД РОУЗ, ЛИТТЛ.Д.

ЧЛЕН КОЛЛЕДЖА ХРИСТА В КЕМБРИДЖЕ

АВТОР КНИГ "ЖИЗНЬ НАПОЛЕОНА", "ЖИЗНЬ УИЛЬЯМА ПИТТА",
"ИСТОКИ ВОЙНЫ" И ДР.

'Felix qui potuit rerum cognoscere causas.'--VIRGIL.

ПЯТОЕ ИЗДАНИЕ С НОВЫМ ПРЕДИСЛОВИЕМ И ТРЕМЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМИ ГЛАВАМИ 1915

<i>Первое издание</i>	<i>октябрь 1905 года.</i>
<i>Второе"</i>	<i>Ноябрь 1905 года.</i>
<i>Третье"</i>	<i>Декабрь 1911 года.</i>
<i>Четвертый"</i>	<i>ноябрь 1914 года.</i>
<i>Пятый"</i>	<i>Октябрь 1915 года.</i>

МОЕЙ ЖЕНЕ, БЕЗ ПОМОЩИ КОТОРОЙ ЭТА РАБОТА НЕ МОГЛА БЫ БЫТЬ ЗАВЕРШЕНА

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЯТОМУ ИЗДАНИЮ

В настоящее Издание включены три новые главы (№ XXI-XXIII), в которых я стремлюсь описать наиболее важные и достоверно установленные факты периода 1900-14 гг. Повествование неизбежно носит предварительный характер во многих моментах, и достичь беспристрастности невозможно; но я стремился взглянуть на события как с немецкой, так и с британской точки зрения и справедливо обобщить свидетельства. Добавление этих глав привело к необходимости исключить прежнее Послесловие и Приложения. Я сожалею о том, что Эпилог был принесен в жертву, поскольку в нем подчеркивались два важных соображения: (1) тенденция британской внешней политики к чрезмерной уступчивости, которая другими державами часто интерпретируется как слабость; (2) опасность, возникающая в результате острой конкуренции в области вооружений. Никто не может рассматривать недавние события, не осознавая важности этих соображений. Возможно, они окажутся одной из главных причин

ужасного финала июля-августа 1914 года. Я хочу выразить свою признательность за ценные советы, данные мистером Дж.У. Хедламом, магистром медицины, мистером А.Б. Хиндсом, магистром медицины, и доктором Р.У. Сетон-Ватсоном, д. литтл.

Дж.Х.Р.

КЕМБРИДЖ,

5 сентября 1915 года.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНИЮ

Начало войны в Европе - событие слишком важное, чтобы его можно было полностью осветить в этом Предисловии. Но я могу указать, что катастрофа явилась результатом двух причин беспорядков, описанных в этом томе, а именно Эльзас-Лотарингского вопроса и Восточного вопроса. Эти споры затянулись без каких-либо попыток урегулирования со стороны Великих держав. Инцидент в Цаберне воспламенил общественное мнение в Эльзас-Лотарингии и проиллюстрировал властное поведение немецкой военной касты; в то время как коварные попытки Австрии в 1913 году натравить Болгарию на Сербию сделали империю Габсбургов главным врагом славянских народов Балканского полуострова после падения турецкой мощи в 1912 году. Внутренние проблемы Соединенного Королевства, Франции и России в июле 1914 года предоставили возможность, которую так долго искала передовая партия в Берлине и Вене; и австро-германский союз, который по своему происхождению был оборонительным (как я показал в этой книге), стал наступательным, Италия рассталась со своими союзниками, когда узнала об их замыслах. Втянутая в Тройственный союз исключительно из-за обиды на Францию после тунисского дела, она теперь склоняется к англо-французским связям.

Читатели моей главы, посвященной Восточному вопросу, не преминут увидеть, как пренебрежение великими державами к балканским народам привело к тому, что эта рана загноилась на слабой стороне Европы; и они догадаются, что проблемы на Балканах естественным образом сыграли свою роль в развязывании Европейской войны. Изучающие современную Европу должны стремиться сформировать здоровое общественное мнение, чтобы

ошибки прошлого не повторились и чтобы новая Европа была создана в соответствии с чаяниями самих народов.

КЕМБРИДЖ,

25 сентября 1914 года.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Строка Вергилия, процитированная на титульном листе, представляет собой в данном случае вздох устремления, а не хвалебный гимн достижениям. Ни один изучающий историю, конечно, никогда не сможет проникнуться убежденностью в том, что он постиг глубины того колодца, где, как говорят, скрыта Истина. Каковы же тогда должны быть чувства того, кто отваживается проникнуть в запутанную область недавних летописей и пытается пробраться сквозь заросли, почти нехоженные? Не раз я испытывал искушение отказаться от поисков и свернуть на тропинки, проложенные первопроходцами. Там, по крайней мере, известно местонахождение этого сказочного колодца, и отвес всегда под рукой. Тем не менее, я решил бороться до конца со своей задачей, сознавая, что работа первопроходца может быть полезной при условии, что он тщательно прокладывает путь и тем самым позволяет тем, кто придет после него, знать, что искать, а чего избегать.

В конце концов, в наш век нет недостатка в проводниках. Число авторов мемуаров и газетных корреспондентов огромно; и я пришел к убеждению, что они заслуживают такого же доверия, каким были подобные свидетели в любую эпоху. Сама острота их соперничества является некоторой гарантией истины. Несомненно, конкуренция за хорошую "копию" иногда приводит к искусному вышиванию на фоне скучной действительности; но, потратив много времени на изучение похожих вышивок в литературе наполеоновской эпохи, я без колебаний ставлю работы Арчибальда Форбса и нескольких еще живущих рыцарей пера намного выше обманчивой мишуры Марбо, Тибо и Сегюра. Я пойду дальше и скажу, что, если бы мы могли выяснить, какими источниками пользовался Фукидид, мы бы заметили, что в кругах историков-ученых, созерцающих его величественный труд, проскальзывают опасения. В любом случае, я

могу сослаться на пример великого афинянина в поддержку тезиса о том, что взяться за написание современной истории - дело не напрасное.

Помимо рассказов авторов мемуаров и газетных корреспондентов, существуют "Синие книги". Я хорошо знаю, что они не всегда содержат всю правду. Иногда самые важные пункты по необходимости опускаются. Но информация, которую они содержат, огромна; и, учитывая, что правила государственной службы в Великобритании закрывают оригинальные записи почти на столетие, только самые привередливые могут возражать против использования богатства материалов, представленных миру в *парламентских документах*.

Помимо этих опубликованных источников, существует фонд информации, которым обладают общественные деятели и "хорошо информированные" разного ранга. К сожалению, доступ к нему ограничен или ограничен общепринятыми нормами. То тут, то там я мог воспользоваться этим без какого-либо злоупотребления доверием; и я очень благодарен тем, кто просветил мою тьму. Я знаю, что освещение лишь частичное, но я надеюсь, что его эффект в отношении сумерек дипломатии можно сравнить с эффектом Северного сияния.

Поработав некоторое время над моей темой, я счел желательным ограничить ее событиями, которые оказали отчетливое формирующее влияние на развитие европейских государств. По вопросам мотивов и политики я обычно воздерживался от вынесения решительного вердикта, видя, что их всегда труднее всего исследовать; и поверхностный догматизм в них больше подходит для всеведущих лидеров, чем для страниц исторического труда. В то же время я без колебаний вынес суждение по этим вопросам и разошелся с другими авторами, где доказательства казались мне решающими. Приведу один пример: я отвергаю вердикт большинства авторитетных лиц по вопросу отношения Бисмарка к телеграмме из Эмса и ее влияния на переговоры с Францией в июле 1870 года.

Однако по большей части я имел дело только с внешними событиями, время от времени указывая на ту роль, которую они сыграли в великой драме человеческой деятельности, все еще продолжающейся вокруг нас. Это ограничение цели позволило мне взять только конкретные темы и рассмотреть их гораздо полнее, чем это сделано в краткой хронике фактов, представленной М. Лависсом и Рамбо в заключительном томе их *Истории человечества*. Там, где серия событий началась в 1899 или 1900 году и не завершилась раньше времени, которым заканчивается это повествование, я оставил ее в стороне. Очевидно, что англо-бурская война подпадает под эту рубрику. Из-за нехватки места мои ссылки на внутренние проблемы Соединенного Королевства были краткими. Я, к сожалению, опустил одно имперское событие огромной важности - образование Австралийского Содружества. В конце концов, это касалось только британской расы; и в моем обзоре дел Империи я рассматривал только те, которые непосредственно затрагивали и другие нации, а именно афганский и египетский вопросы и Раздел Африки. Здесь я стремился показать связь с "мировой политикой", и я верю, что даже специалисты найдут что-то новое и наводящее на размышления в этом методе лечения.

Пытаясь написать историю современных событий, я считаю необходимым ссылаться на первоначальный авторитет или авторитетные источники в случае каждого важного утверждения. Я стремился придерживаться этого правила (хотя и ценой больших дополнительных усилий), потому что оно позволяет читателю проверить точность повествования и получить подсказки для дальнейшего чтения. Составлять библиографии, где

каждый год выходит много новых книг, - бесполезная задача; но точные ссылки на источники информации никогда не теряют своей ценности.

Я выражаю благодарность многим, кто помог мне в этом начинании. Среди них я могу назвать сэра Чарльза Дилке, члена парламента, мистера Джеймса Брайса, члена парламента и мистера Чедо Миятовича, которые дали мне ценные советы по специальным темам. Мои обязательства также связаны с подданным царя, который предоставил свои знания к моим услугам, но по очевидным причинам не желает, чтобы его имя было известно. Мистер Бернард Парес, магистр медицины из Ливерпульского университета, очень любезно ознакомился с корректурами первых глав и внес самые полезные предложения. Г. Белл и сыновья разрешили мне использовать планы главных сражений франко-германской войны из опубликованной ими работы мистера Хупера *"Седан и падение Второй империи"*. Мистеру Х.В. Уилсону, автору книги *"Броненосцы в действии"*, я также должен выразить благодарность за разрешение использовать план, иллюстрирующий боевые действия при Александрии в 1882 году.

Дж.Х.Р.

Июль 1905 года.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ

ГЛАВА I

ПРИЧИНЫ ФРАНКО-ГЕРМАНСКОЙ ВОЙНЫ.

Глава II

от Верт до ГРАВЕЛОТ

Глава III

седан

главе IV

основателей французской республики

глава V
основателей французской республики--*продолжил*

Глава VI
Германской империи

ГЛАВА VII
восточного вопроса

Глава VIII
российско-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА

ГЛАВА IX
БАЛКАНСКОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ,

ГЛАВА X
ПРИНЯТИИ БОЛГАРИИ

ГЛАВЫ XI
НИГИЛИЗМ И АБСОЛЮТИЗМА В РОССИИ

ГЛАВА XII
ТРОЙНОЙ И ДВОЙНОЙ АЛЬЯНСОВ

ГЛАВА XIII
ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИЙ ВОПРОС

ГЛАВА XIV
АФГАНСКИЕ И ТУРКМЕНСКИЕ КАМПАНИИ

ГЛАВА XV
ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ЕГИПТЕ

ГЛАВА XVI
ГОРДОН И СУДАНЕ

ГЛАВА XVII
ЗАВОЕВАНИЕ СУДАНА

ГЛАВА XVIII
РАЗДЕЛА АФРИКИ

ГЛАВА XIX
КОНГО, СВОБОДНОЕ ГОСУДАРСТВО

ГЛАВА XX РОССИЮ В ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Глава XXI
новой группировке великих держав (1900-1907)

глава XXII
германцы *против* славян (1908-13)

глава XXIII
кризис 1914

индекс

КАРТЫ И ПЛАНЫ

Кампании 1859-71 гг.

Схема местности между Мецем и Рейном

План битвы при Верте

План битв при Резонвиле и Гравелотте

План битвы при Седане

Карта Болгарии

План Плевны

Карта Берлинского и Сан-Стефанского договоров

Карта Фессалии

Карта Афганистана

Битва при Майванде

Битва при Александрии (бомбардировка, 1882)

Карта Нила

Битва при Омдурмане

План Хартума

Карта Африки (1902) конец тома

Введение

"Движения в массах европейских народов разобщены и медленны, а их прогресс прерван и затруднен, потому что это такие большие и неравномерно сформированные массы; но подготовка к будущему широко распространена, и ... обещания века настолько велики, что даже самые малодушные начинают верить, что настало время, жить в котором - привилегия". - ГЕРВИНУС, 1853.

Римский поэт Лукреций в часто цитируемом отрывке описывает удовлетворение, которое естественным образом наполняет душу, когда с какой-нибудь безопасной точки зрения наблюдаешь за путешественниками, которых швыряет в бурных водах. Возможно, мы можем использовать не очень альтруистичные слова поэта как символ многих чувств, с которыми на заре двадцатого века мы оглядываемся назад, на бурные воды ушедшего века. Некоторые поздравления по этому поводу оправданны, тем более что эти войны и революции послужили созданию государств, которые намного сильнее своих предшественников, в той мере, в какой они более точно соответствовали желаниям составляющих их наций.

Рассматривая революции и войны, ставшие эпицентрами бурь прошлого столетия, мы теперь можем увидеть некоторые причины, вызвавшие эти бури. Если мы посмотрим на них проницательным взглядом, то вскоре начнем видеть, что в основном циклонические возмущения были вызваны двумя великими естественными импульсами цивилизованных рас человечества. Первая из этих сил - это тот великий импульс к свободе личности, который мы называем демократией; вторая - это тот импульс, едва ли менее мощный и стихийный, который побуждает людей вступать в тесный союз со своими близкими: это мы можем назвать национальностью.

Итак, верно, что эти две силы не привели к последней и завершающей фазе развития человечества, как когда-то утверждали их восторженные сторонники; более того, они несут ответственность, особенно сила национальности, за многочисленные недостатки в жизни нескольких народов; и национальный принцип в это самое время вызывает большие и ненужные трения во взаимоотношениях наций. Тем не менее, даже принимая все это во внимание, по-прежнему остается верным тот факт, что демократия и национальность были двумя главными формирующими факторами в политическом развитии Европы в девятнадцатом веке.

Ни в одну эпоху мировой истории эти два импульса не проявлялись с такой триумфальной активностью. Они не всегда были наделены живой силой. У многих народов они веками дремали и были вызваны к жизни только каким-нибудь великим событием, таким как невыносимое угнетение деспота или правящей касты, которые подавляли свободы личности, или господство чужого народа над тем, который упрямо отказывался ассимилироваться. Иногда искрой, зажигающей витальное сознание, была вспышка гения поэта или героизм какого-нибудь стойкого сына земли. Причины пробуждения были бесконечно разнообразны и никогда полностью не исчезали; но особая слава Девятнадцатого века состоит в том, что расы, которые до сих пор лежали беспомощными и почти мертвыми, выросли до зрелости, как по волшебству, и проливали свою кровь, как воду, в попытке обеспечить свободное существование как для отдельного человека, так и для нации. Верно сказал немецкий историк Гервинус: "История этого века больше не будет только изложением жизней великих людей и принцев, но и биографией наций".

На первый взгляд кажется, что это поучительное утверждение не учитывает карьеру могущественного Наполеона. Но это не так. Великий император бессознательно призвал к энергичной жизни силы демократии и национальности как в Германии, так и в Италии, где не было ничего, кроме раболепия и разобщенности. Его карьера, если рассматривать ее с нашей нынешней точки зрения, делится на две части: во-первых, та, в которой он фигурировал как чемпион Революционной Франции и освободитель Италии от иностранных и внутренних тиранов; и, во-вторых, как имперский автократ, завоевавший и удерживавший большую часть Европы в своей попытке разрушить британскую торговлю. В первом из этих предприятий вместе с ним действовали новые силы эпохи, наделявшие его, казалось бы, непреодолимой мощью; в конце своей жизни он ошибочно определил свое место в природном хозяйстве и, нарушив принципы индивидуальной свободы и расового родства в Испании и Центральной Европе, обеспечил собственное падение.

Величайшим сражением столетия было грандиозное противостояние, которое в течение трех дней бушевало вокруг Лейпцига в октябре 1813 года, когда русские, пруссаки, австрийцы,

шведы, а также несколько британцев, ганноверцев и, наконец, его собственные саксонские союзники объединились, чтобы сбросить имперское ярмо с шеи германских народов. Этот *Völkerschlacht* (Битва народов), как называют это немцы, решил, что будущее Европы должно определяться не имперским автократом, а волей князей и народов, которых его упрямство привело к войне против него. Далекий от признания приговора, великий человек боролся до тех пор, пока настойчивость союзников окончательно не лишила его власти и не установила для Франции практически те же границы, которые у нее были в 1791 году, до начала ее мощной экспансии. Иными словами, нация, которая в своей чисто демократической форме легко захватила и подчинила соседние государства во времена их старого, инертного, полуфеодального существования, была ими свергнута, когда их национальное сознание было растоптано легионами великого Императора.

В 1814 году и снова после Ватерлоо Франция была загнана в угол и заняла нечто вроде своего прежнего положения в Европе, за исключением того, что трон Бурбонов так и не приобрел никакой прочности - старшая ветвь этой семьи была свергнута революцией 1830 года. В центре континента старые династии объединились с народами в национальной борьбе 1813-14 годов и поэтому пользовались большим уважением - факт, который позволил им на некоторое время подавить народные стремления к конституционному правлению и национальному единству.

Тем не менее, благодаря Венским договорам (1814-15) центр Европы был организован более прочно, чем когда-либо прежде. Вместо изжившего себя института, известного как Священная Римская империя, который Наполеон уничтожил в 1806 году, Центральные государства были реорганизованы в Германскую конфедерацию - громоздкую и неэффективную лигу, в которой Австрия председательствовала. Австрия также получила Венецию и Ломбардию в Италии. Приобретение Пруссией плодородной Рейнской провинции приблизило это энергичное государство к границам Лотарингии и сделало ее естественной защитницей Германии от Франции. Россия получила полный контроль почти над всем бывшим Королевством Польским. Таким образом, державы, которые были первыми в борьбе против Наполеона, теперь больше всего выиграли от перераспределения земель в 1814-15 годах, в то время как государства, которые были дружественны ему, теперь пострадали за свою преданность. Италия была разделена на мозаику государств; Саксония уступила почти половину своих земель Пруссии; Дания уступила шведской короне свое древнее владение Норвегию.

В некоторых отношениях триумф национального принципа, который принес победу старым династиям, укрепил европейскую структуру. Венский мирный договор привел границы государств в большее соответствие с расовыми интересами и чувствами, чем это было раньше; но в нескольких случаях эти интересы и чувства были задеты или нарушены расчетливыми или близорукими государственными деятелями. Немцы, которые стремились к эффективному национальному союзу, с возмущением увидели, что конституция новой Германской конфедерации оставила их под контролем правителей входящих в нее государств и под очень реальным главенством Австрии, которое всегда использовалось для подавления народных движений. Итальянцы, которые также узнали от Наполеона секрет, что они во всех отношениях являются нацией, были глубоко возмущены господством Австрии в Ломбардии-Венеции и разделением остальной части полуострова между реакционными королями, сонными герцогами и священнослужителями-мракобесами. Бельгийцы также протестовали против принудительного союза с Голландией в том, что теперь называлось Королевством Объединенных Нидерландов (1815-30). На востоке Европы поляки тщетно боролись с судьбой,

которая снова разделила их между Россией, Австрией и Пруссией. Немцы Гольштейна, Шлезвига и Лауэнбурга с трудом подчинились датскому правлению; и только под давлением демонстраций союзников норвежцы приняли союз со Швецией.

Следует тщательно отметить, что это были те самые случаи, которые вызвали большинство политических проблем в последующий период. Фактически, большинство политических событий на Континенте в 1815-1870 годах - восстания, революции и войны, которые придают особый характер истории столетия, - были прямым результатом плохих или несовершенных договоренностей Венского конгресса и так называемого Священного союза монархов, стремившихся увековечить их. Эффект этого широко распространенного недовольства проявился не сразу. Народы были слишком измотаны чудовищным напряжением наполеоновских войн, чтобы что-то предпринять в течение жизни поколения или более, за исключением периодов народного волнения. За исключением юго-востока Европы, где Греция с помощью России, Великобритании и Франции вырвала свою политическую независимость из-под власти султана (1827), за сорок лет, последовавших за Ватерлоо, не было ни одной серьезной войны; но они были отмечены часто повторяющимися волнениями и мятежами. Таким образом, когда Французская революция 1830 года свергла реакционную династию старших Бурбонов, всеобщее возбуждение, вызванное этим событием, придало бельгийцам сил, достаточных для того, чтобы сбросить тяжелое иго голландцев; в то время как в Италии, Германии и Польше демократы и националисты (ныне работающие в целом согласованно) предпринимали отважные, но безуспешные попытки достичь своих идеалов.

То же самое было и в 1848 году. Волнения, которые на этот раз зародились в Италии, распространились на Францию, свергли с трона Луи Филиппа (из младшей ветви французских бурбонов) и привели к тому, что половина европейских корон была выброшена в канаву. Но эти судорожные усилия демократов быстро потерпели неудачу. Неопытность, разобщенность и зависть парализовали их действия и принесли победу старым правительствам. Французы, встревоженные кажущимся приближением коммунизма и анархии, прибегли к странному средству наполеоновской республики, которая в 1852 году была легко преобразована Луи Наполеоном в Империю по образцу империи его гораздо более могущественного дяди. Весной 1848 года демократы Германии добились поразительных успехов в борьбе со своими репрессивными правительствами, но обнаружили, что они не могут разработать рабочую конституцию для Отечества; и депутаты, собравшиеся в федеральной столице Франкфурте, чтобы объединить Германию "путем выступлений и большинства", увидели, как власть мало-помалу возвращается в руки монархов и принцев. В Австрийской империи националистические претензии и устремления привели к хаосу противоречивых разговоров и действий, среди которых молодой правитель Габсбургов Франциск Иосиф, благодаря военной помощи России, смог одержать победу над доблестью венгров и преданностью их защитника Кошута.

В Италии рассказывали ту же печальную историю. Весной того революционного 1848 года правители, быстро сменявшие друг друга, даровали конституции своим подданным. Папа-реформатор Пий IX и патриотически настроенный король Сардинии Карл Альберт также объединились со своими народами в попытке изгнать австрийцев из Ломбардии-Венеции; но папа и все властители, кроме Карла Альберта, быстро отказались от народного дела; трения между королем и республиканскими лидерами, Мадзини и Гарибальди, еще больше ослабили националистов, и австрийцам не составило труда сокрушить силы Карла Альберта, после чего он отрекся от престола в пользу своего сына Виктора Эммануила II. (1849). Республики,

основанные в Риме и Венеции, некоторое время доблестно боролись с большими трудностями - Мадзини, Гарибальди и их добровольцы были в конце концов побеждены в Вечном городе французскими войсками, которые Луи Наполеон послал восстановить Папу Римского (июнь 1849 г.); в то время как два месяца спустя Венеция сдалась австрийцам, которых она долгое время держала в страхе. Королева Адриатики под вдохновляющей диктатурой Манина явила собой замечательный пример упорядоченного конституционного правления во время осады.

Казалось, что уделом националистов и демократов было создавать лидеров, которые могли бы поразить воображение людей возвышенными учениями и возвышенным героизмом; которые могли, одним словом, достичь всего, кроме успеха. Поэтесса, смотревшая из окон Дома Гуиди на трагикомедию флорентийского провала тех лет, написала, что необходим был более прочный союз, более практичная и разумная деятельность как со стороны народа, так и со стороны будущего лидера:

Братство на земле
самое могущественное: люди в целом
таковы, какими они могут быть, нации - такими, какими они хотели бы быть.

Поэтому будь сильной, ты, Италия!
Будь благородной! Австриец Меттерних
Не может закрепить ярмо, если шея не согласна.

Какая бы рука ни взяла эту орифламму,
Какой бы мужчина (последний крестьянин или первый папа римский
Стремящийся освободить свою страну) появится,
Научит, поведет за собой, зажжет огонь в массах, наполнит
Эти пустые пузыри с чистым воздухом, наполняющие
Эти желания единством воли,
И превращающие Италию в нацию - дорогой
И благословенный будь этот человек!

Когда Элизабет Баррет Браунинг писала эти строки, она и предположить не могла, что два человека прокладывали себе путь вверх по ступеням политической лестницы в Пьемонте и Пруссии, чей острый интеллект и властная воля должны были сплотить их Отечества в неразрывный союз в течение одного знаменательного десятилетия. Этими людьми были Кавур и Бисмарк.

Было бы далеко не уместно в этом кратком Введении рассказывать, за исключением самых кратких очертаний, историю кропотливой подготовки и дальновидной дипломатии, с помощью которых эти государственные деятели подняли свои соответствующие страны из глубин унижения к невообразимым высотам триумфа. Первым делом нужно было восстановить престиж своих государств. Ни один народ не может быть сильным в действии, если он потерял

веру в свои силы и позволил своим соседям открыто пренебрегать этим. Мировая история снова и снова показывает, что политики, которые позволяют рассматривать свою страну как *неквалифицированную*, завещают какому-нибудь более способному преемнику наследие борьбы и войн - борьбы за то, чтобы нация восстановила свое самоуважение, и войны, чтобы вернуть уважение и справедливое отношение со стороны других. Сколько бы яростных ораторов в своих клубах ни осуждали притязания на национальный престиж, ни один великий государственный деятель никогда не недооценивал их важность. Безусловно, первой целью и Кавура, и Бисмарка было восстановить самоуважение и уверенность в своих государствах после унижений и унылой изоляции тех мрачных лет, 1848-51. Сначала мы взглянем на возрождение (*Рисорджименто*) маленького королевства Сардиния, которому было суждено объединить Италию.

Отречение Карла Альберта от престола сразу после его поражения от австрийцев не оставило его сыну и преемнику Виктору Эммануилу II иного выбора, кроме подписания катастрофического мира с Австрией. Вскоре храбрый молодой король призвал на свой совет графа Кавура, второго сына знатной пьемонтской семьи, но придерживающегося твердо либеральных принципов, который решил сделать маленькое королевство центром просвещения и надеждой отчаявшейся Италии. Он укрепил конституцию (единственную из многих, дарованных в 1848 году, которая пережила время реакции); он реформировал тариф в направлении свободной торговли; и в ходе Крымской войны он убедил своего государя заключить активный союз с Францией и Англией, чтобы обязать их всеми правами чести помогать Сардинии в будущем против Австрии. Случай был как нельзя более кстати, поскольку Австрию тогда подозревали и не любили как Россия, так и западные державы из-за ее политики вооруженного нейтралитета. Тем не менее награда за дипломатию Кавура приходила медленно и неполно. Умело расплывчатыми обещаниями (никогда не воплощавшимися в письменной форме) Кавур убедил Наполеона III. поднять оружие против Австрии; но после великой победы при Сольферино (24 июня 1859 г.) французский император привел итальянцев в ярость, прекратив борьбу до того, как союзники вернут себе великую провинцию Венеция, что он и обещал сделать сам. Хуже того, он требовал передачи Савойи и Ниццы Франции, если Центральные герцогства и северная часть Папской области присоединятся к королевству Сардиния, как это было сделано сейчас. Таким образом, конечным результатом вмешательства Наполеона в Италию стало приобретение им Савойи и Ниццы (ценой ненависти итальянцев), а также завоевание Ломбардии и центральных районов для национального дела (1859-60).

Душевные муки, вызванные этой сравнительной неудачей, подорвали здоровье Кавура; но в последние месяцы своей жизни он помогал вдохновлять и направлять революционные элементы в Италии на предприятие, которое закончилось поразительным и знаменательным триумфом. Это было не что иное, как свержение Гарибальди правления Бурбонов на Сицилии и Юге Италии. Благодаря попустительству Кавура этот лихой республиканец организовал экспедицию примерно из 1000 добровольцев близ Генуи, отплыл на Сицилию и несколькими ударами сбросил цепи тирании на этом острове. Примечательно, что британские военные корабли оказали ему скрытую, но важнейшую помощь в Палермо и снова при переправе на материк; эта своевременная помощь и присутствие в его рядах отряда британцев заложили основу той дружбы, которая с тех пор объединила две нации. В Калабрии герой встретил самое слабое сопротивление войск Бурбонов и самые бурные приветствия со стороны населения. В Салерно он взял билеты до Неаполя и въехал в столицу противника железнодорожным поездом

(7 сентября). Затем он намеревался, разгромив силы Бурбонов к северу от города, продолжить наступление на французов в Риме и провозгласить объединенную Италию.

Кавур позаботился о том, чтобы он не делал ничего подобного. Пьемонтский государственный деятель знал, когда идти вперед, а когда остановиться. Как сказал о нем его соотечественник Манцони, "Кавур обладает всем благоразумием и безрассудством истинного государственного деятеля". Он осмелился и победил в 1855-59 годах, и снова тайно поощряя предприятие Гарибальди. Теперь пришло время остановиться, чтобы закрепить завоевания для национального дела.

Лидер краснорубашечников, сделавший то, чего не мог сделать ни один король, отныне находился под контролем северной монархии. Виктор Эммануил выступил в роли *бога из машины*; его войска продвинулись на юг, заняв в ходе марша восточную часть Папской области, и объединились с гарибальдийцами к северу от Неаполя, предотвратив таким образом столкновение с Францией, к которому могли привести нерегулярные войска. Несмотря на это, Кавуру пришлось немало потрудиться, чтобы убедить Наполеона, что это единственный способ обуздать Гарибальди и предотвратить создание Южно-Итальянской республики; но в конце концов французский император с беспокойством наблюдал, как нарушаются права папы на восточные территории и как дело единства Италии обеспечивается за счет понтифика, которого Франция официально поддерживала в Риме. К *плебисциту*, или массовому голосованию жителей Сицилии, Южной Италии, восточной и центральной частей Папской области, Кавур прибегнул для того, чтобы набросить маску законности на эти незаконные процедуры. Это решение понравилось Наполеону, и оно привело к подавляющему числу голосов за присоединение к королевству Виктора Эммануила. Таким образом, в марте 1861 года король-солдат смог среди всеобщего одобрения принять титул короля Италии. Флоренция была объявлена столицей королевства (1864), которое охватывало все части Италии, за исключением провинции Венеция, относящейся к Австрии, и "Патримониума Петри", то есть Рима и его окрестностей, которые все еще удерживались папой римским и были расквартированы французами. Первое из них должно было быть возвращено *отечеству* в 1866 году, последнее - в 1870 году, вследствие великих побед, достигнутых тогда принципом гражданства в Пруссии и Германии. Теперь мы должны кратко рассказать об этих триумфах.

Никто из тех, кто смотрел на состояние европейской политики в 1861 году, не мог себе представить, что менее чем за десять лет Пруссия проведет три войны и смирит мощь Австрии и Франции. В то время она не проявляла признаков исключительной энергии: у нее еще не было таких вдохновляющих лидеров, как Мадзини и Гарибальди, ни такого способного государственного деятеля, как Кавур. Ее новый король Вильгельм, далекий от того, чтобы вызывать чувство растущего энтузиазма, которое было сосредоточено в Викторе Эммануиле, вызывал все большее недоверие и неприязнь либералов к политике милитаризма, к которой он только что приступил. Фактически, династия Гогенцоллернов вступала в "Период конфликта" со своим парламентом, который угрожал ослабить влияние Пруссии за рубежом и замедлить ее восстановление после периода унижений, через который она недавно прошла.

Краткий перечень этих унижений желателен, поскольку показывает, во-первых, внезапность, с которой дела нации могут пойти прахом в нерадивых и неумелых руках, и, во-вторых, огромные результаты, которых может достичь за несколько лет небольшая группа способных людей, отдающих все свое сердце делу национального возрождения.

Предыдущий правитель, Фридрих Вильгельм IV, был одаренным и образованным человеком, но ему не хватало здравости суждений и силы воли - качеств, которые более ценны в управлении, чем изящество интеллекта. Во время революционных вспышек 1848 года он капитулировал перед берлинской чернью и провозгласил конституционный режим, при котором Пруссия должна была войти в состав Германии; но когда эксцессы демократов ослабили их власть, он подавил их военной силой, отказался от германской короны, предложенной ему всенародно избранным германским парламентом, собравшимся во Франкфурте-на-Майне (апрель 1849 г.); и вслед за этим попытался сформировать меньший союз государств, а именно Пруссии, Саксонии и Ганновера. Этой "Лиге трех королей", как ее называли, вскоре пришел конец, поскольку она не удовлетворила националистов, желавших видеть Германию объединенной, конституционалистов, стремившихся к верховенству парламента, или сторонников старого порядка вещей. Колебания Фридриха Вильгельма и непрактичные рассуждения немецкого парламента во Франкфурте вызвали всеобщее отвращение, и Австрия без особых трудностей восстановила власть старой Германской конфедерации в сентябре 1850 года. Будучи сильной в своем союзе с Россией, она затем вынудила Фридриха Вильгельма подписать Ольмюцскую конвенцию (ноябрь 1850 г.). Этим унижительным соглашением он согласился отказаться от помощи немецким националистам в Шлезвиг-Гольштейне в свержении деспотического правления датчан; вывести прусские войска из Гессен-Касселя и Бадена, где вспыхнули междоусобицы; и признать верховенство старого федерального сейма под руководством Австрии. Таким образом, казалось, что прусская монархия была источником слабости и разобщенности для Северной Германии, и что Австрия, поддерживаемая мощью России, должна еще долго продолжать господствовать над громоздкой Германской конфедерацией.

Но молодой деревенский сквайр по имени Бисмарк уже тогда решил, что прусская монархия должна стать средством укрепления и объединения Отечества. Эта решимость свидетельствовала о патриотизме крепкой, обнадеживающей натуры; а молодой Бисмарк не был кем иным, как патриотом, крепким и обнадеживающим. Отпрыск древнего рода Бранденбургской марки, он привнес в дело своей жизни силы, унаследованные от предков-воинов; и его ум был не менее крепок, чем тело. Быстро разбираясь в массе деталей, он вскоре проникал в суть проблемы, и его решение было отмечено как безукоризненным мастерством, так и здравым смыслом в выборе людей и средств. В некоторых отношениях он напоминает Наполеона Великого. Пусть он уступал ему в широте взглядов и разносторонности дарований, которые отличают мирового гения, все же он был равен ему в дипломатической находчивости и умении наносить молниеносные удары; в то время как его бесценный дар умеренности придал его величайшим политическим достижениям основательность, которой никогда не обладали достижения могущественного завоевателя, который "стремился дать *mot d'ordre* вселенной". Если фигура пруссака не занимает такого большого места на полотне всемирной истории, как фигура корсиканца, если он не укротил Революцию, не перестроил общество и не реорганизовал Континент, то следует помнить, что он создал Объединенную Германию, в то время как Наполеон Великий оставил Францию меньше и слабее, чем он ее нашел.

Первые усилия Бисмарка, как и усилия Кавура в отношении Сардинии, были направлены на восстановление престижа своего государства. В начале своей официальной карьеры прусский патриот настаивал на целесообразности дружбы с Россией во время Крымской войны, и таким образом он способствовал тому сближению между Берлином и Санкт-Петербургом, которое сделало возможными великие победы 1866 и 1870 годов. В 1857 году Фридрих Вильгельм сошел с ума, и его брат Уильям взял бразды правления в свои руки в качестве регента, а в начале 1861

года - в качестве короля. Новый правитель был менее одарен, чем его несчастный брат; но его простой здравый смысл и непреклонная воля укрепили прусскую политику там, где она была наиболее слабой. Вскоре он оценил Бисмарка, назначил его на высокие дипломатические посты, и когда королевские предложения по усилению армии были решительно отклонены Палатой представителей Пруссии, он быстро послал за Бисмарком, чтобы тот выступил в качестве министра-президента (премьер-министра) и "укротил" непокорный парламент. Конституционный кризис становился все более и более острым, когда из-за действий датчан в делах Шлезвиг-Гольштейна на первый план выдвинулся великий национальный вопрос.

Не вдаваясь в очень запутанную паутину обычаев, договоров и династических претензий, из которых состоял вопрос Шлезвиг-Гольштейна, мы можем здесь заявить, что эти герцогства по древнему праву были очень тесно связаны друг с другом, что король Дании был всего лишь герцогом Шлезвиг-Гольштейнским, и что последнее герцогство, полностью немецкое по населению, входило в Германскую конфедерацию. В последнее время ярые националисты в Дании, предоставив Гольштейн его немецким связям, твердо решили "данифицировать" Шлезвиг, северная половина которого была полностью датской, и они настаивали на этой политике жесткими и нетерпимыми мерами, затрудняя или почти делая невозможным для немцев публичное богослужение на их родном языке и привлечение немецких учителей для своих детей в школах. Дела уже находились в очень напряженном состоянии, когда незадолго до смерти короля Фридриха VII. Дания (ноябрь 1863 г.) Ригсраад в Копенгагене утвердил конституцию Шлезвига, которая практически сделала бы его частью датской монархии. Король дал на это свое согласие, акт, который ратифицировал его преемник Кристиан IX.

Так вот, это действие нарушало последний договор, подписанный Державами в Лондоне в 1852 году, который урегулировал дела герцогств; и поэтому у Бисмарка были веские основания апеллировать к заинтересованным державам, а также к Германскому союзу, против этого нарушения договорных обязательств. Державы, особенно Англия и Франция, стремились навести порядок, но усилия нашего министра иностранных дел лорда Джона Рассела не возымели никакого эффекта. Германский союз также отказался предпринимать какие-либо шаги в отношении Шлезвига как находящегося вне его юрисдикции. Затем Бисмарк убедил Австрию помочь Пруссии в пресечении датских замыслов в отношении этого герцогства. Датчане, с другой стороны, рассчитывали на неофициальные выражения сочувствия, исходившие от жителей Великобритании и Франции при виде маленького государства, которому угрожают две могущественные монархии. На самом деле вся ситуация осложнялась этим взрывом чувств, который, как казалось датчанам, предвещал вооруженное вмешательство западных государств, особенно Англии, от их имени. Насколько известно, никаких официальных заверений на этот счет из Лондона так и не поступило. На самом деле, несомненно, что королева Виктория категорически запретила любой подобный шаг; но зло, причиненное сентиментальными ораторами, беспечными редакторами газет и мятежными назойливыми людьми, исправить было невозможно. Как впоследствии заявил лорд Джон Рассел в кратком "Эссе о политике Англии": "Некоторым английским советникам, обладающим большим влиянием, было приятно вмешаться в это дело; им удалось помешать британскому правительству, и в конце концов, с заявленной целью и, возможно, реальным намерением помочь Дании, их дружба привела к тому, что она вообще лишилась Гольштейна и Шлезвига". Это окончательное суждение ветерана государственного деятеля стоит процитировать, поскольку оно показывает его понимание вреда, причиненного благонамеренным, но

ошибочным сочувствием, которое подтолкнуло датчан к краху и на долгие годы омрачило наши отношения с Пруссией.

Нельзя сказать, что поведение немецких властей было безупречным. 16 января 1864 года они направили в Копенгаген требование об отмене конституции Шлезвига в течение двух дней. Министр иностранных дел Дании отметил, что, поскольку Ригсраад не заседает, это невозможно сделать в течение двух дней. Таким образом, на этом последнем этапе германские державы, несомненно, были агрессорами[1]. Прусские войска были готовы у реки Эйдер и сразу же вторглись в Шлезвиг. Вскоре датчане были разбиты на материке; затем наступила пауза, во время которой в Лондоне состоялась Конференция заинтересованных держав. Немецкий историк фон Сибель доказал, что первое серьезное предложение Пруссии о том, что она должна захватить оба герцогства, поступило тайно от Наполеона III. Напрасно лорд Джон Рассел предлагал разумный компромисс, а именно раздел Шлезвига между Данией и Германией в соответствии с языковой границей внутри герцогства. На это воюющие стороны выразили несогласие по деталям, прусский представитель заявил, что он не оставит ни одного немца под властью Дании. Таким образом, война была возобновлена и закончилась полным поражением более слабого государства, которое в конечном итоге передало оба герцогства Австрии и Пруссии (1864)[2].

Вопрос о разделе герцогств теперь стал одной из причин гораздо более масштабной войны между победителями; но, по правде говоря, это была лишь часть гораздо более масштабного вопроса, волновавшего Германию на протяжении веков, - должен ли баланс сил принадлежать Северу или Югу. Бисмарк также видел, что почти настало время раз и навсегда решить этот вопрос в пользу Пруссии; но ему стоило большого труда убедить даже своего собственного государя; в то время как прусский парламент, а также общественное мнение по всей Германии были яростно враждебны его планам и поддерживали притязания молодого герцога Аугустенбургского на герцогства - притязания, которые имели много оснований. Отношения между двумя германскими государствами были на время урегулированы Гаштайнской конвенцией (август 1865 г.), в то время как на самом деле каждое из них готовилось к войне и стремилось обрести союзников.

И здесь Бисмарку снова сопутствовал успех. После тщетных попыток *купить* Венецию у австрийского двора Италия согласилась встать на сторону Пруссии против этой Державы, чтобы силой отвоевать провинцию, которую она не могла надеяться получить мирным путем. Россия также была дружественна Берлинскому двору благодаря помощи, которую последний оказал ей в подавлении грозного восстания поляков в 1863 году. Оставалось заставить Францию замолчать. Бисмарк думал, что преуспел в этом благодаря беседам, которые он провел с Наполеоном III. в Биаррице (ноябрь 1865 г.). Что там произошло, точно неизвестно. То, что Бисмарк сыграл на слабости императора к угнетенным национальностям в случае с Италией, совершенно несомненно; то, что он питал к нему надежды получить Бельгию или кусочек немецкой земли, весьма вероятно, и тем не менее это так, потому что позже он с негодованием отрицал в рейхстаге, что он когда-либо "предлагал кому-либо уступить хотя бы одну немецкую деревню или хотя бы клеверное поле". В любом случае Наполеон, похоже, пообещал соблюдать нейтралитет - не потому, что он любил Пруссию, а потому, что ожидал, что

немецкие державы изматывают друг друга и таким образом оставляют его хозяином положения. Как и большинство мудрецов тех дней, он верил, что Пруссия и Италия в конечном итоге падут перед совокупным весом Австрии и германских государств, которые тесно следовали за ней в Конфедерации; после чего он мог вмешаться и диктовать свои собственные условия[3].

Бисмарк и командование прусской армии почти не сомневались в результате. Они были полны решимости развязать войну и в начале июня 1866 года выдвинули на Франкфуртском сейме предложения о "реформе" Германской конфедерации, главными из которых были исключение Австрии, создание германского парламента, избираемого голосованием среди мужчин, и формирование северогерманской армии под командованием короля Пруссии.

Подавляющее большинство Федерального сейма отклонило эти предложения, и война быстро разразилась, Австрию поддержали почти все германские государства, за исключением двух Мекленбургов.

Численное превосходство было против Пруссии, даже несмотря на то, что ей помогали итальянцы, действовавшие против Венеции. На этой стороне Австрия добилась полного успеха, как и в морском сражении близ Лиссы на Адриатике; но на севере Габсбурги и их немецкие союзники вскоре обнаружили, что организация, вооружение и гений значат больше, чем численность. Великий организатор фон Рун довел гражданскую армию Пруссии до такой степени эффективности, что это удивило всех; а скорострельное "игольчатое ружье" сеяло хаос и ужас среди врага. В полной мере используя преимущество своего центрального положения против германских государств, Пруссия быстро разгромила их изолированные и плохо управляемые силы, в то время как ее главные армии разгромили войска Австрии и Саксонии в Богемии. Австрийский план кампании состоял во вторжении в Пруссию двумя армиями - сравнительно небольшим отрядом, наступавшим из Кракова в качестве базы в Силезии, в то время как другой, действовавший из Ольмюца, продвигался через Богемию, чтобы присоединиться к саксонцам и двинуться на Берлин, около 50 000 баварцев присоединились к ним в Богемии для того же предприятия. Этот план быстро рухнул из-за близорукости баварского правительства, которое отказалось позволить своим войскам покинуть их собственную территорию; отсутствие железнодорожных сооружений в Австрийской империи также препятствовало продвижению двух крупных армий к северной границе. Прежде всего, быстрые и решительные действия пруссаков быстро вынудили союзников перейти к обороне, что само по себе было серьезным несчастьем на войне.

Тем временем прусский стратег фон Мольтке осуществлял гораздо более четкий план операций - посылать три прусские армии в центр Богемии и там формировать огромную массу, которая сметет все препятствия на пути к Вене. Этот план получил быстрое и умелое исполнение. Саксония была быстро захвачена, а вторжение трех крупных армий в Богемию вынудило австрийцев и их саксонских союзников поспешно изменить свои планы. Потерпев несколько поражений на севере Богемии, их главный отряд под командованием Бенедекка преградил путь двум армиям северной Пруссии на высотах к северу от города Кенигграц. Утром 3 июля защитники долго отбивали все лобовые атаки с большими потерями; но около двух часов дня Силезская армия под командованием наследного принца Фридриха Прусского, после двенадцатимильного форсированного марша, атаковала их правый фланг, где Бенедек не ожидал серьезного наступления. После отчаянных боев силезская армия овладела деревней Хлум в центре австрийских позиций и вынудила австрийцев и саксонцев к поспешному

отступлению за Эльбу. При этом австрийская пехота была спасена от уничтожения героической стойкой артиллерии. Несмотря на это, союзники потеряли более 13 000 убитыми и ранеными, 22 000 пленными и 187 орудий[4].

Кенигграц (или Садова, как его часто называют) решил судьбу всей кампании. Захватчики теперь быстро продвигались к Вене и в городе Никольсбург заключили Предварительные условия мира с Австрией (26 июля), после чего из Парижа пришел мандат, предписывающий им остановиться. Фактически, император Франции предложил свое вмешательство способом, наиболее угрожающим победителям. Он стремился отделить Италию от прусского союза, предложив Венецию в качестве подарка от себя в качестве левой руки - предложение, от которого итальянское правительство впоследствии отказалось.

Чтобы понять, как Наполеон III. пришел к переменам на фронте и опроверг свои прежние обещания, нужно заглянуть за кулисы. Уже известно достаточно, чтобы показать, что императора вынудили к этому его министры и парижская пресса, вероятно, также императрица Евгения. Хотя он, по-видимому, желал подружиться с Пруссией, он уже уступил их настойчивым просьбам остановить рост протестантского могущества Северной Германии. 10 июня, в начале войны, он тайно заключил мирный договор с Австрией, предоставив ей перспективу возвращения великой провинции Силезия (отторгнутой у нее Фридрихом Великим в 1740 году) в обмен на великодушную уступку Венеции Италии. Известие о Кенигграце вызвало бурную вспышку антипруссских настроений, но Наполеон отказался немедленно предпринимать какие-либо действия, хотя они могли бы оказаться очень эффективными.

Лучшим планом французского правительства было бы отправить на Рейн все опытные войска, оставшиеся в распоряжении после неудачного мексиканского предприятия Наполеона III, чтобы помочь находящимся в тяжелом положении южногерманским войскам, предложив также вооруженное посредничество Франции воюющим сторонам. В этом случае Пруссия, должно быть, отступила, а Наполеон III. мог бы диктовать Центральной Европе свои условия. Но его прежняя склонность к Пруссии и Италии, советы принца Наполеона ("Плон-Плон") и Лавалетта, а также уговоры прусского посла относительно компенсаций, которые Франция могла бы получить в качестве компенсации за усиление Пруссии, говорили о характере французского императора, всегда несколько вялого, а затем поверженного сильной внутренней болью; в результате он направил свои предложения по урегулированию спорных вопросов, но не предпринял никаких шагов для их приведения в исполнение. Таким образом, пролетели две недели, в течение которых пруссаки в полной мере пожинали плоды своего триумфа при Кенигграце; и только 29 июля, через три дня после подписания предварительных условий мира, министр иностранных дел Франции Друэн де Люис побеспокоил своего повелителя, тогда лежавшего ниц от боли в Виши, чтобы тот санкционировал следующие требования победоносной Пруссии: уступку Франции Рейнского Пфальца (принадлежащего Баварии), юго-западной части Гессен-Дармштадта и та часть Рейнской провинции Пруссии, лежащая в долине реки Саар, которую она приобрела после Ватерлоо. Это привело бы к тому, что на французской границе оказалась бы великая крепость Майнц (Mayence); но, как будет замечено, значительная часть этих завоеваний была бы осуществлена за счет южногерманских государств, дело которых Франция провозгласила своим искренним желанием защищать от посягательства Пруссии.

Бисмарк позаботился о том, чтобы иметь официальную копию этих требований в письменном виде, использование которой вскоре появится; и, раздобыв этот драгоценный документ, он бросил вызов французскому посланнику, заявив ему, что король Вильгельм, скорее, чем согласится на такую капитуляцию немецкой земли, заключит мир с Австрией и германскими государствами на любых условиях и вторгнется во Францию во главе сил объединенной Германии. Этот ответ вызвал очередную перемену обстановки при дворе Наполеона. Требования были дезавуированы, и министр иностранных дел Друэн де Луйс подал в отставку[5].

Полнота победы Пруссии над Австрией и ее немецкими союзниками, а также подготовка венгров к восстанию, побудили Венский двор принять прусские условия, которые были закреплены в Пражском мирном договоре (23 августа); ими были прямая уступка Венеции Италии; исключение Австрии из дел Германии и ее согласие с ожидающими там изменений; уступка Пруссии Шлезвиг-Гольштейна; и выплата 20 000 000 талеров (около 3 000 000 фунтов стерлингов) в качестве военной контрибуции. Смягчение этих условий должно было привести к весьма примечательному результату, а именно к быстрому примирению двух держав: в течение двадцати лет они были прочно объединены в Тройственный союз с Италией (см. Главу X.).

Некоторые трудности стояли на пути к миру между Пруссией и ее бывшими врагами в Германском союзе, особенно Баварией. Эти последние были сняты, когда Бисмарк в частном порядке сообщил баварскому министру иностранных дел о секретном требовании Франции об уступке Баварского Пфальца. В августе месяце южногерманские государства Бавария, Вюртемберг и Баден приняли условия Пруссии, в соответствии с которыми они выплатили небольшие военные контрибуции и признали новую конституцию Германии. Внешне они образовали Южногерманскую конфедерацию; но это имело очень теневое существование; и три государства по секретным договорам с Пруссией согласились передать свои армии и все военные мероприятия, в случае войны, под контроль короля Пруссии. Таким образом, в течение месяца после окончания "Семинедельной войны" вся Германия была тихо, но твердо связана общими действиями в военных вопросах; и действия Франции не оставляли сомнений в необходимости этих своевременных мер предосторожности.

По отношению к тем германским государствам, которые стояли на пути территориального развития Пруссии и проявляли явную враждебность, Бисмарк вел себя сурово. Королевство Ганновер, Избирательный Гессен (Гессен-Кассель), герцогство Нассау и Вольный город Франкфурт были полностью аннексированы, Пруссия, таким образом, получила прямой контакт со своими Вестфальскими и Рейнскими провинциями. Поглощение Франкфурта-на-Майне и образование новой лиги, Северогерманской конфедерации, уничтожили всю старую федеральную машину и определили Берлин, а не Вену или Франкфурт, как будущий руководящий центр Отечества. Несомненно, осознание огромных успехов национального дела побудило прусский парламент принять Законопроект о возмещении ущерба, освобождающий королевских министров от ответственности за незаконные действия, совершенные ими во время "Периода конфликта" (1861-66) - действия, которые спасли Пруссию вопреки ее парламенту.

Конституционная свобода также в значительной степени выиграла от результатов войны. Новая Северогерманская конфедерация была основана на общепризнанном избирательном праве

мужчин не потому, что король Вильгельм или Бисмарк любили демократию, а потому, что после того, как они недавно заявили о своей приверженности ей как основе реформы старой Конфедерации, они не могли отступить в час триумфа. Как Бисмарк впоследствии признался своему секретарю доктору Бушу, "Я принял всеобщее избирательное право, но с неохотой, как франкфуртскую традицию" (т.е. демократического парламента Франкфурта в 1848 году)[6]. Таким образом, все земли между Неманом и Майном были объединены в Конфедерацию, основанную на конституционных принципах, хотя руководящие полномочия короля и его министров по-прежнему были намного шире, чем в Великобритании. К этому вопросу мы вернемся, когда будем рассматривать Германскую империю, образованную союзом Северо- и Южногерманской конфедераций 1866 года.

Австрия также вскоре была вынуждена уступить настойчивым требованиям венгерских патриотов об их древней конституции, в которой удачно сочетались монархия и демократия. Соответственно, централизованная монархия Габсбургов была преобразована *Ausgleich* (компромиссом) 1867 года и стала Двойной монархией Австро-Венгрии, две части королевства управлялись совершенно раздельно для большинства целей правления и были объединены только для целей организации армии, внешней политики и финансов. Парламентский контроль стал доминирующим в каждой части империи, и недовольство, вызванное автократическим или бюрократическим правлением, исчезло из Венгрии. Они исчезли также из Ганновера и Гессен-Касселя, где правители гвельфов и курфюрсты в целом подавляли народные движения.

Однако величайшим из всех результатов войны 1866 года был успех национального дела в Германии и Италии. Народы, которые долгое время были разделены, теперь за короткий промежуток в три месяца оказались в поле зрения долгожданного единства. Стремительность этих событий ослепила людей, заставив осознать их непреходящее значение, и создалось впечатление, что прусский триумф был подобен триумфу Наполеона I. Слишком внезапный и блестящий, чтобы длиться долго. Те, кто рискнул вынести такой вердикт, забыли, что его политические договоренности для Европы нарушали все инстинкты национальной солидарности; в то время как договоренности 1866 года служили объединению доселе разделенных народов Северной Германии и Италии вокруг монархий, которые оказались единственно возможными объединяющими пунктами в их соответствующих странах. Именно это согласование требований и устремлений монархии, национальности и демократии придало урегулированию 1866 года непреходящее значение и подготовило два народа к завершающему триумфу 1870 года.

СНОСКИ:

[1] Лорд Вудхаус (впоследствии граф Кимберли) в то время был направлен со специальной миссией в Копенгаген. Когда его официальная переписка будет опубликована, это, вероятно, прольет свет на многие моменты.

[2] Sybel, *Die Begründung des deutschen Reiches*, vol. iii. pp. 299-344; Débidour, *Hist. дипломатический журнал Европы*, том ii. стр. 261-273; Лоу, *Жизнь Бисмарка*, том i, глава vi.; Хедлам, *Бисмарк*, глава I. viii.; Лорд Малмсбери, *Мемуары бывшего министра*, стр. 584-593

(небольшое издание); Спенсер Уолпол, *Жизнь лорда Дж. Рассела*, том ii. стр. 396-411.

В некоторых отношениях причина разорения Дании в 1863-64 годах имеет замечательное сходство с той, которая привела к войне в Южной Африке в 1899 году, а именно. своевольные действия меньшинства по отношению к людям, к которым они относились как к чужакам, упрямое упорство меньшего государства и зависимость от неистовых, но (вероятно) неофициальных предложений помощи или вмешательства со стороны других наций.

[3] Буш, *Наш канцлер*, том ii. стр. 17 (англ. ред.); Дебидур, *Дипломатическая история Европы (1814-1878)*, том ii. стр. 291-293. Лорд Лофтус в своих *Дипломатических воспоминаниях* (том ii, стр. 280) говорит: "Бисмарк был настолько доволен, что мог рассчитывать на нейтралитет Франции, что никаких оборонительных военных мер на Рейне и западной границе предпринято не было. Он не опасался России на восточной границе и поэтому смог сосредоточить военную мощь Пруссии против Австрии и ее южногерманских союзников."

Свет на торговые отношения между Италией и Пруссией пролили *Мемуары генерала Говоне*, который считал Бисмарка жестким торговцем.

[4] Сибель, *Основы немецкого рейха*, т. v., стр. 174-205; *Дневники фельдмаршала графа фон Блюментала за 1866 и 1871 гг.* (англ. ред.), стр. 37-44.

[5] Сибел, указ. соч. т. v. стр. 365-374. Дебидур, указ. соч., том ii. стр. 315-318. См. также том viii. о работе Оливье "*Либеральная империя*", опубликованной в 1904 году; и работе М. де ла Горса "*История второй империи*", том vi. (Париж, 1903).

[6] Буш, *Наш канцлер*, том ii. стр. 196 (английская редакция).

ГЛАВА I

ПРИЧИНЫ ФРАНКО-ГЕРМАНСКОЙ ВОЙНЫ

"После рокового 1866 года империя находилась в состоянии упадка". - Л. ГРЕГУАР, *История Франции*.

Ирония истории нигде так не проявляется, как в любопытной судьбе, позвавшей Наполеона III. на то место, которое когда-то занимал Наполеон I. и в то самое время, когда национальные движения, невольно вызванные к энергичной жизни великим воином, достигали полной силы возмужания. Наполеон III. во многих отношениях был мечтателем с благими намерениями, который, к несчастью для себя, позволил своим мечтам вторгнуться в моменты бодрствования. По правде говоря, его вялый, но очень настойчивый ум никогда не видел достаточно ясно, где мечты должны уступить место реальности; или, как выразился М. де Фаллу, "Он не знает разницы между сновидениями и мышлением"[7]". Таким образом, его политика демонстрировала странную смесь щедрой туманности и запоздалой практичности.

Долгое изучение политики своего дяди показало ему, и достаточно справедливо, что его ошибка заключалась в подавлении чувства национальности в Германии и других странах. Племянник решил избежать этой ошибки и изобразить из себя защитника угнетенных и разделенных народов Италии, Германии, Польши и Балканского полуострова - программа, которая обещала удовлетворить идеальные устремления французов, поставить в неловкое положение династии, свергнувшие первого Наполеона, и принести значительные выгоды его племяннику. Конечно, так было и в случае с Италией; его поддержка румын также помогла в создании этого интересного княжества (1861) и завоевала расположение России; но он быстро утратил это из-за своих совершенно неэффективных усилий от имени поляков в 1863 году. Однако его большие ошибки были совершены в 1863 году и после него, когда он погрузился в мексиканскую политику с химерической целью основания Римско-католической империи в Центральной Америке и поддержал возвышение Пруссии в связи с вопросом о Шлезвиг-Гольштейне. С помощью первого из них он запер немалую часть своей армии в Мексике, когда она была ему очень нужна на Рейне; с помощью второго он способствовал подъему мощной северогерманской мощи.

Как мы видели, он тайно посоветовал Пруссии захватить и Шлезвиг, и Гольштейн, объявив тем самым о своем желании эффективного союза немцев с единым великим государством, состоящим почти исключительно из немцев. "Я всегда буду последователен в своем поведении", - сказал он. "Если я боролся за независимость Италии, если я возвысил свой голос за польское гражданство, у меня не может быть других чувств в Германии или подчиняться другим принципам". Это заявление говорило скорее о доктринере, чем о государственном деятеле. Не обращая внимания на шум, который французские шовинисты и ярые католики подняли против его вооруженной поддержки итальянского национального дела в 1859 году, он теперь предложил продолжить усиление протестантской северогерманской державы, которая стремилась разделить Францию в 1815 году.

Шумиха, вызванная его пристрастием к Пруссии в 1864-66 годах, естественно, была гораздо более яростной по мере того, как интересы Франции были поставлены на карту. Пруссия удерживала Рейнскую провинцию; и французские патриоты, которые цеплялись за доктрину "естественных границ" - океана, Пиренеев, Альп и Рейна, - смотрели на нее как на естественного врага. Они указывали на то, что миллионы французов пролили свою кровь в революционных и наполеоновских войнах, чтобы победить и удержать границу по Рейну; и их самый

красноречивый оратор, г-н Тьер, посвятивший свои исторические таланты прославлению тех великих дней, страстно выступал против политики содействия росту наследственного врага.

Мы уже видели результаты этой борьбы между пропрусскими слабостями императора и страстными предрассудками французов, чья любовь к угнетенным и разделенным нациям росла пропорционально их удаленности от Франции и сменилась подозрительностью или ненавистью в случае с ее соседями. В 1866 году под натиском министерских споров и ораторских атак политика Наполеона III слегка поколебалась, тем самым обеспечив государственному искусству Бисмарка решающий триумф по всей линии. Напрасно он в конце того года напоминал прусскому государственному деятелю о своих прежних обещаниях (всегда сдержанно расплывчатых) компенсации Франции и дипломатически прошупывал Бельгию или, по крайней мере, Люксембург[8]. Напрасно г-н Тьер заявлял в Палате депутатов, что Франция, признавая свершившиеся факты в Германии, должна "твердо заявить, что мы не позволим им идти дальше" (14 марта 1867 г.). Бисмарк ответил на этот вызов французского оратора, опубликовав пять дней спустя доселе секретные военные союзы, заключенные с южногерманскими государствами в августе 1866 года. Отныне Франция знала, что война с Пруссией будет войной с объединенной Германией.

В следующем году Цольферайн, или Таможенный союз Германии (который постепенно рос с 1833 года), принял определенно национальную форму в Таможенном парламенте, который собрался в апреле 1868 года, объединив таким образом Германию как в торговых, так и в военных целях. Этот резкий отпор последовал в то время, когда трон Наполеона пошатнулся после полного провала его мексиканской экспедиции; кроме того, он больше, чем когда-либо, нуждался в народной поддержке во Франции для установления более конституционного правления. В начале 1867 года он пытался выкупить Люксембург у Голландии. Это действие вызвало бурю гнева в Пруссии, которая имела право разместить гарнизон в Люксембурге; но вопрос был улажен Конференцией держав в Лондоне, герцогство было объявлено нейтральной территорией под гарантии Европы; укрепления его столицы также должны были быть снесены, а прусский гарнизон выведен. Этот успех французской дипломатии был повторен в Италии, где французские войска, поддерживавшие папу Римского, подавили попытки Гарибальди и его иррегулярных войск захватить Рим в кровопролитной битве при Ментане (3 ноября 1867 г.). Официальное сообщение, в котором говорилось, что новая французская винтовка, *chassepôt*, "сотворила чудеса", вызвало ликование во Франции и резкие антигалльские настроения по всей Италии.

И в то время как Италия изнывала от тоски по своей природной столице, народные настроения во Франции и Северной Германии неуклонно вели к войне.

Прежде чем перейти к заключительным стадиям спора, возможно, было бы неплохо взглянуть с высоты птичьего полета на состояние главных держав в той мере, в какой это объясняет их отношение к великой борьбе.

Состояние французской политики было странно сложным. Император всегда заявлял, что он избранник Франции и в конечном счете увенчает свое политическое здание краеугольным камнем конституционной свободы. Если бы он сделал это в успешные 1855-61 годы, возможно, его династия пустила бы корни. Однако он отложил действия до более мрачных лет, которые наступили после 1866 года. В 1868 году прессе и в случае проведения публичных собраний была предоставлена большая свобода. Всеобщие выборы весной 1869 года показали большие

успехи оппозиции и решили, что император предоставит Легислатурному корпусу право инициировать законы одновременно с ним, и он объявил, что министры должны нести ответственность перед ним (сентябрь 1869 г.).

Эти и несколько других изменений ознаменовали переход от автократии к "Либеральной империи". Один из поборников конституционных принципов, мсье Эмиль Оливье, сформировал кабинет для проведения в жизнь новой политики, и император, сочтя, что настало время укрепить свою власть на демократической основе, провел со страной *плебисцит*, или массовое голосование, в первую очередь относительно их мнения о недавних изменениях, но косвенно относительно их доверия к имперской системе в целом. Его умение объединить две действительно разные темы принесло ему тактическую победу. Было подано более 7 350 000 голосов "за" против 1 572 000 "против"; в то время как 1 900 000 избирателей не проголосовали. Этот успех на выборах придал смелости сторонникам Империи; и очень многие из них, особенно, как полагают, императрица Евгения, считали, что для того, чтобы поставить династию Наполеонов на прочную основу, оставалось только одно - успешная война.

Сторонники автократии указывали, что рост радикализма совпал с периодом военных неудач и дипломатического пренебрежения. В сущности, говорили они, пусть Наполеон III подражает политике своего дяди, который, пока ослеплял Францию своими триумфами, мог позволить себе смеяться над усилиями сторонников конституции. Большие города могли разглагольствовать о свободе; но чего хотела Франция, так это славы и сильного правительства. Таковы были их просьбы: в прошлой истории Франции было многое, что их поддерживало. Ответственные советники императора решили взять более решительный тон во внешних делах, в то время как отъявленные бонапартисты ревниво выискивали любые признаки официальной слабости, чтобы подорвать позиции министерства Оливье и вернуться к абсолютизму. Когда две великие партии в государстве делают национальный престиж ключевым словом политической игры, мир не может быть безопасным: такова была позиция Франции в начале 1870 г.^[9].

Канун франко-германской войны был временем огромной важности для Соединенного Королевства. Законопроект о реформе 1867 года привел к значительному притоку власти к Либеральной партии; а Всеобщие выборы в ноябре 1868 года быстро привели к отставке Кабинета Дизраэли и приходу к власти министерства Гладстона. Это предвещало перемены не только во внутренних делах. Традиция энергичной внешней политики умерла вместе с лордом Пальмерстоном в 1865 году. С приходом Джона Брайта в новый кабинет министров "мир любой ценой" стал доминирующей нотой британской государственной мудрости. В пользу этого можно было многое сказать. Англии требовалось время отдыха, чтобы справиться с недовольством Ирландии и проблемами, вызванными ростом демократии и коммерциализма на более крупном острове. Ликвидация и частичное лишение прав протестантской церкви в Ирландии (июль 1869 г.), Закон об ирландской земле (август 1870 г.) и Закон об образовании 1870 г. показали озабоченность Министерства внутренних дел; в то время как готовность, с которой немного позже они выполнили все пожелания Соединенных Штатов в деле "Алабамы", в равной степени свидетельствовала об их мирных намерениях. Англия, которая в 1860 году оказала столь сильное влияние на итальянский национальный вопрос, в течение пяти лет была фактором, не имеющим большого значения в европейских делах. Наш нейтралитет не только не радовал воюющих сторон, но и раздражал их обоих. Французы обвинили Англию в "дезертирстве" Наполеона III. в трудный для него момент - обвинение, которое недавно было возобновлено г-ном Аното. На это только необходимо ответить, что французский император

вступил в союз с нами во время Крымской войны исключительно ради своих личных целей и позволил положить конец всем дружеским чувствам из-за угроз Франции о вторжении в Англию в 1858 году и своего подлого отношения к Италии в вопросе о Савойе и Ницце годом позже. Со своей стороны, Бисмарк также жаловался, что наши чувства к делу Германии не заходили дальше "теоретической симпатии" и что "во время войны Англия никогда не компрометировала себя настолько в нашу пользу, чтобы поставить под угрозу свою дружбу с Францией. Как раз наоборот." Эти расплывчатые и загадочные обвинения, по сути, лишь выражают раздражение воюющих сторон из-за их неспособности привлечь нейтралов к борьбе[10].

Традиции Соединенных Штатов, конечно, запрещали им вмешиваться во франко-прусский спор. Статьей своего политического кредо, названной Доктриной Монро, они подтвердили свою решимость не вмешиваться в европейские дела и предотвращать вмешательство любого строго европейского государства в дела Нового Света. Именно исходя из этой довольно расплывчатой доктрины, они крикнули французскому императору "руки прочь" от Мексики; и оставление французскими войсками его *протеже*, так называемого императора Максимилиана, привело к смерти этого несчастного принца и ощутимому падению престижа его покровителя (июнь 1867 г.).

Россия также помнила о победе Наполеона III над поляками в 1863 году, которая, какой бы платонической по своему характеру она ни была, привела царя в некоторое замешательство. Более того, король Вильгельм Прусский успокоил чувства царя, взбудораженные свержением трех немецких династий в 1866 году, умелым ответом, в котором упоминалось о его (короля Вильгельма) желании служить интересам России в других местах - намек, который дипломаты Санкт-Петербурга в какой-то степени запомнили в 1870 году.

В остальном царь Александр II (1855-81) и его министры все еще были поглощены внутренней политикой реформ, которая в шестидесятые годы освободила крепостных и дала России новые судебные и местные институты, обреченные быть сметенными реакцией после убийства этого просвещенного правителя. Поэтому русское правительство обязалось соблюдать нейтралитет, но в некотором смысле благоприятный для Пруссии. Царь приписал Крымскую войну амбициям Наполеона III и вспомнил о дружбе Пруссии в то время, а также о Польском восстании 1863 года[11]. Политика Бисмарка теперь принесла свою награду.

Нейтралитет России всегда является вопросом первостепенной важности для Центральных держав в любой войне на их западных границах. Их усилия против революционной Франции в 1792-94 годах потерпели неудачу главным образом из-за двусмысленного отношения царицы Екатерины II.; а крах политики Фридриха Вильгельма IV в 1848-51 годах был вызван враждебностью его восточного соседа. Фактически, устранение беспокойства по поводу ее открытой границы на востоке теперь стоило Пруссии четверти миллиона человек.

Но нейтралитет царя в одном вопросе был явно дружественным по отношению к его дяде, королю Вильгельму Прусскому. Ни для кого не секрет, что из Санкт-Петербурга в Вену ходили недвусмысленные намеки на то, что, если Австрия обнажит меч за Наполеона III. ей пришлось бы считаться с вторжением русских на ее открытую галицийскую границу. Вероятно, этим объясняется поведение Державы Габсбургов, которое иначе необъяснимо. Война-реванш против Пруссии казалась естественным шагом. Правда, у императора Франциска Иосифа было

мало причин любить Наполеона III. Потеря Ломбардии в 1859 году все еще терзала сердце каждого австрийского патриота, а подозрения, которые сумел вызвать этот загадочный правитель, помешали какому-либо определенному соглашению, достигнутому в результате встречи двух государей в Зальцбурге в 1867 году.

Отношения Франции и Австрии все еще находились в таком же неопределенном состоянии перед войной 1870 года. Внешняя политика Австрии находилась в руках графа Бойста, злейшего врага Пруссии; но после уступки Венгрии конституционного правления в результате компромисса (*Ausgleich*) 1867 года Двоевластной монархии срочно требовался отдых, тем более что ее армия претерпевала множество изменений. Таким образом, действия канцлера были затруднены со всех сторон. Тем не менее, когда люксембургское дело 1867 года приблизило Францию и Пруссию к войне, Наполеон начал заигрывать с Венским двором. Как далеко они зашли, неизвестно. Бойст утверждал в своей переписке с министром иностранных дел Франции герцогом де Грамоном (бывшим послом в Вене), что они никогда не были чем-то большим, чем дискуссиями, и что они завершились в 1869 году без какого-либо письменного соглашения. Единственное понимание заключалось в том, что политика обоих государств должна быть дружественной и миролюбивой, при этом Австрия оставляла за собой право сохранять нейтралитет, если Франция будет вынуждена вступить в войну. Две империи также пообещали не вступать в какие-либо контакты с третьей державой, не поставив в известность другую.

Это утверждение не очень убедительно. Государства обычно не связывают себя только что описанными обязательствами, если только у них нет какого-либо выгодного соглашения с Державой, которая первой претендует на их союз. Примечательно, однако, что герцог де Грамон в переписке, упомянутой выше, признает, что в качестве посла и министра иностранных дел Франции ему никогда не приходилось требовать поддержки Австрии в войне с Пруссией[12].

Как нам согласовать эти заявления с несомненным фактом, что император Наполеон, безусловно, ожидал помощи от Австрии, а также от Италии? Решение загадки, по-видимому, заключается в том, что Наполеон, а также Франциск Иосиф и Виктор Эммануил держали своих министров иностранных дел в неведении по многим вопросам высокой политики, которые они обсуждали либо в частных письмах между собой, либо через военных, пользовавшихся их доверием. Французские и итальянские монархи, безусловно, использовали эти методы, последний потому, что он симпатизировал французам гораздо больше, чем его министры.

Еще в 1868 году Виктор Эммануил делал предложения Наполеону о заключении союза, главной целью которого, с его точки зрения, было обеспечить эвакуацию Рима французскими войсками и завоевание Вечного города для национального дела. Принц Наполеон поддержал эту схему, и из статьи, написанной им, мы знаем, что два монарха обсуждали этот вопрос почти исключительно посредством конфиденциальных писем[13]. Эти обсуждения продолжались вплоть до июня 1869 года. Франциск Жозеф, узнав о них, призвал французского императора удовлетворить Италию и таким образом проложить путь к союзу между тремя державами против Пруссии. Из этого дела не вышло ничего определенного, и главным образом, по-видимому, благодаря влиянию императрицы Евгении и французских священнослужителей. Говорят, она заметила: "Лучше пруссаки в Париже, чем итальянские войска в Риме". Таким образом, дипломатическая ситуация оставалась неопределенной, хотя на второй неделе июля 1870 года

император снова взялся за нити, которые, прояви он большую твердость и дальновидность, он мог бы сплести в твердый план.

Взаимопонимание между тремя державами продвинулось только в том, что касалось военных приготовлений. Австрийский эрцгерцог Альбрехт, победитель при Кустозе, горел желанием отомстить за поражение при Кенигграце и с этой целью посетил Париж в феврале-марте 1870 года. Затем он предложил Наполеону вторжение в Северную Германию армий Франции, Австрии и Италии. Французский император разработал план путем более конкретных предложений, которые он сделал в июне месяце; но его министры были настолько далеки от понимания этих военных предложений, что тогда они предлагали сократить французскую армию на 10 000 человек, в то время как Оливье, премьер-министр, 30 июня заявил Французской палате, что мир никогда не был так гарантирован[14].

И все же в тот же день генерал Лебрен, адъютант императора, составлял в Париже конфиденциальный отчет о миссии, которую ему недавно поручили австрийские военные власти. Из этого отчета мы извлекаем следующие сведения. По прибытии в Вену он провел три частные беседы с эрцгерцогом Альбрехтом и изложил ему желательность совместного вторжения в Северную Германию осенью того же года. На это эрцгерцог возразил на том основании, что такую кампанию следовало бы начать весной, если мы хотим собрать все плоды победы до наступления коротких дней. Австрия и Италия, по его словам, не смогли разместить адекватные силы на местах менее чем за шесть недель из-за отсутствия железных дорог[15].

Развивая свои собственные взгляды, эрцгерцог затем предположил, что было бы желательно, чтобы Франция начала войну против Северной Германии не позднее середины марта 1871 года, а Австрия и Италия одновременно начали свою мобилизацию, хотя и не объявляли войну до тех пор, пока их армии не будут готовы по истечении шести недель. Две французские армии должны тем временем пересечь Рейн, чтобы отрезать южных немцев от Конфедерации Севера, одна из них двинется к Нюрнбергу, где к ней присоединятся западная армия Австрии и итальянские войска, переброшенные через Тироль. Затем другая австрийская армия вторглась бы в Саксонию или Лужицу, чтобы нанести удар по Берлину. Он оценил силы враждебных Пруссии государств следующим образом: --

	Люди.	Лошади.	Пушка.
Франция	309 000	35 000	972
Австрия (без учета резерва)	360 000	27 000	1128
Италия	68 000	5000	180
Дания	260 000 (?)	2000	72

Он таким образом подсчитал силы двух германских конфедераций:

	Люди.	Лошади.	Пушка.
Север	377,000	48,000	1284

но на поддержку последнего можно было надеяться. Лебрен снова настаивал на желательности кампании осенью, но эрцгерцог повторил, что она должна начаться весной. В этом условии, как и в его более раннем заявлении о том, что Франция должна первой объявить войну, пока ее союзники готовятся к войне, мы можем разглядеть глубоко укоренившееся недоверие к Наполеону III.

14 июня эрцгерцог представил Лебрена императору Франциску Иосифу, который сообщил ему, что хочет мира; но, добавил он, "если я начну войну, я должен быть вынужден к этому". В случае войны Пруссия могла бы использовать национальные немецкие настроения, существующие в Южной Германии и Австрии. Он закончил следующими словами: "Но если бы император Наполеон, вынужденный принять или объявить войну, пришел со своими армиями в Южную Германию не как враг, а как освободитель, я был бы вынужден со своей стороны заявить, что я [буду] действовать заодно с ним. В глазах моего народа я не мог поступить иначе, как объединить свои армии с армиями Франции. Вот что я прошу вас передать от моего имени императору Наполеону; я надеюсь, что он, как и я, поймет мое положение как во внутренних, так и во внешних делах". Таков был отчет, который Лебрен составил для Наполеона III. 30 июня. Это, безусловно, заставило этого государя поверить в вероятность австрийской помощи весной 1871 года, но не раньше того времени.

Теперь возникает вопрос, знал ли Бисмарк об этих предложениях. Если бы в Вене преобладали воинственные настроения, вполне вероятно, что были бы сделаны какие-то приготовления, и секрет мог просочиться наружу таким образом или, возможно, через венгерскую администрацию. В любом случае Бисмарк знал, что австрийский канцлер граф Бойст жаждал мести за события 1866 года[16]. Если бы он услышал какие-либо слухи о приближающемся союзе против Пруссии, он, естественно, увидел бы преимущество в том, чтобы начать войну немедленно, прежде чем Австрия и Италия будут готовы вступить в бой. Вероятно, в этом факте будет найдено одно из объяснений происхождения франко-германской войны.

Прежде чем обратиться к непосредственной причине разрыва, мы можем отметить, что депеша Бойста от 11 июля 1870 года принцу Меттерниху, австрийскому послу в Париже, демонстрировала неподдельный страх, как бы Франция вслепую не ринулась в войну с Пруссией; и он поручил Меттерниху тактично предостеречь французское правительство от такого курса действий, который "противоречил бы всему, о чем мы договорились ... Даже если бы мы захотели, мы не смогли бы внезапно снарядить достаточно крупные силы ... Наши услуги в определенной степени заручились [Францией] но мы не пойдем дальше, если события не подтолкнут нас вперед; и мы не мечтаем ввязываться в войну, потому что это могло бы устроить Францию".

Однако опять же военные, похоже, надавили на дипломатов. Эрцгерцог Альбрехт и граф Вицтум отправились в Париж, получив некоторые обещания поддержки Франции в случае войны. После этого граф Бойст заверил в Вене, что австрийцы будут "верны нашим обязательствам, как они были зафиксированы в письмах, которыми в прошлом году обменялись два монарха. Мы рассматриваем дело Франции как наше, и мы внесем свой вклад в успех ее оружия в меру наших сил[17]."

В этом лабиринте противоречивых целей становится ясно одно: оба императора действовали за спинами своих министров и что военачальники Франции и Австрии поставили свои государства на грань войны, в то время как их министры и дипломаты не подозревали о близости опасности.

Как мы видели, король Виктор Эммануил II. жаждал обнажить меч ради Наполеона III, чью помощь Италии в 1859-60 годах он так странно переоценил. К счастью для Италии, его министры более практично взглянули на ситуацию; но, вероятно, они тоже объединились бы с Францией, если бы получили конкретное обещание вывести французские войска из Рима и удовлетворить желания итальянцев сделать Вечный город национальной столицей. Это обещание французский император отказался дать даже после начала войны, хотя его двоюродный брат, принц Наполеон, яростно убеждал его уступить в этом вопросе[18].

По правде говоря, император просто не мог уступить. Вселенский собор заседал в Риме с декабря 1869 по июль 1870 года; его ультрамонтанские тенденции были повсюду ярко выражены в противовес "старокатолическим" взглядам; и было предreshено, что Собор проголосует за догму о непогрешимости Папы в вопросах религии - как это было за день до того, как Франция объявила войну Пруссии. Как же тогда мог император, "старший сын Церкви", как гордо именовали себя французские монархи, уступить Рим итальянскому правительству, уже запятнанному святотатством, когда этот венценосный ореол благодати вот-вот должен был окружить видимого Главу Церкви? Выхода из этой дилеммы не было. Либо Наполеон должен вступить в войну под крики "Иуда", которые бросают в его адрес все благочестивые католики; либо он должен попытаться счастья без столь желанной помощи Австрии и Италии. Он выбрал последнюю альтернативу, во многом, по-видимому, из-за влияния своей яростно настроенной императрицы-католички[19]. После первых поражений он попытался начать переговоры, но потом было уже слишком поздно. Принц Наполеон отправился во Флоренцию и прибыл туда 20 августа; но все его усилия не смогли вывести итальянский кабинет министров из нейтралитета.

Даже этот краткий обзор международных отношений показывает, что Наполеон III. был источником слабости Франции. Захватив власть вероломным путем, он на протяжении всего своего правления стремился поразить французов серией авантюр, которые действительно на какое-то время понравились парижанам, но ценой длительного недоверия между Державами. Великодушный в своих целях, сначала он подружился с немецким и итальянским национальными движениями, но лишился всех плодов этих действий из-за своего мелочного поведения в отношении Савойи и Ниццы, Рейнской области и Бельгии; в то время как его последние попытки угодить французским клерикалам и шовинистам[20] поддерживая Папу в Риме, он лишился поддержки государств, которые могли бы вернуть прежнюю власть. грубые ошибки. Короче говоря, оказывая помощь националистам Северной Германии и Италии, он оскорбил общественное мнение Франции; и его запоздалые и судорожные попытки вернуть популярность у себя дома вызвали к нему недоверие всех Держав. Их чувства к нему можно резюмировать в *высказывании* одного дипломата: "Поскребите императора, и вы обнаружите политического беженца".

Насколько разными были карьеры Наполеона III. и Бисмарка! Решительно ставя перед собой национальную цель, и только ее, прусский государственный деятель довел запутанность германских дел до простоты и теперь был готов к завершающей работе над всеми. В своих *воспоминаниях* он признает свою веру еще в 1866 году, "что война с Францией последует за войной с Австрией, лежащей в логике истории"; и снова: "Я не сомневался, что франко-

германская война должна состояться до того, как может состояться построение Объединенной Германии"[21]". Война, несомненно, разразилась бы в 1867 году из-за люксембургского вопроса, если бы он не видел необходимости отсрочки для укрепления уз союза с Южной Германией и обеспечения увеличения армий Отечества за счет принятия прусских методов; или, как он выразился, "каждый год отсрочки войны добавлял бы в нашу армию 100 000 обученных солдат"[22]". В 1870 году промедление мало что дало бы. Фактически, юнионистское движение в Германии тогда демонстрировало зловещие признаки ослабления. На Юге парламенты выступали против любого дальнейшего приближения к союзу с Севером; и голосование по военному бюджету на Севере на этот год, вероятно, привело бы к сильной оппозиции в интересах перегруженного налогами народа. Война могла бы решить проблему юнионистов, которая была неразрешима в мирное время; и *повод для войны* был уже близок.

В начале июля 1870 года просочилась новость о том, что принц Леопольд Гогенцоллернский был официально принятым кандидатом на трон Испании, оставшийся вакантным после революции, которая отправила королеву Изабеллу в изгнание в 1868 году[23]. Сразу же волна гнева охватила Францию; и герцог де Грамон, министр иностранных дел нового министерства Оливье, выразил преобладающее чувство в своем ответе на вопрос по этому вопросу в Палате депутатов (6 июля):

Мы не думаем, что уважение прав соседнего народа [Испании] обязывает нас позволить чужеземной державе [Пруссии], посадив одного из своих принцев на трон Карла V. Преуспеть в нарушении в нашу пользу нынешнего равновесия сил в Европе и поставить под угрозу интересы и честь Франции. Мы твердо надеемся, что эта возможность не будет реализована. Чтобы предотвратить это, мы рассчитываем как на мудрость немецкого народа, так и на дружбу испанского народа. Если этого не произойдет, то, опираясь на вашу поддержку и поддержку нации, мы будем знать, как выполнить наш долг без колебаний и слабости[24].

Вступительные фразы были неточными. Принцем, о котором шла речь, был принц Леопольд из швабской и римско-католической ветви семьи Гогенцоллернов, который, как знал герцог де Грамон, никоим образом не мог вспомнить те дни, когда Карл V. правил как император в Германии и монарх в Испании. Это искажение показало намерение французского министерства бросить перчатку Пруссии - что также ясно из заявления в депеше Грамона от 10 июля Бенедетти: "Если король не посоветует принцу Гогенцоллерну отступить, что ж, это немедленная война, и через несколько дней мы будем на Рейне"[25]".

Тем не менее у тех, кто находился за кулисами, были все основания для гнева против Бисмарка. Откровения Бенедетти, французского посла в Берлине, а также Мемуары короля Румынии (брата принца Леопольда Гогенцоллерна) не оставляют сомнений в том, что кандидатура последнего обсуждалась в частном порядке и неофициально в 1868 году, а затем снова весной 1869 года через прусского дипломата Вертерна, и что она не встретила никакой поддержки ни со стороны прусского монарха, ни со стороны самого принца. Но в начале 1870 года он был официально возобновлен временным правительством Испании и (как представляется несомненным) по наущению Бисмарка, которому в мае-июне удалось преодолеть нежелание принца и короля

Вильгельма. Бисмарк даже пытался ускорить рассмотрение вопроса через испанские кортесы, чтобы привлечь Испанию к осуществлению плана; но это не удалось из-за неправильного толкования зашифрованной телеграммы из Берлина в Мадрид[26].

Таково было положение дел, когда об этом стало известно министерству Оливье. Хотя советники Наполеона, по-видимому, и не были осведомлены обо всех этих деталях, они были правы, рассматривая этот вопрос не как частное дело Гогенцоллернов и Испании (как тогда утверждали немцы), а как попытку прусского правительства посадить на испанский трон принца, который не мог не быть дружественен северогерманской державе. Фактически, французы увидели в этом вызов войне; и, собирая воедино все известные теперь факты, мы должны заявить, что они были почти наверняка правы. Бисмарк, несомненно, хотел войны; и невозможно думать, что он не намеревался использовать эту кандидатуру как средство вывести из себя французов. Человек, который впоследствии заявил, что в начале датских споров в 1863 году он принял решение передать Шлезвиг-Гольштейн Пруссии[27], определенно видел в кандидатуре Гогенцоллернов шаг к прусско-испанскому союзу или войне с Францией, которые могли бы укрепить единство Германии.

Во всяком случае, таков был исход событий. Французские газеты сразу же выступили против этой кандидатуры таким образом, что вызвали не меньшие страсти по другую сторону Рейна. Однако на короткое время ситуация, казалось, уладилась благодаря спокойному здравому смыслу прусского монарха и его племянника. Король в то время находился в Эмсе на водах, когда Бенедетти, французский посол, встретился с ним и самым настоятельным образом потребовал, чтобы принц Леопольд отказался от своей кандидатуры на испанскую корону. Король отказался сделать это так, как ему было указано, справедливо рассудив, что такой ход сыграет на руку французам, унизив его собственное достоинство и престиж Пруссии. Более того, он, что довольно нелогично, считал, что все это дело в первую очередь касается семьи Гогенцоллернов и Испании. Однако молодой принц, услышав о развитии событий, решил проблему, заявив о своем намерении не принимать корону Испании (12 июля). Действие было спонтанным, исходившим от принца Леопольда и его отца принца Антония, а не от прусского монарха, хотя, узнав об их решении, он сообщил Бенедетти, что полностью одобряет его.

Если бы французское правительство действительно желало мира, оно бы на этом дело и закончилось. Но оно этого не сделало. Крайние бонапартисты - *плюс королевские роялисты* - все это время хотели повысить престиж своего государя, открыто унизив короля Вильгельма, а через него и Пруссию. Они были разгневаны тем, что он избежал ловушки, и теперь оказали давление на министерство, особенно на герцога де Грамона, так что в 19 часов вечера того же дня (12 июля) он отправил Бенедетти в Эмс телеграмму, предписывающую ему встретиться с королем Вильгельмом и добиться от него заявления, что он "больше не будет утверждать эту кандидатуру". Министр добавил: "Возбуждение [в Париже] таково, что мы не знаем, удастся ли нам справиться с ним". Это было правдой. Пэрис была почти вне себя. Как говорит М. Сорель: "Теплый июльский вечер выгнал на улицы толпу, жадную до зрелищ и развлечений, чье воображение было испорчено обычаем политического шарлатанства, для кого война была всего лишь драмой, а история - романом"[28]. Таков был импульс, приведший к новому требованию Грамона, и оно было выдвинуто, несмотря на протесты британского посла лорда Лайонса.

Рассматривая это требование в более ясном свете настоящего времени, мы должны сказать, что само по себе оно не было необоснованным; но оно было представлено настолько настойчиво, что король Вильгельм отказался принять его. Грамон снова надавил на Бенедетти, чтобы тот настаивал на этом; но максимум, что мог сделать король, это заявить: "Он полностью и безоговорочно одобряет уход принца Гогенцоллерна: большего он сделать не может". Он отказался от дальнейшей встречи с послом по этому вопросу; но, намереваясь вернуться в Берлин - шаг, вызванный растущим волнением по всей Германии, - он простился с Бенедетти с предельной сердечностью (14 июля). После этого посол вернулся в Париж.

Тем временем, однако, Бисмарк дал последний отпор беспокойным репортажам прессы по обе стороны Рейна. В своих *воспоминаниях* он описал свое подавленное настроение, когда услышал новости о снятии кандидатуры принца Леопольда и о своем почти сформировавшемся решении уйти в отставку в знак протеста против столь скромного отступления перед требованиями Франции. Но пока Мольтке, Рун и он обедали вместе, он получил телеграмму от короля из Эмса, датированную 13 июля в 3:50 пополудни, в которой ему разрешалось проинформировать послов и прессу о нынешнем положении дел. Бисмарк увидел свой шанс. Телеграмму можно было бы сократить, чтобы придать всему делу более решительный вид. И, получив заверения Мольтке в том, что все готово к войне, он продолжил их обобщать. Приведенные здесь факты можно понять только путем сравнения двух версий. Поэтому мы приводим оригинал, отправленный Бисмарку Абекеном, секретарем Министерства иностранных дел, который в то время находился в Эмсе:

Его Величество пишет мне: "Граф Бенедетти заговорил со мной на прогулке, чтобы потребовать от меня, наконец, в очень настойчивой форме, чтобы я разрешил ему немедленно телеграфировать, что я обязуюсь впредь никогда больше не давать своего согласия, если Гогенцоллерны возобновят выдвижение своей кандидатуры. В конце концов я

довольно сурово отказался, поскольку брать на себя обязательства такого рода *à tout jamais* неправильно и невозможно. Естественно, я сказал ему, что пока не получал никаких новостей, и поскольку он был раньше меня проинформирован о Париже и Мадриде, он мог ясно видеть, что мое правительство снова не приложило руки к этому делу ". С тех пор его величество получил письмо от принца. Его Величество, сказав графу Бенедетти, что он ожидает известий от принца, решил, со ссылкой на вышеупомянутое требование, по представлению графа Эйленбурга и моему, не принимать графа Бенедетти снова, а только сообщить ему через адъютанта: "Что его Величество получил от принца подтверждение новостей, которые Бенедетти уже получил из Парижа, и ему больше нечего сказать послу". Его Величество оставляет на усмотрение вашего превосходительства, не следует ли немедленно сообщить нашим послам и прессе о новом требовании Бенедетти и о его отклонении.

Бисмарк свел это к следующему: -

После того, как королевское правительство Испании официально сообщило Императорскому правительству Франции известие об отречении наследного принца Гогенцоллерна, французский посол в Эмсе далее потребовал от его Величества короля, чтобы он уполномочил его телеграфировать в Париж, что его Величество король обязуется впредь никогда больше не давать своего согласия, если Гогенцоллерны возобновят свою кандидатуру. Вслед за этим его величество король решил больше не принимать французского посла и послал передать ему через дежурного адъютанта, что его Величеству больше нечего сообщить послу.

Предпринимались попытки представить "редактирование" Бисмарком телеграммы из Эмса как решающий шаг, ведущий к войне; и в последние годы своей жизни, охваченный болезненным желанием частично дискредитированного государственного деятеля преувеличить свое влияние на события, он сам стремился увековечить эту версию. Он утверждает, что в телеграмме, пришедшей из Ems, инцидент описан там "как фрагмент переговоров, которые все еще продолжаются и должны быть продолжены в Берлине". Это утверждение совершенно несостоятельно. Внимательное прочтение первоначального сообщения от Ems показывает, что переговоры, которые отнюдь не были "все еще незавершенными", были четко описаны как завершенные по этому вопросу. То, что Бенедетти так считал, подтверждается его немедленным возвращением в Париж. Если бы это можно было "продолжить в Берлине", он, несомненно, отправился бы туда. Наконец, слова в оригинале о том, что король "несколько сурово" отказал Бенедетти, были опущены, и очень правильно опущены Бисмарком в его сокращенной версии. Если бы он включил эти слова, он мог бы заявить, что был конечной причиной войны 1870 года. Как бы то ни было, его заявление следует отбросить как порождение старческого тщеславия. Его версия первоначального сообщения Ems не содержала ни единого оскорбительного слова и не изменяла никаких заявлений. Абекен также признал, что его первоначальная телеграмма была слишком длинной, и что Бисмарк был вполне прав, сократив ее, как он и сделал[29].

Если мы обратим внимание не на нынешнее более полное знание всего дела, а на несовершенную информацию, доступную тогда немецкой общественности, война была естественным результатом второго и очень срочного требования, поступившего из Парижа. Герцог де Грамон, отправляя его, должно быть, понимал, что ведет отчаянную игру. Либо Пруссия уступит, и Франция одержит дипломатическую победу над ненавистным соперником; либо Пруссия будет сражаться. Друзья мира во Франции сочли дело безнадежным, когда это требование было направлено в столь настойчивой манере. Как только Гладстон услышал о втором требовании министерства Оливье, он написал лорду Грэнвиллу, тогдашнему министру иностранных дел: "Наш долг - представить огромную ответственность, которая ляжет на Францию, если она немедленно не примет как удовлетворительное и окончательное снятие кандидатуры принца Леопольда"[30].

С другой стороны, мы должны отметить, что поведение немецкой прессы во время этого кризиса, безусловно, было провокацией войны. В то утро, когда телеграмма Бисмарка появилась в официальном *северогерманском вестнике*, появилось множество яростных статей против Франции и радостных отчетов о воображаемых оскорблениях, нанесенных королем

Бенедетти. Всего этого следовало ожидать после насмешек в адрес трусости, которые парижские газеты свободно высказывали в адрес Пруссии в течение последних двух дней; но пока не доказано, был ли Бисмарк непосредственным вдохновителем множества сенсационных версий эмского дела, появившихся в северогерманских газетах 14 июля.

Как бы то ни было, французское правительство рассматривало отказ в выполнении своего последнего требования, публикацию телеграммы Бисмарка и оскорбления немецкой прессы как *casus belli*. Подробности заседания императорского совета в 10 часов вечера 14 июля, на котором было решено вызвать французские резервы, пока неизвестны. Оливье не присутствовал. В течение нескольких часов по этому вопросу шли колебания; но тон парижских вечерних газет - это был национальный праздник Франции - громкие крики толпы о войне и то, что они били окна прусского посольства, по-видимому, убедили императора и его советников, что отступление сейчас повлечет за собой падение династии. В сообщениях единодушно указывалось на то, что императрица навязывала эти идеи своему супругу, а отчет, который герцог де Грамон позже передал лорду Малмсбери о ее словах на том важном заседании Совета, подтверждает распространенные слухи. Это выглядит следующим образом:--

Прежде чем принять окончательное решение объявить войну, император, императрица и министры отправились в Сен-Клу. После некоторого обсуждения Грамон рассказал мне, что императрица, пылкая и впечатлительная женщина, выступила с сильной и взволнованной речью, заявив, что "война неизбежна, если мы хотим сохранить честь Франции". За ней немедленно последовал маршал Лебеф, который самым яростным тоном бросил свой портфель и поклялся, что, если война не будет объявлена, он откажется от своего воинского звания. Император уступил, и Грамон направился прямо в Зал Заседаний, чтобы объявить роковую новость^[31].

На следующий день (15 июля) Палата депутатов назначила Комиссию, которая наскоро изучила дипломатические документы и сообщила в некотором смысле в пользу министерства Оливье, последующие дебаты настоятельно требовали разрыва; и важно отметить, что Оливье и Грамон основывали требование о военных приготовлениях на том факте, что король Вильгельм отказался встретиться с французским послом, и сочли, что одно это было достаточным оскорблением. Тщетно Тьер протестовал против войны как несвоевременной и требовал предъявить все необходимые документы. Палата приняла решение о военных поставках 246 голосами против 10; и у Тьера были разбиты окна. Поздно вечером того же дня Грамон отменил последнюю попытку лорда Грэнвилла предложить посредничество Англии в деле установления мира на том основании, что это нанесло бы ущерб Франции - "если не будут найдены средства остановить быструю мобилизацию прусских армий, которые приближались к нашей границе"^[32]. В этой связи необходимо указать, что приказ о мобилизации северогерманских войск был отдан королем Пруссии только поздно вечером 15 июля, когда в Берлине стали известны результаты голосования французских палат о войне.

Бенедетти в своем обзоре всего вопроса выносит следующий весьма примечательный и разумный вердикт: "Именно общественное мнение вынудило [французское] правительство обнажить меч и непреодолимым натиском продиктовало свои резолюции"^[33]. Это, безусловно, верно для общественного мнения Парижа, но не для Франции в целом. Сельские районы, которые составляют реальную силу Франции, почти всегда цепляются за мир. Примечательно, что префекты французских департаментов сообщили, что только 16

высказались за войну, в то время как 37 сомневались в этом вопросе, а 34 приняли войну с сожалением. Именно этого можно было бы ожидать от народа, который в Провинции отличается благоразумием и бережливостью.

По правде говоря, жители современной Европы привыкли к мирной промышленной жизни, в которой война является самым ненавистным из зол. С другой стороны, скопление человечества в больших городах, где мышление поверхностно, а чувства могут быть быстро возбуждены жадной до сенсаций прессой, несомненно, способствовало разжиганию политических страстей и национальной ненависти. Сельское население не сильно взволновано историями о пренебрежительном отношении к послам. Крестьянин Бретани не испытывал активной неприязни к крестьянину Бранденбурга. Каждый только просил, чтобы его оставили возделывать его поля в мире и безопасности. Но толпы на парижских бульварах и на *Унтер-ден-Линден* смотрели (и, похоже, всегда будут смотреть) на жизнь совсем по-другому. Для них известие об унижении соперника за Рейном было величайшей и, следовательно, самой желанной сенсацией; и, к сожалению, газеты, которые потворствовали их привычкам, задавали тон мысли немалой части Франции и Германии и оказывали на национальную политику влияние, несоизмеримое с ее реальным весом.

История франко-германского спора - это история национальной ревности, тщательно раздуваемой в течение четырех лет редакторами газет и популярными ораторами, пока одной искры не хватило, чтобы заполыхать в Западной Европе. Искрой послужила кандидатура Гогенцоллерна, которая была бы безвредна, если бы после Кенигграца журналисты в Париже и Берлине не подготовили фитиль. Возникший в результате пожар можно справедливо охарактеризовать как вызванный отчасти национальными трениями, отчасти предполагаемыми интересами наполеоновской династии, но также и жаром, вызванным сенсационными публикациями в прессе.

Хорошо, что следует четко осознать одну из главных опасностей для мира в современном мире. Централизация правительств и населения может иметь свои преимущества; но в противовес им мы должны противопоставить серьезные недостатки; среди тех, что имеют политический характер, наихудшими являются рост нервозности и возбудимости, а также тяга к сенсациям - качества, которые, несомненно, имеют тенденцию во все времена разжигать национальную зависть и, в последнем случае, подталкивать слабые династии или кабинеты министров к войне. Конечно, хитроумные уловки Бисмарка, направленные на разрыв отношений в 1870 году, потерпели бы неудачу, если бы атмосфера как в Париже, так и в Берлине не была заряжена электричеством[34].

СНОСКИ:

[7] *Заметки из дневника, 1851-1872*, сэра М.Э. Гранта Даффа, том i, стр. 120.

[8] В 1867 году обещания Бисмарка зашли так далеко, что было заключено секретное соглашение с Францией, в одной из статей которого говорилось, что Пруссия не будет возражать против аннексии Бельгии Францией. Соглашение было впервые опубликовано *Times* 25 июля 1870 года, после чего Бисмарк разгласил секрет, чтобы настроить общественное мнение против Франции.

[9] Смотрите замечательную работу Олливые, "*Либеральная империя*", для получения полной информации об этом времени.

[10] Аното, *Современная Франция*, том i, стр. 9 (англ. ред.); *Бисмарк: его размышления и воспоминания*, том ii, стр. 61. Популярное в пруссии мнение об Англии нашло выражение в юмористической газете *Kladderdatsch*: "

Германия без биллиджей симпатизирует
и франкрейхским идеям кригсматериала".

[11] См. "*Воспоминания дипломата*" сэра Х. Рамболда (Первая серия), том ii. стр. 292, о враждебности царя к Франции в 1870 году.

[12] *Мемуары графа Бойста*, том ii. стр. 358-359 (Приложение D, англ. ред.).

[13] *Revue des deux Mondes* за 1 апреля 1878 года.

[14] Сеньобос, *Политическая история современной Европы*, том ii. стр. 806-807 (англ. ред.). Онкен, *Дневник кайзера Вильгельма* (том i. стр. 720-740), пытается доказать, что существовал глубокий заговор против Пруссии. Меня не убедили его доказательства.

[15] *Военные сувениры*, генерала Б.Л.Ж. Лебрена (Париж, 1895), стр. 95-148.

[16] *Бисмарк: его размышления и воспоминания*, том ii. стр. 58.

[17] *Мемуары графа Бойста*, том ii. стр. 359. *Нынешнее положение европейской политики* стр. 366 (1887). Автор книги "*Великая Британия*".

[18] Смотрите *Rev. des deux Mondes* за 1 апреля 1878 г. и "*Хронику*" *Revue d'Histoire diplomatique* за 1905 г., стр. 298; также У.Х. Стиллман, *Союз Италии, 1815-1895*, стр. 348.

[19] Об отношениях Франции с Ватиканом см. *Историю второй империи*, М. Де ла Горс, том vi. (Париж, 1903); также *Современную историю* (т.е. Франции в 1869-1875 годах), М. Сэмюэля Дени, 4 тома. Императрица Евгения однажды сказала, что она была "двумя католиками" как испанка и как французская императрица. (Сэр М.К. Грант Дафф, *Заметки из дневника, 1851-1872*, том i, стр. 125.)

[20] Шовинист - это термин, соответствующий нашему "Джинго". Оно происходит от человека по имени Шовен, который превозносил Наполеона I. и славу Франции до небес.

[21] Бисмарк, *Воспоминания*, том ii. стр. 41, 57 (англ. изд.).

[22] *Ib.* стр. 58.

[23] Бывшая королева Изабелла умерла в Париже в апреле 1904 года.

[24] Сорель, *История. diplomatique de la Guerre Franco-Allemande*, vol. i. p. 77.

[25] Бенедетти, *Миссия Ма в Прусс*, стр.34. Эта работа содержит французские донесения по всему делу.

[26] В недавней работе "*Кайзер Вильгельм и начало правления рейха, 1866-1871*" доктор Лоренц пытается оправдать Бисмарка от соучастия в этих интригах, но безуспешно. См. *Воспоминания короля Румынии* (под редакцией С. Уитмена), стр. 70, 86-87, 92-95; также "*Бисмарк*" Хэдлэма, стр. 327.

[27] Буш, *Наш канцлер*, том i, стр. 367.

[28] Сорель, *История. дипломатическая история франко-аллемандской войны*, том i, глава iv.; также о тоне французской прессы: Жиро, *Верность кампании 1870 года*, стр. 46-60.

Олливе пытался убедить сэра М.Э. Гранта Даффа (*Заметки из дневника, 1873-1881*, том i, стр. 45), что требование Франции к королю Вильгельму было вполне дружелюбным и естественным.

[29] *Генрих Абекен*, Хедвиг Абекен, стр. 375. Преемник Бисмарка на посту канцлера, граф Каприви, представил ситуацию в истинном свете в речи в рейхстаге вскоре после публикации *Воспоминаний*.

Я не согласен с мнением, выраженным хорошо информированным рецензентом книги Олливе "*Либеральная империя*" (том viii) в "*Таймс*" от 27 мая 1904 года, который ссылается на интервью Бисмарка с лордом Лофтусом 13 июля 1870 года. Бисмарк, конечно, хотел войны; но и Грамон тоже, и я считаю, что *последний* ее вызвал.

[30] Дж. Морли, *Жизнь Гладстона*, том ii. стр. 328.

[31] Эта версия, я полагаю, не была опровергнута. И все же я должен смотреть на это с подозрением. Ни один министр, который так много сделал для разжигания воинственных настроений, не должен был делать подобных признаний - меньше всего в адрес дамы, которая не могла на это ответить. М. Сеньобос в своей *Политической истории современной Европы*, том i, глава vi, стр. 184 (англ. прим. ред.) говорит о Грамоне: "Именно он втянул Францию в войну с Пруссией". В ходе парламентского расследования 1872 года Грамон обвинил себя и свой кабинет в безумии в 1870 году, используя эти слова: "Я объявляю о том, что я есмь единомышленник, одна единственная единомышленница, о способностях нотр-дама к войне, о немедленном вступлении в ассоциацию" (*Запрос парламента*, I. том i, стр. 108).

[32] Цитируется Сорелем, указ. соч.. том i. стр. 196.

[33] Бенедетти, *Миссия Ма в Пруссии*, стр. 411.

[34] Принц Леопольд Гогенцоллернский скончался в Берлине 8 июня 1905 года. Он родился в 1835 году, а в 1861 году женился на инфанте Португалии.

ГЛАВА II

ИЗ ВЕРТА В ГРАВЕЛОТТЕ

"Начальник Генерального штаба с самого начала обратил внимание на захват столицы противника, овладение которой имеет большее значение во Франции, чем в других странах. . . . Заблуждением является вера в то, что план войны может быть разработан на длительный период и осуществляться во всех пунктах". - ФОН МОЛЬТКЕ, *Франко-германская война*.

В древние времена, до изобретения высокоточного оружия дальнего действия, ведение войны определялось главным образом индивидуальной храбростью и силой. В современном мире победа все больше склоняется на сторону той стороны, которая заранее тщательно готовится бросить силы, превосходящие ее как по вооружению, так и по численности, против жизненно важных органов своего врага. Предполагая, что воюющие стороны практически равны по физическим качествам - а распространение свободы, несомненно, уменьшило большие различия, которые когда-то наблюдались в этом отношении между европейскими народами, - война становится в значительной степени делом предварительной организации. То есть теперь это вопрос мозга, а не мышц. Писатели школы Карлайла могут возразить, что все современные войны кажутся ручными по сравнению с великолепно безудержным анимализмом гомеровских сражений. В интересах человечества следует надеяться, что изменения будут продолжаться до тех пор, пока война не станет полностью научной и совершенно непривлекательной. Между тем касте солдат, политикам и налогоплательщикам приходится сталкиваться с фактом, что судьба войны в значительной степени определяется рутинными дорогостоящими приготовлениями в мирное время.

В последней главе излагаются причины, приведшие к войне в 1870 году. Это событие застало Германию полностью подготовленной. Уроки кампании 1866 года не прошли даром для прусского генерального штаба. Артиллерия была усовершенствована как в *материальной части*, так и в тактике строевой подготовки, план Наполеона I. применение массированных батарей в решающих точках разрабатывался с прусской тщательностью. Кавалерия научилась эффективно вести разведку и действовать как "глаза и уши армии", а также нападать бригадами на колеблющегося противника. Всеобщая воинская повинность была обязательной в Пруссии с 1813 года; но организация территориальных армейских корпусов теперь получила более полное развитие, так что каждая часть Пруссии, включая также большую часть Северогерманской Конфедерации, имела свою собственную небольшую армию, укомплектованную всеми видами вооружений и усиленную из Резерва и, при необходимости, из Ландвера[35]. В силу военных конвенций 1866 года другие германские государства приняли аналогичную систему, за

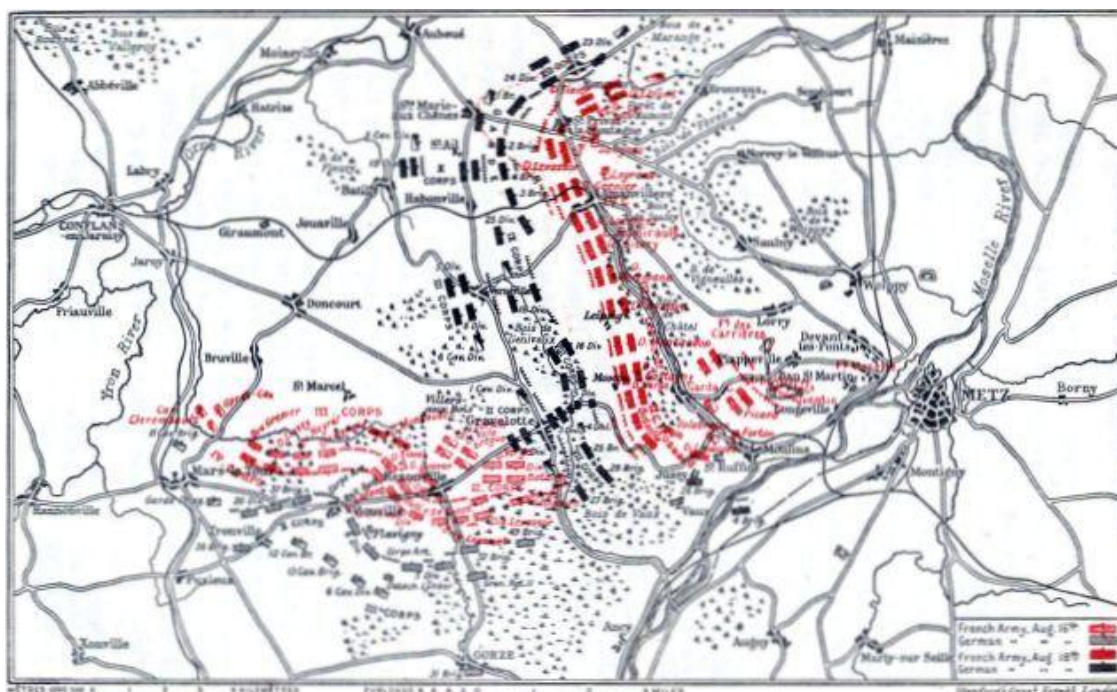
исключением того, что, в то время как пруссаки служили в течение трех лет (за редкими исключениями в случае успешных экзаменов), южногерманцы служили под знаменами в течение более короткого периода. Эти конвенции также обеспечивали единообразие или гармонию в устройстве железных дорог для перевозки войск.

Генеральный штаб Северогерманской армии максимально использовал эти преимущества, подготовив наиболее полный план мобилизации - фактически настолько полный, что мириады приказов нужно было только извлечь из их ячеек и датировать последними часами 15 июля. Немедленно весь огромный механизм заработал быстро, но слаженно. Резервисты быстро появились на своих полковых складах, нашли там свое снаряжение и быстро привели свои полки в боевое состояние; поезда были готовы, рассчитанные по тщательно разработанному плану, для перевозки их в Рейн; провизия и припасы были отправлены вперед, *оне Хаст, оне Раст*, как говорят немцы; и планы на железной дороге, реке и шоссе были настолько совершенны, что не произошло ни одного из тех заторов, которые часто нарушали планы французов. Таким образом, благодаря кропотливой подготовке группа федеративных государств получила решающее преимущество над централизованной Империей, которая оставила слишком много дел, которые нужно было уладить за последние несколько часов.

В этом заключается истинное значение войны 1870 года. Все правительства, которые не довольствовались тем, что тащились по старой военной колее, видели необходимость тщательной организации, включая окончательный контроль над всеми необходимыми транспортными средствами; и все, кто был мудр, поспешили приспособить свою систему к новому порядку вещей, который был направлен на обеспечение быстрого упорядоченного передвижения огромных масс людей всеми ресурсами механической науки. Большинство цивилизованных государств вскоре отреагировали на новые потребности эпохи; но некоторые (среди них Великобритания) удовлетворились одним или двумя поверхностными изменениями и небольшим увеличением численности войск, оставив при этом важнейший вопрос организации почти нетронутым; и это тоже несмотря на яркий контраст, который каждый мог видеть между механической регулярностью немецкой мобилизации и хаосом, царившим на французской стороне.

Внешне французская армия казалась недостижимой для критики. Войска в значительной степени участвовали в различных войнах, в которых участвовал Наполеон III. выполнил свое обещание 1852 года - "Империя - это мир"; и их успехи в Крыму, Ломбардии, Сирии и Китае, фактически везде, кроме Мексики, наполнили их воинственной гордостью.

Вооруженные *шассе-потом*, более новой и совершенной винтовкой, чем игольчатый пистолет, в то время как их артиллерия (по общему признанию, довольно слабая) была усилена *итральезами*, они утверждали, что являются лучшими в мире, и горели желанием помериться силами с прусскими выскочками.

Набросок карты района Между Мецем И Рейном.

Но у этой светлой стороны была и мрачная оборотная сторона. Все мыслящие французы, включая императора, знали о серьезных недостатках - недостаточной подготовке офицеров^[36] и недостаточной приспособляемости в Генеральном штабе, у которого было мало тех практических знаний, которые немецкий штаб приобрел за время службы в войсках. Добавьте к этому закваску республиканизма, сильно действующую в армии, как и в государстве, и порождающую недоверие между офицерами и рядовыми; прежде всего, нехватку людей и материалов; и перспективы не были обнадеживающими для тех, кто знал всю правду. С учетом призывников 1869 года, которые были не совсем готовы к действительной службе, Франция имела бы к 1 августа 1870 года в своей регулярной армии до 567 000 человек; но из этих колониальных, гарнизонных и других повинностей требовалось до 230 000 человек - цифра, которая, по-видимому, рассчитана на то, чтобы включить войска, существовавшие только на бумаге. Не только *персонал* но и *техника* оказалась намного ниже ожидаемой. Военный министр генерал Лебеф осмелился заявить, что все готово, вплоть до последней пуговицы на гетрах; но его хвастовство сразу же оказалось ложным, когда на десятках военных складов не были готовы ни гетры, ни сапоги, ни форма для резервистов, которые в них нуждались.

Даже там, где организация работала наилучшим образом, это лучшее было медленным и запутанным. В мирное время не существовало территориальных армейских корпусов, и отсутствие такой организации приводило к прискорбной трате времени и энергии. Полки часто находились далеко от складов, на которых хранилось снаряжение резервистов; и когда они находили свое снаряжение, они часто долго блуждали, прежде чем находили свои полки на пути к границе. Один генерал-офицер рыскал по границе в поисках несуществующего командования. В результате этой неорганизованности и того контроля над железными дорогами, который немцы методично насаждали, Франция потеряла многие преимущества, которые должны были обеспечить ее компактная территория и превосходная железнодорожная система по сравнению с ее более разрозненным и бедным соперником.

Потеря времени была столь же фатальной, сколь и необычной при правлении Наполеона, дядя которого так часто сокрушал своих врагов быстрыми передвижениями войск. В 1870 году наполеоновской Франции не на что было рассчитывать, кроме скорости и стремительности. Цифры были против нее. В 1869 году маршал Лебеф покончил с Мобильной гвардией, своего рода ополчением, которое проводило только пятнадцатидневные учения в году; и Национальная гвардия городов была менее пригодна для ведения боевых действий, чем переформированные Мобильные части, которые оказались позже в ходе войны. Таким образом, у Франции не было резервов: все зависело от 330 000 человек, пробивающихся к границам. Сомнительно, чтобы к 6 августа в первой линии было более 220 000 человек, еще около 50 000 находилось в резерве в Меце и т.д.

Против них Германия могла бы сразу выставить в бой 460 000 пехотинцев, 56 000 кавалеристов при 1584 орудиях; и она могла бы увеличить эти силы примерно до 1 180 000 человек, вызвав все резервы и ландвер. Эти последние были людьми, отслужившими свой срок и, как правило, не утратившими своих солдатских качеств в гражданской жизни. Почти 400 000 высококвалифицированных военнослужащих были готовы вторгнуться во Францию в начале августа.

В свете этих фактов кажется невероятным, что Оливье, премьер-министр Франции, мог публично заявить, что он вступил в войну с легким сердцем. Несомненно, министры рассчитывали на помощь Австрии или Италии, возможно, и от тех, и от других; но, как оказалось, они судили слишком поспешно. Как указывалось в главе I. этого труда, Австрия вряд ли двинулась бы с места, пока Россия поддерживала дело Пруссии; ибо любого угрожающего давления московитов на открытый фланг государств Габсбургов, Галицию, было достаточно, чтобы удержать их от начала кампании на Западе. В данном случае государственные деятели Вены, как говорят, к 20 июля знали, что Россия будет незаметно помогать Пруссии; она проинформировала правительство Габсбургов, что любое увеличение ее вооружений будет встречено соответствующим увеличением вооружений России. Смысл такого намека был ясен, и Австрия решила не мстить за Кенигграц до тех пор, пока французский триумф не окажется ошеломляющим. Что касается Италии, то ее союз только с Францией был весьма маловероятен по причинам, изложенным ранее.

Еще одним блуждающим огоньком, промелькнувшим перед ярыми бонапартистами, подталкивавшими императора к войне, было то, что южногерманские государства оставят Север и разместят свои войска под знаменами французских орлов, как они это делали в 1805-12 годах. Первый план кампании, составленный в Париже, был направлен на то, чтобы вбить прочный клин французских войск между двумя Конфедерациями и побудить Юг присоединиться к Франции; надеялись, что Саксония последует их примеру. На самом деле, очень многим южногерманцам и саксонцам не нравилось превосходство Пруссии; католическая Бавария косо смотрела на растущее могущество протестантской Пруссии. Вюртемберг был протестантским, но слишком демократичным, чтобы желать контроля со стороны берлинских чугунных бюрократов. То же самое было в еще большей степени верно для Саксонии, где враждебность к Пруссии была глубоко укоренившейся традицией; некоторые саксонские войска, покидая свои города, даже кричали "*Наполеон, живи*"[37]. Поэтому вполне возможно, что, если бы Франция быстро нанесла удар по долинам рек Неккар и Майн, она могла бы принудить южногерманские государства к нейтралитету. О союзе, возможно, не могло быть и речи, разве что под непреодолимым давлением; ибо Франция оттолкнула правительства

Баварии и Гессена своими притязаниями в 1866 году, а южногерманский народ своим недавним оскорбительным обращением с кандидатурой Гогенцоллернов. Однако можно с уверенностью утверждать, что если бы Наполеон I распорядился делами Франции, он заманил бы южных немцев в свои сети через месяц после начала войны, как он это сделал в 1805 году. Но природа не одарила племянника воинственными способностями, который принял командование французской армией в Меце в конце июля 1870 года. Его слабое здоровье, чередовавшееся с периодами сильных болей, отняло у него всю ту жизнерадостность, которая придает жизнь армии и бодрость штабу; и его начальник штаба Лебеф не восполнял недостаток этих качеств у номинального главнокомандующего.

Вся инициатива и энергия были сосредоточены к востоку от Рейна. Распространение национального принципа в Центральной и Южной Германии недавно столкнулось с несколькими препятствиями; но дипломатические промахи французского правительства, угрозы их прессы о том, что наполеоновские войска повторят чудеса 1805 года; прежде всего, восхищение достойным поведением короля Вильгельма в ответ на то, что считалось беспричинными оскорблениями со стороны Франции, начали разжигать пламя немецкого патриотизма даже среди партикуляристов Юга. Известие о том, что заслуженно популярный наследный принц Пруссии Фридрих Вильгельм будет командовать армией, которая сейчас собирается в Пфальце и в основном состоит из южных немцев, вызвало трепет радости во всех этих государствах. Наученная безрассудством своей стратегии "остаться дома" в 1866 году, Бавария с готовностью отправила свой крупный контингент за Рейн; и вся опасность французского вторжения в Южную Германию была устранена быстрым сосредоточением Третьей немецкой армии, всего около 200 000 человек, на севере Эльзаса. Для французов форсировать Рейн у Шпейера или даже у Келя перед лицом значительно превосходящей армии (хотя они еще не знали ее действительной численности) было явно невозможно; и в последние часы июля французский штаб отказался от других планов, которые, говоря в целом, заключались в защите французской границы от Мозеля до Рейна путем нанесения ударов по передовым немецким войскам. По крайней мере, это кажется наиболее естественным объяснением внезапных и довольно поспешных изменений, произошедших тогда.

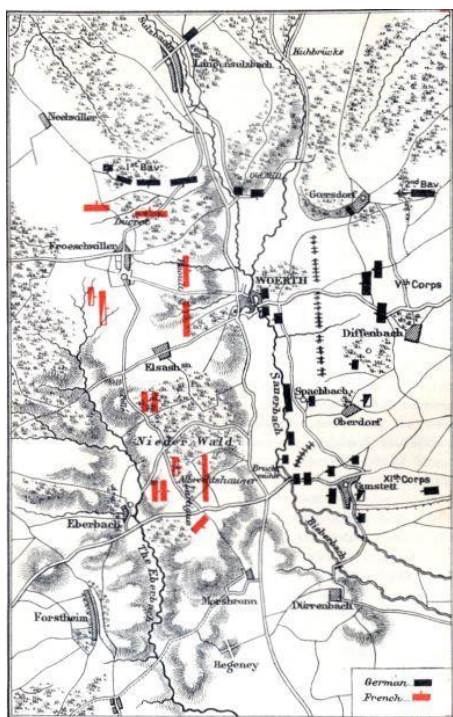
Было разумно скрыть переход к стратегической обороне, перейдя в тактическое наступление; и 2 августа две дивизии корпуса Фроссара атаковали передовые части Второй немецкой армии и отбросили их от Саарбрюккена. Это дело было неважным: оно ни к чему не могло привести, если бы у французов не было средств развить успех. Этого у них не было, и наступление Первой и Второй германских армий под командованием генерала Штайнмеца и принца Фридриха Карла вскоре лишило их этой позиции.

Тем временем немцы готовились к серьезному предпринятию. Сосредоточение огромной Третьей армии к северу от Эльзаса позволило их Генеральному штабу назначить общее наступление на эту границу на 4 августа. Именно этой армии под командованием наследного принца Пруссии Фридриха Вильгельма выпало нанести первый серьезный удар. Рано утром 4 августа сильная баварская дивизия двинулась на небольшой укрепленный городок Вайсенбург, расположенный глубоко в долине реки Лаутер, в окружении высоких холмов. Там он застал врасплох слабую французскую дивизию, авангард армии Мак-Магона под командованием генерала Абеля Дуэ, чьи разведчики не обнаружили никаких следов наступающего противника.

Около 10 часов утра Дуэ пал, смертельно раненный; другая немецкая дивизия, обходившая город с востока, овладела сильной позицией Гейсберг; и эти объединенные усилия, фронтальные и фланговые, вынудили французов поспешно отступить на запад через холмы к Верту, потеряв более 2000 человек.

Известие об этом поражении и о крупных немецких силах, готовых вторгнуться на север Эльзаса, побудило императора приказать 7-му французскому корпусу в Бельфоре и 5-му в Битше и его окрестностях послать подкрепление Мак-Магону, основные силы которого удерживали крутые лесистые холмы между деревнями Верт, Фрошвайлер и Райхсхофен. Железнодорожная линия между Страсбургом и Битчем касается Райхсхофена; но по какой-то причине, которая так и не была удовлетворительно объяснена, Мак-Магон смог подтянуть только одну дивизию со стороны Страсбурга и Бельфора, а не одну со стороны Битча, который находился в пределах легкого перехода. Факт, по-видимому, заключается в том, что де Файи, командовавший Битчем, стал жертвой противоречивых приказов из Меца и поэтому не смог подтянуть 5-й корпус так, как ему следовало бы сделать. Кавалерия Мак-Магона также не справлялась с разведкой, и он ничего не знал о численности войск, быстро приближавшихся из Вайсенбурга и с востока.

Конечно, его положение в "Верте" было очень сильным. Французские линии были расположены вдоль крутого лесистого склона, тянувшегося с севера на юг, с выступами, похожими на контрфорсы, пересеченными оврагами, которые вели к плато, на котором стояла деревня

План битвы при Верте.

о Фрошвайлере и деревушке Эльзассхаузен. Позади находится лес под названием Гроссер-Вальд, в то время как деревня окружена с юга и спереди отдаленным лесом Нидервальд. За Гроссер-Вальдом земля спускается в долину, по которой проходит железная дорога Битш-Райхсхофен. Перед позицией Мак-Магона лежала деревня Верт, глубоко в долине реки

Зауэрбах. Следовательно, захватчику пришлось бы взять эту деревню или перейти ручей и продвигаться вверх по длинным открытым склонам, на которых были расположены французские войска и батареи, имея на своей стороне все преимущества укрытия и возвышенности. Плохой генерал, располагающий меньшими силами, чем у его противника, мог надеяться удержать такую позицию. Но был один большой недостаток. Из-за отсутствия де Файи у Мак-Магона не хватало людей, чтобы удерживать всю позицию, предусмотренную Природой для обороны.

Сознавая свою силу, прусский кронпринц приказал командирам своего авангарда не вступать в генеральное сражение 6 августа, когда армия вторжения не имела под рукой всей своей ударной мощи[38]. Но приказы не смогли сдержать пыл немцев под натиском французов. Дела на аванпостах вдоль реки Зауэрбах рано утром того же дня привели к серьезному бою, который до полудня шел против захватчиков. В это время наследный принц поскакал вперед и приказал атаковать всеми имеющимися силами. Бои, до сих пор ожесточенные, но спазматические между дивизиями, теперь поддерживались постоянным потоком немецких подкреплений, пока 87 000 захватчиков не попытались отбить у Мак-Магона высоты с их лесами и деревнями, которые ему оставалось защищать всего 54 000 человек. Численное превосходство вскоре дало о себе знать. В соответствии с приказами кронпринца части двух баварских корпусов начали прокладывать себе путь (но с одним странно долгим интервалом бездействия) через лес к северу от французского левого крыла; на прусский 11-й корпус выпала более сложная задача - пробиться вверх по склонам к югу от Верта, а оттуда к Нидервальду и Эльзассхаузену. Когда эти леса будут захвачены, 5-й корпус должен был предпринять лобовую атаку от Верта на Фрешвайлер. Несмотря на отчаянные усилия французов и их турецких полков, а также блестящую, но безнадежную атаку двух полков кирасир и одного полка улан против немецкой пехоты, Нидервальд и Эльзассхаузен были выиграны; и около четырех часов непрерывный огонь пятнадцати немецких батарей по Фрешвайлеру позволил 5-му корпусу преодолеть этот смертоносный ледник, несмотря на отчаянные атаки защитников.

В течение всего дня французы проявляли свой обычный напор и преданность, некоторые полки были разбиты на куски, вместо того чтобы отступить. Но к пяти часам оборона была обойдена с двух флангов и сокрушена в центре; человеческая натура не могла больше терпеть после восьмичасового боя; и после последнего отчаянного усилия французских кирасир вся их линия отступила в общем бегстве вниз по склонам к Райхсхофену и в направлении Саверна. За исключением вюртембергцев, находившихся в резерве, мало кто из немцев был в состоянии продолжить преследование. Тем не менее плоды победы были очень велики: 10 000 французов лежали убитыми или ранеными; было взято 6000 невредимых пленных с 28 пушками и 5 митральезами. Прежде всего, прекрасная армия Мак-Магона была полностью разбита и не предпринимала попыток защитить ни одну из позиций к северу от Вогезов. Там не было взорвано даже туннеля, чтобы задержать продвижение немцев. Поспешно собрав 5-й корпус из Битша - корпус, который должен был находиться в Верте, - этот доблестный, но неудачливый генерал двинулся на юго-запад к большому лагерю в Шалоне. Триумф, однако, дорого обошелся немцам. Было убито или ранено 10 600 человек, один только 5-й прусский корпус потерял более половины этого числа. Их кавалерия не смогла поддерживать связь с отступающими французами.

В тот же день (6 августа) катастрофа, едва ли менее серьезная, постигла французский 2-й корпус, удерживавший Саарбрюккен. Убежденный, что этот пост был слишком передовым и слишком слабым в присутствии передовых дивизий Первой и Второй немецких армий, которые

теперь быстро наступали на него, генерал Фроссар отвел свой авангард примерно на полторы мили назад, к линии крутых холмов между Шпихереном и Форбахом, непосредственно внутри французской границы. Это отступление, как казалось, побудило генерала Камеке атаковать одной дивизией, что у него было все основания для того, чтобы определить направление и численность отступающих войск. Атака, когда она была отбита, показала, что французы были настроены закрепиться на своих господствующих высотах; и атака на Рот-Берг была стойко отбита около полудня.

Но теперь быстрое продвижение и разумное взаимодействие других немецких колонн сыграли важную роль в превращении незначительного отпора в важную победу. Генерал Гебен был недалеко и, направляясь навстречу обстрелу, послал предложить свою помощь 8-му корпусу. Генерал фон Альвенслебен также с 3-м корпусом достиг Нойнкирхена, когда звуки стрельбы близ Саарбрюккена заставили его продвигаться к этому месту с предельной скоростью. Он отвел в сторону часть своего корпуса и подтянул ее вовремя, чтобы усилить атаку на Рот-Берг и другие высоты ближе к Форбаху. Каждый прибывший батальон был брошен вперед, и генерал фон Франсуа, атаковавший со своим полком, занял позицию на полпути вверх по изломанному склону Роте-Айсберга, которую стойко удерживали даже тогда, когда он был смертельно ранен. В других местах атаки были отбиты французами, которые, несмотря на свою меньшую численность, оказывали упорное сопротивление на линии холмов в лесу позади и на металлургических заводах перед Форбахом. Даже когда немцы захватили вершину Роте-Айсберга, их ряды были изрешечены перекрестным огнем; но невероятными усилиями им удалось доставить орудия на вершину и нанести ответный удар с эффектом[39].

Это, вместе с обходным маневром, который их растущая численность позволила им осуществить против французского левого крыла у Форбаха, решило исход дня; и корпус Фроссара, разбитый, отступил к корпусу Базена. Примечательно, что это было всего в девяти или десяти милях в тыл. Базен приказал трем дивизиям выступить навстречу месту обстрела: одна направилась не в ту точку и вернулась; остальные предпринимали нерешительные усилия и, таким образом, оставили Фроссара на растерзание численному превосходству. Результатом этих разрозненных передвижений стало то, что и Фроссар, и Базен поспешно отступили в сторону Меца, в то время как Первая и Вторая немецкие армии теперь собирали все свои силы с целью запереть французов в этой крепости. С этой целью Первая армия направилась к Коломбе, к востоку от Меца, в то время как передовые части Второй армии намеревались пересечь Мозель к югу от Меца и обойти этот опорный пункт с запада.

Теперь пришло время обратиться к французскому штабу. Эти два сокрушительных поражения в один день полностью перечеркнули план Наполеона по энергичной обороне северо-восточной границы до тех пор, пока не будут готовы рекруты 1869 года или Австрия и Италия не обнажат меч. 26 июля австрийский посол заверил французское министерство, что Австрия настаивает на своих приготовлениях. Его министры с трудом удержали Виктора Эммануэля от того, чтобы открыто встать на сторону Франции. Ночью 6 августа он получил телеграфные известия о битвах при Верте и Форбахе, после чего воскликнул: "Бедный император! Мне жаль его, но мне повезло спастись". Австрия также отступила и, таким образом, оставила Францию лицом к лицу с голой правдой о том, что она стояла одна и неготовая перед объединенной и торжествующей Германией, способной втрое увеличить свои силы через открытые ворота Лотарингии и северного Эльзаса.

Наполеон III, надо отдать ему справедливость, никогда не лелеял безумных мечтаний, которые посещали умы его супруги и вспыльчивых "мамелюков", в последнее время пользовавшихся благосклонностью при дворе; еще меньше "молчаливый вершитель судеб" предавался праздному хвастовству, которое помогло оттолкнуть симпатии Европы и сплотить Германию, чтобы противостоять ударам второго наполеоновского вторжения. Племянник прекрасно знал, что он не был Великим Наполеоном - он знал это еще до того, как Виктор Гюго в злобных стихах тщетно пытался окрестить его Маленьким. Правда, его государственная мудрость оказалась всего лишь мечтательным философствованием о национальностях; его административные полномочия, в лучшем случае небольшие, постоянно ограничивались слишком щедрым желанием вознаградить своих соучастников *в государственном перевороте* 1851 года; а его военные способности были едва ли больше, чем у других *наполеонидов*, Джозефа и Джерома. Тем не менее, неудачи его ранней жизни укрепили тот запас спокойного стоицизма, ту энергию сопротивления, если не отважиться, которая легла в основу его несколько слабого, призрачного и не вдохновляющего характера. И вот теперь, во время стремительного падения своего состояния, величайший авантюрист девятнадцатого века в полной мере проявил те качества твердости и достойной сдержанности, которые в течение двадцати лет озадачивали и навязывали этим живым эмоциональным людям. Рядом с опустившимися придворными хвастунами и несдержанными крикунами парижской прессы в его облике было что-то героическое. *Tout peut se rétablir* - "Все еще может быть исправлено" - такова была расплывчатая, но исполненная достоинства фраза, в которой он подвел итоги 6 августа перед своим народом.

Военная ситуация теперь требовала немедленного отступления за Мозель. Южный путь отступления, который были вынуждены занять Мак-Магон и де Файи, лишал их надежды на соединение с основными силами армии в Меце вовремя, чтобы противостоять врагу единым фронтом. И вскоре стало известно, что их бегство нельзя было остановить ни в Нанси, ни даже в Туле. В мучительном ожидании их передвижений и передвижений их немецких преследователей император ежедневно менял свои планы. Сначала он и Лебеф спланировали отступление за Мозель и Маас; затем политические соображения заставили их твердо стоять на берегах Ниды, примерно в двенадцати милях к востоку от Меца; и когда эта позиция показалась небезопасной, они завершили марши и контрмаршировки своих войск, заняв позицию в Коломбе, ближе к Мецу.

Тем временем в Париже Палата депутатов свергла министерство Оливье, и императрица-регентша назначила на этот пост графа Паликао. Последовал всеобщий протест против Лебефа, и 12-го император передал командование маршалу Базену (Лебрен теперь исполнял обязанности начальника штаба) с приказом отступать на запад, к Вердену. Приказ императора об отступлении от своего имени считался несвоевременным. Базен был удобным козлом отпущения, и он сам это знал. Если бы он бросил армейский корпус в Мец и подчинился приказу императора, отступив на Верден, все, несомненно, сложилось бы лучше, чем было сейчас. В своей печатной защите Базен настаивал на том, что у армии было недостаточно провизии для марша, и, более того, что отдаленные форты Меца еще не были готовы выдержать осаду - обстоятельство, которое, если это правда, частично объясняет нежелание Базена покидать

"девственный город"[40]." Наполеон III. покинул его рано 16-го: он и его эскорт были последними французами, вырвавшимися из этой смертельной ловушки за много недель.

В то время как Мец оказывал это роковое влияние на армию защиты, Первая и Вторая немецкие армии продвигались на запад, чтобы окружить как город, так и его стражей. Целью Мольтке было удержать как можно больше французов в окрестностях крепости, в то время как его левое крыло обошло ее с юга. Результатом стало сражение при Коломбее к востоку от Меца (14 августа). Это был упорный бой, стоивший немцам около 5000 человек, в то время как французы с меньшими потерями в конце концов отступили под восточные стены Меца. Но эти тяжелые потери означали для Германии большую конечную выгоду. Колебания Базена, чья стратегия была намного более ошибочной, чем у Наполеона III. это, вместе с задержкой, вызванной прохождением значительной части армии по узким улочкам Меца, дало немцам такую возможность, какой не было с 1805 года, когда Наполеон I запер австрийскую армию в Ульме.

Человеком, который теперь увидел великолепный шанс, на который сподобилась взглянуть Фортуна, был генерал-лейтенант фон Альвенслебен, командир 3-го корпуса, чья активность и ресурсы в значительной степени способствовали победе при Шпихерен-Форбахе. Хотя приказы его главнокомандующего принца Фридриха Карла запрещали наступление до тех пор, пока ситуация на фронте не станет более ясной, генерал услышал достаточно, чтобы убедить себя, что быстрое продвижение на юг к Мозелю и через него могло бы позволить ему перехватить отступление французов к Вердену, которое теперь можно было считать несомненным. Сообщив о своем приговоре своему начальнику, а также в королевскую ставку, он 15-го числа выступил со всей скоростью, незаметно перебросил мост через реку и отправил свой передовой отряд до Паньи, недалеко от Горзе, в то время как весь его корпус, численностью около 33 000 человек, переправился через реку около полуночи. Вскоре после рассвета он двинулся в направлении Горзе, зная к этому времени, что другие корпуса Второй армии следуют за ним, в то время как 7-й и 8-й корпуса Первой армии собирались пересечь реку почти напротив этого города.

Это смелое движение, которое навлекло бы на него резкое осуждение в случае поражения, было более чем оправдано, учитывая обескураженное состояние французских войск, крайнюю необходимость найти линию их отступления и великолепные результаты, которые должны были последовать при перехвате этого отступления. Военные операции всегда сопряжены с риском, и великий полководец - это тот, чье знание принципов стратегии позволяет ему быстро увидеть, когда конечная выгода оправдывает риск и как на него можно пойти с наименьшей вероятностью катастрофы.

Наступление Альвенслебена соответствовало общему плану операций Мольтке; но командир этого корпуса, обнаружив, что французы сосредоточили силы между ним и Мецем, решил атаковать их, чтобы задержать их отступление. Результатом стало сражение 16 августа, известное по-разному как Вионвиль, Резонвиль или Марс-ла-Тур - сражение, которое не поддается краткому описанию, поскольку оно представляло собой попытку Третьего, или бранденбургского, корпуса, поначалу без особой помощи со стороны других, удержать свои позиции против наступления двух французских корпусов. В начале боя прискакал Базен, но он не вывел вперед массы, находившиеся у него в тылу, вероятно, потому, что боялся быть отрезанным от Меца. Тем не менее, все утро казалось, что собирающиеся силы французов должны прорваться через тонкие линии, дерзко выдвинутые на эту почти открытую равнину на фланге их марша. Но Альвенслебен и его люди стояли на своем с упрямой волей, которую ничто

не могло поколебать. В каком-то смысле их спасла смелость. Базен долгое время не мог поверить, что один-единственный корпус бросится на одну из двух дорог, по которым собиралась отступить его великая армия. Он полагал, что северная дорога также может быть в опасности, и поэтому не обрушил на Альвенслебена сплошные массы, которые, должно быть, отбросили его обратно к Маасу. В полдень четыре батальона немецкого 10-го корпуса подошли с юга и приняли участие в неравном бою.

Но переломный момент в битве наступил немного позже. Он был отмечен одним из самых смелых и эффективных ударов, когда-либо нанесенных в современной войне. В 2 часа дня, когда продвижение 6-го корпуса Канробера к Вионвиллю угрожало смести усталых бранденбургцев, шесть эскадронов 7-го кирасирского полка с несколькими уланами бросились на новые линии противника, не для того, чтобы одолеть их - это было невозможно, - а для того, чтобы задержать их продвижение и ослабить их натиск. Только половина отважных всадников вернулась из этой смертельной поездки, но они добились своего.

Безумная атака глубоко врезалась во французские позиции около Резонвиля и заставила их лидеров задуматься, полагая, что это было лишь первое из серии систематических атак на французских левых. Предполагалось, что немецкая тактика должна была характеризоваться системой, а не броском, и смелость их врагов на этот раз сделала французов слишком методичными. Базен вообще почти не вводил в бой 3-й корпус и гвардию, но держал их в резерве. Когда после полуденное солнце пошло на убыль, вся мощь немецкого 10-го корпуса была брошена в бой под Вионвилем, а авангарды 8-го и 9-го корпусов выступили из Горзе, чтобы угрожать левому флангу французов. Опасаясь, что он может быть отрезан от Меца на юге - страх, который необъяснимым образом преследовал его весь день, - Базен продолжал поддерживать эту часть своих позиций; и таким образом Альвенслебен смог удержать позиции у южной дороги на Верден, которые он захватил утром. День завершился грандиозным кавалерийским боем на левом фланге немцев, в котором французам пришлось уступить. Только темнота положила конец смертельной схватке. Немногим более двух немецких корпусов было достаточно, чтобы остановить продвижение армии, которая потенциально насчитывала в общей сложности более 170 000 человек.

Потери с обеих сторон были огромными, а именно около 16 000 убитых и раненых. Не было взято ни пушек, ни штандартов, ни пленных; но в тот день армия принца Фредерика Карла практически захватила всю армию Базена. Утверждение может показаться преувеличенным, но оно тем не менее верно. Наступление других немецких войск в ту ночь сделало побег Базена из Меца гораздо более трудным, чем раньше, и очень рано на следующее утро он отвел свои позиции через Гравелотт на укрепленную позицию ближе к Мецу. Таким образом, сражение, которое в тактическом смысле казалось безрезультатным, стало, если рассматривать его в свете стратегии, самым решающим в войне. Если бы Базен использовал даже те силы, которые у него были наготове, он, должно быть, взял бы Альвенслебен; а прибытие 170 000 отборных войск под Верден или Шалон изменило бы весь ход войны. Кампания, вероятно, повторяла бы ход многих кампаний, проводившихся в долинах Мааса и Марны; и Мец, удерживаемый гарнизоном подходящей численности, мог бы противостоять усилиям большой армии осаждающих в течение полных шести месяцев. Эти предположения не являются фантастическими. Продолжительность продовольственного снабжения гарнизона, отрезанного от внешнего мира, обратно пропорциональна численности этого гарнизона. Опыт армий, вторгавшихся на Восток Франции и оборонявшихся там, также в целом точно показывает, чего

можно было бы ожидать, если бы соблюдались правила разумной стратегии. Это был реальный ход событий, который превосходил опыт и бросал вызов всем вероятностям.

Битва при Гравелотте, или Сен-Приват, 18-го числа завершила работу, с таким трудом начатую 3-м германским корпусом 16-го. Необходимость оттеснить армию Базена к Мецу была настоящей, и его бездействие 17-го числа дало время для того, чтобы почти все силы Первой и Второй немецких армий были подтянуты к немецким позициям, примерно в девяти милях к западу от Меца, хотя один корпус был оставлен к востоку от этой крепости, чтобы помешать любой попытке французов прорваться с этой стороны. Базен, однако, сосредоточил свою огромную армию на западе вдоль хребта, протянувшегося на север и юг и представляющего, особенно в южной половине, нападающим крутые склоны. Она также уходила под уклон в тыл, что позволяло обороняющимся (как это было с Веллингтоном при Ватерлоо) тайно укреплять любую часть линии. На левом фланге французов склоны также загибались внутрь, что давало защитникам достаточное преимущество перед любыми фланговыми движениями с этой стороны. На севере, между Аманвилье и Сент. В Мари-о-Шене у обороны было меньше опорных пунктов, за исключением этих деревень, леса Жомон и постепенного спуска к небольшой реке Орн, которая образовывала открытый ледник. Базен сосредоточил свои резервы на плато Плаппевиль и в тылу своего левого фланга; но этот кардинальный недостаток в его расположении - из-за навязчивого страха быть отрезанным от Меца - долгое время был скрыт лесами и склонами в тылу его центра. Позиция здесь и слева от французов была очень сильной, и на нескольких участках войска были скрыты так далеко, что до 11 часов утра наступающие немцы сомневались, не попытаются ли французы прорваться на северо-запад. Мало кому приходило в голову, что столь великая армия останется просто в обороне, что столь противоречит пылкости французской натуры и традициям их армии.

И все же так оно и было. Решение этой загадки можно найти в депеше Базена от 17 августа военному министру: "Мы собираемся приложить все усилия, чтобы пополнить наши запасы всех видов, чтобы возобновить наш марш через два дня, если это возможно"[41]. Несомненно, что армия испытывала серьезные затруднения из-за нехватки припасов; но отложить хотя бы на один день марш к Вердену по северной дороге - то есть на короткое время - было фатально. Возможно, однако, что он надеялся нанести немцам настолько серьезный удар, если они нападут на него 18-го, чтобы облегчить тяжелую задачу отрезать себе путь к отступлению 19-го.

Если так, то ему это почти удалось. Немцы были совершенно ошеломлены протяженностью и силой его линий. Их намерением было обойти с фланга его правое крыло, которое, как считалось, простиралось не дальше на север, чем Аманвильер; но довольно преждевременное наступление 9-го корпуса Манштейна вскоре вызвало смертоносный огонь из этой деревни и с высот по обе стороны, который подавил артиллерию этого корпуса. Вскоре прусская гвардия и 12-й корпус начали страдать от огня, лившегося из окопов, венчавших холм. На правом фланге германии генерал Штайнмец, вместо того, чтобы дожидаться, когда долгожданная фланговая атака на севере возымеет эффект, послал колонны Первой армии почти на верную гибель в ущелье перед Гравелотом, и он упорствовал в этих дорогостоящих усилиях, даже когда сила французской позиции на этой стороне была очевидна для всех. За это суровый старый солдат подвергся суровому порицанию и окончательному позору. В его защиту, однако, можно

возразить, что, когда бушует крупное сражение с сомнительным исходом, долг командира атакующей стороны состоит в том, чтобы занять противника в как можно большем количестве пунктов, чтобы последний удар мог быть нанесен с ощутимым эффектом по жизненно важному пункту, где он не может получить адекватного подкрепления; и тактика бульдогов Штайнмеца перед Гравелотом, которая стоила нападавшим многих тысяч человек, во всяком случае, способствовала удержанию французских резервов на этой стороне и, таким образом, ослабила поддержку, доступную для более важного пункта в кризисный период войны. сражайся. Случилось также так, что действия Штейнмеца усилили странное заблуждение Базена о том, что немцы стремятся отрезать его от Меца с юга.

Истинной целью немцев было прямо противоположное, а именно прижать всю его армию к Мецу, ударив с правого фланга по деревням Сен-Приват и Рокур. Имея около 40 000 человек под командованием Канробера в этих деревнях и между ними, чьи прочные здания обеспечивали обороне наилучшее прикрытие, Базен в последнее время мало заботился об этой части своих позиций, хотя она находилась на опасном расстоянии от его резервов. Их он держал на юге, руководствуясь заблуждением, которое укоренилось в нем здесь, как и в Резонвилле.

Ошибка оказалась фатальной. Как мы уже говорили, немецкий план состоял в том, чтобы развернуть правое крыло французов на более открытой местности на севере. С этой целью прусская гвардия и саксонцы, вытеснив французские аванпосты из Сент-Луиса. Мари-о-Шен бросила все свои силы на разгром французов у их главного опорного пункта справа, Сен-Приват. Борьба прусских гвардейцев на открытом склоне между этой деревней и Аманвильером оставила от них лишь тень на фоне их великолепного строя; но усилия немецкой артиллерии дорого обошлись защитникам: к семи часам Сен-Приват был объят пламенем, и когда саксонцы (12-й корпус), обойдя с севера после долгого флангового марша, приблизились к отдаленной деревне Рокур, Канробер понял, что день потерян, если он не получит своевременной помощи от императорской гвардии. Бурбаки, однако, привел лишь около 3000 человек из этих отборных войск, да и то слишком поздно, чтобы спасти Санкт-Приват от непрекращающейся ярости немецкого наступления.

Когда на место кровавой бойни опустились сумерки, французские правые в некотором беспорядке отступили, даже из части Аманвилье. Дальше на юг они удержали свои позиции. В целом они нанесли своим врагам потери в 20 159 человек, или почти десятую часть от их общего числа. Из участвовавших в боях французских войск численностью около 150 000 человек 7853 были убиты и ранены, а 4419 взяты в плен. Диспропорция в потерях показывает прочность французской обороны и (частично) неумелый характер немецкой атаки. По этому последнему вопросу в недавно опубликованных *дневниках* фельдмаршала графа фон Блюментала приводятся некоторые пикантные подробности. Он описывает негодование короля Вильгельма по поводу расточительности немецкой тактики при Гравелотте: "Он горько жаловался на то, что офицеры высших чинов, по-видимому, забыли все, чему их так тщательно учили на маневрах, и, по-видимому, все потеряли голову". Тот же авторитет дает то, что может быть частично объяснением этого, в своем комментарии, написанном незадолго до Гравелотта, о том, что он считает, что, возможно, не будет другого сражения за всю войну - замечание, отдающее самонадеянностью и безрассудством. Таким образом, Гравелотт нельзя считать полностью заслугой победителей. Тем не менее, результатом стало то, что около 180 000 французских солдат оказались запертыми во внешних укреплениях Меца[42].

ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ На ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

Со ссылкой на М. Заявление Оливье (цитируется на стр. 55) о том, что он вступил в войну с легким сердцем, следует добавить, что впоследствии он объяснил, что имел в виду, что дело Франции было справедливым, а дело Пруссии - несправедливым.

СНОСКИ:

[35] По прусскому закону от 9 ноября 1867 года солдаты должны были прослужить три года в армии, четыре - в резерве и пять - в ландвере. Три новых армейских корпуса (9-й, 10-й и 11-й) были сформированы во вновь присоединенных землях - Ганновере, Гессен-Касселе, Саксонии и др. (Морис, *Франко-германская война*, 1900).

[36] М. де ла Горс в своей *Истории второй империи*, том vi., рассказывает, как французские офицеры пренебрегали изучением военного искусства, в то время как большинство из них смотрели на фаворитизм как на единственное средство продвижения по службе. Предупреждения полковника Стоффеля, французского военного атташе в Берлине, были проигнорированы как предостережения "пруссака, которого очаровал Бисмарк".

[37] /еАвтор узнал об этом от англичанина, который в то время жил в Саксонии.

[38] Смотрите *Дневники* фон Блюменталю, стр. 87 (англ. прим. ред.): "Сражение, которое я ожидал провести 7-го и для которого я подготовил хороший план обхода правого фланга противника, началось сегодня само собой".

[39] Этими подробностями о боях у Ротберга я в значительной степени обязан моему другу, мистеру Бернарду Паресу, магистру медицины, который тщательно изучил местность там, а также у Верта и Седана.

[40] Базен привел это оправдание в своем *отчете "Соммер сюр ле Операции Рейнской армии"*; но, как указал штабной офицер в своем резком *ответе*, эта причина должна была быть столь же убедительной, когда Наполеон (12 августа) приказал ему отступить; и он все еще был обязан подчиняться приказам императора.

[41] Базен, *Раппорт Соммер и др.* Приведенное выше предложение является решающим. Защита, которую позже выдвинули Базен и несколько его защитников, а также нападки его противников, конечно, смешаны с теориями, возникшими *после* этого события.

[42] Для получения более подробной информации об этих сражениях учащийся должен ознакомиться с двумя замечательными работами по этому предмету - "Истории войны", выпущенными генеральными штабами Франции и Германии; Базен, "*Рейнская армия*" и "*Боевые эпизоды*"; *Дневники* генерала Блюменталю; "*Aus drei Kriegen*", ген. фон Лигниц; Морис, *Франко-германская война*; Хупер, *Седанская кампания*; военная корреспонденция *Times* и *Daily News*, опубликованная в виде книги.

ГЛАВА III

СЕДАН

"Нет ничего более опрометчивого и противоречащего принципам войны, чем совершать фланговый марш перед находящейся на позиции армией, особенно когда эта армия занимает высоты, перед которыми необходимо дефилировать". - НАПОЛЕОН I.

Успех немецких операций к югу и западу от Меца фактически решил весь ход кампании. Теперь немцы могли привлечь свои огромные резервы, когда-либо наступавшие с Рейна, окружить эту крепость железным кольцом и тем самым лишить Францию ее единственной крупной силы - регулярных войск. Возведение полевых укреплений и баррикад продолжалось с такой скоростью, что силы блокады смогли за несколько дней направить сильную колонну в направлении Шалон-сюр-Марн, чтобы помочь армии наследного принца Пруссии. Эта армия тем временем преследовала Мак-Магона через Нанси и напрягала все силы, чтобы иметь возможность нанести удар по южным железнодорожным линиям, ведущим из Парижа. Однако события, которые вскоре будут описаны, заставили его повернуть на северо-запад.

Немецкие войска, отведенные из окрестностей Меца, состояли из прусской гвардии, 4-го и 12-го корпусов и двух кавалерийских дивизий. Эта армия, известная как Армия Мааса, была передана под командование наследного принца Саксонии. Ее целью, как и Третьей немецкой армии (армии наследного принца Пруссии), было нанести удар по Мак-Магону до того, как он получит подкрепление. Кавалерийский заслон, предшествовавший армии на Маасе, перешел эту реку 22-го числа, когда основная часть войск кронпринца Прусского переправилась немногим милей южнее. Две армии продвигались на запад на небольшом расстоянии друг от друга; и 23-го числа их кавалерия получила бесценные известия, а именно, что армия Мак-Магона покинула Шалон. На следующий день большой лагерь был обнаружен опустевшим.

На самом деле Мак-Магон взял на себя задачу ужасной сложности. Приняв командование в Шалоне, куда Наполеон III прибыл из Меца 16-го, он обнаружил безнадежный беспорядок не только среди своих собственных разбитых войск, но и среди многих вновь прибывших; хуже

всего было с Мобильной гвардией, многие полки которой приветствовали императора криками "За Париж". Встречаться с немцами на открытых равнинах Шампани с такими разрозненными и подавленными силами было чистым безумием; и военный совет 17-го числа пришел к выводу отступить к столице и действовать в пределах ее внешних фортов - шаг, который мог бы позволить армии восстановить уверенность, подавить любое восстание в столице и, возможно, сдержать немцев, пока провинции не поднимутся в *массовом порядке* против захватчиков. Но в это самое время императрица-регентша и министерство Паликао в Париже пришли к совершенно противоположному решению на том основании, что возвращение императора с армией Мак-Магона будет выглядеть как личная трусость и подлое дезертирство Базена в Меце. Императрица была за борьбу с *произволом*, и ее правительство издало приказы о национальном восстании и наборе иррегулярных формирований, или *франкотиреров*, для преследования немцев[43].

Их решение было передано по телеграфу Наполеону III. в Шалон. Вопреки собственному здравому смыслу, император уступил политическим соображениям - этому жернову на шее французской армии в 1870 году - и решил нанести удар на север с армией Мак-Магона и через Монмеди протянуть руку помощи Базену, который, со своей стороны, должен был прибыть на это randevu. Таким образом, 21-го числа они двинулись маршем на Реймс. Там император получил депешу, которую Базен смог переправить через вражеские позиции 19-го числа, в которой говорилось, что немцы пробиваются к Мецу, но что он (Базен) надеется прорваться к Монмеди и таким образом присоединиться к армии Мак-Магона. (Это, как следует заметить, произошло *после того, как* Гравелот был потерян.) Наполеон III. вслед за этим ответил: "Получил ваше письмо 19-го числа в Реймсе; направляюсь в Монмеди; послезавтра буду на Эне и там буду действовать в соответствии с обстоятельствами, чтобы прийти вам на помощь". Базен получил это сообщение только 30 августа, а затем предпринял лишь две слабые попытки прорваться на север (31 августа- 1 сентября). Действие маршала, направившего это сообщение, должно быть признано одним из самых роковых за всю войну. Это привело императора и Мак-Магона к ложному мнению относительно позиции в Меце и послужило убедительным аргументом для императрицы и Паликао в Париже настаивать на походе на Монмеди любой ценой.

С сомнением Мак-Магон повел свой разрозненный отряд из Реймса в северо-восточном направлении к Стенэ на Маасе. Дождь задержал его продвижение и обескуражил войска; но 27 августа, находясь примерно на полпути между Эной и Маасом, его аванпосты соприкоснулись с аванпостами противника. На самом деле они принадлежали прусскому кронпринцу, чья армия собиралась пересечь северные дороги через Аргонну, линию холмов, на которых французы остановили прусское вторжение в 1792 году. Сейчас положение дел было совершенно иным. Национальный энтузиазм, организованность, предприимчивость - все было на стороне захватчиков. Как уже указывалось, 23-го числа их всадники обнаружили, что шалонский лагерь опустел; на следующий день их разведчики узнали из парижской газеты, что Мак-Магон находится в Реймсе; а на следующий день газетные сообщения, пришедшие через Лондон, раскрыли тайну, по которой Мак-Магон пытался добраться до Базена.

Как получилось, что эта новость ускользнула от внимания цензора, объяснено не было. Если это была работа английского журналиста, это не освобождает официальную цензуру от обвинения в грубой небрежности, оставившей даже лазейку для передачи важных секретов. Газетные корреспонденты, конечно, являются естественными врагами правительств во время войны; и

опыт 1870 года показывает, что судьба империй может зависеть от эффективности механизмов контроля над ними. В качестве доказательства превосходства немецкой организации или более высокого патриотизма их газет мы можем упомянуть, что никакие новости срочной важности не просочились через немецкую прессу. Возможно, это было связано с торжественным заявлением редакторов и корреспондентов немецких газет о том, что они никогда не раскроют подобные секреты; но из того, что мы знаем о жесткой конкуренции газет за приоритет новостей, разумно предположить, что правительство Германии очень хорошо позаботилось о том, чтобы ничто не встало у них на пути.

В результате отличной разведки их кавалерии и небрежных действий французского правительства по прессу немецкая армия на Маасе 26-го числа совершила общий поворот на северо-запад. Это движение приблизило его аванпосты к самым южным подразделениям Мак-Магона и вызвало в штабе маршала трепетное предчувствие, которое испытывает командир немореходного корабля при приближении первого порыва циклона. Он понял, что придерживаться нынешнего курса безумие, и отдал приказ об отступлении к Мезьеру, крепости на Маасе ниже Седана. Однако министерство Паликао снова вмешалось, чтобы запретить этот спасительный шаг - единственный способ избежать неминуемой опасности - и приказало ему выступить на помощь Базену. В этот критический момент Наполеон III. проявил здравый смысл, который, казалось, покинул французских политиков: он посоветовал маршалу не подчиняться этому приказу, если тот сочтет его опасным. Тем не менее, Мак-Магон решил уступить предполагаемым интересам династии, которыми император был готов пожертвовать ради более высоких требований безопасности Франции. Таким образом, их роли странным образом поменялись местами. Император рассуждал как здравомыслящий патриот и хороший стратег. Мак-Магон, должно быть, испытывал те же побуждения, но повиновение императрице и министерству или рыцарское уважение к Базену пересилили его угрызения совести. Он решил плестись дальше, к Маасу.

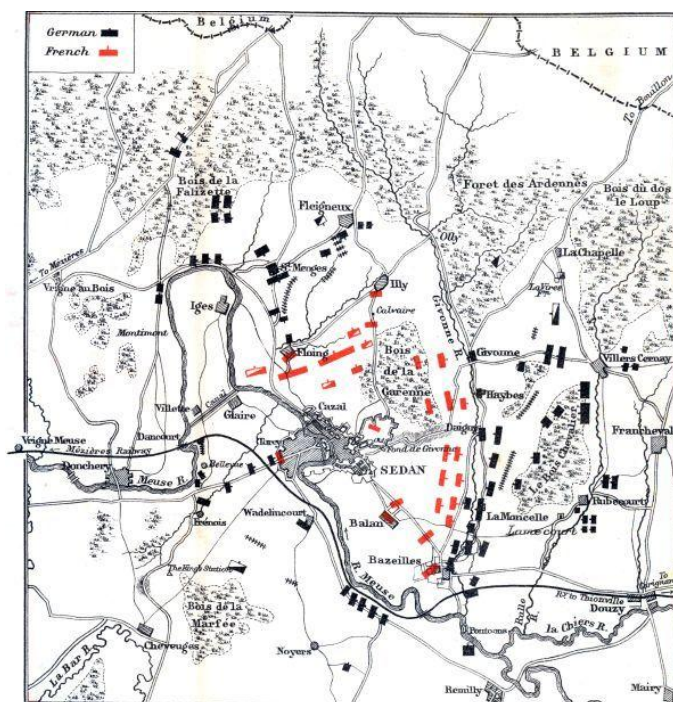
Теперь немцы были начеку, чтобы заманить в ловушку эту армию, которая выставила свой фланг на длинном марше недалеко от бельгийской границы. Их вездесущие кавалеристы захватывали французские донесения, которые показывали им намеченные ходы в отчаянной игре Мак-Магона; Мольтке спешно подтянул все доступные дивизии; и старший из двух Альвенслебенов удостоился чести застать корпус де Файи врасплох в Арденнских лесах близ Бомона, когда они были в разгаре трапезы. Французы сплотились и организовали энергичную оборону, но в конце концов в замешательстве отступили на север, к Музону, потеряв 2000 пленных и 42 орудия (30 августа).

Это несчастье, нехватка провизии, усталость и деморализация его войск вынудили Мак-Магона 31-го числа отступить к Седану, маленькому городку в долине Мааса. Он окружен крепостными валами, спроектированными великим Вобаном, но, поскольку над ним возвышаются лесистые высоты, он больше не имеет того значения, которым обладал до эпохи высокоточных дальнобойных орудий. Главная сила оборонительной позиции заключалась в глубоком изгибе реки ниже города, густом Гареннском лесу на северо-востоке и лощине, образованной ручьем Живонн на востоке, где располагалась важная деревня Базей. Поэтому неудивительно, что фон Мольтке, увидев, что французские войска концентрируются в этой лощине, заметил начальнику штаба фон Блюменталю: "Теперь они в ловушке; завтра рано утром мы должны переправиться через Маас".

Император и Мак-Магон, по-видимому, даже тогда, во второй половине дня 31-го, надеялись дать своим усталым войскам короткий отдых, снабдить их провизией и припасами из крепости, а на следующий день, или 2-го, совершить побег через Мезьер. Возможно, они могли бы сделать это в ту ночь, и, конечно, они могли бы достичь бельгийской границы, всего в каких-нибудь шести милях отсюда, и там сложить оружие перед бельгийскими войсками, которых находчивый Бисмарк поставил в *тупик*. Сохранять спокойствие даже в течение дня в Седане означало навлечь на себя катастрофу; и все же пассивность была характерна для французского штаба и всей армии в тот день и вечером. Правда, Мак-Магон отдал приказ взорвать мост через Маас в Доншери, но машинист, который взял с собой инженеров, которым была поручена эта важная задача, потерял самообладание, когда немецкие снаряды просвистели около его двигателя, и уехал до того, как порох и инструменты были доставлены. Второй отряд, отправленный позже, обнаружил, что этот мост находится во владении противника. На восточной стороне, выше Седана, баварцы захватили железнодорожный мост к югу от Базейля, оттеснив французов, которые пытались его взорвать[44].

Через мост Доншери и два понтонных моста, построенных ниже этой деревни, немцы перебросили свои войска перед рассветом 1 сентября, и когда утренний туман того дня медленно рассеялся, было видно, как их колонны обходят с севера глубокую петлю Мааса, отрезая таким образом пути отхода на запад и северо-запад. Тем временем на другом конце города баварцы фон дер Танна начали бой. Надавив на Базейль, чтобы помешать отступлению противника (как это было так эффективно сделано при Коломби, к востоку от Меца), они сначала застали врасплох спящих французов, но быстро навлекли на себя резкую и продолжительную контратаку морской пехоты, приданной 12-му французскому корпусу.

Чтобы понять упорную энергию французов с этой стороны, мы должны обратить внимание на решения, принятые их штабом 31 августа и рано утром 1 сентября. На военном совете, состоявшемся во второй половине дня 31 - го, решения не было

План битвы при Седане.

был достигнут, вероятно, потому, что истощение 5-го и 7-го корпусов и атака баварцев на 12-й корпус у Базейля очень затрудняли любое решительное движение. Общий вывод состоял в том, что армии необходим некоторый отдых; и впоследствии немцы обнаружили на поле боя французский приказ: "Сегодня отдых всей армии". Но уже 30-го числа из Парижа прибыл офицер, полный решимости восстановить моральный дух армии и прорваться к Базену. Это был генерал де Вимпффен, который отличился в предыдущих войнах и, недавно прибыв из Алжира в Париж, был назначен там вместо де Файи командующим 5-м корпусом. И это было не все. Министерство Паликао, очевидно, испытывало некоторые сомнения относительно энергии Мак-Магона и опасалось, что сам император помешает проведению операции. Таким образом, де Вимпффен получил неофициальный мандат на то, чтобы придать энергии советам в штабе, и ему был доверен секретный письменный приказ принять на себя верховное командование, если с Мак-Магоном что-нибудь случится. Приняв командование 5-м корпусом 30-го числа, де Вимпффен обнаружил, что тот деморализован поспешным отступлением через Музон; но ни этот факт, ни истощение всей армии не уменьшили решимости этого стойкого солдата прорваться к Мецу.

Рано утром 1 сентября позиции, занимаемые французами, образовали, грубо говоря, треугольник, расположенный на правом берегу Мааса от Базейля до Седана и Глера. Работы по возведению дамб и проливные дожди предыдущих дней разлили реку по низменным лугам, что затруднило, если не сделало невозможным, переправу противника под огнем; но этот же факт уменьшал пространство, на котором французы могли попытаться прорваться. Соответственно, они почти полностью разместили свои силы вдоль внутренних склонов ручья Живонн и более мелкого ручья, который течет с возвышенности около Илли вниз к деревне Флоинг, а оттуда к Маасу. Высоты Или, увенчанные Кальвером, образовывали вершину французской позиции, в то время как Флоинг и Базейль образовывали другие углы того, что во многих отношениях было хорошим полем боя. Их численность составляла около 120 000 человек, хотя многие из них были инвалидами или почти беспомощны от усталости; в целом немцев было больше, но три их

корпуса не смогли добраться до места боевых действий раньше 13:00 из-за тяжести дорог[45]. Таким образом, поначалу французы имели превосходство в силах и занимали гораздо более компактную позицию, как будет видно из прилагаемого плана.

Теперь мы возобновляем рассказ о битве. Бои в Базейле и его окрестностях быстро привели к одному очень важному результату. В 6 часов утра осколком снаряда, выпущенного нападавшими с холмов к северо-востоку от этой деревни, был тяжело ранен маршал Мак-Магон, наблюдавший за конфликтом с позиции перед деревней Балан. Вслед за этим он назначил генерала Дюкро своим преемником, отказавшись от претензий двух генералов, стоявших выше него. Дюкро, понимая серьезность положения, приготовился отвести войска к Кальверу Или, готовясь к отступлению на Мезьер через Сен-Менж. Известие о предстоящем отступлении, которое должно было проходить под яростным огнем немцев, угрожавших теперь линии Живонны, задело де Вимпффена за живое. Он знал, что кронпринц держит силы к юго-западу от Седана, готовый ударить во фланг любым силам, которые попытаются прорваться к Мезьеру; и временный успех его собственного 5-го корпуса против саксонцев в ла-Монселе укрепил его в пользу совместного наступления на восток, в направлении Кариньяна и Меца. Соответственно, около девяти часов он предъявил секретный приказ, уполномочивающий его стать преемником Мак-Магона, если последний окажется недееспособным. Дюкро сразу же подчинился министерскому указу; император попытался вмешаться в пользу Дюкро, но уверенный в себе де Вимпффен отмахнулся; и, таким образом, длительный конфликт между Мак-Магоном и министерством Паликао закончился победой последнего - и катастрофой для Франции[46].

Рискуя этим последним утверждением, мы не имеем в виду, что отступление на Мезьер спасло бы тогда всю армию. Однако это могло позволить части его войск прорваться либо к Мезьеру, либо к бельгийской границе; и вполне возможно, что Дюкро имел в виду последнюю цель, когда отдавал приказ о сосредоточении в Илли. В любом случае, теперь этот шаг был отменен в пользу отчаянной атаки на восточных противников. Вряд ли нужно говорить, что результат этих колебаний был плачевным, они поколебали позиции защитников и дали нападающим время подтянуть войска и пушки и тем самым укрепить свой контроль над каждым важным пунктом. Особенно ценным было приближение 2-го баварского корпуса; выступив из Рокура в 4 часа утра, он достиг холмов к югу от Седана около 9 часов, и его артиллерия, размещенная недалеко от Френуа, открыла ужасный огонь по городу и расположенным рядом с ним французским войскам.

Примерно в то же время Вторая дивизия саксонцев подкрепила своих оказавшихся в затруднительном положении товарищей к северу от ла-Монсель, где по приказу де Вимпффена французы предприняли решительное продвижение вперед. Своевременное прибытие этих новых немецких войск спасло их артиллерию, которая несла великолепную службу. Французы были отброшены назад через Живонну с большими потерями, и массированная батарея из 100 орудий подавила все дальнейшие попытки наступления на этой стороне. Тем временем под Базейлем морские пехотинцы достойно поддерживали честь французского оружия. Несмотря на ужасный артиллерийский огонь, который теперь был сосредоточен на деревне, они отбросили немецких пехотинцев, но так и не вытеснили их полностью. Получив подкрепление, они возобновили борьбу с таким же упорством; сами жители вступили в бой с любым оружием, которое им предложила фьюри, и по мере того, как эта беспощадная борьба раскачивалась

взад и вперед среди грохота артиллерии, крушения стен и шипения пламени, война была видна во всей своей неприкрытой жестокости.

Однако и здесь, как и на всех участках, оборона была постепенно преодолена превосходством немецкой артиллерии. Около одиннадцати часов французы, несмотря на их нечеловеческие усилия, были обойдены баварцами и саксонцами с флангов к северу от деревни. Даже тогда, когда регулярные войска отступили, некоторые жители продолжали свое безумное сопротивление; большая часть деревни теперь была объята пламенем, но были ли они подожжены немцами или отступающими французами, чтобы задержать победителей, так и не было выяснено. В любом случае, несколько жителей погибли в огне; и признано, что баварцы сожгли некоторых жителей деревни за стрельбу по ним из окон^[47].

При обороне Базейля французская пехота проявила свое обычное мужество и стойкость. В других местах усталые и подавленные колонны быстро деморализовывались под ужасающим артиллерийским огнем, который немцы вели со многих выгодных точек. Прусская гвардия, выступившая из Виллер-Серне около 10 часов утра, установила свои грозные батареи таким образом, чтобы прочесать Гаренский лес и местность вокруг Кальвер-д'Илли с востока; и примерно в это же время орудия 5-го и 11-го немецких корпусов, которые ранее форсировали Маас ниже Седана, были пущены в ход по западному фронту этой части французских позиций. Вершина треугольника обороняющихся, таким образом, подверглась серьезному обстрелу примерно из 200 орудий; и их залпы, вскоре поддержанные огнем стрелков и залпами солдат, остановили все продвижение французов вперед с этой стороны. На юге и юго-востоке столько же пушек обрушилось на французские линии, но с большего расстояния.

Почти до полудня казалось, что французы могут прорваться на север, и некоторым из них все-таки удалось спастись. Однако с той стороны не было предпринято никаких последовательных усилий, очевидно, потому, что даже после потери Базейля в одиннадцать часов де Вимпффен цеплялся за веру, что он сможет прорваться к Кариньяну, если не через Базейль, то, возможно, каким-то другим путем, например, через Дени или ла Монсель. Рассуждения, которыми он убедил себя, трудно понять, потому что единственная дорога в Кариньян с той стороны проходит через Базей. Возможно, нам следовало бы сказать, что он не рассуждал, а был одержим одной навязчивой идеей; и история войн со времен римлянина Варрона вплоть до эпохи австрийца Мака и француза де Вимпффена показывает, что люди, чьи мозги работают как по маслу и не принимают в расчет то, что находится справа и слева, не годятся для командования армиями; они приносят легкие победы только великим мастерам ведения войны - Ганнибалу, Наполеону Великому и фон Мольтке.

Де Вимпффен, как мы утверждаем, не обратил особого внимания на протесты генералов Дуэ и Дюкро по поводу того, что они оставили северную вершину и северо-западный фронт обороны раздавленными тяжестью металла и численностью. Он ускакал в сторону Балана, близ деревни, возле которой бывшие защитники Базейля храбро и частично успешно оборонялись, и к холмам на севере не было отправлено никакого подкрепления. Деревни Или и Флоинг были потеряны; затем французские колонны отступили даже на возвышенности позади них, настолько велико было давление сходящегося немецкого наступления. Хуже всего было то, что скулеры начали спешно покидать ряды и искать укрытия в лесах или даже под крепостными валами Седана далеко в тылу. Французские артиллеристы по-прежнему использовали свои орудия с непоколебимой преданностью, хотя и были безнадежно уступлены по всем пунктам, но было

ясно, что только мощный рывок вперед мог спасти положение. Поэтому Дюкро приказал генералу Маргериту с тремя отборными кавалерийскими полками (африканскими егерями) и несколькими эскадронами улан атаковать наступающие линии. Продвигаясь вперед от северной окраины Гаренского леса, чтобы оценить свои позиции, Маргарита была смертельно ранена. Де Боффремон занял его место, и эти храбрые всадники устремились вперед, выполняя задачу, столь же безнадежную, как задача Легкой бригады в Балаклаве или задача французских кирасиров в Верте[48]. Их поведение было столь же славным, но ужасная мощь современной винтовки была продемонстрирована еще раз. Они могли выдержать грохот отдаленных батарей; беспорядочно, но непокорно они устремились к немецким позициям, но когда немецкая пехота открыла огонь почти на пистолетном расстоянии, шеренга за шеренгой всадники падали, как трава под косой. Тут и там небольшие отряды всадников атаковали пехотинцев с фланга, даже, как говорят, в нескольких случаях с тыла; но атака, хотя и храбро возобновленная, мало что дала, за исключением отсрочки немецкого триумфа и восстановления чести Франции.

Примерно к двум часам французская кавалерия была практически выведена из строя, и теперь не осталось императорской гвардии, как при Ватерлоо, которая могла бы пролить лучи славы на это бедствие. Однако тем временем де Вимпффен решил предпринять еще одну попытку. Собрав вокруг себя несколько лучших пехотных батальонов в Седане и его окрестностях, он умолял императора присоединиться к нему, чтобы прорубить путь на восток. Император не прислал ответа на этот призыв; он рассудил, что слишком много крови уже было пролито без необходимости. Тем не менее, де Вимпффен упорствовал в своем безумном начинании. Ворвавшись в ряды баварцев в деревне Балан, он на некоторое время отбросил их назад, пока его люди, сбитые с толку натиском, не пали перед упорным объединением баварцев и саксонцев. С крахом этих усилий и разгромом французской кавалерии за Флоингом рухнули последние хрупкие преграды на пути наступления противника. Дороги на Седан были теперь запружены толпами беглецов, чьи попытки пройти по разводным мостам в маленькую крепость напоминали африканское сражение; ибо король Вильгельм и его штаб, чтобы ускорить неизбежную капитуляцию, приказали 200 или более фигурам на южных высотах сыграть против города. Тем не менее де Вимпффен отказывался сдаваться и, несмотря на приказы своего государя, продолжал безнадежную борьбу. Наконец, чтобы остановить ужасную бойню, сам император приказал поднять белый флаг[49]. Немецкий офицер спустился вниз, чтобы провести предварительные переговоры, и, к своему удивлению, был препровожден в присутствие императора. Немецкий штаб ничего не знал о его местонахождении. Услышав эту новость, король Вильгельм, который весь день просидел верхом на вершине склона позади Френуа, сказал своему сыну, наследному принцу: "Это действительно большой успех; и я благодарю тебя за то, что ты внес в это свой вклад". Он протянул руку своему сыну, который поцеловал ее, а затем, в свою очередь, Мольтке и Бисмарку, которые тоже поцеловали ее. Вскоре французский генерал Рейль доставил королю следующее письмо с автографом:

MONSIEUR MON FRÈRE--N'ayant pu mourir au milieu de mes troupes, il ne me reste qu'à remettre mon épée entre les mains de Votre Majesté.--Je suis de Votre Majesté le bon Frère

NAPOLÉON.

SÉDAN, le 1er Septembre, 1870.

Король поручил фон Мольтке согласовать условия, а затем уехал в деревню дальше на юг, причем было решено, вероятно, по предложению Бисмарка, что он не должен видеться с императором, пока все не будет улажено. Тем временем де Вимпффен и другие французские генералы на совещании с фон Мольтке, Бисмарком и Блюменталем в деревне Доншери пытались добиться легких условий, апеллируя к их великодушию и утверждая, что это положит конец войне и заслужит благодарность Франции. Ко всем призывам разрешить пленной армии отправиться в Алжир или сложить оружие в Бельгии немцы оставались глухи, - Бисмарк наконец прямо сказал, что французы - завистливый народ, на благодарность которого было бы напрасно рассчитывать. Затем Де Вимпффен пригрозил возобновить бой, а не сдаваться, на что фон Мольтке мрачно согласился, но Бисмарк снова вмешался, чтобы добиться продления перемирия. Рано утром сам Наполеон выехал в Доншери в надежде увидеть короля. Последователь Бисмарка Босуэлл дал нам представление о нем таким, каким он тогда появился: "Взгляд его светло-серых глаз был несколько мягким и мечтательным, как у людей, которые жили слишком быстро". (В его случае, мы можем заметить, это было вызвано болезненной болезнью, которая не оставляла его на протяжении всей кампании и унесла его три года спустя.) "Он носил свою кепку немного набекрень, в эту сторону также склонялась его голова. Его короткие ноги были непропорциональны длинной верхней части тела. Весь его вид был немного не солдатским. Мужчина выглядел слишком мягким - я бы сказал, слишком пористым - для формы, которую он носил".

Бисмарк, стойкий германец, который разрушал его политику по всем пунктам, встретился с ним в Доншери и сорвал его желание увидеть короля, заявив, что это невозможно до тех пор, пока не будут согласованы условия капитуляции. Затем император беседовал с канцлером в маленьком коттедже, принадлежащем ткачу. Усевшись на два стула с тростниковыми обивками у единственного соснового стола, они беседовали о величайших государственных делах. Император сказал, что он не стремился к этой войне: "он был втянут в нее под давлением общественного мнения. Я ответил" (писал Бисмарк), "что никто из нас не желал войны - король меньше всего[50]". Затем Наполеон умолял о щедрых условиях, но признал, что он, как пленник, не может их согласовать; они должны быть согласованы с де Вимпффеном. Около десяти часов последний согласился на безоговорочную капитуляцию рядового состава французской армии, но те офицеры, которые обязались своим честным словом (в письменной форме) не сражаться снова во время нынешней войны, должны были быть освобождены. Затем у Наполеона состоялась беседа с королем. Что произошло, неизвестно, но когда император вышел, "его глаза" (писал Бисмарк) "были полны слез".

Павший монарх принял предложение короля о замке Вильгельмсхез близ Касселя в качестве своей резиденции до конца войны; это была обитель, на которую Жером Бонапарт потратил миллионы талеров, выжатых из вестфальских бюргеров, во время своего краткого правления в 1807-1813 годах. Туда отправился его племянник через два дня после седанской катастрофы. И это, как представляется, был конец династии, чей приход к власти начался с захватывающих событий, связанных с мостом Лоди, Арколой, Риволи и Пирамидами. Потери французов 1 сентября составили около 3000 убитых, 14 000 раненых и 21 000 пленных. На следующий день в результате капитуляции было сдано 83 000 пленных, а также 419 полевых орудий и 139 пушек крепости. Около 3000 человек бежали через брешь в немецких линиях на северо-востоке к бельгийской границе и там сложили оружие.

Новости об этой беспрецедентной катастрофе начали просачиваться в Париж поздно вечером 2-го; на следующее утро, когда стали известны подробности, толпы людей вышли на улицы с криками "Долой империю! Да здравствует Республика!" Власть по-прежнему оставалась у императрицы-регентши и министерства Паликао. Все должны признать, что императрица Евгения сделала все, что было возможно в этом безнадежном положении. Она обратилась к этому очаровательному литератору, г-ну Просперу Мериме, с просьбой пойти к его другу г-ну Тьеру (на которого мы сейчас взглянем) и попросить его сформировать министерство, которое спасло бы Империю для молодого принца Империи. Г-н Тьер вежливо, но твердо отказался протянуть руку помощи династии, которую он считал виновницей гибели его страны.

В тот день императрица также созвала Палаты представителей - Сенат и Легислатурный корпус - тщетная уловка, поскольку во времена кризиса французы смотрят на мужчину, а не на Палаты. У империи не было под рукой ни одного человека. Генерала Трошю, губернатора Парижа, подозревали в республиканстве - во всяком случае, он позволил событиям идти своим чередом. 4-го числа огромные толпы заполнили улицы; толпа устремилась к Палате представителей, где обсуждались различные компромиссы; двери были взломаны, и среди дикого возбуждения было внесено предложение свергнуть династию наполеоновских династий. Два депутата-республиканца, Гамбетта и Жюль Фавр, заявили, что Отель-де-Виль - подходящее место для провозглашения Республики. Там, соответственно, было провозглашено, что депутаты от города Парижа вступают в должность Правительства национальной обороны. Они подоспели как раз вовремя, чтобы помешать таким социалистам, как Бланки, Флуранс и Анри Рошфор, привести к власти "Коммуну". Императрица и имперский принц немедленно бежали, и, за исключением протеста Сената, никто не поднял голоса в защиту Империи. Жюль Фавр, взявший на себя бремя иностранных дел в новом правительстве национальной обороны, смог заявить в своей циркулярной записке от 6 сентября, что "революция 4 сентября произошла без пролития капли крови или потери свободы ни одним человеком"[51].

Этот факт показывает нереальность бонапартистского правления во Франции. По сути, господство Наполеона III было обусловлено несколькими причинами, которые говорили скорее против возможных соперников, чем непосредственно в его пользу. Ненависть к социалистам, чьи опрометчивые политические эксперименты привели к кровавым дням уличных боев в Париже в июне 1848 года, имела большое значение. К этому добавилась непопулярность Орлеанского дома после грязного и неинтересного правления Луи Филиппа (1830-48). Устаревший роялизм Старшей, или легитимистской, ветви этой злополучной династии делал это в равной степени невозможным. Луи Наполеон пообещал сделать то, чего его предшественники, монархисты и республиканцы, явно не смогли сделать, а именно примирить требования свободы и порядка внутри страны и поддержать престиж Франции за рубежом. В течение первых десяти лет блеск его имени, мастерство, с которым он способствовал материальному процветанию Франции, и успехи его первых войн обещали создать прочную державу. Но затем наступили дни слабеющего здоровья и пошатнувшегося престижа - финансовых скандалов, мексиканской ошибки, унижения перед растущей мощью Пруссии. Чтобы поправить дело, он поиграл с демократией во Франции и, наконец, позволил своим министрам бросить вызов Пруссии; ибо, по словам французского историка, условия, на которых он находился у власти, "обрекли его на блестящую деятельность"[52]."

Потерпев неудачу при Седане, он потерял все; и он знал это. Его правление, по сути, было одной долгой катастрофой для Франции. Язва морального разложения начала ослаблять ее

общественную жизнь, когда существа, которых он использовал в *государственном перевороте* 1851 года, пришли к власти. Кричащая сенсационность его политики, задававшая тон парижскому обществу, оказалась фатальной для честного незаметного тяжелого труда, который строит прочное здание как в общественной, так и в частной жизни. Даже лучшие качества его натуры свидетельствовали против окончательного успеха. Как было показано, его расплывчатые, но благородные идеи о национальности отвлекли французскую политику от путей очевидного эгоизма после 1864 года и дали легкую победу проницательному и объективному государственному искусству Бисмарка. Едва ли можно сомневаться в том, что он любил Францию так же искренне, как верил в способность бонапартистской традиции помочь ей. Его поведение во время войны 1870 года показало, что он был бескорыстен, в то время как его видение было более ясным, чем у окружавших его генералов. Но в области высокой политики, как и в моральных событиях, которые формируют или омрачают жизнь нации, его влияние сильно сказалось на благосостоянии Франции; и он, должно быть, унес с собой в изгнание сознание того, что его сложный характер и противоречивые стремления всего лишь привели его династию и его страну к беспрецедентному падению.

Возможно, здесь уместно отметить событие мирового значения, которое стало следствием военного краха Франции. Итальянцы всегда ждали того дня, когда Рим станет столицей страны. Великий Наполеон во время своего изгнания на острове Святой Елены произнес пророческие слова: "Италии, изолированной в своих естественных пределах, суждено сформировать великую и могущественную нацию. ... Итальянцы, без сомнения, выберут Рим своей столицей". Политические и экономические потребности современности, совпадающие в этом с голосом традиции, всегда столь сильным в сердцах итальянцев, властно указывали на Рим как на единственно возможный центр национальной жизни.

Как указывалось во Введении, Пий IX после революционных лет 1848-49 почувствовал потребность во французских войсках в своей столице, и его жесткая и реакционная политика (или, скорее, политика его искусного государственного секретаря Антонелли) вскоре полностью оттолкнула чувства его подданных.

После того, как выдающийся мыслитель Кавур был убит смертью (июнь 1861 г.), патриоты отчаянно, но тщетно боролись за то, чтобы избавить Рим от присутствия иностранных войск и завоевать его для национального дела. Рейды Гарибальди в 1862 и 1867 годах были сорваны, один итальянскими, другой французскими войсками; и последний случай, приведший к ожесточенному сражению при Ментане, перечеркнул все чувства благодарности к Наполеону III. за его прежнюю помощь, которая сохранилась после присвоения им Савойи и Ниццы. Таким образом, в 1867-70 годах ситуация оставалась прежней, папа полагался на поддержку французских штыков, чтобы принудить своих собственных подданных. Очевидно, что такое положение вещей не могло продолжаться. Первое сильное потрясение всегда должно разрушить политическое здание, которое держится не на собственном фундаменте, а на внешних опорах. Они были внезапно отозваны войной 1870 года. В начале августа Наполеон приказал всем своим войскам покинуть Папскую область; и падение его власти месяц спустя

освободило Виктора Эммануила от претензий на благодарность, которые он все еще испытывал по отношению к своему союзнику 1859 года.

Сразу же передовое крыло итальянской национальной партии предприняло действия, которые либо вынудили, либо, что более вероятно, поощрили правительство Виктора Эммануила вмешаться под предлогом предотвращения создания Римской республики. Король предложил Пию IX. согласиться на мирную оккупацию Рима королевскими войсками и, получив ожидаемый отказ, двинул вперед 35 000 солдат. Соппротивление 11 000 папских войск оказалось в основном формальным. Стена возле Порта Пиавы вскоре рухнула под ударами итальянских пушек, и после непродолжительной борьбы у пролома по приказу папы римского был поднят белый флаг (20 сентября).

Так пала светская власть папства. В тот год чудес это событие привлекло сравнительно мало внимания, но его результаты были знаменательными. В то время в Италии царило всеобщее чувство облегчения, если не радости, оттого, что национальное движение достигло своей цели, хотя и в столь вялой и не вдохновляющей манере. Рим долгое время был жертвой политической реакции, сопровождавшейся самым суровым полицейским надзором. *Плебисцит* относительно будущего правительства дал 133 681 голос за правление Виктора Эммануила и только 1507 голосов против[53].

Теперь, впервые со времен Наполеона I. и недолговечной республики, за которую Мадзини и Гарибальди так благородно работали и боролись в 1849 году, Вечный город начал ощущать преимущества прогрессивного правления. Королевское правительство вскоре оказалось очень далеким от совершенства. Фаворитизм, увеличение синекур, муниципальная коррупция и прозаические набеги строителей и спекулянтов вскоре помогли омрачить работу по политическому восстановлению и начали вызывать определенное сожаление о более живописных временах папского правления. Сентиментальная реакция такого рода неизбежно возникает во всех случаях политических перемен, особенно в городе, где так долго господствовали традиции и эмоции.

Совесть верующих также была обеспокоена, когда вышел указ папы римского, отлучающий от церкви короля-разбойника и всех его главных пособников в святотатственном деянии. Сынам Церкви по всей Италии было приказано не вступать в сношения с незванными гостями и не принимать участия в выборах в итальянский парламент, который отныне заседал в Риме. Раскол между Ватиканом, королевским двором и правительством так и не удалось преодолеть; и даже сегодня он представляет собой одну из самых сложных проблем Италии.

Несмотря на то, что Рим и Италия получили мало того умственного и морального стимула, который мог бы возникнуть в результате завершения национального движения исключительно действиями самих людей, факт, тем не менее, остается фактом: Рим нуждался в Италии, а Италия нуждалась в Риме. Разочарование, громко выражаемое идеалистами, сентименталистами и реакционерами, не должно заслонять от нас тот факт, что итальянцы, и прежде всего римляне, выиграли от наступления единства, политической свободы и гражданской ответственности. Вполне может быть, что, действуя как лидер конституционного народа, Вечный город мало-помалу разовьет в себе более высокие способности, чем те, которые воспитывались под папской опекой, и, возможно, будут столь же благотворны для человечества, как те, которые в древнем мире даровали Европе законы.

Как всегда настаивал Мадзини, политический прогресс, чтобы быть разумным, должен основываться в конечном счете на моральном прогрессе. Оно по самой своей природе медлительно и поэтому склонно ускользать от глаз моралиста или циника, который заикливается на неблагоприятных признаках настоящего. Но Рим, к которому стремились и боролись Мадзини и его соотечественники, вряд ли сможет в конечном итоге не подняться на высоту своих древних традиций и благородного пророчества Данте: "*Там находится резиденция империи. Никогда не было и никогда не будет народа, наделенного такой способностью приобретать власть, с большей энергией поддерживать ее и большей мягкостью в ее осуществлении, чем итальянская нация, и особенно народ Священной Римской Империи*". Строки, которыми мистер Суинберн завершил свое "*Посвящение*" "*Песен перед восходом солнца*" Джозефу Мадзини, достойны того, чтобы занять место рядом со словами средневекового провидца:

Да, даже она, как и вначале,
Да, только она и никто другой,
Разрушит, созидет, вернет домой,
Утолит голод и жажду земли,
Облегчит и поведет как мать;
Первое имя из имен мира - Рим.

СНОСКИ:

[43] Смотрите в "*Войне 1870 года: Базай-Седан*" генерала Лебрена отчет о его корпусе в армии Мак-Магона.

В свете событий конца англо-бурской войны стоит отметить, что немцы никогда не признавали *франкотиреров* солдатами и немедленно издали приказ, заканчивающийся словами: "Они подпадают под действие военного положения и могут быть приговорены к смертной казни" (Морис, *Франко-германская война*, стр. 215).

[44] Мольтке, *Франко-германская война*, том i, стр. 114. Хупер, *Седанская кампания*, стр. 296.

[45] Морис, *Франко-германская война*, стр. 235.

[46] Смотрите "*Войну 1870 года: Базей-Седан*" Лебрена, об этих спорах.

[47] М. Буш, *Бисмарк во франко-германской войне*, том i, стр. 114.

[48] Лебрен (указ. соч. стр. 126-127; также Приложение D) утверждает, что де Боффремон тогда возглавил атаку, де Галлифеэ возглавил только 3-й полк африканских егерей.

[49] Лебрен, указ. соч. стр. 130 и далее. для споров о капитуляции.

[50] Буш, *Бисмарк о франко-германской войне*, том i, стр. 109. Сравните это утверждение с его более поздними попытками (*Воспоминания*, том ii, стр. 95-100) доказать, что он способствовал развязыванию войны.

[51] Габриэль Аното, *Современная Франция*, том i, стр. 14 (англ. ред.)

[52] Сказано в 1852 году выдающимся французом нашему соотечественнику Нассау-старшему (*Журналы*, ii. *ad fin*).

[53] Графиня Чезареско, *Освобождение Италии*, стр. 411.

ГЛАВА IV

ОСНОВАНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

"[Греч. *egigneto te logo men daemokratia*, следовательно, что касается протоиереев Андроса]".

"Таким образом, Афинами, хотя они все еще назывались демократией, фактически правил ее величайший человек". - ФУКИДИД, книга ii. глава 65.

Цель этой работы состоит в том, чтобы в общих чертах обрисовать только те выдающиеся события, которые сделали ведущие государства мира такими, какие они есть сегодня, мы можем бросить лишь беглый взгляд на остальные события франко-германской войны и великолепную, хотя и безнадежную попытку сплочения, предпринятую недавно созданным Правительством национальной обороны. Немногие факты в новейшей истории вызывают более волнующий интерес, чем подробности доблестных усилий, предпринятых молодой Республикой против захватчиков. Дух, в котором они были созданы, сквозил в словах прокламации месье Пикара от 4 сентября: "Республика спасла нас от вторжения 1792 года. Республика провозглашена".

Каким бы вдохновляющим ни было это упоминание о великих и успешных усилиях Первой Республики против войск Центральной Европы в 1792 году, оно вводило в заблуждение. В то время Пруссия впала в состояние слабости из-за двойного зла - фаворитизма и политики, направленной в обе стороны. Теперь она почувствовала силу, рожденную твердым отстаиванием великого принципа - национального, - который склонил на ее сторону почти всю

немецкую расу. Франция, с другой стороны, из-за шокирующих ошибок ее политиков и генералов во время войны, имела свободным только один армейский корпус, корпус генерала Виноя, который 2-4 сентября поспешно отступил из окрестностей Мезьера в направлении Парижа. Поэтому ей приходилось почти полностью рассчитывать на Мобильную гвардию, Национальную гвардию и французов-тиреров; но горький опыт показал, что этот необработанный материал нельзя было организовать за несколько недель, чтобы противостоять обученным и победоносным легионам Германии.

Тем не менее о заключении мира с захватчиками и речи не шло. Последнее послание графа Паликао палатам было вызовом врагу; и парижские депутаты, почти все республиканцы, которые сформировали Правительство национальной обороны, отвергли все малодушные предложения. Их политика нашла выражение в знаменитой фразе Жюль Фавра, министра иностранных дел: "Мы не уступим ни пяди нашей территории, ни камня из наших крепостей". Поскольку это было так, все надежды на компромисс с немцами были тщетны. Фавр беседовал с Бисмарком в замке Ферьер (19 сентября); но его прекрасное красноречие, даже его слезы, не произвели впечатления на Железного канцлера, который заявил, что ни в коем случае не будет заключено перемирие, даже для выборов в Национальное собрание, если Франция не согласится уступить Эльзас и часть Лотарингии, позволив немецким войскам также удерживать, среди прочего, Страсбург и Туль.

Очевидно, что такой самопровозглашенный орган, как временное правительство в Париже, не мог принять эти условия, которые наиболее глубоко касались нации в целом. При существующем настроении Парижа и Франции упоминание таких терминов означало войну на ножах, о чем Бисмарк, должно быть, знал. Со своей стороны, французы не могли поверить, что их великая столица с ее бастионами и кольцом внешних фортов может быть взята; в то время как немцы - как явствует из Дневника генерала фон Блюменталья - надеялись на ее скорую капитуляцию. Был один человек, который видел настоятельную необходимость иностранной помощи. М. Тьер (о личности которого мы поговорим чуть позже) взялся отправиться с миссией к ведущим державам Европы в надежде убедить одну или нескольких из них вмешаться от имени Франции.

Подробности этой миссии, конечно, полностью неизвестны. Здесь мы можем только констатировать, что Россия теперь отплатила Пруссии за помощь в подавлении польского восстания 1863 года нейтралитетом, хотя и с оттенком определенной ревности к успеху Германии. Бисмарк постарался притупить это чувство, предложив ей (России) воспользоваться нынешней возможностью и аннулировать положение, принятое после Крымской войны, которое не позволяло ей посылать военные корабли в Черное море; и впоследствии это было сделано под тонкой дипломатической маскировкой на Лондонском конгрессе (март 1871 г.). Таким образом, проницательность Бисмарка в поддержке России в то время заставила эту Державу замолчать. Что касается Австрии, то она, несомненно, хотела вмешаться, но не решилась рисковать войной с Россией, которая, вероятно, привела бы к очередному свержению власти. Италия не обнажила бы свой меч ради Франции, если бы последняя не признала ее права на Рим (в который итальянские войска вошли 20 сентября). Молодая Французская Республика возразила против этого. Великобритания, конечно, придерживалась политики нейтралитета, которую она поначалу декларировала[54].

Соответственно, Франции пришлось полагаться на свои собственные усилия. Они были на удивление велики. Перед полным взятием Парижа (20 сентября) делегация Правительства национальной обороны отправилась в Тур с целью побудить провинции прийти на помощь осажденной столице. Вероятно, всему правительству следовало отправиться туда; ибо, запершись в столице, оно потеряло связь с провинциями, за исключением случаев, когда воздушные шары и почтовые голуби ускользали от немецких снайперов и приносили ценные новости[55]. Ошибка была замечена вовремя, чтобы позволить человеку поразительной энергии покинуть Париж на воздушном шаре 7 октября, спуститься как настоящий *бог из машины* на шатающуюся делегацию в Туре и взбудоражить кровь Франции своей бранью. Нотка мелодраматизма была не только в его внешности, но и в его речах. Французы, однако, тем лучше следуют за лидером, если он хороший режиссер и умный актер. Новый лидер был и тем, и другим, но он был чем-то большим.

Леон Гамбетта вырвался на первое место в адвокатуре в последние дни 1868 года благодаря страстному выступлению против *государственного переворота*, произнесенному, ко всеобщему изумлению, в маленьком суде исправительной полиции по мелкому делу о государственном преследовании маленькой парижской газеты. Отвергнув обычные методы защиты, молодой адвокат бросил вызов Наполеону III. как автору *государственного переворота* и всей нынешней деградации Франции. Смелость молодого адвоката, который таким образом поменялся ролями с властями и объявил импичмент главе государства, произвела глубокое впечатление; оно было удвоено южной интенсивностью его мыслей и выражения. Презируя все формы риторики, он изливал поток идей, облекая их в первые слова, которые приходили на его ловкий язык, подкрепляя их ударами кулака или самыми яростными жестами, и все же, опять же, превращая рев страсти в сатирический фальцет или шепот эмоций. Его невысокое, коренастое телосложение, излучающее силу, удваивало силу всех его высказываний. Не было в них и недостатка в очаровании поэзии и романтики, которого можно было ожидать от его итальянских предков. Он происходил из генуэзского рода, который на некоторое время обосновался на Юге Франции. Странная судьба, позвавшая его сейчас на фронт с целью исправить зло, причиненное Франции другим итальянским домом! В мирное время его власть над людьми вознесла бы его на самые высокие посты, если бы его божественное изобилие мыслей и речей было поддающимся укрощению. Это было не так. Он всегда презирал умеренное благоразумие, и его поведение, когда волна революции, наконец, привела его к власти, послужило поводом для насмешки Тьера: "Это вы фурии". Таков был человек, который теперь использовал неутолимый пыл своего патриотизма для поднятия Франции. Насколько слова и энергия могли мобилизовать армии, он преуспел; но поскольку ему не хватало всех военных знаний, его слепая самоуверенность дорого обошлась Франции.

Возможно, новые войска Республики могли бы в какой-то момент прорвать огромное кольцо немецких позиций вокруг Парижа (поскольку поначалу силы осаждающих были менее многочисленны, чем осажденные), если бы нападавшие не получили подкреплений после падения Меца (27 октября). Здесь не место обсуждать вину Базена за мягкость, проявленную в защите. Обширные доказательства, собранные на его суде, показывают, что он был очень слаб в критические дни в конце августа; также несомненно, что Бисмарк обманул его под предлогом того, что при определенных условиях, которые будут согласованы с императрицей Евгенией, его армия может быть сохранена в неприкосновенности ради восстановления Империи[56]. Вся эта схема была всего лишь уловкой, чтобы выиграть время и заставить Базена бездействовать, и канцлер Германии преуспел здесь, как и во всех других моментах своей великой игры. Таким

образом, 27 октября 6000 офицеров и 173 000 рядовых были вынуждены сдаться из-за голода вместе с 541 полевым орудием и 800 осадными орудиями.

Эта капитуляция, величайшая в истории цивилизованных наций, нанесла смертельный удар надеждам Франции. Месяцем ранее Страсбург поднял белый флаг, и осаждающие эти крепости могли свободно двинуться на запад и сокрушить новые отряды рекрутов. После успеха при Кульмье, близ Орлеана (9 ноября), французы были быстро отброшены вниз по долине Луары, а оттуда на запад до Ле Мана. На Севере, при Сен-Кантене, немцы добились такого же успеха, как и в Бургундии, в борьбе с некогда эффективным вольнонаемным Гарибальди, который пришел со своими сыновьями сражаться за Республику. Последняя попытка была предпринята Бурбаки и большой, но плохо сколоченной армией против коммуникаций противника в Эльзасе. Быстрой концентрацией немцы в Эрикуре, недалеко от Бельфора, нанесли поражение этому дерзкому маневру (навязанному Правительством национальной обороны Бурбаки вопреки его здравому смыслу) и вынудили его и его оказавшихся в затруднительном положении сторонников перебраться в Швейцарию (30 января 1871 г.).

Между тем Париж уже капитулировал. В течение 130 дней, и это тоже в условиях необычайно суровой зимы, великий город держался с мужеством, которое не смогли преодолеть ни поражения, ни расколы, ни нехватка продовольствия, ни бомбардировки, направленные против его южных кварталов. К концу января защитники столкнулись с голодом, и 28-го было заключено перемирие, которое положило конец войне, за исключением окрестностей Бельфора. Это исключение было вызвано решимостью немцев оказать жесткое давление на Бурбаки, в то время как французские переговорщики не были осведомлены о его тяжелом положении. Гарнизон Парижа, за исключением 12 000 человек, на которых была возложена обязанность поддерживать порядок, сдался; форты были переданы в руки осаждающих. Когда это было сделано, город должен был быть реконструирован и после этого выплатить военную контрибуцию в размере 200 000 000 франков (8 000 000 фунтов стерлингов). Национальное собрание должно было быть свободно избрано и собраться в Бордо для обсуждения вопроса о мире. Национальная гвардия сохранила оружие, Фавр утверждал, что разоружить их будет невозможно; за эту ошибочную слабость он впоследствии выразил свое глубокое сожаление[57].

Несмотря на вполне естественные протесты Гамбетты и многих других против фактического прекращения войны под диктовку парижских властей, "Голос Франции" одобрил их действия. Подавляющее большинство высказалось за мир. Молодая Республика сотворила чудеса в возрождении национального духа: французы могли снова почувствовать уверенность в себе, которая была подорвана сдачей Седана и Меца; но инстинкт самосохранения теперь властно требовал прекращения безнадежной борьбы. В ходе спешной подготовки к выборам, состоявшимся 8 февраля, кандидатам было задано всего несколько вопросов, за исключением вопроса о мире или войне; и вскоре выяснилось, что подавляющее большинство высказалось за мир, даже ценой потери части восточных провинций.

Из 630 депутатов, собравшихся в Бордо 12 февраля, 400 были монархистами, почти поровну разделенными между легитимистами и орлеанистами; 200 были убежденными республиканцами; но только 30 бонапартистов были возвращены. Неудивительно, что Ассамблея, собравшаяся в середине февраля, вскоре должна была объявить, что Наполеоновская империя прекратила свое существование как "ответственная за разорение,

вторжение и расчленение страны" (1 марта). Эти довольно преувеличенные обвинения (против которых Наполеон III. протестовал из своего места ссылки, Чизлхерста) были естественны в тогдашнем плачевном состоянии Франции. Что здесь удивительно и нуждается в кратком объяснении, так это тот факт, что монархическое Собрание должно было разрешить основание Республики.

Этот парадоксальный результат был вызван несколькими причинами, некоторые из них носили общий характер, другие были вызваны партийными соображениями, в то время как личное влияние одного человека, возможно, изменило баланс сил в этом кризисе в истории Франции. Мы рассмотрим их в указанном здесь порядке.

Ставя вопрос в общих чертах, мы можем сказать, что нынешнее Собрание не было компетентно принимать решения по будущей конституции Франции; и тот смутный, но мощный инстинкт, который руководит представительными органами в таких случаях, предостерегал от любых откровенно пристрастных усилий в этом направлении. Депутаты полностью осознавали, что они были избраны для решения неотложного вопроса о мире или войне, либо для спасения Франции от ее долгой агонии, либо для того, чтобы отдать последние капли своей крови в деле чести. Руководствуясь инстинктом самосохранения, избиратели, особенно в сельских округах, обратились к людям состоятельным и влиятельным на местном уровне, как к тем, кто с наибольшей вероятностью мог спасти их от буйных последователей Гамбетты. Соответственно, местным магнатам отдавали предпочтение перед адвокатами и журналистами, чьи ораторские и литературные способности обычно пользуются спросом во Франции; и было избрано более 200 дворян. Их выбрали не из-за их благородства и роялизма, а потому, что они были уверены, что проголосуют против *фурие*.

Кроме того, роялисты прекрасно понимали, что потребуется время, чтобы приучить Францию к идее короля и уладить острое соперничество между старшей и младшей ветвями Дома Бурбонов. Более того, они были озабочены тем, чтобы ненависть к подписанию губительного мира пала на молодую Республику, а не на монарха будущего. Подобно тому, как великий Наполеон в 1814 году, несомненно, был рад, что отказ от Бельгии и границы по Рейну перешел к его преемнику Людовику XVIII, и рассчитывал на это как на одну из причин, подрывающих восстановленную монархию, так и теперь роялисты намеревались возложить неприятную обязанность по уступке восточных округов Франции на республиканцев, которые так упорно затягивали борьбу. Призыв немалой части республиканской партии к войне *наперекор* все еще играл на руку роялистам и отчасти оправдывал эту узкопартийность. Однако события должны были доказать здесь, как и во многих других случаях, что партия, взявшая на себя неотложный долг и мужественно его выполнявшая, в конечном итоге выиграла больше, чем те, кто уклонялся от ответственности и оставлял ведение дел своим оппонентам. Мужчины восхищаются теми, кто бесстрашно вырывает цветок безопасности из крапивы опасности.

Наконец, влияние одной влиятельной личности должно было в конечном счете быть направлено на дело Республики. Этот странный инстинкт, который в кризисные повороты взгляд людей к необходимому человеку, сейчас выделял М. Тьер. Ветеран-государственный деятель избирался в двадцати шести департаментах. Гамбетта и генерал Трошю, губернатор Парижа, избирались по девять раз каждый. Было ясно, что народ высказался за политику государственной умеренности, которую Тьер теперь суммировал в своем лице; и Гамбетта на время удалился в Испанию.

Имя Тьера не всегда означало умеренность. Со времен своей юности, когда его журналистская критика политики, литературы, искусства и драматургии периода Реставрации заставила все языки трепать, и до того дня, когда его разносторонние способности привели его к власти при Луи Филиппе, он отстаивал все, что больше всего любят жизнерадостные сыны Франции. Его ранняя работа, *"История Французской революции"*, вызвала симпатию у оставшихся в живых старых якобинских и жирондистских партий, а его горячая враждебность к Англии во время его пребывания у власти льстила шовинистическим чувствам, которые неуклонно росли во время скучного правления Луи Филиппа. В основном Тьер был сторонником орлеанской династии, однако его преданность конституционным принципам, пылкость его южного темперамента - он был марсельцем по происхождению - и живой эгоизм, который никогда не терпел противоречий, часто вызывали острые трения с королем и друзьями короля. Казалось, он был рожден для оппозиции и критики. Впоследствии его поведение помогло подорвать устои Второй республики (1848-51). Брошенный в тюрьму приспешниками Луи Наполеона во время *государственного переворота*, он вышел оттуда бодрым, как всегда, и снова взялся за роль, которую так любил.

Тем не менее, среди всех кажущихся причуд поведения Тьера проступают два руководящих принципа - страстная любовь к Франции и искренняя привязанность к разумной свободе. Первый был абсолютным и неизменным; второй допускал некоторые вариации, если правитель не приумножал славу Франции, а также (как говорили некоторые циники) признавал величие М. Тьера. За многочисленные насмешки, которым подвергали его его живые таланты и успешная карьера, он отомстил. Его острый взгляд и пронизательные рассуждения обычно предупреждали его о вероятной судьбе династий и министерств. Подобно Талейрану, на которого он чем-то походил разносторонностью, оппортунизмом и неугасимой любовью к Франции, он мог бы сказать, что никогда не покидал правительство до того, как оно само покинуло себя. Он предсказал падение Луи Филиппа при реакционном министерстве Гизо, как позже предсказал падение Наполеона III. Он обвинил императора в том, что тот не начал войну с Пруссией в 1866 году, с той же неопровержимой логикой, которая отличала его неприятие безумного порыва к войне в 1870 году. И все же его собственные труды в некотором смысле укрепили боевой дух. Его великий труд *"История консульства и империи"*, вышедший с 1845 по 1862 год - последние восемь томов вышли во времена Второй империи, - был в основном прославлением Первого Наполеона. Поэтому люди с некоторым нетерпением спрашивали, почему человек, восхваляющий дядю, выступает против превосходства племянника; и действия толпы, разбившей окна в доме историка после его великой речи против войны 1870 года, нельзя назвать полностью нелогичными, даже если они противоречат галльской жизнерадостности.

В лихорадочной драме французской политики Время иногда приносит подходящего Врага. Так было и сейчас. Человек, который всю свою зрелость делил энергию между парламентской оппозицией несколько фракционного типа и литературным культивированием наполеоновской легенды, теперь, на закате своих дней, был призван нести сокрушительный груз ответственности в борьбе за получение наилучших возможных условий мира от победоносного германца, в посредничестве между противоборствующими фракциями в Бордо и Париже и, наконец, в создании формы правления, которая никогда не вызывала его искреннего сочувствия, за исключением наименее предосудительного средства, доступного тогда Франции.

В настоящее время важнее всего было добиться мира с минимальными жертвами для Франции. Кто мог бы заключить лучшую сделку, чем Тьер, человек, который так хорошо знал Францию и недавно почувствовал пульс европейских правительств? Соответственно, 17 февраля Ассамблея назначила его главой исполнительной власти "до тех пор, пока она не будет основана на Конституции Франции". Он отказался занять этот пост до тех пор, пока в последнем пункте не будут заменены слова "Французской Республики". У него были все основания настаивать на этом требовании. В отличие от Республики 1848 года, сила которой была главным образом или почти исключительно в Париже, Республика была провозглашена в Лионе, Марселе и Бордо до того, как пришли какие-либо новости о свержении наполеоновской династии в столице[58].

Теперь он доверил три важных портфеля - иностранных дел, внутренних дел и государственного образования - убежденным республиканцам - Жюлю Фавру, Пикару и Жюлю Симону. Успокоив монархическое большинство, обратившись к ним с просьбой отложить все вопросы, касающиеся будущей конституции, до тех пор, пока дела не будут более улажены, он отправился на встречу с Бисмарком в Версаль.

Недостаток, который почти неизбежно присутствует в парламентских институтах, ослабил позицию Франции еще до начала переговоров. Состав Ассамблеи подразумевал сильное стремление к миру - факт, который Тьер напрасно подчеркивал перед тем, как покинуть Бордо. С другой стороны, Бисмарк стремился положить конец войне. Он знал достаточно, чтобы испытывать беспокойство по поводу позиции нейтральных государств, поскольку общественное мнение в Англии, Австрии и Италии склонялось к чувству острой симпатии к Франции, и даже Россия испытывала беспокойство при виде великой военной империи, возникшей на ее фланге. Недавнее провозглашение Германской империи в Версале - событие, о котором будет рассказано в одной из последующих глав, - открыло перед Отечеством перспективу великих событий, сопряженных с трудностями и опасностями. Прежде всего, возникли острые разногласия между ним и военными в германском штабе, которые хотели "обескровить Францию", захватив большую часть французской Лотарингии (включая ее столицу Нанси), несколько колоний и часть ее флота. Теперь известно, что Бисмарк с той же умеренностью, которую он проявил после Кенигграца, выступил против этих крайних требований, потому что сомневался в целесообразности сохранения Меца с его многочисленным французским населением. Слова, в которых он высказал эти мысли во время ужина с Бушем 21 февраля, заслуживают того, чтобы их процитировали:

Если бы они (французы) дали нам на миллиард больше (40 000 000 фунтов стерлингов), мы, возможно, отдали бы им Мец. Затем мы взяли бы 800 000 000 франков и построили бы себе крепость в нескольких милях дальше, где-нибудь около Фалькенберга или Саарбрюка - поблизости должно быть какое-нибудь подходящее место. Таким образом, мы получим чистую прибыль в размере 200 000 000 франков. [Примечание: Миллиард = 1 000 000 000 франков.] Мне не нравится, что так много французов находятся в нашем доме против своей воли. То же самое и с Бельфортом. Там тоже все по-французски. Военные, однако, не захотят упустить Метца из виду, и, возможно, они правы[59].

Между Бисмарком и Мольтке возникли резкие разногласия по этому вопросу, и император Вильгельм вмешался в пользу Мольтке. Это решило вопрос о Меце против Тьера, несмотря на его угрозу, что это может привести к возобновлению войны. Однако для Бельфора французский

государственный деятель приложил максимум усилий. Эта крепость занимает важнейшее положение. Сильная сама по себе, она стоит как часовой, охраняющий промежуток почти ровной местности между отрогами Vogezов и Юры. Если бы эта девственная твердыня была передана Германии, она легко смогла бы перебросить свои легионы в долину Ду и господствовать над богатыми районами Бургундии и Лиона. Кроме того, воинская честь требовала от Франции сохранить крепость, на которой развевался триколор. Немцы удержали Мец, и выгнать их было невозможно. Очевидно, что случай с Бельфортом был на другой почве. На своей конференции 24 февраля Тьер наконец бросил Бисмарку вызов следующими словами: "Нет, я никогда не уступлю Бельфор и Мец на одном дыхании. Вы хотите разрушить финансы Франции, ее границы. Что ж! Возьмите ее. Управляйте ею, собирайте ее доходы, и вам придется управлять ею перед лицом Европы - если Европа позволит[60]."

Вероятно, это неповиновение имело меньший вес для Железного канцлера, чем его убежденность, отмеченная выше, в том, что включение двух полностью французских городов в состав Германской империи оказалось бы источником слабости; рядом с этим его собственный девиз, *Beati possidentes*, с успехом проявился в случае с Бельфортом. Соответственно, эта цитадель была сохранена для Франции. Тьер также добился уменьшения на миллиард суммы в шесть миллиардов, первоначально названной в качестве военной контрибуции, причитающейся Германии; в этом вопросе Жюль Фавр утверждает, что британское посредничество принесло некоторую пользу. Если это так, то это отчасти объясняет ненависть к Англии, которую Бисмарк проявлял в последние годы своей жизни. Предварительные условия мира были подписаны в Версале 26 февраля.

Оставался еще один вопрос. Немцы настаивали на том, что, если Бельфор останется во Франции, часть их армии должна войти в Париж. Напрасно Тьер и Жюль Фавр указывали на раздражение, которое это вызовет, и на возможную вытекающую из этого опасность. Германский император и его штаб сочли это делом чести, и 30 000 их солдат соответственно прошли маршем в район Елисейских полей и на короткое время заняли его. Условия мира были окончательно ратифицированы Франкфуртским мирным договором (10 мая 1871 г.), по которому Франция уступила Эльзас и часть Лотарингии с населением около 1 600 000 душ и понесла другие потери, отмеченные выше. Последним, но не менее важным было бремя поддержки немецкой оккупационной армии, которая удерживала свою власть на северо-востоке Франции до тех пор, пока, по мере поступления дополнительных войск, иностранные войска не были пропорционально отведены на восток. Масштабы этих потерь и бремени уже вызвали крики боли во Франции. Национальное собрание в Бордо, впервые заслушав условия, страстно подтвердило низложение Наполеона III, в то время как депутаты от уступленных округов подали торжественный протест против своей экспатриации (1 марта). Некоторые из продвинутых депутатов-республиканцев, отказываясь признать уступку территории, сложили свои места в Ассамблее. Так начался раскол между радикалами, особенно парижскими, и Ассамблеей, которому суждено было перерасти в непроходимую пропасть. Ситуация усугубилась из-за решения Ассамблеи заседать не в столице, а в Версале, где она была бы свободна от суесть великого города. Сам Тьер высказался в пользу Версаля; там Ассамблея впервые собралась 20 марта 1871 года.

Конфликт между этим монархическим Собранием и нетерпеливыми радикалами Парижа, возможно, крылся в природе вещей. Большинство депутатов с нетерпением ожидали возвращения короля (будь то граф де Шамбор из старших бурбонов или граф Парижский из Орлеанского дома), как только Франция будет освобождена от немецких оккупационных армий и призрака Красного террора. Некоторые из их наиболее нетерпеливых членов открыто показали свою силу и, находясь в Бордо, начали упрекать Тьера за его упрямый нейтралитет в этом вопросе. Со своей стороны, мудрый старик рано понял необходимость держать стороны в узде. 17 февраля он умолял их отложить вопросы относительно будущей формы правления, работая тем временем исключительно ради нынешних нужд Франции и позволяя будущей победе быть делом той партии, которая показала себя наиболее достойной доверия. "Может ли быть какой-нибудь человек, - воскликнул он, - который осмелился бы со знанием дела обсуждать статьи Конституции, в то время как наши заключенные умирают от страданий далеко отсюда, или в то время как наш народ, умирающий от голода, вынужден отдавать последний кусок хлеба иностранным солдатам?" Аналогичный призыв в марте привел к неформальному перемирию по конституционным вопросам, известному как Бордосский договор. В лучшем случае это было ненадежное перемирие, которое наверняка было нарушено при первых признаках активности со стороны республиканцев.

Теперь эту деятельность развернули "красные" Парижа. У нас ушло бы слишком много времени на описание истоков муниципального социализма, сформировавшегося в Парижской коммуне 1871 года. Первые семена этого движения были посеяны его прототипом в 1792-1793 годах, который суммировал всю смелость и энергию революционного социализма той эпохи. Эта идея была поддержана "Национальными мастерскими" 1848 года, учреждение и окончательное подавление которых молодой Республикой того года привело к ее собственной гибели.

Таким образом, история показывает, что Париж, как глава Франции, привык энергично думать и действовать самостоятельно во время революции. Но опыт не менее ясно доказал, что конечности, то есть сельские районы, обычно отказывались следовать за головой в этих фантастических движениях. Следовательно, после короткого периода деятельности Святого Вита всегда наступало время борьбы, за которым слишком часто следовало оцепенение, когда тело приводило голову в состояние оцепенелого подчинения. Триумф сельских представлений объясняет реакцию 1831-47 и 1851-70 годов. Париж, вновь обретший свободу передвижения после падения Второй империи 4 сентября, сразу же попытался начать свои политико-социальные эксперименты, и, как мы указывали, только оперативность "умеренных", оказавшихся лицом к лицу с наступающими немцами, предотвратила катастрофу социалистического режима в Париже во время осады. Тем не менее, коммунисты предприняли две решительные попытки прийти к власти; первая из них, 31 октября, почти увенчалась успехом. Другие города в центре и на юге, особенно Лион, также были на пороге революционного социализма, и успех движения в Париже, возможно, привел бы к широкомасштабному испытанию коммунального эксперимента. Война помогла сохранить дела в прежнем русле.

Но теперь чувство ярости из-за сдачи Парижа и уступки восточных округов Франции вкупе с ненавистью к монархическому собранию, которое попирало столицу, заседаая в резиденции старых королей Франции, довело народные страсти до лихорадочного накала. Ассамблея, несомненно, допустила много ошибок: она санкционировала выплату арендной платы и всех других обязательств в столице на период осады, как в обычное время, и назначила

непопулярного человека командовать Национальной гвардией Парижа. В конце февраля Национальная гвардия сформировала Центральный комитет для защиты своих интересов и интересов столицы; и когда исполнительная власть штата направила линейные войска, чтобы захватить их орудия, припаркованные на Монмартре, националисты и чернь выступили в полную силу. Войска отказались действовать против Национальной гвардии, и те убили двух генералов, Леконта и Тома (18 марта). После этого Тьер и его министры довольно покорно удалились в Версаль, и столица перешла в руки коммунистов. Проявив большую твердость с самого начала, можно было бы предотвратить последующие ужасы.

Коммунисты быстро прислушались к голосу народа, проведя выборы в самом демократическом духе. Во многих отношениях их программа муниципальных реформ ознаменовала значительное улучшение по сравнению с типом городского управления, преобладавшим во времена Империи. Это было практически под контролем имперских *префектов*. Коммунисты теперь отстаивали право каждого города на полное самоуправление с контролем над его должностными лицами, магистратами, национальной гвардией и полицией, а также над налогообложением, образованием и многими другими сферами деятельности. Наиболее амбициозные умы с нетерпением ждали того времени, когда Франция сформирует федерацию самоуправляющихся коммун, делегаты которых, решая вопросы, представляющие национальный интерес, низведут исполнительную власть до полного подчинения. По сути, этот общинный федерализм был идеалом Руссо и его идеального кантонального государства.

Они надеялись, что таким образом мозг Франции будет контролировать тело, а сельское население неизбежно займет положение дровосеков и разносчиков воды, как в политическом, так и в материальном смысле. Несомненно, Парижская коммуна внесла некоторые разумные изменения, которые указали путь к реформам, приносящим долговременную пользу; но очень сомнительно, что ее цели могли привести к постоянству в стране, столь богатой сельским хозяйством, какой тогда была Франция. Конечно, он начал свой эксперимент наихудшим из возможных способов, а именно, бросив вызов официальным властям страны в целом и приняв старый революционный календарь и красный флаг, символ социальной революции. С тех пор для ножа это было делом войны.

Национальное правительство, заседавшее в Версале, поначалу не могло действовать с большой энергией. Многие линейные полки симпатизировали Национальной гвардии Парижа: их численность составляла 200 000 человек, и они контролировали стены и некоторые посты к юго-западу от Парижа. Немцы все еще удерживали форты к северу и востоку от столицы и отказывались допустить какое-либо нападение с этой стороны. Было даже заявлено, что Бисмарк благоволил коммунистам; но, как говорят, это произошло из-за того, что они неправильно истолковали его обещание поддерживать позицию *фридлиха* (мирную), как если бы это была позиция *фрейндлиха* (дружественная)^[61]. Полная правда об отношениях Бисмарка к Коммуне неизвестна. Немцы, однако, отправили обратно отряд французских пленников, и они вместе с другими войсками, после отражения вылазки коммунистов 3 апреля, начали угрожать обороне города. Борьба сразу же приняла дикий характер, что было неизбежно после убийства двух генералов в Париже. Версальские войска, относясь к коммунистам как к простым мятежникам, расстреляли их старших офицеров. Вслед за этим коммуна предприняла ответные действия, отдав приказ о захвате заложников и захвате архиепископа Парижского и нескольких других священнослужителей (5 апреля). Он также постановил отменить бюджет на

общественные богослужения и конфисковать церковную и монастырскую собственность *по всей Франции*- предложение, которое вызвало насмешки и презрение.

Было бы утомительно останавливаться на деталях этой ужасной борьбы. Постепенно регулярные войска одолели Национальную гвардию Парижа, вытеснили ее из южных форт и, наконец (21 мая), закрепились в стенах Парижа у ворот Отей. Затем последовала неделя уличных боев и безумия, какого Европа не видела со времен войны на полуострове. "Место для людей, для сражающихся с обнаженным оружием. Пробил час войны за независимость". Это был плакат, расклеенный по всему Парижу 22-го числа по приказу лидера коммунистов Делеклюза. И снова: "После баррикад - наши дома; после наших домов - наши руины". Были предприняты приготовления к сожжению дотла части центра Парижа, чтобы задержать продвижение версальцев. Слухи превратили это в план массового поджога, и рассказывались дикие истории о *петро-лез*, обливающих здания нефтью, и о коммунистических пожарных, готовых перекачивать нефть. Отряд разъяренных "красных" бросился наутек и убил архиепископа Парижского и шестерых других заложников, в то время как в других местах монахи-доминиканцы, захваченные в плен постоянные жители и агенты полиции пали жертвами ярости "камвольной партии".

Безумие, казалось, охватило парижских женщин. Даже когда людей оттесняли от баррикад численным превосходством или захватом домов на их фланге, эти существа продолжали сражаться с яростью отчаяния, пока не встретили смерть, которой разъяренные лайнсмены подвергали всех, кто сражался или казалось, что сражался. Симпсон, британский военный корреспондент, рассказывает, как он видел, как жестокий офицер красного креста оторвал руку медсестры, ухаживавшей за ранеными коммунистами, чтобы ее убили как бойца[62]. Обе стороны, по правде говоря, были обезумевшими от долгой и кровопролитной борьбы, которая еще раз показала, что нет ничего ужаснее гражданской войны. В воскресенье, 28 мая, последний отчаянный отряд был вырублен на кладбище Пер-Лашез, и бои сменились перестрелками. Большинство вождей погибли без всякого предлога суда, и та же участь постигла тысячи национальных гвардейцев, которые были скошены полосами и брошены в окопы. Говорят, что в последний день боев и последовавшее за ними ужасное время погибло 17 000 парижан[63]. Мало-помалу закон восстановил ее власть, но только для того, чтобы обречь 9600 человек на суровое наказание. Только в 1879 году чувство милосердия возобладало, а затем, благодаря убедительным мольбам Гамбетты, была объявлена амнистия для оставшихся в живых заключенных-коммунистов.

Парижская коммуна представляет собой последний важный пример решительного восстания в Европе против цивилизованного правительства. Из этого заявления мы, конечно, исключаем порывистые усилия карлистов в Испании; и нет необходимости говорить, что восстания болгар и других славян против турецкого владычества были направлены против нецивилизованного правительства. Отсутствие восстаний в нынешнюю эпоху отличает ее от всего предшествующего и, кажется, требует краткого объяснения. Очевидно, что недостатка в недовольстве нет, как покажет продолжение. Финляндия, части Кавказа и все части некогда могущественного царства Польши, перешедшие к России и Пруссии, время от времени вздымаются от гнева и негодования. Но эти чувства подавлены. Они не вспыхивают, как это было в Польше еще в 1863 году. В чем причина этого? Главным образом, по-видимому, огромные полномочия, данные современному организованному государству открытиями механической науки и триумфами инженера. Телеграфирование теперь доставляет в столицу

известие об угрожающем восстании за сотую долю времени, которое раньше занимали курьеры с их конными перегонами. Столь же велика экономия времени при переброске крупных групп войск в пострадавшие районы. Таким образом, важнейшие факторы, обеспечивающие успех - сила, мастерство и время - все на стороне центральных правительств[64].

Распространение конституционного правления также помогло рассеять недовольство - или, по крайней мере, изменило его характер. Представительное правительство стремится увести недовольство с рыночной площади, пристанища бедняков и лесных оплотов и шумно, но мирно акцентировать его в колонках прессы и на арене парламента. Теперь призывают не столько к оружию, сколько к аргументам; и в этой новой сфере меньшинство, при условии, что оно хорошо организовано и настойчиво, может в целом надеяться достичь своих целей.

Следовательно, восстание, даже если оно принимает форму отказа платить налоги, является анахронизмом при демократии; если только, как в случае Гражданской войны в АМЕРИКЕ, две большие части страны не находятся в непримиримом противостоянии.

Однако тот факт, что с 1863 года в России не было массовых восстаний, показывает, что демократия не была главным фактором, способствовавшим подавлению недовольства. Как мы увидим в следующей главе, Россия бросила вызов конституционализму и уничтожила чуждые расы и вероисповедания; и все же (вплоть до 1904 года) ни одно крупное восстание не потрясло ее автократическую систему до основания. Это, по-видимому, доказывает, что невосприимчивость нынешнего века к восстаниям обусловлена скорее триумфами механической науки, чем прогрессом демократии. Размышлять об этом факте неприятно, но с ним нужно смириться. То же самое должно быть и с его естественным следствием: меньшинство, доведенное до отчаяния, может быть вынуждено вооружиться новыми и ужасными машинами разрушения, чтобы разрушить то превосходство в силе, которым наука наделила сегодняшние централизованные правительства.

Несомненно, что отчаяние, возможно, вызванное чувством беспомощности перед лицом вооруженного народа, было одной из характерных черт Парижской коммуны, как и нигилизма в России. Фактически, усилия коммунистов 1871 года можно назвать запоздалой попыткой со стороны дерзкого меньшинства доминировать во Франции путем захвата правительственного аппарата в Париже. Успех экстремистов 1793 и 1848 годов в подобных экспериментах - не говоря уже о коммунистическом восстании Бабефа в 1797 году - был лишь временным; но, несомненно, это подтолкнуло "красных" 1871 года к их безумной борьбе за власть. Теперь, однако, дело обстояло совсем по-другому. Франция больше не была летаргической массой, в которой доминировал исключительно энергичный мозг Парижа. Вся страна бурлила политической жизнью. Какое-то время руководящая власть находилась в руках провинций, которые по необходимости были удалены из столицы; и - самый мощный мотив из всех - они рассматривали парижский эксперимент как грубую измену *родине*, в то время как она лежала у ног немцев. Таким образом, те самые мотивы, которые на какое-то время придали такой престиж и власть якобинцам-коммунистам 1793 года, говорили против их подражателей в 1871 году.

Самые сокровенные подробности их попытки, возможно, никогда не будут полностью известны, потому что слишком много актеров погибло под руинами здания, которое они так бездумно воздвигли. Тем не менее, ясно, что Коммуна была далека от беспричинной вспышки гнева, как это часто представлялось. Отчасти это было результатом решимости столицы освободиться от контроля "сельских жителей", которые доминировали в Национальном собрании; и в этом отношении это предвещало, пусть и грубо, то, каким, вероятно, будет политическое будущее всех великих государств, в котором городское население обещает полностью перевесить население страны и контролировать его. Далее, следует помнить, что экспериментаторы 1871 года считали, что Ассамблея предала дело Франции, уступив ее восточные округа, и была близка к тому, чтобы передать республику монархистам. Приступ истерии, или ипохондрии, вызванный изнурительной осадой и раздражением по поводу триумфального вступления немцев, добавил ярости, которая позволила парижским радикалам бросить вызов национальным властям и впоследствии упорствовать в своем неповиновении с французской логикой и пылом.

Франция, с другой стороны, рассматривала коммунистическое движение в Париже и в южных городах как измену делу национального единства, когда согласие было крайне необходимо. Таким образом, с обеих сторон возникли прискорбные недоразумения. В обычное время их можно было бы уладить откровенными объяснениями между более умеренными лидерами; но лихорадочное состояние общественного сознания исключало всякую мысль о компромиссе, и сама слабость, вызванная войной, обострила приступ бреда, который навсегда запомнит весенние месяцы 1871 года даже в захватывающих анналах Парижа.

СНОСКИ:

[54] См. Дебидур, *Дипломатическая история Европы*, том ii. стр. 412-415. О страхах Бисмарка перед интервенцией, особенно австрийской, см. в его *Воспоминаниях*, т. ii. стр. 109 (английская редакция); "*Aus drei Viertel-Jahrhundert*" графа Бойста, ч. ii. стр. 361, 395; об усилиях Тьера см. в его *Заметках* о 1870-73 годах (Париж, 1904).

[55] М. Грегуар в своей *Истории Франции*, т. iv. стр. 647, утверждает, что 64 воздушных шара покинули Париж во время осады, 5 были захвачены и 2 потеряны в море; 363 почтовых голубя покинули город и 57 прилетели. Подробнее об усилиях Франции читайте в "*Обосновании ответственности за оборону*" Х. Женева; также в "*Народной войне во Франции 1870-1871 гг.*" полковника Л. Хейла (Военная серия "Пэлл-Мэлл", 1904), основанной на книге Хенига "*О народном восстании на Луаре*".

[56] Базен приводит подробности со своей точки зрения в своих "*Эпизодах войны 1870 года и Блока в Меце*" (Мадрид, 1883). Одним из посредников был некто Ренье, который притворился, что прибыл от императрицы Евгении, находившейся тогда в Гастингсе; но Бисмарк, похоже, не доверял ему и резко отмахнулся. Авантюристка, мадам. Гумберт, недавно заявила, что получила свои "миллионы" от этого Ренье. Резкая критика поведения Базена в Меце дана в брошюре "*Ответ о взаимопонимании во время операций Рейнской армии*", написанной одним из офицеров его штаба. Смотрите также мсье Сэмюэля Дени в его недавней работе "*Современная история Франции*".

[57] Это, конечно, привело к коммунистическому восстанию. Отношения Бисмарка к беспорядочным элементам в Париже до конца неизвестны; но 26 января он предупредил Фавра, чтобы тот "провоцировал *восстание*, пока у вас есть армия, чтобы подавить его" (*Бисмарк во франко-германской войне*, том ii, стр. 265).

[58] Сеньобос, *Политическая история современной Европы*, том i, стр. 187 (англ. изд.).

[59] Буш, *Бисмарк во франко-германской войне*, том ii, стр. 341.

[60] Г. Аното, *Современная Франция*, том i, стр. 124 (англ. прим. ред.). Эта работа является наиболее подробной и авторитетной, которая когда-либо появлялась по этим темам. Смотрите также работу месье Сэмюэля Дени " *Современная история*.

[61] Дебидур, *Дипломатическая история Европы*, том ii, стр. 438-440.

[62] Автобиография Уильяма Симпсона (Лондон, 1903), стр. 261.

[63] Г. Аното, *Современная Франция*, стр. 225. Для получения более подробной информации см. "Историю коммуны" Лиссагарая; также личные подробности в "Воспоминаниях министра Франции" Уошберна, 1869-1877, том ii, главы, ii.-vii.

[64] Смотрите "Турцию в Европе" в "Одиссее" (стр. 130), чтобы найти параллельный пример усиления власти султана Абдул-Хамида по тем же причинам.

ГЛАВА V

ОСНОВАНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (продолжение)

Кажущаяся самоубийственной энергия, проявленная в ходе гражданских беспорядков в Париже, послужила еще большему ухудшению положения Франции. В тот самый день, когда версальские войска вступили в стены Парижа, Тьер и Фавр подписали мирный договор во Франкфурте. Условия в основном соответствовали тем, о которых договаривались на предварительных февральских переговорах, но условия выплаты компенсации были более

жесткими, чем раньше. Соппротивление было безнадежным. По правде говоря, Железный канцлер недавно использовал весьма угрожающие формулировки: он обвинил французское правительство в недобросовестности при обеспечении освобождения большого количества французских военнопленных якобы для свержения Коммуны, но на самом деле для того, чтобы уладить дела с "красными" Парижа и возобновить войну с Германией. Подобные искажения фактов и угрозы побудили Тьера и Фавра согласиться с требованиями Германии, которые были сформулированы во Франкфуртском мирном договоре (10 мая 1871 г.).

Мир был должным образом ратифицирован на жестких условиях^[65], оставалось отстроить Францию почти *заново*. Не хватало почти всего. Казна была почти пуста, и это учитывая огромные требования, выдвинутые Германией. Говорят, что в феврале 1871 года несчастный человек, занявший пост министра финансов, унес все средства национального казначейства в своей шляпе. Как признался Тьер Собранию, из чувства патриотизма ему пришлось закрыть глаза на будущее и бороться с проблемами каждого дня по мере их возникновения. Но он верил во Францию, а Франция верила в него. Французский народ может творить чудеса, когда полностью доверяет своим правителям. Неисчерпаемые богатства, присущие их земле, бережливость крестьянства и самоотверженный пыл, проявляемый нацией, когда ее воодушевляли высокие идеалы, представляли собой актив неожиданной силы перед лицом сокрушительных ударов, нанесенных французскому богатству и кредиту. Потери, вызванные войной, Коммуной и передачей восточных округов, составили более 614 000 000 фунтов стерлингов. Помимо 1 597 000 жителей, переданных под власть Германии, потери населения из-за войны и гражданских беспорядков достигли 491 000 душ^[66].

Однако Франция с победоносной энергией взялась за дело расплаты с захватчиками. В конце июня 1871 года для подписки был открыт заем на два миллиарда с четвертью (90 000 000 фунтов стерлингов), который имел огромный успех. Требуемая сумма была увеличена более чем вдвое. С помощью международных банков первая полумиллиардная часть долга была погашена в июле 1871 года, и Нормандия была освобождена от бремени немецкой оккупации. Нам нет необходимости подробно указывать даты последовательных выплат. Они показали неожиданную жизнеспособность Франции и энергию ее правительства и финансистов. В марте 1873 года были приняты меры по выплате последнего взноса, и осенью того же года последние немецкие войска покинули Верден и Бельфор. За свои великие заслуги в привлечении всех сил Франции к этому великому финансовому подвигу Тьер был повсеместно признан Освободителем Территории,

Однако в тот же самый период он был свергнут. Чтобы правильно разгадать эту загадку, мы должны пересмотреть контуры внутренней политики Франции. Мы уже упоминали о причинах, приведших монархическое большинство в Национальное собрание, о расколах, ослабивших действие этого большинства, и о своеобразной позиции, занимаемой М. Тьер, теоретический орлеанист, но главный судья Французской Республики. Более парадоксальной ситуации никогда не существовало; и ее странность усиливалась обычно ясной логичностью французской политической мысли. Теперь, после войны и Коммуны, перспективы были туманными даже для самого проникательного взгляда. Ясно было только одно: долг всех граждан отложить поднятие любого животрепещущего вопроса до тех пор, пока не будут восстановлены закон, порядок и национальные финансы. Именно осознание этой истины привело к временному перемирию между сторонами, известному как Бордосский договор. Это соглашение, грубо нарушенное "красными" Парижа весной 1871 года, казалось обреченным.

Самой Республике грозила гибель, как это произошло после социалистических излишеств революции 1848 года. Но Тьер сразу разочаровал монархистов, решительно заявив, что он не будет способствовать свержению Республики: "Мы обнаружили, что Республика установлена, как факт, авторами которого мы не являемся; но я не буду разрушать форму правления, которую я сейчас использую для восстановления порядка Когда все будет улажено, страна будет иметь свободу выбирать по своему усмотрению в том, что касается ее будущих судеб[67]." Умело указывая фракциям на будущее, предлагая окончательную награду за их добродетельное самообладание, этот виртуозный тактик выиграл время, чтобы залечить самые тяжелые раны, нанесенные войной.

Но это происходило среди бесконечных трудностей. Монархисты, стремясь подчеркнуть политическую реакцию, вызванную сумасбродствами Парижской коммуны, хотели как можно скорее избавиться от этого самоуверенного мелкого буржуа, который, казалось, единственный стоял между ними и осуществлением их надежд. Их наиболее недобросовестные члены принижали его заслуги и намекали, что только любовь к власти заставляла его цепляться за Республику и таким образом опровергать свое политическое прошлое. Тогда же принцы Орлеанский, герцог д'Омаль и принц де Жуанвиль, оставшиеся в живых сыновья короля Луи Филиппа, заняли свои места депутатов от департаментов Уаза и Верхняя Марна, таким образом, неуклонно демонстрируя монархический идеал Франции. Действительно, герцог д'Омаль заявил электорату, что он готов склониться перед волей Франции, независимо от того, выберет ли она Конституционную монархию или Либеральную республику; и верности, с которой он служил своей стране, было суждено наложить печать честности на его исключительно интересную карьеру. Но не было никакой гарантии, что Палата не возьмет на себя толкование воли Франции и не вызовет из своего места ссылки в Лондоне графа де Пари, сына старшего потомка Луи Филиппа, вокруг которого были сосредоточены надежды орлеанистов.

Если бы Тьер последовал своим прежним убеждениям и выступил за такую Реставрацию, вполне возможно, что это произошло бы без особого сопротивления. Но в начале 1871 года, или, возможно, после падения Империи, он убедился, что Франция не сможет залечить свои тяжкие раны иначе, как при правительстве, глубоко укоренившемся в жизни народа. Теперь дело монархии во Франции было безнадежно ослаблено расколами. Легитимисты и орлеанисты враждовали с тех пор, как в 1830 году Луи Филипп, по словам первого, лишил законного наследника его наследства; и усилия, предпринятые теперь для объединения притязаний двух соперничающих ветвей, остались безрезультатными из-за жесткой и догматичной позиции графа де Шамбора, наследника традиций старшей ветви. О бонапартистской реставрации не могло быть и речи. Однако все три секции начали все настойчивее выдвигать свои требования. Тьер встретил их с непревзойденным мастерством. Иногда у них были причины возмущаться его тактикой как проявлением недостойной утонченности; но чаще они трепетали перед поразительной смелостью его напоминаний о том, что, поскольку они составляют большинство депутатов Франции, они могли бы немедленно взяться за восстановление монархии - если бы могли. - Ты этого не делаешь и не можешь сделать. Есть только один трон, и на нем не может быть трех сидящих[68]." Или, опять же, он запугал их одной лишь силой своей личности: "Если бы я был слабым человеком, я бы льстил вам", - воскликнул он однажды. В качестве последнего средства он ответил на их намеки на его честолубие и своекорыстие, предложив уйти в отставку. И здесь логика фактов была на его стороне. В течение многих месяцев он был необходимым человеком, и он, и они знали это.

Но, как мы видели, наступил момент, когда последние трудные сделки с Бисмарком относительно выплаты военного долга подошли к концу; и состязание на рапирах между Освободителем Территории и партиями Ассамблеи также подходило к концу. В одном вопросе он дал им справедливый повод для жалобы. Еще 13 ноября 1872 года (то есть до того, как была решена финансовая проблема) он внезапно и без всяких провокаций заявил с трибуны Национального собрания, что пришло время установить Республику. Рассмотрение предложения было отложено, но Тьер подорвал свое влияние. Он нарушил "Бордосский договор" и раскрыл свои карты. Теперь Ассамблея знала, что он республиканец. Наконец, он произнес достойную речь перед Собранием, оправдывая свое поведение в прошлом, апеллируя к вердикту сторон беспристрастного суда Истории и пророчествуя, что благополучие Франции связано с сохранением Консервативной республики. Ассамблея большинством в четырнадцать голосов приняла решение о порядке действий, который он не одобрял, и поэтому он подал в отставку (24 мая 1873 г.).

Похоже, что История оправдывает его обращение к ее трибуналу. Глядя не на случайные ухищрения, к которым он прибегал, чтобы разобщить своих противников, а скорее на глубинные мотивы, побудившие его сохранить ту форму правления, которая меньше всего разделяла его соотечественников, потомки оценили его поведение как проявление острого понимания ситуации, пылкой любви к Франции, перед которой исчезли все его ранние пристрастия, и виртуозного умения вывести ее из пропасти анархии, гражданской войны и банкротства, которая лишь недавно разверзлась у ее ног. Наставив ее на путь безопасности, он теперь снова предался тем историческим и художественным занятиям, которые любил больше, чем власть и служебное положение. Немногим людям дано не только писать историю, но и творить ее; однако в обеих сферах Тьер добился выдающихся успехов. Кто-то назвал его "величайшим маленьким человеком, известным истории". Даже допуская, что этот парадокс правдоподобен, мы все же можем утверждать, что его влияние на жизнь Франции превзошло влияние многих ее так называемых героев.

На самом деле, было бы трудно указать на какую-либо страну в Девятнадцатом веке, начиная со времен консульства Бонапарта, на работу по политическому, экономическому и социальному обновлению, более масштабную, чем та, которая велась в течение двух лет, в течение которых Тьер держал бразды правления в своих руках. Помимо беспрецедентного подвига по расправе с немцами, глава исполнительной власти вдохнул новую энергию в государственную службу, возродил национальный дух таким примечательным образом, что в 1872 году снизил угрозы войны со стороны немецких военных кругов (которые будут повторены более серьезно в 1875 году) и включил в Свод законов две меры первостепенной важности. Это были реформа местного самоуправления и законопроект об армии.

Эти меры требуют краткого уведомления. Первая из них, естественно, состоит из двух частей, касающихся отдельно коммуны и Департамента. Это две важнейшие области французской жизни. В сельских округах коммуна соответствует английскому приходу; это старейшая и наиболее четко очерченная из всех местных областей. В городских округах он соответствует муниципалитету или поселку в городе. Революционеры 1790 и 1848 годов пытались применить принцип избирательного права мужчин к общинному управлению; но их планы были сметены последовавшей реакцией, и на заре Третьей республики коммуны, как сельские, так и городские, оказались под контролем *префектов* и их подчиненных. Здесь мы должны отметить, что должность *префекта*, учрежденная Бонапартом в 1800 году, была призвана тесно связать

местное управление департаментов с центральной властью: этот магистрат, назначаемый исполнительной властью Парижа, имеет почти неограниченный контроль над местными делами в нескольких департаментах. Действительно, парижские коммунисты выступили со своим необдуманным и безмерным протестом именно против чрезмерной централизации системы префектур. Таким образом, вопрос был вынесен на передний план, и Ассамблея выдвинула (апрель 1871 г.) меру, разрешающую выборы в Общинные советы, избираемые каждым взрослым мужчиной, прожившим в Коммуне в течение года. Большинство Собрания пожелало, чтобы право выбирать мэров принадлежало коммунальным советам, но Тьер, запугивая депутатов своим излюбленным приемом - угрозой отставки, внес поправку, ограничивающую это право городами с населением менее 20 000 человек. В крупных городах и во всех столицах департаментов мэры должны были назначаться центральной властью. Таким образом, наполеоновская традиция сохранения местного самоуправления под надзором должностных лиц, назначаемых из Парижа, была в какой-то степени увековечена даже в рамках заведомо демократической меры.

В Париже должен был быть Муниципальный совет, состоящий из восьмидесяти членов, избираемых голосованием среди мужчин от каждого округа; но мэры *двадцати округов*, на которые разделен Париж, назначались и продолжают назначаться государством; и здесь опять контроль над полицией и другие обширные полномочия возложены на *префекта* департамента Сена, а не на мэров *округов* или Муниципальный совет. Таким образом, Муниципальный или общинный закон 1871 года представляет собой компромисс - в целом хороший рабочий компромисс - между крайними требованиями к местному самоуправлению и наполеоновской традицией, которая теперь стала инстинктом большинства французов в пользу центрального контроля над вопросами, затрагивающими общественный порядок[69].

Вопрос о реформе армии был не менее насущным. Здесь, опять же, Тьер расчистил перед собой почву в результате великого переворота, подобного тому, который позволил Бонапарту в свое время перестроить Францию, а строителям Современной Пруссии - Штейну, Шарнхорсту и Харденбергу - возвести свое государство на руинах. В частности, неэффективность Национальной гвардии и Мобильной гвардии позволила легко перестроить французскую армию на систему всеобщей воинской повинности в регулярную армию, эффективность которой Пруссия столь поразительно продемонстрировала в кампаниях при Кенигграце (Садова) и Седане. Тьер, однако, не верил в систему срочной службы, результатом которой были огромные силы плохо обученных войск: он цеплялся за старую профессиональную армию; и когда было показано, что она неадекватна потребностям нового века, он настаивал на том, чтобы срок обязательной службы составлял не три, а пять лет. Когда Ассамблея возразила против расходов и жизненно важного напряжения для народа, которые это подразумевало, он страстно заявил, что уйдет в отставку, если не будут проголосованы пятилетние сроки. Они были проголосованы (10 июня 1872 г.). В то же время были урезаны льготы, столь многочисленные во времена Второй империи, и отменено право покупки заменителя. После пяти лет службы в действующей армии предстояло провести четыре года в резерве действующей армии, за которыми следовали дальнейшие сроки в территориальной армии. Льгота в виде одного года службы вместо пяти должна была предоставляться в некоторых четко определенных случаях, как, например, тем, кто отличился в *лицеях* или государственных школах высшего класса. Таков был закон, опубликованный 27 июля 1872 г.[70].

Вид нации, взявшей на себя этот тяжелый налог кровью (более тяжелый, чем в Германии, где срок службы под знаменами составлял всего три года), вызвал всеобщее удивление, которое за Рейном приняло форму подозрения, что Франция планирует войну возмездия. Это чувство усилилось в военных кругах Берлина три года спустя, как покажет продолжение. Не испугавшись плохо завуалированных угроз, исходивших из Германии, Франция приступила к выполнению задач по расплате со своими завоевателями и реорганизации собственных вооруженных сил; так что Тьер, уйдя в отставку, мог с гордостью указать на восстановление французского кредита и престижа после беспрецедентного свержения.

В лихорадочной спешке монархическое большинство Национального собрания назначило маршала Мак-Магона президентом (24 мая 1873 г.). Однако вскоре они обнаружили невозможность основания монархии. Граф Парижский, на которого возлагали надежды орлеанисты, дошел до крайности самопожертвования, посетив графа де Шамбора, легитимистского "короля" Франции, и признав обоснованность его притязаний на трон. Но эта любезная уступчивость, хотя и вызвала гнев очень многих орлеанистов, ни на йоту не отодвинула назначенного монарха от тех принципов божественного права, против которых всегда протестовали более либеральные монархисты. "Генрих V" вскоре заявил, что он не примет никаких условий и не даст ни единой гарантии относительно характера своего будущего правления. Прежде всего, он заявил, что никогда не откажется от белого флагастарого режима. В его глазах триколор, который вскоре после падения Бастилии был надет Людовиком XVI. он признал флаг Франции олицетворяющим дух Великой революции, и к этому великому событию испытывал глубочайшее отвращение. Словно желая еще больше погубить свое дело, граф объявил о своем намерении всеми силами бороться за восстановление светской власти папы. Говорят, что способный епископ Орлеана, монсеньор. Дюпанлу, прочитав одно из писем, которым граф де Шамбор прибил белый флаг к мачте, был вынужден воскликнуть: "Вот! Это и есть Республика! Бедная Франция! Все потеряно".

Таким образом, попытки слияния двух монархических партий послужили лишь для того, чтобы выявить слабость их позиции и предупредить Францию о вероятных результатах монархической реставрации. То, что страна хорошо усвоила этот урок, проявилось на дополнительных выборах, которые почти во всех случаях прошли в пользу кандидатов-республиканцев. Другое событие, произошедшее в начале 1873 года, дополнительно подтвердило утверждение Тьера о том, что Республика была единственно возможной формой правления. 9 января умер Наполеон III. умер от внутренней болезни, которая в течение последних семи лет подтачивала его силы. Его сын, императорский принц, в настоящее время был слишком молод, чтобы претендовать на трон.

Также ни для кого не секрет, что Бисмарк упорно трудился, чтобы предотвратить любую возможность реставрации роялистов; и когда посол Германии в Париже граф Арним воспротивился его желаниям в этом вопросе, он добился его отзыва и подверг государственному преследованию. На самом деле Бисмарк считал, что при Республике Франция будет бессильна в войне и, более того, что она никогда не сможет заключить тот союз с Россией, который был пугалом его последних дней. Российский дипломат однажды сказал герцогу де Бройлю, что республика, которую Бисмарк хотел видеть во Франции, была "*распущенной Республикой*".

Таким образом, все сходилось к тому, чтобы отложить решение монархического вопроса и продлить неофициальное перемирие, к которому первым пришел Тьер. Соответственно, в

ноябре месяце Ассамблея продлила срок президентства маршала Мак-Магона до семи лет - периода, известного поэтому как Семилетний.

Теперь, вкратце показав причины беспомощности монархического большинства в вопросе, который был ему наиболее близок к сердцу, мы должны опустить последующие события, за исключением того, что они относятся к этому главному парадоксу - установлению Республиканской конституции. Это было связано с отчаянием, которое испытывали многие орлеанисты, увидев реставрацию при жизни графа де Шамбора, и с тревогой, которую испытывали все слои монархистов в связи с активностью и частичным успехом бонапартистов, которые во второй половине 1874 года захватили несколько мест. Стремясь прежде всего не допустить Бонапарта, они мало что сделали, чтобы помешать формированию Конституции, которую все они считали временной. Фактически, они взяли на вооружение политику выжидания до тех пор, пока смерть графа де Шамбора, чья хватка за жизнь оказалась не менее цепкой, чем у его веры, не прояснит ситуацию. Соответственно, после многих дипломатических задержек Комитет, которому в 1873 году было поручено разработать Конституцию, представил свой план, который оформился в органических законах от 25 февраля 1875 года. Их можно резюмировать следующим образом:--

Законодательный орган состоит из двух собраний - Палаты депутатов и Сената, причем первое избирается "всеобщим" (или, точнее, *мужским*) голосованием. Состав Сената, определенный более поздним законом, определяется избирательными органами в каждом из департаментов; эти органы состоят из национальных депутатов от этого департамента, членов их Генеральных советов и районных советов, а также делегатов от муниципальных советов. Сенаторы избираются сроком на девять лет; депутаты Палаты депутатов сроком на четыре года. Президент Республики избирается Сенатом и Палатой депутатов, заседающими для этой цели совместно. Он избирается на семь лет и может быть переизбран; он несет ответственность перед Палатами только в случае государственной измены; он пользуется, совместно с членами двух палат, правом предлагать законы; он обнародует их после принятия и контролирует их исполнение; он распоряжается вооруженными силами Франции и обладает правом помилования, которым ранее обладали короли Франции. В соответствии с рекомендациями Сената он может распустить Палату депутатов. Каждая палата может вносить предложения по законам, за исключением того, что финансовые меры принимаются исключительно Палатой депутатов.

Палаты могут принять решение о пересмотре Конституции. В этом случае они собираются вместе, как Национальное собрание, для проведения такого пересмотра, который определяется абсолютным большинством голосов. Каждый округ Департамента избирает одного депутата. С 1885 по 1889 год выборы проводились каждым департаментом по списку, но с тех пор прежний план был возрожден. Мы можем также добавить, что резиденция правительства была установлена в Версале; четыре года спустя это было изменено в пользу Парижа, но некоторые из наиболее важных мероприятий, такие как выборы нового президента, проходят в Версале.

Взятая в целом, эта Конституция представляла собой разумный компромисс между демократическими и авторитарными принципами правления. Уходящий своими корнями в избирательное право мужчин, он делегировал главе государства очень широкие полномочия.

Эти полномочия особенно примечательны, если сравнить их с полномочиями министерства. Президент поручает такому-то сенатору или депутату сформировать Министерство (не обязательно представляющее мнения большинства Палат); и это министерство несет ответственность перед Палатами за исполнение законов и общую политику правительства; но президент не несет ответственности перед Палатами, за исключением единственного и очень исключительного случая государственной измены. Очевидно, что Ассамблея хотела сохранить автократические традиции прошлого, а также оставить открытой дверь для пересмотра Конституции в любое время, благоприятное для монархического дела. То, что эта Конституция не проложила путь к монархии, объяснялось несколькими причинами. Некоторые мы назвали выше.

Другой и, возможно, последней причиной было нежелание или неспособность маршала Мак-Магона подвергнуть дело испытанию силой. Движимый, возможно, мотивами, сходными с теми, которые удерживали герцога Веллингтона от доведения дела до крайности в Англии в 1831 году, маршал отказался осуществить *государственный переворот* против республиканского большинства, представленного в Палату депутатов на всеобщих выборах в январе 1876 года. Раз или два казалось, что он готов применить силу. Так, в мае 1877 года он отважился распустить Палату депутатов; но республиканская партия, возглавляемая пылким Гамбеттой, обратилась к стране с решающим призывом. Дерзкий вызов маршалу, брошенный этим оратором, либо подчиниться, либо уйти в отставку (*что такое суметр, или что такое деметр*) был принят Францией, в результате чего почти все депутаты-республиканцы были переизбраны. Президент признал неизбежное и в декабре того же года поручил г-ну Дюфору сформировать министерство, представляющее республиканское большинство. Даже в январе 1879 года некоторые выборы в сенат прошли не в пользу президента, и он, соответственно, ушел в отставку 30 января 1879 года.

В 1887 году какое-то время казалось, что Республика находится в опасности из-за интриг военного министра генерала Буланже. Наживаясь на трудностях Франции, финансовых скандалах, которые привели домой президента Гриви, и собственной популярности в армии, генерал, казалось, готовил *государственный переворот*. Опасность возросла, когда министерству пришлось уйти в отставку (май 1887 года). Была сформирована "Национальная партия", состоящая из монархистов, бонапартистов, клерикалов и даже некоторых капризных социалистов - фактически, из всех, кто надеялся нажиться на падении парламентского режима. Недовольные призвали к проведению плебисцита относительно формы правления, надеясь таким образом выдвинуть Буланже на пост диктатора, чтобы проложить путь графу Парижскому к трону Франции. После затяжного кризиса схема бесславно рухнула при первом же проявлении энергии со стороны республиканцев. Когда новое министерство Флоке вызвало Буланже предстать перед Высоким судом, он бежал в Бельгию и вскоре после этого покончил с собой.

Главной чертой французской политической жизни, если рассматривать ее в общих чертах, является повышение стабильности. Когда мы вспомним, что этот опытный оппортунист Талейран, принося присягу на верность новой Конституции 1830 года, мог сказать: "Это тринадцатая конституция", и что ни один режим после этого периода не просуществовал дольше восемнадцати лет, мы поостережемся предсказывать быстрое свержение Третьей Республики в любой период министерского кризиса или политического брожения. Конечно,

Республика видела, как министерства создавались и распускались в поразительно быстрой последовательности; но это по большей части поверхностные изменения - реальная административная работа выполняется иерархией постоянных должностных лиц, впервые созданной великим Наполеоном. Даже такое ужасное событие, как убийство президента Сади Карно (июнь 1894 г.), не привело ни к одному из фатальных событий, которые уверенно предсказывали британские паникеры. М. Казимир Перье был тихо избран и правил твердо. То же самое можно сказать и о его преемниках, г-жах Форэ и Лубе. Разумные, деловые люди буржуазного происхождения, они олицетворяют новую Францию, выросшую из эпохи, когда военные авантюристы могли наступать ей на пятки при условии, что увенчивали ее чело лаврами. Казалось бы, та эпоха миновала навсегда. Известная пословица гласит: "Во французской политике случается неожиданное". Прогнозировать ее курс, как известно, небезопасно в этой стране из всех стран. Этот внимательный и проницательный исследователь французской жизни, мистер Бодли, считает, что нации в глубине души не нравится благоразумная покорность парламентского правления и что "настанет день, когда никакая сила не помешает Франции приветствовать героя по своему выбору"[71]."

Несомненно, приход Наполеона Великого стал бы суровым испытанием для таких качеств, как благоразумие и терпение, которые набрали силу под прикрытием демократических институтов. Однако всегда следует помнить, что до сих пор у демократии во Франции не было ни единого шанса. Светлые надежды 1789 года угасли десять лет спустя на фоне блеска военной славы. Что касается Республики 1848 года, то она едва пережила трудности младенчества. Третья Республика, с другой стороны, достигла зрелости. Она встретила и преодолела очень много трудностей; с самого начала были отторгнуты части двух ценных провинций и огромная сумма сокровищ. В те первые дни слабости она также подавила серьезное восстание. Интриги монархистов и бонапартистов были сорваны. Труднее всего было то, что естественное раздражение французов по поводу того, что они играют гораздо меньшую роль в мире, мало-помалу улеглось.

Несмотря на эти трудности, Третья Республика просуществовала уже четверть века. Иными словами, она опирается на поддержку поколения, которое постепенно привыкло к представительным институтам - преимущество, которым не пользовались его два предшественника. Успех институтов зависит, в конечном счете, от характера тех, кто ими управляет; и все наблюдатели свидетельствуют, что характер французов медленно, но верно меняется в том направлении, на которое указал Тьер в мрачные февральские дни 1871 года как на единственное средство здорового национального возрождения: "Да, я верю в будущее Франции: я верю в это, но при условии, что у нас есть здравый смысл; что мы больше не используем простые слова в качестве ходовой монеты нашей речи, но что под словами мы будем скрывать реальность; что у нас есть не только здравый смысл, но и здравый смысл, наделенный с мужеством".

Именно на этих качествах построена современная Франция. Труд был огромным, и он удвоился из-за забот и разочарований, связанных с парламентаризмом, когда его привили к полувоенной бюрократии; но труд и разочарования сыграли свою роль в очищении французской натуры от бурного стремления к сенсациям и страстной безответственности, которые естественным образом стали результатом империализма двух Наполеонов. Франция, кажется, перерастает стадию неуклюжих авантур, военных или коммунистических, и приобретает степенный, трезвый и уважающий себя вид мужчины - процессу способствует время долга и воинской

повинности, возникшее в результате ее юношеских выходок. Одним словом, она достигла полного чувства ответственности. Ее конструктивные способности больше не уступают критическим способностям. В политической сфере она нашла должное равновесие между мозгом и рукой. От анализа она прошла свой путь к синтезу.

ПРИМЕЧАНИЕ Ко ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Ниже приведены министерства республики в 1870-1900 годах: - 1870, Фавр; 1871, Дюфор (1); 1873, Де Бройль (1); 1874, Сисси; 1875, Баффет; 1876, Дюфор (2); 1876, Симон; 1877, Де Бройль (2); 1877, Де Рошбуэ; 1877, Дюфор (3); 1879, Уоддингтон; 1879, Фрейсине (1); 1880, Ферри (1); 1881, Гамбетта; 1882, Фрейсине (2); 1882, Дюклерк; 1883, Фальер; 1883, Ферри (2); 1885, Бриссон; 1886, Фрейсине (3); 1886, Гобле; 1887, Рувье; 1887, Тирар (1); 1888, Флоке; 1889, Тирар (2); 1890, Фрейсине (4); 1892, Лубе; 1892, Рибо (1); 1892, Дюпюи (1); 1893, Казимир Перье; 1894, Дюпюи (2); 1895, Рибо (2); 1895, Буржуа; 1896, Мелин; 1898, Бриссон; 1898, Дюпюи (3); 1899, Вальдек-Руссо.

СНОСКИ:

[65] Они включали право удерживать еще четыре отдела до тех пор, пока не будет выплачена третья половина миллиарда (20 000 000 фунтов стерлингов, то есть всего 60 000 000 фунтов стерлингов). Был заключен торговый договор на благоприятных условиях "наибольшего благоприятствования нации", а также обмен пограничными полосами близ Люксембурга и Бельфора. Германия приобрела Эльзас (Alsace) и часть Лотарингии, освободившись от всех своих долгов.

Здесь мы можем отметить, что англо-французский торговый договор, заключенный в 1860 году с Наполеоном в основном при помощи Кобдена, не был продлен Французской Республикой, которая после этого начала исключать британские товары. Бисмарк вынудил Францию во Франкфурте пойти на выгодные условия для немецких товаров. Англия была беспомощна. По этому вопросу см. *Защита во Франции*, Х.О. Мередит (1905).

[66] Цитируется М. Аното, *Современная Франция*, том i. стр. 323-327.

[67] Речь от 27 марта 1871г.

[68] Де Мазаде, *Тьер*, стр. 467. Резкую критику Тьера можно найти в книге Сэмюэля Дени *"История современности"* (написана с позиций роялистов).

[69] В силу этого инстинкта смотрите превосходную работу мистера Бодли, *Франция*, том i, стр. 32-42. и т.д. Подробнее об этом действии см. в Аното указ. соч., стр. 236-238.

[70] Аното, указ. соч. стр. 452-465.

[71] Мистер Бодли, *Франция*, том i. до конца.

ГЛАВА VI

ГЕРМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

"С самого начала моей карьеры моей единственной путеводной звездой было то, как объединить Германию, и, достигнув этого, как укрепить, завершить и так оформить ее объединение, чтобы оно могло сохраняться вечно и при доброй воле всех, кого это касается". - БИСМАРК: Речь в Северогерманском рейхстаге, 9 июля 1869 г.

18 января 1871 года, когда немецкие пушки все еще гремели над Парижем, во Дворце королей Франции в Версале состоялась церемония мирового значения. Король Вильгельм Прусский был провозглашен императором Германии. В этой сцене не было недостатка ни в одном элементе, который мог бы поразить историческое воображение. Это происходило в Зеркальном зале, где все, что было блестящего в жизни старой французской монархии, окружало личность Людовика XIV. И теперь, спустя много времени после того, как эта династия скончалась, и когда корона последнего из корсиканских авантюристов лишь недавно упала к ногам парижан, потомок прусских Гогенцоллернов праздновал приход к немецкому народу того единства, за которое его патриоты тщетно боролись веками.

Люди, получившие это долгожданное благо, не принадлежали к числу обычных людей. Сам король Вильгельм, как теперь показано публикацией многих его писем Бисмарку, сыграл гораздо большую роль в создании объединенной Германии, чем считалось ранее. Его простой здравый смысл и непоколебимая сила духа много раз указывали путь безопасности и удерживали на нем свою страну. Политика Законопроекта об армии 1860 года, который принес спасение Пруссии, несмотря на ее парламент, была полностью его. Умелая хватка Бисмарка у руля государства в 1862 году и после него помогала проводить эту политику, точно так же, как организаторские способности фон Руна довели до совершенства созданную в результате военную машину; но ее главным автором был король, который теперь торжествовал в зале заседаний своих исконных врагов. Рядом с ним и позади него на возвышении, перед знаменами всех германских государств, стояли высшие князья Германии - свидетели силы национального чувства, вызванного войнами против Первого Наполеона и теперь доведенного до зрелости борьбой с племянником. Среди их фигур можно отметить крепкую фигуру наследного принца наряду с другими членами Прусского дома; великого герцога Баденского, зятя прусского короля; наследного принца Саксонии и представителей всех правящих семей Германии. Еще

более примечательными были некоторые люди, собравшиеся перед королем и принцами. Было худое, изможденное войной лицо Мольтке; была также крепкая фигура Бисмарка: последний, писал доктор Рассел, "выглядел бледным, но спокойным и самообладающим, как бы приподнятым какой-то внутренней силой"[72]."

Король объявил о восстановлении Германской империи; и окружающие, должно быть, помнили, что это почтенное учреждение (которое так сильно отличалось от нынешнего, что слово "восстановление" действительно вводило в заблуждение) исчезло всего шестьдесят четыре года назад по приказу Первого Наполеона. Затем Бисмарк зачитал воззвание кайзера, в котором говорилось о его чувстве долга перед немецкой нацией и о его надежде на то, что в рамках новых и более прочных границ, которые гарантировали бы им защиту от нападений со стороны Франции, они будут наслаждаться миром и процветанием. Затем великий герцог Баденский провозгласил трехкратное "ура" в честь императора, которое было произнесено с диким энтузиазмом и подхвачено войсками, окружившими Париж железным кольцом.

Немногие события в истории с первого взгляда производят такое сильное впечатление, вызывая ощущение силы, спонтанности и неизбежности. И все же, по мере того как становится все больше известно о шагах, которые привели к более тесному союзу германских государств, это чувство неприятно искажается. Уже тогда было известно, что Бавария и Вюртемберг решительно возражали против более тесной формы союза, желаемой патриотами севера, которая поставила бы второстепенные государства в полную зависимость от федерального правительства. Из-за большого нежелания правительства и народа Баварии отказаться от контроля над своими железными дорогами, почтами и телеграфом, они были оставлены в их распоряжении, а два других южных государства сохранили за собой управление почтовыми и телеграфными службами в мирное время. Бавария и Вюртемберг также сохранили за собой контроль над своими вооруженными силами, хотя в случае войны они должны были быть предоставлены в распоряжение императора - договоренности, которые также применимы к саксонским войскам. В некоторых юридических и финансовых вопросах Бавария также добивалась свободы действий.

Что тогда не было известно и просочилось более или менее достоверными путями, так это неприязнь не только большинства баварского народа, но и его правительства ко всей схеме объединения империи. Несомненно, что письмо, которое король Людовик в конце концов написал своим братьям-принцам с предложением об этом союзе, было первоначально составлено Бисмарком; и ходят слухи, которые не следует легкомысленно отвергать, что оппозиция короля Людовика не ослабевала до тех пор, пока фаворит баварского двора, граф Гольштейн, не приехал в Версаль и не оставил его не только с письмом Бисмарка, но и со значительной суммой денег для своего королевского хозяина и для себя. Вероятно, однако, согласно баварского монарха, который вскоре после этого сошел с ума, помогло осознание того, что, если он не проявит инициативу, она перейдет к великому герцогу Баденскому, ярому поборнику единства Германии.

Какой бы ни была правда относительно этого, не может быть никаких сомнений в раздражении, которое испытывают римско-католическая Бавария и протестантско-демократический Вюртемберг, признавая верховенство прусской бюрократии. Это, несомненно, объясняет, почему Бисмарк так стремился ускорить переговоры сначала об имперском союзе, а затем о заключении мира с Францией.

Даже в, казалось бы, незначительном вопросе он столкнулся с большим противодействием, на этот раз со стороны своего учителя. Престарелый монарх цеплялся за титул короля Пруссии; но если титул императора был политической необходимостью, он предпочитал титул "Император Германии"; тем не менее канцлер тактично, но твердо указал, что это подразумевало бы своего рода феодальное господство над всеми немецкими землями и что титул "германский император", как титул главы нации, был гораздо предпочтительнее. В конце концов король уступил, но еще некоторое время сохранял обиду на своего доверенного слугу по этому поводу. Похоже, что одно время он даже подумывал об отречении от престола в пользу своего сына, а не о том, чтобы "увидеть вытесненный прусский титул[73]". Однако вскоре он выразил свою благодарность за огромные услуги, оказанные Бисмарком Отечеству. В свой следующий день рождения (22 марта) он возвел канцлера в ранг принца и назначил его канцлером империи.

Было бы неплохо дать здесь общее представление об имперской конституции. Во всех основных чертах она была продолжением, с небольшими изменениями, северогерманского федерального договора 1866 года. Он распространялся на двадцать пять земель Германии, включая, то есть, Гамбург, Бремен и Любек, но исключая, в настоящее время, Эльзас-Лотарингию (Elsace-Lorraine). В этих областях имперское законодательство имеет приоритет над местным (за исключением нескольких особо оговоренных случаев для Баварии и Вольных городов). Одни и те же законы о гражданстве действуют во всех частях Империи. Империя контролирует эти законы, выдачу паспортов, наблюдение за иностранцами и промышленными предприятиями, а также вопросы, связанные с эмиграцией и колонизацией. Торговля, таможенные сборы, меры веса, чеканка монет, банковские правила, патенты, консульская служба за границей и вопросы, связанные с судоходством, также находятся под его контролем. Железные дороги, почты и телеграфы (за отмеченными выше исключениями) находятся под надзором империи, важность которого во время войны проявилась так ярко.

Король Пруссии является *ipso facto* императором Германии. Он представляет Империю среди иностранных государств; он имеет право объявлять войну, заключать мир и заключать союзы; но для объявления войны от имени Империи необходимо согласие Федерального совета (Бундесрата). Император созывает, приостанавливает и закрывает сессии Федерального совета и Имперского сейма (рейхстага). Они созываются каждый год. Канцлер империи председательствует в Федеральном совете и контролирует ведение его дел. Законодательные предложения представляются в рейхстаг в соответствии с резолюциями Федерального совета и поддерживаются членами этого Совета. Императору принадлежит право подготовки и опубликования законов Империи: они должны быть приняты бундесратом и рейхстагом, а затем получить одобрение кайзера. Затем они подписываются канцлером, который, таким образом, становится ответственным за их надлежащее исполнение.

Члены бундесрата назначаются федеральными правительствами: их шестьдесят два, и в настоящее время в их число входят представители рейхстага Эльзас-Лотарингия[74]

Правительство Пруссии выдвигает семнадцать членов; Баварии - шесть; Саксонии, Вюртембурга и Эльзас-Лотарингии - по четыре от каждого; и так далее. Бундесрат возглавляется имперским канцлером. В начале каждой ежегодной сессии он назначает одиннадцать постоянных комитетов для рассмотрения следующих вопросов: (1) Армия и укрепления.; (2) военно-морской флот; (3) тарифы, акцизы и налоги; (4) коммерция; (5) железные дороги, почты и телеграф; (6) гражданское и уголовное право; (7) финансовые счета; (8) иностранные дела; (9)

Эльзас-Лотарингия; (10) имперская конституция; (11) Регламент. Каждым комитетом руководит председатель. В каждом комитете должны быть представлены по крайней мере четыре штата Империи, и каждый штат имеет право только на один голос. В это правило внесены две модификации в случае комитетов по армии и по иностранным делам. В первом из них Бавария имеет постоянное место, в то время как император назначает трех других членов от стольких же государств: во втором случае представлены только Пруссия, Бавария, Саксония и Вюртемберг. Бундесрат принимает меры, которые должны быть предложены рейхстагу, и резолюции, принятые этим органом; он также контролирует исполнение законов и может указать на любые недостатки в законах или в их исполнении.

Члены рейхстага, или сейма, избираются всеобщим (точнее, *мужским составом*) избирательным правом и прямым тайным голосованием пропорционально населению нескольких штатов[75]. В среднем каждый из 397 членов организации представляет собой более 100 000 человек населения. Заседания рейхстага являются публичными; он имеет право (одновременно с правом императора и бундесрата) предлагать законы для Империи. Он заседает в течение трех лет, но может быть распущен решением бундесрата с согласия императора. Депутаты не могут быть связаны приказами и инструкциями, издаваемыми их избирателями. Им не платят.

Как было отмечено выше, важные вопросы, такие как управление железными дорогами, поскольку это связано с гармоничной и эффективной работой существующих систем и строительством новых линий, необходимых для благосостояния и обороны Германии, находятся под контролем Империи - за исключением Баварии. То же самое касается почты и телеграфа, за исключением Южных штатов. Железнодорожные компании обязаны перевозить войска и военные припасы по единым сниженным тарифам. Фактически, имперское правительство контролирует тарифы на всех линиях, подлежащих его надзору, и распорядилось сократить перевозки угля, кокса, минералов, древесины, камня, навоза и т.д. На большие расстояния, "как того требуют интересы сельского хозяйства и промышленности". В случае нехватки продовольствия железные дороги могут быть вынуждены пересылать продовольствие по специально заниженным тарифам.

Далее, что касается военных вопросов, центральная власть осуществляет очень большой контроль над федеративными Штатами. Все немецкие войска приносят присягу на верность императору. Он назначает всех комендантов крепостей; ему также принадлежит право строить крепости внутри Империи; он определяет численность контингентов федеративных Штатов и в последнем случае может назначить их командующих; он может даже объявить военное положение в любой части Империи, если этого требует общественная безопасность. Прусский военный кодекс применим ко всем частям империи (за исключением Баварии, Вюртемберга и Саксонии в мирное время); и военная организация везде имеет одинаковое общее описание, особенно в том, что касается продолжительности службы, характера муштры и организации в корпусах и полках. Каждый немец, за исключением случаев физической непригодности, несет воинскую повинность и не может переложить это бремя на замещающего его лица. Он должен прослужить семь лет в постоянной армии, то есть три года в полевой армии и четыре в резерве; после этого он займет свое место в ландвере[76].

Вторичные государства защищены в одном важном отношении. Последнее положение Имперской конституции предусматривает, что любое предложение об ее изменении считается

несостоявшимся, если против него в Федеральном совете будет подано четырнадцать или более голосов. Это означает, что Бавария, Вюртемберг и Саксония, если они проголосуют вместе, смогут предотвратить любые изменения, наносящие ущерб их интересам. В целом, новая система менее централизована, чем была в Северогерманском союзе; и многие из прусских либералов, с которыми наследный принц Пруссии очень решительно разделял позицию по этому вопросу, жаловались, что правительство стало более федеративным, чем когда-либо, и что слишком много было предоставлено партикуляристским предрассудкам Южных штатов[77]. На все эти возражения Бисмарк мог неопровержимо ответить, что гораздо лучше достичь этой великой цели без горечи, даже если итоговый договор был в некоторых отношениях ошибочным, чем навязывать Южным Штатам более логически совершенную систему, которая увековечила бы болезненные чувства прошлого.

Такова в своих основных чертах новая Конституция Германии. В целом она сработала хорошо. То, что она оправдала все ожидания, вызванные в тот год триумфа и ликования, не удивит никого, кто знает, что абсолютный и длительный успех достигается только в утопиях, но никогда в практической политике. По правде говоря, внезапность, с которой было наконец достигнуто единство Германии, сама по себе представляла опасность.

Английскому читателю, возможно, будет трудно осознать это, пока он не вспомнит, что весь ход письменной истории показывает нам, что немцы политически разобщены или по большей части вовлечены в братоубийственную борьбу. Когда они впервые попали в поле зрения историков Древнего Рима, они представляли собой группу враждующих племен, которые объединились только под давлением непреодолимой опасности; и такова была их судьба на протяжении почти двух тысяч лет. Их союз под энергичным правлением великого франкского вождя, которого французы называют Карлом Великим, был в лучшем случае номинальным и частичным. Священная Римская империя, которую он основал в 800 году по мистически туманному договору с папой римским, никогда не была тесными узами союза, даже в его суровых и умелых руках. При его слабых преемниках эта внушительная лига редко способствовала миру между своими народами, в то время как блеск ее главного выборного достоинства нередко приводил к войне. Затем феодализм стал сильным политическим платежеспособным средством, и, таким образом, на протяжении веков Германия рушилась и распадалась, пока разобщенность, казалось, не стала судьбой ее богатейших земель, а партикуляризм не стал укоренившимся инстинктом ее князей, бюргеров, и крестьян. Затем Юг снова был противопоставлен Северу во время Реформации и еще долгое время после нее; когда борьба вероисповеданий прекратилась, соперничество домов Габсбургов и Гогенцоллернов добавило еще одну причину ненависти.

На самом деле, двум Наполеонам, дяде и племяннику, предстояло принудить эти разделенные народы к товариществу по оружию. В конце кампании 1813 года и кампании 1814 года Север и Юг, пруссаки и австрийцы впервые искренне сражались плечом к плечу в большой войне, поскольку война 1792-94 годов только продемонстрировала их укоренившуюся подозрительность и внутреннюю враждебность. По причинам, которые здесь не могут быть изложены, мир 1814-15 годов не привел к эффективному союзу: он даже увековечил старый дуализм интересов. Но враждебность Франции при Наполеоне снова усилила импульс к объединению Германии, и на этот раз под рукой был человек, который тщательно подготовил почву для прочной формы политического союза; его дипломатическая кампания последних семи лет обеспечила дружбу России и, следовательно, вынужденный нейтралитет Австрии; что

касается нежелания южных штатов объединяться с Севером, то это чувство на несколько недель ослабло на фоне энтузиазма, вызванного немецкими победами. Возможность была беспрецедентной: она не представилась даже в 1814 году; возможно, она никогда не представится снова; и она наверняка исчезнет, когда пройдет военная лихорадка. Как мудро было ковать железо, пока оно горячее! Мелкие детали процесса сварки были бесконечно менее важны, чем сама сварка.

Остается последнее соображение. Если возможность была беспрецедентной, то такими же были и качества государственного деятеля человека, который ею воспользовался. Чем больше мы узнаем об узкопрусских чувствах короля Вильгельма, педантичном централизме наследного принца Пруссии и мелком партикуляризме правительств Баварии и Вюртемберга, тем больше выделяется фигура Бисмарка как единственного великого государственного деятеля своей страны и эпохи. Каким бы достойным порицания ни было многое в его поведении, его действия по достижению и окончательному завершению единства Германии в нужный психологический момент выделяются как один из величайших подвигов государственной мудрости, о которых свидетельствует история.

Но, очевидно, нельзя ожидать, что супружеская жизнь, которой не предшествовало ухаживание, на бракосочетания которой Марс оказывал большее влияние, чем Венера, пройдет совершенно гладко. Фактически, этот последний случай в этнических преданиях о браке путем захвата в целом привел к более гармоничному результату, чем можно было ожидать. Возможно, если бы мы могли приподнять завесу секретности, которая благоразумно сохраняется над самыми важными делами бундесрата и его комитетов, картина предстала бы несколько иной. Как бы то ни было, мы можем сослаться здесь только на некоторые вопросы исключительной важности, детали которых достаточно хорошо известны.

Первым из них, подвергшим новую империю сколько-нибудь серьезному испытанию, была острая религиозная борьба против новых притязаний римско-католической иерархии. Не вдаваясь в подробности многих причин трений, возникших между новой империей и Римско-католической церковью, мы можем заявить, что большинство из них уходило корнями в активность, проявленную этой Церковью среди поляков Прусской Польши (Познани), а также в догму о папской непогрешимости. Принятый Вселенским собором в Риме накануне начала франко-германской войны, он оказался неотъемлемой частью той передовой политики иезуитов, которая работала на свержение главных протестантских государств. Многие люди, среди них Бисмарк[78]- утверждали, что ненависть императрицы Евгении к Пруссии и воинственное влияние, которое она, как говорят, оказала на Наполеона III. в тот критический день, 14 июля 1870 года, были спровоцированы иезуитские интриги. Как бы то ни было (и это вопрос, по которому ни один здравомыслящий человек не станет догматизировать, пока ее конфиденциальные документы не увидят свет), нет никаких сомнений в том, что папа Римский и римская иерархия среди католиков Центральной и Восточной Европы сделали все возможное, чтобы помешать единству Германии и внести элементы раздора. Догма о непогрешимости папы римского в вопросах веры и вероучения сама по себе была причиной раздоров. Многие из наиболее образованных и умеренных немецких католиков протестовали против новой догмы, и некоторые из этих "старокатоликов", как их называли, пытались избежать преподавания ее в университетах и школах. Однако их епископы настояли на том, чтобы этому учили, наложили на некоторых непокорных меньший запрет и лишили их должностей.

Когда эти своевольные действия распространились даже на школы, вмешалось правительство Пруссии, и в начале 1872 года был принят закон, предписывающий, что все школьные инспекторы должны назначаться королевским правительством в Берлине. Это сильно раздражило римско-католическую иерархию и привело к агрессивным действиям с обеих сторон, германский рейхстаг рассмотрел этот вопрос и постановил отстранить иезуитов от всех священнических и схоластических обязанностей любого рода в Империи (июль 1872 г.). Борьба становилась все более ожесточенной. Когда римско-католические епископы Германии настаивали на лишении "старокатоликов" профессорских и других сборов, центральное правительство ответило знаменитыми "Майскими законами" 1873 года. Первый из них запрещал Римско-католической церкви каким-либо образом вмешиваться в гражданские дела или принуждать должностных лиц и граждан Империи. Второй требовал от всех служителей религии, чтобы они сдали выпускной экзамен в средней школе, а также изучали теологию в течение трех лет в немецком университете: кроме того, он подвергал все семинарии государственной инспекции. Третий закон предоставлял более полную правовую защиту диссидентам различных вероисповеданий.

Эта антиклерикальная политика известна как "Культурная борьба", термин, обозначающий борьбу за цивилизацию против сил реакции. В течение нескольких лет борьба носила самый острый характер. Римско-католические епископы продолжали запрещать "старокатоликов", в то время как государство отказывалось признавать любой акт бракосочетания или крещения, совершенный священнослужителями, которые не подчинились новым законам. Логическое продолжение этого было очевидным, а именно, что государство должно настаивать на том, чтобы религиозная церемония заключения брака дополнялась гражданским договором^[79]. Законы, делающие это обязательным, были впервые приняты прусским ландтагом в конце 1873 года и германским рейхстагом в 1875 году.

Было бы излишне и утомительно подробно описывать дальнейшие этапы этого ожесточенного спора, тем более что несколько более поздних "Законов мая" были отменены. Мы можем, однако, отметить его значение для развития партий. Многие прусские дворяне и оруженосцы (последних называли юнкерами) присоединились к Бисмарку в споре по Закону о гражданских браках, и этот раскол ослабил давний союз Бисмарка с консервативной партией. Однако он пользовался восторженной поддержкой могущественной Национал-либеральной партии, а также империалистических и прогрессивных групп. Различаясь по многим деталям, эти партии стремились укрепить структуру центральной власти, и именно с их помощью в рейхстаге были заложены и пустили корни новые институты Германии. На всеобщих выборах 1874 года выдвинулись целых 155 национал-либералов, и они, вместе с другими только что названными группами, дали правительству силу в 240 голосов - хорошее рабочее большинство, пока цели Бисмарка носили умеренно либеральный характер. Это, однако, было не всегда так, даже в 1874-79 годах, когда он нуждался в их союзе. Его требование постоянно иметь большое военное подразделение оттолкнуло его союзников в 1874 году, и им было трудно удовлетворить требования его требовательного и скрупулезного характера.

Суровость "Майских законов" также вызвала бесконечные трения. Из примерно 10 000 римско-католических священников в Пруссии (только к этому королевству применялись самые строгие из этих законов) только около тридцати преклонили колено перед государством. В 800 приходах междоусобица зашла так далеко, что все религиозные службы прекратились. В 1875 году были наложены штрафы на сумму 28 000 марок (2800 фунтов стерлингов), а 103 священнослужителя

или их сторонников были изгнаны из Империи[80]. Очевидно, что такое положение вещей не могло продолжаться без серьезной опасности для Империи; ибо Церковь продолжала свой путь со своим обычным упорством, усиленная "протестующими" депутатами от Рейхсланда на юго-западе, от Ганновера (где гвельфские настроения все еще преобладали), а также депутатами из польского Познани и датского Шлезвига. Бисмарк и антиклерикальное большинство рейхстага отвергали любые мысли о капитуляции. Тем не менее, медленно, но верно события в Ватикане и в Германии в равной степени вели к компромиссу. В феврале 1878 года скончался папа Пий IX. Этот несчастный понтифик никогда не переставал действовать против интересов Пруссии и Германии, в то время как его энциклики с 1873 года смешивали угрозы неповиновения Майским законам с оскорблениями в адрес принца Бисмарка. Его преемник Лев XIII (1878-1903) проявил гораздо большую склонность к компромиссу, и это в то время, когда новая коммерческая политика Бисмарка сделала поддержку Клерикального центра в рейхстаге особенно приемлемой.

Решение Бисмарка отказаться от системы свободной торговли, или, скорее, от легких таможенных сборов, принятой Пруссией и немецким Цольферайном в 1865 году, является настолько важным фактом в экономической истории современного мира, что мы должны здесь привести несколько фактов, которые позволят читателю понять условия, в которых находилась немецкая торговля вплоть до 1878-79 годов, когда произошли великие перемены. Старый порядок вещей в Пруссии, как и во всех германских государствах, был строго охранительным - фактически, до такой степени, что часто предотвращал передачу предметов первой необходимости из одного маленького государства его соседям-лилипутам. Расцвет национальной идеи в Германии во время войн против великого Наполеона привел к созданию более просвещенной системы, особенно в Пруссии. Прусский закон 1818 года утверждал принцип взимания таможенных сборов для целей получения доходов, но облагал иностранные товары налогом в умеренной степени. На этой основе она побудила соседние небольшие немецкие государства присоединиться к ней в Таможенном союзе (Zollverein), который постепенно расширялся, пока к 1836 году в него не вошли все государства нынешней империи, за исключением двух Мекленбургов, Эльбских герцогств и трех вольных городов Гамбурга, Бремена и Любека. Иными словами, притягательная сила высокоразвитого прусского государства практически объединила Германию в целях торговли, и это тоже за тридцать восемь лет до того, как был достигнут политический союз.

Это, следует заметить, делалось при условии внутренней свободной торговли, но взимания умеренных пошлин на иностранные товары. До 1840 года эти импортные пошлины в целом были снижены; после этой даты началась протекционистская реакция; однако она была сдержана сильной волной настроений в пользу свободной торговли, прокатившейся по Европе после победы этого принципа в Англии в 1846-1849 годах. Из новых поборников свободной торговли на континенте первым в свое время был Кавур, выступавший за Сардинское королевство, на котором он заложил основы возрожденной и объединенной Италии. Гораздо более важной, однако, была победа, которую Кобден одержал в 1859-60 годах, убедив Наполеона III. отказаться от почти запретительной системы, которая тогда была в моде во Франции. Англо-французский торговый договор от января 1860 года, казалось, предвещал быстрое обращение мира к просвещенной политике беспрепятственного обмена всеми своими продуктами. В 1862 и 1865 годах немецкий Цольферайн последовал этому примеру, ослабив пошлины на импортные изделия и промышленные товары - процесс, который был продолжен в его торговых договорах и тарифных изменениях 1868 и 1869 годов.

В то время мнения Бисмарка по финансовым вопросам были несколько расплывчатыми. Впоследствии он заявил, что считает свободную торговлю совершенно ложной. Но в этом, как и в других вопросах, он, безусловно, руководствовался соображениями целесообразности. Незадолго до заключения мира с Францией он до сих пор приближена к свободной торговле, как настаивать на том, чтобы франко-германский торговый договор 1862 года, который в войну был курс отменен--- война положит конец всем договорам между государствами непосредственно участвовали--теперь следует снова рассматривать как силу и как держит хорошо до 1887 году[81]. Он даже заявил, что "предпочел бы снова начать войну пушечных ядер, чем ввязываться в войну тарифов". Таким образом, Франция и Германия договорились постоянно предоставлять друг другу статус "наиболее благоприятствуемой нации". И все же этому же человеку, который так сильно желал снизить франко-германский тариф, было суждено восемь лет спустя начать протекционистскую политику, которая отбросила дело свободной торговли назад по крайней мере на поколение.

Что привело к этому важному изменению? Полный ответ на этот вопрос занял бы длинную главу. Мы можем лишь бросить взгляд на главные действующие силы того времени. Во-первых, Германия после 1873 года пережила тяжелый и затяжной экономический кризис. Во многом это было связано с лихорадкой спекуляций, вызванной притоком французских миллиардов в страну, где золота было не слишком много. Несмотря на усилия германского правительства удержать значительную часть военного возмещения для целей военной обороны и крупных предприятий, люди вообразили, что внезапно разбогатели. Цены быстро росли, экстравагантные привычки распространялись во всех направлениях, и в 1872-73 годах продвижение компаний достигло ранга изящного искусства, в результате чего трезвая, трудолюбивая Германия казалась почти другой Англией во времена "Пузыря Южных морей". Упоминая об этом времени, Буш сказал Бисмарку в начале 1887 года: "В долгосрочной перспективе [французские] миллиарды не были благословением, по крайней мере, для наших производителей, поскольку они привели к перепроизводству. Выиграли только банкиры, и из них только крупные[82]."

В результате произошло то, что всегда случается, когда нация принимает деньги, средство коммерческого обмена, за главный источник богатства. После периода инфляции наступил неизбежный крах. Несостоятельные компании были исключены советом директоров; даже надежные предприятия в некоторых случаях были свернуты. Насколько серьезно пострадал государственный кредит, видно из более позднего официального признания, что ликвидации и банкротства публичных компаний в последующие десять лет нанесли акционерам общий ущерб в размере более 345 000 000 марок (17 250 000 фунтов стерлингов)[83].

Так вот, именно в 1876-77 годах, когда страна находилась в глубокой экономической депрессии, требование "защиты отечественной промышленности" стало громким и настойчивым. Конечно, невозможно определить, не была бы она повышена, даже если бы немецкие финансы и промышленность продолжали двигаться прямым курсом и на ровном ходу, поскольку протекционистское движение росло с 1872 года благодаря пропаганде основанного в том году "Союза социальной политики". Но можно с уверенностью сказать, что крах спекуляций из-за притока французских миллиардов значительно усилил силы экономической реакции.

Сам Бисмарк сформулировал это следующим образом: введение Свободной торговли в 1865 году вскоре привело к состоянию атрофии в Германии; на время это было остановлено французской военной контрибуцией; но Германия нуждалась в постоянном лечении, а именно в защите. Это правда, что его идеал национальной жизни всегда был строгим и ограниченным - фактически, идеал среднего немецкого чиновника; но мы можем усомниться, имел ли он в виду исключительно защиту предположительно нежной флоры немецкой промышленности от предполагаемых смертельных ударов британской, австрийской и российской конкуренции. Он, безусловно, надеялся укрепить структуру своей империи, расширив таможенную систему и сделав так, чтобы ее доходы в большей степени зависели от этого источника, а не от взносов федеративных Штатов. Но, вероятно, имело место еще более широкое соображение. Он, несомненно, хотел привлечь внимание общественности к другой важной теме, которая отвлекла бы ее от религиозной вражды, описанной выше, и привела к перестановке политических партий. У британского народа есть веские основания знать, что обсуждение финансовых вопросов, которые жизненно затрагивают каждую отрасль и каждого потребителя, действительно действует на партийные группировки подобно вращению калейдоскопа; и мы вполне можем предположить, что такой дальновидный государственный деятель, как Бисмарк, должен был предсказать ход событий.

Соображения государственного управления также подсказывали ему построить Империю вчетверо, пока еще было время. Быстрое восстановление Франции, миллиарды которой оказались чем-то вроде "греческого подарка" Германии, привело к угрозам со стороны партии войны в Берлине, что вызвало частные, но настойчивые намеки королевы Виктории, а также царя Александра кайзеру Вильгельму на то, что войны на уничтожение не должно быть. Это дело и его последствия для внешней политики Германии будут рассмотрены нами в главе XII. Здесь мы можем отметить, что Бисмарк видел в этом повод подозревать Россию, ненавидеть Англию и ревниво следить за каждым движением во Франции. Казалось, что будущее Германии должно быть защищено всеми доступными мирными средствами. В таком случае, как естественно приглушить ее внутренние религиозные раздоры, выдвинув другую тему, представляющую еще более всепоглощающий интерес, и нацелиться на построение самостоятельной коммерческой жизни среди неопределенных или, возможно, враждебных соседей. По правде говоря, если мы рассматриваем этот вопрос в его широком аспекте в жизни наций, мы должны признать, что вряд ли можно ожидать процветания свободной торговли в условиях зависти и страхов, вызванных войной 1870 года. Этот принцип предполагает доверие и добрую волю между нациями, тогда как войны 1859, 1864 и 1870 годов оставили после себя горькие воспоминания и изматывающие беды. Рассматриваемый в этом свете отказ Германии от свободной торговли в 1878 году был всего лишь естественным результатом той решительной политики, с помощью которой она разрубила гордиев узел своей национальной проблемы.

Решение об экономических изменениях было принято в 1879 году, когда федеративные Штаты вернулись к "освященным веками обычаям 1823-65 годов". Бисмарк обратился к рейхстагу с просьбой сохранить по крайней мере немецкий рынок для немецкой промышленности. Шансы на крупную экспортную торговлю были со всех сторон шаткими; но Германия могла, в худшем случае, прокормить себя. Все интересы были смягчены введением умеренных пошлин для сдерживания импорта. На кукурузу и другие продовольственные товары были наложены небольшие таможенные сборы, чтобы угодить аграрной партии; импорт промышленных товаров облагался налогом в интересах немецкой промышленности, и даже сырье облагалось небольшими пошлинами. Рейхстаг одобрил это изменение и 7 июля принял предложения

правительства 217 голосами против 117: большинство составляли консерваторы, клерикалы, Эльзас-Лотарингцы и несколько национал-либералов; в то время как основная часть последних, до сих пор сторонников Бисмарка по большинству вопросов, наряду с радикалами и социал-демократами, выступили против этого. Новый тариф вступил в силу 1 января 1880 года.

В целом многое можно сказать в пользу немедленных результатов новой политики. К 1885 году число людей, занятых на металлургических заводах, увеличилось на 35 процентов по сравнению с 1879 годом; заработная плата также возросла, а доходность судоходства и экспортной торговли значительно возросла. Конечно, невозможно сказать, не произошло бы этого в любом случае из-за естественной тенденции к восстановлению после глубокой депрессии 1875-79 годов. Пошлины на кукурузу не повысили ее цену, что кажется странным, пока мы не узнаем, что импорт кукурузы из-за рубежа составлял менее 8% от всего потребляемого объема. Поэтому в 1885 году Бисмарк уступил требованиям аграриев о дальнейшем повышении пошлин на зерно, чтобы сделать сельское хозяйство прибыльным и предотвратить отток сельского населения в города. И снова послушный рейхстаг последовал его примеру. Но два года спустя оказалось, что новые пошлины на зерно не смогли сдержать падение цен и уберечь землевладельцев и фермеров от разорения; тогда пошлины были повышены еще раз, причем на некоторые продовольственные товары они были даже удвоены. На этот раз они, несомненно, привели к одному важному результату: городское население, особенно в крупных промышленных центрах, становилось все более и более враждебным к аграриям и правительству, которое, казалось, принимало законы в их интересах. С этого времени социал-демократы стали силой в стране.

И все же, если исключить очень важную статью ренты, которая в Берлине жестоким бременем ложится на трудящиеся классы, общая тенденция цен на предметы первой необходимости в Германии была понижительной, несмотря на все протекционистские пошлины. Свидетельства, собранные в британской официальной синей книге "Британская и внешняя торговля и промышленность" (1903. Cd. 1761, стр. 226), дают следующие результаты. Сравнивая необходимые расходы на питание семьи рабочего того же размера и живущей в тех же условиях, выясняется, что если мы примем эти расходы за период 1897-1901 годов за число 100, то получим следующие результаты:

Точка.	Германия.	Великобритания.
1877-1881	112	140
1882-1886	101	125
1887-1891	103	106
1892-1896	99	98
1897-1901	100	100

Таким образом, снижение стоимости жизни семьи британского рабочего составило 40 пунктов, в то время как стоимость жизни семьи немецкого рабочего снизилась всего на 12 пунктов. В целом удивительно, что между двумя странами не было больше различий[84].

Прежде чем перейти к новым социальным проблемам, возникшим, по крайней мере частично, в результате введения новых пошлин на продовольствие, мы можем указать, что Бисмарк и его

преемники в германском канцлерстве использовали новый тариф как средство вымогательства лучших условий у соседних стран. Железный канцлер всегда действовал по дипломатическому принципу *do ut des*- "Я даю, чтобы вы могли дать" - с его еще более циничным следствием: "Те, кому нечего дать, ничего не получают". Новый немецкий тариф на сельскохозяйственную продукцию жестко применялся против Австрии в течение многих лет, чтобы вынудить ее предоставить более выгодные условия для немецких промышленных товаров. В течение одиннадцати лет Австро-Венгрия сохраняла свои защитные барьеры; но в 1891 году упорство Германии было вознаграждено в виде договора, по которому Двойная монархия пропускала немецкие товары на более льготных условиях при условии ослабления пошлин на зерно Северной державы. Финансовая борьба с Россией была более острой и продолжительной, но привела к тому же результату (1894 год). Более дружественными были переговоры с Италией, Бельгией и Швейцарией, которые привели к заключению договоров с этими государствами в 1891 году. Излишне говорить, что в каждом из этих случаев снижение пошлин на кукурузу встречало резкое сопротивление немецких аграриев. Здесь мы можем добавить, что англо-германский торговый договор, срок действия которого истек в 1903 году, был продлен на два года; и что другие торговые договоры Германии были в то же время продолжены.

В настоящее время опасно выносить какие-либо определенные суждения относительно степени успеха, достигнутого немецкой протекционистской политикой. Протекционисты всегда указывают на процветание Германии как на главное доказательство ее эффективности. В одном отношении они, возможно, полностью оправданы в этом поступке. Постоянное давление, которое Германия оказывала на еще более протекционистские системы России и Австрии, несомненно, побудило эти Державы предоставить более легкие условия для немецких товаров, чем они сделали бы, если бы Германия потеряла свою переговорную силу, сохранив свои прежние тенденции к свободной торговле. Ее успех в этом вопросе - лучший пример в недавней экономической истории желательности придерживаться что-то про запас, чтобы иметь возможность эффективно торговаться с Державой, которая поддерживает враждебные тарифы. В наш век ревливой конкуренции государство, которому больше нечего предложить, находится в таком же тяжелом положении на экономических переговорах, как и государство, у которого в вопросах общей политики нет вооружений, чтобы противостоять хорошо оснащенному противнику. Ортодоксальные экономисты, конечно, отвергают это соображение как еретическое; но оно имеет большое значение в повседневном мире, где тарифные войны и торговые соглашения, к сожалению, все еще отвлекают энергию человечества.

С другой стороны, было бы рискованно указывать на внутреннее процветание Германии и значительный рост ее экспорта в качестве доказательств обоснованности протекционистских теорий. Поразительный рост этого процветания в значительной степени обусловлен природными богатствами значительной части страны, умом, энергией и дальновидностью ее народа и их правителей, а также сравнительно отсталым состоянием немецкой промышленности и торговли вплоть до 1870 года. Далеко в девятнадцатом веке Германия страдала от опустошения, вызванного наполеоновскими войнами и еще более ранними столкновениями. Даже после 1850 года политическая неопределенность того времени мешала ей наслаждаться процветанием, которое тогда посетило Англию и Францию. Следовательно, только с 1870 года (или, скорее, с 1877-78 годов, когда результаты безумной спекуляции 1873 года начали сходить на нет) она вступила в нормальное развитие современного промышленного государства; и он был бы ревностным сторонником, который приписал бы ее процветание главным образом протекционистскому режиму. По правде говоря, никто не может правильно

оценить значение комплекса причин - экономических, политических, образовательных, научных и инженерных, - которые способствуют процветанию огромного промышленного сообщества. Они настолько тесно переплетены в природе вещей, что догматические аргументы, делающие упор только на одном из них, вскоре должны быть расценены как простое жонглирование фактами и цифрами.

Что касается более широкого влияния, оказываемого новой протекционистской политикой Германии, мы можем здесь упомянуть только об одном; и это будет рассмотрено более подробно в главе, посвященной разделу Африки. Эта политика придала большой импульс колониальному движению в Германии, а через нее и во всех европейских государствах. Как это случалось во времена старой торговой системы, державы, ограничивавшие свою торговлю со своими соседями, почувствовали настоятельную потребность в освоении новых земель в тропиках, которые служили бы надежными заповедниками для метрополии. Другие обстоятельства помогли толкнуть Германию на путь колониальной экспансии; но, вероятно, самым важным, хотя и наименее очевидным, было возрождение того "меркантилизма", который взорвал Адам Смит. Таким образом, триумф национального принципа в 1870 году и после него был закреплен средствами, которые имели тенденцию к разделению человеческой расы на массы, рассматривающие друг друга в большей или меньшей степени как врагов или соперников, одинаково в сферах политики, торговли и колониальной экспансии.

Мы можем завершить наш краткий обзор конструктивной политики Германии, обратив внимание на главный из экспериментов, который можно отнести к разряду сродни государственному социализму.

В 1882 году правительство Германии представило законопроект о страховании по болезни и от несчастных случаев, но они были приняты только в 1884 году и вступили в силу только в 1885 году. Для облегчения болезни правительство полагалось на существующие учреждения, организованные с этой целью. Это было очень мудро, учитывая, что большая трудность заключается в том, как выяснить, действительно ли человек болен или просто симулирует болезнь. Очевидно, что местный клуб может выяснить это гораздо лучше, чем крупное агентство *imperial*. У местного клуба есть все основания пристально следить за сомнительными случаями, чего не может сделать Государственный страховой фонд. Что касается болезней, то имперское правительство просто вынудило все трудящиеся классы, за немногими исключениями, принадлежать к какому-либо больничному фонду. Они были обязаны выплачивать в сумме не менее четырех пенсов с фунта своей еженедельной заработной платы; и эта оплата рабочему должна быть дополнена вдвое меньшей суммой, выплачиваемой его работодателем, или, скорее, работодатель выплачивает всю премию и вычитает долю, выплачиваемую рабочим, из его заработной платы.

С этим тесно связан Закон о страховании от несчастных случаев. Здесь основная тяжесть выплаты полностью ложится на работодателя. Он один выплачивает страховые взносы за всех своих работников; сумма варьируется в зависимости от (1) заработной платы работника, (2) риска, связанного с работой. Последний определяется государственными актуариями. Если человек получает травму (даже если это произошло по его собственной неосторожности), он получает выплаты в течение первых тринадцати недель из обычного Больничного фонда. Если несчастный случай и дальше удерживает его в заключении, ему платят из Фонда работодателей данной конкретной профессии на случай несчастных случаев или из Имперского фонда на

случай несчастных случаев. Здесь, конечно, возрастает вероятность обмана, особенно если мужчина знает, что его содержат из общего фонда, полностью состоящего из выплат работодателей. Бремя для работодателей, безусловно, очень велико, поскольку при всех видах несчастных случаев может быть запрошена помощь; единственное исключение составляют случаи, когда может быть доказано, что травма была нанесена умышленно[85]. Британская синяя книга, выпущенная 31 марта 1905 года, показывает, что огромная сумма в размере 5 372 150 фунтов стерлингов была выплачена в Германии в 1902 году в качестве компенсации рабочим за травмы, полученные на производстве.

Бремя работодателей на этом не заканчивается. Они должны нести свою долю страховки по старости. Этот закон был принят в 1889 году, в конце первого года правления нынешнего кайзера. Его отец, император Фридрих, во время своего короткого правления не одобрял принципы государственного социализма; но молодой император Вильгельм в ноябре 1888 года объявил, что он продолжит работу, начатую его дедом, и хотя трудности со страхованием на старость были очень велики, все же, с Божьей помощью, они окажутся не непреодолимыми.

Безусловно, это были самые масштабные усилия, которые когда-либо предпринимались каким-либо государством. Молодой император и его канцлер стремились создать фонд, с помощью которого 12 000 000 работающих людей могли бы быть защищены от бед старости без гроша в кармане. Их закон предусматривал участие всех работников (даже мужчин, занятых в качестве домашней прислуги), чей годовой доход не превышал 2000 марок (100 фунтов стерлингов). Как и предыдущие законы, это было обязательным. Каждый молодой человек, физически и умственно здоровый и зарабатывающий больше минимальной заработной платы, должен начать откладывать фиксированную долю этой заработной платы, как только ему исполнится шестнадцать лет. Его работодатель также вынужден внести за него такую же сумму. Г-н Доусон в уже упомянутой работе приводит некоторые цифры, показывающие, какова совместная выплата работодателя и нанятого на этот счет. Если рабочий зарабатывает 15 фунтов стерлингов в год (*т.е.* около 6 тыс. в неделю), сумма в размере 3s. 3-1 / 2d. ежегодно вносится для него в Государственный фонд. Если он зарабатывает 36 фунтов стерлингов в год, совокупный годовой платеж составит 5,7-1/2д.; если он зарабатывает 78 фунтов стерлингов, это будет 7 шилл. в год и так далее. Эти выплаты распределяются по различным классам в зависимости от сумм; и в соответствии с общей суммой является окончательная рента, выплачиваемая работнику вечером в его рабочие дни. Для немецкого рабочего этот вечер наступает очень медленно. Что касается простой старости, то он не может начать получать полную пенсию, пока не достигнет зрелого возраста в семьдесят один год. Тогда он получит всю сумму. Он может ожидать этого, если окажется недееспособным; но в этом случае пенсия будет в более низком размере, пропорциональном выплаченным суммам и продолжительности выплат.

Детали этой меры настолько сложны, что вызывают много трений и недовольства. Только на подсчет различных платежей уходит целая армия клерков: необходимость защиты от подделки личности и других видов мошенничества делает необходимым большое количество мер предосторожности; и, таким образом, вся система оказывается опутанной бюрократической волокитой таким образом, что даже самый терпеливый рабочий Континента не может этого вынести.

Таким образом, германское правительство в значительной степени потерпело неудачу в своих попытках излечить промышленные классы от их социалистических идей. Но его решимость присоединить их к новой Германской империи и сделать эту империю ведущим промышленным государством Континента полностью восторжествовала. Поскольку образование, техническая подготовка, исследования и просвещенные законы могут сделать нацию великой, Германия, несомненно, находится на пути к национальному и промышленному превосходству.

Это странный контраст, который бросается в глаза, если мы оглянемся назад, на годы, предшествовавшие приходу к власти короля Вильгельма и Бисмарка. В мрачные дни предыдущего правления Германия была слабой, разделенной и беспомощной. В том, что касается политической жизни и промышленности, она все еще была почти в пеленках; и ее попытки вырваться из надоедливых уз старой Конфедерации казались, вероятно, такими же тщетными, какими они были с 1815 года. Но приход к власти короля и его надежного помощника быстро изменил ситуацию. Политические проблемы решались одна за другой и были решены без промедления. Союз был завоеван дипломатией Бисмарка и мечом Пруссии; и когда через семь знаменательных лет желанная цель была достигнута, те же качества были задействованы в трудной задаче укрепления этого союза. Этими качествами были мужество и целеустремленность, которые Дом Гогенцоллернов всегда демонстрировал со времен Великого курфюрста; к ним добавились более редкие дары, а именно широта взглядов, орлиная дальновидность, сила воли, умение выбирать средства, которые составляли импозантную личность Бисмарка. Имея в виду его самого и поразительные победы, одержанные его дипломатией над Францией, один дипломат так подвел итоги 1870 года: "Европа потеряла хозяйку, но у нее есть хозяин".

По прошествии жизни поколения, которое было обременено панцирем милитаризма, мы можем оценить силу этого замечания. Столь же верно и то, что образование Германской империи не прибавило к культуре и внутреннему счастью немецкого народа. Дни спокойной культуры и счастья прошли; и на их место пришло стремление к амбициозным целям, которое является тяжелым бременем даже для жизнеспособности тевтонской расы. И все же, к добру это или ко злу, объединение Германии должно выделяться как величайшее событие в истории Девятнадцатого века.

ПРИМЕЧАНИЕ Ко ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Утверждение на странице 135 о том, что служба в немецкой армии обязательна в течение семи лет, три в действующей армии и четыре в резерве, относится только к кавалерии и артиллерии. В пехоте срок службы составляет два года под знаменами и пять лет в резерве.

СНОСКИ:

[72] Цитируется К. Лоу, *Жизнь Бисмарка*, том i, стр. 615.

[73] Э. Маркс, *Кайзер Вильгельм I*. (Лейпциг, 1900), стр. 337-343.

[74] До 1874 года правительство Эльзас-Лотарингии принадлежало исключительно императору и канцлеру. В 1874 году завоеванные земли вернули депутатов в рейхстаг. В октябре 1879 года они получили местные представительные учреждения, но под строгим контролем губернатора, маршала фон Мантейфеля. С тех пор этот контроль был ослаблен, поскольку нынешняя администрация является квазиконституционной.

[75] Бисмарк сказал в речи в Рейхстаге 16 сентября 1878 года: "Я принял всеобщее избирательное право, но с отвращением, как франкфуртскую традицию".

[76] Три года сокращаются до одного года для тех, кто занял высокое место в гимназии (высшей из государственных школ); они сами себя кормят и снаряжают, и их называют "волонтерами". Призыв на военную службу - это правило на побережье для прохождения службы в военно-морском флоте Германии. Текст имперской конституции см. Лоу, *Жизнь Бисмарка*, том ii. Приложение F.

[77] Дж.У. Хэдлэм, *Бисмарк*, стр. 367.

[78] Буш, *наш канцлер*, том i, стр. 139, где он цитирует беседу Бисмарка от ноября 1883 года. О политике римско-католической церкви в Познани см. *там же*. стр. 143-145.

[79] Лоу, *Жизнь Бисмарка*, том ii. стр. 336, примечание.

[80] Буш, *наш канцлер*, том i. стр. 122, цитирует речи своего героя, чтобы доказать, что самому Бисмарку не нравился этот Закон о гражданском браке. "С политической точки зрения я убедил себя, что государство ... вынуждено в целях самообороны принять этот закон, чтобы отвратить от части подданных Его Величества зло, которым им угрожает восстание епископов против законов и государства" (Речь от 17 января 1873 г.). В 1849 году он выступил против гражданского брака.

[81] Об этом договоре и желании Австрии в 1862 году войти в немецкий Цольферайн см. *Дипломатические воспоминания лорда А. Лофтуса*, том ii. стр. 250-251.

[82] *Бисмарк: некоторые тайные страницы его истории*, М. Буш, том iii. стр. 161 (английское издание).

[83] Государственный документ Германии от 28 июня 1884 г., цитируется Доусоном, *Бисмарк и государственный социализм*, Приложение Б.

[84] В недавней работе "*Англия и англичане*" (Лондон, 1904) доктор Карл Питерс говорит: "Учитывая, что заработная плата в Англии в среднем на 20% выше, чем в Германии, что в неделю всего 54 рабочих часа и что все продукты питания дешевле, основные условия благополучной семейной жизни в Англии во всех отношениях более благоприятны, чем в Германии. И все же он [британский рабочий] не получает от них большего утешения по той простой причине, что жена немецкого рабочего более экономична и трудолюбива, чем жена англичанки".

[85] За изложение приведенного выше, а также Закона о страховании по старости я в долгу перед превосходной небольшой работой мистера Доусона "*Бисмарк и государственный социализм*" (Swan Sonnenschein & Co., 1890). Смотрите также Приложение к "*Современной Германской империи*", издательство "Веритас" (1902).

ГЛАВА VII

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС

"Возможно, один факт, лежащий в основе всех действий турок, малых и великих, заключается в том, что они по своей природе кочевники. ... Вот почему, когда турок уходит из страны, он оставляет о себе не больше следов, чем татарский лагерь на высокогорных пастбищах, где он провел лето". -*Турция в Европе*, автор "Одиссея".

Однажды было сделано замечание, что Восточному вопросу суждено было ставить человечество в тупик до Судного дня. Безусловно, эта проблема чрезвычайно сложна в своих деталях. В течение полутора столетий это отвлекало государственных деятелей и филантропов Европы, поскольку касалось не только владения землями, имеющими огромное внутреннее и стратегическое значение, но и благосостояния многих народов. Следовательно, это вопрос, который ни один разумный человек не должен упускать из виду.

В интересах занудного человека, который настаивает на определении каждого термина, Восточный вопрос можно кратко описать как проблему поиска *modus vivendi* между турками, их христианскими подданными и соседними государствами. Это может служить общим рабочим утверждением. Ни один человек, знакомый с правилами логики, не примет это как определение. Определения могут быть должным образом применимы только к терминам и фактам, имеющим четкие очертания; и поэтому они очень редко применимы к фактам истории, которые по необходимости столь же многогранны, как и сама человеческая жизнь. Приведенное выше утверждение является неполным, поскольку в нем нет ни намека на огромную трудность примирения гражданских идей христианского и турецкого народов, ни описания политических проблем, возникающих в результате упадка Османской империи и амбиций ее соседей.

Будет полезно вкратце посмотреть, какие трудности возникают из-за присутствия христиан под властью великого мусульманского государства. В основном они таковы. Во-первых, Коран, хотя и далек от того, чтобы предписывать преследование христиан, все же отчетливо утверждает

превосходство истинно верующего и неполноценность "людей писания" (христиан). Таким образом, последние отстраняются от участия в государственных делах, и на практике им отказывают в слушании дела в судах общей юрисдикции. Следовательно, они склонны опускаться до положения дровосеков и носильщиков воды по отношению к мусульманам, которые, со своей стороны, неизбежно развивают дефекты исключительной доминирующей касты. Особенно это касается турок. Они являются одними из наименее одаренных в монгольской семье народов; храбрые на войне и терпеливые при страданиях и неудачах, они, тем не менее, безнадежно узколобы и фанатичны; и христианам в их среде пришлось, возможно, хуже, чем где-либо еще среди мусульманских народов.

Г-н де Лавеле, изучавший положение дел в Турции вскоре после войны 1877-1878 годов, таким образом резюмировал причины социального и политического упадка турок:

Истинный мусульманин не любит ни прогресса, ни новизны, ни образования; ему достаточно Корана. Он доволен своей участью, поэтому мало заботится о ее улучшении, чем-то похож на католического монаха; но в то же время он ненавидит и презирает христианина *райю*, который является тружеником. Он безжалостно грабит, обирает и жестоко обращается с ним до такой степени, что полностью разоряет и уничтожает те семьи, которые единственные возделывают землю; это было состояние войны, продолжавшееся в мирное время и превратившееся в режим постоянного грабежа и убийств. Жена, даже если она единственная, всегда является низшим существом, своего рода рабыней, лишенной какой-либо интеллектуальной культуры; и поскольку именно она воспитывает детей - мальчиков и девочек, - плохие результаты очевидны.

Дела не всегда и не во всех частях Турции были так плохи, как сейчас; но они часто становились такими при жестоких или коррумпированных правителях или во времена, когда буйствовал мусульманский фанатизм. По правде говоря, глубинной причиной бед Турции является невежество и фанатизм ее народа. Это зло в значительной степени является результатом полной поглощенности всех правоверных мусульман своим вероучением и ритуалами. Тексты из Корана руководят их поведением; а все остальное решает фатализм, который очень часто является простым оправданием ничегонеделания [86]. Следовательно, все движения за реформы - всего лишь рябь на поверхности турецкой жизни; они никогда не затрагивают ее скучных глубин; и султан и чиновники, зная это, с полной уверенностью цепляются за старые порядки. Таким образом, протесты христианских народов от имени своих единоверцев встречаются с вежливым согласием, которое ничего не значит. Раз за разом Блистательная Порта самым торжественным образом обещала предоставить религиозную свободу своим христианским подданным; но обещания были всего лишь пустым звуком, и те, кто их давал, знали это. Фактически, фирманы о реформе, время от времени издаваемые с такой помпой, никогда не рассматривались добропорядочными мусульманами как обязательные к исполнению, потому что главный духовный деятель, шейх-уль-Ислам, чье согласие необходимо для придания силы законам, не включил его в эти самые постановления. Поскольку у него есть власть свергнуть султана за отступление от ортодоксальности, результат можно себе представить. Многочисленные попытки христианских держав навязать Порте свои представления о религиозной терпимости в конце концов привели лишь к дальнейшим проявлениям восточной вежливости.

Могут спросить: почему христиане Турции не объединились, чтобы добиться гражданских прав? Ответ заключается в том, что они глубоко разделены по расовому признаку и чувствам. На северо-востоке проживают румыны, романо-славянская раса, давным-давно латинизировавшая речь и образ мыслей в результате контакта с римскими солдатами и поселенцами на Нижнем Дунае. К югу от этой реки живут болгары, которые, строго говоря, не славяне, а монголы. После долгого пребывания на Волге они присвоили себе название этой реки, утратили свою татарскую речь и стали славянскими по чувствам и языку. Это изменение произошло до девятого века, когда они мигрировали на юг и завоевали районы, которые они сейчас населяют. Их западные соседи, сербы, являются славянами во всех смыслах этого слова и с гордостью вспоминают времена великого Сербского королевства, основанного Стефаном Душаном, которое простиралось на юг до Эгейского моря и Коринфского залива (около 1350 г.).

К западу от нынешнего Королевства Сербия живут другие сербы и славяне, которые были разделены и раздавлены различными завоевателями и сохранили меньше традиций, чем сербы, завоевавшие свою свободу. Но из этого заявления мы должны исключить черногорцев, которые в своих горных твердынях всегда бросали вызов туркам. К югу от них находится большая, но малоизвестная провинция Албания, населенная потомками древних иллирийцев с примесью греков на юге, болгар на востоке и сербов на северо-востоке. Большинство албанцев отреклись от христианства и являются одними из самых фанатичных и воинственных приверженцев ислама; но в своей бурной клановой жизни они часто бросают вызов власти султана и поддерживают ее только для того, чтобы сохранить свое превосходство над ненавистными и презираемыми греками и болгарями на своих окраинах. Последними среди нетурецких рас Балканского полуострова являются несколько валахов в Центральной Македонии и греки; эти последние населяют Фессалию и побережье Македонии и часть Румелии. Хорошо сказано, что греческое влияние на Балканах распространяется вглубь страны не дальше морского бриза.

Таково смешение рас, которое усложняет Восточный вопрос. Можно сказать, что турецкое правление в Европе сохраняется благодаря расовым разделениям и зависти христиан. Султан вводит в действие старый римский девиз *"Разделяй и властвуй"*, и до сих пор делал это, в основном, с успехом. Вот причина, по которой ислам доминирует над христианством на юго-востоке Европы.

Это краткое объяснение покажет, от какого зла страдает Турция в целом и ее христианские подданные в частности. Они происходят из-за столкновения двух непримиримых вероучений и цивилизаций, христианской и мусульманской. Оба они одарены жизнестойкостью и пропагандистской мощью (свидетелями распространения последней в наши дни в Африке и Центральной Азии); и, хотя между ними нельзя проводить никакого сравнения по идеальным основаниям и по их этическим и гражданским результатам, по-прежнему остается правдой, что ислам вдохновляет своих приверженцев фанатичной храбростью на войне. В этом заключается слабость христиан юго-Восточной Европы. Превосходя их во всем, что касается домашней жизни, цивилизации и гражданского совершенства, в прошлом они, как правило, терпели неудачу как солдаты, когда выступали против равного числа мусульман. Но последние не проявляют конструктивных способностей в мирное время и очень редко ассимилируют покоренные расы. Ставя вопрос ребром, мы можем сказать, что это вопрос выживания наиболее приспособленных между бобрами и медведями. И в девятнадцатом веке преимущество все больше было на стороне первого.

Эти факты станут очевидны, если мы кратко взглянем на характерные черты европейской истории Турции. После захвата Константинополя, столицы старой Восточной империи, в 1453 году турки на некоторое время быстро распространили свою власть на соседние христианские государства - Болгарию, Сербию и Венгрию. В 1683 году они осадили Вену; но после того, как доблестный Собеский, король Польши, отбросил их от этого города, они постепенно сдавали позиции. Мало-помалу Венгрия, Трансильвания, Крым и части Украины (Юг России) были вырваны из их рук; и к концу восемнадцатого века их границы были ограничены рекой Днестр и Карпатами[87]. Дальнейшие потери были предотвращены только завистью Великих держав. Иосиф II, король Австрии был близок к осуществлению дальнейших завоеваний, но его планы раздела провалились из-за полного краха его слишком амбициозной политики. Наполеон Бонапарт захватил Египет в 1798 году, но Великобритания вынудила его вернуть Турции (1801-2). В 1807-12 годах российский император Александр I. возобновил завоевательный поход царей на юг, захватил Бессарабию и вынудил султана предоставить определенные привилегии княжествам Молдавия и Валахия. В 1815 году сербы восстали против турецкого владычества: они всегда помнили дни своей ранней славы, и в 1817 году отвоевали у Порты широкие права на местное самоуправление.

Десять лет спустя вмешательство Англии и Франции в пользу греческих патриотов привело к Наваринской битве, которая уничтожила турецко-египетский флот и практически обеспечила независимость Греции. Еще более серьезный удар был нанесен российским царем Николаем I. В 1829 году, по окончании войны, в ходе которой его войска прогнали турок через Балканы и прочь от Адрианополя, он вынудил Порту подписать в этом городе мир, по которому они признавали почти полную независимость Молдавии и Валахии. Эти Дунайские княжества находились под сюзеренитетом султана и платили ему ежегодную дань, но в других отношениях были практически свободны от его контроля, в то время как царь получил на время право защищать христиан Восточной, или греческой, Церкви в Османской империи. Султан также признал независимость Греции. Последовали дальнейшие смуты, которые на некоторое время положили Турцию к ногам России. Англия и Франция, однако, вмешались, чтобы возвысить ее; и они также сорвали усилия Мехмета Али, мятежного египетского паши, отнять Сирию у своего номинального повелителя, султана.

Даже это краткое изложение послужит иллюстрацией трех важных фактов: во-первых, Турция так и не закрепила свой триумф над соседними христианами просто потому, что она не могла ассимилировать их, какими бы чуждыми они ни были по расе, и приобщить к более высокой вере и цивилизации; во-вторых, христиане получали все большую поддержку от родственных народов (особенно русских) по мере того, как последние набирались энергии; в-третьих, процесс освобождения в целом (хотя и не в 1827 году) был отложен действиями западных держав (Англии и Франции), которые по политическим соображениям стремились остановить войну. усиление Австрии или России путем поддержки власти султана.

Политика поддержки султана в борьбе с агрессией России достигла своего апогея во время Крымской войны (1854-55), которая была обусловлена главным образом усилиями царя Николая по распространению своего покровительства на греческих христиан в Турции. Франция, Англия, а позже и Королевство Сардиния объявили войну России - Франция, главным образом потому, что ее новый правитель, Наполеон III, хотел играть большую роль в мире и отомстить за бедствия Московской кампании 1812 года; Англия, потому что ее правительство и народ возмущались посягательствами России на Востоке и искренне верили, что Турция вот-вот станет

цивилизованным государством; и Сардиния, потому что ее государственный деятель Кавур видел в этой акции средство закрепления союза двух западных государств в своей планируемой кампании против Австрии. Война завершилась Парижским мирным договором 1856 года, по которому подписавшие его державы официально допустили Турцию "к участию в преимуществах публичного права и системы Европы".

Это, однако, просто означало, что подписавшие соглашение державы будут сопротивляться посягательствам на территориальную целостность Турции. Это не ограничивало права Держав, как указано в различных "Капитуляциях", защищать своих собственных подданных, проживающих в Турции, от жестокого турецкого правления. Султан возлагал большие надежды, издав фирман, предоставляющий свободу вероисповедания своим подданным-христианам; это было включено в Парижский мирный договор и, таким образом, стало частью публичного права Европы. Державы также стали *коллективно* гарантами местных привилегий Дунайских княжеств. Другая статья Договора предусматривала недопущение военных кораблей в Черное море. Это, конечно, особенно относится к России и Турции[88].

Таким образом, главным дипломатическим результатом Крымской войны стала замена европейского признания религиозной терпимости в Турции контролем Греческой церкви над ее подданными, на который претендовала Россия. Блистательная Порта теперь занимала более сильное положение, чем когда-либо с 1770 года; и надлежащее выполнение ее обещаний, вероятно, привело бы к созданию сильного государства. Но обещания оказались пустой макулатурой. Султан, полагая, что Англия и Франция всегда будут на его стороне, позволил событиям идти старым плохим путем. Естественные результаты произошли. Христиане проявляли все большее беспокойство под турецким владычеством. В 1860 году многие из них были убиты в Ливане и Наполеоном III. часть Сирии оккупировали французские войска. Вассальные государства в Европе также демонстрировали растущую жизнеспособность, в то время как жизнеспособность Турции ослабевала. В 1861 году, во многом благодаря дипломатической помощи Наполеона III, Молдавия и Валахия объединились и образовали Румынское княжество. В 1862 году, после короткой, но ужасной борьбы, сербы избавились от турецких гарнизонов и разработали конституцию западного типа. Но самый сильный удар был нанесен в 1870 году. В ходе франко-германской войны царское правительство (при доброй воле и, возможно, активном попустительстве Берлинского двора) объявило, что оно больше не будет связано статьей Парижского мирного договора, исключающей доступ российских военных кораблей в Черное море. Министерство Гладстона направило протест против этого акта, но не предприняло никаких шагов для приведения своего протеста в исполнение. Наш молодой дипломат, сэр Гораций Рамболд, находившийся тогда в Санкт-Петербурге, полагал, что она отступила бы при угрозе войны[89]. Наконец, российская декларация была согласована Державами в Договоре, подписанном в Лондоне 31 марта 1871 года.

Все эти предупреждения были выброшены на Берег. Его обещания о терпимости к христианам были проигнорированы; колеса правительства продолжали работать традиционным ржавым способом; губернаторы провинций и округов, как и прежде, прикарманивали гранты, выделяемые на благоустройство на местах; вопреки обещаниям, данным в 1856 году, налоги продолжали "отдаваться на откуп" подрядчикам; свидетельствам христиан против мусульман упорно отказывали в слушании в судах[90]; и сборщики налогов еще больше раскрутили финансовый винт, чтобы выжать из земледельцев, особенно из христиан, средства для

удовлетворения потребностей государства и все возрастающей расточительности султана. Инциденты, которые наблюдал в Боснии известный оксфордский ученый летом 1875 года, будут приведены в Приложении в конце этого тома.

Ситуация достигла апогея осенью 1875 года в Герцеговине, южной части Боснии. Там после неурожая неплательщики налогов и магометанские землевладельцы настаивали на получении полной квоты; в течение многих лет крестьяне страдали от аграрных несправедливостей, которые здесь невозможно описать; и теперь это многострадальное крестьянство, в основном христиане, бежало в горы или в Черногорию, чьи крепкие горцы никогда не сгибались под турецким игом[91]. Оттуда они совершали набеги на своих угнетателей до тех пор, пока вся эта часть Балкан не запылала старой религиозной и расовой враждой. Славяне Сербии, Болгарии и австрийской Далмации также оказывали тайную помощь своим родственникам в борьбе против своих мусульманских повелителей. Эти народы были воодушевлены зрелищем триумфа национального дела в Италии и почувствовали, что пришло время выступить за свободу на Балканах. Таким образом, Турции не удалось подавить восстание в Герцеговине, подпитываемое соседними славянскими народами; и всем политикам Европы было ясно, что Восточный вопрос снова вступает в острую фазу.

Эти события вызвали различные чувства в европейских государствах. Русский народ, будучи в основном славянского происхождения, глубоко сочувствовал борьбе своих родственников, которые были вдвойне дороги благодаря своей принадлежности к Греческой церкви. Панславянское движение, направленное на объединение разрозненных ветвей славянской расы в некую форму политического союза, уже набирало силу в России; но оно не пользовалось благосклонностью правительства Санкт-Петербурга из-за революционных целей его сторонников. Сочувствие восстанию на Балканах, таким образом, ограничивалось националистическими энтузиастами в городах России. Австрия еще больше стремилась предотвратить распространение балканского восстания на миллионы своих собственных славян. Соответственно, австрийский канцлер граф Андраши совместно с принцем Бисмарком и российским государственным деятелем князем Горчаковым начал готовить план реформ, который должен был быть навязан султану как средство умиротворения повстанцев Герцеговины. Они включали (1) улучшение участи крестьянства; (2) полную свободу вероисповедания; (3) отмену налогов с сельского хозяйства; (4) применение местного налогообложения к местным потребностям; (5) назначение Комиссии, состоящей наполовину из мусульман, наполовину из христиан, для надзора за выполнением этих реформ и других, недавно обещанных Портой[92].

Эти предложения, вероятно, были бы направлены Порте до конца 1875 года, если бы не дипломатическое вмешательство британского кабинета министров. Дела в Лондоне тогда находились в руках умелого и решительного государственного деятеля Дизраэли, которому вскоре предстояло стать лордом Биконсфилдом. Невозможно полностью обсудить причины той предвзятости в его характере, которая побудила его отказаться от поддержки христиан Турции. Эти причины были отчасти обусловлены семитскими инстинктами его еврейского происхождения - турки неизменно обращались с евреями лучше, чем русские, - а отчасти его стойким империализмом, который видел в московской экспансии главную опасность для

британских коммуникаций с Индией. Мистер Брайс недавно указал в наводящем на размышления обзоре характера Дизраэли, что традиция имела для него большой вес^[93]. Известно, что это оказало мощное влияние на умы королевы Виктории; и, поскольку традиционной политикой Уайтхолла была поддержка Турции против России, все личные пристрастия, которые так много значат, говорили в пользу сохранения старых порядков, даже несмотря на то, что обстоятельства коренным образом изменились со времен Крымской войны.

Поэтому, когда Дизраэли стало известно, что три вышеназванные державы собираются оказать давление на Порту, он предупредил их, что считает любые подобные действия несвоевременными, поскольку Турции следует предоставить время для осуществления программы недавних реформ. *Виrade* от 2 октября 1875 года султан пообещал всем своим христианским подданным освобождение от налогов и право выбирать не только контролеров налогов, но и делегатов для надзора за их правами в Константинополе.

Серьезно относясь к этим обещаниям, Дизраэли оставался почти в одиночестве. Но его речь от 9 ноября 1875 года на банкете у лорд-мэра показала, что он рассматривал Восточный вопрос исключительно с точки зрения британских интересов. Его действия говорили даже более убедительно, чем его слова. Это было время, когда заря империализма окрасила все небо востока. Его Превосходительство принц Уэльский только что начал свое турне по Индии среди великолепных празднеств в Бомбее; и повторение их в родных Штатах, несомненно, многое сделало для пробуждения интереса к нашей Восточной империи и укрепления лояльности ее правителей и народов. Затем, в конце ноября, появились новости о том, что британское правительство купило акции Суэцкого канала, ранее принадлежавшие египетскому хедиву, на сумму 4 500 000 фунтов стерлингов^[94]. Теперь каждый мыслящий человек признает, что эта сделка была мастерским политическим ходом, оправданным по всем причинам, финансовым и имперским. В те дни она вызвала резкое осуждение со стороны противников Дизраэли. В некотором смысле это было естественно, поскольку казалось, что это было частью плана по закреплению британского влияния в Леванте и нанесению жесткого удара по восприимчивости французов (строителей канала) и планам России. Все указывало на начало периода энергичной внешней политики, которая приведет к войне с Россией.

Тем временем три империи отложили представление своего плана реформ для Турции, и, как могло бы показаться, из уважения к британским представительствам. Таким образом, беспорядки в Герцеговине беспрепятственно продолжались всю зиму, повстанцы отказывались обращать какое-либо внимание на обещания султана, хотя они были расширены *ираде* от 12 декабря, предлагая свободу вероисповедания и учреждение избирательных органов по всей европейской части Турции. Государственные деятели Континента также скептически отнеслись к *добросовестности* этих предложений и 31 января 1876 года представили Порте свою схему реформ, которая уже была описана. Дизраэли и наш министр иностранных дел лорд Дерби дали холодное и сдержанное согласие с "Нотой Андраши", хотя было известно, что они сочли ее "несвоевременной". К удивлению всего мира, Порта приняла Ноту 11 февраля с одной оговоркой.

Однако этот акт согласия не удовлетворил повстанцев. Они решили продолжить борьбу. Их непримиримое отношение, несомненно, проистекало из их знания бесполезности турецких обещаний, не подкрепленных давлением со стороны Держав; и следует отметить, что в "Ноте" не было и намека на какое-либо такое давление^[95]. Но это также было вызвано надеждой на то,

что Сербия и Черногория вскоре обнажат меч от их имени - как действительно произошло позже. Эти воинственные народы жаждали присоединиться к борьбе со своими исконными врагами, и их правители были не прочь сделать это. Сербией тогда правил принц Милан (1868-89) из того Дома Обреновичей, который был уничтожен в результате трусливых убийств в июне 1903 года в Белграде. Недавно он женился на Натали Кечко, знатной русской даме, чьи связи укрепили надежды, которые он, естественно, питал, на вооруженную помощь Москвы в случае войны с Турцией. Принц Никита Черногорский выдал свою вторую дочь замуж за русского великого князя, двоюродного брата царя Александра II, и поэтому лелеял те же надежды. Было ясно, что, если Державы не предпримут энергичных шагов, чтобы остановить распространение пожара, вскоре пламя охватит весь Балканский полуостров. Вспышка мусульманского фанатизма в Салониках (6 мая), приведшая к убийству французского и немецкого консулов в этом порту, пролила зловещий свет на всю ситуацию и убедила континентальные державы в необходимости принятия более суровых мер по отношению к Порте.

Такова была позиция и такие соображения, которые побудили три империи принять более радикальные предложения. Выяснив, тем временем, в ходе неофициальных конференций с лидерами Герцеговины, что является необходимым для прочного урегулирования, они подготовились воплотить их во второй записке, Берлинском меморандуме, опубликованном 13 мая. Он был составлен тремя имперскими канцлерами в Берлине, но известно, что Андраши дал несколько сомнительное согласие. Его "Берлинский меморандум" требовал заключения перемирия на два месяца; репатриации боснийских изгнанников и беглецов; учреждения смешанной комиссии для этой цели; вывода турецких войск из сельских районов Боснии; права консулов европейских держав следить за проведением всех обещанных реформ. Наконец, в Меморандуме говорилось, что если в течение двух месяцев три императорских двора не достигнут поставленной ими цели (а именно проведения необходимых реформ), то для этой цели потребуются принять "эффективные меры"[96]. Известно, что Бисмарк одобрял политику Горчакова в этом деле.

Предложения Меморандума были немедленно направлены правительствам Великобритании, Франции и Италии для получения их согласия. Два последних немедленно дали его. После небольшой задержки Министерство Дизраэли направило решительный отказ и не внесло альтернативного предложения, хотя известно, что один из его членов, сэр Стаффорд Норткот, сформулировал схему[97]. Кабинет предпринял еще более серьезный шаг: 24 мая он приказал британскому флоту в Средиземном море направиться в бухту Бесика, недалеко от входа в Дарданеллы - ту самую позицию, которую он занимал до Крымской войны[98]. Излишне говорить, что этот акт не только разрушил "Европейский концерт", но и положил конец всем надеждам немедленно вынудить Турцию провести столь необходимые реформы. Это принуждение было бы непреодолимым, если бы британский флот присоединился к державам в предотвращении высадки войск из Малой Азии на Балканский полуостров. Как бы то ни было, турки могли беспрепятственно подтянуть эти подкрепления.

Берлинский меморандум, конечно, не был представлен Турции, и отчасти из-за быстрых изменений, которые затем произошли в Константинополе. К ним мы должны теперь обратиться.

Султан Абдул Азиз за пятнадцать лет своего правления все чаще проявлял себя апатичным, расточительным и безразличным к требованиям долга. В апреле месяце, когда государство

отказалось от своих долгов, а чиновники и солдаты остались неоплаченными, его роскошная пенсионная жизнь продолжалась без изменений. Было подсчитано, что из общего турецкого долга в 200 000 000 фунтов стерлингов 53 000 000 000 фунтов стерлингов были связаны с его личной расточительностью[99]. Поэтому недовольство стало повсеместным, особенно среди фанатичных групп студентов-богословов в Константинополе. Эти софты, как их называют, численностью около 20 000 или более человек, полны решимости вдохнуть новую жизнь в Порту - цель, которую патриотическая партия "Молодая Турция" уже имела в виду. 11 мая большие банды софта окружили здания великого визиря и шейх-уль-Ислама и дикими криками вынудили их отказаться от своих полномочий в пользу более решительных людей. В ночь с 29 на 30 мая они нанесли удар по самому султану. Новые министры были на их стороне: шейх-уль-Ислам, глава улемов, которые толкуют мусульманскую теологию и право, теперь вынес приговор о том, что султан может быть свергнут с престола за неправильное управление; и это было сделано без малейшего сопротивления. Его племянник, Мурад Эфенди, был сразу же провозглашен султаном как Мурад V.; несколько дней спустя свергнутый султан был тайно убит, хотя, возможно, его смерть могла быть вызвана самоубийством[100].

Мы можем добавить здесь, что Мурад вскоре показал себя сторонником реформ; и это, а не какая-либо неспособность управлять, вероятно, стало причиной второго дворцового переворота, который привел к его низложению 31 августа. После этого на трон взошел его брат, нынешний правитель Абдул Хамид. Его внешность была так описана одним из тех, кто видел его во время его первого государственного визита в столицу: "Несколько тяжеловатое и суровое лицо ... узкое на висках, с продолговатыми мрачными чертами, большими ушами и тусклым цветом лица Мне показалось, что это лицо правителя, способного творить добро или зло, но знающего свое дело и решившего поступать по-своему"[101]. Этот прогноз сбылся самым зловещим образом.

Если бы какие-либо люди верили в официальное обещание от 1 июня о том, что в турецких владениях должна быть "свобода для всех", они, возможно, не были бы введены в заблуждение событиями, которые только что произошли к югу от Балканских гор. Вспышка мусульманского фанатизма, которая в Константинополе привела к низложению двух султанов с целью возвести на трон сурового приверженца, уже залила кровью болгарские районы близ Филиппополя. В первые дни мая христиане этих краев, возмущенные ростом беспорядков и воспламененные надеждой на примере герцеговинцев, были виновны в актах неповиновения; и в Татарском Базарджике было убито несколько турецких чиновников. Это движение не имело никакого значения, так как почти все христиане были безоружны. Тем не менее, власти направили в недовольные районы около 18 000 регулярных войск вместе с ордами иррегулярных войск, или башибузуков; и они, особенно последние, продолжали насыщать свою ненависть и похоть дикой оргией, которая опустошила весь регион с основательностью, в которой едва ли могли превзойти гунны Атиллы (9-16 мая). В верхней долине Марицы из восьмидесяти деревень все, кроме пятнадцати, были практически стерты с лица земли. Батак, процветающий город с населением около 7000 человек, подвергся систематической резне, кульминацией которой стала резня всех, кто нашел убежище в самой большой церкви; из всего населения удалось спастись только 2000[102].

С болью приходится добавлять, что британское правительство было косвенно ответственно за эти события. Он не только дал туркам понять, что осуждает вмешательство европейских держав в дела Турции (что было равносильно предоставлению туркам *карт-бланш* в отношениях со своими христианскими подданными), но и, услышав о восстании в Герцеговине, настоял на том, чтобы Порты приняла срочные меры для их подавления. Депеши сэра Генри Эллиота, нашего посла в Константинополе, также показывают, что он выступал за применение активных мер к недовольным районам к северу от Филиппополя[103].

Конечно, ни британское правительство, ни его посол не предвидели ужасных последствий этого совета; но их знание турецких методов должно было предостеречь их от того, чтобы давать его, не добавив предостережений, которые, очевидно, были необходимы. Сэр Генри Эллиотт быстро выразил протест против мер, принятых турками, но тогда было слишком поздно[104]. Более того, презрительная манера, с которой Дизраэли отверг первые сообщения о резне в Болгарии как "болтовню в кофейнях", раскрыла все его отношение к турецким делам; и тягостное впечатление, вызванное этим высказыванием, было усилено его заявлением от 30 июля о том, что британский флот, находившийся в то время в бухте Бесика, находился там исключительно для защиты британских интересов. Он сделал аналогичное, но более общее заявление в Палате общин 11 августа. На следующее утро мир узнал, что королева Виктория была рада присвоить ему титул графа Биконсфилда. Хорошо известно, по его собственному признанию, что он больше не мог выносить напряжения, вызванного поздними заседаниями в Палате общин, и попросил у Ее Величества разрешения удалиться. Она, однако, предложила милостивую альтернативу, заключающуюся в том, что он должен остаться на своем посту с местом в Палате лордов. Тем не менее, присвоение этой чести очень многим показалось на редкость несвоевременным.

Ибо в это время стали широко известны новости о массовых убийствах в Батаке и других местах. Несмотря на усилия министров дискредитировать их, они вызвали растущее волнение; и когда вся правда стала известна, буря негодования прокатилась по стране, как и по всей Европе. Тюркофильская пресса прилагала усилия, чтобы представить новую тенденцию народных настроений как простой партийный ход и коварную попытку либеральной оппозиции использовать гуманитарные чувства; но это обвинение не выдерживает критики. Мистер Гладстон отошел от руководства Либералами в начале 1875 года и был глубоко занят литературной работой; а лорды Грэнвилл и Хартингтон, на которых была возложена обязанность возглавлять Оппозицию, были весьма скупы на критику внешней политики Кабинета. Они, так же как и г-н Гладстон, просто заявили, что правительство, отказавшись присоединиться к Берлинскому меморандуму, должно было сформулировать альтернативную политику. Теперь мы знаем, что мистер Гладстон оставил свою литературную работу с сомнением и неохотой[105].

Теперь, однако, события в Болгарии пролили мрачный свет на всю ситуацию в целом и показали последствия оказания турками "моральной поддержки" Великобритании. Весь вопрос перестал сводиться к высоким и сухим уровням дипломатии и стал вопросом жизни и смерти для многих тысяч мужчин и женщин. Совесть страны была задета за живое мыслью о том, что присутствие британского средиземноморского флота в бухте Бесика ободряло турок так же, как это было до Крымской войны, и это тоже после того, как они нарушили обещания, столь торжественно данные в 1856 году, и теперь были доказаны виновными в неопишемом варварстве. В таком случае британская нация была бы опозорена, если бы не потребовала, чтобы больше не создавался союз. В равной степени долгом лидеров оппозиции было выразить то, что,

несомненно, было национальным чувством. Хранить молчание означало бы свести на нет наши парламентские институты. Крик попугая о том, что британские интересы находятся под угрозой из-за предполагаемых замыслов России в отношении Турции, был встречен неопровержимым ответом, что, если эти замыслы существуют, лучший способ остановить их - поддерживать Европейский союз, и особенно поддерживать тесные контакты с Австрией, поскольку у этой Державы было столько же причин, сколько и у Англии, опасаться любого распространения царской власти на юг. Россия вполне могла бы воевать с Турцией и Великобританией, но она не стала бы вести войну и против Австрии. Таким образом, как гуманность, так и здравый смысл в равной степени осудили британскую политику, которая с самого начала поощряла турок сопротивляться европейскому вмешательству, сделала нас в некоторой степени ответственными за массовые убийства в Болгарии и, наконец, нарушила Соглашение Держав, от которого только и можно было ожидать мирного решения Восточного вопроса.

Поскольку союз держав был распущен действиями Великобритании, было вполне естественно, что Россия и Австрия пришли к частному соглашению. Это произошло в Рейхштадте в Богемии 8 июля. Окончательного договора подписано не было, но два императора и их канцлеры составили соглашение, определяющее их сферы влияния на Балканах на случай, если между Россией и Турцией разразится война. Франциск Иосиф Австрийский поклялся соблюдать дружественный царю нейтралитет при определенных условиях, которые будут рассмотрены позже. Некоторые из этих условий были неприятны российскому правительству, что соответствовало поведению Бисмарка в случае начала войны между царем и правителем Габсбургов. Очевидно, ответ канцлера Германии был неблагоприятным для России^[106], поскольку после этого она возобновила переговоры с Венским двором. В целом, последовавшее за этим соглашение стало большим дипломатическим триумфом, поскольку царь тем самым обеспечил нейтралитет Австрии - державы, которая могла бы легко поддерживать тесные контакты с Великобританией, если бы британская дипломатия проявила больше предусмотрительности.

Тем временем перспективы большой войны возросли благодаря действиям Сербии и Черногории. Правители этих государств, не в силах больше сдерживать свои народы и надеясь на поддержку своих московских родственников, в конце июня объявили войну Турции. Русские добровольцы тысячами устремлялись к сербским войскам; но, несмотря на предводительство русского генерала Чернаева, они вскоре были подавлены численностью и фанатичной доблестью турок. В начале сентября Сербия обратилась к державам за посредничеством; и, главным образом благодаря усилиям Великобритании, новый султан Абдул Хамид предложил условия перемирия, но они были настолько жесткими, что сербы их отвергли.

Из-за того, что судьба войны все еще склонялась против славянского дела, русский народ пришел в сильное возбуждение; и было ясно, что он быстро присоединится к войне, если турки не умерят свои притязания. Есть основания полагать, что царь Александр II опасался начала военных действий с Турцией, в которых он мог оказаться втянутым в конфликт с Великобританией. Панславянская партия в России была тогда пронизана революционными элементами, которые могли угрожать стабильности династии в конце долгой и изнурительной борьбы. Но, чувствуя себя обязанным по чести спасти Сербию и Черногорию от последствий их необдуманного предприятия, он собрал большие силы на Юге России и послал генерала Игнатьева в Константинополь с требованием, высказанным в самой властной форме (30

октября), чтобы Порты немедленно даровала перемирие этим государствам. Абдул Хамид тут же уступил.

Несмотря на это, Александр II. проявил всяческое желание предотвратить ужасы войны. Беседуя с британским послом в Сент-В Петербурге 2 ноября он заявил, что нынешнее положение дел в Турции "невыносимо, и если Европа не готова действовать твердо и энергично, он должен быть вынужден действовать в одиночку". Но он дал слово, что не желает усиления и что "у него не было ни малейшего желания или намерения овладеть Константинополем"^[107]. В это время обсуждались предложения о созыве Конференции держав в Константинополе: они были выдвинуты британским правительством 5 октября. Таким образом, казалось, что была некоторая надежда на компромисс, если Державы объединятся, чтобы оказать давление на Турцию; неделю спустя султан объявил о своем намерении даровать конституцию с избранным Собранием для надзора за администрацией. Но надежды на мир, а также на эффективные реформы в Турции были подорваны воинственной речью лорда Биконсфилда на банкете у лорд-мэра 9 ноября. Затем он произнес эти слова. Если Британия обнажит меч "за правое дело"; если борьба будет касаться ее свободы, ее независимости или ее Империи, я чувствую, что ее ресурсы неисчерпаемы. Она не из тех стран, которые, вступая в предвыборную кампанию, должны спрашивать себя, может ли она поддержать вторую или третью кампанию ". На следующий день царь ответил в речи в Москве тем, что, если предстоящая Конференция в Константинополе не приведет к практическим результатам, Россия будет вынуждена взяться за оружие; и он рассчитывал на поддержку своего народа. Неделю спустя было мобилизовано 160 000 российских военнослужащих.

Таким образом, вопрос был ясен в том, что касалось России. Для Великобритании это было не так ясно. Даже сейчас мы находимся в неведении относительно истинных намерений речи лорда Биконсфилда в Ратуше. Представляется вероятным, что, поскольку в его кабинете были разногласия, он, возможно, хотел вызвать такую демонстрацию общественных чувств, которая укрепила бы его позиции при выдвижении предложений о военно-морских приготовлениях. Обязанности премьер-министра настолько сложны, что его слова могут рассматриваться либо в международном смысле, либо как продиктованные административными потребностями, либо его отношениями к своим коллегам, либо, опять же, они могут быть вызваны просто предвыборными соображениями. Каковы бы ни были их истинные намерения в данном случае, они были истолкованы Россией как вызов, а Турцией - как обещание вооруженной помощи.

С другой стороны, если лорд Биконсфилд надеялся укрепить протурецкие настроения в Кабинете министров и стране в целом, то ему это не удалось. Негодование, вызванное турецкими методами правления и репрессий, было слишком глубоким, чтобы его можно было искоренить даже умелыми призывами к империалистическим чувствам. Болгарские зверства, по крайней мере, принесли много хорошего: они сделали турецко-британский союз абсолютно невозможным.

29 августа лорд Дерби написал по этому поводу сэру Генри Эллиоту: "Впечатление, произведенное здесь событиями в Болгарии, полностью уничтожило симпатии к Турции. Это чувство универсально и настолько сильно, что даже если бы Россия объявила Порте войну, правительство Ее Величества сочло бы практически невозможным вмешаться"^[108].

Было заявлено, что созыв Конференции посланников держав в Константинополе стал решающим триумфом британской дипломатии. Действительно, были некоторые основания

надеясь, что Турция уступит перед воссоединенной Европой. Давление, оказанное общественным мнением на британский кабинет, привело к тому, что лорду Солсбери (нашему представителю вместе с сэром Х. Эллиотом на Конференции) были даны инструкции, которые не сильно отличались от общепризнанных целей России и других держав. В этих инструкциях говорилось, что Державы не могут принять простые обещания реформ, поскольку "вся история Османской империи, с тех пор как она была принята в Европейский союз по обязательствам Парижского мирного договора [1856], доказала, что Порта неспособна гарантировать проведение реформ в провинциях турецкими чиновниками, которые принимают их с неохотой и безнаказанно пренебрегают ими". Поэтому кабинет настаивал на том, что должны быть "внешние гарантии", но оговорил, что никакие иностранные армии не должны вводиться в Турцию[109]. Только здесь британские министры расходились во мнениях с другими державами; и когда на предварительных заседаниях Конференции было внесено предложение ввести бельгийские войска, чтобы гарантировать тщательное проведение предложенных реформ, лорд Солсбери не стал возражать против этого. Выполняя инструкции из Лондона, он даже предупредил Порту, что Британия не окажет никакой помощи в случае, если ее отказ от европейских предложений приведет к войне.

Хорошо известно, что лорд Солсбери был гораздо менее протурецким, чем премьер-министр или члены британского посольства в Константинополе. Во время дипломатического турне, которое он совершил по главным столицам, он убедил себя, "что никакая держава не будет расположена защищать Турцию - даже Австрию, - если придется проливать кровь за *статус-кво*". (Эти слова использовал его помощник, мистер, впоследствии сэр, Уильям Уайт.) У него практически не возникло трудностей с достижением взаимопонимания с российским полномочным представителем генералом Игнатьевым, несмотря на интриги сэра Генри Эллиота и его штаба, пытавшихся помешать этому[110]. Действительно, ситуация показывает, что могло бы произойти в мае 1876 года, если бы турки тогда не получили поддержки британского правительства.

Теперь, однако, появились признаки того, что турки отказались серьезно отнестись к добрым советам Держав; и 23 декабря, когда начались "полные" заседания Конференции, султан и его министры продемонстрировали полномочным представителям оскорбленную добродетель и реформаторское рвение, которые подняли ситуацию до уровня отборной комедии. В разгар слушаний, после того, как министр иностранных дел Турции Сафвет Паша объяснил массовые убийства в Болгарии мифом, сотканным воображением Запада, раздались пушечные залпы, возвестившие о рождении новой и самой демократической конституции для всей Турецкой империи. Сафвет отдал должное торжественности события; посланники Держав подавили смех; и вскоре лорд Солсбери выразил свое возмущение этим проявлением восточной иронии и упрямства, приказав британскому флоту уйти из залива Бесика[111].

Но дела и слова были в равной степени напрасны для султана и его министров. На все предложения и предупреждения Властей они отвечали указанием на высшие преимущества, которые вот-вот будут предоставлены новой конституцией. Таким образом, конференция быстро подошла к концу (20 января). Это сослужило свою службу. Это обмануло Европу[112].

Ответственность за этот акт циничного неповиновения должна быть возложена на одного человека. Султан никогда прежде не проявлял желания к каким бы то ни было реформам; и только 19 декабря 1876 года он назначил великим визирем Мидхат-пашу, который, как было

известно, уже давноразрабатывал конституционные схемы. Этот турецкий сийес был выдвинут на передний план как раз вовремя, чтобы провести эту фундаментальную реформу. Его пребывание у власти, как и у французского торговца конституциями в 1799 году, закончилось, когда схема послужила целям реального контролера событий. Мидхат, очевидно, не видел, к чему все клонится. 24 января 1877 года он написал Саид-паше, заявив, что, по словам посла Турции в Лондоне (Мусурус-паши), лорд Дерби поздравил Блистательную Порту с роспуском Конференции, "которую он считает успешной для Турции"[\[113\]](#)."

Таким образом, оставалось только привести конституцию в действие. Через шесть дней, когда никаких признаков действий не последовало, Мидхат в срочном порядке написал султану, напоминая ему, что их целью при промугляции конституции "было, конечно, не просто найти решение так называемого Восточного вопроса или попытаться таким образом провести демонстрацию, которая должна была примирить симпатии Европы, которая была отчуждена от нас". Эта записка, похоже, разозлила султана. Абдул Хамид, с его маленьким, нервным и требовательным характером, всегда ценил министров пропорционально их послушанию, а не способности давать своевременные советы. В каждом независимом предложении он видит зародыш оппозиции и, возможно, дворцового заговора. Он сделал это и сейчас. В качестве ответа он пригласил Мидхата прийти во Дворец. Мидхат, опасаясь ловушки, отложил свой визит до тех пор, пока не получит заверений в том, что приказ о проведении реформ отдан. Затем он подчинился вызову; его немедленно схватили и поспешили на яхту султана, которая немедленно отплыла в Эгейское море (5 февраля). Тот факт, что он остался над ее водами и ему было разрешено проследовать в Италию, может быть воспринят как доказательство того, что его рвение к реформам не обошлось без пользы в игре, которую султан вел против Держав. Турецкий парламент, собравшийся 1 марта, действовал с подобострастием, которого можно было ожидать после этого урока. Султан распустил его с началом войны и впоследствии отказался от всех претензий на конституционные формы. Что касается Мидхата, то в конце концов его заманили обратно в Турцию и прикончили. Таков был конец турецкой конституции, турецкого парламента и их создателя[\[114\]](#).

Даже роспуск Конференции держав не привел к войне сразу. Представляется вероятным, что царь возлагал большие надежды на государственное поведение лорда Солсбери в Константинополе, или, возможно, он ожидал добиться проведения необходимых реформ посредством давления со стороны Лиги трех императоров (см. Главу XII). Но, если только русские не утратили всякий интерес к судьбе своих родственников и единоверцев в Турции, война теперь была более вероятным исходом событий. Александр уже обращался к Германии за помощью, дипломатической или военной; но эти предложения, какого бы рода они ни были, были отклонены Бисмарком - так он заявил в своей великой речи от 6 февраля 1888 года. Соответственно, царь сблизился с Австрией, в результате чего Рейхштадтское соглашение от 8 июля 1876 года приобрело форму окончательного договора, подписанного в Вене между двумя державами 15 января 1877 года.

Полная правда по этому вопросу неизвестна. Г-н Эли де Цион, который утверждает, что видел документ, утверждает, что Австрия обязалась сохранять нейтралитет во время русско-турецкой войны, что она предусматривала значительное добавление территории, если турки будут вынуждены покинуть Европу; также что должна быть образована великая Болгария и что Сербия и Черногория должны быть расширены так, чтобы они стали граничащими. Нынешнему автору

этот отчет кажется подозрительным. Немыслимо, чтобы Австрия согласилась на расширение этих княжеств, которое преградило бы ей дорогу на юг, к Салоникам[115].

Другая и более вероятная версия была предложена венгерским министром М. Тисой в ходе дебатов в венгерских делегациях весной 1887 г. на этот счет: (1) ни одна держава не должна претендовать на исключительное право защиты христиан Турции, и Великие державы должны высказать свое мнение о результатах войны; (2) Россия не будет аннексировать земли на правом (южном) берегу Дуная, будет уважать целостность Румынии и воздержится от прикосновения к Константинополю; (3) если Россия создаст новое славянское государство на Балканах, это не должно быть в конце войны. за счет неславянских народов; и она не стала бы требовать особых прав на Болгарию, которой должен был управлять князь, не являющийся ни русским, ни австрийцем; (4) Россия не распространила бы свои военные операции на районы к западу от Болгарии. Таковы были условия, на которых Австрия соглашалась сохранять нейтралитет; и в некоторых случаях она заявляла об оккупации Боснии и Герцеговины[116].

Несомненно, эти, как и любые другие, уступки Австрии были противны Александру II и князю Горчакову; но ее нейтралитет был необходим для успеха России в случае начала войны; и царское правительство, безусловно, действовало с большим мастерством, добиваясь дружественного нейтралитета Державы, которая в 1854 году оказывала столь парализующее давление на российские операции на Нижнем Дунае.

Тем не менее Александр II по-прежнему стремился сохранить Европейское согласие с целью оказания мирного давления на Турцию. В начале марта он отправил генерала Игнатьева с миссией в столицы Великих держав; за исключением Вестминстера, этот посланник нашел мнение благоприятным для принятия той или иной формы принуждения против Турции, на случай, если султан все еще ожесточит свое сердце против доброго совета. Даже министерство Биконсфилда в конце концов согласилось подписать Протокол от 31 марта 1877 года, в котором рассказывалось об усилиях шести Великих держав по улучшению участи христиан в Турции и выражалось их одобрение обещаний реформ, данных этим государством 13 февраля 1876 года. Передав без уведомления новую Конституцию Турции, Власти заявили, что они будут внимательно следить за проведением обещанных реформ и что, если не произойдет улучшения судьбы христиан, "они [Державы] оставляют за собой право совместно рассмотреть средства, которые они могут счесть наиболее подходящими для обеспечения благополучия христианского населения и интересов всеобщего мира"[117]. Этот последний пункт содержал предложение, едва ли менее угрожающее, чем то, которым завершался Берлинский меморандум; и трудно понять, почему британский кабинет, который теперь подписал Лондонский протокол, должен был свести на нет эти предыдущие усилия Держав. В этом, как и в других вопросах, ясно, что Кабинет министров находился под влиянием "двойного контроля".

Но теперь было все равно, подпишет британское правительство Протокол или нет. Турция ничего этого не хотела. Несмотря на предупреждение лорда Дерби о том, что "султан поступил бы очень неразумно, если бы не попытался воспользоваться предоставленной ему возможностью договориться о взаимном разоружении", этот властитель ни на йоту не сдвинулся со своего прежнего положения. 12 апреля турецкий посол объявил лорду Дерби окончательное решение своего правительства: "Турция, как независимое государство, не может подчиниться какому-либо надзору, коллективному или нет. . . . Никакие соображения не могут

остановить имперское правительство в его решимости протестовать против Протокола от 31 марта и рассматривать его в отношении Турции как лишенный всякой справедливости и, следовательно, обязательного характера". В этой связи лорд Дерби выразил свое глубокое сожаление по поводу этого решения и заявил, что он "не видит, какие дальнейшие шаги могло бы предпринять правительство Ее Величества, чтобы предотвратить войну, которая, казалось, стала неизбежной"[118].

Российское правительство придерживалось той же точки зрения по данному делу и 7-19 апреля 1877 года заявило в депеше, что, поскольку мирное решение Восточного вопроса теперь невозможно, царь приказал своим армиям перейти границы Турции. Официальное объявление войны последовало 12-24 апреля. С точки зрения лорда Дерби, это казалось "неизбежным". Тем не менее, 1 мая он поставил свое имя под официальным документом, который раскрывает любопытный дуализм, царивший тогда в кабинете Биконсфилда. Этот ответ на российскую депешу содержал утверждение, что последний ответ Порты не лишил ее всякой надежды на уважение с ее стороны к пожеланиям и советам Европы и "что решение российского правительства не из тех, которые могут получить их согласие или одобрение". Мы не сильно ошибемся, предположив, что, хотя рука, подписавшая этот документ, принадлежала Дерби, дух, стоявший за ним, принадлежал Биконсфилду.

Во многих кругах действия России были заклеены как результат амбиций и жадности, что делалось еще более отвратительным из-за прикрытия филантропии, которое она до сих пор носила. Еще не пришло время, когда по этому обвинению может быть вынесен исчерпывающий и решительный вердикт. Немногие движения были свободны от всякого налета подлости; но явно несправедливо поносить великую державу, потому что в конце войны, которая повлекла за собой ужасные потери и серьезную, хотя и временную потерю престижа, она решила потребовать от врага единственную форму компенсации, которая была налицо, а именно территориальную компенсацию. Окончательные заявления России, как будет видно, были открыты для критики по нескольким пунктам; но только что упомянутое порицание является ребяческим. Это согласуется, однако, с большинством критических замечаний, высказанных в лондонском "club-land", которые отличались своим откровенным цинизмом.

Никто из тех, кто изучал массу корреспонденции, содержащейся в "Синих книгах", касающейся Турции в 1875-77 годах, не может усомниться в том, что император Александр II проявил удивительное терпение перед лицом серии жестоких провокаций мусульманских фанатиков и требований своего собственного народа об освободительном крестовом походе. Бисмарк, которому не нравился царь, заявил, что он не хотел войны, но вел ее "под давлением панславистского влияния"[119]. То, что некоторые из его министров и генералов преследовали менее возвышенные цели, несомненно, верно; но практически все авторитеты сейчас согласны с тем, что сохранение Европейского согласия было бы лучшим средством сдерживания этих целей. Тем не менее, несмотря на раздражающее поведение кабинета Биконсфилда, император Александр стремился вновь объединить Европу с целью проведения необходимых реформ в Турции. Даже после последовательных отказов Великобритании от Берлинского меморандума и Турции от предложений Держав в Константинополе ему удалось восстановить видимость согласия между Державами и возложить на Турцию ответственность за окончательное и наглое игнорирование их рекомендаций. Редко кто одерживал более полный дипломатический триумф. Это была награда за последовательность и терпение - качества, которых кабинету Биконсфилда явно не доставало.

Мы можем отметить еще одно критическое замечание: соглашение России с Австрией подразумевало наличие ранее существовавших агрессивных планов. Это ни в коем случае не является окончательным. То, что царю следовало принять меры предосторожности и заключить соглашение с Австрией в январе 1877 года, недоказывает, что он желал войны. Позиция Турции во время Конференции в Константинополе оставляла лишь малейшую надежду на мир. Подготовка к войне в таком случае является доказательством не желания войны, а лишь здравого смысла.

Некоторые писатели во Франции и Германии заявили, что Бисмарк был настоящим инициатором русско-турецкой войны. Догматизм их утверждений резко контрастирует со скудостью их доказательств^[120]. Это основывается главным образом на утверждении, что Лига трех императоров (см. Главу XII.) все еще была в силе; что Бисмарк пришел к какому-то соглашению для обеспечения завоеваний Австрии на юго-востоке в качестве компенсации ее потерь в 1859 и 1866 годах; что австрийские агенты в Далмации спровоцировали восстание в Герцеговине в 1875 году; и что Бисмарк и Андраши ничего не сделали, чтобы предотвратить войну 1877 года. Возможно, он приложил руку к этим событиям - он приложил руку к большинству событий того времени; и в его Мемуарах есть подозрительный пассаж относительно попыток захвата Берлина осенью 1876 года. Царские министры хотели знать, заручатся ли они поддержкой Германии в случае войны с Австрией. На это канцлер ответил, что Германия не может допустить, чтобы нынешнее равновесие монархических держав было нарушено: "Результатом ... стало то, что русская буря переместилась из Восточной Галиции на Балканы"^[121]. После этого Россия пришла к соглашению с Австрией, как описано выше.

Но только что процитированный отрывок лишь доказывает, что Россия могла начать войну с Австрией из-за Восточного вопроса. Фактически, она начала войну с Турцией после заключения дружественного соглашения с Австрией. Таким образом, Бисмарк действовал как "честный посредник" между двумя своими союзниками; и еще предстоит доказать, что Бисмарк искренне не сотрудничал с двумя другими империями, чтобы сделать давление на Турцию со стороны цивилизованных держав непреодолимо сильным. В своей речи в рейхстаге от 6 декабря 1876 года канцлер прямо заявил о своей политике, а именно о нейтралитете, но склонении к дружбе с Австрией. Это, конечно, не подтолкнуло Россию к войне с Турцией и тем более не вовлекло ее в нее. Что касается заявления о том, что австрийские интриги были единственной причиной боснийского восстания, оно должно показаться ребячеством всем, кто помнит об исключительных лишениях и обидах крестьян этой провинции. Наконец, утверждение газеты "Czas" о том, что королева Виктория написала Бисмарку в апреле 1877 года, призывая его выразить протест против нападения России на Турцию, может быть отклонено как наглая выдумка^[122]. Писать подобного рода письма министрам иностранных дел других держав было совершенно не в духе ее покойного Величества.

Пока не будут обнаружены документы противоположного содержания, мы можем с некоторой долей уверенности сказать, что ответственность за войну 1877-78 годов лежит на Турецком султани и на тех, кто косвенно поощрял его сводить на нет советы Держав. Лорд Дерби и лорд Солсбери в последнее время прямо предупреждали его о последствиях его упрямства, но влияние британского посольства в Константинополе и турецкого посла в Лондоне, по-видимому, сильно ослабило силу этих предупреждений.

Всегда следует помнить, что турок уступит религиозную свободу и гражданское равенство "гяурам" только под непреодолимым давлением. В таком случае он бормочет "Кисмет" ("Это судьба") и уступает; но малейший признак слабости или колебания со стороны Сильных Мира сего пробуждает в нем фанатичную щепетильность. Тогда его преданность Корану запрещает какую-либо капитуляцию. История предоставила несколько доказательств этого, начиная со времен Наваринской битвы (1827) и заканчивая вмешательством западных держав в защиту убитых и измученных христиан Ливана (1860). К сожалению, Абдул Хамид теперь стал рассматривать Концерт the Powers как "громко звучащее ничто". С обычной склонностью к низости и ограниченности натуры он не обнаружил ничего, кроме лицемерия в ее возвышенных заявлениях и своекорыстия в ее филантропических целях, а также вероломного желания влиятельных людей провалить весь план. Соответственно, он прибегнул к безграничному запасу инертности, с помощью которой правоверный мусульманский правитель преграждает путь западным реформам. Компетентный наблюдатель точно заметил, что турок никогда не меняется; его соседи, его границы, его законы могут меняться, но его идеи и его практика всегда остаются теми же. Ему не будут мешать; он не улучшит[123]. К этому заявлению мы должны добавить, что только в случае крайней необходимости он позволит своим христианским подданным исправиться. История Восточного вопроса может быть резюмирована в этих утверждениях.

Абдул Хамид II. является воплощением реакционных сил, которые принесли разорение Турции и страдания ее христианским подданным. Он был обязан своей короной возрождению мусульманского фанатизма; и его правление продемонстрировало неожиданную силу и свирепость его расы и вероучения перед лицом неуверенных тонов, в которых христианский мир высказывался с весны 1876 года. Причины, побудившие его к неповиновению год спустя, были раскрыты его бывшим великим визирем Мидхат-пашой в статье в *"Девятнадцатом веке"* за июнь 1877 года. Следующий отрывок особенно показателен:--

Турция не была в курсе отношения к ней английского правительства; британский кабинет министров в четких выражениях заявил, что не будет вмешиваться в наш спор. Это решение английского кабинета было нам прекрасно известно, но еще лучше мы знали, что общие интересы Европы и частные интересы Англии были настолько переплетены в нашем споре с Россией, что, несмотря на все заявления английского кабинета, нам казалось абсолютно невозможным, чтобы она рано или поздно не вмешалась в этот восточный спор. Эта глубокая вера, добавленная к причинам, которые мы упомянули, была одним из основных факторов нашего соперничества с Россией[124].

Таким образом, представляется, что действия британского правительства весной и летом 1876 года и хорошо известное желание премьер-министра вмешаться в пользу Турции, должно быть, способствовали решению султана пойти на риск войны, а не допустить какого-либо вмешательства держав от имени его христианских подданных.

Информация, поступившая из различных источников, усиливает аргументы против политики лорда Биконсфилда в 1875-77 годах. Письмо, написанное мистером Уайтом сэру Роберту Морье 16 января 1877 года и упомянутое выше, показывает, что его дипломатический опыт убедил его в бесполезности поддержки Турции против Держав. В этом письме он употребил следующие многозначительные слова: "Вы достаточно хорошо меня знаете. Я приехал сюда (в Константинополь) не для того, чтобы обманывать лорда Солсбери или защищать

несостоятельную русофобскую или протурецкую политику. Вероятно, в Кабинете министров возникнут разногласия относительно нашей будущей линии политики, и я не удивлюсь, если лорд Солсбери расстроит Диззи и займет его место или покинет правительство по этому вопросу. Если он сделает последнее, тренер действительно расстроится". Мистер Уайт также отозвался о *персонале* британского посольства в Константинополе в выражениях, которые показывают, насколько пагубным, должно быть, было его влияние на советы Порты.

Письмо сэра Роберта Морье, датированное примерно тем же числом, доказывает, что этот опытный дипломат также видел пагубные последствия политики Биконсфилда: "Я не переставал вдалбливать это в уши Ф.О. (Министерству иностранных дел), чтобы сделать из нас *point d'appui* христиан в Турецкой империи и, таким образом, выбить весь ветер из парусов России; и после того, как население увидит разницу между английской и русской оккупацией [неспокойных частей Турции], это бросится в глаза еще больше. слепых, и мы должны *дебютировать* в новой политике Константинополя с огромным преимуществом[125]". Этот совет, несомненно, был подобен государственному деятелю. Поддержка молодых и растущих национальностей в Турции послужила бы не только пресечению предполагаемых агрессивных замыслов России, но и привлечению на сторону Великобритании прогрессивных сил Востока. Полагаться на турка означало полагаться на умирающее существо. Это было еще хуже. Это подразумевало косвенное поощрение "больного человека" к вступлению в борьбу, в которой он был явно неравноправен и в которой мы не собирались ему помогать. Но эти соображения не смогли сдвинуть лорда Биконсфилда и Министерство иностранных дел с пути традиций и рутины[126].

Наконец, рассматривая события 1875-76 годов в их общих чертах, мы можем отметить вердикт опытного дипломата, чье поведение до Крымской войны доказало, что он был столь же дружелюбен к интересам Турции, сколь враждебен к интересам России, но который теперь увидел, что ситуация совершенно отличается от той, к которой привели агрессивные действия царя Николая I. в 1854 году. В серии писем в *Times* он указал на крайнюю необходимость совместных действий всех держав, подписавших Парижский мирный договор; что этот договор никоим образом не запрещает их вмешательство в дела Турции; что мудрое и своевременное вмешательство пошло бы на пользу этому государству; что турки всегда уступали принуждению, если оно было подавляющим по силе, но только на этих условиях; и что поэтому выход Англии из Европейского соглашения заслуживает глубокого сожаления[127]. В частном порядке этот бывший чемпион Турции пошел еще дальше и заявил 10 сентября 1876 г., что кризис на Востоке не стал бы острым, если бы Великобритания действовала совместно с Державами[128]. Есть все основания полагать, что потомки поддержат это суждение лорда Стратфорда де Редклиффа.

СНОСКИ:

[86] "Ислам продолжает оставаться, как и на протяжении двенадцати веков, самым непреклонным противником западного духа" (*История Сербии и славянских провинций Турции*, Л. фон Ранке, англ. правка. стр. 296).

[87] История о том, что Петр Великий оставил в своем завещании пункт, обязывающий Россию продолжать свои южные завоевания до тех пор, пока она не получит Константинополь, является наглой выдумкой французских публицистов 1812 года, когда Наполеон хотел продолжать войну между Россией и Турцией. Конечно, Петр Великий придал мощный импульс движению русских в направлении Константинополя.

[88] О договоре и фирмане 1856 года см. *"Европейское согласие в восточном вопросе"*, Т. Э. Холланда; также Дебидур, *Дипломатическая история Европы* (1814-1878), том ii. стр. 150-152; *"Восточный вопрос"*, покойного герцога де Аргайлл, том i, глава I.

[89] Сэр Гораций Рамболд, *Воспоминания дипломата* (Первая серия), том ii. стр. 295.

[90] По этому поводу смотрите Отчеты: *Положение христиан в Турции* (1860). Представлен парламенту в 1861 году. Также Парламентские документы, Турция, № 16 (1877).

[91] Британским консулом Холмсом и другими протурецкими были предприняты попытки приписать это восстание панславянским интригам. То, что за работой стояли какие-то славянские эмиссары, неоспоримо; но столь же несомненно и то, что их усилия не имели бы никакого результата, если бы не существование невыносимых бедствий. Несомненно, пришло время отказаться от представления о том, что народы поднимают восстания просто из-за внешних агитаторов. Восстание против воинственных турок никогда не было детской забавой.

[92] Полный текст см. Герцлет, *Карта Европы по международному договору*, iv. стр. 2418-2429.

[93] Брайс, *Исследования в современной биографии* (1904).

[94] Подробности этого дела см. В главе XV. об этой работе.

[95] В Парламентских документах Турции, № 5 (1877), содержится отчет консула Фримена от 17 марта 1877 года о бесчинствах турок в Боснии. Беженцы заявили, что они "скорее утопятся в Унне, чем снова подвергнутся турецкому гнету". Порта отрицала все эти безобразия.

[96] Хертслет, iv. стр. 2459-2463.

[97] Сэр Стаффорд Норткот, граф Иддесли, автор Эндрю Лэнг, том ii. стр. 181.

[98] Наш посол в Константинополе сэр Генри Эллиот просил (9 мая) направить туда эскадру, чтобы успокоить британских подданных в Турции; но поскольку флоту было приказано отправиться туда только после длительного перерыва, и он оставался там в большом количестве в течение многих месяцев, справедливо предположить, что целью нашего правительства было поощрить Турцию.

[99] Галленга, *Восточный вопрос*, том ii. стр. 99.

[100] О целях партии "Молодая Турция" см. *"Жизнь Мидхат-паши"*, написанную его сыном; также статью Мидхата в *"Девятнадцатом веке"* за июнь 1878 года.

[101] Галленга, *Восточный вопрос*, том ii. стр. 126. Мурад умер в 1904 году.

[102] Мистер Бэринг, секретарь британского представительства в Константинополе, после тщательного изучения доказательств назвал число убитых болгар "не менее 12 000"; он высказал мнение, что 163 мусульманина, возможно, были убиты в начале мая. Он признал

ужасы в Батаке. Ахмет Ага, их главный исполнитель, сначала был приговорен турецкой комиссией по расследованию к смертной казни, но в конце концов был помилован. Шефкет-паша, наказание которого также было обещано, впоследствии был повышен до высокого командования. Парл. Papers, Турция, № 2 (1877), стр. 248-249; *там же*. № 15 (1877), № 77, стр. 58. Мистер Лейард, преемник сэра Генри Эллиота в Константинополе, впоследствии пытался сократить число убитых до 3500. Турция, № 26 (1877), стр. 54.

[103] Парл. Документы, Турция, № 3 (1876), стр. 144, 173, 198-199.

[104] См., *среди прочего*, его письмо от 26 мая 1876 г., цитируемое в "*Жизни и переписке Уильяма Уайта*" (1902), стр. 99-100.

[105] Дж. Морли, *Жизнь Гладстона*, том ii. стр. 548-549.

[106] Бисмарк, *Размышления и реминисценции* том ii. глава xxviii.

[107] Герцлет, iv. стр. 2508.

[108] Парламентские документы, Турция, № 6 (1877).

[109] Парламентские документы, Турция, ii. (1877), № 1; также, частично, в Hertslet, iv. стр. 2517.

[110] *Сэр Уильям Уайт: жизнь и переписка*, стр. 117.

[111] См. Галленга (*Восточный вопрос*, том ii. стр. 255-258) относительно скептицизма в отношении новой конституции, который одинаково испытывают иностранцы и коренные жители Константинополя.

[112] См. раздел. Документы (1878), Турция, № 2, стр. 114, о конституции; и стр. 302 за критические замечания лорда Солсбери по этому поводу; также *там же*, стр. 344-345, за окончательный отказ Турции от предложений Держав.

[113] *Жизнь Мидхат-паши*, Мидхат Али (1903), стр. 142. Мусурус, должно быть, намеренно ввел в заблуждение лорда Дерби.

[114] *Жизнь Мидхат-паши*, главы v.-vii. О характере и привычках султана читайте в статье Д. Келекяна в "*Современном обозрении*" за декабрь 1896 года.

[115] Эли де Цион, *История франко-русского конфликта*, глава i.; и в "*Новом ревю*" за 1 июня 1887 г. Его рассказ содержит явные признаки злого умысла против Германии и Австрии.

[116] Дебидур, *Hist. diplomatique de l'Europe* (1814-1878), vol. ii. p. 502.

[117] Парл. Документы, Турция, № 9 (1877), стр. 2.

[118] Парл. Документы, Турция, № 15 (1877), стр. 354-355.

[119] *Бисмарк: его размышления и воспоминания*, том ii. стр. 259 (англ. изд.).

[120] Эли де Цион, *указ. соч.* глава i.; также в "*Новом ревю*" за 1880 год.

[121] Бисмарк, *Воспоминания*, том ii. стр. 231 (англ. изд.).

[122] Буш, *Наш канцлер*, том ii. стр. 126.

[123] *Турция в Европе*, автор Odysseus, стр. 139.

[124] Смотрите также официальный отчет нашего протурецкого посла в Константинополе мистера Лейарда (30 мая 1877 г.) о трудностях нашего недопущения войны на ее завершающей стадии (Parl. Документы, Турция, № 26 (1877), стр. 52).

[125] *Сэр Уильям Уайт: жизнь и переписка*, стр. 115-117.

[126] О силе традиций в Министерстве иностранных дел см. *Сэр Уильям Уайт: жизнь и переписка*, стр. 119.

[127] Письма от 31 декабря 1875 г., 16 мая 1876 г. и 9 сентября 1876 г., переизданные вместе с другими в *"Восточном вопросе"*, лорда Стратфорда де Редклиффа (1881).

[128] Дж. Морли, *Жизнь Гладстона*, том ii. стр. 555.

ГЛАВА VIII

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА

"Знание великих военных операций может быть приобретено только опытом и прикладным изучением кампаний всех великих полководцев. Густав, Тюренн и Фридрих, а также Александр, Ганнибал и Цезарь - все действовали по одним и тем же принципам. Держать свои силы вместе, быстро наступать на любой пункт, нигде не быть уязвимым - таковы принципы, обеспечивающие победу". - НАПОЛЕОН.

Несмотря на угрозу в адрес России, содержащуюся в британской ноте от 1 мая 1877 г., в настоящее время риск столкновения между двумя державами по уже изложенным причинам был невелик. Правительство царя продемонстрировало, что оно желает поддерживать дружеские отношения с кабинетом Сент-Джеймса, поскольку в ответ на заявление лорда Дерби о том, что безопасность Константинополя, Египта и Суэцкого канала является предметом жизненной озабоченности Великобритании, российский канцлер принц Горчаков 30 мая направил удовлетворительное заверение, что два последних останутся вне сферы военных

действий; что приобретение турецкой столицы "исключено из взглядов Его Величества Императора" и что ее будущее является вопросом общих интересов, который может быть решен только путем переговоров. общее понимание между державами[129]. До тех пор, пока Россия придерживалась этих обещаний, вряд ли мог быть какой-либо вопрос о вмешательстве Великобритании от имени Турции.

Таким образом, общая ситуация весной 1877 года, казалось, едва ли оправдывала надежды, с которыми турки вступили в войну. Они стояли в одиночестве перед Державой, обладавшей значительно большими ресурсами в виде людей и сокровищ. Учитывая, что султан недавно отказался от значительной части государственного долга и мог занимать только под непомерные проценты, даже сейчас остается загадкой, как его министрам удалось снарядить очень значительные силы и вооружить их скорострельными ружьями и превосходными пушками. Турок - прирожденный солдат, он будет сражаться ни за что и жить практически на даром, когда под вопросом окажется его вера; но это не решает проблему, как Порта могла закупать огромные запасы оружия и боеприпасов. Она закупила 300 000 американских винтовок и еще 200 000 купила в начале войны. По этому поводу мы должны обратиться к области легенд и сказать, что жизнь Турции подобна жизни феникса: время от времени она восстает свежей и дерзкой среди пламени.

Что касается османской армии, английский офицер, находившийся на ее службе, лейтенант В.В. Герберт, утверждает, что артиллерия была очень хорошей, несмотря на плохое снабжение лошадьми; что пехота была очень хорошей; регулярная кавалерия посредственной, иррегулярная кавалерия бесполезной. Он оценивает общую численность войск в Европе и Азии в 700 000 человек; но, поскольку он признает, что батальоны численностью 800 человек редко насчитывали в среднем более 600 человек, эта цифра явно ошибочна. Американские власти считают, что у Турции было наготове не более 250 000 человек в Европе и что из них не более 165 000 находились к северу от Балкан, когда русские продвигались к Дунаю[130]. Фон Лигниц считает, что у турок всего 215 000 регулярных войск и 100 000 иррегулярных (башибузуки и черкесы) во всей Империи; из них две трети он относит к европейской Турции[131].

Тогда казалось, что перед Россией не стоит особо сложной задачи. В начале мая семь армейских корпусов начали продвигаться к этой великой реке. Они включали 180 батальонов пехоты, 200 эскадронов кавалерии и 800 орудий - всего около 200 000 человек. Их пушки уступали турецким, но это казалось незначительным, учитывая численное превосходство, которое Россия, казалось, собиралась выставить на поле боя. Мобилизация ее огромной армии, однако, продвигалась медленно и привела отнюдь не к тем цифрам, о которых сообщалось официально. Наш военный атташе в российском штабе, полковник Уэлсли, сообщил об этом британскому правительству; и, узнав об этом, навлек на себя неприятные оскорбления со стороны российских властей[132].

Тем временем Россия обеспечила сотрудничество Румынии конвенцией, подписанной 16 апреля, по которой последнее государство предоставляло свободный проезд через это княжество и обещало дружественное отношение к московским войскам. Царь в свою очередь обязался "поддерживать и защищать фактическую целостность Румынии"[133]. Продолжение покажет, как было выполнено это обещание. На данный момент казалось, что интересы княжества полностью обеспечены. Соответственно, принц Чарльз (старший брат принца

Леопольда Гогенцоллернского, чья кандидатура на корону Испании наделала столько шума в 1870 году) предпринял следующий шаг, отменив сюзеренитет султана над Румынией (3 июня).

Еще до провозглашения независимости Румыния отважилась на несколько военных действий против Турции; но сотрудничество ее армии, состоящей из 50 000 регулярных войск и 70 000 национальных гвардейцев, с российской армией оказалось сложным вопросом. Император Александр II, прибыв в российскую штаб-квартиру в Плоешти, к северу от Бухареста, выразил желание помочь румынской армии, но настоял на том, чтобы она была передана в подчинение главнокомандующему русскими войсками великому князю Николаю. На это принц Чарльз возразил, и румынские войска поначалу не принимали активного участия в кампании. Несомненно, их неприбытие расстроило планы российского штаба[134].

Задержки множились с самого начала. Русские, не имея военно-морского превосходства в Черном море, которое помогло им одержать быструю победу в кампании 1828 года, могли нанести удар только через Румынию, через Дунай и труднопроходимые перевалы средних Балкан. Кроме того, поскольку румынские железные дороги имели всего лишь одну линию, переброска людей и припасов к Дунаю была очень медленной. Многие войска, расположившись лагерем на ее болотистых берегах (поскольку река в то время была разлившейся), заболели малярийной лихорадкой; прежде всего, беспечность русского штаба и бесстыдная казнокрадство его подчиненных и подрядчиков засорили колеса военной машины. Одним из результатов этого стало плохое снабжение войск хлебом. Румынский офицер, обедая с великим князем Николаем, осмелился сравнить пайковый хлеб русских с гораздо лучшим хлебом, поставляемым его собственным солдатам по более дешевым ценам. Великий герцог посмотрел на два образца, а затем... заговорил о чем-то другом[135]. Ничего нельзя было предпринять, пока наводнение не спадет и крупные группировки войск не будут готовы угрожать турецкой линии обороны в нескольких точках[136]. Османская позиция ни в коем случае не испытывала недостатка в элементах силы. Первым из них был сам Дунай. Задача форсирования великой реки на глазах у активного противника - одна из самых опасных из всех военных операций. Любой серьезный просчет численности, положения или мобильности сил противника может привести к непоправимой катастрофе; и до тех пор, пока мосты, используемые для переправы, не будут защищены *тет-де-пон*, положение перешедшей через реку колонны является ненадежным.

Дунай особенно трудно пересечь, потому что его северный берег по большей части заболочен, а над южным преобладает. Немецкий стратег фон Мольтке, хорошо знавший Турцию и написавший лучшую историю русско-турецкой войны 1828 года, утверждал, что переправа через Дунай обошлась захватчикам более чем в 50 000 человек. После этого им будет угрожать Четырехугольник крепостей - Рустчук, Шумла, Варна и Силистрия. Три из них были соединены железной дорогой, что позволяло туркам быстро перебрасывать войска из порта Варна на любую позицию между горной твердыней Шумла и прибрежной крепостью Рустчук.

Даже невоенный читатель, взглянув на карту, увидит, что этот Четырехугольник, если его прочно удерживать, практически перекрывал дороги, ведущие на Балканы с их восточной стороны. Это также поставило под угрозу марш армии вторжения через центральную часть Болгарии к центральным перевалам этой цепи. Более того, в этой части есть только два или три перевала, которые может предпринять армия с артиллерией. Крепость Виддин, где, как было известно,

находилась армия Османа-паши численностью около 40 000 опытных солдат, господствовала над западом Болгарии и дорогами, ведущими к более легким перевалам на Балканах близ Софии.

Учитывая трудности, с которыми столкнулись захватчики в Европе, неудивительно, что первые важные сражения произошли в Азии. На армянской границе русские под командованием Лорис-Меликова вскоре добились решающего преимущества, отбросив турок со значительными потерями к Карсу и Эрзеруму. Вскоре ход войны в этой части переломился, но в настоящее время победы москвитов вызвали трепет страха в Турции и, вероятно, укрепили решимость Абдул-Керима, турецкого главнокомандующего в Европе, вести осторожную оборону.

Многое можно было бы сказать в пользу "фабианской" политики проволочек. Крупные турецкие силы находились в западных провинциях, воюя против Черногории, или наблюдая за Австрией, Сербией и Грецией. Говорят даже, что поначалу у Абдул-Керима было не более 120 000 человек во всей Болгарии, включая армию в Виддине. Но очевидно, что если захватчики до такой степени рассчитывали на его слабость, что перебросили свои колонны через Дунай перед силами, которые можно было тайно и быстро усилить за счет переброски войск с юга и запада, они разоблачили бы себя

Карта Болгарии.

к самым серьезным рискам. Апологеты Абдул-Керима утверждают, что таков был его замысел и что признаки медлительности, которые он поначалу проявил, стали необходимой частью глубоко продуманного плана заманивания русских на верную гибель. Пусть захватчики силой войдут в Центральную Болгарию и подставят свои фланги Абдул-Кериму в Четырехугольнике и Осман-паше в Виддине; тогда турки хорошо согласованными ударами по этим флангам отбросили бы врага за Дунай и, возможно, вынудили бы значительную часть его сил сложить оружие. Таково их объяснение поведения Абдул-Керима.

Поскольку турецкое правительство совершенно безразлично к развитию исторических знаний, даже сейчас невозможно сказать, была ли эта идея определенно принята за основу плана кампании. Есть признаки того, что Абдул-Керим и Осман-паша приняли его, но был ли он когда-либо одобрен Военным советом в Константинополе - это другой вопрос. Такой план, очевидно, подразумевал наличие у султана и его советников огромной силы самообладания перед лицом первоначального успеха русских; и если только это самообладание не было доказательством против паники, план не мог не рухнуть в решающий момент. Очевидны признаки того, что в предложенных здесь предположениях мы находим ключ, который открывает загадку Дунайской кампании 1877 года.

Сначала Абдул-Керим в Четырехугольнике и Осман в Виддине вели строгую оборону. Первые разместили небольшие отряды войск, всего, вероятно, не более 20 000 человек, в Систове, Никополе и других соседних пунктах. Но, если не считать массовой бомбардировки российских и румынских постов на северном берегу, ни один из командиров не сделал ничего особенного, чтобы помешать вражеским приготовлениям. Этот недостаток инициативы, контрастировавший с предприимчивостью, проявленной турками в 1854 году, позволил захватчикам реализовать свои замыслы практически без перерыва.

План русской кампании состоял в том, чтобы уничтожить или вывести из строя четыре небольших турецких броненосца, патрулировавших нижнее течение реки, совершить обходные маневры в нескольких точках и форсировать проход в двух местах - сначала возле Ибраила в Добруджу, а затем, под прикрытием этого отвода, из Симницы в Систову. Последнее место пересечения совмещало в себе все возможные преимущества. Он находился достаточно далеко от турецкого четырехугольника, чтобы обеспечить безопасность в первую очередь; было известно, что он слабо защищен; его расположение на кратчайшей дороге между Дунаем и практически доступным проходом через Балканы - Шипкинским перевалом - служило веской рекомендацией; в то время как наличие острова помогло при первых приготовлениях.

Когда разлив Дуная наконец утих, к середине лета все было готово. Русские батареи и торпедные катера уничтожили две турецкие бронированные канонерские лодки в нижнем течении реки, а 22 июня русские войска переправились на лодках из пункта близ Галаца в Матчин и закрепились на Добрудже.

В Симнице тоже созрели заготовки. В узком северном рукаве реки лодки и понтоны, собранные русскими, были спущены на воду без труда, остров был занят, и в ночь с 26 на 27 июня волынский полк вместе с казаками переправился на лодках через широкий рукав реки шириной около 1000 ярдов и закрепился на берегу. Их ряды уже поредели из-за массированного огня турецкого отряда; но турки совершили ошибку, положившись на пулю, вместо того чтобы пустить в ход штык. Еще до рассвета первые пришельцы смогли укрыться под берегом, пока не подошли другие лодки. Затем с громкими радостными криками они атаковали турок и отбросили их назад.

Именно эта сцена предстала взору генерала Драгомирова, когда его лодка приблизилась к берегу в 5 часов утра, наполовину скрытая утренним туманом. Исход казался сомнительным. Но рядом с ним стоял генерал, только что одержавший победу в Туркестане, который умолял разрешить ему приехать добровольцем или адъютантом. Когда Драгомиров в мучительном ожидании опустил свой бокал, собеседник продолжал смотреть на него и, наконец, воскликнул: "Поздравляю вас с победой". "Где вы это видите?" - спросил Драгомиров. "Где?" на

лицах солдат. Посмотрите на них. Наблюдайте, как они атакуют врага. Смотреть на них - удовольствие". Вердикт был верным. Это был вердикт Скобелева[137].

Таково было первое появление в европейской войне величайшего полководца, которого Россия произвела на свет со времен Суворова. Молодой человек напоминал этого крепкого ветерана своей страстью к войне, своими амбициями и той откровенной, грубоватой осанкой, которая всегда покоряет сердца солдат. Внук крестьянина, чья храбрость принесла ему повышение в великом 1812 году; сын генерала, чья доблесть была известна, - Скобелев был одновременно командиром и солдатом. "Ах! он знал душу солдата, как если бы сам был рядовым". Это были слова, которые русские часто произносили о Скобелеве; похожие вещи в свое время говорили о Суворове. Ради таких чемпионов, как эти, эмоциональные славяне всегда будут лить свою кровь, как воду. Но, подобно захватчику Варшавы, Скобелев знал, когда отложить штык в сторону и выиграть день мастерством. Оба были сильными нападающими, но они придерживались принципов военного искусства. Сочетание этих качеств было потрясающим; и многие русские считают, что, если бы молодой человек с его великолепным телосложением и притягательной индивидуальностью наслаждался долгими днями, отпущенными низкорослому Суворову, он изменил бы облик двух континентов.

Атташе Соединенных Штатов при русской армии во время русско-турецкой войны впоследствии говорил о его военном гении как о "колоссальном" и пророчествовал, что, если он проживет еще двадцать лет и возглавит русские армии в следующей турецкой войне, он займет место бок о бок с "Наполеоном, Веллингтоном, Грантом и Мольтке". Ставить знак равенства между этими четырьмя именами - признак трансатлантического энтузиазма, а не взвешенного суждения; но оценка, поскольку она касается Скобелева, отражает мнение почти всех, кто его знал[138].

Воодушевленные появлением Скобелева и Драгомирова, русские перешли в наступление с полным эффектом и к полудню того богатого событиями дня овладели возвышенностью за Систовой. И здесь турецкая оборона была слабой. Город не был укреплен, но его окраины представляли собой объекты для обороны. Тем не менее, под давлением русской атаки и артиллерийского огня с северного берега небольшой турецкий гарнизон сдал город и отступил в сторону Рустчука. Во многих местах в тот день русские подвергали своих врагов массовой бомбардировке или ложным попыткам переправы, особенно в Никополе и Рустчуке; и это объясняет неспособность защитников помочь слабому гарнизону, на который пришелся основной удар. Учитывая все обстоятельства, форсирование Дуная должно оцениваться как весьма похвальное достижение, умело спланированное и мужественно осуществленное; оно стоило захватчикам едва ли 700 человек[139].

Теперь они перебросили понтонный мост через Дунай между Симницею и Систовой; и ко 2 июля в последнем городе и его окрестностях было 65 000 человек и 244 орудия. Тем временем их 14-й корпус удерживал центральную позицию у Бабадага в Добрудже, тем самым предотвращая любое нападение с северо-восточной стороны Четырехугольника на их коммуникации с югом России.

Однако можно усомниться, правильно ли поступили захватчики, удержав столь крупные силы в Добрудже, учитывая, что меньший отряд легких войск, патрулирующий левый берег нижнего Дуная или *утет-де-пон* в Матчине, отвечал бы той же цели. Главное использование переправы у Матчина состояло в том, чтобы отвлечь внимание противника, наступление через нездоровый район Добруджи против турецкого четырехугольника было рискованным во всех отношениях;

прежде всего, сохранение целого корпуса на этой стороне ослабляло главную линию наступления, идущую от Систовы; и здесь вскоре стало ясно, что у русских слишком мало людей для такого предприятия. Строительство понтонного моста через Дунай было завершено ко 2 июля - факт, который позволил тем войскам, которые находились в Румынии, быть поспешно переброшенными на фронт.

Очевидно, что было небезопасно продвигаться к Балканам, пока оба фланга не будут защищены от атак из Четырехугольника на востоке и из Никополя и Виддина на западе. В Никополе, в двадцати пяти милях отсюда, находилось около 10 000 турок; а около Виддина, примерно в 100 милях выше по течению, Осман собрал еще 40 000 человек. Теперь Абдул-Керим послал ему приказ выступить во фланг захватчикам.

Балканские перевалы также не были открыты для русских; ибо после форсирования Дуная Реуф-паша получил приказ собрать все доступные войска для их обороны от Шипкинского перевала до перевала Сливно дальше на восток; 7000 человек теперь удерживали Шипку; около 10 000 действовали в качестве общего резерва в Сливно; 3000 были переброшены вперед к Тырнове, где начинается гористая местность, а отряды удерживали более труднопроходимые тропы через горы. Сулейману-паше также было отправлено срочное сообщение с просьбой вывести из войны в Черногории как можно больше сил; и, если бы он получил это сообщение вовремя или действовал с необходимой скоростью и мастерством, события могли бы пойти совсем по-другому.

В течение некоторого времени турки, казалось, были парализованы во всех отношениях энергией движений московитов. Два корпуса, 13-й и 14-й, прошли маршем на юго-восток от Систовы к истоку Янтры, или Янтры, и захватили Белу, важный узел дорог в этом районе. Это обезопасило их от любой немедленной атаки со стороны Четырехугольника. Великий князь Николай также приказал 9-му корпусу под командованием генерала Крюденера выдвинуться из Систовы и атаковать слабо укрепленный город Никополь. При поддержке румынских орудий на северном берегу Дуная этому корпусу удалось прорвать оборону и захватить город вместе с 7000 солдатами и 110 орудиями (16 июля).

Таким образом, захватчики, казалось, получили надежную базу на Дунае, от Систовы до Никополя, откуда они могли безопасно продвигать свой авангард на Балканы. На самом деле их легкие войска уже захватили один из самых трудных перевалов - подвиг, который всегда будет напоминать имя этого лихого лидера, генерала Гурко. План, который сейчас будет описан, был его концепцией; он был одобрен великим князем Николаем. Выдвинувшись из Систовы и оттянув часть своей колонны от войск в Беле, Гурко сначала занял важный город Тырнова, небольшой турецкий гарнизон предпринял очень неудачную попытку защитить старую болгарскую столицу (7 июля). Тамошние освободители встретили бурную овацию и набрали много новобранцев для "Болгарского легиона". Продвигаясь вперед, казаки и драгуны захватили большие запасы провизии, припасенные турками, и получили ценные сведения об обороне перевалов.

Перевал Шипка, расположенный южнее Тырнова, теперь был надежно удержан, и турецкие войска спешили к двум перевалам к северу от Сливно, примерно в пятидесяти милях дальше на восток. Но даже в этом случае у них не было под рукой достаточно людей, чтобы защищать все перевалы горной цепи, которые образовывали их главную линию обороны. Они оставили один

из них практически беззащитным; это был перевал Хаинкой, расположенный на высоте 3700 футов над уровнем моря.

Российский дипломат князь Цертелефф, которому было поручено собирать информацию о пропусках, обнаружил, что Хаинкой пользовался дурной репутацией. "Несчастье ждет того, кто пересечет перевал Хаинкой", - так гласила местная пословица. Поэтому он решил попробовать; расспросив дружественных болгарских крестьян, он нашел одного человека, который однажды прошел через это, и это было два года назад на телеге, запряженной волами. Там, где могла проехать повозка, запряженная волами, могла проехать и легкая горная пушка. Соответственно, принц и генерал Раух отправились с 200 казаками исследовать перевал, назначили людей работать в самых труднодоступных местах и, благодаря секретности, соблюдаемой крестьянами, вскоре сделали путь к вершине практически доступным для кавалерии и легких орудий. Принц переоделся болгарским пастухом, чтобы осмотреть южный выход; и, когда он принес благоприятный отчет, 11 000 человек под командованием Гурко начали прочесывать хитросплетения ущелья.

Благодаря хорошей еде, мужественным сердцам, шуткам и песням им удалось поднять оружие в самые неподходящие места. Затем начались опасности спуска. Но турки ничего не знали об их усилиях, иначе все могло закончиться совсем иначе. На южной оконечности 300 турецких регулярных войск мирно курили свои трубки и готовили еду, когда казак с винтовками в авангарде ворвался в них, погнав сломя голову и захватил деревню Хаинкой. Перевал через Балканы был обеспечен ценой гибели двух человек и трех раненых. Гурко был почти оправдан, отправив великому князю Николаю Гордому заявление о том, что никто, кроме русских солдат, не смог бы перебросить полевую артиллерию через такой перевал, причем за короткий промежуток в три дня (11-14 июля)^[140].

Проведя свою колонну из 11 000 человек через перевал, Гурко отбросил четыре турецких батальона, посланных против него с Шипкинского перевала и Казанлыка. Затем он разослал отряды казаков, чтобы посеять ужас на юге и ввести турок в заблуждение, заставив их поверить, что он намеревается нанести удар по важным городам Джени Загра и Эски Загра, расположенным по дороге на Адрианополь. Заставив турок ослабить хватку на Казанлыке и Шипке, он повернул свои основные силы на запад (оставив 3500 человек удерживать выход из Хаинкой) и последовательно выбил турок с позиций перед городом, из самого города, а затем из деревни Шипка. Над этим местом возвышалась могучая стена Балкан, несколько уменьшенная у самого перевала, но даже там представлявшая собой, казалось бы, неприступную позицию.

Гурко, однако, полагался на уныние турецкого гарнизона после поражений их товарищей и на то, что их позиции были повернуты на юг, в то время как им также угрожали с севера. Другая русская колонна продвинулась от Тырновы вверх по более пологим северным склонам Балкан и теперь начала штурмовать оборону перевала на той стороне. Гарнизон состоял из шести с половиной батальонов под командованием Хулусси-паши и остатков пяти батальонов, уже сильно потрепанных колонной Гурко. Они, с одной артиллерийской батареей, удерживали перевал и соседние вершины, которые они частично укрепили.

В соответствии с заранее разработанным планом совместной атаки 17 июля обеих русских сил северный корпус продвинулся вверх по склонам; но, поскольку люди Гурко не смогли вовремя совершить отвлекающий маневр, атака провалилась. Изолированная попытка войск Гурко на следующий день также провалилась, защитники опозорили себя, обманув русских белым

флагом и открыв по ним огонь. Но турки теперь испытывали трудности из-за нехватки пищи и воды; или, возможно, ими овладела паника. В любом случае, отвлекая русских предложениями о капитуляции, они рано утром 19 июля небольшими группами ускользнули. Вскоре аванпосты северорусских войск выяснили правду; Скобелев и его люди вскоре были на вершине, и там к ним с радостными криками быстро присоединился авангард Гурко.

Таким образом, в течение двадцати трех дней с момента форсирования Дуная Гурко захватил два перевала на Балканах, помимо захвата 800 пленных и 13 орудий. Неудивительно, что в официальном послании Турции Сулейману от 21 июля эта позиция была кратко изложена: "Существование Империи висит на волоске". И когда легкие войска Гурко предприняли набег на долину Марицы, казалось, что турецкая оборона рухнет так же беспомощно, как в памятной кампании 1828 года. Мы должны добавить здесь, что болгары теперь начали мстить за бесчинства мая 1876 года; и борьба была омрачена ужасными действиями с обеих сторон.

Впечатление, произведенное этими драматическими штрихами, было глубоким и широко распространенным. Британский флот был направлен в бухту Бесика, что, как казалось, было подготовительным шагом к переходу через Дарданеллы в Мраморное море. Из Адрианополя толпы мусульман в диком смятении бежали в сторону Константинополя. Частые совещания министров во дворце султана свидетельствовали о степени тревоги; и этот нервный деспот колебался между намерением перенести резиденцию правительства в Бруссу в Малой Азии и решением развернуть знамя Пророка и призвать всех правоверных сплотиться на его защиту от неверных. В конце концов, отчаявшись, он набрался храбрости и избрал более мужественный путь. Но сначала он опозорил своих министров. Военный министр и Абдул-Керим были без промедления смещены, последний был отправлен в качестве пленника на остров Лемнос.

Все свидетели сходятся во мнении, что военный министр Редиф-паша был неспособен и коррумпирован. Возраст и слабость Абдул-Керима могли бы оправдать его сравнительное бездействие в Четырехугольнике в первой половине июля. Вполне вероятно, что его план кампании, описанный выше, был разумным; но ему не хватало энергии, а властям в Константинополе не хватало мужества, чтобы осуществить его тщательно и последовательно.

Мехмет Али-паша, немец-ренегат, который с некоторым успехом воевал в Черногории, принял верховное командование 22 июля; а Сулейман-паша, который с большей частью своих сил был переброшен морем из Антивари в устье реки Марица, теперь собрал все доступные войска для обороны Румелии.

Царь, со своей стороны, лелеял надежды положить конец войне, пока Фортуна улыбалась его знаменам. Есть все основания полагать, что он вступил в нее с большой неохотой. На ранних этапах он сообщил британскому правительству о своем желании прийти к соглашению с Турцией; и теперь его военный министр генерал Милютин намекнул полковнику Ф.А. Уэлсли, британскому атташе в штаб-квартире, что Россия приветствовала бы посредничество Великобритании. Этот офицер 30 июля имел беседу с императором, который изложил условия, на которых он был бы готов принять мир с Турцией. Это были - возвращение полосы Бессарабии, потерянной в 1856 году, и приобретение Батума в Малой Азии. Alexander II. также заявил, что он не будет оккупировать Константинополь, если только этот шаг не будет продиктован ходом событий; что Державы будут приглашены на конференцию для урегулирования турецких дел; и что у него нет желания вмешиваться в уже упомянутые британские сферы интересов. Полковник Уэлсли немедленно отбыл из штаба в Лондон, но на

следующий день характер кампании претерпел полное изменение, которое, по мнению британского правительства, сделало тщетной всякую надежду на урегулирование на условиях, выдвинутых царем.^[141]

Ибо теперь, когда дело турции казалось безвозвратно проигранным, труд одного храбреца к северу от Балкан, словно по волшебству, остановил поток вторжения, вернул победу стандартам ислама и позволил справедливо сокрушить самонадеянных московитов в водах Дуная. Мольтке в своем отчете о войне 1828 года отметил особенность османов в ведении военных действий (особенность, которую они разделяют со славными защитниками Сарагосы в 1808 году) - начинать настоящую оборону, когда другие отказались бы от нее как от безнадежной. Это замечание, если и не относится к турецкой армии в целом, то, безусловно, относится к той ее части, которая была в восторге от дерзких поступков Осман-паши.

На его долю выпало, пожалуй, больше сражений, чем на долю любого турка его времени. Сейчас ему было сорок лет; его худощавое телосложение и средний рост не обещали силы или дееспособности; как и его лицо, пока наблюдатель не отметил способность его глаз охватывать всю ситуацию "одним медленным всеобъемлющим взглядом"^[142]. Это придало ему магнетический дар, действие которого не было полностью омрачено его надменными манерами, отрывистой речью и презрительным обращением с иностранцами. Очевидно, здесь была холодная, сурово объективная натура, подобная натуре Бонапарта. Он был хорошим представителем флегматичного провинциального турка, который, вдали от унижающего влияния двора, сохраняет фанатизм и любовь к войне во имя своего вероучения, которые делают его народ ужасным даже в дни упадка^[143].

В соответствии с первоначальным замыслом Абдул-Керима, Осман некоторое время оставался пассивным в Виддине. Получив приказ от главнокомандующего, 13 июля он двинулся на восток с 40 000 человек, чтобы спасти Никополь. Обнаружив, что спасать это место слишком поздно, он затем разработал свои планы захвата Плевны. Важность этого города, как крупного узла дорог и обладающего многими преимуществами для обороны на окружающих холмах, была ранее отмечена русскому штабу принцем Карлом Румынским, как, впрочем, и еще раньше Мольтке. Соответственно, великий князь Николай направил небольшой отряд кавалерии к этому городу. Генерал Крюденер совершил ошибку, отозвав его, чтобы помочь в наступлении на Никополь 14-16 июля, неудачный ход, который позволил Осману занять Плевну без сопротивления 19 июля^[144]. 18-го великий князь Николай приказал генералу Крюденеру занять Плевну. Ничего не зная о местонахождении Османа, его авангард безрассудно двинулся на город, но встретил решительный отпор, который стоил русским 3000 человек (20 июля).

Теперь Осман окопался на открытых холмах, простирающихся к востоку от Плевны. Как видно из ссылки на карту на [странице 213](#), его местоположение, грубо говоря, образовывало эллипс, указывающий в сторону деревни Гривица. Над этой деревней его инженеры возвели два больших редута, которые господствовали над окрестностями. Другие редуты и траншеи прикрывали Плевну с северо-востока и юга. Наконец, вершины трех главных склонов, лежащих к востоку от Плевны, оцетинились оборонительными сооружениями. К западу от города лежала глубокая долина малой реки Вид, которая сама по себе была главной защитой на этой стороне. Здесь мы можем констатировать, что во время длительных операций против Плевны русским приходилось довольствоваться наблюдением за этой западной дорогой на Оркание и Софию с помощью кавалерии; но подкрепления из Софии обычно прибывали. Из этого же квартала

турки также смогли перебросить войска для занятия города Ловча, расположенного между Плевной и Шипкинским перевалом.

Русский штаб, осознав свою ошибку, не обеспечив безопасность этого важного узла дорог, и смутно догадываясь о прочности укреплений, которые Осман возводил рядом с базой их операций, решил немедленно атаковать Плевну. Их задача оказалась неожиданно масштабной. Длинный изгиб внешних турецких линий уже растянулся по склонам, которые образовывали естественные гласисы, в то время как местность дальше по полю была настолько изрезана впадинами, что сделать одну комбинированную атаку очень трудной задачей. Сила и даже само существование некоторых работ Османа были неизвестны. Наконец, говорят, что у русских под рукой было всего 32 000 человек пехоты и две бригады кавалерии.

Тем не менее генералы Крюденер и Шахофски получили приказ немедленно атаковать. Они сделали это 31 июля. Последний с 12 000 человек взял два внешних редута на южной стороне, новынужден был отступить под смертоносным огнем, который лился на него с внутренних укреплений. Крюденер действовал против еще более укрепленных позиций на севере; но из-за трудностей, которые мешали его продвижению, он опоздал предпринять какой-либо отвлекающий маневр в пользу своего коллеги. Одним словом, атака была плохо спланирована и еще хуже сочеталась друг с другом. Пять часов отчаянных боев не принесли нападавшим ни единого существенного преимущества; их потери были официально заявлены в 7336 убитых и раненых; но это, безусловно, не соответствует действительности. Турецкие иррегулярные войска преследовали отступающие колонны с наступлением темноты и добивали раненых, включая всех, кого они нашли в полевом госпитале.

Это второе поражение под Плевной было катастрофой первой величины. Протяженность русской линии за пределами Балкан сделала их базу и фланги слишком слабыми, чтобы противостоять ужасным ударам, которые, казалось, собирался нанести Осман со своей выгодной позиции. Плевна была на их правом фланге, а Бела - на левом. Войска нельзя было отводить с последнего пункта, чтобы турки из Шумлы и Рустчука не прорвались и не перерезали себе путь к мосту в Систове; и теперь силы Османа угрожали этому спинному мозгу русских коммуникаций. Если бы он нанес удар, как можно было бы отразить удар? Ибо плохие новости сыпались со всех сторон. Из Армении пришли известия о том, что Мухтар-паша после умелого отступления и концентрации сил повернулся против русских и отбросил их назад в полном замешательстве.

Из-за Балкан Гурко прислал известие, что армия Сулеймана обходит Адрианополь, и пригрозил прижать его к горной цепи. Фактически, часть корпуса Гурко потерпела серьезное поражение у Эски-Загры и была вынуждена поспешно отступить через перевал Хаинкой; в то время как другие его части вернулись к Шипкинскому перевалу, оставив арьергард удерживать эту важную позицию (30 июля- 8 августа). Таким образом, со всех сторон накапливались доказательства того, что захватчики предприняли слишком много для своих сил и что весь их план кампании был скорее блестящим, чем здравым. Возможно, если бы 14-й корпус не был брошен на нездоровую Добруджу, под рукой было бы достаточно людей, чтобы спасти ситуацию. Но теперь на карту было поставлено все.

Весь август был временем серьезного кризиса для русских, и лучшие военные критики придерживаются мнения, что турки, прояви они немного больше инициативы и комбинационной мощи, могли бы отбросить русских обратно за Дунай в полном

замешательстве. От этой крайности захватчиков спасло отсутствие у турок вышеназванных даров, от которых, а не от простой храбрости, теперь в конечном счете зависят исход кампаний и судьбы народов. Верные своей старой славе, турки демонстрировали выдающуюся доблесть на поле боя, но им не хватало высших интеллектуальных качеств, которые дают полный урожай результатов.

Осман, либо потому, что он не знал, что русские израсходовали свои последние резервы под Плевной, либо потому, что он не доверял маневренности своих людей, позволил Крюденеру спокойно отвести свои разбитые силы к Систове и предпринял только один довольно нерешительный шаг против этого чрезвычайно важного пункта. Новый турецкий главнокомандующий Мехмет Али собрал внушительные силы перед Шумлой и отбросил русскую армию, которую теперь возглавлял Цезаревич, обратно к Беле, но не смог прорвать их оборону. Наконец, Сулейман-паша, гордясь тем, что провел Гурко через перевал Хаинкой, зря потратил время на южной стороне, сначала изматывая несчастных болгар, а затем неоднократно бросая свои храбрые войска на ставшую почти неприступной позицию на Шипкинском перевале.

Считается, что зависть к соседним турецким генералам удержала Сулеймана от применения менее расточительной и более эффективной тактики. Если бы он предпринял всего лишь ложный маневр, атаковав этот пост, и поспешил со своими основными силами через перевал Сливно на востоке на помощь Мехмету или через западные ущелья Балкан на помощь храброму Осману на его позициях Плевна-Ловча, вероятно, усиление одного или другого из них могло бы привести к действительно большим результатам. Как бы то ни было, эти генералы нанесли захватчикам тяжелые потери, но не смогли отбросить их обратно за Дунай.

Более того, к середине августа начали прибывать русские подкрепления, император уже 22 июля отозвал первую часть ополчения и три дивизии линейного резерва, всего около 224 000 человек^[145].

Основная часть этих людей прибыла только в сентябре; а тем временем напряжение было ужасным. Военная корреспонденция мистера Арчибальда Форбса показывает состояние нервной тревоги, в котором находился Александр II. был повержен в это время. Форбс был свидетелем дикого упорства турецкой атаки и русской обороны на холмах, господствующих над Шипкинским перевалом. Наконец, он разделял радость оказавшихся в затруднительном положении защитников при своевременном появлении стрелкового батальона, спешно переброшенного на казачьих пони, и при решающей атаке генерала Радецкого во главе двух рот резерва на турецкий бруствер в самый разгар сражения (24 августа). Затем, после того как он поспешно поехал на север, в русскую штаб-квартиру в Горништудене, его сразу же отвели в палатку царя, и он заметил выражение нетерпеливого ожидания на его лице, пока не услышал обнадеживающие новости о том, что Радецкий прочно удержался на перевале.

Теперь худшее было позади. Русская гвардия численностью 50 000 человек была совсем рядом вместе с другими вышеназванными подкреплениями. Острота кризиса также побудила великого князя Николая отказаться от своего требования о передаче румынских войск под его непосредственное командование. Соответственно, в начале августа принц Чарльз повел около 35 000 румын через Дунай, и ему было поручено командовать всеми войсками вокруг Плевны^[146]. Надежды захватчиков были подкреплены захватом Скобелевым 3 сентября Ловчи,

места на полпути между Плевной и Балканами, которое обеспечило связь Османа с Сулейман-пашой. Турецкие потери при Ловче оцениваются почти в 15 000 человек[147].

Этот успех способствовал наступлению на Плевну с юга, и на 11 сентября был назначен общий штурм. Тем временем Осман также получил большое подкрепление из Софии и значительно укрепил свою оборону. На северо-востоке от Плевны были так искусно возведены укрепления, что то, что выглядело как незначительная траншея, оказалось новым и грозным редутом, который сводил на нет все усилия 3-й румынской дивизии с боем взобраться по крутым склонам на этой стороне. На их 4-ю дивизию и русскую бригаду выпала одинаково трудная задача - наступление с востока на два гривицких редута, которые выдержали все атаки. Турки проявили свое обычное постоянство, несмотря на тяжелую и продолжительную бомбардировку, которая предшествовала наступлению здесь и на всем протяжении линии фронта. Но тяжесть и мощь наступления сказывались постепенно; и русские и румынские подкрепления в конце концов взяли штурмом более южный из двух редутов. Турки предпринимали отчаянные усилия, чтобы возместить эту потерю. С северного редута и тыловых укреплений несколько южнее начался яростный огонь, который уничтожил победителей; на какое-то время туркам удалось восстановить оборону, но с наступлением темноты наступление других русских и румынских войск вытеснило мусульман. С тех пор редут удерживали союзники.

Тем временем к югу от деревни Гривица 4-й и 9-й русские корпуса плотными массами двинулись против группы редутов, венчавших высоты к юго-востоку от Плевны; но все их усилия были тщетны; под ужасающим огнем турок самые прочные линии растаяли, и с наступлением ночи корпус отступил, потеряв 110 офицеров и 5200 солдат.

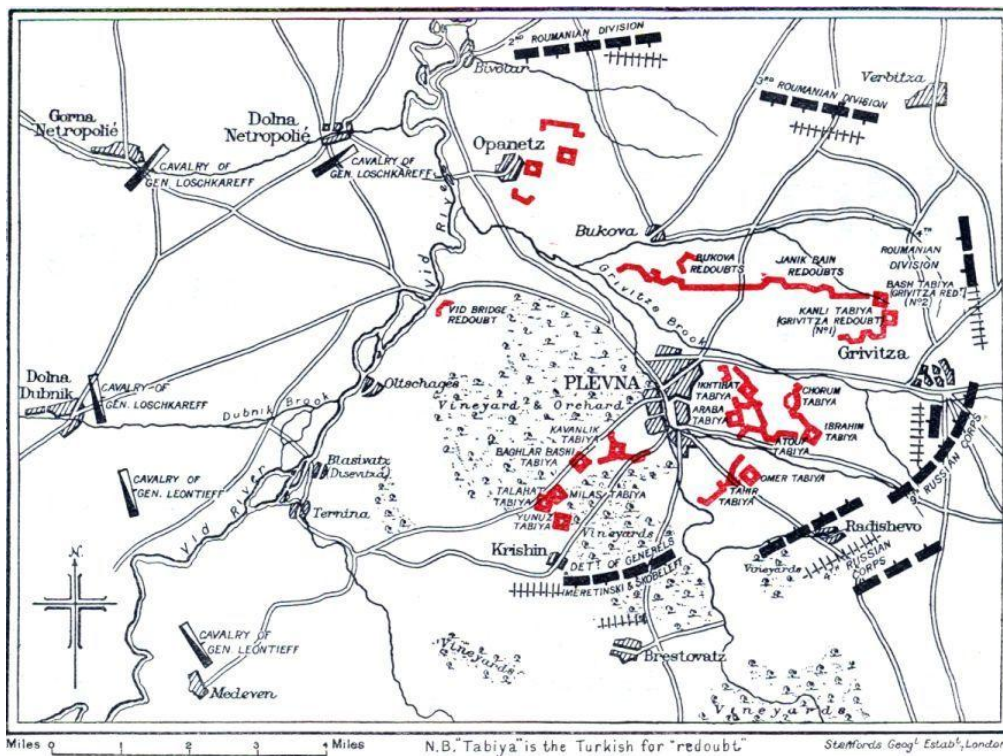
Только на юге и юго-западе нападавшие серьезно угрожали обороне Османа в жизненно важном пункте; и здесь Фортуна снова одарила своей благосклонностью человека, который знал, как добиться от нее всего, Михаила Дмитриевича Скобелева. Мало кто из мужчин или женщин мог смотреть на его крепкую фигуру, откровенные, смелые черты лица и пронзительные, зажигающиеся глаза без трепета восхищения. У лагерных костров рассказывали истории о смелости его первых подвигов в Центральной Азии; о том, как после взятия Хивы в 1874 году он переоделся в туркменскую одежду и в одиночку исследовал маршрут из этого города в Игды, а также старое русло реки Оксус; или снова о том, как при взятии Коканда в следующем году его мастерство и отвага привели к разгрому превосходящих сил противника и захвату пятидесяти восьми орудий. Таким образом, в тридцать два года он был любимцем войск, ибо его доблесть на поле боя была не более заметна, чем его заботливость и предусмотрительность в лагере. В то время как другие генералы мало обращали внимания на своих людей, он заботился об их удобствах и подбадривал их своими шутками. Они чувствовали, что он был воплощением патриотизма, любви к романтическим подвигам и высоких амбиций великих русских.

Они были правы. Уже тогда, как будет показано в одной из последующих глав, он мечтал о завоевании Индии; и, подобно Наполеону, он мог не только видеть видения, но и владеть деталями, от принципов стратегии до рутины походной жизни, что делало эти видения осуществимыми. Если честолюбие подтолкнуло его к Дели, то ненависть ко всему тевтонскому указала ему на Берлин. Плохо бы обошлось с миром во всем мире, если бы этот защитник славянской расы прожил свою жизнь. Но его пламенная натура истощила свои резервы, как говорят, низменные страсти, способствуя ускорению конца того, кто жил своей настоящей

жизнью только в дыму битвы. На войне он был возвышен. Недавно прибывший из Центральной Азии, он поначалу не был прикреплен ни к какому корпусу и скитался в поисках самых ожесточенных боев. Его пронизательность и мастерство отразили смертельную фланговую атаку разбитого корпуса Шахофского под Плевной 30 июля, а его доблесть во многом способствовала взятию Ловчи 3 сентября. Военные корреспонденты, знавшие свое дело, повернулись, чтобы следовать за Скобелевым, куда бы их ни направляли официальные отчеты; и жажда боя овладела серыми колоннами, когда они увидели приближение "белого генерала".

11 сентября князь Имеритинский и Скобелев (приказ следует изменить) командовали крайним левым флангом русской линии, атакуя Плевну с юга. Имея четыре линейных полка и четыре батальона снайперов - всего около 12 000 человек, - он расположил их у подножия холма, вершину которого венчал чрезвычайно важный редут - "Каванлик". Еще четыре полка прикрывали подход с флангов. Когда русские орудия полностью расчистили путь для атаки, он приказал оркестрам играть, а двум передовым полкам атаковать вверх по склону. Твердо держа руку на пульсе сражения, он увидел, что они начали колебаться под смертоносным огнем турок; он немедленно послал противоборствующий полк; новая масса продолжала атаку, пока ей тоже не стало угрожать исчезновение. Четвертый полк с трудом влез в этот венец смерти, и с таким же результатом.

Затем Скобелев приказал своим снайперам ехать домой

План Плевны.

начало. Выехав верхом перед укрепляющимися рядами, он обрушился на отставших и колеблющихся, пока все они не попали под полный шквал турецкого огня, вырвавшегося из редута. Там его меч упал, дрогнул в руке, а лошадь перевернулась на самом краю рва. Свирепый, как всегда, вожак вскочил на ноги, взмахнул обрубком в воздухе и издал крик, который придал бодрости его людям. Вместе с ним они ворвались в ров, поднялись по берегу и обрушились на обороняющихся. Штык довершил остальное, смертельно отомстив за убийственные залпы.

Но инженеры Османа предусмотрели такой случай. Редут доминировал слева и мог быть охвачен перекрестным огнем с тыла и справа. На следующее утро турки подтянули крупные силы с северной стороны и сильно потеснили победителей. Тщетно Скобелев посылал срочные сообщения о подкреплении, чтобы заполнить бреши в своих рядах. Никто не был отправлен, да и не мог быть отправлен. Пять раз его люди отбивались от врага. Шестая атака отбросила их сначала от Каванликского редута, а затем от фланговых укреплений и траншей на этот роковой склон. Военный корреспондент видел Скобелева после этой душераздирающей потери: "его лицо было черным от пороха и дыма, глаза измученными и налитыми кровью, а голос совершенно сорвался. Я никогда раньше не видел такой картинкой боя[148]."

Таким образом, все усилия русских и румын не смогли отвоевать у мусульман больше ни одного редута; и в тот момент они были не в состоянии продвинуться вперед против внутренних укреплений. Считается, что бои 11-12 сентября стоили союзникам 18 000 человекубитыми и ранеными из 75 000 участвовавших в них пехотинцев. Ошибки 31 июля снова повторились. Количество нападавших было слишком мало для атаки на столь обширные укрепленные позиции, защищаемые скорострельными винтовками. Если бы русские, совершая ложные маневры в других точках, чтобы удержать турок там, сосредоточили свои усилия либо на двух редутах Гривицы, либо на тех, что расположены у Каванлика, они почти наверняка добились бы успеха. Как бы то ни было, они бросили войска в сомкнутом порядке против линий, сила которых не была хорошо известна; и ни один из их командиров, кроме Скобелева, не использовал тактику, которая максимально использовала их силы[149]. Депрессия в российском штабе теперь была крайней[150]. 13 сентября император провел военный совет, на котором присутствовали принц Румынии, великий князь Николай, генерал Милютин (военный министр) и три других генерала. Великий князь заявил, что единственным разумным выходом было бы отступить к Дунаю, построить *тет-де-пон*, охраняющий южную оконечность их моста, и, получив подкрепление, снова начать завоевание Болгарии. Генерал Милютин, однако, возразил против этого, видя, что армия Османа недостаточно мобильна, чтобы оказать на них сильное давление; поэтому он предложил дожидаться подкрепления на позициях вокруг Плевны. Вслед за этим великий герцог раздраженно воскликнул, что лучше назначить командующим Милютина, на что император ответил: "Нет; вы сохраняете командование; но план, предложенный военным министром, должен быть выполнен"[151]."

Решение императора спасло ситуацию. Турки не предпринимали совместных усилий, чтобы наступать на Плевну большими силами, а Осман слишком мало доверял новым рекрутам, которые поступали к нему из Софии, чтобы выйти в открытую и атаковать Систову. Действительно, турецкая стратегия на всем поле боя заслуживает серьезного порицания. С их стороны явно отсутствовала комбинация. Мехемет Али в течение месяца отбивался от армии царевича на реке Лом, а затем отвел свои силы назад (24 сентября). Он позволил Сулейман-паше напрасно бросить свои войска против естественного опорного пункта русских на

Шипкинском перевале и не принял никаких мер для оказания помощи Ловче. Очевидно, ему следовало сосредоточить турецкие силы таким образом, чтобы нанести своевременный и решительный удар либо по Лому, либо по дороге София-Плевна. Когда он доказал свою неспособность как главнокомандующего, так и командующего собственными силами, вспыхнула ревность турок к *бывшему* немцу; и в начале октября его сменил Сулейман. Перемена была в значительной степени к худшему. Гордость и упрямство Сулеймана закрыли дверь для более масштабных идей, и было уверенно заявлено, что в конце кампании русские подкупили его, чтобы он предал свое дело. Как бы то ни было, несомненно, что турецкие генералы продолжали сражаться, каждый за свою руку, и таким образом проиграли кампанию.

Теперь было ясно, что Османа придется выморить с позиции, которую мастерство его инженеров и стойкость стрелков так быстро превратили в неприступную крепость. Тодлебен, русский инженер, укреплявший внешние укрепления Севастополя, был призван противопоставлять траншею за траншеей, редут за редутом. Однако турецкие укрепления были настолько обширными, и силы Шевкет-паши так активно перебрасывали помощь и провиант в Софию, что только 24 октября линия окружения была завершена армией, которая теперь насчитывала полностью 120 000 человек. К 10 декабря Осман исчерпал свои ресурсы и попытался прорваться на запад через реку Уид в направлении Софии. Умело маскируя движение, он нанес осаждающим тяжелые потери. Однако постепенно они сомкнулись вокруг него, и последняя сцена резни закончилась капитуляцией 43 000 полуголодных выживших с 77 орудиями, которые произвели такой хаос среди захватчиков. Защита Османа в некоторых моментах может быть подвергнута критике, но это стоило России более 50 000 жизней и парализовало ее усилия в Европе на пять месяцев.

Операции вокруг Плевны являются одними из самых поучительных в современной войне, поскольку иллюстрируют огромную мощь, которую скорострельные винтовки придают обороне. Имея ядро хорошо обученных войск, с квалифицированными инженерами, любую позицию обычной силы можно быстро превратить в опорный пункт, который сорвет усилия гораздо большего числа нападающих. Опыт под Плевной показал, что для атаки редутов и траншей требовалось в четыре-пять раз больше людей, чем во времена дульнозарядных мушкетов. Это также доказало, что огонь пехоты в таких случаях гораздо более смертоносен, чем артиллерия с лучшим вооружением. И все же значительная часть войск Османа - возможно, большинство после августа - не были регулярными войсками. Несомненно, это объясняет, почему (за исключением упорной, но неумелой попытки прорваться 31 августа) он не атаковал русских в открытую после своих великих побед 31 июля и 11-12 сентября. В обоих случаях россияне были настолько сильно потрясены, что, по мнению компетентных судей, их легко могли загнать в Никополь или Систову, и в этом случае мосты в этих местах могли быть захвачены. Но Осман не сделал этого, несомненно, потому, что знал, что его войска, слабые в кавалерии и непривычные к маневрированию, окажутся в невыгодном положении на открытой местности. Тодлебен, однако, был проинформирован из надежных источников, что, когда турецкий командующий услышал о вероятности захвата Плевны, он умолял Порту разрешить ему уйти в отставку; но заверения Шевкет-паши, командующего турецкими войсками в Софии, в том, что он сможет поддерживать открытое сообщение между этим местом и Плевной, заставили власти Константинополя отдать приказ о продолжении оборонительной тактики[152].

Что бы ни было причиной этого решения, оно погубило турецкую кампанию. Приверженность оборонительным заклинаниям терпит поражение сейчас, как и всегда. Поражение наступает

медленнее теперь, когда скорострельные винтовки вчетверо увеличивают мощь обороны; но все равно оно должно наступить, если у нападающего достаточно людей, чтобы атаковать этот пункт, а затем и другие. Или, используя техническую терминологию, в то время как современные изобретения меняют тактику, то есть расположение войск на поле боя - факт, который русские, казалось, игнорировали под Плевной, - они не меняют фундаментальных принципов стратегии. Они практически неизменяемы, и они обрекают на провал ту сторону, которая в критические моменты упорствует в обороне. Изучение событий вокруг Плевны ясно показывает, на что способна храбрая, но плохо обученная армия и чего она не может сделать в современных условиях.

С точки зрения стратегии, то есть проведения крупных операций кампании, оборона Плевны Османом дает уроки, представляющие не меньший интерес. Это самый блестящий пример в современной войне мощи войск, укрепленных в выгодном положении для "сдерживания", то есть удержания или сдерживания более крупных сил противника. Другими примерами являются австрийская оборона Мантуи в 1796-97 годах, которая воспрепятствовала вторжению молодого Бонапарта в государства Габсбургов; защита Базеном Меца в 1870 году; и защита сэром Джорджем Уайтом Ледисмита от буров. У нас нет места для сравнения этих случаев, в которых условия так сильно различались. Достаточно сказать, что Мантуя и Плевна были наиболее эффективными примерами, в основном потому, что эти опорные пункты находились рядом с наиболее естественным и легким направлением наступления захватчиков. Мец и Ледисмит обладали меньшими преимуществами в этом отношении; и, учитывая силу крепости, а также размер и качество его армии, поведение Базена в Меце должно считаться самым слабым за всю историю наблюдений; поскольку его 180 000 солдат "содержали" едва ли больше, чем их собственные немцы.

С другой стороны, силы Османа остановили втрое превосходящую численность русских армию на пять месяцев перед наспех построенными рубежами. По мнению многих авторитетов, русские поступили неправильно, поставив всю кампанию в зависимость от Плевны. Когда стало ясно, что осман будет держаться обороны, они могли бы безопасно тайно выделить часть осаждающих сил, чтобы помочь армии царевича отбросить турок к Шумле. Это не было бы сопряжено с большим риском, поскольку русские занимали внутренние рубежи того, что представляло собой, грубо говоря, треугольник, опирающийся на Шипкинский перевал, реку Лом и Плевну в качестве его крайних точек. Имея преимущество внутреннего положения, они могли быстро перебросить часть своих сил к Плевне, прорвать турецкую оборону на Ломе и, вероятно, захватить перевалы Сливно. В этом случае они расчистили бы новую линию продвижения к Константинополю дальше на восток и сделали бы владение Плевной малоценным. Его ценность всегда заключалась в близости к их основной линии наступления, но они не были привязаны к этой линии. Можно с уверенностью сказать, что, если бы Мольке руководил их операциями, он разработал бы какой-нибудь план получше, чем штурм редуты Плевны.

На самом деле, русские допустили три грубых ошибки: во-первых, пренебрегли своевременным занятием Плевны; во-вторых, недооценили обороноспособность Османа; в-третьих, сосредоточили всю свою мощь на том, что было очень сильным, но не существенным моментом кампании.

Заключительные сцены войны представляют мало интереса, за исключением области дипломатии. Сербия объявила войну Турции сразу после падения Плевны, и теперь турки были безнадежно в меньшинстве. Гурко прорвался через один из западных перевалов на Балканах, захватил Софию (4 января 1878 г.) и, быстро продвигаясь к Филиппополю, наголову разгромил основные силы Сулеймана близ этого города (17 января). Таким образом, турецкий главнокомандующий заплатил за свою ошибку, попытавшись защитить горную цепь с несколькими перевалами, распределив свою армию по этим перевалам. Опыт доказал, что это грозит катастрофой со стороны предприимчивого противника, и что истинная политика заключается в том, чтобы держать легкие отряды или разведчиков на всех пунктах, а основные силы - на главном центральном перевале и в удобном месте в тылу, откуда захватчики могут быть легко атакованы до того, как они завершат переход. Как бы то ни было, Сулейман увидел, что его основные силы, все еще численностью около 50 000 человек, рассеялись по Родопским горам; многие из них достигли Эгейского моря у Эноса, откуда их на кораблях доставили в Дарданеллы. Сам он предстал перед военным трибуналом и был заключен в тюрьму на пятнадцать лет[153].

Еще худшая участь постигла те его войска, которые окружили фронт Радецкого ниже Шипкинского перевала. Русские разработали искусные ходы для захвата этих сил. 5-8 января князь Мирский проложил свой путь с сильной колонной по глубоким снегам перевала Травна, примерно в двадцати пяти милях к востоку от Шипки, к которой он затем приблизился; в то время как Скобелев с трудом преодолевал еще более трудное ущелье к западу от центральной позиции. Общая численность русских составляла 56 000 человек. 8-го числа, когда в тылу турецких земляных укреплений у подножия Шипкинского перевала раздался грохот их пушек, Радецкий атаковал турецкие позиции спереди, в то время как Мирский атаковал их с востока. Скобелев тем временем был задержан трудностями пути и противодействием турок на западе. Но на следующий день его наступление на главные турецкие позиции опередило все. Турки были разбиты со всех сторон и сложили оружие; 36 000 пленных и 93 орудия (так утверждают русские) стали наградой за этот блестящий подвиг (9 января 1878 г.)[154].

В Румелии, как и в Армении, теперь оставалось сравнительно мало турецких войск, способных противостоять русскому наступлению, и взятие Константинополя, казалось, было делом нескольких недель. Есть основания полагать, что британское министерство или, конечно, его глава стремились направить войска с Мальты для помощи в ее обороне. Полковник Уэлсли, британский атташе при штаб-квартире России, вернулся в Лондон в то время, когда известие о переходе Балкан достигло Министерства иностранных дел. Его немедленно вызвали к премьер-министру, который нетерпеливо поинтересовался, сколько времени пройдет до того, как русские займут Адрианополь. Офицер полагал, что это событие может произойти в течение месяца - оценка, которая оказалась завышенной. Лорд Биконсфилд был глубоко обеспокоен, услышав это, и добавил: "Если вы можете гарантировать мне только шесть недель, я посмотрю, что делать". Он больше не объяснял, что имел в виду; но полковник Уэлсли был уверен, что тот хотел переместить британские войска с Мальты в Константинополь[155]. К счастью, продвижение русских к Адрианополю было настолько быстрым - их авангард вошел в этот город 20 января, - что любой подобный проект был провален. Но, похоже, только полный крах турецкой обороны положил конец планам, по крайней мере, части британского кабинета, относительно вооруженного вмешательства от имени Турции.

Таким образом, здесь, как и во многие другие периоды своей истории, турки упустили свой шанс, и это тоже из-за неспособности и коррумпированности своего правящего класса. Война 1877 года закончилась так же, как закончились многие другие их войны. Благодаря храбрости своих рядовых и ошибкам захватчиков, они добились тактических успехов на некоторых этапах; но им не удалось выиграть кампанию из-за неспособности их правительства организовать работу в больших масштабах и интеллектуальной посредственности их командиров в области стратегии. Мистер Лейард, сменивший сэра Генри Эллиота в Константинополе в начале 1878 года, имел веские основания написать: "Крайняя гнилость нынешней системы была полностью продемонстрирована нынешней войной^[156]". Был ли Сулейман виновен в извращенном упрямстве или, как часто утверждалось, в получении взяток от русских, решить невозможно. Что несомненно, так это то, что он был в значительной степени ответственен за окончательное поражение.

Но в более широком и глубоком смысле турки были обязаны своими несчастьями самим себе - своим обычаям и своей вере. Успех в войне в конечном счете зависит от мозговой мощи главных лидеров и организаторов; а этот источник силы в Турции давным-давно иссяк из-за приверженности стерилизирующему вероучению и стеснительным традициям. Войны второй половины девятнадцатого века представляют уникальный интерес не только потому, что они сформировали великую национальную ткань наших дней, но и потому, что они иллюстрируют справедливость меткого замечания великого Наполеона: "Полководец, совершающий великие дела, - это тот, кто также обладает качествами, пригодными для гражданской жизни".

СНОСКИ:

^[129] Герцлет, том iv. стр. 2625.

^[130] *Кампания в Болгарии*, Ф.В. Грин, часть ii, гл. i.; В.В. Герберт, *Оборона Плевны*, главы, i-ii.

^[131] *Aus drei Kriegen*, автор: ген. von Lignitz, p. 99.

^[132] *С русскими в войне и мире*, полковник Ф.А. Уэлсли (1905), глава xvii.

^[133] Хертслет, том iv. стр. 2577.

^[134] *Воспоминания короля Румынии*, под редакцией С. Уитмена (1899), стр. 269, 274.

^[135] Фарси, *Война на Дунае*, стр. 73. О других злоупотреблениях см. В книге полковника Ф.А. Уэлсли *"С русскими в мирное и военное время"*, глава xi. xii.

^[136] *Панч* исправляет ситуацию, пародируя таким образом хорошо известную строчку Горация: "Русский ожидает, что он потеряет память".

^[137] Цитируется по отчету очевидца, опубликованному "О.К." (мадам Новикофф), *Скобелев и славянское дело*, стр. 38. Переправа была спланирована великим князем Николаем; см. фон Лигниц, *Aus drei Kriegen*, стр. 149.

^[138] Ф.В. Грин, *Очерки армейской жизни в России*, стр. 142.

- [139] Фарси, *Война на Дунае*, глава viii.; *Корреспонденция Daily News о войне 1877-78 гг.*, глава viii.
- [140] *Авангард генерала Гурко В 1877 году*, автор полковник Эпошен, перевод Х. Хэвелока (серия "Уолсли", 1900), глава ii.; *Военная корреспонденция Daily News (1877)*, стр. 263-270.
- [141] Парл. Документы, Турция, № 9 (1878), № 2, 3. *С русскими в мирное и военное время*, полковник достопочтенный Ф.А. Уэлсли, ч. хх.
- [142] У.В. Герберт, *Оборона Плевны*, стр. 81.
- [143] Об этих качествах см. *Турция в Европе*, "Одиссей", стр. 97.
- [144] Герберт, *Оборона Плевны*, стр. 129.
- [145] Ф.В. Грин, *Кампания в Болгарии*, стр. 225.
- [146] *Воспоминания короля Румынии*, стр. 275.
- [147] Ф.В. Грин, указ. соч. стр. 232.
- [148] *Военная корреспонденция "Дейли Ньюс"*, стр. 479-483. Другой очерк Скобелева смотрите в *"Двухнедельном обзоре"* за октябрь 1882 г., У.К. Роуз.
- [149] Отчет о битве см. Грин, указ. соч. тт. ii. глава v.
- [150] Генерал фон. Lignitz, *Aus drei Kriegen*, p. 167.
- [151] Полковник Ф.А. Уэллсли, указ. соч. стр. 281.
- [152] А. Форбс, *Царь и султан*, стр. 291. С другой стороны, У.В. Герберт (указ. соч., стр. 456) утверждает, что Осман хотел удалиться в Оркан, по дороге в Софию, и что это было запрещено. Замечания по этому поводу см. Грин, указ. соч. глава. viii.
- [153] Сэр Н. Лейард приписал ему свержение Турции. См. его письмо от 1 февраля 1878 г. в Сэр У. Уайт: *Жизнь и переписка*, стр. 127.
- [154] Грин, указ. соч. глава xi. Один англичанин, служивший у турок, заверил меня, что эти цифры сильно преувеличены.
- [155] *С русскими в мирное и военное время*, полковник Ф.А. Уэлсли, стр. 272.
- [156] Сэр Уильям Уайт: *жизнь и переписка*, стр. 128.
-

ГЛАВА IX

БАЛКАНСКОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ

Новые надежды должны оживить мир; новый свет
Должен забрезжить благодаря новым открытиям для расы,
так долго подавляемой, так долго забытой.

РОБЕРТ БРАУНИНГ, *Парацельс*.

Крах турецкой обороны в Румелии положил начало периоду большого напряжения в англо-русских отношениях. 13 декабря 1877 года, то есть через три дня после падения Плевны, лорд Дерби напомнил российскому правительству о его обещании от 30 мая 1876 года, что приобретение Константинополя исключено из желаний и намерений императора Александра II, и выразил искреннюю надежду, что турецкая столица не будет оккупирована даже в военных целях. Ответ российского канцлера (16 декабря) был сдержанным. В нем утверждалось, что Россия должна иметь полное право на действия, которое является правом каждой воюющей стороны, и завершалось просьбой о более четком определении британских интересов, которые были бы поставлены под угрозу таким шагом. В своем ответе от 13 января 1878 г. министр иностранных дел Великобритании указал на оккупацию Дарданелл как на событие, которое поставит под угрозу хорошие отношения между Англией и Россией; после чего принц Горчаков 16 января 1878 г. заверил, что этот шаг не будет предпринят до тех пор, пока британские войска не высадятся в Галлиполи или там не будут сосредоточены турецкие войска.

Пока это было удовлетворительно; но другие признаки, казалось, свидетельствовали о решимости России выиграть время, пока ее войска продвигаются к Константинополю. Возвращение царя в Санкт-Петербург после падения Плевны оставило больше власти в руках великого князя Николая и многих генералов, которые жаждали отомстить за бедствия в Болгарии захватом Константинополя.

Перед лицом вероятности этого события общественное мнение в Англии претерпело полную перемену. Россия выступала уже не как защитница угнетенных христиан, а как амбициозная и алчная держава. Страстные призывы мистера Гладстона к невмешательству утратили свой эффект, и начали преобладать воинственные настроения. Смена чувств была совершенно естественной. Даже тем, кто утверждал, что войну можно было бы предотвратить, если бы кабинет Биконсфилда принял иную политику, пришлось столкнуться с фактами ситуации; и они были чрезвычайно серьезными.

Тревога усилилась, когда стало известно, что Турция 3 января 1878 года обратилась к Державам за посредничеством и что Германия демонстративно отказалась. Казалось вероятным, что Россия, опираясь на поддержку Германии, попытается навязать Порте свои собственные

условия. Поэтому лорду Лофтусу, британскому послу в Санкт-Петербурге, было поручено предупредить царских министров (16 января), что любой отдельный договор, заключенный между Россией и Турцией, который затрагивает международные договоры 1856 и 1871 годов, не будет иметь силы без согласия всех подписавших его держав. Четырьмя днями позже московский авангард вошел в Адрианополь, и казалось вероятным, что вскоре в Константинополе будет продиктован мир без учета интересов Великобритании и Австрии.

Такова была общая позиция, когда парламент собрался в Вестминстере 17 января. Речь королевы содержала важную фразу о том, что, если военные действия, к сожалению, затянутся, какое-нибудь неожиданное происшествие может потребовать принятия мер предосторожности. Пять дней спустя выяснилось, что султан направил обращение к королеве Виктории с просьбой о ее посредничестве с целью заключения перемирия и обсуждения предварительных условий заключения мира. В соответствии с этим призывом королева телеграфировала российскому императору в следующих выражениях:

Я получил прямое обращение от султана, которое я не могу оставить без ответа. Зная, что вы искренне желаете мира, я без колебаний сообщаю вам об этом факте в надежде, что вы сможете ускорить переговоры о заключении перемирия, которое может привести к почетному миру.

Это сообщение было направлено с одобрения Кабинета министров. Характер ответа неизвестен. Вероятно, это не обнадежило, поскольку на следующий день (23 января) британское адмиралтейство приказало адмиралу Хорнби со средиземноморским флотом пройти на пароходе через Дарданеллы в Константинополь. На следующий день это требование было аннулировано, и адмиралу было приказано не выходить за пределы залива Бесика[157]. Первоначальный приказ стал причиной отставки лорда Карнарвона. Также было объявлено об отставке лорда Дерби, но впоследствии он отозвал ее, вероятно, при условии, что флот не войдет в Мраморное море.

Таким образом, был пролит свет на разногласия в Кабинете министров и колебания в британской политике. Дизраэли однажды сказал в своей причудливой манере, что в Министерстве было шесть партий. Первая партия хотела немедленной войны с Россией; вторая была за войну, чтобы спасти Константинополь; третья была за мир любой ценой; четвертая позволила бы русским захватить Константинополь, *азатем* выгнала бы их; пятая хотела водрузить крест на куполе Святой Софии; "и потом, есть премьер-министр и канцлер казначейства, которые желают, чтобы что-то было сделано, но не знают точно, что "[158]." Его связь с любезным сэром Стаффордом Норткотом - хороший пример дизраэловской иронии. Совершенно очевидно, что он был за войну с Россией; что лорд Карнарвон представлял третью сторону, а лорд Дерби - четвертую.

На следующий день после отставки лорда Карнарвона британский кабинет министров впервые услышал, каковы были требования России. Они включали образование Великой Болгарии "в пределах болгарской национальности", практически независимой от прямого контроля султана; полную независимость Румынии, Сербии и Черногории; территориальную и денежную компенсацию России за военные расходы; и "скрытое понимание защиты прав и интересов России в проливах".

Расширение Болгарии до берегов Эгейского моря казалось в то время могучим триумфом российского влияния; но именно последний пункт, смутно предвещавший расширение российского влияния до Дарданелл, больше всего встревожил британский кабинет. Контроль России над этими проливами, несомненно, поставил бы под угрозу связи Великобритании с Индией через Суэцкий канал, учитывая, что у нас тогда не было плацдарма в Египте. Соответственно, 28 января министерство предложило парламенту проголосовать за выделение дополнительной суммы в размере 6 000 000 фунтов стерлингов на увеличение вооружений страны. Сразу же возникли решительные протесты против этого предложения, особенно со стороны округов, страдавших в то время от затяжного спада в торговле. Протест был вполне естественным, но, тем не менее, он едва ли может быть оправдан ввиду масштабов британских интересов, которые тогда были поставлены на карту. При условии, что взгляды царя были миролюбивыми, взгляды его генералов в очаге войны вызывали большие сомнения^[159]. Давно желанный приз в виде Константинополя или Дарданелл, вероятно, побудил бы их пренебречь официальными приказами из Санкт-Петербурга, если только они не знали, что любой неосторожный шаг приведет к европейской войне. В любом случае, голосование в размере 6 000 000 фунтов стерлингов было мерой предосторожности; и это, вероятно, заставило энтузиастов в российской штаб-квартире призадуматься.

Предварительные основы мира между Россией и Турцией были подписаны в Адрианополе (31 января) на условиях, кратко изложенных выше, за исключением того, что царские министры теперь отзывали неприятный пункт о проливах. Между враждебными силами также была согласована демаркационная линия; она проходила от Дерк, озера недалеко от Черного моря, к северу от Константинополя, в южном направлении по берегам ручья Карасу до Мраморного моря. Это дало русским линию Чекмедже, главную естественную защиту Константинополя, и они заняли эту позицию 6 февраля. Этот факт был сообщен мистером Лейардом, преемником сэра Генри Эллиота в Константинополе, в панических выражениях, и это привело к тому, что в Вестминстере утихомирилась оппозиция вотуму доверия. Хотя официальные заверения обнадеживающего характера поступили от принца Горчакова из Санкт-Петербурга, британское министерство 7 февраля приказало части средиземноморского флота войти в Мраморное море для защиты британских интересов и британских подданных в Константинополе. Вслед за этим царское правительство заявило, что, если британский флот поднимется по Босфору, русские войска войдут в Константинополь для защиты христианского населения.

Это соперничество в филантропическом рвении не привело к его логическому завершению - войне. Британский флот остановился недалеко от Босфора, но в пределах видимости русских позиций. Правда, они были оттеснены на восток немного дальше пределов, согласованных с турками; но между лордом Дерби и принцем Горчаковым (19 февраля) была достигнута договоренность о том, что русские не будут занимать линии Булаира недалеко от Константинополя или полуостровов Галлиполи, господствующий над Дарданеллами, при условии, что британские войска не будут высажены в этом важном проливе^[160]. Так все и оставалось, обе стороны смотрели друг на друга с угрюмостью бессильного гнева. Как сказал Бисмарк, война была бы схваткой между слоном и китом.

Ситуация еще больше осложнилась вторжением греков в Фессалию (3 февраля); но они были немедленно отозваны по настоятельному протесту Держав в сочетании с обещанием, что претензии Греции будут благосклонно рассмотрены при заключении всеобщего мира^[161].

По правде говоря, вся расовая ненависть, стремления и амбиции, которые так долго сдерживались на юго-востоке Европы, теперь, казалось, вот-вот вырвутся наружу и поглотят цивилизацию общими руинами. Подобно тому, как вулканические силы земли время от времени угрожают прорваться сквозь земную кору, так и теперь извечная вражда мусульман и христиан, греков, сербов, болгар, валахов и турок обещала опустошить склоны Балкан, Родоп и Пинда и разлить лавовую волну войны по половине Континента. Русские и болгары, наводнившие Румелию, жаждали мести за прошлые поражения и массовые убийства, совершив бесчинства, почти такие же ужасные, как в Батаке. Тотчас же свирепые мусульмане Родопских гор поднялись в целях самообороны или мести. И в то время как русские орлы волей-неволей остановили свой полет в пределах видимости Стамбула, греки и армяне этой столицы - более того, сами обитатели иностранных посольств - затрепетали при виде жажды крови, охватившей мстительных османов.

И это было еще не все. Далеко за северным горизонтом над Карпатами тяжело нависла туча войны. Государственные деятели Вены, опасаясь, что условия их сделки с Россией были теперь забыты в упоении ее триумфом, решили заставить победителей выложить свою добычу перед Великими державами. В спешке австрийские и венгерские войска заняли позиции на большом бастионе Карпат и начали оказывать на военную ситуацию то давление, которое было столь фатальным для России во время ее турецкой кампании 1854 года.

Но хотя все предвещало войну, были силы, которые медленно, но верно работали над мирным урегулированием. Какой бы угрожающей ни была позиция России, ее правители действительно желали мира. Война еще раз показала слабость этой Силы к нападению. Ее сила заключается в ее бескрайних равнинах, в преданности миллионов крестьян царю и в терпеливой, упрямой силе, которая является результатом долгих веков борьбы с ежегодным тираном - зимой. Ее слабость заключается в эгоизме, легкомыслии, испорченности и узости кругозора ее правящего класса - короче говоря, в их неспособности к организации. Напрасно великий Наполеон бросил свои легионы против неуклонного сопротивления ее крестьян. Эта кампания 1812 года продемонстрировала оборонительную мощь России. Но когда, ошибочно полагаясь на этот прецедент, она начинала большие войны вдали от своей базы, результатом почти всегда был провал. Трогательная преданность ее крестьян не компенсировала умственных и моральных недостатков ее правящих классов. Этот факт был очевиден каждому компетентному наблюдателю в 1877 году. Император Александр знал это слишком хорошо. Теперь, в начале 1878 года, было совершенно очевидно, что его армия падет под лобовыми атаками турок и англичан и наступлением австрийцев им в тыл.

Поэтому, когда 4 февраля государство Габсбургов предложило передать условия мира Конференции Держав в Вене, согласие России было почти наверняка, при условии, что престиж царя не пострадает. Три дня спустя место встречи было изменено на Берлин, Конференция также стала Конгрессом, то есть встречей, в которой должны были принимать участие главные министры Держав, а не только их послы. Соединенное Королевство, Франция и Италия сразу же выразили свое согласие с этим предложением. Что касается Бисмарка, то в речи в рейхстаге (19 февраля) он пообещал, что будет действовать как "честный посредник" между наиболее заинтересованными сторонами. Нет никаких сомнений в том, что Россия восприняла это в некотором смысле благоприятно для своих претензий, и она тоже согласилась.

Тем не менее, она стремилась связать руки Конгрессу, обязав Турцию к предварительному договору, подписанному 3 марта в Сан-Стефано, деревне недалеко от Константинополя. Условия включали в себя указанные выше (стр. 225), но они также предусматривали передачу приграничных округов Сербии и Черногории, в то время как Россия должна была приобрести румынские районы к востоку от реки Прут, а Румыния получала Добруджу в качестве эквивалента. Самым серьезным из всех было превращение Болгарии в почти независимое княжество, простиравшееся почти до Мидии (на Черном море), Адрианополя, Салоник и за пределы Охриды в Албании. Как видно из карты (стр. 239), это княжество тогда занимало бы более половины Балканского полуострова, помимо того, что включало районы на Эгейском море и вокруг города Монастир, на который греки никогда не переставали возлагать надежды. Российский уполномоченный должен был наблюдать за формированием правительства в течение двух лет; все крепости на Дунае должны были быть снесены, и никакие другие не строились; турецкие войска должны были полностью эвакуировать княжество, которое должно было быть оккупировано русскими войсками на срок, не превышающий двух лет.

Со своей стороны, Турция обязалась провести реформы для армян и защитить их от курдов и черкесов, Россия также потребовала 1 410 000 000 рублей в качестве военной контрибуции, но согласилась забрать округ Добруджа (предложенный Румынии, как указано выше), а в Азии территории Батум, Карс, Ардаган и Баязид вместо 1 100 000 000 рублей. Впоследствии Порты заявила, что подписала этот договор под постоянным давлением великого князя Николая и генерала Игнатьева, которые снова и снова заявляли, что в противном случае русские будут наступать на столицу^[162].

Сразу же со всех концов Балканского полуострова поднялся хор протестов против Сан-Стефанского мирного договора. Мусульмане предполагаемого государства Болгария протестовали против подчинения их бывшим илотам. Греки увидели в договоре смертельный удар по их надеждам на завоевание северного побережья Эгейского моря и значительной части Центральной Македонии. Они обрушились с яростью на болгар как на невежественных крестьян, за дело которых недавно взялась Россия для собственного возвеличивания^[163]. Сербы были не менее возмущены. Они справедливо утверждали, что их усилия против турок должны быть вознаграждены увеличением территории, которая объединила бы с ними их сородичей в Македонии и части Боснии, и поставила бы их в один ряд с государством-выскачкой Болгарией. Принимая во внимание, что договор закрепил за этими ставленниками России районы, населенные исключительно сербами, тем самым преграждая путь к любому расширению этого княжества.

Еще более настоятельным был протест румынского правительства. В обмен на бесценные услуги, оказанные его войсками при Плевне, принц Чарльз и его министры оставались в неведении относительно условий, достигнутых между Россией и Турцией. Царь послал генерала Игнатьева подготовить принца к этим новостям и попытался успокоить его намеком на то, что он может стать также принцем Болгарии - предположение, от которого презрительно отмахнулись. Правительство в Бухаресте впервые узнало всю правду об обмене Бессарабия-Добруджа из колонок *Journal du St. Petersbourg*, которые доказывали, что столь ценная бессарабская территория должна была быть отторгнута Державой, которая торжественно обязалась поддерживать целостность княжества. Принц, Кабинет министров и народ единодушно выступили против этого предложения. 4 февраля Палата депутатов Румынии заявила, что Румыния будет защищать свою территорию до последнего, при необходимости применяя

вооруженную силу; но вскоре выяснилось, что ни одна из держав не проявила никакого интереса к этому вопросу, и, благодаря благоразумию принца Чарльза, гордая маленькая нация постепенно научилась принимать неизбежное[164].

Вопрос о мире в Европе теперь касался вопроса о том, будет ли Сан-Стефанский мирный договор в целом представлен Конгрессу держав в Берлине; Англия утверждала, что он должен быть представлен таким образом. Это утверждение в своей крайней форме не нашло поддержки ни у одной из держав, даже у Австрии, и встретило решительное противодействие со стороны России. Она, однако, заверила венский суд, что Конгресс решит, какие из условий Сан-Стефано затрагивают интересы Европы, и вынесет по ним решение. Кабинет Биконсфилда позже подтвердил, что "каждая статья договора между Россией и Турцией будет представлена Конгрессу - не обязательно для принятия, но для того, чтобы можно было рассмотреть, какие статьи требуют принятия или согласия со стороны нескольких держав, а какие нет"[165].

Когда это было признано, не осталось непримиримых разногласий, если только в договоре не содержались секретные статьи, которые Россия, как утверждала, утаила от Конгресса. Насколько нам известно, таковых не было. Но факт остается фактом: спор, каким бы незначительным он нам сейчас ни казался, усилился из-за подозрений и негодования, преобладавших с обеих сторон. Окончательное решение правительства Санкт-Петербурга было сформулировано в несколько резких и угрожающих выражениях: "Оно оставляет за другими державами свободу поднимать на Конгрессе такие вопросы, которые они сочтут уместными для обсуждения, и оставляет за собой свободу принимать или не принимать обсуждение этих вопросов"[166].

Этот высокомерный ответ, полученный на Даунинг-стрит 27 марта, снова поставил два государства на грань войны. Лорд Биконсфилд и все его коллеги, кроме одного, решили немедленно подготовиться к началу военных действий; в то время как лорд Дерби, цепляясь за веру в то, что мир лучше всего сохранить обычными переговорами, сложил с себя полномочия министра иностранных дел (28 марта); два дня спустя его сменил маркиз Солсбери[167]. 1 апреля премьер-министр направил уведомление о том, что должны быть вызваны резервы армии и ополчения; а на следующий день лорд Солсбери опубликовал записку для отправки иностранным судам, в которой кратко излагались основания британского несогласия с Сан-Стефанским мирным договором и возражениями России в отношении Конгресса.

События приняли еще более угрожающий оборот пятнадцатью днями позже, когда правительство приказало восьми индийским полкам вместе с двумя артиллерийскими батареями немедленно отправиться на Мальту. Эта мера вызвала сильные расхождения во мнениях, некоторые увидели в ней виртуозный ход, который выявил величие британских ресурсов, в то время как наиболее нервные из либеральных сторожевых псов высказали свои опасения, что это было началом заговора, подобного Страффорду, направленного на подрыв свобод Англии.

Различия во мнениях в Англии были настолько острыми, что Россия, возможно, проигнорировала бы угрозы министерства Биконсфилда, если бы не столкнулась лицом к лицу с враждебной Австрией. Великой целью царского правительства было одержать победу над Двоевластной монархией, предложив долю добычи Турции. Соответственно, генерал Игнатьев

отправился с миссией при континентальных дворах, особенно при венском, и нет никаких сомнений в том, что он предложил Боснию державе Габсбургов. Это было самое меньшее, на что Франсис Жозеф и граф Андраши имели право рассчитывать, поскольку секретный договор, заключенный перед войной, обещал им именно это. Ввиду огромных успехов, намеченных Россией, теперь они просили предоставить им определенные права в отношении Сербии и Черногории, а также коммерческие привилегии, которые открыли бы путь в Салоники[168]. Но цели России, выраженные в Сан-Стефано, явно заключались в том, чтобы доминировать над намеченной там Великой Болгарией, что, вероятно, лишило бы Австрию политического и коммерческого влияния в регионах к северу от Салоник. Таким образом, попытка Игнатьева завоевать Австрию потерпела неудачу; и, несомненно, уверенность лорда Биконсфилда в несомненной поддержке Габсбургов в случае войны побудила его бросить вызов как России, так и Либеральной партии дома.

Царское правительство также хорошо осознавало опасность развязывания войны в Европе. Нигилизм угрожающе поднял голову у себя дома, и русские войска под Константинополем умирали, как мухи осенью. Бесчинства, совершенные ими и болгарами против мусульман Румелии, как мы видели, привели к восстанию в районе горы Родоп; и в некоторых кругах ходили разговоры о том, чтобы предпринять отчаянные усилия, чтобы отрезать захватчиков от Дуная[169]. Недовольство румын могло быть использовано для того, чтобы еще больше поставить под угрозу российские коммуникации. Вероятно, знание этих планов и военных приготовлений Великобритании побудило российское правительство смягчить свой тон. 9 апреля оно выразило пожелание, чтобы лорд Солсбери сформулировал определенную политику.

Новый министр иностранных дел быстро воспользовался этим предложением, и делу мира значительно способствовали секретные переговоры, которые он вел с графом Шуваловым. Российский посол в Лондоне все это время использовал свои выдающиеся способности для мирного разрешения спора, и, выяснив истинную природу британских возражений против Сан-Стефанского мирного договора, он отправился в Санкт-Петербург, чтобы убедить императора согласиться на определенные изменения. В этом он преуспел и по возвращении в Лондон смог прийти к соглашению с лордом Солсбери (30 мая), основные условия которого явно предвосхищали те, что были окончательно приняты в Берлине.

Фактически они заключались в следующем: Кабинет Биконсфилда решительно возражал против предлагаемого широкого расширения территории Болгарии за счет других национальностей и предложил, чтобы районы к югу от Балкан, которые были почти полностью населены болгарами, не были полностью выведены из-под турецкого контроля, но "получили значительную степень административного самоуправления ... с христианским губернатором". На эти предложения российское правительство дало условное согласие. Лорд Солсбери далее утверждал, что султан должен иметь право "размещать войска на границах южной Болгарии"; и что ополчением этой провинции должны командовать офицеры, назначаемые султаном с согласия Европы. Англия также обязалась позаботиться о том, чтобы дело греков в Фессалии и Эпире привлекло внимание всех держав, вместо вмешательства только России от их имени, как указано в Сан-Стефанском договоре.

Что касается передачи Бессарабии Румынии России, на которой император Александр постоянно настаивал (см. стр. 205), Англия выразила "глубокое сожаление" по поводу этого

требования, но обязалась не оспаривать его на Конгрессе. Со своей стороны, император Александр согласился вернуть туркам Баязид в Малой Азии, но настоял на удержании Батума, Карса и Ардагана. Великобритания согласилась с этим, но намекнула, что защита Турции в Азии отныне будет в первую очередь зависеть от нее - намек на подготовку России к Кипрской конвенции.

Ибо в это самое время кабинет Биконсфилда тайно вел переговоры с Блистательной Портой. Когда лорд Солсбери узнал, что Россия не откажется от своих требований к Батуму, Ардагану и Карсу, он попытался защитить британские интересы в Леванте, установив полный контроль над островом Кипр. Его последние инструкции мистеру Лейарду на этот счет были отправлены телеграфом 30 мая, то есть в тот самый день, когда мир с Россией был практически гарантирован^[170]. Порта, не подозревая о том, что возобновления военных действий почти не опасались, согласилась на секретную Кипрскую конвенцию 4 июня; в то время как Россия, мало или ничего не зная о соглашении Великобритании с Портой, присоединилась к окончательным договоренностям по обсуждению турецких дел в Берлине. Неудивительно, что такая манера ведения бизнеса вызвала большое раздражение как в Санкт-Петербурге, так и в Константинополе. Поведение графа Шувалова на Берлинском конгрессе, когда об этом стало известно, возвестило миру, что он считал себя обманутым лордом Биконсфилдом; в то время как этот государственный деятель пренебрежительно потягивал нектар наслаждения, который редко доходит до уст даже богов дипломатии.

Условия Кипрской конвенции сводились к тому, что, если Россия сохранит три названных выше района в Малой Азии или любой из них (в чем она была совершенно уверена); или если она попытается завладеть какой-либо дальнейшей турецкой территорией в Малой Азии, Великобритания поможет султану силой оружия. Он, со своей стороны, передал Великобритании остров Кипр, который должен был быть оккупирован ею и находиться под ее управлением. Далее он пообещал "провести необходимые реформы, которые будут согласованы позже между двумя державами, в правительстве и для защиты христиан и других подданных Порты на этих территориях". 1 июля Британия также обязалась выплачивать Порте превышение доходов над расходами на Кипре, рассчитанное в среднем за последние пять лет, и вернуть Кипр Турции, если Россия откажется от Карса и других своих приобретений^[171].

Укрепленное секретным соглашением с Россией и не менее секретным договором с Турцией, британское правительство могло с полным спокойствием участвовать в Конгрессе держав в Берлине. Это правда, что новость о соглашении с Россией появилась в лондонской газете, которая сразу же опубликовала общее описание англо-российского соглашения от 30 мая; и когда министры решительно опровергли правильность этой новости, 14 июня та же газета сообщила миру о первоначальном документе; но снова с министерской скамьи в парламенте прозвучали решительные заявления об отказе от ответственности и опровержения^[172]. Таким образом, когда лорды Биконсфилд и Солсбери прибыли в Берлин на открытие Конгресса (13 июня), считалось, что судьбы Британской империи находятся в их руках, и мир, затаив дыхание, ждал обрывочных новостей, поступавших из этого центра дипломатии.

По различным деталям возникли резкие разногласия, которые тактичный юмор канцлера Германии едва мог уладить. Судьба наций, казалось, колебалась на волоске, когда принц Горчаков собирал свои карты и угрожал поспешно покинуть комнату, или когда лорд Биконсфилд отдавал срочные приказы о специальном поезде, который доставил бы его обратно

в Кале; но, казалось, были веские основания рассматривать эти инциденты скорее как иллюстрацию характера или предвыборных потребностей сенсационного века, чем как муки при рождении национальностей. "Почетный мир", о котором премьер-министр по возвращении объявил на Чаринг-Кросс восхищенной толпе, был фактически заключен на Даунинг-стрит еще до конца мая по всем важным пунктам спора между Англией и Россией.

Мы мало знаем о внутренней истории Берлинского конгресса, которая сильно отличается от официальных протоколов, которые наполовину раскрывают, наполовину скрывают его дебаты. Один факт и один инцидент привлекают к себе внимание, поскольку проливают любопытный свет на политику и характер соответственно. Император Вильгельм был застрелен и тяжело ранен фанатиком-социалистом доктором Нобилингом 2 июня 1878 года, и в течение всего времени проведения Конгресса наследный принц Фредерик исполнял обязанности регента империи. Поскольку его полномочия были ограничены законом, этикетом и Бисмарком, говорят, что он использовал их от имени Австрии и Англии. Старый император думал именно так; ибо в момент доверительной нескромности он намекнул принцессе Радзивилл (русской по происхождению), что интересы России в Берлине были бы лучше, если бы он тогда управлял государственным кораблем^[173]. Возможно, это объясняет, почему Бисмарк всегда утверждал, что он сделал все, что мог, для своего восточного соседа и что он действительно заслужил российскую награду за свои заслуги во время Конгресса.

Этот инцидент, который проливает свет на характер персонажа и раскрывает *новые* радости управления государством, также описан в Жизнерадостных Мемуарах княгини Радзивилл. Она присутствовала на блестящем приеме, устроенном вечером того дня, когда стало известно о Кипрской конвенции. Дипломаты и генералы нетерпеливо и сердито загудели, когда появился граф Биконсфилд. Легкая тишина воцарилась над осиными гроздьями, когда он пробирался между ними, отмечая все своими беспокойными, непроницаемыми глазами. Наконец он приблизился к принцессе, когда-то злейшему врагу, но теперь плененной его силой вежливой иронии. "О чем ты думаешь", - спросила она. "Я вообще не думаю, - ответил он, - я наслаждаюсь собой"^[174]. После этого можно понять, почему травля евреев стала любимым видом спорта в России на протяжении следующих двух десятилетий.

Теперь обратимся к условиям Берлинского мирного договора (13 июля 1878 г.)^[175]. Важность этого договора станет очевидной, если сравнить его положения с положениями Сан-Стефанского договора, который он заменил. Вместо великой Болгарии, находившейся в течение двух лет под контролем России, Конгресс постановил, что собственно Болгария не должна простираться за пределы главной цепи Балкан, таким образом сократив ее площадь со 163 000 квадратных километров до 64 000, а ее население с четырех миллионов до полутора миллионов. Срок военной оккупации и надзора новой администрации со стороны России был сокращен до девяти месяцев. По истечении этого срока, после завершения разработки "органического закона", князь должен был быть "свободно" избран населением княжества. Новое государство оставалось под сюзеренитетом Турции, султан подтвердил избрание нового князя Болгарии "с согласия Держав".

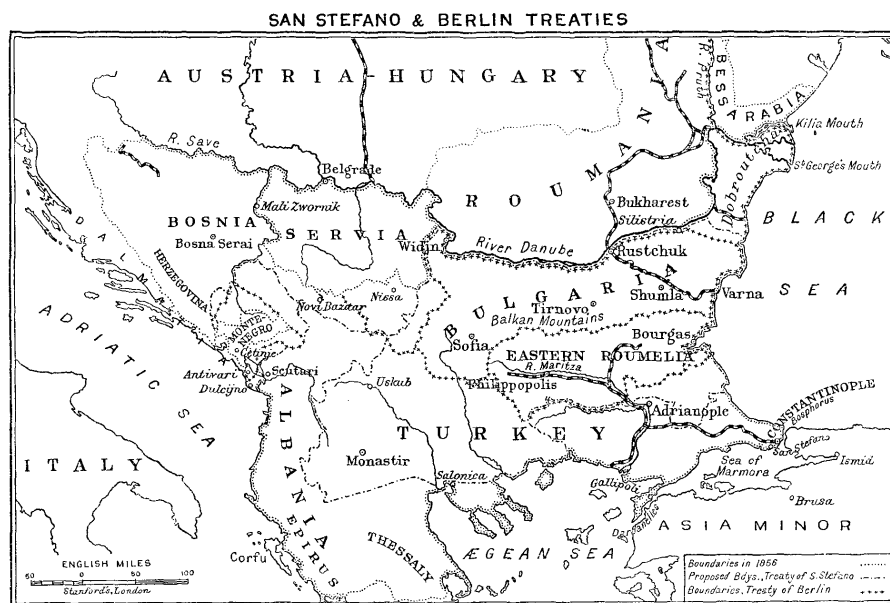
Еще одним важным отклонением от условий Сан-Стефано стало создание провинции Восточная Румелия с границами, указанными на прилагаемой карте. Имея правителя-христианина и пользуясь правами местного самоуправления, он должен был оставаться под "прямой политической и военной властью султана на условиях административной автономии".

Султан сохранил за собой право держать там гарнизоны, хотя для поддержания внутреннего порядка было создано местное ополчение. Как будет показано в следующей главе, это аномальное положение вещей закончилось в 1885 году, когда провинция вышла из-под турецкого контроля и присоединилась к Болгарии.

Другие христианские государства Балкан претерпели изменения высочайшей важности. Черногория потеряла половину своих ожидаемых завоеваний, но обеспечила себе выход к морю в Антивари. Приобретения Сербии теперь осуществлялись за счет Болгарии. Эти решения были в значительной степени в пользу Австрии. Этой державе теперь была доверена оккупация Боснии и Герцеговины на неопределенный срок в интересах мира в Европе, и она немедленно приступила к тому, чтобы вбить клин между сербами Сербии и Черногории. Излишне говорить, что, несмотря на вооруженное сопротивление мусульманского населения этих провинций, которое привело к ожесточенным боям в июле-сентябре того же года, оккупация Австрией была постоянной, хотя номинально они все еще являются частью Турецкой империи.

[Иллюстрация: КАРТА БЕРЛИНСКОГО И САН-СТЕФАНСКОГО МИРНЫХ ДОГОВОРОВ.]

Румыния и Сербия получили полную независимость и перестали платить дань султану, но оба государства жаловались на отсутствие поддержки, оказываемой им Россией, учитывая масштабы их усилий на благо славянства. Румынии, безусловно, очень плохо пришлось в руках Власты, для которой она служила йоменом в

Карта Берлинского и Сан-Стефанского мирных договоров.

Война. Гордость румынского народа не допускала и мысли о том, чтобы принять Добруджу, район, по большей части заболоченный и малонаселенный, в обмен на плодородный район, населенный их родственниками. Они дали миру понять, что Россия силой присвоила их

Бессарабский район и что они приняли Добруджу в качестве военной контрибуции. С помощью давления, оказанного на Конгрессе, их посланники добились расширения границ на юг за счет Болгарии, что вызвало негодование России.

Поведение царского правительства во всем этом вопросе было в высшей степени невежливым. Это обострило отношения между двумя государствами и вынудило правительство принца Чарльза полагаться на Австрию и Тройственный союз. Иными словами, Россия сама закрыла дверь, которая была так легко открыта для нее в сердце владений султана в 1828, 1854 и 1877 годах^[176]. Здесь мы можем отметить, что по предложению французских полномочных представителей на Конгрессе этот орган настаивал на том, что евреи должны быть допущены к избирательному округу в Румынии. Это распоряжение Властей вызвало бурное противодействие в этом штате, но в конце концов было выполнено, хотя и далеко не полностью.

Еще одно христианское государство полуострова получило скудное рассмотрение на Конгрессе. Греция, как мы видели, отозвала свои войска из Фессалии при том понимании, что ее требования должны быть должным образом рассмотрены при всеобщем перемирии. Теперь она настаивала на этих требованиях, но, если не считать первоначального ободрения со стороны лорда Солсбери, она практически не получила поддержки. По ходатайству французского полномочного представителя М. Уоддингтона ее желание контролировать северные берега Эгейского моря и остров Крит было быстро отменено; но он стремился завоевать для нее практически всю Фессалию и Эпир. Этому, однако, решительно воспротивился лорд Биконсфилд, который возражал против передачи ей южных и чисто греческих районов Фессалии и Эпира. Он протестовал против утверждения, что полномочные представители прибыли в Берлин для того, чтобы разделить "изношенное государство" (Турцию). Они были там, чтобы "укрепить древнюю империю, необходимую для поддержания мира".

"Что касается Греции, - сказал он, - государства, как и отдельные люди, у которых есть будущее, в состоянии подождать". Правда, в конце он выразил "надежду и даже убежденность" в том, что султан согласится на справедливое решение вопроса о фессалийской границе; но Конгресс последовал другому мудрому изречению и продолжил подвергать эллинов воспитательному влиянию отложенной надежды. В протоколе 13 было зафиксировано мнение Держав о том, что северная граница Греции должна проходить по течению рек Саламмария и Каламас; но в конце концов они решили предложить свое посредничество спорящим сторонам только в том случае, если соглашение не будет заключено. Великая Порта, как мы увидим, усовершенствовала методы затягивания, применявшиеся основоположниками европейской дипломатии^[177].

Что касается вопросов, которые непосредственно касались Турции и России, мы можем отметить, что последняя в конце концов согласилась отказаться от приобретения округа Баязид и земель, прилегающих к караванному пути из владений шаха в Эрзерум. Царское правительство также пообещало, что Батум станет свободным портом, и оставило неизменными правила, касающиеся судоходства в Дарданеллах и Босфоре. По последующему договору с Турцией от февраля 1879 года Порта согласилась выплатить России военную контрибуцию в размере около 32 000 000 фунтов стерлингов.

Более важными, с нашей точки зрения, являются положения, касающиеся благого управления христианами Турции. Согласно статье 61 Берлинского мирного договора, Порта обязалась проводить "улучшения и реформы, которых требовали местные потребности в провинциях,

населенных армянами, и гарантировать их безопасность от черкесов и курдов". Он даже добавил обещание "периодически" "информировать о шагах, предпринятых с этой целью, Власти, которые будут контролировать их применение". В следующей статье Турция пообещала "сохранить" принцип религиозной свободы и обеспечить его самое широкое применение. Религиозные различия не должны были препятствовать занятию какой-либо государственной должности, и все лица должны были "быть допущены без различия вероисповедания к даче показаний в судах".

Таков был Берлинский мирный договор (13 июля 1878 г.). Рассматриваемый в общих чертах, он был направлен на то, чтобы снова объединить турецкие районы, которые были разделены при Сан-Стефано; болгары и сербы, которые там обрели надежду на осуществление настоящего союза этих рас, теперь были снова разделены, первые разделены на три части; в то время как сербы Сербии, Боснии и Черногории были разделены вторжением державы Габсбургов. Тем не менее, каким бы несовершенным ни был этот договор в нескольких пунктах, он сулил существенные выгоды христианам Турции. Крах власти султана был настолько полным, настолько печально известным, что мало кто верил, что он когда-либо осмелится пренебречь мандатом Великих Держав и своими собственными торжественными обещаниями, изложенными выше. Но тогда никто не мог предвидеть проявления слабости и цинизма в политике этих Держав по отношению к Турции, которые опозорили государственное устройство Европы в последние десятилетия века. Причины, вызвавшие это состояние умственного оцепенения перед лицом отвратительных массовых убийств и моральной слабости, проявленной монархами и государственными деятелями среди миллионов вооруженных людей, будут в некоторой степени изложены в следующих главах.

Что касается благополучия христиан в Малой Азии, Берлинский мирный договор возлагал равную ответственность на все подписавшие его державы. Но британское правительство уже возложило на себя особые обязательства от их имени в соответствии с условиями Кипрской конвенции, процитированными выше. За пять дней до подписания этого договора мир с изумлением узнал, что Англия стала практически хозяйкой Кипра и взяла на себя определенную долю ответственности за хорошее управление христианами Азиатской Турции. На срок действия Конвенции не было установлено никаких временных ограничений, и, по-видимому, она все еще остается в силе в том, что касается материальных преимуществ, вытекающих из владения этим островом.

Нет необходимости говорить, что британская администрация принесла киприотам большую пользу; стоимость импорта и экспортной продукции почти удвоилась в период с 1878 по 1888 год. Но этот факт не устраняет и не может устранить более масштабные вопросы, возникающие в отношении методов приобретения и моральной ответственности, которую это влечет за собой. Это сразу же вызвало резкие расхождения во мнениях. Восхищение мастерством и отвагой, которые обеспечили Британии выгодное положение в Леванте и подорвали престиж России в этом регионе, сопровождалось протестами против методов секретности, стремления к сенсациям и своекорыстию, которые в последнее время были характерны для британской дипломатии.

Предстоял еще один сюрприз. Лорд Дерби, выступая в Палате лордов 18 июля, поставил точку в этих протестах, разгласив Государственную тайну немалой важности, а именно, что одной из причин его отставки в конце марта было секретное предложение министерства направить

экспедицию из Индии для захвата Кипра и одного из сирийских портов с целью операций против России, и это тоже *силы без согласия султана*. Пришел ли Кабинет министров к какому-либо подобному решению по этому вопросу, весьма сомнительно. Лорд Солсбери решительно отрицал правильность заявления своего предшественника. Документы сэра Стаффорда Норткота также показывают, что схема в то время обсуждалась, но была "отложена в сторону"^[178]. Лорд Дерби, однако, заявил, что он вел личные записи обсуждения; и маловероятно, что он подал бы в отставку по вопросу, который был просто поставлен на обсуждение и полностью отклонен. Тайна, в которую вовлечены, и совершенно справедливо вовлечены, обсуждения в Кабинете министров, навевают размышления над этим, как и над многими другими темами, которыми интересовался лорд Биконсфилд.

По другому, гораздо более важному пункту, расхождение во мнениях невозможно. Рассматриваемая в свете Кипрской конвенции, ответственность Великобритании за обеспечение как минимум хорошего правления для христиан Азиатской Турции неоспорима. К сожалению, он не допускает отрицания того, что обязанности, связанные с этой ответственностью, не были выполнены. История плохого правления и массовых убийств армян-христиан - это та история, которая когда-либо вызовет позор у всех сторон, подписавших Берлинский мирный договор; она вдвойне позорна для Державы, которая оформила Кипрскую конвенцию.

Правительство Биконсфилда предприняло достойные похвалы усилия по укреплению британского влияния и делу реформ, направив значительное число хорошо образованных людей в качестве консулов в Малую Азию под руководством генерального консула сэра Чарльза Уилсона. За первые два года они добились многого, добившись увольнения нескольких худших турецких чиновников и вселив надежду в угнетенных греков и армян. Если бы они получили хорошую поддержку из Лондона, они могли бы привести к постоянным изменениям. Так, по крайней мере, считает профессор Рамзи после нескольких лет работы в Малой Азии.

К сожалению, правительство Гладстона, пришедшее к власти весной 1880 года, желало ограничить свою ответственность со всех сторон, особенно в Леванте. Британских консулов перестали поддерживать, и после прибытия г-на (ныне лорда) Гошен в Константинополь в мае 1880 года в качестве Чрезвычайного посла британское влияние начало снижаться повсюду в Турции, отчасти из-за событий, которые вскоре будут описаны. Началовойны в Египте в 1882 году было использовано британским правительством как предлог для перевода консулов в Египет; и после этого дела в Малой Азии вернулись в прежнюю колею. Прогресс греков и армян, торговцев этой земли, был остановлен; и замечательное мусульманское возрождение, которое султан провозгласил в том году (1300 год по мусульманскому календарю), постепенно привело к беспорядкам и массовым убийствам, кульминацией которых стали 1896 и 1897 годы. Наконец, мы можем отметить, что, когда министерство Гладстона оставило поле битвы открытым в Малой Азии, правительство Германии быстро вступило во владение; и с 1883 года влияние Берлина все больше и больше проникало в земли султана в Европе и Азии^[179].

Крах британского влияния в Константинополе был ускорен усилиями, предпринятыми лондонским кабинетом министров после вступления в должность мистера Гладстона от имени Греции. Вскоре оказалось, что Абдул Хамид и его министры не прислушаются к рекомендациям Великих держав на этот счет, поскольку 20 июля 1878 года они сообщили сэру Генри Лейарду о своем "окончательном" решении о том, что ни один фессалийский округ не будет передан

Греции. Из-за давления, оказанного министерством Дюфора-Уоддингтона во Франции, Власти решили, что для рассмотрения всего вопроса должна быть назначена Европейская комиссия. На это правительство Биконсфилда дало не очень охотное согласие.

Порта улучшила этот пример. Он позаботился о том, чтобы назвать в качестве первого места встречи Уполномоченных деревню к северу от Артинского залива, которую нельзя было обнаружить ни на одной карте. Когда, наконец, эта ошибка была исправлена, и греческие посланники дважды пытались прорваться в залив, они были обстреляны из турецких фортов. После этих удобств Комиссия, наконец, собралась в Превезе, но только для того, чтобы Порта отложила свой отчет (январь-март 1879 г.). Затем, в ответ на требование Франции о европейском вмешательстве, турки выступили против различных уловок, взятых из неисчерпаемого запаса восточных уловок. Так шло время, пока весной 1880 года падение министерства Биконсфилда не привело к новой политической ситуации.

Новый премьер-министр мистер Гладстон был известен как государственный деятель, подаривший Греции Ионические острова и выступавший за изгнание турок "с поклажей" из Европы. Депеши с Даунинг-стрит сразу же приобрели другой оттенок, и замена мистера Гошеня сэром Генри Лейардом в Константинополе позволила Порте услышать голос британского народа, не омраченный официальными проверками. Конференция Держав собралась в Берлине, чтобы обсудить выполнение их рекомендаций по греческому вопросу и условий последнего договора, касающегося Черногории.

В связи с этим последним делом Державы, наконец, сочли необходимым провести совместную военно-морскую демонстрацию против войск Албанской лиги, которые стремились предотвратить передачу Черногории морского порта Дульчино, как это предписывалось Берлинским мирным договором. Но, как это случилось во время Концерта the Powers весной 1876 года, одной диссонирующей ноты было достаточно, чтобы ослабить эффект коллективного голоса. Тогда Англия отказалась применять какие-либо принудительные меры; теперь это были Австрия и Германия и, наконец (после отставки министерства Уоддингтона) Франция. Когда султан услышал об этом разладе в европейском сообществе, его мусульманская щепетильность вновь взяла верх, и албанцы продолжали бросать вызов Европе.

Военные корабли держав могли бы продолжать угрожать албанскому побережью из незаряженных пушек и по сей день, если бы кабинет Гладстона не предложил радикальных мер для вразумления султана. План состоял в том, что объединенный флот должен был направиться прямо в Смирну и высадить морскую пехоту для конфискации таможенных сборов этого важного торгового центра. И здесь Державы не были единодушны. Трое несогласных снова замешкались; но они так долго скрывали свой отказ или нежелание, что у Абдула Хамида создалось впечатление, что объединенный христианский мир вот-вот захватит Смирну^[180]. Этого было достаточно. Теперь (10 октября 1880 г.) он мог безропотно склонить голову перед превосходящей силой, не греша против неписаного, но нерушимого мусульманского кредо никогда не уступать христианам, кроме как в случае абсолютной необходимости. Он немедленно приказал своим войскам выполнить приказы Держав; и после некоторого сражения дервиш-паша изгнал албанцев из Дульчино и сдал его черногорцам (ноябрь-декабрь 1880 г.). Такова официальная версия; но, видя, что Порта знает, как привлечь к ответственности фанатизм и буйство албанцев^[181], возможно, что их сопротивление все это

время было всего лишь уловкой этого находчивого правительства, чтобы помешать воле Европы.

Той же угрозы, что и захвата турецкой таможни в Смирне, было достаточно, чтобы помочь в решении греческого вопроса. Задержки и оскорбления турок довели греков до отчаяния, и только настойчивые увещания Держав удержали Афинский кабинет от объявления войны. Эта опасность постепенно миновала; но, как это обычно бывает, когда страсти возбуждаются с обеих сторон, всякий компромисс, навязываемый тяжущимся сторонам арбитрами, представлял большие трудности. Берлинский конгресс рекомендовал распространить греческое правление на чисто эллинские районы Фессалии, установив в качестве новых границ русло рек Саламмария и Каламас, последняя из которых впадает в море напротив острова Корфу.

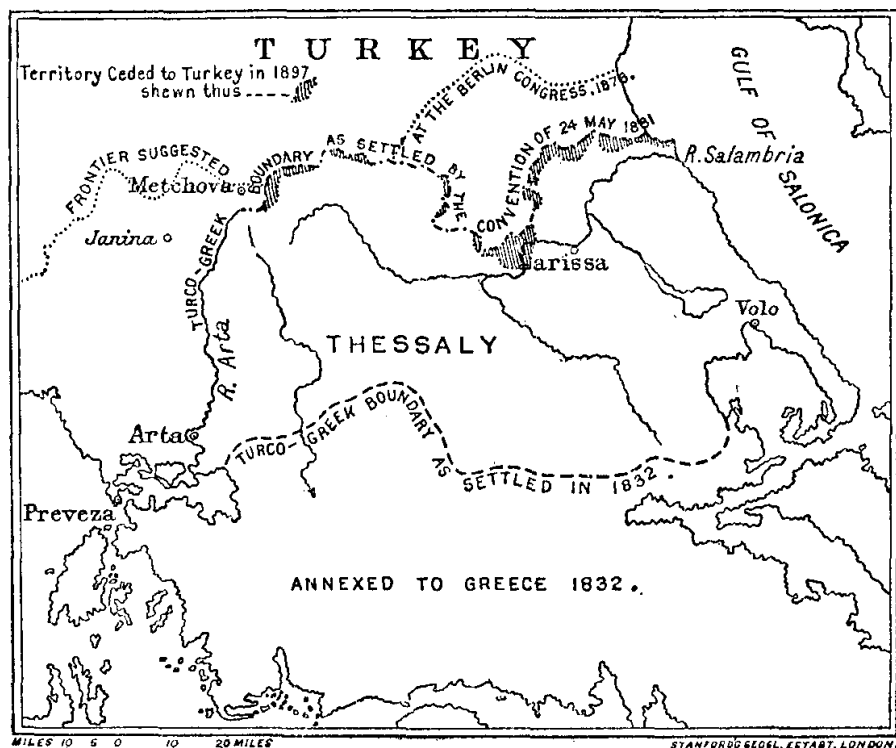
Другая Конференция держав (она была третьей) собралась, чтобы обсудить детали этого предложения; но из-за смены правительства во Франции, наряду с другими причинами, весь вопрос оказался очень запутанным. В конце концов, Державы вынудили султана подписать Конвенцию от 24 мая 1881 года, в соответствии с которой течение реки Арта было заменено течением реки Калама.

В качестве компенсации этому предложению, которое повлекло за собой потерю Янины и Превесы для Греции, они передали эллинам несколько районов к северу от Саламмарии, что помогло частично защитить город Лариса от опасности турецких вторжений^[182]. Мусульмане и христиане угрюмо согласились с этим соглашением. В целом греки получили 13 200 квадратных километров территории и около 150 000 жителей, но их неспособность завоевать несколько греческих районов Эпира глубоко врезалась в общественное сознание и подготовила почву для событий 1885 и 1897 годов.

Эти более поздние разработки могут получить здесь лишь самое краткое упоминание. В предыдущем году, когда две Болгарии оформили свой союз, греки пригрозили Турции войной, но были быстро приведены к другому настроению из-за "мирной" блокады со стороны держав. Озлобленные таким обращением, эллины попытались продвинуть свое дело в Македонии и на Крите через могущественное общество, "Этническую гетаирию". Хроническое недовольство критян турецким правлением и бесчинствами мусульманских войск привело к серьезным осложнениям в 1897 году. В начале того же года власти вмешались с предложением о создании иностранной жандармерии (январь 1897 года). Чтобы сорвать этот план, султан разжигал мусульманский фанатизм на острове, пока в результате зверств Греция не вступила в бой как в Фессалии, так и на Крите. Во время последовавших за этим беспорядков на Крите державы унизили себя, встав на сторону христианских повстанцев, и некоторые греческие войска были отправлены из Афин им на помощь. Немногие события в наш век вызвали более болезненную сенсацию, чем бомбардировка критских деревень британскими и французскими военными кораблями. Державы также объявили "тихоокеанскую" блокаду Крита (март-май 1897 г.). Внутренние причины, побудившие к этим действиям, до конца неизвестны. Можно с уверенностью сказать, что им потребуется гораздо более полное обоснование, чем то, которое было дано в объяснениях министров в Вестминстере.

Тем временем страстное негодование, испытываемое греками, втянуло правительство короля Георга в войну с Турцией (18 апреля 1897 года). Маленькое королевство было быстро захвачено турками и албанцами; и, несмотря на отзыв своих войск с Крита, эллины не смогли удержать

Ферсалу и другие позиции в центре Фессалии. Державы, однако, вмешались 12 мая и приступили к смягчению непомерных условий Порты, позволив ей получить лишь небольшие полосы на севере Фессалии в качестве "стратегического исправления" границы. Спрос Турции в размере 10 000 000 фунтов стерлингов был снижен до 4 000 000 тенге (18 сентября).

Карта Фессалии.

Эта успешная война против Греции подняла престиж Турции и подлила масла в огонь мусульманского фанатизма. Их, как мы видели, усердно раздувал Абдул Хамид II. с 1882 года, когда началось панисламистское движение. Результаты этого возрождения были далеко идущими, они ощущались даже среди горных племен на границе Афганистана и Пенджаба (см. Главу XIV). По всей Османской империи мусульмане начали утверждать свое превосходство над христианами; и, как заметил профессор Рамзи, "средство, с помощью которого восстанавливается турецкое могущество, всегда одно и то же - массовая резня".^[183].

Было бы преждевременным задаваться вопросом, какая из европейских держав должна нести главную ответственность за терпимое отношение турок к отвратительным массовым убийствам армян в 1896-97 годах и чудовищному плохому управлению Македонией. Виновны все Великие державы, подписавшие Берлинский договор; и, как было указано выше, государство, подписавшее Кипрскую конвенцию, виновно вдвойне, что касается событий в Армении. Серьезная доля ответственности также лежит на тех, кто преуспел в возвращении туркам значительной части Македонии. Но писатель, который в будущем возьмется рассказать историю упадка европейской морали в конце девятнадцатого века и роста цинизма и эгоизма,

вероятно, обрушит еще более суровые порицания на императоров Германии и России, которые, обладая несравненным влиянием, которым они обладали на Порту, могли бы эффективно вмешаться, чтобы защитить своих единоверцев от невыразимых обид, и все же, насколько известно, и пальцем не пошевелили в их защиту. Берлинский мирный договор, который мог бы открыть эру хорошего правления во всей Турции, если бы Державы были верны оказанному им доверию, будет приведен в качестве обличающего доказательства в отчете о величайшем предательстве доверия, которое зафиксировано в Современной истории.

ПРИМЕЧАНИЕ. - Об усилиях, предпринятых британским правительством в интересах армян, читателю следует ознакомиться с последней главой книги мистера Джеймса Брайса "*Закавказье и гора Арарат*" (новое издание, 1896). Дальнейшей информации можно ожидать в "*Жизни графа Грэнвилла*", которая вскоре выйдет из-под пера лорда Эдмунда Фицмориса.

СНОСКИ:

[157] О странной ошибке в телеграмме, из-за которой был отдан первоначальный приказ, см. *Сэр Стаффорд Норткот, граф Иддесли*, автор Эндрю Лэнг, том ii. стр. 111-112.

[158] Там же. стр. 105-106. О телеграммах между Первым лордом Адмиралтейства У.Х. Смитом и адмиралом Хорнби см. "*Жизнь и времена У.Х. Смита*" сэра Х. Максвелла, том i, глава xi.

[159] Смотрите компрометирующие откровения, сделанные анонимным русским писателем в "*Ревю де Пари*" за 15 июля 1897 года. Авторша "О'Кей" в своей книге "*Друзья и враги России*" (стр. 240-241) утверждает, что только самодержавие могло остановить наступление русских на Константинополь. Генерал США Грант сказал ей, что если бы у него был такой приказ, он положил бы его в карман и снова предъявил бы в Константинополе.

[160] Хертслет, iv. стр. 2670.

[161] Л. Сержант, *Греция в девятнадцатом веке* (1897), глава xi.

[162] Текст договора см. в разделе. Документы, Турция, № 22 (1878); также *Европейский концерт в Восточном вопросе* Т.Э. Холланда, стр. 335-348.

[163] Парл. Документы, Турция, № 31 (1878), № 6-17 и приложения; "*Эллинизм и Македония*", Н. Касасис (Париж, 1904); Л. Сержант, указ. соч. ч. xii.

[164] Парл. Документы, Турция, № 30 (1878); также *Воспоминания короля Румынии*, гл. x. xi.

[165] Лорд Дерби сэру Х. Эллиоту, 13 марта 1878 г. Турция, № xxiv. (1878), № 9, стр. 5.

[166] Там же. № 15, стр. 7.

[167] Дополнительную причину отставки лорда Дерби см. на стр. 243.

[168] Дебидур, *История. diplomatique de l'Europe*, vol. ii. p. 515.

[169] Об этих нарушениях см. Раздел. Документы, Турция (1878), № 42 и 45, с многочисленными приложениями. Более масштабные планы родопских повстанцев и их пособников в Константинополе полностью неизвестны. В этом деле были замешаны англичанин Синклер и несколько других фрилансеров. Округ Родопы долгое время сохранял своего рода независимость, см. *"Политические события в Болгарии"*, А.Г. Драндар, Приложение.

[170] Парл. Papers, Турция, № 36 (1878). См. также, *там же*. № 43.

[171] Парл. Документы, Турция, № 36 (1878); Хертслет, том iv. стр. 2722-2725; Голландия, указ. соч., стр. 354-356.

[172] Мистеру Чарльзу Марвину, клерку Министерства иностранных дел, было предъявлено обвинение в этом преступлении, но обвинение провалилось (16 июля) из-за отсутствия достаточных доказательств.

[173] Княгиня Радзивилл, *Мои воспоминания* (англ. изд. 1900), стр. 91.

[174] *Там же*. стр. 149.

[175] Информацию о протоколах см. в разделе Parl. Документы, Турция (1878), № 39. О Договоре см. *там же*. № 44; также *Европейское соглашение в Восточном вопросе*, Т. Э. Холланд, стр. 277-307.

[176] Фридрих, наследный принц Германии, выразил общее мнение в письме, написанном принцу Чарльзу после Берлинского конгресса: "Поведение России после той мужественной службы, которую вы оказали этой колоссальной империи, вызывает порицание со всех сторон". (*Воспоминания короля Румынии*, стр. 325).

[177] Смотрите *"Грецию в девятнадцатом веке"* мистера Л. Сержанта (1897), гл. хii, выступления греческих посланников на Конгрессе; также выступление сэра Чарльза Дилке в Палате общин в дебатах 29 июля-2 августа 1878 г. относительно отхода Англии от греческого дела после девятой сессии (29 июня). Берлинского конгресса.

[178] *Сэр Стаффорд Норткот*, том ii. стр. 108.

[179] Смотрите *Впечатления о Турции*, профессора У.М. Рамзи (1897), глава vi.

[180] *Жизнь Гладстона*, Дж. Морли, том iii. стр. 9.

[181] См. *Турцию в Европе*, "Одиссей", стр. 434.

[182] *Европейский союз в Восточном вопросе*, Т.Э. Холланд, стр. 60-69.

[183] *Впечатления от Турции*, У.М. Рамзи, стр. 139.

ГЛАВА X

СОЗДАНИЕ БОЛГАРИИ

"Если вы можете помочь превратить эти народы в оплот независимых государств и таким образом защитить "больного человека" от ярости северного ветра, ради Бога, сделайте это". - СЭР Р. МОРЬЕ СЭРУ У. УАЙТ, 27 декабря 1885 г..

Неудача, сопровождавшая поступательное движение эллинов в 1896-97 годах, резко контрастирует с судьбой болгар. Возвышению этого самого молодого и не менее многообещающего из европейских государств мы должны посвятить целую главу, поскольку в течение десятилетия будущее Балканского полуострова и политика Великих держав в значительной степени зависели от освобождения этой интересной расы из-под эффективного контроля султана и царя.

Возвышение этого загадочного народа является ярким примером силы национального чувства, способного поднять угнетенных. До 1876 года само название "болгарский" было едва ли известно, кроме как как географический термин. Кинглейк в своем очаровательном произведении "Эотен" не упоминает болгар, хотя он проехал верхом из Белграда в Софию, а оттуда в Адрианополь. И все же в 1828 году победоносный поход русских на Адрианополь пробудил в этом народе мимолетный трепет национального самосознания. Другие путешественники, например, Сиприен Робер из "тридцатых", отмечали их непоколебимое терпение в труде, медлительность в действиях, но при этом огромную настойчивость и силу воли, когда решение было принято.

Эти качества, возможно, можно приписать их татарскому происхождению. Этнически они тесно связаны с мадьярами и турками, но, долгое время прожив на берегах Волги (отсюда их название - болгары = волгари), они переняли речь и религию славян. Они жили этой новой жизнью около тысячи лет^[184]; и за это время были полностью изменены. Хотя их плоские губы и носы указывают на азиатское происхождение, они практически славяне, за исключением того, что их темперамент менее нервный, а упорство большее, чем у их единоверцев^[185]. Их решительная приверженность славянским идеалам и неприятие турецких обычаев должны послужить антропологам напоминанием о том, что народы не следует судить и разделять в основном по краниологическим особенностям. Измерение черепов может рассказать нам кое-что о базовых характеристиках племен: оно оставляет нетронутым безграничный фонд верований, мыслей, стремлений и обычаев, которые формируют жизнь народов. Современные народы таковы, какими их сделали их верования, обычаи и надежды; в том, что касается их политической

жизни, у них не больше сходства со своими племенными предками, чем у среднего человека с шимпанзе.

Первым выдающимся событием в недавнем подъеме болгарской расы было обретение духовной независимости в 1869-70 годах. До сих пор они, как и почти все славяне, принадлежали к Греческой церкви и признавали верховенство ее Патриарха в Константинополе, но по мере развития национальной идеи болгары стремились иметь свою собственную Церковь. Напрасно греки протестовали против этой раскольнической попытки. Западные державы и Россия поддерживали ее; Порты также была не прочь увидеть дальнейшее разделение христиан. В начале 1870 года возникла Болгарская церковь с собственным экзархом в Константинополе, который пережил многочисленные попытки греков изгнать его как раскольника из "Вселенской Церкви". Таким образом, болгары встали в один ряд с другими народами полуострова как религиозное образование. Румынская и Сербская церкви были созданы в начале века. Фактически, Порты признает болгар, даже в Македонии, как независимую религиозную общину, право, которое она не предоставляет сербам; последние в Македонии считаются только "греками"[186]."

Сан-Стефанский мирный договор обещал сделать болгар преобладающей расой на Балканском полуострове в интересах России; но, как мы видели, усилия Великобритании и Австрии, подкрепленные завистью греков и сербов, привели к радикальному изменению этих договоренностей. Берлинский мирный договор разделил этот народ на три неравные части. Большая масса, проживающая в самой Болгарии, получила полную независимость от султана, за исключением вопроса о сюзеренитете; болгары на южных склонах Балкан приобрели автономию только в местных делах и остались под контролем Порты в военных делах и в вопросах высокой политики; в то время как болгары, проживавшие в Македонии, числом около 1 120 000 человек, были вынуждены надеяться на что-то из статей 61 и 62 Берлинского мирного договора, но в остальном оставались во власти султана[187].

Такое неудовлетворительное положение вещей сулило переход Болгарского княжества полностью на сторону России, и с самого начала все болгары надеялись на тесную дружбу с великой Державой, которая осуществила их освобождение. Эти настроения, однако, быстро остыли. Офицеры, назначенные царем для организации княжества, выполняли свою задачу своевольным образом, что вскоре вызвало раздражение недавно получивших избирательные права людей. Благодарность - это чувство, которое быстро исчезает, особенно в политической жизни. Там, гораздо чаще, чем в частной жизни, для стороны, оказавшей благодеяние, является большой ошибкой напоминать получателю о том, чем он обязан, особенно если этот получатель молод и честолюбив. Тем не менее, это была ошибка, совершаемая повсеместно по всей Болгарии. Армия, государственная служба - все - было смоделировано по образцу русских времен оккупации, пока властным манерам чиновников не удалось притупить память об услугах, оказанных на войне. Факт освобождения был забыт из-за раздражения, вызванного постоянными напоминаниями о нем.

Русским удалось оттолкнуть от себя даже молодого немецкого принца, который при полном благоволении царя Александра II принял бразды правления. Отпрыск Гессен-Дармштадтского дома от мorganатического брака, принц Александр Баттенбергский был задержан российскими властями с целью принятия им болгарской короны. Голосованием Болгарской палаты ему было предложено это звание 29 апреля 1879 года. Он принял его, прекрасно понимая, что это будет

нелегкая честь для двадцатидвухлетнего юноши. Его высокая командирская фигура, красивые черты лица, способности и доблесть солдата и, прежде всего, его обаятельное обращение, казалось, выделяли его как прирожденного лидера мужчин; и в июле он получил теплый прием от болгар.

Трудности начались сразу же. Главный русский администратор, Дондуков Корсаков, назначил своих соотечественников на все важные и прибыльные посты, тем самым оставив в стороне многих болгар, которые, упорно трудясь для освобождения своей земли, теперь видели, как она перешла из-под неряшливого господства турок во властную власть московитов. Княжество было охвачено недовольством, и эти чувства в конце концов отразились на отзывчивой натуре князя. Но долг и политика в равной степени запрещали ему отказываться от российского влияния. Никакое положение не могло быть более тяжелым для молодого человека с рыцарской и честолюбивой натурой, наделенного некоторой чувствительностью, которую он, вероятно, унаследовал от своей польской матери. Ранее он изложил свои чувства в частном письме румынскому принцу Чарльзу:

Всем сердцем преданный царю Александру, я не стремлюсь делать ничего такого, что можно было бы назвать антироссийским. К сожалению, российские официальные лица действовали с крайним отсутствием такта; в каждом офисе царит неразбериха, а казнокрадство, благодаря указам Дондукова, практически санкционировано. Я ежедневно сталкиваюсь с болезненной альтернативой: либо согласиться с требованиями России, либо быть обвиненным в России в неблагодарности и в "нанесении ущерба самым священным чувствам болгар". Мое положение поистине ужасно.

Трения с Россией со временем усилились. В начале 1880 года принц Александр решил отправиться в Санкт-Петербург, чтобы обратиться к царю в надежде смягчить насилие панславянских интриганов. На какое-то время положение улучшилось, но только потому, что принц принял руководство царя. После этого он сохранил большинство своих пророссийски настроенных министров, хотя второе Законодательное собрание, избранное весной того же года, было сильно либеральным и антироссийским. В апреле 1881 года он действовал по совету одного из своих министров, русского генерала по имени Эренрот, и повел дело с размахом: он распустил Ассамблею, приостановил действие конституции, поощрял своих чиновников запугивать избирателей и тем самым добился послушной Палаты, которая выполнила его указания, установив Семеричное, или автократическое правление на семь лет. Чтобы поддержать свое миниатюрное царство, он теперь попросил нового императора Александра III прислать ему двух русских генералов. Его просьба была удовлетворена в лице генералов Соболева и Каульбарса, которые стали министрами внутренних дел и по военным вопросам; третий, генерал Тихаров, был также назначен министром юстиции.

Теперь триумф московского влияния казался полным, пока только что названная тройка не узурпировала функции болгарских министров и не сообщила принцу, что они получают приказы от царя, а не от него. Раздраженный этими добровольно наложенными на себя русскими узами, князь теперь больше полагался на умеренных либералов во главе с Каравеловым; и на московитов, интригующих в том же квартале, и на войска с целью его низложения, но они встретили полный отпор. Способный и энергичный молодой болгарин Стамбулов теперь быстро набирал популярность среди наиболее решительных националистов. Сын трактирщика из Тырнова, он был отправлен получать образование в Одессу; там он рано проникся

нигилистическими идеями и, вернувшись на Дунайские земли, составил множество заговоров с целью изгнания турок из Болгарии. Его коренастое телосложение, сила воли, красноречивая, страстная речь и, прежде всего, его пламенный патриотизм вскоре выдвинули его на передний план в качестве лидера национальной партии; и теперь он изо всех сил стремился не допустить превращения своей страны в простую сатрапию освободителей. Лучше жалкое самодержавие принца Александра, чем самый настоящий деспотизм выдвигенцев императора Александра III.

Характер нового царя привлечет наше внимание в следующей главе; здесь нам нужно только сказать, что чем больше проявлялся его ограниченный, жесткий и властолюбивый характер, тем большей казалась опасность для свобод княжества. Наконец, когда ситуация стала невыносимой, князь решил восстановить болгарскую конституцию; и он предпринял этот важный шаг 18 сентября 1883 года, не посоветовавшись с тремя российскими министрами, которые вслед за этим подали в отставку[188].

Принц немедленно вызвал Каравелоффа и сказал ему: "Мой дорогой Каравелофф, я во второй раз клянусь тебе, что я буду полностью покорен воле народа и что я буду управлять в полном соответствии с конституцией Тырновы. Давайте забудем о том, что произошло во время *государственного переворота* [1881 года], и будем работать вместе на благо процветания страны". Он обнял его; и это объятие было залогом тесного союза сердец между ним и его народом[189].

Царь немедленно выказал свой гнев по поводу этого акта независимости и, сочтя это признаком неповиновения, позволил или поощрял своих агентов в Болгарии подрывать власть князя и добиваться его низложения. В течение двух лет они тщетно боролись. Попытка русских генералов Соболева и Каульбарса похитить принца ночью провалилась из-за лояльности лейтенанта Мартиноффа, который в то время дежурил в своем дворце; два министерских заговорщика немедленно покинули Болгарию[190].

Даже сейчас пелена не спала с глаз императора Александра III. Однажды верный Буш расспросил Бисмарка о характере этого властителя. Немец Босвелл заметил, что он слышал, как Александра III называли "глупым, чрезвычайно глупым"; на что канцлер ответил: "В общем, это говорит слишком много"[191]. Оставляя потомкам задачу решения этого вопроса, мы можем здесь указать, что московская политика в 1878-85 годах достигла поистине замечательного подвига в объединении всех освобожденных народов Балканского полуострова против их освободителей. По условиям Сан-Стефанского мирного договора Россия оттолкнула румын, сербов и греков; так что, когда князья этих двух славянских княжеств решили принять королевский титул (как они сделали весной 1881 и 1882 годов соответственно), это произошло после визитов в Берлин и Вену, которыми они молчаливо продемонстрировали свое дружелюбие к Центральным державам.

В случае с Сербией это дошло до срока действия альянса. 25 июня 1881 года министр иностранных дел М. Миятович заключил с Австро-Венгрией секретное соглашение, в соответствии с которым Сербия соглашалась препятствовать любому движению среди славян Боснии, в то время как Двойная монархия обещала воздерживаться от любых действий, наносящих ущерб надеждам Сербии на то, что известно как старая Сербия. Соглашение было рассчитано на восемь лет; но оно не было продлено в 1889 году[192]. Однако тот факт, что такой договор мог быть заключен в течение трех лет после Берлинского конгресса, показывает,

насколько сильным было негодование сербского правительства по поводу пренебрежения его интересами Россией как там, так и в Сан-Стефано.

Пропасть между Болгарией и Россией расширялась медленнее, но с поразительным продолжением, которое мы увидим. Дондуковы, Соболевы и Каульбарсы сначала пробудили, а затем оттолкнули от себя прежде пассивную и покладистую расу, за возвышение которой Россия навлекла на себя негодование соседних народов. Под опекой Москвы у "невежественных болгарских крестьян" развился сильный гражданский и политический инстинкт. Более того, нападки царя, теперь уже на принца, а затем на народную партию, способствовали объединению этих ранее враждовавших элементов. Стамбулов, само воплощение целеустремленности молодой Болгарии и любви к свободе, теперь был президентом *Sobranje*, или Национального собрания, и он горячо поддерживал принца Александра до тех пор, пока тот противостоял притязаниям России. С самого начала столкновения в Софии напоминали трехстороннюю дуэль, и русские агенты могли бы легко избавиться от третьего участника конфликта, если бы тот встал на сторону либо принца, либо либералов. Запугивая обоих, они упростили ситуацию к выгоде как князя, так и зарождающихся свобод Болгарии.

Alexander III. и его канцлер де Гирс также связал им руки в балканских делах договором, который они заключили с Австрией и Германией, подписали и ратифицировали на встрече трех императоров в Скерневице (сентябрь 1884 г. - см. Главу XII.). Наиболее важным из его положений с нашей нынешней точки зрения было то, что в случае разногласий двух из трех империй по балканским вопросам решающий голос принадлежал третьей державе. Это давало Бисмарку ту же роль арбитра, которую он играл на Берлинском конгрессе.

Но в 1885 и 1886 годах царь и его агенты совершили ряд грубых ошибок, на фоне которых их прежние действия казались государственными. Благополучие болгарского народа требовало скорейшего пересмотра политики, принятой на Берлинском конгрессе (1878), согласно которой южные болгары были отделены от своих северных братьев, чтобы султан мог иметь право удерживать балканские перевалы во время войны. Иными словами, державы, особенно Великобритания и Австрия, отбросили претензии на сильный расовый инстинкт по чисто военным причинам. Распад этого искусственного механизма был уверенно предсказан в то время; и российские агенты поначалу взяли на себя ведущую роль в подготовке будущего союза. Скобелев, Катков и панславонские общества России поощряли создание "гимнастических обществ" в Восточной Румелии, и молодежь этой провинции записывалась в них с таким рвением, что к 1885 году более 40 000 человек были обучены владению оружием. Что касается протестов султана и его делегатов в Филиппополе, то они были подавлены намеками из Санкт-Петербурга или требованиями о скорейшей выплате военного долга Турции России. Весь мир знал, что благодаря покровительству России Восточная Румелия полностью вышла из-под контроля Абдула Хамида.

К лету 1885 года юнионистское движение приобрело большую силу. Но теперь, в критический момент, когда Россия должна была возглавить это движение, она пустила его по течению или даже, можно сказать, сбросила буксирный трос. Вероятно, царь и его министры считали болгар слишком слабыми или слишком глупыми, чтобы действовать самостоятельно. Это был полный просчет; ибо теперь Стамбул и Каравелов поставили перед собой эту цель самостоятельно и приложили к ее достижению все мастерство и рвение, которым они научились за долгую

карьеру сопротивления турецким и русским хозяевам. Есть основания полагать, что они и их помощники в Филиппополе настаивали на событиях сентября 1885 года, поскольку тогда было известно, что царь не одобрял любые немедленные действия.

Чтобы понять причину этого странного поворота российской политики, мы должны более внимательно изучить события. Секретные действия этой политики были раскрыты в ряде государственных документов, подлинность которых полностью не установлена. Говорят, что они были выданы болгарским патриотам российским агентом, и они, безусловно, имеют признаки подлинности. Если мы примем их (а до настоящего времени они принимались хорошо информированными людьми), истина заключается в следующем:

Россия приложила бы все усилия для присоединения Восточной Румелии к Болгарии при условии, что принц отрекся от престола и его народ полностью подчинился российскому контролю. Довольно рано в свое царствование Александр III обнаружил в них независимость, которую плохо переносил его властный характер. Поэтому он отложил этот план до тех пор, пока принц не отречется от престола или не будет изгнан. Как выразился один из московских агентов весной 1881 года, объединение не должно быть осуществлено до тех пор, пока в княжестве не будет основан российский протекторат; ибо, если они сделают Болгарию слишком сильной, она станет "второй Румынией", то есть такой же "неблагодарной" России, какой показала себя Румыния после захвата ее бессарабских земель. Фактически, болгары могли осуществить заветное желание своих сердец только при одном условии - провозглашении императора Александра великим князем великого государства будущего[193].

Главными препятствиями на пути усиления России были восприимчивость "Баттенбергера", как дерзко называли его ее агенты, и воля Стамбулова. Когда царь своим злобным упрямством, наконец, привел этих двух людей к согласию, было сочтено необходимым прибегнуть к различным уловкам, чтобы разбить силы, которые русская дипломатия преуспела в создании на своем собственном пути. Но здесь нам снова напоминают о заповеди Горация -

Vis consili expers mole ruit sua.

Преследованиям российских агентов "крестьянское государство" оказывало все более решительное сопротивление, и к лету 1885 года стало ясно, что подкуп и травля одинаково бесполезны.

Конечно, в власти императора всея Руси было многими способами запугать принца. Таким образом, летом 1885 года, когда готовился брак между ним и принцессой Викторией, дочерью кронпринцессы Германии, влияние царя в Берлине позволило наложить вето на помолвку, которая, как полагают, была искренним желанием обоих наиболее заинтересованных лиц. В этом вопросе Бисмарк, верный своей политике смягчения раздражения царя по поводу австро-германского союза уступчивостью во всех других вопросах, сделал себя приспешником России и призвал своего пресс-секретаря Буша писать газетные статьи, оскорбляющие королеву Викторию как спровоцировавшую этот брак исключительно с целью замены британского влияния российским в Болгарии[194]. Более раболопная часть немецкой прессы развила эти предположения и заклеила болгарскую революцию следующей осенью как дело, сфабрикованное в Лондоне. До сих пор умы определенного типа могли видеть в событиях свою собственную мелочность.

Между тем, если верить вышеупомянутым депешам, российское правительство стремилось втянуть Болгарию в братоубийственную борьбу с Румынией из-за каких-то пустяковых споров о новой границе близ Силистрии. Эта ссора, если ее хорошо уладить, обещала быть материально выгодной для России и морально успокоительной для ее правителя. Это ослабило бы Дунайские государства и помогло бы вернуть их под каблук их бывшего покровителя. Далее, учитывая, что поведение короля Карла по отношению к своим русским благодетелям было не менее "неблагодарным", чем поведение принца Александра, было бы подходящим Возмездием для того, чтобы этих *неблагодарных* людей повесили за уши. Соответственно, в августе 1885 года российским агентам были отданы приказы раздувать пограничный спор; и 12/30 августа директор Азиатского департамента в Санкт-Петербурге написал следующие инструкции российскому генеральному консулу в Рустчуке:--

Вы помните, что объединение [двух Болгар] не должно состояться до тех пор, пока принц Александр не отречется от престола. Однако опрометчивое и враждебное отношение короля Румынии Карла [к России] обязывает имперское правительство отложить на некоторое время планируемое присоединение Восточной Румелии к княжеству, а также отречение от престола и изгнание принца Болгарии. На заседании Совета министров [России], состоявшемся вчера, было решено просить императора вызвать принца Александра в Копенгаген или в Санкт-Петербург, чтобы сообщить ему, что, согласно воле Его Величества, Болгария должна защищать вооруженной силой свои права по вышеупомянутым пунктам[195].

Затем в депеше говорится, что Россия заставит Турцию замолчать и в конечном итоге объявит войну Румынии; также, что если Болгария одержит победу над Румынией, последняя заплатит ей территорией или деньгами, или и тем, и другим. Возможно, однако, что вся эта схема была придумана для того, чтобы послужить приманкой, чтобы отдать принца Александра во власть его имперских покровителей, которые в этом случае, вероятно, задержали бы и свергли его с престола.

Дальнейший свет на извилистый путь российской дипломатии пролила речь графа Евгения Зичи перед венгерскими делегациями примерно год спустя. Он сделал поразительное заявление о том, что летом 1885 года Россия заключила мирный договор с Черногорией с целью свержения короля Милана и принца Александра и раздела Балканских государств между принцем Николаем Черногорским и претендентом Карагеоргиевичем, который с тех пор пробился к трону в Белграде. Подробности этих планов неизвестны, но прожектор, брошенный на них из Буда-Пешта, выявил изменения в политике этих "друзей мира", царя Александра III. и его канцлер де Гирс.

Принц Александр, возможно, и не был осведомлен об этих планах в их полном объеме, но он и его друзья определенно чувствовали, как вокруг них смыкаются сети. Было открыто только два пути: либо полностью подчиниться царю (что для принца подразумевало отречение от престола), либо положиться на болгарский народ. Принц избрал курс, которого придерживался бы каждый человек, достойный этого имени. Однако почти наверняка он не предвидел событий в Филиппополе. Он дал слово немецкому офицеру, майору фон Хьюну, что ни в малейшей степени не ожидал, что профсоюзное движение сделает такой быстрый и решительный шаг вперед, как это было в середине сентября. Принц действительно совершил турне по Европе и высказал то же мнение российскому канцлеру де Гирсу во Франценсбаде.

Но к этому времени в Филиппополе все было готово. Поскольку все жители Восточной Румелии были единодушны в этом вопросе, проще всего было заставить врасплох представителя султана Гаврила-пашу, окружить его офис солдатами и потребовать от него покинуть провинцию (18 сентября). Карета была готова отвезти его в Софию. В ней сидела нарядно одетая крестьянка с обнаженным мечом в руке. Гаврила побагровел от ярости при этом оскорблении, но сел в повозку, и его повезли через город, а оттуда на Балканы.

Таков был отъезд последнего чиновника султана с земли, которую турки часто заливали кровью; такова была месть южных болгар за зверства 1876 года. Не было пролито ни капли крови, и майор фон Хун, вскоре прибывший в Филиппополь, обнаружил, что греки и турки мирно живут при новом правительстве. Слово "революция" в таких случаях является неправильным. Южная Болгария просто вернулась в свое естественное состояние[196]. Но ничто не убедит дипломатов в том, что события могут происходить без вмешательства их самих или их соперников. В данном случае они обнаружили, что революцию совершил принц Александр.

Однако поначалу принц сомневался, стоит ли ему принимать корону Великой Болгарии, которую теперь с энтузиазмом предлагали ему жители Филиппополя. Стамбулов настойчиво убеждал его согласиться, даже если тем самым он еще больше разгневет царя: "Сир, - сказал он, - перед вами лежат две дороги: одна в Филиппополь и так далеко, как только позволит Бог; другая в Систову и Дармштадт. Я советую вам принять корону, которую предлагает вам нация". 20-го числа принц объявил о своем принятии короны объединенной Болгарии. Как он сказал британскому консулу в Филиппополе, он был бы "острее" (*филу*), если бы не встал на сторону своего народа[197].

Мало кто был готов к вспышке гнева царя, услышавшего эту новость. В начале своего правления он сконцентрировал в одной фразе - "глупый поляк" - злобу чрезвычайно узкой натуры при виде родственника и иждивенца, осмеливающегося думать и действовать самостоятельно[198]. Но в этом случае, как мы теперь видим, принц самым серьезным образом расстроил планы России. Стамбул и он лишили ее профсоюзного козыря. Царь обнаружил, что его план стать великим князем Великой Болгарии заблокирован действиями того же самого ненавистного родственника. Стоит ли удивляться, что его обычная невозмутимость уступила место одному из тех приступов бычьей ярости, которые внушали страх всем, кто их видел? С тех пор отношения между императором Александром и принцем Александром можно было охарактеризовать короткой фразой, которую Палафокс бросил французам со слабых стен Сарагосы: "Война на ножах". Как и Палафокс, принц теперь надеялся только на храбрость своего народа.

В зашифрованных телеграммах от 19 и 20 сентября, которые директор Азиатского департамента в Санкт-Петербурге направил генеральному консулу России в Рустчуке, отчетливо звучали нотки негодования и мести. События в Восточной Румелии изменили "все наши намерения". Поэтому агенту было приказано вызвать высших русских офицеров в Болгарии и спросить их, действительно ли "молодые" болгарские офицеры могут командовать бригадами и полками и организовывать артиллерию; также, может ли эта армия в одиночку противостоять армии "соседнего государства". Поскольку ответы офицеров были решительно отрицательными, им было приказано покинуть Болгарию[199]. Нелидов, русский посол в Константинополе, также яростно работал, чтобы подстегнуть султана отомстить за оскорбление, нанесенное ему принцем Александром.

Сэр Уильям Уайт считал, что *поворот* в политике России произошел исключительно из-за желания Нелидова помешать мирной политике российского канцлера де Гирса, который в то время случайно отсутствовал в Тироле, в то время как царь также находился в Копенгагене^[200]. Но теперь выясняется, что Министерство иностранных дел России разделило точку зрения Нелидова и поручило ему оказать давление на Турцию с целью восстановления "законного порядка" в Восточной Румелии. Кроме того, министры царя обнаружили, что Сербия, Греция и, возможно, также Румыния намеревались противостоять усилению Болгарии; и поэтому казалось легким наказать "Баттенбергера" за его бессмысленное нарушение мира в Европе.

Возможно, Россия сама нанесла бы удар по Болгарии, если бы не трудности общей ситуации. Насколько они были велики, станет понятно при прочтении следующих глав, в которых рассказывается о распространении нигилизма в России, образовании австро-германского союза и благосклонности, вскоре оказанной ему Италией, отчуждении Англии и Порты из-за действий, предпринятых первой в Египте, и резком столкновении интересов России и Англии в Панджде на афганской границе. Если далее вспомнить, что Франция была обеспокоена неблагоприятными результатами передовой политики М. Ферри в Тонкине; что Германия была глубоко вовлечена в колониальные усилия; и что Соединенное Королевство было отвлечено этими усилиями, провалом экспедиции в Хартум и парнеллитовской агитацией в Ирландии, - сложность европейской ситуации станет достаточно очевидной. Несомненно, события 1885 года были одними из самых ошеломляющих, когда-либо зарегистрированных в истории Европы.

Это столкновение интересов между нациями, утомленными войной и встревоженными появлением красного призрака революции в их среде, отнюдь не неблагоприятно сказалось на судьбе балканских государств. Доминирующими фактами ситуации были, во-первых, то, что Россия больше не имела свободы действий на Балканском полуострове в силу договора между тремя императорами, ратифицированного в Скерневице прошлой осенью (см. Главу XII); и, во-вторых, то, что традиционная дружба между Англией и Портой сменилась чем-то вроде враждебности. Видя, что султан оттолкнул британское правительство своими весьма подозрительными действиями во время восстаний Араби-паши и Махди, даже те, кто громко заявлял о необходимости укрепления его власти как необходимого условия стабильности нашей Восточной империи, теперь начали пересматривать свои предубеждения.

Таким образом, когда лорд Солсбери пришел к власти в июне 1885 года, он обнаружил, что дела на Востоке быстро назревают для изменения британской политики - изменения, которое, как известно, соответствовало его собственным убеждениям. Наконец, свадьба принцессы Беатрис с принцем Генрихом Баттенбергским 23 июля 1885 года добавила тот оттенок личной заинтересованности, который позволил придворным кругам порвать с традициями прошлого и хладнокровно встретить новую ситуацию. Соответственно, мощь Великобритании, которая в 1876-78 годах использовалась для того, чтобы помешать росту свободы на Балканском полуострове, теперь была направлена на защиту союза Болгарии. В эти критические месяцы сэр Уильям Уайт исполнял обязанности посла в Константинополе и с красноречивым успехом использовал свои обширные знания о балканских народах для достижения этой благотворной цели.

Лорд Солсбери посоветовал султану не посылать войска в Южную Болгарию; и это предупреждение прозвучало с ноткой робкого коварства, которое составляло подтекст мысли и политики этого монарха. Отвлеченный новостями о военных приготовлениях Сербии и Греции, Абдул Хамид воспринял совет России в противоположном смысле как проявление московского предательства. Примерно в то же время поползли слухи о дворцовых заговорах в Константинополе, и капризный отшельник из Илдиза наконец решил держать свои лучшие войска под рукой. Таким образом, похоже, что нигилизм в России и призрак заговора, всегда преследующий мозг Абдула Хамида, сыграли свою роль в обеспечении свобод Болгарии.

Тем временем Державы направили своих послов в Константинополь с просьбой провести предварительную конференцию, на которой была бы представлена Турция. Результатом стала декларация, выражающая официальное неодобрение нарушения Берлинского мирного договора и надежду на то, что все заинтересованные стороны сохранят мир. Этот мягкий протест весьма неадекватно отражал характер дискуссий, которые велись между несколькими судами. Россия, как известно, хотела возложить вину за революцию на принца Александра, но Англия наложила вето на любое общественное порицание.

Вероятно, ее действия были столь же эффективны и в еще более важных вопросах. Официальное совещание послов Держав собралось в Константинополе 5 ноября; и там снова сэр Уильям Уайт, действуя по указанию лорда Солсбери, защищал болгарское дело и стремился установить дружественное взаимопонимание между Портой и "народом, занимающим столь важное положение во владениях султана". Лорд Солсбери также предупредил турецкого посла в Лондоне, что если Турция попытается изгнать принца Александра из Восточной Румелии, она "сделает себя инструментом тех, кто желал падения Османской империи"[201]."

Эта ссылка на коварные средства, используемые Россией для приведения турок в состояние опеки в качестве предварительного шага к разделу, была эффективным напоминанием об унижениях, которым они подверглись со стороны России по Ункиар-Скелесскому мирному договору (1833). Франция также не проявила желаний присоединиться к требованию России и Австрии о том, чтобы султан немедленно восстановил *статус-кво*; и постепенно более умные турки пришли к пониманию, что сильная Болгария, независимая от российского контроля, могла бы стать дополнительной защитой от Колосса Севера. Настойчивость России в точном выполнении Берлинского мирного договора помогла открыть им глаза и придала силу аргументам сэра Уильяма Уайта о необходимости укрепления этого договора путем "внесения в него своевременного улучшения"[202]."

Из-за противодействия Великобритании и в некоторой степени Франции предлагаемому восстановлению старого порядка вещей в Восточной Румелии Конференция подошла к концу в конце ноября, и три имперские державы обвинили сэра Уильяма Уайта в его обструктивной тактике. Обвинения не подлежат проверке, но они демонстрируют раздражение этих правительств на чемпионате Англии по болгарскому делу[203]. Болгары всегда помнят имена лорда Солсбери и сэра Уильяма Уайта как друзей, оказавшихся в беде.

Однако в основном консолидация Болгарии была достигнута ее собственными отважными сыновьями. В то время как Имперские державы предлагали перевести стрелки часов вспять, прозвучал сигнал тревоги, возвещающий о наступлении новой эры в истории балканских

народов. Действие, приведшее к этому изменению, было поразительным как по своему началу, так и по сопутствующим инцидентам, и еще больше по своим результатам.

Там, где Абдул Хамид воздержался от участия, даже будучи мандатарием Континентальных судов, вмешался Милан из Сербии. В качестве оправдания своей агрессии король Белграда заявил о вреде, нанесенном сербской торговле недавним пересмотром болгарского тарифа. Но Державы оценили эту жалобу и другие по достоинству и увидели в его действиях просто желание захватить часть Западной Болгарии в качестве противовеса недавнему росту этого княжества. Со всех сторон его действия по объявлению войны принцу Александру (14 ноября) встретили осуждение, даже со стороны его проводника и друга Австрии. Недавний отчет Венгерского комитета по иностранным делам содержал рекомендацию, которая подразумевала, что он должен получить компенсацию; и это, казалось, демонстрировало желание более активной части Двойной монархии мирно, но эффективно отстаивать его дело[204].

Тем не менее, король решил сколотить свое состояние собственным мечом. У него были некоторые основания для уверенности. Если болгарский *свершившийся факт* может добиться молчаливого признания со стороны держав, почему сербский триумф над Болгарией не должен заставить их действовать еще раз? Принц Александр был небезопасен на своем троне; благодаря действиям России в его войсках было очень мало опытных офицеров; и ввиду недовольства султана его южная граница не могла быть очищена от войск. Никогда случай не казался более отчаянным, чем случай "Крестьянского государства", покинутого и попираемого Россией, нелюбимого султаном, находящегося в плохих отношениях с Румынией и публично отчитываемого Континентальными державами за свое неподобающее поведение. Триумф Сербии казался обеспеченным.

Но теперь появилось еще одно доказательство животворящей силы национального принципа. За семь лет угнетенные крестьяне Болгарии превратились в мужчин и теперь поражали мир своей доблестью. Уход русских офицеров оставил вакантной половину капитанских должностей, но они были быстро заполнены молодыми лейтенантами-энтузиастами. Из-за подрыва линии от Филиппополя до Адрианополя имелось в наличии только пять локомотивов для перевозки обратно на север войск, которые до сих пор были сосредоточены на южной границе; и эти пять были уже перегружены. Тем не менее, инженеры теперь обработали их еще усерднее, и они не сломались[205]. Отважные крестьяне преодолевали невероятно большие расстояния в своем стремлении встретиться со сербами. Приготовления были проведены с успехом, который кажется чудом для неопытной расы. Объяснение было впоследствии верно подмечено английским гостем, посетившим Болгарию. "В этом секрет болгарской независимости - все настроены мрачно и серьезно. Болгары не заботятся о развлечениях[206]." В этом замечании есть пища для размышлений. Неэффективности нет места среди людей, которые заботятся о благосостоянии государства как о целом в целом. Срывы происходят, когда мужчины больше думают о "спорте" и удовольствиях, чем о том, как сделать все возможное для своей страны.

Результаты этой мрачной серьезности должны были поразить мир. Сначала сербы добились некоторых успехов перед Виддином и Сливницей, но защитники последнего места (важнейшей позиции к северо-западу от Софии) поспешили подтянуть все возможные силы. Говорят, что два болгарских полка прошли 123 километра за тридцать часов, чтобы защитить это военное

укрепление своей столицы; в то время как другие, измотанные маршем, выехали вперед верхом, по два человека на каждую лошадь, а затем бросились в бой. Болгарская артиллерия была хорошо обслужена и оказалась намного превосходящей сербскую.

Таким образом, в первые два дня конфликта в Сливнице защитники отбили сербов с некоторыми потерями. На третий день (19 ноября), получив подкрепление, они с удивительной энергией перешли в наступление. Талантливый молодой офицер Бендерев повел их правое крыло с играющими оркестрами и развевающимися знаменами штурмовать склоны холмов, которые доминировали над сербскими позициями. Отважные крестьяне взобрались на холмы и предприняли последнюю штыковую атаку с такой яростью, что захватчики бежали в дикой панике и почти не останавливались, пока не достигли своей границы.

С тех пор королю Милану приходилось немало потрудиться, чтобы удержать своих людей вместе. Многие из них были необстрелянными солдатами; их боеприпасы были почти израсходованы, а их боевой дух совершенно исчез. Принцу Александру было нетрудно вытеснить их из Пирота, и, казалось, перед ним была чистая дорога на Белград, когда внезапно он был остановлен угрозой с севера[207].

Специальный посланник, посланный габсбургами, граф Хевенхюллер, поспешно прибыл в ставку принца 28 ноября и в властных выражениях попросил его предоставить Сербии перемирие, в противном случае австрийские войска немедленно перейдут границу, чтобы прийти ей на помощь. Перед этой угрозой Александр уступил, и некоторые из его людей обвинили его в этом акте уступчивости. Но, несомненно, он не мог поступить иначе. Три императора, в последнее время действовавшие согласованно в балканских вопросах, имели возможность сокрушить его, направив турок против Филиппополя или свои собственные войска против Софии. Он удовлетворил требования чести; он наказал Сербию за ее раздражительную и безжалостную ревность. Под его руководством болгары покрыли себя славой и одним прыжком прошли путь от политической юности до зрелости. Почему он должен рисковать их новообретенным единством только для того, чтобы унижить Сербию? Принц никогда не действовал более осмотрительно, чем когда решил не вводить в бой Силы, которые, как он считал, подтолкнули Сербию к войне[208].

Если бы он знал, что российский канцлер де Гирс, услышав об угрозе Австрии Болгарии, проинформировал венский двор о снисходительном недовольстве царя, если бы эта угроза была приведена в исполнение, возможно, он разыграл бы грандиозную игру, наступив на Белград, свергнув и без того непопулярного короля Милана и предложив царю возглавить объединенное сервоболгарское государство. Таким образом, он мог бы умиротворить этого монарха, но ценой европейской войны. То ли из-за недостатка информации, то ли из чувства благоразумия и человечности, принц сдержался и решил заключить мир с Сербией. Несмотря на множество трудностей, возникших на пути короля Милана, таков был итог последовавших переговоров. Два государства, наконец, пришли к соглашению по Бухарестскому мирному договору, по которому, благодаря здравому смыслу участников переговоров и усилиям Турции по урегулированию этих разногласий, был обеспечен мир на основе *status quo ante bellum* (3 марта 1886 г.).

Порта уже продемонстрировала свою добрую волю по отношению к Болгарии самым показательным образом. Этот полный поворот политики может быть объяснен несколькими причинами. Во-первых, принц Александр, выступая против сербов, очень тактично заявил, что

он делает это от имени существующего порядка вещей, который они были склонны свергнуть. Поскольку его действия соответствовали его словам, Порта постепенно стала видеть в нем мощного защитника от России. Этой перемене в отношении султана, несомненно, способствовали доводы лорда Солсбери турецкому послу в Лондоне. Он резюмировал все аргументы в пользу признания союза двух Болгар в следующих замечаниях (23 декабря 1885 г.):

Опыт каждой недели показывал, что Порте нечего опасаться подчинения Болгарии иностранному влиянию, если только Болгарии будет позволено осуществить свои единодушные желания, и Порта не станет беспричинно противопоставлять себя общему чувству народа. Болгария, дружественная Порте, и ревниво относящаяся к иностранному влиянию, была бы гораздо более надежным оплотом против иностранной агрессии, чем две Болгарии, разделенные в управлении, но объединенные в рассмотрении Порты как единственного препятствия для их национального развития[209].

События показали обоснованность этого заявления государственного деятеля. В конце года принц Александр вернулся с фронта в Софию и был встречен бурными овациями как защитник болгарских свобод. Кроме того, теперь ему было нетрудно прийти к взаимопониманию с турецкими комиссарами, направленными для изучения общественного мнения в Южной Болгарии. Самым значительным из всего этого был гнев царя при виде его популярности и полный крах русской партии в Софии.

Тем временем Державы оказались вынуждены мало-помалу отказаться от своей педантичной решимости восстановить Берлинский мирный договор. Сэр Роберт Морье, британский посол в Санкт-Петербурге, в письме сэру Уильяму Уайту от 27 декабря 1885 года так прокомментировал причины, обеспечившие успех болгарскому делу:

Величайшее благоразумие, проявленное лордом Солсбери, и непревзойденное умение, с которым вы сыграли свою роль, сделали эту игру успешной; но единственной удачей, которой мы в основном обязаны неисчислимой глупости сербской атаки, было то, что полководчество принца Александра и боеспособность его солдат поставили на место действия наших соперников [его собственные и сэра У. Белый] в совершенной гармонии с сокрушительной логикой факта. Таким образом, соперничество полностью поглощено частью космической работы, столь успешно выполненной. Из протоплазмы балканского хаоса возникло государство.

Сэр Роберт Морье, наконец, заявил, что если бы сэру Уильяму Уайту удалось создать независимую Болгарию, дружественную Румынии, он совершил бы величайший дипломатический подвиг с тех пор, как государственные действия сэра Джеймса Хадсона в Турине в критические месяцы 1859-60 годов обеспечили Англии более влиятельное положение в Италии, чем Франция обеспечила своей помощью в кампании при Сольферино. Похвала преувеличена, поскольку она не учитывает государственное искусство Бисмарка в 1863-64 и 1869-70 годах; но, безусловно, среди *мирных* триумфов последних лет сэр Уильям Уайт должен занимать очень высокое место.

Однако, если мы исследуем внутреннюю причину успеха дипломатии Хадсона и Уайта, мы должны частично приписать ее ошибкам держав-освободительниц, Франции и России. Наполеон III, потребовав уступки Савойи и Ниццы и раскрыв свой план галлицизации Итальянского полуострова, быстро добился отчуждения итальянцев. Действия России, вынудившей Болгарию отказаться от Добруджи как эквивалента части Бессарабии, которую она отняла у Румынии, также обострили чувство благодарности этих народов; а поведение московских агентов в Болгарии вызвало в этом княжестве чувства более горькие, чем те, которые итальянцы испытывали при потере Савойи и Ниццы. Настолько верно, что как в общественной, так и в частной жизни способ причинения вреда имеет большее значение, чем самвред. Именно на этом чувстве обиды (ошибочно названном "неблагодарностью" "освободителями") британская дипломатия сработала с красноречивым эффектом в обоих случаях. Это принесло "освобожденным" существенные выгоды; но их ценность удваивалась из-за контраста, который они представляли по сравнению с потерями или раздражением, вызванными действиями Наполеона III. и Александра III.

Настоящему автору кажется, что величайшими достижениями сэра Уильяма Уайта были, во-первых, то, что он заставил султана замолчать (следует отметить, что этот нервный отшельник никогда не чурался этого), когда Нелидов пытался натравить его на Болгарию; и, более того, то, что он помог установить хорошее взаимопонимание между Константинополем и Софией. Принимая во внимание ненависть, которую Абдул Хамид питал к Англии после ее интервенции в Египет в 1882 году, это, безусловно, было большим дипломатическим достижением; но, возможно, Абдул Хамид надеялся извлечь выгоду на Ниле из своей уступчивости британской политике на Балканах.

Итогом всего этого стало заключение Турецко-болгарской конвенции (1 февраля 1886 г.), по которой Порта признала принца Александра губернатором Восточной Румелии сроком на пять лет; несколько пограничных округов в Родопях, населенных мусульманами, были переданы султану и (чудо из чудес!) Турция и Болгария заключили наступательный и оборонительный союз. В случае иностранной агрессии против Болгарии туда были бы отправлены турецкие войска под командованием принца; в случае вторжения в Турцию болгарские войска вошли бы в состав армии султана, отражающей захватчика. В остальном положения Берлинского мирного договора оставались в силе для Южной Болгарии[210].

Так случилось, что в тот же день кабинет Солсбери подал в отставку, и мистер Гладстон стал премьер-министром, а лорд Роузбери получил портфель министра иностранных дел. Это событие внесло незначительные изменения в восточную политику Великобритании, и это заявление подчеркнет важность изменения отношения Консервативной партии к этим делам в 1878-85 годах - изменения, несомненно, в основном благодаря маркизу Солсбери.

В официальных записках графа Розбери прослеживается несколько большая уступчивость по отношению к России, например, когда 12 февраля он поручил сэру Уильяму Уайту посоветовать Порте изменить свое соглашение с Болгарией, отказавшись от условия о взаимной военной помощи. Несомненно, этот совет был здравым. Это совпадало с известными мнениями Венского суда; и в то же время Россия официально заявила, что она никогда не сможет принять это условие[211]. Поскольку Германия придерживалась той же точки зрения, Порта согласилась исключить неприятный пункт. Правительство царя также возражало против упоминания имени принца Александра в Конвенции. Это неожиданное оскорбление, естественно, вызвало

возмущение принца; но поскольку британское правительство прислушалось к мнению России по этому вопросу, Конвенция была окончательно подписана в Константинополе 5 апреля 1886 года. Державы, включая Турцию, таким образом, признали "принца Болгарии" (не названного) губернатором Восточной Румелии сроком на пять лет и передали "Органический статут" этой провинции на пересмотр совместной конференции.

Принц подчинился этому соглашению, каким бы временным и унижительным оно ни было. Но оскорбления, нанесенные Россией, еще теснее привязали его к своему народу; и в объединенном парламенте, где 182 члена из общего числа 300 поддержали его министров, он выступал за меры, которые укрепили бы союз. Болгарский вскоре стал официальным языком по всей Южной Болгарии, к неудовольствию греческого и турецкого меньшинств. Но главной причиной беспорядков по-прежнему оставались интриги российских агентов.

Гнев царя из-за успеха его ненавистного родственника проявлялся по-разному. Не довольствуясь нанесением всевозможных оскорблений и нарушением мира в Болгарии через своих агентов, он даже пригрозил Европе войной по этому вопросу. В Севастополе 19 мая он заявил, что обстоятельства могут вынудить его "силой оружия защищать достоинство Империи" - угроза, вероятно, направлена против Болгарии и Турции. По возвращении в Москву он получил восторженный прием от пылких славянофилов старой русской столицы, мэр выразил в своем обращении надежду, что "крест Христов вскоре воссияет над Святой Софией" в Константинополе. В конце июня российское правительство отказалось от пункта Берлинского мирного договора, делающего Батум свободным портом^[212]. Несмотря на энергичный протест лорда Роузбери против этого нарушения договорных обязательств, царь и г-н де Гирс остались при своем решении, очевидно, в качестве ответа на помощь, оказанную Лондоном союзу двух Болгар.

Двоевластная монархия, особенно Венгрия, также ощутила на себе всю тяжесть неудовольствия России в обмен на сочувствие, проявленное к принцу в Пеште и Вене; и если бы не сила, которую давала дружба с Германией, эта Держава почти наверняка столкнулась бы с войной со стороны разгневанного властителя Севера.

Турция, не имея защитника, находилась в еще большей опасности; ее поведение, заключавшееся в попустительстве проступкам принца Александра, было столь же отвратительно Александру III, так же, как зверства ее башибузуков десять лет назад были совершены по отношению к его более благородному предку. Ни для кого не секрет, что летом 1886 года царь готовился нанести тяжелый удар. Султан уклонился от этого, ловко сменив позицию и выдав себя за доброжелателя царя, после чего М. Нелидов, российский посол в Константинополе, предложил наступательный и оборонительный союз и дошел до того, что предложил им начать войну против Австрии и Англии, чтобы восстановить власть султана над Боснией и Египтом за счет этих вторгшихся держав. Насколько далеко зашли переговоры по этому вопросу и почему они провалились, неизвестно. Обычное объяснение, что царь не обнажал меч из-за своего миролюбия, вряд ли согласуется с тем, что сейчас известно о его характере и его дипломатии. Более вероятно, что он был умиротворен событиями, которые сейчас будут описаны, и после этого придавал меньшее значение прямому вмешательству в балканские дела.

В этом поколении не произошло ничего более удивительного, чем похищение принца Александра офицерами армии, которую он недавно привел к победе. И все же это дело требует объяснения. Некоторые из них питали к нему неприязнь за то, что он недостаточно высоко оценил их заслуги во время Сербской войны и за введение немецких военных инструкторов по ее окончании. Среди недовольных был Бендерев, герой Сливницы, который, проявив невежливость по отношению к принцу, остался без награды. На этой недовольной кучке людей русские интриганы с выгодой для себя закрепились, в результате чего по крайней мере один полк начал колебаться в своей лояльности.

Военный заговор держался в резерве на крайний случай. Во-первых, российский подданный, капитан Набоков, стремился упростить ситуацию, наняв несколько черногорских головорезов и попытавшись убить или похитить принца, когда он приближался к Бургасу во время тура по Восточной Болгарии. Этот план стал известен благодаря верности болгарского крестьянина, после чего Набоков и черногорский священник были арестованы (18 мая). Немедленно появился российский консул в этом морском порту, потребовал освобождения заговорщиков, а когда в этом было отказано, пригрозил болгарским властям, если правосудие восторжествует. Немаловажно, что воинственная речь царя в Севастополе потрясла мир на следующий день после ареста заговорщиков в Бургасе. Очевидно, арест Набокова побудил царя всея Руси поддержать достоинство своей империи, обрушившись с угрозами на государство, которое защищало себя от заговора. Поборник порядка в России, таким образом, фигурировал как подстрекатель заговорщиков на Балканах.

Угрозы Северной державы позволили отложить суд над заговорщиками, и дело все еще оставалось нерешенным, когда заговорщики в Софии разыграли свою последнюю карту. Бендерев в то время исполнял обязанности военного министра и нашел средства распространить по радио слух о том, что Сербия вооружается как бы для войны. Отправив на север несколько верных войск для защиты от этой необоснованной опасности, он оставил столицу на милость настоящего врага.

21 августа, когда все было готово, полк Струма ночью поспешным маршем вернулся в Софию, разоружил немногочисленный верный ему гарнизон, окружил дворец принца, в то время как зачинщики ворвались в его спальню. Ему удалось сбежать по коридору, ведущему в сад, но только для того, чтобы быть встреченным направленными штыками и криками ненависти. Лидеры оттолкнули его в угол, вырвали лист из книги посетителей, которая лежала на столе рядом, и на нем поспешно нацарапали слова, подразумевающие отречение; принц поставил свою подпись вместе с молитвой "Боже, храни Болгарию". На рассвете мятежники силой усадили его в карету, а Бендерев и его сообщники столпились вокруг, чтобы с насмешками прогнать его и скрыть от глаз публики. Оттуда его на предельной скорости погнали по проселкам в сторону Дуная. Там у заговорщиков была наготове его собственная яхта, которую они захватили и повезли его вниз по течению к российской территории.

Взрыв негодования, с которым цивилизованный мир услышал об этом отвратительном деянии, имел аналог в Болгарии. Осуждение было настолько общим и яростным (за исключением российской и бисмарковской прессы), что российское правительство предприняло некоторые шаги, чтобы отмежеваться от заговора, одновременно извлекая выгоду из его результатов. 24 августа, когда принца высадили на берег в Рени, российские власти держали его под охраной, и это тоже несмотря на приказ царя, уполномочивающий его "продолжать свое путешествие

именно так, как ему заблагорассудится". Напротив, его задержали на некоторое время, а затем разрешили уехать поездом только в северном направлении. В конечном итоге он въехал на территорию Австрии через Лемберг в Галиции 27 августа. Целью правительства Санкт-Петербурга, очевидно, было дать заговорщикам в Софии достаточно времени для консолидации своей власти[213].

Между тем, с помощью военной демонстрации, раздачи денег *имолемна* в соборе за "освобождение от принца Баттенберга" мятежники пытались убедить жителей Софии, что мир и процветание непременно наступят в результате возвращения благосклонности царя. Население приняло первые знаки его доброй воли и ожидало развития событий. Они не были многообещающими для мятежников. Британский консул в Филиппополе капитан Джонс, услышав об этом деле, поспешил к командующему гарнизоном генералу Муткурову и умолял его сокрушить заговорщиков[214]. Генерал быстро мобилизовал свои собственные войска и гарнизоны в других местах на стороне принца, в результате чего большая часть армии отказалась принести присягу на верность новому русофильскому министерству, состоящему из таких обрезчиков, как епископ Климент и Занков. Каравелов также использовал свое влияние против них.

Прежде всего, Стамбулов яростно работал на принца; и когда викарий Брея в митре носил служебные печати и пользовался официальными советами предателей и охотников за престолом, никакие молитвы греческой церкви и золото русских агентов не могли надолго поддержать правительство против нападков этого волевого патриота с чистыми руками. Стыд за позор, навлеченный таким образом на его народ, удвоил его силы; и с помощью всего лучшего, что было в общественной жизни Болгарии, ему удалось вернуть Климента и его товарищей обратно в их ряженные места и подпольные заговоры. Фортуна повернулась вспять так быстро, что новому временному правительству удалось сорвать отправку в Россию специального уполномоченного генерала Долгорукова, через которого Александр III. стремился даровать обещанные благословения этому "испытанному" княжеству.

Теперь голос Болгарии был услышан. Раздавался только один крик - о возвращении принца Александра. Он сразу же согласился исполнить желание своего народа; и, проехав по железной дороге через Бухарест, он достиг берегов Дуная и ступил на борт своей яхты, теперь уже не пленником, а героем немецкого, мадьярского и балканского народов. В Рустчуке офицеры и помощники шерифа вынесли его на берег на плечах к восторженным людям. Его приветствовал даже Генеральный консул в России - факт, который заставил его сделать ложный шаг. Позже в тот же день, когда Стамбулова не было дома, он побеседовал с этим агентом, а затем отправил телеграмму царю, сообщая о своем возвращении, выражая благодарность за дружеский прием со стороны главного агента России и свою готовность последовать совету генерала Долгорукова. Телеграмма заканчивалась так:

Я был бы счастлив представить Вашему Величеству окончательное доказательство преданности, которую я питаю к Вашей августейшей особе. Монархический принцип вынуждает меня восстановить верховенство закона (*la légalité*) в Болгарии и Румелии. Россия отдала мне мою корону, и я готов вернуть ее в руки ее Суверена.

На это царь послал следующий телеграфный ответ и разрешил немедленно опубликовать его в официальной газете в Санкт-Петербурге:

Я получил телеграмму Вашего Высочества. Я не могу одобрить ваше возвращение в Болгарию, поскольку предвижу зловещие последствия, которые это может повлечь за собой для Болгарии, уже подвергшейся таким испытаниям. Миссия генерала Долгорукова сейчас неуместна. Я воздержусь от нее в связи с печальным положением вещей, в котором находится Болгария, пока вы остаетесь там. Ваше высочество поймет, что вы должны сделать. Я оставляю за собой право судить о том, что предписано мне чтимой памятью моего отца, интересами России и миром на Востоке[215].

Что побудило принца использовать необычные слова, содержащиеся в последнем предложении его телеграммы, можно только догадываться. Содержание его разговора с генеральным консулом России неизвестно; и до тех пор, пока слова этого чиновника не будут полностью объяснены, его следует подозревать в том, что он сыграл с принцем дипломатическую версию трюка с доверием. Другая версия, принадлежащая месье Эли де Циону, заключается в том, что он действовал по указанию российского канцлера де Гира, который верил, что царь смягчится. Напротив, он вырвался и отправил ответ, приведенный выше, по[216].

Неудивительно, что после получения отповеди царя принц казался мрачным и подавленным, тогда как все вокруг него были полны радости. В Тырнове и Филиппополе ему оказали такой же прием; но попытка пустить под откос его поезд по пути в Софию показала, что злоба его врагов все еще не утолена. Отсутствие российского и немецкого консулов на государственном приеме, устроенном принцу в столице 3 сентября, показало, что ему приходилось считаться с враждебностью или неодобрением этих правительств; и был тот зловещий факт, что русский агент в Софии недавно вмешался, чтобы предотвратить наказание мятежников и епископа Климента. Однако мало кто был готов к тому, что последовало. Войдя в свой дворец, принц созвал своих офицеров и объявил, что, отчаявшись преодолеть антипатию царя к нему, он должен отречься от престола. Многие из них разрыдались, и один из них воскликнул: "Без вашего Высочества нет Болгарии".

Этот поступок, когда принц, казалось, был на пике популярности, вызвал сильное удивление. Ниже приведены причины, которые, вероятно, продиктовали это. Во-первых, он, возможно, чувствовал себя обязанным выполнить обещания, которые он слишком доверчиво дал царю в своей рустчукской телеграмме и которыми этот властитель столь не по-рыцарски воспользовался. Во-вторых, вмешательство России для защиты мятежников от справедливого наказания свидетельствовало о ее намерении разжигать дальнейшие заговоры. В этом вмешательстве, как ни странно, она пользовалась поддержкой германского правительства, Бисмарк настойчиво использовал свое влияние в Берлине против принца, чтобы предотвратить опасность войны, которая раз или два казалась неминуемой между Россией и Германией.

Далее, мы можем отметить, что Австрия и другие государства не имели желаний подвергаться нападению со стороны Восточной державы из-за личных отношений между двумя Александрями. Великобритания также была в то время слишком стеснена внутренними и колониальными трудностями, чтобы иметь возможность сделать больше, чем просто высказать добрые пожелания.

Таким образом, слабость или усталость дружественных Болгарии государств развязали царю руки в личной вражде, на которую он так рассчитывал. Соответственно, 7 сентября принц покинул Болгарию под стенания этого обычно флегматичного народа и сочувствие мужественных сердец во всем мире. В Буда-Пеште и Лондоне появились зловещие признаки того, что царю не следует продолжать свой триумф. Господин Тиса в конце месяца заверил венгерских депутатов, что, если султан не решит восстановить старый порядок вещей в Южной Болгарии, никакая другая держава не имеет права вмешиваться туда силой оружия. Лорд Солсбери также на банкете у лорд-мэра 9 ноября с поразительной откровенностью обрушился с критикой на "офицеров, развращенных иностранным золотом", которые предали своего принца. Далее он заявил, что весь интерес к иностранным делам сосредоточен в Болгарии, и выразил убеждение, что свобода этого государства будет гарантирована.

Эти речи, безусловно, были задуманы как предупреждение России и протест против ее действий в Болгарии. После отъезда принца Александра царь придумал способ восстановить порядок в этой "испытанной" стране с помощью генерала Каульбарса, брата генерала, который пытался похитить принца Александра тремя годами ранее. Известно, что отставка младшего Каульбарса была неприятна более миролюбивому канцлеру-германофилу де Гирсу, который, как говорят, препятствовал успеху его миссии. Такова, по крайней мере, версия, приведенная его личными врагами, Каткоффом и де Ционом[217]. Вскоре Каульбарсу удалось укрепить репутацию своей семьи. Прибыв в Софию, 25 сентября, он приказал освободить военных заговорщиков, все еще находившихся под арестом, и отложить предстоящие выборы в Собрание; в противном случае Россия не считала бы их законными. Болгарские регенты во главе со Стамбуловым решительно выступили против этих требований и назначили выборы на 10 октября; после чего Каульбарс подверг жителей Софии, а затем и всех главных городов, демонстративной запугивающей риторике, которая преуспела в том, что стерла все воспоминания о русских подвигах девятилетней давности[218].

Несмотря на его угрозу, что 100 000 российских солдат были готовы оккупировать Болгарию, несмотря на убийство четырех патриотов его отрядом "браво" в Дубнице, Болгария отвергла угрозы, избрав 470 сторонников независимости и единства против 30 русофилов и 20 депутатов сомнительных взглядов. Собрание собралось в Тырнове и, не обращая внимания на его протест, приступило к избранию принца Дании Вальдемара; затем оно утвердило Стамбулова в его почти диктаторских полномочиях. Влияние царя на датский королевский дом привело к тому, что принц быстро отказался от этой опасной чести, которую, как считается, Россия тогда предназначила принцу Мингрелии, сановнику российского Кавказа.

Цель царя и Каульбарса теперь состояла в том, чтобы лишить возможности управлять страной; но им пришлось иметь дело с человеком гораздо более решительным и проникательным, чем принц Александр. Стамбул и его соотечественники изрядно утомили Каульбарса, пока этот имперский агент не был внезапно отозван (19 ноября). Он также приказал российским консулам удалиться.

Считается, что царь отозвал его отчасти из-за очевидного провала жесткой политики, но также из-за растущего беспокойства Австро-Венгрии, Англии и Италии по поводу обращения России с Болгарией. В течение нескольких месяцев европейская дипломатия обсуждала вопрос о независимости Болгарии; и здесь Россия еще не могла рассчитывать на союз с Францией. Как

было отмечено выше, Александр III. а де Гирс связал им руки союзом, заключенным в Скерневице в 1884 году; и у царя были основания ожидать, что австро-германское соглашение сработает против него, если он будет настаивать на своем решении Балканского вопроса.

Вероятно, именно это соображение побудило его довериться подпольным средствам обеспечения зависимости Болгарии. Если так, то он снова был разочарован. Стамбулов встречался со своими агентами повсюду, на земле и под землей. Этот сын трактирщика в Тырнове теперь продемонстрировал способность вдохновлять людей и управлять событиями, равную силе трактирщика "Пустерталь" Андреаса Хофера. Обескураженные болгары повсюду откликнулись на его призыв; при Руцуке они подавили восстание офицеров-русофилов, а по приказу Стамбулова девять мятежников были расстреляны (7 марта 1887 г.). После этого он действовал как диктатор и заключил в тюрьму ряд подозреваемых. Его соотечественники смирились с потерей гражданской свободы, чтобы обеспечить себе высшее благо национальной независимости.

Однако в основном освобождение Болгарии от российского контроля было обусловлено событиями, происходившими в Центральной Европе. Как будет показано в главе XII. благодаря этой работе царь и де Гирс в начале 1887 года убедились, что Бисмарк готовится к войне против Франции, и они решили держаться в стороне от других вопросов, чтобы иметь возможность поставить мат планам партии войны в Берлине. Орган, обычно вдохновляемый де Жиром, *Nord*, выступил с недвусмысленным предупреждением 20 февраля 1887 года и даже заявил, что с этой целью Россия позволит событиям в Болгарии идти своим чередом.

Таким образом, сложность общей ситуации в очередной раз способствовала делу свободы на Балканах; и путь был расчищен для решительного человека, который мог взойти на трон в Софии. Во время поездки по европейским столицам болгарская делегация нашла этого человека. Посланникам сообщили, что принц Фердинанд Саксен-Кобургский, внук Луи Филиппа по материнской линии, был бы рад такой опасной чести. Он был молод, амбициозен и, как показали события, одинаково тактичен и решителен в зависимости от обстоятельств. Тщетно Россия пыталась предотвратить его избрание, подталкивая султана к вмешательству. Абдул Хамид был не из тех, кто позволял себе долго быть лапой у России, и теперь предложил Державам назвать одного или двух кандидатов на трон Болгарии. Стамбулов усердно трудился для избрания принца Фердинанда, и 7 июля 1887 года он был единогласно избран Собранием. Единственная среди Великих держав Россия протестовала против его избрания и создала множество трудностей на его пути. Чтобы угодить царю, султан выразил свой протест, но этот акт вскоре был расценен как всего лишь ход в дипломатической игре.

Ограниченность места, однако, исключает возможность отметить более поздние события в истории Болгарии, такие как охлаждение, омрачившее отношения князя к Стамбулову, убийство последнего и окончательное признание князя российским правительством после "обращения" его маленького сына Бориса в греческую церковь (февраль 1896 г.). Таким любопытным образом исполнился пророческий совет, данный Бисмарком принцу вскоре после принятия им короны Болгарии: "Притворяйся мертвым (*справедливая смерть*)... Позволь потоку мягко вести себя и держись, как до сих пор, над водой. Ваш величайший союзник - время, сила привычки. Избегайте всего, что может раздражать ваших врагов. Если вы не дадите им повода, они не смогут причинить вам большого вреда, и со временем мир привыкнет видеть вас на троне Болгарии[219]."

Время сработало на благо Болгарии и помогло укрепить этого члена европейской семьи. Среди событий, создавших главные государства современности, нет более замечательных, чем те, которые наделили население угнетенных крестьян страстным желанием национального существования. Благодаря освободительным армиям России, доблести самих болгар, вдохновляющей личности князя Александра и упрямому упорству Стамбулова молодое государство прочно удержало жизнь. Но действовали другие, более странные влияния, заставлявшие этот народ действовать самостоятельно; их можно найти в порочном поведении Александра III. и его агентов. Политику России в отношении Болгарии можно охарактеризовать замечанием, сделанным сэром Робертом Морье сэру М. Гранту Даффу в 1888 году: "Россия - великое двухголовое существо, у которого одна голова европейская, а другая азиатская, но с постоянной привычкой поворачивать свое европейское лицо на Восток, а азиатское - на Запад"[220]." Азиатские методы, вставленные в применение силы против порабощенных татар, безусловно, сыграло немалую роль в становлении этого самого молодого из европейских государств.

Прощаясь с балканскими народами, мы можем отметить странную тенденцию событий к равновесию в Европе нынешнего века. Тридцать лет назад Турецкая империя, казалось, была на грани распада. Сегодня она сильнее, чем когда-либо; и причину этого следует искать не столько в бдительной хитрости Абдул Хамида, сколько в живительном принципе национальности, который превратил Болгарию и Румынию в два мощных барьера против российской агрессии в этом регионе. Вражда этих государств сменилась чем-то вроде дружбы, которая, в свою очередь, вероятно, перерастет в союз. Вместе они могли выставить на поле боя 250 000 хороших солдат - то есть большую силу, чем та, которой турки располагали в Европе во время войны с Россией. Таким образом, Турция находится в такой же полной безопасности, какой она была при Абдуле Азизе.

Просвещенная правительница могла бы еще больше укрепить свое положение. Точно так же, как Австрия набрала силу, сделав Венецию дружественной и союзной страной, а не подвластной провинцией, охваченной недовольством, так и Порты может обеспечить союз балканских государств, обращаясь с ними почтительно и назначая Македонии хорошее правительство.

Возможно, в будущем может быть сформирована федерация всех государств европейской части Турции. Если это так, Россия потеряет все точки опоры в четверти стран, где она раньше пользовалась активной поддержкой трех четвертей населения. Как бы то ни было, несомненно, что ее ошибки в 1878 году и после него глубоко изменили Восточный вопрос. Они послужили отмене тех, которые, как представляется настоящему автору, совершил лорд Биконсфилд в 1876-77 годах; а искусная дипломатия лорда Солсбери и сэра Уильяма Уайта вернула Англии престиж, который она затем утратила среди восходящих народов полуострова.

Окончательное решение запутанных расовых проблем Мейса донии нельзя откладывать надолго, несмотря на робкий эгоизм держав, взявших на себя обязательства по договору ради благополучия этой земли; и, когда этот вопрос больше нельзя будет откладывать или объяснять, следует надеяться, что британский народ, учтя уроки прошлого, будет настаивать на решении, которое будет соответствовать требованиям гуманности, которые, как было доказано, соответствуют требованиям просвещенной государственной мудрости[221].

СНОСКИ:

[184] *Крестьянское государство: Болгария в 1894 г.*, Э. Дайси, С.В. (1904), стр. 11.

[185] *Турция в Европе*, "Одиссей", стр. 28, 356, 367.

[186] *Турция в Европе*, "Одиссей", стр. 280-283, 297; *Крестьянское государство*, Э. Дайси, стр. 75-77.

[187] Рециус, Киперт, Риттер и другие географы и этнологи признают, что большинство населения Македонии составляют болгары.

[188] О сценах, которые произошли затем, см. *"Принц Александр де Баттенберг в Болгарии"*, А.Г. Драндар, стр. 169 и далее.; также А. Кох, *Фюрст Александр фон Булгариен*, стр. 144-147.

О тайных целях России см. *Секреты документов о русской политике на Востоке*, Р. Леонофф (Берлин, 1893), стр. 49-65. Генерал Соболев в книге *"Об эрсте фюрсте фон Болгарине"* (Лейпциг, 1896) дал весьма красочный русский отчет обо всех этих инцидентах.

[189] См. *"Балканский полуостров"* Лавели, стр. 259-262, чтобы узнать о Каравелоффе.

[190] Дж.Дж.К. Минчин, *Рост свободы на Балканском полуострове* (1886) стр. 237. Автор, генеральный консул Сербии в Лондоне, ранее опубликовал множество статей о балканских делах для *Times* и *Morning Advertiser*.

[191] *Бисмарк: некоторые тайные страницы его истории*, доктор М. Буш (Записка от 5 января 1886 г.), том iii. стр. 150 (английское издание).

[192] Международный договор не был опубликован; этим общим описанием я обязан любезности самого М. Миятовича.

[193] *документы секреты-де-ла-политика рюс Ан-Ориент*, изд. Р. Leonoff (Берлин, 1893), стр. 8, 48. Эта работа названа М. Мале в его *Библиографии* по Восточному вопросу на стр. 448, том ix. *Генеральной истории* М. Лависса и Рамбо. В его подлинности меня заверил джентльмен, хорошо разбирающийся в политике Балканских государств.

[194] О действиях Бисмарка и императора Вильгельма I. в 1885 году см. *Бисмарк: некоторые тайные страницы его истории*, М. Буш, том iii. стр. 171, 180, 292, также стр. 335. Русские агенты прибыли в Стамбул летом 1885 года, чтобы сказать, что "от принца Александра нужно избавиться, прежде чем он сможет вступить в союз с немецкой семьей регнант". Стамбулов сообщил об этом принцу. См. *Stambuloff*, А.Х. Биман, стр. 52.

[195] Р. Леонофф, указ. соч. стр. 81-84.

[196] *Борьба болгар за национальную независимость*, майор А. фон Хун, глава ii. Смотрите также, Parl. Документы, Турция, № 1 (1886), стр. 83.

[197] *Stambuloff*, автор А.Х. Биман, глава iii.; Парл. Документы, там же. стр. 81.

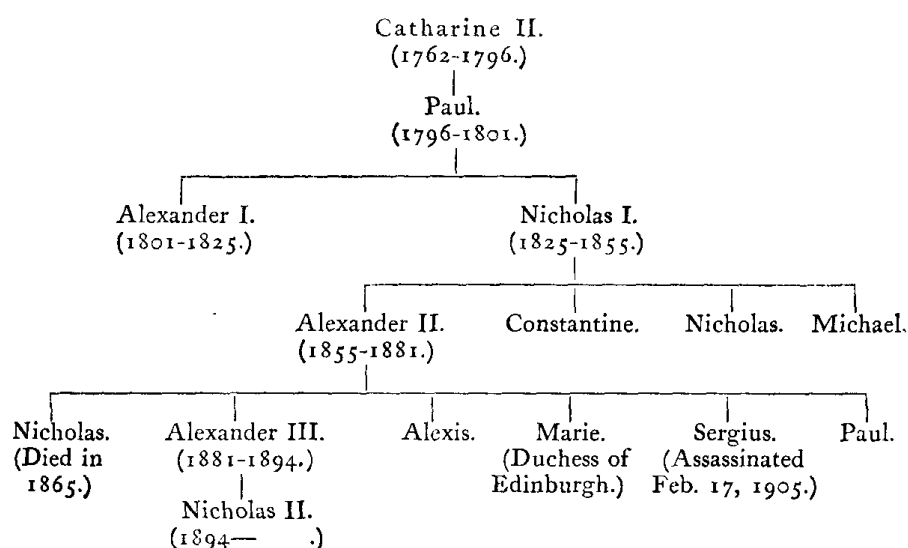
- [198] *Бисмарк: размышления и реминисценции*, том ii. стр. 116 (англ. изд.).
- [199] Р. Леонофф, указ. соч. Nos. 75, 77.
- [200] *Сэр Уильям Уайт: Мемуары и переписка*, Х. Сазерленд Эдвардс, стр. 231-232.
- [201] Парл. Документы, Турция, № 1 (1886), стр. 214-215. См. также, *там же*. стр. 197 и далее. за инструкциями лорда Солсбери сэру Уильяму Уайту относительно Конференции. Ввиду них нет необходимости тратить место на опровержение аргументов русофила А.Г. Драндара, указ. соч. стр. 147, о том, что Англия стремилась развязать войну между балканскими государствами.
- [202] *Там же*. стр. 273-274, 288 для политики России; стр. 284 для сэра У. Аргумент Уайта.
- [203] *Там же*. стр. 370-372.
- [204] Парл. Документы, Турция, № 1 (1886), стр. 250.
- [205] А. фон Хун, указ. соч. стр. 105.
- [206] Э.А.Б. Ходжеттс, *Вокруг Армении*, стр. 7.
- [207] Драндар, *Политические события в Болгарии*, стр. 89-116; фон Хун, указ. соч. парни. х. xi.
- [208] Драндар, указ. соч. глава iii.; Кун, указ. соч. глава. xviii.
- [209] Парл. Документы, Турция, № 1 (1886), стр. 424.
- [210] Парл. Газеты, Турция, № 2 (1886).
- [211] *Там же*. стр. 96-98.
- [212] Парл. Документы, Россия (1886), стр. 828.
- [213] А. фон Хун, указ. соч. глава iv.
- [214] Смотрите отчет мистера Минчина в "*Утреннем рекламодателе*" за 23 сентября 1886 года.
- [215] А. фон Хун, *Похищение принца Александра*, глава xi. (Лондон, 1887). Статья III. Берлинского мирного договора гласила так: "Князь Болгарии должен быть свободно избран населением и утвержден Великой Портой с согласия Держав". Россия не имела права *выбирать* принца, и ее *согласие* с его избранием было лишь *согласием* одной из шести Великих держав. Таким образом, ошибка принца Александра необъяснима.
- [216] *История франко-русского конфликта*, Эли де Цион, стр. 158.
- [217] Эли де Цион, *История франко-русского конфликта*, стр. 177-178.
- [218] Русофил Драндар (указ. соч. стр. 214) называет эти требования "замечанием умеренности и мудрости"! Для получения дополнительной информации о предвыборных приемах Каульбарса см. Минчин, указ. соч. стр. 327-330.
- [219] *Личные воспоминания принца Бисмарка*, С. Уитмен, стр. 179.
- [220] Сэр М. Грант Дафф, *Заметки из дневника (1886-88)*, том ii. стр. 139.

[221] О последних событиях в Македонском вопросе см. *Турция в Европе*, "Одиссей" (1900); *Ближневосточный вопрос*, В. Чирол, 18s. net (Мюррей); *Путешествие по Македонии*, Г.Ф. Эббот (1903); *Бремя Балкан*, мисс Эдит Дарем (1904); *Балканы изнутри*, Р. Вайон (1904); *Балканский вопрос*, под редакцией Л. Виллари (1904); *Критические времена в Турции*, Г. Кинг-Льюис (1904); *"За Македонию"*, В. Берард (Париж, 1904); *"Балканская школа"*, капитана Ламуша (Париж, 1899).

ГЛАВА XI

НИГИЛИЗМ И АБСОЛЮТИЗМ В РОССИИ

ДОМ РОМАНОВЫХ

Государственный деятель-виги Чарльз Джеймс Фокс однажды сделал глубокое, хотя и кажущееся парадоксальным утверждение, что самой опасной частью революции является Реставрация, которая ее завершает. Аналогичным образом мы можем рискнуть заявить, что величайшая опасность, порождаемая войной, кроется в непосредственно следующем за ней мирном периоде. Точно так же, как напряжение, связанное с любым физическим усилием, наиболее ощутимо, когда мышцы и нервы возобновляют свою нормальную работу, так и политическое тело подвержено депрессии, когда время возбуждения заканчивается и искусственная деятельность войны уступает место утомительной работе по оплате счетов. Англия после Ватерлоо, Франция и Германия после войны 1870 года дают примеры этой истины; но, возможно, никогда она не была проиллюстрирована более наглядно, чем в России 1878-82 годов.

Было несколько причин, по которым реакция должна была быть особенно острой в России. Славянские народы, составляющие основную массу ее населения, известны своей чувствительностью. Запертые почти на полгода суровой зимой, они естественным образом развивают привычку к задумчивому самоанализу или грубому анимализму - об этом свидетельствуют жалобные звуки их народных песен, пессимизм, который преследует их литературу, и пристрастие крестьян к выпивке. Московский темперамент и московский климат естественным образом приводят к идеалистическому стремлению противостоять жизненным невзгодам или к унылому пресмыкательству перед ними. Меланхолия или водка - вот результат всего этого.

Впервые великан Востока осознал свою силу во время вторжения Наполеона Великого. Сравнительная легкость, с которой Великая армия была разгромлена, оставила в национальном сознании России чувство гордости, которое никогда не терялось даже среди жестоких разочарований Крымской войны. Святая Русь когда-то дала отпор войскам Европы, руководимым величайшим полководцем всех времен. Поэтому она была достойным соперником для остальной части Континента. Таково было убеждение каждого патристично настроенного москвича. Что касается турок, то они были недостойны выступать на ристалище против солдат царя. Разве каждое десятилетие не приносило новых доказательств упадка

османских управленческих способностей и военной доблести? Они могли бы запугать болгарских крестьян и снискать лавры сербского ополчения. Но как могло это обанкротившееся государство и его недисциплинированные орды противостоять мощи России и рвению ее легионов-освободителей?

После предавания этим мечтам наяву разочарование, вызванное событиями в Плевне, наступило еще более жестоко. Один генерал за другим становился козлом отпущения за народное возмущение. Затем Генеральный штаб подвергся откровенному порицанию, и поползли слухи, что великий князь Николай, брат царя, был не только некомпетентен для ведения большой войны, но и виновен в закулисных сделках с подрядчиками, которые обманывали войска и наживались на государственных средствах. Письма от рядовых показывали, что хлеб был плохим, обувь гнилой, винтовки превосходили турецкие и что инструментов для рытья траншей не хватало в течение многих драгоценных недель[222]. Кроме того, выяснилось, что болгарские крестьяне находятся в более комфортных условиях, чем основная масса их освободителей, - открытие, которое пробудило в русских солдатах чувства, подобные тем, которые испытывали войска старой французской монархии, когда они сражались бок о бок с солдатами Вашингтона за торжество демократии в Новом Свете. В обоих случаях уроки были сохранены, чтобы быть использованными, когда поборники свободы вернутся домой и обнаружат, что старый порядок вещей рушится так же медленно и ржаво, как и прежде.

Наконец, последовал сокрушительный удар в виде Берлинского мирного договора. Русский народ боролся за идеал: он страстно желал увидеть крест на месте полумесяца, который в течение пяти столетий бросал вызов христианскому миру с вершины Святой Софии в Константинополе. Но британские броненосцы, австрийские легионы и германская дипломатия преградили путь в самый час триумфа, и Россия отступила. Московским энтузиастам-славянам даже Сан-Стефанский мирный договор казался пренебрежением священным долгом; Берлинский мирный договор казался самым трусливым из предательств. Как признается княгиня Радзивилл в своих *Воспоминаниях*, это событие сделало возможным нигилизм.

Как обычно, население, будь то реакционные славянофилы или либералы западноевропейского типа, вымещало свою злобу на правительстве. На какое-то время сильнейшая бюрократия в Европе была вынуждена действовать в обороне. Царь вернулся пораженный астмой и преждевременно состарившийся из-за лишений и забот кампании. Великий князь Николай был отозван со своего поста и, обнаружив признаки намеренной враждебности цесаревича, в феврале 1879 года был сослан в свои поместья. Правительство внушало скорее презрение, чем страх, и новый дух независимости пронизал все классы. Это было видно еще в феврале 1878 года при вынесении оправдательного приговора Вере Зазулич, даме, застрелившей начальника полиции Санкт-Петербурга, присяжными, состоящими из дворян и высокопоставленных чиновников; и вердикт, вынесенный на основании изобличающих доказательств, был в целом одобрен. Подобные преступления происходили почти каждую неделю[223]. Таким образом, все благоприятствовало планам тех, кто стремился свергнуть все правительства. Одним словом, результатом войны стал нигилизм.

Отцом этого мрачного вероучения был богатый русский землевладелец по фамилии Бакунин; или, скорее, он разделяет эту сомнительную честь с французом Прудоном. Бакунин, родившийся в 1814 году, начал активную жизнь во времена бездушных репрессий, начатых

царем Николаем I. (1825-1855). Испытывая отвращение к российской бюрократии, молодежь жадно впитывала философию Западной Европы, особенно Гегеля. Во время пребывания в Париже он принял и развил кредо Прудона о том, что "собственность - это кража", и стремился подготовить почву для крестового похода против всех правительств, создав Альянс социал-демократии (1869), который быстро превратился в знаменитый "Интернационал". Последовательно изгнанный из Франции и Центральной Европы, он в конце концов был передан русским и отправлен в Сибирь; отсюда он бежал в Японию и приехал в Англию, в конце концов обосновавшись в Швейцарии. Его труды и речи во многом пробудили у славян Австрии, Польши и России чувство их национальной важности и долга свергнуть правительства, которые ограничивали их энергию.

Как и в случае с Прудоном, его рвение ко всему несуществующему и ненависть к реальному граничили с безумием, как тогда, когда он включил большинство достижений искусства, литературы и науки в свои всеобъемлющие анафемы. Тем не менее, его крестовый поход на уничтожение пришелся по душе немалой части чувствительных народов славянской расы, которые, различаясь во многих деталях, все же испытывают неприязнь к репрессиям и страстное желание устроить свою "интрижку"[\[224\]](#). Объединение в Панславянской лиге для свержения Домов Романовых, Габсбургов и Гогенцоллернов обещало удовлетворить смутные стремления этой сильно сбитой с толку расы, чье имя, означающее "славный", стало синонимом рабства самого низкого типа. Таково было вероучение, которое тревожило Восточную и Центральную Европу на протяжении всего периода 1847-78 годов, время от времени вызывая своего рода иконоборческое неистовство среди своих приверженцев.

Это революционное кредо вобрало в себя другое, иного рода. Второе кредо было научным и эгоцентричным; оно зародилось в либеральном движении шестидесятых годов, когда начались реформы, даже в правительственных кругах. Царь Александр II в 1861 году освободил крепостных из-под контроля их господ и выделил им часть участков, которые они до сих пор обрабатывали на правах рабства. По разным причинам, которые мы не можем здесь подробно описать, крестьяне были далеки от удовлетворения этим изменением, поскольку оно было отягощено несколько обременительными условиями, надоедливymi ограничениями и иногда искажалось нечестными или враждебно настроенными чиновниками. Ограниченные полномочия местного самоуправления были также предоставлены в 1864 году местным земствам или земельным организациям; но они снова не смогли удовлетворить новую тягу к реальной системе самоуправления; и царь, видя, что его работа вызывает больше возмущения, чем благодарности, начал в конце шестидесятых годов возвращаться к старым абсолютистским методам[\[225\]](#).

В то же время группа писателей, из которых наиболее известен романист Тургенев, превозносила триумфы научных исследований и преимущества западной демократии. Именно он приспособил для научного или этического использования слово "нигилизм" (уже используемое во Франции для обозначения теорий Прудона), чтобы обозначить бунт личности против религиозных убеждений и патриархальных обычаев старой России. "Фундаментальным принципом нигилизма, - говорит "Степняк", - был абсолютный индивидуализм. Это было отрицание, во имя индивидуальной свободы, всех обязательств, налагаемых на человека обществом, семейной жизнью и религией[\[226\]](#)."

Какое-то время эти ученики Дарвина и Герберта Спенсера довольствовались академическими протестами против автократии; но вскоре бесполезность таких методов стала очевидной; влияние профессоров и философствующих эпикурейцев никогда не могло проникнуть в массы России и взбудоражить их до глубины души. В чем нуждались "интеллектуалы", так это в кредо, которое понравилось бы многим.

Это они почерпнули главным образом у Бакунина. Он указал путь к тому, что казалось практической политикой, к владению землей России мирами, коммунами ее бесчисленных деревень. Что касается методов, он выступал за пропаганду насилия. "Иди к людям", - сказал он, - "и обращай их к своим целям". Пример парижских коммунистов в 1871 году подкрепил его просьбы; и в последующие годы тысячи студентов, многие из которых происходили из знатных семей, тихо покинули свои дома, надели крестьянскую одежду, намазали лица дегтем, намазали руки дегтем и отправились в деревни или на фабрики в надежде расшевелить толстый осадочный слой российской системы[227]. Во многих случаях их максимальные усилия заканчивались неудачей, трагикомедия которой прекрасно изложена в *"Целине"* Тургенева. Еще чаще их целью оказывалась Сибирь. Но эти молодые мужчины и женщины трудились не напрасно. Их усилия ускорили включение философского нигилизма в вероучение Прудона и Бакунина. Нигилист времен Тургенева был гедонистом в клубах или безобидным ткачом научных утопий; нигилист нового века был опаснейшим из людей, отчаянным человеком, опоясанным боевым кредо.

Слиянию этих двух различных элементов во многом способствовал накал негодования, охвативший всю Россию, когда стали известны подробности официального казнокрадства и бесхозяйственности в войне с Турцией. Все объединилось, чтобы дискредитировать правительство; и энтузиасты всех мастей почувствовали, что времена научной пропаганды и скрытой агитации прошли. Вольтер должен уступить место Марату. Пришло время бомбе и кинжалу сделать свое дело.

Новые нигилисты организовали исполнительный комитет для смещения самых несносных чиновников. Его успех был ошеломляющим. Назовем лишь некоторые из их главных деяний: 15 августа 1878 года начальник полиции был убит возле одного из императорских дворцов в столице; а в феврале 1879 года был застрелен губернатор Харькова, и нигилистам удалось объявить о его осуждении с помощью плакатов, таинственным образом расклеенных в каждом крупном городе. Напрасно правительство вмешалось и заменило суд присяжных военной комиссией. Ссылка и повешение только придали нигилистам смелости, и не раз царь едва не пал жертвой их головорезов.

Самой поразительной из этих попыток был взрыв мины под банкетным залом Зимнего дворца в Санкт-Петербурге вечером 17 февраля 1880 года, когда императорская семья бежала из-за задержки прибытия великого герцога Гессенского. Десять солдат были убиты и сорок восемь ранены в караульном помещении и рядом с ним.

Царь ответил на возмущение терроризмом. Через неделю после этого возмущения он издал указ, приостанавливающий те немногие оставшиеся права местного самоуправления, которые до сих пор были пощажены реакцией, и передающий практически всю исполнительную власть специальной комиссии под председательством генерала Лориса Меликоффа. Этот человек был

армянином по происхождению и отличился как командующий в недавней войне в Азии, взятие Карса произошло во многом благодаря его расположению духа. К этим воинственным способностям, необычным для современных армян, он добавил административные способности высокого порядка. Пользуясь в особой степени доверием Александра II, ему было поручено наблюдение за всеми политическими процессами и фактический контроль над всеми генерал-губернаторами империи. Вслед за этим центральный комитет нигилистов объявил войну *вне закона* до тех пор, пока царь не уступит всенародно избранному Национальному собранию право реформировать жизнь России.

В этом была сила нигилистической партии. Насильственными средствами оно пыталось добиться того, чего желала значительная часть горожан, но не нашло средств потребовать законным образом. Лорис Меликофф, одаренный проницательностью своей расы, видел, что правительство мало чего добьется одним только терроризмом. Массовые аресты, ссылки и повешения только увеличивали число недовольных, особенно по мере того, как осужденные шли навстречу своей гибели со спокойным героизмом, который вызывал желание подражания или мести. Очевидно, что репрессии должны сопровождаться реформами, которые преодолели бы постоянно расширяющуюся пропасть между правительством и мыслящими классами народа. Он начал с того, что убедил императора освободить несколько сотен подозреваемых и смягчить суровые меры, принятые в отношении студентов университетов. Наконец, он стремился побудить царя создать представительные институты, о чем начали ходатайствовать даже дворяне. Мало-помалу он ознакомил его с планом расширения системы земств, предусматривающим создание выборных советов для городов и губерний, а также делегаций от провинциального *дворянства*. Он не предлагал демократизировать центральное правительство. По его плану дворянские депутаты и представители провинций и городов должны были направить делегатов в Государственный совет, чисто консультативный орган, основанный Александром I в 1802 году.

Несмотря на предварительный характер этих предложений и благоприятный прием, оказанный им Государственным советом, царь в течение нескольких дней не давал своего согласия. 9 марта он подписал указ, но только для того, чтобы отложить его публикацию до 12 марта. Только утром 13 марта он отдал окончательное распоряжение о его публикации *во официальном сообщении*. Это был его последний поступок в качестве законодателя. В тот день (1 марта, воскресенье по русскому календарю) он отправился на обычный военный парад, несмотря на серьезные предупреждения царевича и Лорис Меликова о слухах о нигилистическом заговоре. На их мольбы он ответил: "Только Провидение может защитить меня, и когда оно перестанет это делать, эти казаки вряд ли смогут помочь". Когда он возвращался, рядом с Екатерининским каналом под его карету была брошена бомба; взрыв оторвал заднюю часть кареты, ранив нескольких казаков из его эскорта, но оставив императора невредимым. Верный своему обычному чувству сострадания, он сразу же вышел, чтобы справиться о раненых. Этот поступок стоил ему жизни. Другой нигилист быстро подошел и бросил бомбу прямо ему под ноги. Как только дым рассеялся, стало видно, что Александр ужасно искалечен и лежит в крови. Он мог только пробормотать: "Скорее домой; отнесите во Дворец; там умрите". Там, в окружении своих самых близких, Александр II испустил последний вздох.

Расправившись с освободителем крепостных, когда они собирались вернуться к прежним и лучшим методам правления, нигилисты нанесли смертельный удар своему собственному делу. Как только стали известны подробности этого безобразия, старая любовь к царю вспыхнула с

новой силой: его несовершенства в общественной и частной жизни, кажущаяся слабость его внешней политики и недавнее использование им терроризма против партии прогресса были забыты; и для чувствительной русской натуры, всегда склонной к крайностям, его фигура предстала как друг мира и будущий реформатор, которому мешали в его усилиях неразумные советники и неблагоприятная судьба.

Его преемником был человек, отлитый по другому образцу. Одной из особенностей новейшей истории России является то, что ее правители отошли от политики своих непосредственных предшественников и вернулись к тому, от чего они отказались. Расплывчатый и великодушный либерализм Александра I. в 1825 году уступил место суровому самодержавию его брата Николая I. Оно было разрушено Крымской войной Александра II. вернулся к идеалам своего дяди, и это тоже в той нерешительной и неудовлетворительной форме, которая принесла горе этому правителю и волнения народу. Александр III, возведенный на трон бомбами революционеров, был полон решимости строить свою политику на принципах самодержавия и православия. Выдавать себя за реформатора означало бы внушать страх нигилистам; а новый правитель, наделенный великолепным телосложением, узким умом и суровой волей, всегда основывал свое поведение на элементарных понятиях, которые импонировали крестьянину и простому солдату. В 1825 году Николай I устрасил потенциальных мятежников в своей столице демонстрацией вызывающей животной отваги. Alexander III. решил сделать то же самое. Он всегда отличался спокойной настойчивостью, аргументы против которой были тщетны. Прозвище "буллок", которое рано дал ему отец (его будущие подданные сократили его до "бык"), в достаточной степени отражало превосходство материального над ментальным, которое характеризовало нового правителя. Бисмарк, который знал его, имел слабое представление о его способностях и охарактеризовал его характер, сказав, что он смотрит на вещи с точки зрения русского крестьянина[228]. Это замечание дает ключ к российской политике 1881-94 годов.

Сначала, когда Меликову сообщили, что покойный царь собирался провести конституционный эксперимент, описанный выше, Александр III. воскликнул: "Ничего не меняйте в приказах моего отца. Это будет считаться его волей и завещанием". Если бы он придерживался этого великодушного решения, мировая история, возможно, была бы совсем другой. Если бы он обнародовал последние распоряжения своего отца; если бы он обратился к народу, подобно другому Антонию, стоящему над трупом цезаря, восторженный славянский темперамент с готовностью откликнулся бы на этот знак императорского доверия. Верность трону и ярость против нигилистов были доминирующими чувствами того времени, побуждавшими всех людей разумнее всего использовать отныне священное наследие конституционной свободы.

Человеком, который, как полагают, разрушил эти надежды, был Победоносцев, прокурор высшего церковного суда Империи. Ему было доверено образование нынешнего царя; и пылкость его ортодоксальности, а также ясная простота его веры в старые московские обычаи приобрели полную власть над умом его ученика. Были сформированы различные оценки относительно характера Победоносцева. В глазах одних он добросовестный фанатик, который верит в миссию Святой Руси оживить эпоху, испорченную демократией и неверием; другие считают его русским Макиавелли, который напрягает свои убеждения до такой степени, которую отвергает его разум, чтобы получить власть через механизм самодержавия и греческой

церкви. Худощавое лицо, бесстрастный взгляд и холодная логичность высказываний говорят скорее о политике, чем о фанатике; и все же, кажется, есть веские основания полагать, что он "фанатик по размышлению", а не по темпераменту[229]. Том *размышлений* который он подарил миру, содержит несколько занимательных суждений о цивилизации Запада. Возможно, стоит выбрать несколько, чтобы показать взгляды человека, который через своего ученика повлиял на судьбу России и мира.

Парламент - это институт, служащий для удовлетворения личных амбиций, тщеславия и своекорыстия его членов.

Институт парламента действительно является одной из величайших иллюстраций человеческого заблуждения. ... На фронтоне этого здания начертано: "Все для общественного блага". Это не более чем лживая формула: парламентаризм есть торжество эгоизма, его высшее выражение. ...

С того дня, как человек впервые пал, ложь правила миром - правила им в человеческой речи, в практических делах жизни, во всех ее отношениях и институтах. Но никогда Отец Лжи не плел такую паутину лжи всех видов, как в этот беспокойный век Пресса - один из самых лживых институтов нашего времени.

В главе "Сила и авторитетность" автор предлагает усталому миру освежающее видение великодушного деспотизма, который спасет людей вопреки им самим.

Власть является хранилищем истины и нуждается, прежде всего, в правдивых людях с ясным интеллектом, глубоким пониманием и искренней речью, которые знают пределы "да" и "нет" и никогда их не переступают и т.д.[230].

Этому москвиту Лауду теперь была поручена задача составления манифеста в интересах "власти" и "правды".

Между тем сами нигилисты помогли делу реакции. Еще до похорон Александра II. их исполнительный комитет направил его преемнику документ, в котором умолял его отказаться от произвола и довериться народу. Не ставя никаких условий, вожди нигилистов призвали его помнить, что две меры были необходимыми предварительными этапами к любому всеобщему умиротворению, а именно: всеобщая амнистия всех политических преступников, как просто "исполнителей тяжелого гражданского долга"; и "созыв представителей всего русского народа для пересмотра всех частных законов государства в соответствии с волей нации". Для того, чтобы выборы в это Собрание могли стать реальностью, на царя было оказано давление с целью предоставления свободы слова и публичных собраний[231].

Трудно сказать, имели ли нигилисты в виду этот документ как призыв, или добавление требования всеобщей амнистии было направлено на то, чтобы разозлить царя и толкнуть его в объятия реакционеров. В любом случае, в пресс-немедленно помиловать убийц его отца явился к Александру III. непростительное оскорбление. С тех пор между ним и революционеров не может быть никакого перемирия. В качестве подачки, чтобы успокоить более умеренных

реформаторов, он приказал назначить комиссию, в которую вошли несколько членов земств и даже один крестьянин, для расследования состояния трактиров и чрезмерного потребления водки. Дальше этого банального, хотя и полезного вопроса имперский реформатор не соизволил продвинуться.

После короткого перемирия революционеры быстро возобновили свои усилия против высших должностных лиц, которым было приказано сокрушить их; но вскоре стало ясно, что они потеряли расположение среднего класса. Либералы смотрели на них не просто как на убийц царя-освободителя, но и как на разрушителей зарождающейся конституции; и массы равнодушно смотрели, как пятерых соучастников беспорядков 13 марта медленно приводили к смерти. В следующем году по тому же обвинению были арестованы еще двадцать два подозреваемых; десять были повешены, а остальные сосланы в Сибирь. Несмотря на эти набег на маленькую банду головорезов, выжившие присутствовали при убийстве государственного обвинителя, когда он сидел в кафе в Одессе (30 марта 1882 года). С другой стороны, официальной полиции некоторое время помогали ревностные лоялисты, которые сформировали "Священный отряд" для тайного противодействия нигилистической организации. Однако эти детективы-любители мало что сделали, за исключением присвоения крупных пожертвований, ареста нескольких безобидных путешественников и немалого числа сотрудников тайной полиции. Профессионалы после этого пожаловались царю, который подавил "Священную банду".

События 1883 и 1884 годов показали, что даже армия, о которой царь проявлял всяческую заботу, была пропитана нигилизмом, женщины своим искусством привлекли многих офицеров на сторону революции. Польша, также, корчившаяся от недовольства суровым деспотизмом царя, была успешно обработана их эмиссарами; и пылкость поляков сделала рекрутов особенно опасными для властей, постоянно опасавшихся нового восстания в этой несчастной стране. Наконец, царь был вынужден запереться в почти полном уединении в своем дворце в Гатчине, недалеко от Санкт-Петербурга, или в своем зимнем убежище в Ливадии, на южном берегу Крыма.

Эти факты имеют не только личное и местное значение. Они оказали мощное влияние на европейское государственное устройство. Это были годы, когда Болгарский вопрос достиг кульминации; и бессилие России позволило этому народу и его более поздним сторонникам настаивать на решении, которое было бы невозможно, если бы царь был волен наносить удары по тому, чего он, несомненно, желал. В настоящее время он поддерживал дело мира, поддерживаемое его канцлером де Жиром; и осенью 1884 года, как будет показано в следующей главе, он заключил соглашение в Скерневице, которое фактически предоставляло Бисмарку третейское разбирательство по всем неотложным вопросам на Балканах. Еще в ноябре 1885 года мы находим сэра Роберта Мориера, британского посла при русском дворе, который в частном порядке и в очень простых выражениях писал своему коллеге в Константинополе сэру Уильяму Уайту: "Я убежден, что Россия не хочет всеобщей войны в Европе из-за Турции сейчас, и что она действительно страдает от гигантского *переедания*, вызванного последней войной" ГИПЕРССЫЛКА \1

"Xc43c126dc189aa628285cd2576d9767c3d28758" . " Можно с уверенностью сказать, что Болгария во многом обязана своей свободой от российского контроля нигилистам.

Для царя напряжение длительной войны с невидимыми и отчаянными врагами было ужасным. Окруженный часовыми, под присмотром тайной полиции, одинокий человек, тем не менее, продолжал править с усердием и основательностью великого Наполеона. Он пытался совать нос во все дела своей огромной империи; и, поскольку он держался в стороне даже от своих главных министров, он настоял, чтобы они присылали ему подробные отчеты по всем государственным делам, иностранным и внутренним, военным и военно-морским, религиозным и аграрным. Неудивительно, что нигилисты упорствовали в своих усилиях в надежде, что даже его гигантская сила должна сломаться под сокрушительным бременем тяжелого труда и изоляции. То, что он продержался так долго, показывает, что он был одним из самых сильных людей и упорнейших работников, известных истории. У него был только один источник вдохновения, религиозное рвение и только одна форма расслабления - любовь его преданной императрицы.

Нет необходимости ссылаться на более поздние фазы революционного движения. Несмотря на свои хорошо продуманные планы, революционеры постепенно сдавали позиции; и в 1892 году даже Степняк признался, что в одиночку они не могли надеяться свергнуть самодержавие. Примерно в то же время их партия начала раскалываться надвое: более молодая группа утверждала, что старые террористические методы должны быть заменены экономической пропагандой развитого социалистического типа среди городских рабочих. Что касается этого нового направления и его результатов, мы должны отослать наших читателей к новым материалам, раскрытым сэром Д. Маккензи Уоллесом в новом издании его работы *"Россия"* (1905).

Здесь мы можем указать лишь на несколько более общих причин, которые способствовали триумфу царя. Во-первых, трудности на пути совместных действий среди пролетариата России очень велики. Миллионы крестьян, рассеянных по обширным равнинам, где постоянно идет великая борьба с силами природы, не могут эффективно объединяться. Изучающие историю заметят, что даже там, где недовольства носят в основном аграрный характер, как во Франции 1789 года, первая определенная вспышка обычно происходит в больших городах. В России нет Парижа, стремящегося озвучить потребности многих.

С другой стороны, русские крестьяне укоренились в обычаях и суевериях, которые со странным упорством относятся к царю и являются доказательством против рассуждений незнакомцев. Следовательно, их восстание могло быть очень частичным; кроме того, местность по большей части непригодна для партизанской тактики, которая так часто помогала делу свободы в горных землях. Царь и его чиновники знают, что сила их системы заключается в невежестве крестьян, в солдатских инстинктах их огромной армии и в распространении железных дорог и телеграфа, что позволяет центральной власти подавлять зачатки восстания. Таким образом, царская власть, неуместно опирающаяся на веру, немую и пресмыкающуюся, как в Темные века, и на новейшие достижения механической науки, смогла бросить вызов тенденциям эпохи и стремлениям русских реформаторов.

Целью этой работы является обзор только тех событий, которые сделали современные государства такими, какие они есть сегодня; но победа абсолютизма в России оказала столь огромное влияние на современный мир - не в последнюю очередь на деформацию демократии во Франции, - что было бы полезно изучить действие других сил, которые способствовали

замедлению реформ в этой империи, особенно если учесть, что они повлекли за собой изменение отношений центральной власти к инопланетным расам в целом и к Великому княжеству Финляндскому в частности.

Эти силы, или идеалы, можно суммировать в старом славянофильском девизе "Православие, самодержавие, народность". Эти старые московские идеалы в свое время придали силы Николаю I. и теперь его внук решил апеллировать к чувству национальности в его самой узкой и сильной форме. Этот инстинкт, который Мадзини рассматривал как средство поднять по очереди все народы мира на более высокий уровень Человечности, теперь должен был стать главным мотивом, приводящим в движение гигантскую машину российского самодержавия.

Первыми, кто ощутил на себе тяжесть государственной машины, были евреи. Справедливо или ошибочно, но считалось, что они были замешаны в хищениях, опозоривших кампанию 1877 года, и в заговоре с целью убийства Александра II. Чиновники и население быстро поняли, что бесчинства в отношении евреев не вызовут недовольства в штаб-квартире. Когда секрет стал известен, чернь нескольких городов взяла закон в свои руки. В десятках мест на протяжении 1881 и 1882 годов толпа грабила и поджигала их магазины и дома, избивала несчастных заключенных, а в некоторых случаях убивала их на месте. В Елисаветграде и Киеве еврейские кварталы систематически подвергались разграблению, а затем были преданы огню. Ярость достигла своего апогея в маленьком городке Балта; чернь разграбила 976 еврейских домов и, не удовлетворившись захватом всего богатства, которое попало под руку, убила восьмерых торговцев, помимо того, что ранила 211 человек.

Несомненно, эти безобразия были в значительной степени вызваны расовой ненавистью, а также злобой со стороны беспечных, неряшливых местных жителей по отношению к пронизательным и жадным евреям. Те же чувства временами охватывали Румынию, Австрию, Германию и Францию. Травля евреев понравилась даже номинально просвещенным народам как новый и прибыльный вид спорта; и мало у кого из его приверженцев хватило лицемерной наглости прикрыть свое поведение под предлогом религиозного рвения. По сути, движение повсюду было охотой за еврейскими сокровищами, озлобленной ненавистью клоуна к успешному торговцу, местного индивидуалиста к чужеродному, клановому и успешному сообществу. В России религиозные мотивы, возможно, имели значение для царя и более невежественных и фанатичных представителей крестьянства; но уравнилельные и коммунистические идеи, безусловно, были причиной повсеместного грабежа - свидетельствуйте слова, часто звучащие из уст бунтовщиков: "Мы завтракаем евреями; мы будем обедать помещиками и ужинать священниками". В 1890 году появился указ, предписывающий вернуть евреев в те провинции и уезды, где им ранее было разрешено селиться, то есть главным образом на Юге и Западе; и все иностранные евреи были изгнаны из Империи. Считается, что целых 225 000 еврейских семей покинули Россию за шестнадцать месяцев после[233].

Следующая атака была предпринята против группы христианских диссидентов, скромной общины, известной как штундисты. Эти богобоязненные крестьяне взяли немецкое имя, потому что основатель их секты был обращен на *Stunden*, или часовых службах немецких лютеран, давно обосновавшихся на юге России; они придерживались простой евангельской веры; их поведение, по общему признанию, было намного лучше, чем у крестьян, которые придерживались массы обычаев и суеверий, достойных названия православного греческого

символа веры; и их благочестие и рвение служили распространению евангельской веры, особенно среди более эмоциональных людей Юга России, известных как малороссы.

Вплоть до 1878 года Александр II воздерживался от преследования их, возможно, потому, что испытывал некоторую симпатию к людям, которые быстро поднимали себя и своих собратьев над старым уровнем грубого невежества. Но в тот год греческая церковь заставила его принять меры. Если он наказывал их кнутами, его сын хлестал их скорпионами. Он видел, что они подрывали основание одного из трех столпов, на которых держалась структура империи - православия в русском понимании. Были отданы приказы искоренить еретиков-вредителей. Сразу же вся мощь государственной машины была обрушена на этих не сопротивляющихся крестьян. Тюремное заключение, ссылка, расстрел - такова была их участь. Их общины, возможно, самые счастливые, какие только можно было найти в сельской России, были распущены, их забросили в отдаленные уголки Закавказья или Сибири и там обрекли на режим кнута или тьму шахт^[234]. Судя по нынешним событиям, преследователям это удалось. Евангельская вера, по-видимому, была почти искоренена даже на Юге России; и греческая церковь восстановила свою власть над верностью, если не над верованиями и привязанностями, масс.

Чтобы объяснить этот факт, мы должны помнить об огромной силе традиций и обычаев среди простого сельского люда, а также о том, что очень многие русские искренне верят, что их институтам и их национальному кредо суждено возродить Европу. Видите ли, по сути, говорили они, Западная Европа колеблется между папским контролем и свободомыслием; ее промышленность с ее *методами невмешательства* в экономику, приносит немногим огромное богатство и загоняет многих в новое рабство, худшее, чем старое. От всех этих зол у России есть лекарство; ее автократия спасает ее от бесполезных пререканий парламентов; ее национальная Церковь обобщает верования и традиции дворян и крестьян; и в основе своей социальной системы она обладает в "Мире" патриархальным коммунизмом, против которого силы Запада будут тщетно биться. Рассматривая греческую церковь как необходимую часть национальной жизни, они стремились использовать ее возможности для национализации всех рас этой пестрой Империи. "Россия для русских", - кричали славянофилы. "Давайте будем одним народом с единой верой. Давайте чтить царя как главу Церкви и государства. В этом единстве наша сила". Каким бы ущербным ни был логический аргумент, все же в сфере чувств, в которой живут, движутся и существуют славяне, довод оправдал себя. Национальная гордость была поставлена на службу преследователям; и все инакомыслящие, будь то католики Польши, лютеране Прибалтийских провинций или штундисты Украины, почувствовали безжалостный скрежет государственной машины, в то время как Греческая церковь возвысила свой рог так, как не делала уже столетие.

Другие стороны этой узконационализационной политики проявлялись в решительном подавлении чувств поляков, немцев в прибалтийских провинциях и армян в Закавказье. Наконец, было оказано безжалостное давление на этот интересный народ, финнов. Здесь мы можем обратиться только к последней из этих тем. Немцы в провинциях Лифляндия, Курляндия и Эстония составляли большинство только среди землевладельцев и купечества, и ограничение их полуфеодалных привилегий носило вид демократической реформы.

С финнами дело обстояло совсем иначе. Они неарийский народ и поэтому сильно отличаются от шведов и русских. На протяжении веков они были частью шведской монархии, во многом унаследовав оттуда свою литературу, цивилизацию и институты. По сей день шведским языком пользуется примерно половина местных дворян и бюргеров. Во время аннексии Финляндии Александром I. В результате франко-русского договора, заключенного в Тильзите в 1807 году, он дал своим поместьям торжественное обещание уважать их конституцию и законы. Аналогичные обязательства были приняты его преемниками. Несмотря на некоторые попытки Николая I. отложить конституцию Великого герцогства, местные свободы оставались почти нетронутыми вплоть до сравнительно недавнего времени. В 1869 году финны получили дополнительные гарантии своих прав. Alexander II. затем ратифицировал законы Финляндии и добился составления заявления об отношениях между Финляндией и Россией.

Ввиду недавней борьбы между царем и финским народом, возможно, было бы неплохо дать краткий обзор их конституции. Суверен управляет не как император России, а как великий герцог Финляндский. Он делегирует свои административные полномочия Сенату, который возглавляет генерал-губернатор. Этот важный чиновник, на самом деле, всегда был русским; его полномочия, или, скорее, были [235], разделены двумя секциями финского сената, каждая из которых состоит из десяти членов, назначенных великим князем. Сенат готовит законы и постановления, которые великий герцог затем представляет сейму. Этот орган состоит из четырех сословий - дворян, духовенства, бюргеров и крестьян. С 1886 года он в ограниченной степени пользуется правом инициирования законов. Ордена заседают и голосуют раздельно. В большинстве случаев решение, принятое тремя из них, становится законом, когда оно получило одобрение великого герцога. Но согласие большинства в каждом из четырех орденов необходимо в случае предложения, которое затрагивает конституцию Великого герцогства и привилегии Орденов. В случае, если Законопроект принимается двумя Распоряжениями и отклоняется двумя другими, тупиковая ситуация предотвращается каждым из Распоряжений, назначающих пятнадцать делегатов; эти шестьдесят делегатов, собравшись без обсуждения, голосуют тайным голосованием, и абсолютное большинство решает исход. Затем меры передаются великому герцогу, который, проконсультировавшись с Сенатом, дает свое согласие или отказывает в нем [236].

Очень важный пункт закона 1869 года гласит, что "Основные законы могут быть приняты, изменены, разъяснены или отменены только по представлению Императора и Великого князя и с согласия всех Сословий". Этот пункт резко отделял Финляндию от России, где власть царя теоретически неограниченна. Новые налоги не могут быть введены или старые налоги изменены без согласия финского сейма; но, как ни странно, таможенные сборы устанавливаются правительством (то есть великим герцогом и Сенатом) без содействия сейма. Несмотря на архаичную форму своего представительства, конституция Финляндии (ответвление конституции Швеции) сработала чрезвычайно хорошо; а в том, что касается гражданских свобод и религиозной терпимости, финны занимают свое место среди самых прогрессивных сообществ мира. Более того, конституция не является недавним и искусственным творением; она отражает обычаи и верования, глубоко укоренившиеся в народе, который, подобно своим мажарским сородичам, твердо держится за старое, даже когда, как они надеются, противостоит фактам настоящего. Были все основания для надежды. Между 1812 и 1886 годами население выросло с 900 000 до 2 300 000 человек, а доход - с менее чем 7 000 000 марок (финская марка = около десяти пенсов) до 40 000 000 марок.

Возможно, это процветание вызвало у российской бюрократии желание привести Великое княжество в тесное соответствие с остальной частью империи. У бюрократов были аргументы, отличные от конституционных. Они утверждали, что, хотя доходы Финляндии росли быстрее, чем доходы собственно России, Великое герцогство не несло никакой доли дополнительного военного бремени. Оно выделило только 17 процентов своих доходов на военную оборону против 28 процентов, предусмотренных в российском бюджете. Тот факт, что шведский и финский языки, а также финские деньги использовались только на железных дорогах Великого герцогства, даже в нескольких милях от Санкт-Петербурга, также вызывал недовольство. Поэтому, когда славянофилы начали поднимать шум против всего, что нарушало симметрию империи, антифинская кампания была заложена в природе вещей. Студенты-историки обнаружили, что конституция была подарком царей и что финны грубо злоупотребили их доброй волей. Другие, которые не могли отрицать действительность конституции Финляндии, утверждали, что даже конституции и законы должны меняться с изменением обстоятельств; что узкий партикуляризм неуместен в век железных дорог и телеграфа; и что Финляндия должна принимать справедливое участие в работе по национальной обороне[237].

Мало-помалу Александр III. применил это славянофильское кредо против Финляндии. Его положение великого герцога давало ему право инициировать законы; но он превысил свои конституционные полномочия, внося различные изменения. В январе 1890 года он назначил три комитета, заседавших в Санкт-Петербурге, для приведения чеканки монет, таможенной системы и почтовой службы Финляндии в соответствие с российскими. В июне появился императорский указ, приравнивающий почтовую службу Финляндии к почтовой службе России - незаконный акт, который привел к отставке финских министров. В мае 1891 года "Комитет по делам Финляндии", заседавший в Санкт-Петербурге, был упразднен; и в том же году были предприняты другие усилия по ограничению свободы прессы и расширению использования русского языка в правительстве Великого герцогства.

Теперь, когда траншеи были выдвинуты против укреплений свободы Финляндии, готовился штурм крепостных валов - самой конституции. Нападавшие обнаружили в нем слабое место - отсутствие ясности в пунктах, определяющих процедуру, которой следует следовать в вопросах, требующих совместных действий в Финляндии и России. Они увидели здесь шанс создать независимую власть, которая под видом *толкования* конституции могла бы быть использована для ее приостановления и свержения. В конце 1892 года был назначен комитет, состоящий из шести русских и четырех финнов, для кодификации законов и принятия необходимых мер. Оно заседало в Санкт-Петербурге; но оппозиции финских членов, подкрепленной общественным мнением всего герцогства, было достаточно, чтобы отложить принятие какого-либо определенного решения. Вероятно, это время передышки было вызвано нежеланием Александра III. в последние дни его жизни доводить дело до крайности.

Чередующиеся тенденции, столь хорошо заметные в поколениях правителей Романовых, дали о себе знать при восшествии на престол Николая II. (1 ноября 1894 г.). Лишенный почти животной силы, которая несла в себе Александра III. пока что в определенных чертах он напоминает более ранних монархов с таким именем в щедром космополитизме и мечтательном добродушии, которые окутывали осенней дымкой их карьеры. К сожалению, царям-реформаторам не хватало твердости духа коронованных бояр, которые верили в казаков, священников и кнут; и слишком часто они склонялись перед реакционными влияниями, всегда сильными при русском дворе. К этой особенности характера Николая II. вероятно, мы можем отнести колебания в его финской

политике. В первые годы своего правления он постепенно смягчил суровый режим своего отца и предоставил большую свободу печати в Финляндии. Количество запрещенных статей сократилось с 216 в 1893 году до 40 в 1897 году[238].

Надежды, вызванные этим проявлением умеренности, вскоре развеялись. В начале 1898 года назначение генерала Куропаткина в военное министерство России предвещало Великому герцогству беду. Новый министр быстро выступил с предложением использовать ресурсы Финляндии на благо Империи. Русский генеральный штаб уже предпринимал усилия в этом направлении; и теперь Куропаткин, поддерживаемый всей партией славянофилов, пытался убедить царя в опасности оставлять финнам отдельную военную организацию. Военный комитет, в котором был только один финн, министр Прокоп, некоторое время заседал в Санкт-Петербурге и, наконец, одержал верх над Николаем II. к его взглядам. Говорят, что он принял свое окончательное решение во время зимнего пребывания в Ливадии в Крыму благодаря личному вмешательству Куропаткина, а также перед лицом протеста финского министра Прокопе против приостановления императорским указом действия основного закона Великого герцогства. Царь, должно быть, знал о незаконности нынешней процедуры, поскольку 6/18 ноября 1894 г., вскоре после своего вступления на престол, он подписал следующую декларацию:

... Настоящим мы желаем подтвердить и ратифицировать религию, основные законы, права и привилегии каждого класса в упомянутом Великом герцогстве, в частности, и всех его жителей высокого и низкого уровня в целом, которыми они, согласно конституции этой страны, пользовались, обещая сохранять их неуклонно и в полную силу[239].

Поскольку военная система Финляндии была определенно организована в соответствии с финским законом 1878 года, этот статут явно подпадал под действие тех "основных законов", которые были приняты Николаем II. обещал соблюдать в полную силу. Таким образом, мы можем представить себе изумление, охватившее финский сейм и народ при обнародовании знаменитого Императорского манифеста от 3/15 февраля 1899 года. Выражая желание оставить чисто финские дела на рассмотрение правительства и сейма Великого герцогства, царь предупредил своих финских подданных, что есть другие, с которыми нельзя так обращаться, видя, что они "тесно связаны с потребностями всей империи". Поскольку конституция Финляндии не указывала на порядок рассмотрения подобных вопросов, сейчас было необходимо завершить создание существующих институтов герцогства. В Манифесте говорилось следующее: --

Сохраняя в полной силе действующие ныне статуты, которые касаются обнародования местных законов, касающихся исключительно внутренних дел Финляндии, Мы сочли необходимым оставить за Собой окончательное решение относительно того, какие законы относятся к сфере действия общего законодательства Империи. Имея это в виду, Мы Нашей Королевской Рукой учредили и подтвердили основные положения для разработки, пересмотра и обнародования законов, изданных для Империи, включая Великое княжество Финляндское, которые провозглашаются одновременно настоящим[240].

В сопроводительных актах ясно указывалось, что отныне финский сейм будет выполнять только консультативные функции в отношении любых мер, которые, по мнению царя, затрагивают интересы России, а также Финляндии. Фактически, предложения от 15 февраля нанесли удар в корень конституции, подчинив ее во всех важных вопросах воле самодержца в Санкт-Петербурге. Финны сразу же осознали весь масштаб бедствия. Следующее воскресенье они отметили как день траура; жители столицы Гельсингфорса собрались у памятника Александру II, защитнику их свобод, в безмолвном призыве к великодушным инстинктам его внука. Повсюду, даже в отдаленных деревнях, проводились торжественные митинги протеста; но ни один акт насилия не омрачил впечатляющей этих демонстраций, свидетельствующих об удивлении и горе лояльных людей.

В результате почти спонтанного порыва была составлена петиция с просьбой к царю пересмотреть свое решение. Если когда-либо петиция и заслуживала названия "национальной", то это была петиция Финляндии. Города и поселки подписали почти в *массовом порядке*. Лыжники преодолели тяготы суровой зимы, пытаясь добраться до отдаленных деревень за полярным кругом; и в течение пяти дней (10-14 марта) было подписано 529 931 имя, при этом отметки неграмотных были отклонены. Все было напрасно. Царь отказался принять петицию и приказал ее предъявителям возвращаться домой^[241].

Затем российский генерал-губернатор Финляндии начал активную кампанию против финских газет. Четыре были быстро пресечены, в то время как только за 1899 год было зарегистрировано сорок три случая "приостановления деятельности". Государственная администрация также подверглась радикальному процессу русификации, финские чиновники и полицейские во многих случаях были вытеснены москвичами. В начале 1901 года местные почтовые марки уступили место маркам Империи. Прежде всего, генерал Куропаткин смог почти полностью осуществить свои планы против финской армии: закон 1901 года практически отменил старую конституционную силу и обязал финнов служить в любой части империи - вопреки старым статутам, которые ограничивали их службу самим Великим герцогством.

Более поздние разработки этого интересного вопроса выходят за рамки данного тома. Поэтому мы можем только констатировать, что стойкое противодействие финнов этим незаконным разбирательствам привело к еще более жесткому обращению и что несколько уступок, предоставленных с начала японской войны, очевидно, не смогли смягчить негодование, вызванное прежними неспровоцированными нападениями на свободы Финляндии.

Одним фактом, который не может не привлечь внимания вдумчивых исследователей современной истории, является отсутствие способных лидеров в народной борьбе того времени. Смотрим ли мы на организованное сопротивление финнов, на усилия русских революционеров или на порывистые усилия, время от времени предпринимаемые поляками, везде очевиден один и тот же обескураживающий симптом. Не раз казалось, что пробил час свержения старого порядка, но ни один человек не появлялся. Конечно, можно привести и другие примеры, чтобы показать, что пословица о часе и человеке скорее живописна, чем правдива. Демократические движения 1848-49 годов потерпели крах во многом из-за застенчивости необходимого героя. Или, скорее, возможно, нам следовало бы сказать, что герои были там в лице Кавура и Гарибальди, Бисмарка и Мольтке; но никого не было под рукой, чтобы поставить их на те места, которые они так умело занимали в 1858-1870 годах. Увидят ли в

будущем столь же виртуозную поддержку сегодняшним неудачным, неуправляемым усилиям? Если это так, то следующее поколение может увидеть, как в России, как и в других местах, происходят странные вещи.

Со всей неуверенностью можно выдвинуть два предположения относительно причин отсутствия великих лидеров в современных движениях. Как мы отмечали в главе, посвященной подавлению Парижской коммуны 1871 года, централизованные правительства теперь имеют большое материальное преимущество в борьбе с недовольством на местном уровне благодаря своему контролю над телеграфом, железными дорогами и пулеметами. Этот факт действует с сокрушительной силой не только на время народного восстания, но и на людей, которые работают с этой целью. В старые времена не требовалось особой уверенности, чтобы обеспечить свержение итальянских герцогов и прозрачность Германии. Сегодня он был бы человеком безгранично вдохновляющей силы, который, как мы надеемся, мог бы вызвать царя или кайзера на конфликт. Другое преимущество, которым обладают правительства, находится в интеллектуальной сфере. Не может быть никаких сомнений в том, что сам по себе размер государств и правительств нынешнего века оказывает омертвляющее воздействие на умы людей. Как обширность Лондона порождает инертность в гражданских делах, так и великие империи склонны подавлять инициативу и смелость своих подданных. Эти бесценные качества всегда проявляются с наибольшей выгодой в небольших государствах, таких как Афины Перикла, Англия Елизаветы или Женева Руссо; они задыхаются под пирамидальной массой Царской империи; и в результате мы видим респектабельную посредственность, способную лишь организовывать уличные демонстрации и неудавшиеся мятежи. Возможно, в будущем появится какой-нибудь командующий гений, способный освободиться от парализующего инкуба, зажечь в тупых массах надежду и превратить саму необъятность правительственной машины в средство разрушения. Но для этого ему понадобится магнетизм Мирабо, дикость Марата и организаторская сила Бонапарта.

СНОСКИ:

[222] *Россия до и после войны*, перевод Э.Ф. Тейлора (Лондон, 1880), глава xvi.: "Нас обманули болваны, ограбили люди, чья неспособность была даже больше, чем их злодейство".

[223] *Там же*. парень. xvii. После этого правительство отказалось от обычных форм правосудия в отношении политических преступлений и судило их специальными комиссиями.

[224] Об этой особенности и вытекающей из нее склонности к крайностям см. Проф. Г. Брандес *Впечатления от России*, стр. 22.

[225] См. *"Россия"* Уоллеса, 2 тома.; *Россия при царях*, "Степняк", том ii. глава xxix.; также две лекции по российским делам проф. Дж. Виноградов в *Лекциях по истории девятнадцатого века* (Камб. 1902).

[226] *Подпольная Россия*, "Степняк", Введение, стр. 4. Или, как выразился Тургенев в одном из своих романов: "Нигилист - это человек, который не подчиняется никаким авторитетам, который

не принимает ни одного принципа на веру, каким бы высоким такой принцип ни был в глазах людей". Короче говоря, нигилист был крайним индивидуалистом и рационалистом.

[227] *Россия в революции*, Г.Х. Перрисс, стр. 204-206, 210-214; Арнаудо, "И нигилизм" (Турин, 1879). Смотрите также главы, добавленные сэром Д.М. Уоллесом к новому изданию его работы "Россия (1905).

[228] *Воспоминания о Бисмарке*, С. Уитмен, стр. 114; *Бисмарк: некоторые тайные страницы его истории*, М. Буш, том iii. стр. 150.

[229] *Россия при Александре III.*, Х. фон Самсон-Химмельштерна, англ. изд. гл. vii.

[230] *Победоносцев; его размышления*, англ. изд.

[231] Весь документ напечатан в приложении к "Книге Степняка" *Подпольная Россия*.

[232] *Мемуары и переписка сэра Уильяма Уайта*, под редакцией Х.С. Эдвардса, глава xviii.

[233] Рамбо, *История России*, ч. xxxviii.; Лоу, *Александр III. из России*, гл. viii.; Х. Фредерик, *Новый исход*; профессор Эррера, *Русские евреи*.

[234] Смотрите статью графа Льва Толстого в "Современном обозрении" за ноябрь 1895 г.; также брошюру о "Штундистах" с предисловием преподобного Дж. Брауна, д.д.

[235] Закон от осени 1902 года изменил это положение. Он делегировал управление генерал-губернатору при содействии Сената.

[236] О конституции Финляндии и ее отношении к России см. *Краткий обзор публичного права Финляндии*, Л. Мехелина, перевод К.Дж. Кука (1889); *За Финляндию*, пер. Жана Дека; *За Финляндию, Конституция Великого герцогства Финляндского* (Париж, 1900). Я.Р. Даниэльссон, *Союз Финляндии с Российской империей* (Борга, 1891).

[237] Смотрите российское дело д'Эленью, *Исследования сепаратистов Финляндии* (1895); также "Завоевание Финляндии", К. Ordine (1889)--answered by J.R. Danielsson, *op. cit.*; also *Russland und Finland vom russischen Standpunkte aus betrachtet*, by "Sarmatus" (1903).

[238] *За Финляндию*, par Jean Deck, стр. 36.

[239] *Права Финляндии*, стр. 4 (Стокгольм, 1899). Смотрите также весь вопрос *Финляндия и цари, 1809-1899*, Дж. Р. Фишера (Лондон, 2-е издание. 1900).

[240] *Права Финляндии*, стр. 6-7 также в "За Финляндию", статья J. Deck, стр. 43.

[241] *Права Финляндии*, стр. 23-30.

ГЛАВА XII

ТРОЙСТВЕННЫЕ И ДУАЛЬНЫЕ СОЮЗЫ

"Международная политика - это подвижный элемент, который при определенных условиях затвердевает, но при изменении атмосферы возвращается к своему первоначальному состоянию". - *Размышления и воспоминания Бисмарка.*

Одно дело создавать систему государств, и совсем другое - гарантировать их существование. Как в жизни отдельных людей, так и в жизни наций долголетие, как правило, является результатом крепкого телосложения, здоровой окружающей среды и благоразумного поведения. То, что новые государства Европы обладали первыми двумя из этих качеств, будет очевидно для всех, кто помнит, что они являются составной частью этих великих частей Человечества - наций. Но даже в этом случае они нуждались в защите от интриг ревнивых династий и обездоленных принцев или священников, которые так часто обрекали многообещающие эксперименты на провал. Поэтому для нашего настоящего исследования важно рассмотреть средства, которые обеспечили европейскую систему стабильностью.

И здесь главным строителем был Бисмарк. Поскольку он сосредоточил все силы своего разума на завершении объединения Германии (с ее естественным аналогом в Италии), он также держал их в напряжении для его сохранения. В течение двух десятилетий его политика двигалась по континенту подобно колоссу. Она основывалась на двух поддерживающих идеях. Первой было сохранение союза с Россией, что привело к тому, что события 1863-70 годов оказались в пределах возможного; другой целью была изоляция Франции. Время от времени второстепенные соображения оказывали на него влияние, как в 1884 году, когда он стремился посорить Россию и Англию в делах Центральной Азии (см. Главу XIV) или вовлечь все державы в колониальные предприятия: но эти соображения были второстепенными по сравнению с двумя основными мотивами, которые в какой-то момент сошлись и породили навязчивый страх (осознание которого омрачало его последние годы), что Россия и Франция объединятся против Германии.

Чтобы, как он думал, навсегда избежать возобновления "политики Тильзита" 1807 года, он стремился способствовать установлению Республики во Франции. В его глазах, чем радикальнее это было, тем лучше: и когда граф фон Арним, германский посол в Париже, осмелился нарушить его инструкции в этом вопросе, он подверг его суровому порицанию и, в конце концов, опозорил. Какими бы жесткими ни были его методы, Бисмарк, несомненно, был прав по существу. Главным соображением было то, которое он изложил в своем письме графу от 20 декабря 1872 года: "Мы хотим, чтобы Франция оставила нас в покое, и мы должны помешать

Франции найти союзника, если она не будет поддерживать мир. Пока у Франции нет союзников, она не опасна для Германии". Монархическая реакция, думал он, может привести Францию к соглашению с Россией или Австрией. Республика того типа, к которому стремился Гамбетта, никогда не смогла бы достичь этой задачи. Тогда лучше красный флаг, развевающийся над Парижем, чем *лилия*.

Еще важнее было добиться полного согласия между тремя империями. И здесь красный спектр снова оказался полезен. Различные признаки, казалось, указывали на социализм как на общего врага для всех них. Доктрины Бакунина, Герцена и Лассаля уже начали угрожающе действовать в их среде, и Бисмарк осторожно использовал эту общность интересов в одном конкретном случае, чтобы достичь соглашения по чисто политическим вопросам. В сентябре 1872 года он осуществил одну из своих самых заветных надежд. Царь Александр II и австрийский император Франциск Иосиф посетили Берлин, где их приняли самым сердечным образом. В этом городе канцлеры трех империй обменялись официальными меморандумами - официального договора, похоже, не было[242] - в соответствии с которыми они согласились работать вместе для следующих целей: поддержания недавно установленных границ, урегулирования проблем, возникающих в связи с Восточным вопросом, и подавления революционных движений в Европе.

Таков был замысел Лиги трех императоров 1872 года. Нет никаких сомнений в том, что Бисмарк воздействовал на царя, всегда нервничавшего по поводу роста нигилистического движения в России, чтобы добиться его присоединения к первым двум положениям нового договора, что, безусловно, не принесло пользы России. С тех пор канцлер Германии сообщил нам, что еще в сентябре 1870 года он стремился сформировать такую лигу с добавлением недавно объединенного итальянского королевства, чтобы защитить интересы монархии от республиканцев и революционеров[243]. По прошествии двух лет его желание исполнилось, хотя Италия все еще не присоединилась к делу поддержания порядка. Новая лига выступала как воплощение автократии и ужас для недовольных, будь то мстительные галлы, датчане или поляки, интригующие кардиналы - это было время "Майских законов" - или возбужденные люди, размахивавшие красным флагом. Это была новая версия Священного союза, созданного после Ватерлоо монархами тех же самых держав, которым под предлогом наблюдения за французскими предприятиями удалось укрепить деспотизм на Континенте на целое поколение.

К счастью для дела свободы, новая лига мало чем отличалась от своей предшественницы. То ли потому, что опасности, от которых он защищался, были менее серьезными, то ли из-за зависти, которая разрушала его конструкцию изнутри, вскоре появились признаки слабости, и внушительное сооружение было изуродовано трещинами, которые не смогла скрыть вся штукатурка дипломатов. Выдающийся российский историк М. Татищев недавно обнаружил скрытое разглашающее агентство. Похоже, что вскоре после образования Лиги трех императоров Германия и Австрия тайно заключили отдельный договор, согласно которому первая согласилась в конечном итоге обеспечить последней надлежащую компенсацию на Балканском полуострове за ее потери в войнах 1859 и 1866 годов (Ломбардия, Венеция и контроль Германской конфедерации вместе с Гольштейном)[244].

То есть две центральные державы в 1872 году тайно договорились действовать так, как Австрия продвигалась в 1877-78 годах, когда она захватила Герцеговину. Когда и в какой степени российским дипломатам стало известно об этом сепаратном соглашении, неизвестно, но их

подозрительность или негодование, по-видимому, побудили их к недружественным действиям по отношению к Германии, которые они предприняли в 1875 году. Согласно "*Размышлениям и воспоминаниям*" Бисмарка, российский канцлер князь Горчаков так остро завидовал быстрому восхождению немецкого канцлера к славе и превосходству, что распространил "ложь" о том, что Германия вот-вот обрушится на Францию. Даже непосвященный читатель может испытывать некоторое удивление от того, что российский канцлер поставил под угрозу мир в Европе и свой собственный авторитет государственного деятеля по столь незначительному поводу; но теперь кажется, что утверждение Бисмарка следует рассматривать как "размышление", а не как "воспоминание".

То же замечание, возможно, применимо и к его трактовке "дела 1875 года", которое в значительной степени определило будущие группировки Держав. В то время восстановление Франции от ран 1870 года было почти полным; ее военная и конституционная системы приобретали конкретные формы; и в начале 1875 года Палата представителей постановила значительно увеличить численность вооруженных сил в форме "четвертых батальонов". Военная партия в Берлине сразу же забила тревогу и через своего шефа Мольтке настаивала на императоре Вильгельме необходимости немедленного удара по Франции. Республика, так они утверждали, не могла вынести напряжения, которому она сейчас добровольно подвергалась; результатом должна была стать война; и война сразу же стала бы самым достойным государственным деятелем и милосердным курсом. Неизвестно, разделял ли император каким-либо образом эти взгляды. Говорят, что он не раз выражал острое желание закончить свое правление миром.

Роль, которую Бисмарк сыграл в этом кризисе, также несколько неясна. Если бы немецкое правительство хотело напасть на Францию, естественным планом было бы сохранить этот план в секрете до тех пор, пока не придет время действовать. Но оно этого не сделало. В начале апреля фон Радовиц, человек высокого положения при берлинском дворе, воспользовался случаем поговорить на балу с французским послом де Гонто-Бироном и самым недвусмысленным образом предупредил его об опасности войны из-за увеличения французских вооружений. По словам де Бловица, парижского корреспондента *Times* (который получил информацию непосредственно от французского премьер-министра герцога Деказа), Германия намеревалась "обескровить Францию", вынудив ее в конце концов выплатить десять миллиардов франков двадцатью частями и удерживая оккупационную армию в ее восточных департаментах до тех пор, пока не будут выплачены последние полмиллиарда. Французский посол также заявляет в своем отчете об этих волнующих неделях, что Бисмарк упомянул бельгийскому посланнику о невозможности сохранения Францией вооружений, результатом чего должна стать война[245].

Поскольку Радовиц продолжал поддерживать Бисмарка, его раскрытие немецких намерений, по-видимому, было сделано с одобрения канцлера; и мы можем объяснить его действия либо угрозой заставить Францию сократить свою армию, либо провокацией, чтобы заставить ее совершить какую-нибудь неосторожность, либо средством подрыва планов немецкой военной партии. Оставляя эти вопросы в стороне, мы можем отметить, что доклад Гонто-Бирона герцогу Деказу вызвал крайнюю тревогу в официальных кругах Парижа. Герцог предпринял необычный шаг, доверив секрет Бловицу, показал ему документ вместе с другими доказательствами подготовки Германии к войне и попросил его опубликовать основные факты в *Times*. Дилейн, редактор *Times*, расследовав это дело, опубликовал информацию 4 мая. Это произвело

огромную сенсацию. Континентальная пресса осудила это как наглую выдумку, направленную на развязывание войны. Теперь мы знаем, что в основном это было верно. Тем временем маршал Мак-Магон и герцог Деказ предприняли шаги, чтобы в случае необходимости обратиться за помощью к царю. Они отправили в Санкт-Петербург генерала Леффо, вооруженного доказательствами враждебных замыслов немецких военачальников. Ознакомление с ними убедило Александра II. о серьезности ситуации; и он заверил Леффо в своей решимости предотвратить неспровоцированное нападение на Францию. В то время он собирался навестить своего дядю, германского императора, и нет никаких сомнений в том, что его влияние в Берлине помогло положить конец кризису.

Действовали и другие влияния, исходившие от королевы Виктории и британского правительства. Хорошо известно, что ее покойное величество написала императору Вильгельму, заявив, что было бы "легко доказать, что ее опасения [франко-германской войны] не были преувеличены"[246]. Теперь известно, что источник ее информации был безупречным. Она попала в наше министерство иностранных дел через немецких послов. Такова история, рассказанная лордом Одо Расселом, нашим послом в Берлине, своему брату, а им переданная сэру Маунтстюарту Гранту Даффу. Это касается интервью Горчакова и Бисмарка, в котором канцлер Германии обрушился с критикой на русского князя за то, что тот проговорился на Государственном банкете, состоявшемся накануне, о том, что он получил письмо от королевы Виктории, умоляющее его работать в интересах мира. Впоследствии Бисмарк резко упрекнул Горчакова за эту поразительную неосмотрительность. Лорд Одо Рассел присутствовал на их беседе, чтобы поддержать российского канцлера, который парировал выпад Бисмарка, сославшись на отеческий интерес к его здоровью:

"Полно, полно, мой дорогой Бисмарк, успокойся. Ты знаешь, что я очень люблю тебя. Я знаю тебя с детства. Но мне не нравится, когда ты впадаешь в истерику. Ну же, ты собираешься впасть в истерику. Прошу вас, успокойтесь: перестаньте, перестаньте, мой дорогой друг". Вскоре после этой беседы Бисмарк пожаловался Одо на "абсурдную глупость и невежество английского и всех других кабинетов министров, которые ошибочно принимали слухи, выданные за спекуляции на бирже, за истинную политику германского правительства". "Тогда осудите ли вы, - спросил Одо, - своих четырех послов, которые ввели в заблуждение нас и другие Державы?" Бисмарк не ответил[247].

Таким образом, кажется, что у канцлера Германии не было оснований подозревать кронпринцессу в том, что она сообщила королеве Виктории о предполагаемом нападении на Францию; но с тех пор он испытывал сильную неприязнь к этим августейшим дамам и не упускал возможности очернить их в дипломатических кругах и через прессу. Тем не менее, питая неприязнь к королеве Виктории, ее дочери и британскому министерству, канцлер Германии приберегал свой гнев главным образом для своего личного соперника в Санкт-Петербурге. Публикация циркулярной депеши Горчакова от 10 мая 1875 года, начинающейся словами "Поддержите мир и уверенность", была в его глазах высшим преступлением.

Результатом стало начало хорошего взаимопонимания между Россией и Францией и ослабление Лиги трех императоров[248]. Эта лига на какое-то время распалась из-за споров на Берлинском конгрессе по Восточному вопросу, когда поддержка Германией решимости

Австрии ограничить сферу влияния Москвы лишила царя предполагаемой добычи и сделала конкурирующую державу "стражем на Балканах". Далее, когда Германия поддержала интересы Австрии во многих деталях, которые требовалось урегулировать в этих государствах, ярость в российских официальных кругах не знала границ. Такие газеты, как *"Сен-Петербургский вестник"*, *"Русский мир"* и *"Голос"*, ежедневно изливали чаши своего гнева против всего немецкого; и этот князь публицистов Катков со своим помощником Эли де Ционом перевернули небо и землю в попытке доказать, что Бисмарк в одиночку толкнул Россию на войну с Турцией, а затем вмешался, чтобы лишить ее плодов победы. Среди этих облаков оскорблений из Парижа и Москвы протянулись дружеские руки, и бурные приветствия потенциальных государственных деятелей ознаменовали начало нынешнего союза. Русский генерал Обречев отправился в Париж и "оповестил ведущих лиц Парижа о франко-русском союзе"[249]."

Очевидно, что двум Центральным державам давно пора было объединиться. Мало что могло помешать их *сближению*. Милосердие Бисмарка к державе Габсбургов в час триумфа Пруссии в 1866 году теперь принесло свои плоды; ибо, когда Россия направила конкретное требование, чтобы берлинский двор перестал поддерживать австрийские интересы или лишился дружбы с Россией, канцлер Германии быстро пришел к взаимопониманию с графом Андраши во время беседы в Гаштайне 27-28 августа 1879 года. Сначала в нем говорилось только об оборонительном союзе против нападения России, граф Андраши, затем собиравшийся уйти в отставку со своих тяжелых обязанностей, отказался распространить действие соглашения на нападение другой державы - очевидно, Франции. План австро-германского союза был тайно представлен Бисмарком королю Баварии, который выразил свое полное одобрение[250]. Он получил теплый прием при дворе Габсбургов; и, когда секрет просочился наружу, Бисмарка восторженно приветствовали по пути в Вену, а оттуда на север, в Берлин. Причина очевидна. Впервые в современной истории казалось, что центр Европы вот-вот сформирует прочный договор, достаточно прочный, чтобы внушить уважение беспокойным окраинам. Союз 1813 и 1814 годов был направлен только на изгнание Наполеона I. из Германии. Нынешний союз коренился в более насущных потребностях.

Как ни странно, главным препятствием был сам кайзер Вильгельм. Старый монарх имел очень много прав на благодарность немецкой расы, поскольку его стойкость характера, целеустремленность и домашний здравый смысл сделали возможными триумфы его правления. Но современный свет обнажает ограниченность его характера. Он никогда не заглядывал далеко вперед, и даже в его обзоре нынешней ситуации интересы Пруссии и соображения семьи занимали слишком большое место. Так было и сейчас. Вопреки желанию своего канцлера он отправился на встречу с царем в Александрово; и пока австро-германский договор оформлялся в Гаштайне и Вене, царь и кайзер заверяли друг друга в своей неизменной дружбе. Несомненно, Александр II. был искренен в этих признаниях в любви к своему августейшему дяде; но Бисмарк больше обращал внимания на тот факт, что Россия недавно значительно пополнила свою армию, в то время как густые тучи ее всадников нависли над польской границей, готовые затопить прусские равнины. Он видел безопасность только в том, чтобы противопоставлять силу силе. Как он сказал своему секретарю Бушу: "Когда мы [Германия и Австрия] будем едины, с нашими двумя миллионами солдат спина к спине, они [русские], с их нигилизмом, несомненно, дважды подумают, прежде чем нарушать мир". Наконец, император Вильгельм согласился с австро-германским соглашением при условии, что царь должен быть проинформирован о том, что в случае нападения на Австрию ему будут противостоять обе Державы[251].

Условия договора были обнародованы только 5 ноября 1887 года, да и то через газету *Times*. Официальная публикация состоялась только 3 февраля 1888 года в Берлине, Вене и Буда-Пеште. Соглашение предусматривает, что в случае нападения России на Германию или Австрию каждая держава должна оказать помощь своему соседу всеми своими силами. Если, однако, нападение будет предпринято со стороны какой-либо другой державы, союзник обязуется просто соблюдать нейтралитет; и только после того, как Россия вступит в бой, союзник обязан привести свои армии в движение. Очевидно, что второй случай подразумевает нападение Франции на Германию; в этом случае Австрия оставалась бы нейтральной, внимательно наблюдая за поведением России. Насколько известно, договор не предусматривает совместных действий или взаимной поддержки в отношении Восточного вопроса, тем более в более отдаленных вопросах.

Чтобы дать России передышку, Бисмарк даже позволил себе мимолетный флирт с Англией. В конце 1879 года лорд Дафферин, тогдашний посол Великобритании в Санкт-Петербурге, проезжал через Берлин, и канцлер пригласил его в свое поместье в Варзине и сообщил ему, что российские предложения были сделаны Франции через генерала Обречева, "но Шанзи [посол Франции в Санкт-Петербурге], сообщив, что Россия не готова, французское правительство стало менее склонным, чем когда-либо, проводить авантюрную политику"[252]."

До конца своих дней Бисмарк утверждал, что австро-германский союз не означал распада Лиги трех императоров, но что новый договор, делая нападение России на Австрию крайне опасным, если не невозможным, помог продлить жизнь старого союза. Очевидно, однако, что Лига была всего лишь "громко звучащим ничто" (по выражению Меттерниха), когда двум ее членам пришлось объединиться, чтобы защитить самого слабого из трио от самого агрессивного. В духе этого государственного высказывания князя Бисмарка, процитированного в качестве девиза в начале этой главы, мы можем сказать, что старый Тройственный союз медленно распадался под влиянием новых атмосферных условий. Три императора встречались для дружеских сношений в 1881, 1884 и 1885 годах; и на встрече 1884 года или после нее было заключено русско-германское соглашение, по которому две державы обещали соблюдать дружественный нейтралитет в случае нападения на одну из них третьей державы. Вероятно, афганский вопрос или нигилизм заставили Россию принять авансы Бисмарка; но когда страх перед англо-русской войной прошел, и революционеры были обузданы, это соглашение утратило силу; и после падения Бисмарка соглашение не было возобновлено[253].

Теперь хорошо бы обратиться к событиям, которые привели Италию в соответствие с Центральными державами и, таким образом, заложили основу современного Тройственного союза.

Сложные и неинтересные летописи Италии после завершения ее объединения нас здесь не интересуют. Люди, чьи достижения облагородили борьбу за независимость, быстро ушли из жизни после взятия Рима во имя национального дела. Мадзини умер в марте 1872 года в Пизе, оплакивая то, что объединенная Италия была в значительной степени результатом иностранной помощи и монархических сделок. Последние годы своей жизни Гарибальди провел, разгромив правительство Виктора Эммануэля. Сам король-солдат скончался в январе 1878 года, а его непримиримый противник, Пий IX, скончался месяц спустя. Восшествие на престол Умберто I и избрание Льва XIII поначалу обещали смягчить вражду между Ватиканом и Квириналом, но ни

такт нового монарха, ни личная обходительность папы не привели к каким-либо реальным изменениям. Италия оставалась жертвой раскола между церковью и государством. Еще одной причиной слабости была непригодность многих частей полуострова для конституционного правления. Неаполь и Юг на столетие отставали от Севера во всем, что касалось гражданской эффективности, поскольку налет фаворитизма и коррупции распространился из правящих кругов на все классы общества. Очевидно, время ухаживания было слишком коротким и лихорадочным, чтобы привести к безмятежной супружеской жизни.

В этот период долгов и разочарований пришло известие о небольшом оскорблении, нанесенном латинской сестрой Севера. Франция захватила Тунис, землю, которую итальянские патриоты считали своей по возвращении, в то время как требования государственного управления отдали ее французам. Похоже, что во время Берлинского конгресса (июнь-июль 1878 г.) Бисмарк и лорд Солсбери неофициально высказали предположения, что их правительства не будут возражать против оккупации Туниса Францией. По словам де Бловица, Бисмарк воспользовался первой же возможностью повидаться с лордом Биконсфилдом и указать на безрассудство Англии, ссорящейся с Россией, в то время как она могла бы уладить с ней дела более мирно и выгодно. Англия, сказал он, должна уступить России Константинополь и взамен забрать Египет; "Франция не окажется неумолимой - кроме того, можно отдать ей Тунис или Сирию"[254]. Другая история Конгресса гласит, что лорд Солсбери, услышав о недовольстве Франции контролем Англии над Кипром, сказал М. Уоддингтону в Берлине: "Делайте с Тунисом, что хотите; Англия возражать не будет". Чуть позже правительства двух стран пришли к письменному соглашению о том, что Франция может оккупировать Тунис при удобном случае.

Захват Туниса Францией вызвал еще большее раздражение в Италии из-за способа его осуществления. 11 мая 1881 года, когда в ее южных портах готовилась крупная экспедиция, меусе Бартелеми де Сент-Илер отверг всякую идею аннексии и заявил, что единственной целью Франции было наказание беспокойного пограничного племени крумиров; но после вступления "красных штанов" в Кайруан и краха мусульманского сопротивления официальные заверения оказались столь же необоснованными, как и набеги крумиров. Несмотря на протесты, поступившие из Рима и Константинополя, Франция фактически аннексировала эту землю, хотя представитель султана, бей, по-прежнему сохраняет тень власти[255].

Тщетно министры короля Умберто обращались в Берлин за помощью против Франции. Они получили ответ, что дело было практически улажено во время Берлинского конгресса[256]. Возмущение, вызванное этими событиями в Италии, привело к падению министерства Кайроли, которое слишком доверчиво отнеслось к заверениям Франции, и Депретис встал у руля государства. Учитывая, что Бисмарк признал свою долю в поощрении Франции к захвату Туниса, сближение Италии с Германией может показаться неестественным. Это было так. По правде говоря, ее союз с Центральными державами был основан не на доброй воле к ним, а на негодовании против Франции. Итальянские националисты видели в Австрии бывшего угнетателя и по-прежнему призывали *"Ирредента Италии"* к восстановлению итальянских районов Тироля, Истрии и Далмации. В январе 1880 года мы находим, что Бисмарк писал: "Италия не должна быть причислена сегодня к миролюбивым и консервативным державам, которые должны считаться с этим фактом . . . У нас гораздо больше оснований опасаться, что

Италия присоединится к нашим противникам, чем надеяться, что она объединится с нами, видя, что у нас больше нет стимулов предлагать ей"[257]".

Это умонастроение изменилось после приобретения Туниса Францией.

Timeo Danaos et dona ferentes

должно было быть, что чувствовали мм. Уоддингтон и Ферри, когда Бисмарк призвал их предпринять это самое легкое, но самое дорогое из завоеваний. Деятнадцатый век, пожалуй, не предлагает более успешного примера государственного управления в духе Макиавелли. Отчуждение Франции и Италии отсрочило, во всяком случае, на целое поколение, возможно, и на нынешнюю эпоху, ту войну возмездия, в которой вплоть до весны 1881 года французы могли бы легко заручиться помощью Италии. Отныне им приходилось считаться с ее враждебностью. Ирония ситуации усиливалась тем фактом, что тунисское дело с взаимными обвинениями, к которым оно привело, привело к приходу к власти в Париже того самого человека, который лучше всего мог бы настроить французский народ против Германии.

Гамбетта был воплощением духа мести. Не раз он воздерживался от занятия высоких постов в сменяющих друг друга министерствах семидесятых; и представляется вероятным, что с помощью этой расчетливой застенчивости он стремился сохранить свое влияние нетронутым не ради мелких личных целей, на которые часто ссылались, а скорее с целью более эффективного направления всей национальной энергии против Германии. Доброжелательность к Англии и латинским народам, враждебность к Державе, оторвавшей Эльзас-Лотарингию от Франции, - такова была политика Гамбетты. Поэтому он протестовал, хотя и тщетно, против экспедиции в Тунис; и теперь, придя к власти (9 ноября 1881 г.), он обнаружил, что Италия ведет себя угрюмо и непокорно, в то время как он и его радикальные друзья не могли ожидать никакой помощи от нового самодержца всея Руси. Все надежды на войну возмездия оказались тщетными; и он сам пал от власти 26 января 1882 г.[258]. Год, на который он возлагал большие надежды, оказался исключительно роковым для врагов Германии. Вооруженная интервенция Великобритании в Египте обратила мысли французов от Рейна к Нилу. Скобелев, заклятый враг всего тевтонского, скончался осенью; и последние дни его правления стали свидетелями смерти Гамбетты от рук его любовницы.

Отставка Гамбетты ослабила напряженность в отношениях между Германией и Францией, и Бисмарк проявил меньшее стремление к союзу с Италией. Недавно, в качестве хода в парламентской игре Германии, он кокетничал с Ватиканом; и в результате этого бесцеремонного поведения Италия медленно приходила к согласию с Центральными державами. Тем не менее, ее негодование по поводу Туниса пересилило раздражение по поводу процедуры Бисмарка; и 20 мая 1882 года были подписаны договоры, которые связывали Италию с Центральными державами сроком на пять лет. Их условия не были опубликованы, но есть веские основания полагать, что три союзника взаимно гарантировали владение своими нынешними территориями, согласились противостоять нападению на земли любого из них и оговорили объем помощи, которая будет оказана каждым из них в случае военных действий с Францией или Россией, или обеими державами вместе взятыми. Последующие события, по-видимому, показывают, что римское правительство не получило от своих северных союзников никаких гарантий в отношении своей колониальной политики или поддержания баланса сил в Средиземноморье[259].

Очень многие итальянцы резко усомнились в ценности Тройственного союза для их страны. Вероятно, когда правда полностью выйдет на свет, выяснится, что королю и его министрам нужна была какая-то надежная гарантия от замыслов Ватикана изгнать монархию из Рима. Отношения между Ватиканом и Квириналом были очень напряженными в 1882 году, а союз Италии с Австрией устранил все опасения Габсбургов, действующих от имени иезуитов и других клерикальных интриганов. Раздражение, с которым клерикальная партия в Италии восприняла известие о союзе, показывает, что это, должно быть, помешало их планам. Другое объяснение заключается в том, что Италия действительно опасалась нападения со стороны Франции в 1882 году и искала защиты у Центральных держав. Мы можем добавить, что при возобновлении Тройственного союза в 1891 году Италия обязалась направить два корпуса через Тироль для борьбы с французами на их восточной границе, если они нападут на Германию. Но говорят, что этот пункт был исключен из договора при его последнем продлении в 1902 году.

Присоединение Италии к австро-германскому союзу дало России передышку. Проблемы с нигилистами также удерживали Александра III от каких-либо опрометчивых авантур, особенно совместно с демократической республикой, которая меняла своих министров каждые несколько месяцев. Его ненависть к Республике как символу демократии равнялась его недоверию к ней как к политическому калейдоскопу; и не раз он отвергал идею *сближения* с западным Протеем из-за "отсутствия какого-либо лица, уполномоченного взять на себя ответственность за союзнический договор"^[260]. Несомненно, именно эти соображения побудили его уволить воинственного Игнатьева и доверить министерство иностранных дел трезвомыслящему дипломату де Жиру (12 июня 1882 г.). Его политика была мирной и решительно противостояла славянофильской пропаганде Каткова, который теперь на время утратил благосклонность.

Таким образом, в настоящее время Германия была в безопасности. Россия обратила свою энергию против Англии и добилась легких и прибыльных побед в Центральной Азии, которые едва не привели ее к войне с британским правительством (см. [Главу xiv](#).).

В 1884 году Бисмарк добился еще одного успеха, добившись подписания союзного договора между тремя империями. Он был подписан 24 марта 1884 года в Берлине, но ратифицирован только в сентябре, во время встречи трех императоров в Скерневице. М. Эли де Цион излагает его условия следующим образом:

(1) Если одна из трех договаривающихся сторон объявит войну четвертой державе, две другие будут сохранять благожелательный нейтралитет. (К этому Бисмарк попытался добавить следствие, что если двое из них объявят войну четвертой державе, третья в равной степени останется нейтральной; но царь, как говорят, отверг это в интересах Франции.) (2) В случае конфликта на Балканском полуострове три державы руководствуются своими собственными интересами; а в случае разногласий решающий голос принадлежит третьей державе. (Здесь добавлен протокол о том, что Австрия может аннексировать Боснию и Герцеговину и оккупировать Нови-Базар.) (3) Прежние особые договоры между Россией и Германией или Россией и Австрией аннулируются. (4) Три державы будут наблюдать за выполнением условий Берлинского мирного договора в отношении Турции; и если Порты позволит четвертой державе (очевидно, Англии) войти в Дарданеллы, это вызовет враждебность одной из трех Держав (России). (5) Они не будут возражать против объединения Болгарии и Восточной Румелии, "если это произойдет силой обстоятельств"; и не позволят Турции укрепить Балканские перевалы.

Наконец, статьей 6 они запрещают какой-либо из договаривающихся держав оккупировать Балканские княжества. Соглашение действовало только в течение трех лет.

Если эти условия правильно сформулированы, то мирный договор стал большим триумфом Австрии и Германии за счет России. Неудивительно, что царь наконец освободился от ограничений, налагаемых Скъерневицким договором. Как мы видели, его поведение по отношению к Болгарии в 1885-86 годах вплотную приблизило его к конфликту с Центральными державами. Загадка в том, почему он вообще присоединился к ним на столь невыгодных условиях. Объяснение, по-видимому, заключается в том, что, подобно королю Италии, он считал союз с "консервативными" державами Центральной Европы некоторой защитой от революционных элементов, тогда столь сильных в России.

В 1886-87 годах эта опасность стала менее острой, и диктат личных интересов во внешних делах возобновил свое обычное влияние. В начале 1887 года Катков восстановил свое влияние на сознание царя, убедив его, что беспорядки на Балканском полуострове были спровоцированы государственными деятелями Берлина и Вены, чтобы отвлечь его внимание от франко-германских дел. По сути, сказал Каткофф, пусть Россия и Франция возьмутся за руки, и тогда у России будут развязаны руки в балканской политике и она сможет устанавливать законы в европейских делах в целом.

Во Франции о преимуществах союза с Россией громко заявлял генерал Буланже, который в то время приближался к зениту своей популярности, а также этот блестящий общественный деятель, мадам. Адам и группа сателлитов в Прессе. Даже де Гирс преклонился перед идеей часа и позволил газете, которую он вдохновлял, *Le Nord*, использовать эти замечательные слова (20 февраля 1887 г.):

Отныне Россия будет следить за событиями на Рейне и отодвигает Восточный вопрос на второй план. Интересы России запрещают ей в случае новой франко-германской войны соблюдать тот же доброжелательный нейтралитет, который она соблюдала ранее. Кабинет министров Санкт-Петербурга ни в коем случае не допустит дальнейшего ослабления Франции. Чтобы сохранить свободу действий в этом случае, Россия будет избегать любых конфликтов с Австрией и Англией, и позволит событиям в Болгарии идти своим чередом.

Таким образом, в начале 1887 года тенденция к равновесию Сил, являющаяся великим фактом новейшей европейской истории, начала оказывать успокаивающее воздействие на политику России в Болгарии и Центральной Азии. В том году была проведена делимитация российско-афганской границы и в делах Центральной Азии установился баланс, соответствующий равновесию, которое вскоре должно было быть достигнуто в европейской политике. Это тоже было время, когда Болгария начала твердо и успешно отстаивать свою независимость и подавлять все попытки восстания со стороны своих офицеров-русофилов. Это было замечено после покушения, которое они совершили в Рустчуке, когда Стамбулов приговорил девятых из них к смертной казни. Российское правительство отозвало всех своих агентов из Болгарии, и задача по спасению этих повстанцев была возложена на немецких консулов, которые в то время выполняли обязанности на благо России. Их усилия были тщетны, и Катков использовал их

неудачу как средство настроить царя не только против Германии, но и против де Гирса, который предложил надзор за интересами России со стороны немецких консулов[261].

Другой инцидент весеннего половодья 1887 года разжег гнев царя против тевтонов более яростно и обоснованно. 20 апреля комиссар французской полиции Шнабеле был арестован двумя немецкими агентами или шпионами на эльзасской границе подозрительно жестоким образом и брошен в тюрьму. Отнюдь не успокоив глубокое раздражение, которое это дело вызвало во Франции, Бисмарк подлил масла в огонь несколькими днями позже речью, которая, казалось, была направлена на то, чтобы добиться от Франции объявления войны. Таково, по крайней мере, было впечатление, произведенное на ум Александра III., который предпринял необычный шаг, отправив письмо с автографом императору Вильгельму I. Тот, в свою очередь, не передавая дело Бисмарку, отдал приказ о немедленном освобождении Шнабеле[262]. Таким образом, инцидент завершился; но неприятное впечатление, которое он произвел, лишило всякой возможности возобновления Союза Трех императоров. Таким образом, скьерневицкому соглашению, которое формировалось в течение трех лет, пришел конец.

Уже сейчас, если мы можем доверять пока еще неполной информации, Франция и Россия пытались разрушить Тройственный союз. В последние недели 1886 года де Гирс пыталась склонить Италию к заключению договора с Россией с целью нападения на Центральные государства (ее договор с ними истек в мае следующего года) и указала на Триест и итальянские районы Истрии в качестве награды за это предательство. Считается, что французское правительство также предпринимало аналогичные попытки, используя Трентино (южную часть Тироля) в качестве приманки. Синьор Депретис, верный политике Тройственного союза, отклонил эти предложения - акт постоянства, тем более похвальный, что Бисмарк не раз проявлял скудное уважение к интересам Италии.

Даже сейчас он мало что сделал, чтобы побудить правительство короля возобновить союз, заключенный в 1882 году. Однако события снова заставили римский кабинет искать поддержки. Итальянское предприятие в Абиссинии долгое время истощало казну, и уничтожение войска этими воинственными горцами 26 января 1887 года вызвало трепет ужаса на полуострове. Внутренняя ситуация также была далека от многообещающей. Провал попыток достичь компромисса между монархией и папой Львом XIII. Выявил непреклонную враждебность Ватикана к королевскому правительству в Риме. Поддавшись этому разочарованию, король Умберто и его советники были готовы возобновить Тройственный союз (март 1887 г.), хотя и на условиях, не более выгодных, чем раньше. Синьор Депретис, главный сторонник альянса, умер в июле; но синьор Криспи, который впоследствии занял этот пост, оказался не менее твердым в его поддержке. После визита к принцу Бисмарку в его резиденцию Фридрихсру, недалеко от Гамбурга, итальянский премьер-министр вернулся убежденным тевтофилом и объявил, что Италия присоединяется к Центральным державам, чтобы обеспечить мир в Европе.

Криспи также намекнул, что военно-морская поддержка Англии может быть оказана, если Италии будет серьезно угрожать опасность; и когда военно-морские приготовления в Тулоне, казалось, предвещали налет на плохо защищенную верфь Специи, британские военные корабли заняли позиции в Генуе, чтобы оказать помощь, если она потребуется. Этот инцидент вызвал дискуссию в *Новой свободной прессе* Вены из-за речи, произнесенной синьором Чиалой в Риме. Г-н Лабушер также 10 февраля 1888 г. резко допросил сэра Джеймса

Фергюссона в Палате общин о предполагаемом взаимопонимании между Англией и Италией. Однако в предоставлении всей информации было отказано[263].

Таким образом, почти ничего не известно по интересному вопросу о том, как далеко зашло британское правительство в заключении соглашения с Италией, а через нее и с Тройственным союзом. Мы можем только догадываться о мотивах, побудивших кабинет Солсбери сделать стратегический поворот в сторону этого "консервативного" альянса, и все же не присоединиться к нему определенно. Изоляция Англии впоследствии оказалась источником раздражения не только континентальных держав, но и слабости для нее самой, потому что ее государственные деятели не смогли в полной мере использовать потенциальные преимущества своего положения в центре событий. Неприязнь Бисмарка к Англии не была неизлечимой; он никогда не был убежденным "колониалистом"; и вполне вероятно, что присоединение Англии к его лиге положило бы начало периоду взаимной доброй воли в политике, колониальной политике и торговле. Воздержание Англии в дальнейшем привело к тому, что немецкие государственные деятели проявили все возможное уважение к России, как правило, в ущерб британским интересам.

Важность этого соображения становится очевидной, когда вспоминаются опасности 1887 года. Волнение, вызванное в России и Франции делами Рустчука и Шнабеле, напряженность в Германии, вызванная радикальными предложениями о новом законопроекте об армии, и, прежде всего, перспектива триумфа буланжистского милитаризма во Франции, держали Континент в состоянии напряженности в течение многих месяцев. В мае Каткову почти удалось убедить царя уволить де Гира и провести воинственную политику, полагая, что в Париже вот-вот будет сформирован сильный кабинет министров с Буланже в качестве реальной движущей силы. После длительного министерского кризиса предложенная министерская комбинация провалилась; Буланже был отложен, и царь, как полагают, резко упрекнул Каткова за его самонадеянность[264]. Это крушение его самых дорогих надежд сказалось на здоровье этого блестящего публициста и ускорило его кончину, которая наступила 1 августа 1887 года.

Однако семя, посеянное Катковым, должно было принести плоды. Несмотря на временное замешательство славянофилов, события имели тенденцию к более тесному сближению Франции и России. Официальное заявление синьора Криспи о том, что Тройственный союз был великим и прочным фактом, само по себе привело бы к какому-нибудь ответному шагу; и все доказательства нестабильности французской политики, представленные скандалами Гриви-Вильсона, не могли заставить российских государственных деятелей забыть о необходимости некоторого взаимопонимания с великой державой[265].

Бисмарк стремился создать необходимую хватку для рук. В ноябре 1887 года, во время беседы с царем в Берлине, ему удалось разоблачить подделку некоторых документов, касающихся Болгарии, которые настроили Александра против него предвзято. Он воспользовался этим преимуществом, тайно предложив Санкт-Петербургскому кабинету министров гарантию поддержки Германии в случае нападения Австрии; но, похоже, царь не очень доверял этому заверению, особенно когда Бисмарк произнес свою риторическую речь 6 февраля 1888 года, чтобы обеспечить получение займа в размере 28 000 000 марок на закупку военного снаряжения.

Эта речь является важной вехой в европейской политике. В простом, без прикрас стиле канцлер Германии изложил важнейшие факты недавней истории своей страны, показав, как часто

нарушался ее покой, и сделав вывод о необходимости постоянной подготовки в государстве, граничащем, как это было с Германией, с могущественными соседями: "Щука в европейском бассейне не дает нам превратиться в карпов; но мы должны выполнить замыслы Провидения, сделавшись настолько сильными, что щука может только забавлять нас". Он также проследил ход событий, которые привели к заключению договоров с Австрией и Италией, и утверждал, что при их заключении и недавней публикации договора 1882 года с Австрией германское правительство никоим образом не стремилось угрожать России. Нынешние недоразумения с этой Властью, несомненно, исчезнут; но, видя, что российская пресса "указала на дверь старому, могущественному и действенному другу, которым мы были, мы не будем стучать в нее снова".

Заключительные слова Бисмарка - "Мы, немцы, боимся Бога и ничего другого в мире; и именно страх Божий заставляет нас стремиться к миру и добиваться его" - вызвали бурю восторга в Рейхстаге, в результате чего предложения правительства были приняты почти единогласно, а Бисмарк получил бурные овации толпы снаружи. Эти дни ознаменовали кульминацию карьеры канцлера и триумф политики, которая привела к созданию Тройственного союза.

Вопрос о том, какая из двух великих враждебных групп была более искренней в отстаивании принципов мира, должен оставаться одной из загадок века. Бисмарк, несомненно, много провоцировал Францию в деле Шнабеле; но в 1888 году главная опасность делу мира исходила от Буланже и славянофилов России. Канцлер, проведя через свою армию предложения, изображал из себя миротворца, и Германия на несколько недель сосредоточила все свои мысли на борьбе не на жизнь, а на смерть, которая длилась девяносто дней правления императора Фридриха III. Цион и другие французские авторы пытались доказать, что попытки Бисмарка предотвратить свое восшествие на престол на том основании, что он был жертвой неизлечимой болезни, свидетельствовали о желании немедленной войны с Францией.

Однако представляется, что утверждение канцлера строго соответствовало одному из основных законов Империи. Его отношение к Франции на более поздних этапах дела Буланже было холодно "корректным", в то время как он проявил величайшее уважение к личным предрассудкам царя, когда императрица Фридриха разрешила возобновить предложения о браке между ее дочерью и принцем Александром Баттенбергским. Зная неизменную ненависть царя к бывшему принцу Болгарии, Бисмарк использовал все свое влияние, чтобы сорвать это предложение, которое было отклонено личным вмешательством нынешнего кайзера^[266]. Таким образом, согласно нашей нынешней информации, политика Германии была искренне мирной, как по цели, так и по тону, в течение первых шести месяцев года; и накопление вооружений, которое тогда продолжалось от Урала до Пиренеев, может рассматриваться как бессознательно ироничная дань уважения, выплачиваемая континентальными державами делу мира.

Ситуация изменилась, когда Вильгельм II взошел на трон Германии (15 июня 1888 г.). Он сразу же обозначил это событие, обратившись к армии с воззванием, в котором были такие слова: "Я клянусь всегда помнить, что глаза моих предков смотрят на меня сверху вниз из другого мира, и что однажды мне придется отчитаться перед ними за славу и честь армии". Военно-морской флот получил его приветствие в тот же день; и только три дня спустя к его народу было обращено воззвание. Люди повсюду помнили, что "Фридрих Благородный" сначала обратился к

своему народу, а затем к своей армии и флоту. Напрашивался вывод, что молодой кайзер хотел стать Фридрихом Великим, а не "гражданином-императором", как хотел, чтобы его называли, его отец. Теперь мир научился не обращать внимания на высказывания самого импульсивного из правителей Гогенцоллернов; но в те дни, когда он не знал его сложного характера, такой армейский приказ, казалось, предвещал приход нового Наполеона.

Некоторую тревогу почувствовала не только Франция, но и Россия. Правда, молодой кайзер быстро нанес визит своему родственнику в Санкт-Петербург; но вскоре выяснилось, что флегматичный и очень сдержанный Александр III. не знал, что и думать о разносторонней личности, которая теперь контролировала политику Центральной Европы. Поэтому было естественно, что Франция и Россия приняли меры предосторожности; и теперь мы знаем, что они были начаты осенью того же года.

В первом случае они принимали форму займов. Парижский финансист М. Хоскье, датчанин по происхождению, но француз по натурализации и симпатиям, давно желал использовать ресурсы Парижа как средство укрепления дружбы и, по возможности, союза с Россией. В течение некоторого времени он предпринимал финансовые попытки в Санкт-Петербурге, но обнаружил, что немецкие капиталисты закрыли перед ним все двери. Но весной 1888 года Берлинскую биржу охватила паника из-за чрезмерного количества российских ценных бумаг, которыми владели немецкие дома; состоялись крупные распродажи, и с тех пор для России казалось невозможным получить деньги в Берлине или Франкфурте, кроме как на очень жестких условиях.

Теперь представилась возможность, которой так долго ждали и над которой работали французские дома. В октябре 1888 года Хоскье получил приглашение тайно отправиться в Санкт-Петербург, чтобы рассмотреть возможность получения займа в размере 500 000 000 франков под 4 процента взамен военных займов, заключенных в 1877 году под 5 процентов. Он сразу же заверил российские власти, что его синдикат примет это предложение, и, хотя немецкие финансисты были в ярости и строили против него заговоры, заем был предоставлен Парижу. Это было началом серии займов, начатых Россией в Париже, и настолько успешных, что к 1894 году, как говорят, таким образом было подписано до четырех миллиардов франков (160 000 000 фунтов стерлингов)[267]. Таким образом, богатство Франции позволило России консолидировать свой долг на более легких условиях, построить стратегические железные дороги, новый военно-морской флот и вооружить свои огромные силы новым и усовершенствованным оружием. Хорошо известно, что иначе Россия не смогла бы отважиться на это и другие дорогостоящие предприятия; и нельзя не восхищаться мастерством, которое она продемонстрировала, так своевременно использовав энтузиазм галлов, а также государственной дальновидностью французов, сосредоточивших эти вооружения на самом слабом фланге Германии.

Тем временем буланжистский пузырь лопнул. После увольнения из армии за неподчинение "храбрый генерал" занялся политикой и, ко всеобщему удивлению, получил огромное большинство голосов на выборах в один из округов Парижа (январь 1889 года). Считается, что, если бы он собрал своих сторонников и выступил маршем против Елисейского дворца, он мог бы свергнуть Парламентскую республику. Но, подобно Робеспьеру в критический момент своей карьеры, он не наносил ударов - он рассуждал о разуме и умеренности. На этот раз власти проявили инициативу; и когда новый премьер Тирард возбудил против него дело по обвинению

в государственной измене, он бежал в Брюссель в соответствующий день - 1 апреля. С тех пор гибрид роялистов, бонапартистов и радикалов, известный как буланжизм, перестал пугать мир; и его вызывающее фырканье сменилось звуками, которые в конце концов были признаны конвульсивным ревом. Неизвестно, до какой степени славянофилы России приложили руку к подстрекательству этого существа. Эли де Цион, писавший позднее, заявил, что он все это время видел Буланже насквозь и не доверял ему. Заявления об отказе от ответственности такого рода были в изобилии в последующие годы[268].

После разоблачения этого героя Бульваров было естественно, что царь отказался заключить обязывающий договор с Францией; и он обозначил изоляцию России, провозгласив тост за принца Черногории как "единственного искреннего и верного друга России". Тем не менее, отставка Бисмарка Вильгельмом II в марте 1890 года вызвала период напряжения и трений между Россией и Германией, что способствовало перспективам франко-российской *антанты*. Отныне мир зависел от воли молодого автократа, который время от времени создавал впечатление, что вот-вот обнажит меч ради удовлетворения *гривы* своих предков. Острая и продолжительная тарифная война между Германией и Россией также обострила отношения между двумя державами.

Слухи о войне были широко распространены в 1891 году. Ходили дикие истории о секретном договоре между Германией и Бельгией о том, чтобы обеспечить проход тевтонским войскам через это нейтрализованное королевство и, таким образом, превратить новые восточные крепости, которые Франция построила за огромные деньги[269]. Части Северной Франции должны были стать наградой за уступчивость короля Леопольда, а помощь Англии и Турции должна была быть обеспечена значительными взятками[270]. Вся схема выглядит дилетантской грандиозностью; но, исходя из принципа, что нет дыма без огня (что не всегда справедливо для дипломатического дыма), в Париже поднялась большая тревога. За возобновлением Тройственного союза в июне 1891 года сроком на шесть лет месяц спустя последовал визит императора Вильгельма в Англию, во время которого он воспользовался случаем в Гилдхолле, чтобы заявить о своем желании "поддерживать историческую дружбу между этими нашими двумя нациями" (10 июля). Хотя это утверждение было уравновешено выражением надежды на мирный прогресс всех народов, эти слова вызвали трепет воображения на берегах Сены и Невы.

Итогом всего этого стал визит французского флота Ла-Манша в Кронштадт в конце июля; и французский государственный деятель М. Флуранс утверждает, что инициативу в этом вопросе проявил сам царь[271]. Флот получил бурный прием, и, к удивлению всей Европы, император посетил флагманский корабль адмирала Жерве и оставался без прикрытия, пока оркестр играл национальные песни двух наций. Мало кто ожидал, что автократ Востока отдаст такую дань уважения "*Марсельезе*". Но, по правде говоря, французская демократия тогда вступала в новую фазу у себя дома. Политики самых разных оттенков мнений начали прикрываться "оппортунизмом" - удобно расплывчатым термином, впервые использованным Гамбеттой, но в конечном итоге использованным для обозначения любого полезного компромисса между парламентским правлением, автократией и ярким милитаризмом. Кронштадтские праздники помогли в процессе деформации.

Вопрос о том, был ли там подписан какой-либо определенный договор, вызывает сомнения. Корреспондент *Times*, писавший 31 июля из Санкт-Петербурга, сообщил, что адмирал Жерве

привез с собой из Парижа проект конвенции, который должен был быть рассмотрен и впоследствии подписан российскими министрами иностранных дел, военного дела и военно-морского флота, но не самим царем, пока в этом не возникнет необходимость. Вероятно, тогда никакого союза сформировано не было, но были разработаны военные и военно-морские конвенции, которые служили основой для совместных действий в случае возникновения чрезвычайной ситуации. Эти соглашения были выработаны на конференциях, проведенных русскими генералами Вановским и Обручевым с французскими генералами Соссье, Мирибелем и Буадефром. Вскоре после этого российский заем был размещен в Париже при большом энтузиазме.

Пока французам пришлось удовлетвориться этим обменом секретными заверениями и звонкой монетой. Царь отказался двигаться дальше, главным образом потому, что скандалы, связанные с панамским делом, вновь вызвали у него опасения и отвращение. Де Цийон утверждает, что унижительные разоблачения, которые стали известны в конце 1891 года и в начале 1892 года, сделали больше, чем что-либо, чтобы отсрочить заключение определенного союза. Поэтому ответный визит русской эскадры во французские воды был перенесен на октябрь 1893 года, когда в Тулоне царил бурное ликование. Царь и Президент обменялись телеграммами, в первой из которых говорилось об "узах, объединяющих две страны".

Какое-то время казалось, что Россия намеревалась сохранить свою эскадру в Средиземном море; и, как известно, заявления по этому поводу были сделаны Англией и Италией, которые снова сблизились. Британская эскадра посетила итальянские порты - событие, которое, казалось, предвещало вступление Островной державы в Тройственный союз. Однако российский флот покинул Средиземное море, и дипломатическая ситуация осталась неизменной. Несмотря на все страстные ухаживания галльской расы, при жизни Александра III брачный контракт не заключался. Он умер 1 ноября 1894 года, и во многих кругах его память превозносили как память великого миротворца своего времени.

Насколько он заслужил эту похвалу, на которую претендовал каждый государственный деятель первого ранга, вызывает сомнения. Несомненно, что он не любил войну из-за пагубных последствий русско-турецкого конфликта; но те, кто помнит его жестокие репрессии против нерусских народов в своей Империи, его жестокое обращение с болгарями и их князем, его закулисные интриги против Сербии и Румынии и благосклонность, которую он проявил к командиру, нарушившему международное право в Пандже, зададутся вопросом, основывалась ли его любовь к миру на иных основаниях, чем благоразумие. То, что французы увековечивают его память фразами, которым их литературное мастерство придает всемирную популярность, естественно, учитывая, что он положил конец их дням изоляции и спас их от последствий буланжизма; но все еще необходимо доказать, что, за исключением дела Шнабеле, Германия всегда стремилась поссориться с Францией во время правления Александра III.; и, наконец, может оказаться, что Тройственный союз был подлинно консервативной лигой, которая спасла Европу от замыслов беспокойной Республики и требовательного эгоизма Александра III.

Другое объяснение франко-русской *антанты* столь же правдоподобно, как и теория о том, что царь основывал свою политику на седьмой заповеди блаженства. Тщательный анализ всей этой политики в Азии, а также в Европе, по-видимому, показывает, что он сблизился с Республикой, чтобы добиться равновесия в Европе, которое позволило бы ему всем своим

весом вмешаться в дела Дальнего Востока. Российская политика колебалась то в сторону Запада, то в сторону Востока; но старомодные русские всегда сожалели о запутанности в европейских делах и указывали на более обнадеживающий Восток. Даже во время преследования разбитых сил Наполеона при их отступлении из Москвы в 1812 году русский командующий Кутузов сказал сэру Роберту Уилсону, что свержение Наполеона пойдет на пользу не миру в целом, а только Англии[272]. Ему не удалось сделать все от него зависящее, в основном потому, что он надеялся на мир с Францией и возобновление наступления России на Индию.

Ведущие русские все больше верили в то, что Англия - враг, особенно, конечно, после Крымской войны и Берлинского конгресса. Истинная миссия России, по их словам, лежит в Азии. Там, среди этих плохо сплоченных рас, она могла легко построить Империю, которая никогда не могла быть прочно основана на жестких, непокорных булгарах или воинственных турках. Тройственный союз закрыл перед Россией дверь на Запад, и возникло большее искушение избрать другой альтернативный курс - линию наименьшего сопротивления, которая вела в Афганистан и Маньчжурию. Ценность взаимопонимания с Францией теперь была ясна всем. Как мы видели, они охраняли открытую границу России в Польше и пополняли казну сокровищами, которые быстро приобрели зримую форму в виде Сибирской железной дороги, а также продолжений линий, ведущих в Мерв и Ташкент.

Но это восточное направление российской политики вряд ли можно назвать мирным. Инцидент в Панджде (29 марта 1885 г.) побудил бы любое другое правительство, кроме правительства мистера Гладстона, объявить войну агрессору. Вскоре события обратили взор русских в сторону Маньчжурии, и франко-российское соглашение позволило им направить всю свою энергию в этом направлении (см. Главу XX). Именно французские деньги позволили России доминировать в Маньчжурии и на какое-то время внушить благоговейный страх Японии. Короче говоря, Двойной союз мирно провел москвичей в Порт-Артур.

Смерть Александра III. в ноябре 1894 года к власти пришла совсем другая личность, более добрая и щедрая, но лишенная силы и благоразумия покойного правителя. Николай II. у него не было той неприязни к западным институтам, которая преследовала его отца. Таким образом, был открыт путь для заключения более обязывающего соглашения с Францией, необходимость которого была подчеркнута событиями 1894-95 годов на Дальнем Востоке. Но способ, которым это произошло, до сих пор известен лишь смутно. Говорят, что члены Орлеанского дома принимали участие в этих попытках, возможно, с целью ослабить гипнотизирующее влияние, которое союз с автократией Востока оказывает на демократию Запада.

Франко-российская *антанта* созрела для заключения союза в 1895 году. Так, по крайней мере, мы можем судить по упоминанию России как "notre allie" премьер-министром М. Рибо в дебатах 10 июня 1895 года. Николай II во время своего визита в Париж в 1896 году провозгласил свою тесную дружбу с Республикой; а во время ответного визита президента Фора в Кронштадт и Санкт-Петербург он дал еще более значительный знак того, что две нации объединяло нечто большее, чем чувства и то, что Карлайл называл бы денежной связью. На борту французского военного корабля *Pothuau* в своей прощальной речи он обратился к "друзьям и союзникам наций" (26 августа 1897 г.).

Договор так и не был обнародован, но его версия появилась в *"Винер Альгемайне цайтунг"* от 21 сентября 1901 г., а пять дней спустя - в парижской газете *"Ла Либерте"*. Г-н Генри Норман приводит следующее краткое изложение неофициально сообщенной там информации. Заявив, что в договоре нет прямой ссылки на Германию, он продолжает: "В нем говорится, что в случае нападения на одну из стран другая придет ей на помощь со всеми своими военными и военно-морскими силами, и что мир должен быть заключен только согласованно и по соглашению между ними. Никаких других *казус белли* не упоминается, срок действия договора не установлен, и весь документ состоит всего из нескольких пунктов[273]."

Очевидно, что Франция и Россия не смогут помочь друг другу всеми своими силами, если общим врагом не будет Германия или Тройственный союз в целом. Только в этом случае такое положение имело бы силу. Давление Франции и России на фланги Германской империи было бы ужасным; и немыслимо, чтобы Германия напала на Францию, зная, что такие действия перенесут вес России на ее самую слабую границу. Однако вполне возможно, что три центральных союзника могут счесть тяготы вооруженного мира невыносимыми и напасть на Францию или Россию. Такому нападению Двойной союз противостоял бы примерно равными силами, хотя сейчас ему мешает ослабление Империи на Дальнем Востоке.

Другой отчет, также неофициальный и сдержанно расплывчатый, был предоставлен миру дипломатом в то время, когда бесчинства армян на какое-то время пробудили притупленную совесть христианского мира[274]. Предполагая, что Большой Человек с Востока был при смерти, анонимный автор намекал на выгодные результаты, которых могли бы добиться Континентальные государства, если бы, не принимая во внимание Англию, они урегулировали Восточный вопрос *по взаимному согласию* между собой. Двойной союз, утверждал он, не отвечал бы потребностям ситуации, поскольку в нем не предусматривался раздел Турции или всеобщая война на Востоке.

Обе стороны [Франция и Россия] рассмотрели курс, который следует предпринять в случае агрессии со стороны одного или нескольких членов Тройственного союза; было достигнуто понимание по основным направлениям общей политики; но по необходимости они не пошли дальше. Если российское правительство не могло взять на себя обязательство поставить свой меч на службу Франции с целью пересмотра Франкфуртского мирного договора - более того, требование, которого Франция не выдвигала, - оно не может требовать, чтобы Франция мобилизовала свои силы, чтобы позволить ей расширить свою территорию в Европе или Азии. На берегах Невы это очень хорошо знают.

К этому интересному заявлению мы можем добавить, что Франция и Россия расходились во мнениях по Восточному вопросу. Таким образом, когда, чтобы предъявить султану свои законные требования, Франция решила принудить его, если потребуется, к захвату Митилена, царское правительство, как известно, не одобрило этот решительный шаг. Говоря в целом, можно предположить, относится ли Двойной союз не только к европейским вопросам. Это

можно сделать из следующего факта. После объявления англо-японского соглашения в начале 1902 года, по которому Англия соглашалась вмешаться в дальневосточный вопрос, если другая держава поможет России против Японии, правительства Санкт-Петербурга и Парижа заключили несколько аналогичную конвенцию, в соответствии с которой Франция определенно соглашалась предпринять действия, если России столкнутся Япония и европейская или американская держава в этих кругах. В таком договоре не было бы необходимости, если бы франко-российский альянс ссылался на проблемы Дальнего Востока.

Заслуживает внимания и другое "разоблачение" начала 1904 года. Парижская газета "*Figaro*" опубликовала официальные документы, призванные доказать, что царь Николай II, после того как французское правительство озвучило его во время инцидента в Фашоде, заявил о своей готовности выполнить свои обязательства в случае, если Франция предпримет действия против Великобритании. *Figaro* использовала это как аргумент в пользу того, что Франция активно поддержит Россию в борьбе с Японией, если поступит апелляция из Санкт-Петербурга. Это утверждение сейчас не получило бы большой поддержки во Франции. События русско-японской войны и массовое убийство рабочих в Санкт-Петербурге 22 января 1905 года заметно обострили франко-российские отношения. Это видно из следующей речи М. Анатоля Франса от 1 февраля 1905 года по поводу его интервью с премьер-министром М. Комбом:

В начале этой войны я слышал, что говорили очень туманно, что между Францией и Россией существовали твердые и быстрые отношения, и что, если Россия вступит в бой со второй силой, Франции придется вмешаться. Я спросил месье Комбса, тогдашнего премьер-министра, существовало ли что-либо подобное. Месье Комбс счел, что из-за его должности не следует давать точного ответа; но он самым ясным образом заявил мне, что, пока он является министром, нам не нужно опасаться, что наши моряки и солдаты будут отправлены в Японию. Мое собственное мнение таково, что это безумие не должно быть воспринято ни одним министерством. (*The Times*. 3 Февраля.)

Таким образом, в настоящее время все указывает на то, что франко-русский союз относится исключительно к европейским вопросам и является всего лишь оборонительным соглашением ввиду возможного нападения со стороны одного или нескольких членов Тройственного союза. Учитывая, что всегда подчеркивался чисто оборонительный характер последних, во многих кругах вполне естественно высказываются сомнения относительно пользы этих союзов. Единственное ощутимое преимущество, полученное любой из пяти держав, заключается в том, что у России появилось больше возможностей для привлечения займов во Франции и закрепления своего влияния в Маньчжурии. С другой стороны, французы жалуются, что альянс повлек за собой огромную финансовую ответственность, которая дорого оплачивается прекращением тех раздражающих пограничных инцидентов типа Шнабеле, с которыми им приходилось мириться со стороны Бисмарка в дни их изоляции[275].

Италия также подвергает сомнению мудрость своего союза с Центральными державами, который не приносит очевидной отдачи, за исключением слегка усиленного внимания со стороны ее латинской сестры. В культурных кругах по обе стороны Приморских Альп существует сильное ощущение, что нынешняя международная ситуация нарушает расовые инстинкты и традиции; и, как мы уже видели, отношение Италии к Франции сейчас сильно отличается от

того, каким оно было в 1882 году. Теперь практически очевидно, что итальянцы не позволили бы правительству короля воевать с Францией в интересах Центральных держав. Их чувства вполне естественны. Что общего у итальянцев с австрийцами и пруссаками? Мы можем ответить, что немногим больше, чем у французских республиканцев с подданными царя. По правде говоря, оба этих союза основаны не на искреннем уважении или привязанности, а на страхе и принуждении, которое он оказывает.

Этому факту мы можем, возможно, в значительной степени приписать *недомогание* Европы. Греческий философ Эмпедокл смотрел на мир как на продукт двух всепроникающих сил, любви и ненависти, действующих на слепую материю: любовь объединяла родственные частицы и удерживала их в единстве; ненависть или отвращение разъединяли непохожие или враждебные элементы. Мы можем использовать термины этой старой космогонии применительно к существующим политическим условиям и утверждать, что эти два основных принципа разделили Европу на две враждебные массы; с той разницей, что союзники по большей части удерживаются вместе не столько взаимным уважением, сколько ненавистью к своим противоположностям. Из этого несколько размашистого заявления мы должны выделить одно исключение. Были два союзника, которые сошлись с легкостью, свидетельствующей об определенной степени близости. Благодаря присущей государственному деятелю умеренности Бисмарка после Кенигграца Австрия охотно заключила тесный договор со своим бывшим соперником. По крайней мере, таково было мнение немцев и мадьяр о Двойной монархии. Можно предсказать, что австро-германский союз сохранится, пока Двоевластная монархия существует в ее нынешней форме; но даже в этом случае страх перед Россией является единственной великой связующей силой там, где многое другое носит центробежный характер. Если когда-нибудь Царская империя потеряет свой престиж, возможно, две Центральные державы отдалились бы друг от друга.

Хотя в обоих союзах есть признаки слабости, они, несомненно, будут существовать до тех пор, пока сохраняется необходимость, вызвавшая их к жизни. Несмотря на все усилия, прилагаемые обеими сторонами, военные и военно-морские ресурсы двух великих лиг примерно равны. В одном отношении, и только в одном, Европа выиграла от этих хорошо скоординированных усилий. Непрочное перемирие, которое с 1878 года носит название мира, в конечном счете является результатом того факта, что война будет включать в себя конфликт огромных гражданских армий почти равной силы.

Итак, дело дошло до того, что в эпоху, когда сама концепция христианского мира исчезла, а идеальные принципы были практически вытеснены из жизни давлением материальных потребностей, мир снова зависит от некогда высмеиваемого принципа баланса сил. То, что это должно быть так, огорчает всех, кто надеялся увидеть, как человечество проложит себе путь к более высокому уровню мышления в международных делах. Уровень мышления в этих вопросах едва ли может быть ниже, чем со времен массовых убийств армян. Коллективное сознание Европы так же вяло, как и в восемнадцатом веке, когда слабые государства были сокрушены или разделены, а вооруженная сила стала единственной гарантией безопасности.

В конце этого тома мы рассмотрим некоторые из влияний, которые танталов труд европейских народов оказал на жизнь нашего века. Не зря сотни миллионов людей всегда стремятся обеспечить сухожилия войны, и что правители держат эти сухожилия в состоянии напряжения. Результат ощущается во всех остальных органах политического тела. Несомненно, правящие

классы Континента, должно быть, страдают от атрофии инстинкта юмора, если они не замечают практической ничтожности усилий, которые они и их подданные так долго прилагали. Возможно, какой-нибудь статистический сатирик двадцатого века оценит экономичность процесса, требующего почти двенадцати миллионов солдат для поддержания мира в самой просвещенной части земного шара.

ПРИМЕЧАНИЕ Ко ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

В "*Эхо Парижа*" от 3 июля 1905 года граф де Нион опубликовал документы, которые еще раз доказывают важность услуг, оказанных Великобританией Франции во время военной паники в мае 1875 года. Они подтверждают рассказ, приведенный в этой главе, но добавляют еще несколько деталей. Смотрите также подтверждающие свидетельства в *Times* за 4 июля 1905 года.

ПРИМЕЧАНИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

Было заявлено, по-видимому, из надежных источников, что неофициальные переговоры, которые велись во время Берлинского конгресса между полномочными представителями держав (см. *ante*, стр. 328), дали Италии гарантию, что в случае экспансии Франции в Северной Африке Италия должна найти "компенсацию" в Триполи. По-видимому, это объясняет ее недавнее действие там (октябрь 1911 г.).

СНОСКИ:

[242] В своей речи от 19 февраля 1878 года Бисмарк сказал: "Связь трех императоров, которую обычно называют союзом, не основывается на письменном соглашении и не обязывает ни одного из трех императоров подчиняться решениям двух других".

[243] Дебидур, *Дипломатическая история Европы*, том ii. стр. 458-59; Бисмарк, *Размышления и реминисценции*, том ii. глава xxix.

[244] *Император Александр II.: Его жизнь и царствование*, С.С. Татищев (Санкт-Петербург, 1903), Приложение к т. ii.

[245] Де Бловиц, *Мемуары*, ч. v.; *Посол побежденных* (под ред. герцога де Бройля), стр. 180 и далее. Вероятно, статья "Криг в Зихте", опубликованная в "*Berlin Post*" от 15 апреля 1875 года, была "вдохновенной".

[246] *Бисмарк: его размышления и др.*, том ii. стр. 191-193, 249-153 (англ. ред.); *Bismarck Jahrbuch*, том iv. стр. 35.

[247] Сэр М. Грант Дафф, *Заметки из дневника, 1886-88*, том i, стр. 129. Смотрите также другие доказательства вероятности нападения Германии на Францию в книге профессора Геффкена "*Франкрайх, Россия и дер Драйбунд*", стр. 90 и далее.

[248] *История франко-русского конфликта*, Эли де Цион, гл. i. (1895).

[249] *Наш канцлер*, М. Буш, том ii. стр. 137-138.

[250] *Бисмарк: размышления и воспоминания*, том ii. стр. 251-289.

[251] *Бисмарк: некоторые тайные страницы его истории*, М. Буш, том ii. стр. 404; *Бисмарк: размышления и реминисценции*, том ii. стр. 268.

[252] "*Жизнь маркиза Дафферины и Авы*", сэр А. Лайалл (1905), том i, стр. 304.

[253] 24 октября 1896 г. "*Hamburger Nachrichten*", газета, часто вдохновляемая Бисмарком, предоставила некоторую информацию (все, что известно) об этом теневом соглашении.

[254] Де Бловиц, *Мемуары*, глава vi., также Буш, *наш канцлер*, том ii. стр. 92-93.

[255] Позже выяснилось, что Бартелеми де Сент-Илер не знал о масштабах целей французской военной партии, и что впоследствии они одержали верх; но это не освобождает Кабинет министров и его самого от недобросовестности. Позже Франция укрепила Бизерту в нарушение (как говорят) договоренности с британским правительством о том, что никакая часть этого побережья не должна быть укреплена.

[256] *Политическая хроника Гегенварта*, за 1881 год, стр. 176; цитируется Лоу, *Жизнь Бисмарка*, том ii. стр. 133.

[257] *Бисмарк: некоторые секретные страницы др.*, том iii. стр. 291.

[258] Сеньобос, *Политическая история современной Европы*, том i, стр. 210 (англ. изд.).

[259] О Тройственном союзе см. *Rev. des deux Mondes*, 1 мая 1883 г.; также Кьяла, *История современности - Тройственная и двойная Аллегория* (1898).

[260] Эли де Цион, *указ. соч.* стр. 38.

[261] Эли де Цион, *указ. соч.* стр. 274.

[262] Смотрите в "*Новом ревю*" за 15 апреля 1890 г. версию всего этого дела, изложенную Кионом с предусмотрительной краткостью Онкеном, Блюмом и Дельбрюком.

[263] Хансард, том 1. сссхii. стр. 1180 и далее.; Чиала, "*Тройная и двойная Аллея*", приложение ii.; мистер Стиллман, *Франческо Криспи* (стр. 177), верит в опасность для Специи.

[264] Эту версию (обычную) оспаривает Сайон, который говорит, что влияние Каткова на царя было подорвано подлой немецкой интригой.

[265] См. Шовинистические брошюры "*Об учении и мате в области политики народов Франции*", издательство "Un Russe" (Париж, 1887); и "*О франко-русском союзе*", П. Падера (Тулуза, 1888).

[266] Бисмарк: некоторые секретные страницы и т.д. том iii. стр. 335.

[267] Э. Доде, *Дипломатическая история франко-русского союза*, стр. 270-279.

[268] Де Цион, указ. соч. стр. 394 и далее.

[269] В 1893 году во французской палате депутатов было официально заявлено, что за два десятилетия Франция потратила 614 000 000 фунтов стерлингов на свою армию и новые крепости, помимо стратегических железных дорог и флота.

[270] Нотович, *Император Александр III*. глава viii.

[271] Л.Э. Флоуренс, *Александр III.: Жизнь, творчество сына*, стр. 319.

[272] *Французское вторжение в Россию*, сэр Р. Уилсон, стр. 234.

[273] Х. Норман, член парламента, *Всея Руси*, стр. 390 (Хайнеманн, 1902). Смотрите статьи М. де Прессенсе о влиянии альянса на англо-французские отношения в *девятнадцатом веке* за февраль и ноябрь 1896 г.; также "*Пробуждение нации*" Спенсера Уилкинсона, ч. v.

[274] *Франко-русский альянс в Восточном кризисе*, по совместительству иностранный дипломат. (Paris, Plon. 1897).

[275] Смотрите статью Жюля Симона в *Contemporary Review*, май 1894г.

ГЛАВА XIII

ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЙ ВОПРОС

"Немцы достигли своего дня, англичане - середины дня, французы - полудня, итальянцы - вечера, испанцы - ночи; но славяне стоят на пороге утра". - МАДАМ НОВИКОВА ("О.К.") - *Друзья и враги России*.

1879-85 годы, которые стали свидетелями решения различных вопросов, поднятых Берлинским мирным договором, и образования Тройственного союза, знаменуют окончание важного периода в европейской истории. Четверть века, последовавшая за франко-австрийской войной 1859 года в Северной Италии, всегда будет выделяться как одна из самых важных эпох в государственном строительстве, которые когда-либо видел мир. Италия, Дания, Австро-Венгрия, Германия и Турция приняли свою нынешнюю форму. Христиане Балканского полуострова добились больших успехов на пути к свободе, чем в предыдущем столетии. Наконец, новая дипломатическая группировка Держав помогла придать этим изменениям постоянство, которого совершенно не хватало прерывистым усилиям периода 1815-1859 годов. Тот ранний период был периодом лихорадочного порыва и живописных неудач; два последующих десятилетия характеризовались строгой организацией и прозаическим успехом.

Обычно случается так, что как с нациями, так и с отдельными людьми, за периодом, посвященным выздоровлению от внутренних расстройств, следует период огромной продуктивности и экспансии. Эпоха самоанализа уступает место эпохе практических достижений. Фауст отказывается от своих бесплодных рассуждений и нащупывает путь от мысли к действию. Начиная с "В начале было Слово", он прокладывает себе путь вперед через "Мысль" и "Мощь", пока не переписывает изречение "В начале было Дело". Это перемена, произошедшая в Германии и Европе в 1850-80-е годы. Эпоха теоретиков *Нового парламента* во Франкфурте уступила место эпохе Бисмарка. Идеалы Мадзини померкли в яркий полдень монархического триумфа в Риме.

Увы! кроме того, эпоха великих достижений, 1859-85 годы, уступает место периоду, характеризующемуся пресыщенностью, оцепенением и неопределимым *недомоганием*. Европа отдыхает от щедрой борьбы прошлого и с беспокойством вступает во времена скрытой враждебности и вооруженного мира. Сформировав свои государственные системы и заключив союзы, нации больше не обращают внимания на конституции, права человека или обязанности человека; они погружаются в коммерциализацию и ищут новые рынки сбыта. Теперь они ведут себя как Старый Пистолет, когда он восклицает

"Мировая устрица,
Которую я открою мечом".

В самой Европе мало что можно зафиксировать в 1885-1900 годах, которые были на редкость скучными с точки зрения политических достижений. Ни одно народное движение (даже движение пострадавших критян и армян) не вызвало достаточного сочувствия, чтобы довести его до цели. Причина этого факта, по-видимому, заключается в том, что человеческая раса, как и отдельный человек, подвержена определенным чередующимся настроениям, которые можно назвать энтузиазмом и практичностью; и что на последнем этапе материальные потребности жизни настолько возвышаются за счет высших импульсов, что небольшие борющиеся сообщества не получают и десятой доли того сочувствия, которое они вызвали бы в более щедрые времена.

Этот факт не обязательно должен вызывать отчаяние. Напротив, это должно внушать веру в то, что, когда приступ пройдет, снова наступит более здоровое, благородное настроение; и тогда мир наполнится новой жизнью, благотворно используя богатства, накопленные ранее, но не ассимилированные. Знаменательно, что Гервинус, писавший в 1853 году, говорил о той эпохе как о проявлении признаков разочарования и истощения в политической сфере. На самом деле

его отделяло всего шесть лет от начала эпохи созидательной деятельности, подобной которой еще никто не видел.

Далее, мы можем указать, что отлив в развитии человеческих отношений, начавшийся примерно в 1885 году, был вызван конкретными причинами, с разной силой воздействовавшими на разные народы. Первым по времени, в конце 1879 года, было решение Бисмарка и германского рейхстага отказаться от идеи свободной торговли в пользу узкого коммерческого национализма. Затем произошло убийство царя Александра II. (март 1881 г.) и подавление реформаторов и всех чуждых элементов его суровым преемником. Таким образом, национальный импульс, который помог демократии в предыдущем поколении, теперь придал свою силу делу экономической, религиозной и политической реакции в двух величайших европейских государствах.

В других странах эта жизненная сила растрачивалась на пенистую риторику Деруледа и бесполезные выпады Буланже, на тарабарщину "*Ирредента Италия*" или на шумные обструкции чехов и парнеллитов в парламентах Вены и Лондона. Все говорило о том, что национальный принцип исчерпал свою силу и теперь может просто поворачиваться и шататься, пока не успокоится.

Любопытная серия событий также послужила дискредитации партии прогресса в конституционных штатах. Итальянская политика во времена правления Депретиса, Манчини и Криспи превратилась, с одной стороны, в простую борьбу за власть, с другой - в нервное выкарабкивание из зияющей впереди пропасти банкротства. Франция тоже медленно привыкала к парламентским институтам, и ее история с 1887 по 1893 год в значительной степени представляет собой череду политических скандалов и визгливых взаимных обвинений, начиная со времен дела Гриви-Уилсона и заканчивая отвратительным концом Панамской компании. В Соединенном Королевстве колеса прогресса сильно закрутились после 1886 года, когда Гладстон совершил свой внезапный стратегический поворот в сторону последователей Парнелла. Так получилось, что партии прогресса оказались почти беспомощными или даже дискредитированными; а молодой гигант демократии внезапно согнулся и съежился, словно от преждевременного увядания.

Причины этого кажущегося паралича были не только политическими и динамичными: они были также этическими. Пыл религиозной веры угасал под натиском безжалостной критики и догматического материализма. Уже под их влиянием учителя прежней эпохи, Карлайл, Теннисон и Браунинг, утратили свою жизнерадостность и непосредственность; а характерные мыслители новой эпохи были примечательны главным образом сухим формализмом, с которым они проповедовали Евангелие спасения для сильных и проклятия для слабых. Результаты нового вероучения не заставили себя долго ждать, проявив себя в политической сфере. Если выживание наиболее приспособленных было последним словом философии, то зачем было бороться от имени слабых и угнетенных? В таком случае, возможно, было бы лучше оставить их на растерзание новому научному дьяволу; в то время как те, кто прорвался во главе толпы, развлекались с предельным самозабвением. Таков был и остается вывод из нового Евангелия (несомненно, во многих отношениях достаточно грубый), который в конце концов окаменел в барском эгоизме Ницше и в неприглядных очертаниях одной или двух современных утопий.

У этой моды будет свое время. Между тем долг историка отметить, что самопожертвование и героизм - это тяжелая борьба за жизнь в эпоху, которая на какое-то время вознесла Герберта

Спенсера на высочайшую вершину величия, которая до сих пор возмущается расчетливым эгоизмом Ницше и бредит Омаром Хайямом.

Видя, таким образом, что последние пятнадцать лет девятнадцатого века в Европе были почти лишены великих формирующих движений, подобных тем, которые облагородили предыдущие десятилетия, мы вполне можем оставить этот чрезмерно управляемый, перенаселенный континент, утопающий в своих богатствах и недовольстве, своем милитаризме и моральной слабости, чтобы рассмотреть события дальше, которые перенесли процесс государственного строительства в земли, пока еще хаотичные или плохо организованные. Здесь, по крайней мере, мы можем зафиксировать некоторый прогресс, хотя ему и препятствовала моральная вялость или расхлябанность, которые исказили действия европейцев в их новых сферах.

Перенос человеческого интереса с европейской истории на историю Азии и Африки, безусловно, является одной из отличительных черт рассматриваемых лет. Сцена великих событий перемещается с Рейна и Дуная на Окс и Нил. В настоящее время дела Рима, Эльзаса и Болгарии улажены, страсти великих наций сосредоточены на Герате и Кандагаре, Александрии и Хартуме, Камеруне, Занзибаре и Йоханнесбурге, Порт-Артуре и Корее. Соединенные Штаты, оправившись от Гражданской войны и завершив работу по внутреннему развитию, входят в списки как колонизирующая держава и вытесняют Испанию из двух ее исторических владений. Борьба обостряется из-за островов Тихого океана. Австралия стремится прибрать к рукам Новую Гвинею, а европейские державы вступают в жаркие дискуссии по поводу Мадагаскара, Каролинских островов, Самоа и многих других островов.

Короче говоря, в эти годы повторились колониальные распри, которыми была отмечена вторая половина XVIII века. Точно так же, как Европа, решив вопросы, возникшие в результате религиозных войн, занялась маркетингом на пустынных землях за морями, точно так же, когда импульсы, возникающие в результате внедрения принципов демократии и национальности, иссякли, коммерческие и колониальные мотивы снова взяли верх. И, как в восемнадцатом веке, так и после 1880 года под рукой был экономический стимул, подтолкнувший державы к аннексии новых земель. Франция вернулась к защитным тарифам в 1870 году. Германия при Бисмарке последовала этому примеру десять лет спустя; и все континентальные державы, в свою очередь, подавленные вооружением и опоясанные враждебными тарифами, инстинктивно обратились к не востребовавшимся заморским территориям в качестве спасительных пристроек к своим собственным перенаселенным промышленным центрам.

Будет удобно начать рассказ о событиях за пределами Европы с рассмотрения экспансии России и Великобритании в Центральной Азии. Там, правда, коммерческий мотив менее заметен, чем политическое соперничество; и предыдущие замечания скорее применимы к недавней истории Африки, чем к истории Центральной Азии. Но, поскольку план этой работы в некоторой степени хронологичен, представляется более целесообразным сначала рассмотреть события, которые берут свое начало гораздо раньше, чем те, которые относятся к разделу Африки.

Два великих колониционных и завоевательных движения последнего времени - это те, которые исходили из Лондона и Москвы как отправных точек. По сравнению с ними история предприимчивости португальцев и голландцев представляет собой не более чем интерес,

связанный с почти исчезнувшим прошлым. Ореол романтики, витавший над подвигами испанцев в Новом Свете, почти исчез. Даже более весомые достижения доблестных сынов Франции в более позднюю эпоху не имеют большого значения по сравнению с пятью могущественными государствами Содружества, свидетельствующими о силе английского происхождения и приспособляемости его институтов, или со знаменательным ростом Российской империи в Азии.

Методы экспансии этих двух великих колониальных империй любопытным образом различаются; и изучающие Древнюю историю вспомнят аналогичный контраст в истории экспансии греческой и латинской рас. Английская колониальная империя была посеяна по всему миру предприимчивыми моряками, свежесть и спонтанность действий которых напоминают соответствующие черты морской жизни Афин. Вскормленные морем и исполненные любви к предприимчивости и свободе, которую вдохновляет эта стихия, оба народа искали более широких сфер для своей торговли и домов, более просторных и богатых, чем предлагали их узкие колыбели; но, прежде всего, они стремились основать микрокосм Афин или Англии, с как можно меньшим контролем со стороны метрополии.

Российская империя, с другой стороны, чем-то напоминает Римскую в ее неуклонном расширении сухопутных границ военными и правительственными методами. Цари, подобно консулам и императорам Рима, приступали к работе с определенной целью и оказывали на изменчивые, беспокойные племена за пределами своих границ давление неизменной политики и хорошо организованной администрации. Оба государства полагались на дисциплину и цивилизацию, чтобы преодолеть животную силу и варварство; и то, что они завоевали мечом, они сохранили с помощью хорошей системы дорог и военных колоний. Короче говоря, в то время как Древняя Греция и Современная Англия действовали через моряков и торговцев, Рим и Россия действовали через солдат, строителей дорог и проконсулов. Морские державы полагались главным образом на индивидуальную инициативу и гражданскую свободу; сухопутные державы основывали свои империи на организации и порядке. Владычество первого было спорадическим и легко разрушаемым; владычество второго было прочным и могло быть уничтожено только каким-нибудь могущественным катаклизмом. Контраст между ними столь же стар и неизгладим, как тот, что существует между беспокойным морем и неизменной равниной.

Хотя сравнение между Англией и Афинами неполно, а в некоторых моментах ошибочно, сравнение между царями и цезарями во многих отношениях удивительно близко и вводит на размышления. Как только римские орлы взлетели за могучее кольцо Альп и надежно обосновались на склонах Галлии и Реции, великая Республика получила военное преимущество в удержании центральной позиции против взаимно враждебных племен Западной, Центральной и Восточной Европы. Благодаря этому преимуществу, своей организации и своим военным колониям она раздвинула постоянно расширяющийся пояс империи, в конце концов даровав благословения *Римского мира* таким отдаленным районам, как Тайн, Нижний Рейн и Дунай, Кавказ и Геркулесовы столпы.

Россия также в полной мере использовала преимущества центрального положения, негибкой политики и военно-аграрной системы, хорошо приспособленной к потребностям кочевых народов на ее границах. В пятнадцатом веке ее государство вышло победителем из долгой

борьбы с татарской Золотой Ордой (я сохраняю обычное написание, хотя "татары" - правильная форма); и, когда варварские монголы потеряли свою власть в районах средней Волги, власть царей начала свое наступательное движение, оттесняя азиатов на Восток и поляков на Запад. В 1556 году Иван Грозный захватил Астракань в устье Волги и победоносно удержал естественные границы России на Востоке, Уральские горы и северное побережье Каспийского моря. В одной из последующих глав мы поговорим о ее завоевании Сибири, и здесь достаточно отметить, что московские первопроходцы достигли берегов Северной части Тихого океана еще в 1636 году.

Завоевания России за счет турок, черкесов и персов - тема, чуждая этому повествованию; и трагическая история разгрома Польши руками трех разделяющихся держав, России, Пруссии и Австрии, нас здесь не касается.

Однако необходимо понаблюдать за средствами, с помощью которых она смогла пережить страшные опасности своей ранней юности и развить в себе колонизирующие и завоевательные способности более зрелых лет. Их можно суммировать в одном слове "казаки".

О казаках часто говорят так, как если бы они были расой. Это не так; это банды или сообщества, частично военные, частично кочевые или сельскохозяйственные, в зависимости от обстоятельств. Их можно проследить до банд разбойников, которые во времена слабости России бродили на окраинах ее поселений, безразлично грабя своих славянских сородичей или татар и турок дальше на юг. Это были "люди равнины", бежавшие из славянских деревень или (в меньшем количестве случаев) от татарских караванов из-за личной вражды или из любви к более свободной и прибыльной жизни, чем жизнь в деревне или стойбище. В этой спорной стране их численность увеличивалась до тех пор, пока, хотя в основном они были славянами, они не стали угрозой растущей власти царей. Иван Грозный посылал против них экспедиции, переселил многих из них и вынудил тех, кто остался на пространстве между реками Дон и Урал, подчиниться его власти и нести военную службу во время войны в обмен на права выпаса скота и обработки земли в районах, отныне признанных их собственными. Некоторые из них перенесли свою энергию в Азию; и это был казак-разбойник Ермак, завоевавший большую часть Сибири. Русские первопроходцы, рано проникшие в Сибирь или Туркестан, позже сочли возможным использовать этих детей равнины как своего рода защитный пояс от воинственных туземцев. Точно так же они использовались на Юге против турок. Екатерина II сломала власть "запорожцев" (казаков Днепра) и поселила большое их количество на реке Кубань для борьбы с черкесами.

Короче говоря, из плавника и обломков своей примитивной социальной системы русские построили оплот против бурных течений внешнего мира кочевников. В некоторых отношениях казаки напоминают бродячие банды саксов и франков, которые грубо, но неустанно раздвигали границы тевтонской расы[276]. Но в то время как эти ответвления вскоре зажили своей собственной жизнью, отдельно от родительских стволов, Россия, с другой стороны, знала, как удержать свою буйную молодежь, обратив их хищнические инстинкты против своих худших соседей и используя их в качестве выносливых нерегулярных войск в своих войнах.

Учитывая, сколько раз российское правительство подавляло казачьи восстания, распускало их самодельную организацию и пересаживало непокорные банды в отдаленные районы, их почти неизменная лояльность центральной власти весьма примечательна. Это можно объяснить либо почитанием, которое они испытывали к царю, либо расовым чувством, живущим в груди почти каждого славянина, либо их близостью к чужеземным народам, которых они ненавидели как

мусульман или презирали как безбожных язычников. В любом случае, российское самодержавие получило неисчислимые преимущества от казачества на границах империи.

Можно составить некоторое представление о масштабах этого завоевания, если, в порядке контраста, мы попытаемся представить себе тевтонские народы, всегда действующие сообща, даже через свои отдаленные ответвления; или, опять же, если с помощью полета фантазии мы сможем представить британское правительство, мудро использующее своих старых солдат и обломки наших городов для образования полувоенных колоний на наиболее открытых границах Империи. То, что наши сенаторы сделали только в случае Грэхемстаунского эксперимента 1819 года, Россия делала настойчиво и успешно, используя гораздо менее многообещающие материалы, - триумф организации, за который она получила скудную оценку.

Кочующие казаки превратились практически в конное ополчение, высокомобильное как в мирное, так и в военное время. Свободные от налогов и пользующиеся определенными аграрными или пастушескими правами в районе, который они защищают, их положение в государстве полностью обеспечено. Иногда обычных русских поселенцев превращают в казаков. Либо этим путем, либо путем миграции из России, либо путем процесса пополнения из числа покоренных кочевников их ряды легко пополняются; и готовность, с которой татары и туркмены включаются в это дешевое и эффективное ополчение, помогла укрепить Россию как в мирное, так и в военное время. Источник силы, открытый для нее по эту сторону ее социальной системы, не ускользнул от внимания Наполеона - засвидетельствуйте его знаменитое замечание о том, что в течение пятидесяти лет Европа будет либо республиканской, либо казацкой[277].

Прочная организация, которую Центральная Европа приобрела под молотоподобными ударами французского императора, послужила фальсификации пророчества; и поток русских завоеваний, перекрытый на западе недавно объединившимися силами Пруссии и Австрии, устремился в Азию. Гордость за свержение великого завоевателя в 1812 году оживила национальное самосознание России; и, помимо этого похвального мотива, существовал другой, возможно, не менее мощный, а именно, алчность ее правящего класса. Мемуары, написанные ее чиновниками и генералами, раскрывают экстравагантность, распущенность и роскошь придворных кругов. Главной характеристикой светского общества была варварская и показная экстравагантность, проявляющаяся как в азартных играх и пиршествах, так и в придворных празднествах или в едва прикрытом разврате его приверженцев. Барон Левенштерн, занимавший в ней более высокие посты, рассказывает о случаях получения лицензий, почти невероятных для тех, кто не копался в мусоре двора Екатерины II. Это безрассудство, проистекающее из склонности московской натуры, а также московского климата, впадать в крайности, породило настоятельную потребность в больших запасах денег; и, поскольку крепостные были зажаты в обширных владениях знати, полученные доходы были слишком скудны, чтобы заполнить финансовую пустоту, образовавшуюся из-за неотложных нужд Санкт-Петербурга, Гатчины или Монте-Карло. Более крупные домены нужно было завоевывать, чтобы превзойти конкурентов или предотвратить банкротство; и эти новые домены легче всего могли быть получены в результате иностранного завоевания.

По аналогичной причине само государство страдало от нехватки земель. Его государственная служба была не менее коррумпированной, чем неэффективной. Крупные суммы часто исчезали,

никто не знал, куда; но одно верное средство от банкротства всегда было под рукой, а именно победы над поляками, турками, черкесами или татарами. К этой Екатерине II. она смотрела, когда ввела порочную практику оплаты дворянам их услуг при дворе; и за свою долгую карьеру завоевателя она значительно развила старую московскую систему покрытия военных расходов за счет владений побежденных, помимо щедрого приданого короне, своим генералам и любимым придворным. Один из российских министров, ссылаясь на печально известный факт, что его правительство вело войну не только ради славы, но и ради добычи, сказал французам: "В этом отношении мы остались несколько азиатскими"[278]. Не всегда министр так откровенно раскрывает мотивы, которые помогают формировать политику великого государства.

Однажды приобретенный инстинкт хищника не так-то легко проходит. Александр I потворствовал этому набегам в Черкесию, даже в то время, когда он столкнулся лицом к лицу с мощью великого Наполеона; а после падения последнего Россия расширяла свои границы в Грузии до тех пор, пока они не коснулись границ Персии. При Николае I. была присоединена небольшая территория, за исключением побережья Кубани на Черном море, Эривани на юге Грузии и части киргизских земель в Туркестане.

Причина этого затишья заключалась в том, что почти до начала Крымской войны Николай надеялся достичь взаимопонимания с Англией относительно возможного раздела Турецкой империи, при этом Австрия также получала долю добычи. Чтобы развеять эти предложения, он предложил во время своего визита в Лондон в 1844 году воздержаться от любых действий против ханств Центральной Азии, в отношении которых чувствительность британцев становилась все более острой. Его канцлер граф Нессельроде воплотил эти предложения в важный меморандум, содержащий обещание, что Россия оставит Туркестанские ханства нейтральной зоной, чтобы уберечь российские и британские владения в Азии "от опасного контакта"[279]."

По причинам, которые нам нет необходимости подробно описывать, британские министры отвергли эти попытки, и постепенно Англия взяла на себя задачу защиты владений султана, в основном исходя из предположения, что они являются необходимым оплотом ее Индийской империи. В наши намерения не входило критиковать британскую политику в то время. Мы просто обращаем внимание на тот факт, что, казалось, существовала перспектива дружественного соглашения с Россией в отношении Турции, Малой Азии, Египта и Центральной Азии; и что британское правительство решило сохранить целостность Турции, напад на Державу, которая, казалось, собиралась поставить ее под сомнение. В результате Крымская война обеспечила Турции новую жизнь при Александре II. считал себя полностью свободным настаивать на азиатских завоеваниях, от которых воздерживался его отец. Таким образом, две великие расширяющиеся державы вновь вступили на путь соперничества в Азии, которое никогда не прекращалось и которое сегодня является единственным препятствием для хорошего взаимопонимания между ними.

После Крымской войны обстоятельства благоприятствовали продвижению русского оружия. Англию, занятую мятежом сипаев в Индии, мало заботило, что стало с соперничающими ханами Туркестана; и лорд Лоуренс, генерал-губернатор Индии в 1863-1869 годах, провозгласил успокаивающую доктрину о том, что "Россия может оказаться более безопасным соседом, чем дикие племена Центральной Азии". Таким образом, царским эмиссарам было легко разжигать раздоры, которые постоянно возникали в Бухаре, Хиве и Ташкенте, в результате чего в 1864 году

последний был легко приобретен Россией. Здесь мы можем добавить, что Ташкент в настоящее время является важным железнодорожным центром на линии России в Среднюю Азию и что там накоплены большие запасы продовольствия и материальных средств, которые могут быть использованы в случае, если Россия предпримет военные действия против Афганистана или Северной Индии.

В 1868 году вспышка мусульманского фанатизма в Бухаре привела к столкновению эмиров этого города с русскими, которым после этого удалось захватить Самарканд. Столица империи Тамерлана, "бича Азии", теперь опустилась до уровня форпоста российской мощи и, в конечном счете, до уровня рынка хлопка. Бухарский хан оказался в положении полного раболепия и уступил завоевателям всю свою провинцию Самарканд[280].

Считается, что аннексия Самарканда противоречила намерениям царя. Alexander II. был другом мира; и у него не было желания расширять свои границы до границы с Афганистаном, где, вероятно, возникли бы трения с британским правительством. Он уже пытался смягчить раздражение, царившее в русофобских кругах Англии. В ноябре 1864 года его канцлер князь Горчаков издал циркуляр, в котором излагались причины, побудившие русских двинуться вперед. По его словам, невозможно поддерживать мир с нецивилизованными и хищническими племенами на их границах. Россия должна продвигаться вперед до тех пор, пока она не войдет в контакт с государством, власть которого гарантировала бы порядок на границах. Аргумент был веским; и можно с готовностью согласиться с тем, что хорошее правительство, цивилизация и торговля выиграли от распространения *Russica* на охотящихся за рабами туркмен и инертные племена Сибири.

Тем не менее, поскольку в циркуляре Горчакова выражалось намерение воздерживаться от завоеваний ради самих завоеваний, раздражение в Англии стало очень сильным, когда завоевание Ташкента, а затем Самарканда, было приписано, по-видимому, на веских основаниях, амбициям русских командующих, Чернаева и Кауфмана соответственно. Когда известие о взятии Самарканда достигло Лондона, русский посол поспешил заверить британский кабинет, что его хозяин не намерен удерживать свое завоевание. Тем не менее, оно было сохранено. Доктрина политической необходимости оказалась столь же обширной, как границы России, и после быстрого роста Индийской империи при лорде Далхаузи британское правительство не могло отрицать силу этого призыва.

Этот мощный шаг вперед привел Россию к северным границам Афганистана, земле, которой отныне предстояло стать центральным узлом дипломатических проблем огромного масштаба. Поэтому было бы неплохо, начиная наш обзор вопроса, который должен был проверить эффективность автократии и демократии в международных делах, получить некоторое представление о физических и политических условиях жизни этого народа.

Как это обычно бывает в горном регионе посреди огромного континента, их страна демонстрирует различные слои завоеваний и заселения. Северный район, наклонный к Туркестану, населен в основном туркменами, которые еще не отказались от своих кочевых привычек. Суровая холмистая местность, граничащая с Пенджабом, удерживается патанами и гильзаями, которые, как говорят некоторые, принадлежат к тому же корню, что и афганцы. С

другой стороны, хорошо известная местная легенда отождествляет собственно афганцев с исчезнувшими десятью коленами Израиля; и те, кто любит порассуждать на эту неуловимую и вводящую в заблуждение тему, могут долго использовать свою изобретательность в размышлениях о том, к кому больше применим часто цитируемый текст об избранном народе, владеющем вратами своих врагов, - к англосаксам, путешествующим по морю, или к афганцам, удерживающим перевал.

Это возвышенное плато, окаймленное высокими горами и изрытое длинными расселинами, видело, как по нему проносились туркмены, персы и многие другие расы; и смесь этих и других рас, возможно, включая заблудших евреев, приобрела там силу, упорство и клановость, которые отличают осколки трех наций, объединившихся в альпийских долинах; при этом оно сохраняет буйство и свирепость чистокровного азиатского происхождения. Афганская проблема осложняется этими местными различиями и соперничеством; север связан с туркменами, Герат и запад имеют много общего с Персией, Кандагар находится под влиянием Белуджистана, в то время как горные племена северо-востока изобилуют местными особенностями и дикостью аборигенов. Эти районы могут быть объединены только по воле великого правителя или в пылу религиозного фанатизма; и хотя мусульманская ярость иногда объединяет все афганские кланы, мусульманские брачные обычаи столь же часто приводят к избытку королевских наследников, что обуздывает все силы, способствующие разрушению. Афганистан - это осиное гнездо; и все же, как мы сейчас увидим, по географическим и стратегическим причинам его нельзя оставлять в полном одиночестве. Люди до последней степени клановы; и ничто, кроме сокрушительного давления двух могущественных империй, не придало им политической солидарности.

Неудивительно, что британские государственные деятели долгое время стремились избежать всякой ответственности за внутренние дела такой страны. Как мы видели, теория, которая нашла поддержку у лорда Лоуренса, заключалась в том, чтобы как можно меньше вмешиваться в дела государств, граничащих с Индией, - политика, которую покойный мистер Дж.У.С. Уилли назвал "виртуозным бездействием". Это был результат опыта, приобретенного в 1839-42 годах, когда, оттолкнув Дост Мухаммеда, эмира Афганистана, своей холодностью, индийское правительство бросилось в другую крайность и вторглось в страну, чтобы вырвать его из рук более экспансивных русских.

Результаты хорошо известны. Чрезмерная самонадеянность и военная некомпетентность в конечном итоге привели к худшей катастрофе, постигшей британскую армию в девятнадцатом веке: только одному офицеру удалось спастись из 4500 военнослужащих и 12 000 последователей лагеря, которые пытались срезать себе путь обратно через Хайберский перевал[281]. Естественным образом последовала политика невмешательства в дела столь непостоянного и дикого народа, которую стойко поддерживали лорды Каннинг, Элджин и Лоуренс, находившиеся у власти во время и после великой бури Индийского мятежа. Ценность этой теории поведения была проверена в 1863 году по случаю смерти Дост Мухаммеда, который недавно отвоевал Герат у Персии и подчинил своей власти почти все афганские кланы. Он был нашим другом во время Мятежа, когда его враждебность могла легко склонить чашу весов войны; и он надеялся на какую-то ощутимую награду за свое лояльное поведение, предотвратив попытку некоторых из его беспокойных соплеменников вернуть некогда афганский город Пешавар.

К своему удивлению и отвращению, он не встретил никакой отдачи, даже в вопросе, который самым непосредственным образом касался его династии и будущего Афганистана. Как это обычно бывает с мусульманскими правителями, престарелый Амир провел свои последние дни в попытках позаботиться о том, чтобы избежать неприятностей, которые естественным образом стали результатом изобилия его браков на Востоке. Колчан Дост Мухаммеда был благословлен патриархальным снаряжением шестнадцати сыновей - большинство из них были стойкими, воинственными и честлюбивыми. Одиннадцать из них ограничили свои желания отдельными районами Афганистана, но пятеро из них стремились править всеми племенами, составляющими это бурлящее месиво. Из них Шер Али был третьим по возрасту, но первым по способностям, если не по мастерству. Более того, он был любимым сыном Дост Мухаммеда; но когда дело касалось соперничающих матерей и соперничающих племен, никто не мог предвидеть проблему надвигающегося конфликта[282].

Дост Мохаммед пытался предотвратить это, заручившись эффективной поддержкой индийского правительства для своего Бенджамина. Он умолял напрасно. Лорд Каннинг, генерал-губернатор Индии на момент мятежа, признал Шера Али законным наследником, но отказался дать какие-либо обещания поддержки ни оружием, ни деньгами. Даже после того, как Мятеж был подавлен, лорд Каннинг и его преемник, лорд Элджин, придерживались прежнего решения, отказавшись даже от денежной субсидии и винтовок, о которых умоляли отец и сын.

Как мы уже говорили, Дост Мохаммед умер в 1863 году; но даже когда Шер Али столкнулся лицом к лицу с серьезными семейными расколами и широко распространенным восстанием, лорд Лоуренс придерживался политики признания только "*фактических властей*", то есть Сил, которые действительно существовали и могли утвердить свою власть. Все, что он предложил, - это принять Шер Али на совещании и дать ему хороший совет; но он признал бы его эмиром Афганистана только в том случае, если бы тот смог одержать верх над своими братьями и их соплеменниками. Он резюмировал это в официальном письме от 17 апреля 1866 года, отправленном губернатору Пенджаба:

Нашей политикой должно быть ясно показать, что мы не будем вмешиваться в борьбу, что мы не будем помогать ни одной из сторон, что мы предоставим афганцам самим улаживать свои ссоры, и что мы готовы быть на условиях дружбы и доброй воли с нацией и с ее правителями *де-факто*. Можно воспользоваться подходящей возможностью, чтобы заявить, что именно этими принципами будет руководствоваться наша политика; и генерал-губернатор убежден, что такая политика в конечном итоге будет оценена по достоинству[283].

Афганцы этого не оценили. Шерл протестовал, что это придавало большое значение восстанию; он также жаловался, что вице-король не только не оказал ему никакой помощи, но даже признал его соперника Уфзула, когда последний захватил Кабул. После смерти Уфзула и прихода к власти в Кабуле третьего брата, Азама, Шер Али внезапной и отчаянной попыткой изгнал своего соперника из Кабула (8 сентября 1868 г.) и практически положил конец расколам и междоусобицам, которые в течение пяти лет раздирали Афганистан надвое. Тогда, но только тогда, лорд Лоуренс согласился признать его эмиром всей страны и выделить ему 60 000 фунтов стерлингов и запас оружия. Поступок, который пять лет назад, вероятно, обеспечил бы скорый триумф Шера Али и его непреходящую благодарность Великобритании, теперь не накладывает на него никаких обязательств[284]. Он мог бы ответить лорду Лоуренсу ироническим вопросом, которым доктор Джонсон отклонил запоздалое предложение лорда Честерфилда о

покровительстве: "Разве покровитель, милорд, не тот, кто равнодушно смотрит на человека, борющегося за жизнь в воде, а когда тот достигает суши, не оказывает ему помощи?"

Более того, есть все основания полагать, что Шер Али, со свойственной жителям востока склонностью во всех действиях руководствоваться самыми элементарными мотивами, объяснял смену фронта в Калькутте исключительно страхом. Это было время, когда захват русскими Самарканда напугал бухарского хана и вызвал волнение во всей Центральной Азии. В политической психологии афганцев запоздалое прибытие в Кабул подарков из Индии свидетельствовало не о дружбе с Шер Али, а о большом страхе перед москвитями-завоевателями.

Такова, таким образом, была политика "виртуозного бездействия" в 1863-68 годах, дешевая для Индии, но чрезмерно дорогостоящая для Афганистана. Лорд Лоуренс оказал Индии неоценимые услуги до и в ходе Мятежа, но его поведение по отношению к Шер Али, безусловно, подвержено критике. Покойный герцог Аргайл, государственный секретарь по Индии в министерстве Гладстона (1868-74), поддержал это в своей работе *"Восточный вопрос"*, на том основании, что англо-афганский мирный договор 1855 года обязывал британию не вмешиваться в дела Афганистана[285]. Но одно дело - неуместное вмешательство; совсем другое - отказать даже в незначительной помощи союзнику, который просит об этом в обмен на самые ценные услуги.

Более того, суровая логика событий заставила самого вице-короля неявно отказаться от своей политики. В одной из своих последних официальных депеш, написанной 4 января 1869 года, он признал выгоду для России, которую должна извлечь из нашей приверженности исключительно пассивной политике в делах Центральной Азии. Он предположил, что нам следует прийти к "четкому взаимопониманию с Санкт-Петербургским двором относительно его проектов и замыслов в Центральной Азии, и что ему можно было бы дать понять твердым, но вежливым языком, что ему нельзя позволять вмешиваться в дела Афганистана или в дела любого государства, прилегающего к нашей границе".

Это предложение молчаливо подразумевало смену фронта, поскольку любой запрет России вмешиваться в дела Афганистана фактически подразумевал притязания Великобритании на осуществление некоторой степени сюзеренитета на этой земле. Таким образом, путь для нового ухода казался открытым, тем более что новый генерал-губернатор, лорд Мэйо, как считалось, поддерживал более энергичные идеи, которые в последнее время получили распространение в Вестминстере. Но когда Шер Али встретился с новым вице-королем в великолепном дурбаре в Амбале (март 1869 г.) и сформулировал свои просьбы об эффективной британской поддержке в случае необходимости, им, в основном, было отказано[286].

Мы можем здесь воспользоваться словами, в которых покойный герцог Аргайлл резюмировал пожелания Эмира и ответы лорда Мейо:

Он (Эмир) хотел заключить безусловный договор, наступательный и оборонительный. Он хотел иметь фиксированную субсидию. Он хотел иметь династическую гарантию. Иногда ему хотелось бы одолжить английских офицеров для обучения своих войск или строительства фортов - при условии, что они уйдут в отставку сразу же, как выполнят за него эту работу. С

другой стороны, офицеры, "проживающие" в его стране в качестве политических агентов британского правительства, вызывали у него отвращение.

Ответы, или обещания, лорда Мэйо были практически следующими:

Первым обещанием (говорит герцог Аргайлл) было обещание невмешательства в его (Эмира) дела. Вторым обещанием было то, что "мы поддержим его независимость". Третье обещание заключалось в том, "что мы не будем принуждать европейских офицеров или резидентов к нему против его желания"[287]."

Кажется, что между взглядами эмира и вице-короля не было безнадежного расхождения, за исключением одного вопроса, который будет отмечен позже. Также интересно узнать изповествования герцога, которое претендует на то, чтобы быть официальным по существу, каким бы пристрастным оно ни было по форме, что между лордом Мэйо и министерством Гладстона, пришедшим к власти вскоре после его отъезда в Индию, не было расхождений во мнениях по этому важному вопросу. Новый вице-король резюмировал свои взгляды в следующем письме герцогу Аргайллу: "Безопасный путь заключается в бдительности и дружественных отношениях с соседними племенами".

Очевидно, тогда были неплохие шансы прийти к соглашению с Эмиром. Но взаимопонимание нарушилось из-за вопроса о размере поддержки, которая должна быть оказана династии Шер Али. Этот правитель желал внести важные изменения в англо-афганский мирный договор 1855 года, который обязывал его отца к тесной дружбе со старой Компанией, не обязывая Компанию вмешиваться в его пользу. Это, по словам Шер Али, была "сухая дружба". Он хотел дружбы более плодотворной, чем дружба 1863-67 годов, и прямой поддержки своей династии всякий раз, когда он заявлял об этом. Максимальной уступкой, на которую согласился лорд Мэйо, было то, что британское правительство "с серьезным неудовольствием воспримет любую попытку нарушить ваше положение как правителя Кабула и разжечь гражданскую войну"[288]."

Похоже, что Шер Али легкомысленно отнесся к "неудовольствию" Британии, поскольку отбыл с чувством неловкости. Даже случайные подарки в виде денег и оружия, которые доставлялись из Калькутты в Кабул, с тех пор не могли удержать его мысли от обращения на север, к России. В Амбале он мало говорил об этой Власти, и вице-король очень мудро подавил любое чувство беспокойства, которое могло у него возникнуть на этот счет. Возможно, сила и жизнерадостность личности лорда Мэйо помогли бы смягчить уязвленные чувства Эмира; но этот добродушный ирландец пал от кинжала фанатика во время турне по Андаманским островам (февраль 1872 г.). Его смерть была серьезным событием. Шер Али питал к нему чувства, которые не распространял на своего преемника, лорда Нортбрука (1872-76).

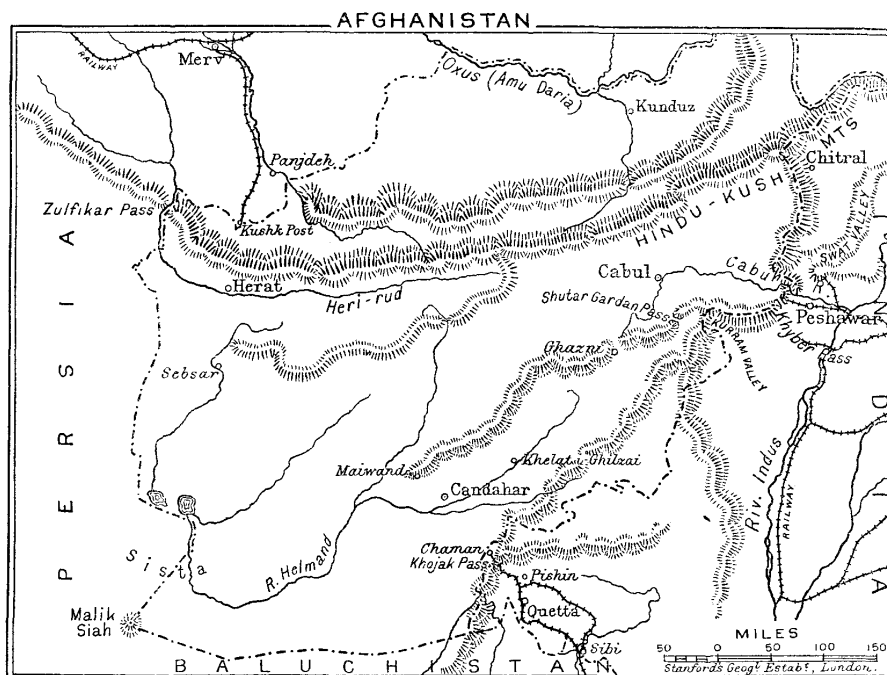
Тем не менее, во время этого вице-королевского правления дипломатические действия Великобритании обеспечили Амиру признание его притязаний на северную часть Афганистана вплоть до берегов Верхнего Оксуса. В 1870-72 годах Россия решительно оспаривала эти претензии, но в конце концов отозвала их, император заявил в конце последнего года, "что такой вопрос не должен быть причиной разногласий между двумя странами, и он был полон решимости, что так не должно быть". Далее следует отметить, что в официальных сообщениях России неоднократно упоминалось, что посол Афганистана находится "под защитой правительства Индии"[289]."

Эти важные услуги британской дипломатии мало что значили в Кабуле по сравнению с вопросом о династических гарантиях, который мы упорно скрывали. Весной 1873 года, когда необходимо было урегулировать вопросы, связанные с афгано-персидской границей, эмир отправил своего премьер-министра в Симлу с намерением использовать все дипломатические средства для вымогательства этого долгожданного блага.

Время, казалось, благоприятствовало его планам. Помимо пограничных вопросов с Персией (которые были решены способом, не устраивающим эмира), в Центральной Азии назревали проблемы. Русские наступали на Хиву, и афганский государственный деятель во время своего пребывания в Симле пытался запугать лорда Нортбрука, выставляя этот факт напоказ. Он указал, что Россия легко завоюет Хиву, а затем захватит Мерв, расположенный недалеко от западной границы Афганистана, "либо в текущем году, либо в следующем". Столь же очевидной была его цель настаивать на том, что "интересы афганского и английского правительств идентичны" и что "граница Афганистана на самом деле является границей Индии". Это были остроумные способы укрепления его укреплений вплоть до доселе неприступной цитадели индийской пограничной политики. Известие о наступлении русских на Хиву придало силы его аргументам.

[Иллюстрация: АФГАНИСТАН]

Однако, когда он подошел к вопросу о гарантиях династии Шер Али, он снова столкнулся с отпором. По правде говоря, лорд Нортбрук и его советники видели, что Эмир стремится к

Карта Афганистана.

напугал их насчет России, чтобы улучшить перспективы своей семьи в Афганистане; и, уделяя, возможно, слишком много внимания восточному искусству обращения с просьбой и слишком

мало важности вопросов, которые тогда стояли на кону, он решил встретиться с Эмиром по несущественным вопросам, хотя и не смог удовлетворить его в том единственном, что считалось необходимым во дворце Кабула.

Желая, однако, проконсультироваться с правительством Метрополии по вопросу такой важности теперь, когда стало известно, что русские находятся в Хиве, лорд Нортбрук телеграфировал герцогу Аргайлу 24 июля 1873 года:

Амир из Кабула встревожен успехами русских, недоволен общей уверенностью и желает знать, насколько он может рассчитывать на нашу помощь в случае вторжения. Я предлагаю заверить его, что если он безоговорочно примет наши советы и будет действовать в соответствии с ними во всех внешних отношениях, мы поможем ему деньгами, оружием и войсками, если необходимо, для отражения неспровоцированной агрессии. Мы должны сами судить о необходимости. Быстро отвечайте телеграфом.

Министерство Гладстона находилось здесь, на развилке путей. Эмир попросил их заключить союз на равных условиях. Они отказались, полагая, как представляется, что смогут придерживаться старого одностороннего соглашения 1855 года, в соответствии с которым Эмир обещал эффективную помощь индийскому правительству, если потребуется, и получил взамен только дружеские заверения. Герцог Аргайлл телеграфировал в ответ 26 июля:

Кабинет считает, что вам следует проинформировать Амира, что мы вовсе не разделяем его тревогу и считаем, что для нее нет причин; но вы можете заверить его, что мы сохраним нашу неизменную политику в пользу Афганистана, если он будет следовать нашим советам во внешних делах^[290].

Этот ответ вместе с подарком в 100 000 фунтов стерлингов и 20 000 винтовок были всем, чего добился Эмир; его собственный проницательный ум задолго до этого подсказал ему, что Британия в любом случае должна защищать Афганистан от России. Чего он хотел, так это официального признания его личного положения правителя, в то время как он действовал, так сказать, как "граф пограничий" Индии. Правительство Гладстона не питало никаких надежд обеспечить будущее своего *маркграфа* или его детей после него. Воспоминание о катастрофе на Хайберском перевале в 1841 году преследовало их, как и их предшественников, подобно призраку, и отпугивало от курса действий, который, вероятно, мог бы привести к заключению тесного наступательного и оборонительного союза между Индией и Афганистаном.

На такое завершение можно было искренне надеяться в свете событий, произошедших в Центральной Азии. Хива была захвачена русскими. Это ханство находилось между Бухарой и Каспийским морем, которое русские использовали в качестве своей базы операций на западе. Снова была выдвинута ссылка на необходимость, и на нее можно было бы настаивать столь же убедительно по географическим и стратегическим соображениям, как и по предполагаемым причинам разрыва. Они состояли в основном из пограничных инцидентов, которые обычно происходят с беспокойными, нецивилизованными соседями. Царское правительство также обвинило хивинцев в том, что они держат в плену некоторых российских подданных и нарушают свой мирный договор 1842 года с Россией, помогая хиргизской Орде в недавнем восстании против своих новых хозяев.

Вскоре у России были готовы три колонны, которые должны были двинуться на Хиву: одна была размещена на реке Урал, вторая - в растущем порту Красноводск на Каспийском море, а третья,

под командованием генерала Кауфмана, - в Ташкенте. Их операции были так хорошо рассчитаны по времени, что, хотя расстояния, которые предстояло преодолеть, варьировались от 480 до 840 миль, местами по безводной пустыне, все же три главных войска прибыли в Хиву почти одновременно и встретили едва заметное сопротивление (июнь 1873 г.). Посадив молодого хана на трон его отца, они отобрали у него его исконные земли на правом берегу Амударьи (Оксус) и наложили на него сокрушительную военную контрибуцию в размере 2 200 000 рублей, что гарантировало его полную зависимость от новых кредиторов. Они также закрепились на этих уменьшившихся территориях, построив два форта на реке[291]. Царское правительство удовлетворилось сохранением своей власти над Хивой, не аннексируя ханство напрямую, поскольку оно отказалось от каких-либо подобных намерений[292]. Тем не менее, Россия теперь была хозяйкой почти всей Центральной Азии; а развитие автомобильных и желез-ных дорог предвещало дальнейшие завоевания за счет Персии и немногих оставшихся туркменских племен.

Чтобы оценить важность этих фактов, следует помнить, что учения географии и истории сходятся в том, что показывают целесообразность вторжения в Индию из Центральной Азии. Касаясь сначала географических фактов, мы можем указать, что Индия и Афганистан находятся в примерно таком же отношении к азиатскому континенту, в каком Италия и Швейцария находятся к Европе. Богатые земли и мягкий климат обоих полуостровов всегда были непреодолимо привлекательны для жителей более бесплодных гор и равнин Севера; а расположение земель на границах обоих этих кажущихся Эльдorado способствует продвижению более мужественных народов в их поисках более благоприятных условий жизни. Природа, которая обессиливает защитников на их знойных равнинах, своей суровой тренировкой придает горцам или жителям равнин Севера волчий привкус; а ее проводники (реки и ручьи) ведут отважных искателей солнца легкими маршрутами до последних горных барьеров. Наконец, эти барьеры, Альпы и Гиндукуш, изрезаны перевалами, которые практически доступны для больших армий, как это время от времени наблюдалось со времен Александра Македонского и Ганнибала до времен Надир-шаха и Наполеона.

В этих физических и климатических условиях следует искать причину успеха, который так часто сопровождал вторжения в Италию и Индию. Только когда римляне организовали все силы своего полуострова и свежую молодую жизнь за его пределами, оборонительные силы Италии сравнялись с ее фатально притягательной силой. Только когда Британия взяла на себя защиту Индии, ее народы могли чувствовать уверенность в удержании Северо-Запада от неугомонных патанов и афганцев; и ситуация полностью изменилась, когда великая военная империя направила свою мощь к речным воротам Афганистана.

Дружба Эмира теперь была предметом жизненно важной заботы; и все же, как мы видели, лорд Нортбрук оттолкнул его, во-первых, вынеся неблагоприятный вердикт в отношении персидской границы в районе Сеистана, и еще более неблагоприятный - отказавшись предоставить долгожданные гарантии своей династии.

1873 год знаменует собой роковой поворотный момент в англо-афганских отношениях. Якуб Хан сказал лорду Робертсу в Кабуле в 1879 году, что его отец, Шер Али, испытывал глубокое отвращение к лорду Нортбруку в 1873 году, "и сразу же сделал предложение русским, с которыми с тех пор поддерживались постоянные контакты"[293].

Фактически, все, кто знаком с событиями, предшествовавшими первой афганской войне (1839-42), теперь могут видеть, что события быстро развивались в опасном направлении, подобном тому, которое вынудило Дост Мухаммеда броситься в объятия России. В то время афганский правитель также стремился добиться от двух соперников наилучших условий для себя и своей династии; и, обнаружив, что российские обещания были гораздо более заманчивыми, чем те, что исходили из Калькутты, он перешел на сторону москвичей. По сути, это было определяющей причиной первой афганской войны; и дела снова начинали вращаться по тому же порочному кругу. Оглядываясь назад на события, приведшие ко второй афганской войне, мы теперь можем видеть, что откровенное выполнение требований Шер Али обошлось бы гораздо дешевле, чем политика уклонения от обязательств, которая в 1873 году оттолкнула его. Внешне он изображал из себя обиженного, но все еще верного друга. На самом деле он смотрел на север в поисках личной гарантии, которая никогда не приходила из Калькутты.

Следует, однако, отметить, что вплоть до падения министерства Гладстона (февраль 1874 г.) Россия, казалось, не имела желания вмешиваться в афганские дела. В российской ноте от 21 января 1874 года говорилось, что имперское правительство "продолжало рассматривать Афганистан как полностью находящийся вне сферы его действий"[\[294\]](#)". Тем не менее, это заявление не внушало особого доверия. Русофобы, возглавляемые сэром Генри Роулинсоном и сэром Бартлом Фрером, могли ответить, что они не доверяют заявлениям России относительно Афганистана, когда ссылка на необходимость так часто и так быстро предавала забвению более ранние "заверения в намерениях".

Таково было положение дел, когда в феврале 1874 года Дизраэли пришел к власти в Вестминстере, а государственным секретарем по делам Индии стал лорд Солсбери. Новое министерство вскоре продемонстрировало желание проводить более энергичную внешнюю политику, чем их предшественники, которые раздражали общественное мнение своими многочисленными актами уступчивости. Россия вскоре дала повод для жалоб. В июне 1874 года губернатор Закаспийской провинции издал циркуляр, предостерегающий кочевых туркмен с персидских пограничных земель от набегов; он распространялся на племена, населявшие районы в пределах того, что считалось северными границами Персии. Это, по-видимому, противоречило ранее данным Россией заверениям в том, что она не будет расширять свои владения в южной части Центральной Азии[\[295\]](#). Это также предвещало еще один шаг вперед за счет туркменских районов как в Персии, так и в Афганистане.

Поскольку не появилось достаточного заявления об отказе, лондонские сторонники индийской "передовой политики" попытались побудить лорда Дерби и лорда Солсбери принять меры предосторожности. Их советы были обобщены в Записке от 11 января 1875 года, написанной этим очаровательным человеком и способным администратором, сэром Бартлом Фрером. Его главной практической рекомендацией было, во-первых, направление британских офицеров действовать в качестве политических агентов в Кабуле, Кандахаре и Герате; и, во-вторых, занятие командного пункта Кветта в Белуджистане в качестве аванпоста, контролирующего главную линию продвижения из Центральной Азии в Индию[\[296\]](#).

Эта записка вскоре привлекла внимание Кабинета министров; и 22 января 1875 года лорд Солсбери призвал лорда Нортбрука принять меры для получения согласия Эмира на размещение британских офицеров в Кандахаре и Герате (не в Кабуле)[\[297\]](#). Эта просьба

поставила лорда Нортбрука в неловкое положение, поскольку он прекрасно знал о большом нежелании Эмира во все времена принимать какие-либо британские миссии. Изучив доказательства возражения Эмира против приема британских резидентов, вице-король счел его очень веским, хотя есть основания полагать, что министры и официальные лица в Лондоне либо проигнорировали его, либо стремились свести к минимуму его важность. Давление, которое они оказали на лорда Нортбрука, было одной из причин, приведших к его отставке (февраль 1876 года). Он считал, что по долгу чести связан обещанием, данным Эмиру на конференции в Амбале, не навязывать ему британского резидента против его воли.

Ему наследовал человек с выдающейся личностью, лорд Литтон. Единственный сын знаменитого романиста, он унаследовал выдающиеся литературные способности, особенно необычную выразительность как в речи, так и в письме, в прозе и стихах. Любая тенденция к избыточности в речи обычно считается неблагоприятной для продвижения в дипломатических кругах, где *высказывание* Талейрана о том, что язык является средством *сокрытия* мыслей, все еще пользуется благосклонностью. Однако благодаря влиянию своего дяди, в то время посла Великобритании в Вашингтоне, но в гораздо большей степени своим собственным талантам Литтон быстро продвигался по дипломатической службе, занимая должности в ведущих посольствах, пока Дизраэли не разглядел в блестящем ораторе и писателе дары, которые украсят новую имперскую политику на Востоке.

В обычные времена новый вице-король, вероятно, увенчал бы новую программу успехом. Его обаяние и живость манер привлекали жителей Востока еще больше по контрасту с холодным и отталкивающим поведением, которое слишком часто характеризует англо-индийских чиновников в их отношениях с туземцами. Разум Литтона был окрашен восточным сиянием, которое освещало истории, речи и политику его шефа. Это правда, империалистическая программа была столь же грандиозно расплывчатой, как и смысл *самого*; но в стране, где формы и слова имеют большое значение, отсутствие твердости в новой политике меньше замечалось и комментировалось, чем прозаичными островитянами, которых она была призвана прославлять.,,

Апофеозом новой политики стало провозглашение королевы Виктории императрицей Индии (1 июля 1877 г.), событие, ознаменованное великолепным дурбаром в Дели 1 января 1878 г. Новое название предупредило мир о том, что, как бы далеко ни продвинулась Россия в Центральной Азии, Англия прибила флаг Индии к своей мачте. Это также было полезным напоминанием небольшой, но не лишенной влияния позитивистской школе в Англии о том, что их "неодобрение" существования Британской империи в Индии было полностью платоническим. Учитывая также, что имя "Королева" на индуистском (*Малика*) означало всего лишь респектабельную посредственность в этой великолепной стране, новый титул "Кайсар-и-Хинд" помог подчеркнуть превосходство британского владычества над низами и гаекварами. На самом деле, сейчас трудно воспринимать всерьез страстные протесты, которыми ряд жителей острова встретили это предложение.

Тем не менее, в каком-то смысле смена названия произошла крайне некстати. Судьбе было угодно, чтобы над Дурбаром в Дели возникла призрачная форма Голода, охватившая пыльные равнины Карнатика. В блеске ее глаз великолепие Дели казалось бледным, а красноречие вице-короля заглушалось далеким гулом ее многочисленных стенаний. Этот контраст шокировал всех наблюдателей и не позволил им должным образом оценить новую внешнюю политику.

Эта политика также может быть привлечена к ответственности по менее сентиментальным мотивам. 1876 год стал свидетелем возобновления Восточного вопроса самым угрожающим образом, министерство Дизраэли приняло то, что можно назвать пальмерстоновской точкой зрения о том, что сохранение Турции было необходимо для стабильности Индийской империи. Как это произошло в 1854 году и после него, Россия, потерпев поражение в Европе, попыталась отомстить в землях, граничащих с Индией. Ни один район не был так благоприятен для московских планов, как афганская граница, которая тогда, как и сейчас, была самым слабым местом в имперских доспехах Великобритании. С тех пор Афганский вопрос стал неотъемлемой частью Восточного вопроса.

Россия нашла под рукой средства произвести впечатление на американца ощущением своей непреодолимой силы. Царским чиновникам было нетрудно затеять ссору с Хокандским ханством. Под предлогом подавления восстания (которое, по мнению Вамбери и других, было подготовлено московскими агентами) они послали войска, якобы с целью благосклонности к хану. Экспедиция увенчалась полным успехом как над повстанцами, так и над самим ханом, который с тех пор опустился до уровня пенсионера своих освободителей (1876). Примечательно, что генерал Кауфманн сразу же отправил Эмиру в Кабул восторженный отчет об успехе русских[298]; и известие об этом сообщении усилило желание британского правительства прийти к четкому взаимопониманию с Эмир.

К сожалению, наши власти взялись за работу таким образом, что усилили его раздражение. 28 февраля 1876 года лорд Солсбери поручил лорду Литтону предложить Шер Али несколько большие уступки; но он отказался пойти дальше, чем допустить "откровенное признание (не гарантию) фактического порядка наследования" трона Афганистана и обязался защищать свои владения от внешнего нападения "только в каком-нибудь явном случае неспровоцированной агрессии". С другой стороны, британское правительство заявило, что "они должны иметь для своих собственных агентов бесспорный доступ к [пограничным] позициям [Афганистана]"[299]. Таким образом, предоставляя лишь немногим больше, чем раньше, новое министерство потребовало для британских агентов и офицеров права на въезд, что уязвило гордость подозрительного правителя и фанатичного народа.

Подводя итог, мы не оказали Шер Али никакой помощи, пока он боролся за власть со своими соперниками; и после того, как он одержал победу, мы вынудили его заключить односторонний союз. В вопросе пограничного спора о Сеистане с Персией последняя нагло проигнорировала британский арбитраж, однако мы убедили эмира принять условия шаха. По словам лорда Нейпира из Магалы, он острее всего остро переживал потерю некогда афганского района Сеистан и с тех пор считал нас слабыми и ненадежными[300].

Раздражение эмира возросло в конце года, когда вице-король заключил важный договор с ханом Хелата в Белуджистане. Это увело бы нас слишком далеко от нашего главного пути, если бы мы свернули в дебри политики белуджей. Достаточно сказать, что долгая череда гражданских беспорядков в этой стране подошла к концу во многом благодаря влиянию майора (впоследствии сэра Роберта) Сэндимена. Его приятная внешность, властный характер, откровенное, прямолинейное и доброжелательное поведение рано произвели впечатление на хана и его беспокойных сирдаров. В ходе двух миссий, которые он предпринял в Хелате в 1875 и 1876 годах, ему удалось унять их внутреннюю вражду и устранить недоразумения, возникшие с индийским правительством. Но он смотрел еще дальше вперед. Обнаружив признаки

иностранных интриг в этой стране, он призвал к тому, чтобы британское посредничество, по возможности, стало постоянным. Его доводы вскоре убедили нового вице-короля, лорда Литтона, который поначалу сомневался в целесообразности второй миссии; и в ходе поездки вдоль северо-западной границы он устроил в Якобабаде грандиозный дурбар, на котором присутствовали хан Хелата и его некогда мятежные сирдары. Там 8 декабря 1876 года он подписал договор с ханом, по которому британское правительство стало окончательным арбитром во всех спорах между ним и его сирдарами, получило право размещать британские войска в определенных частях Белуджистана и строить железные дороги и телеграфы. Хану было выделено три лакха рупий, а его ежегодная субсидия в размере 50 000 рупий была удвоена[301].

Якобабадский мирный договор - один из самых впечатляющих дипломатических триумфов современности. Это произошло не как продолжение кровопролитной войны, а как знак доверия, внушаемого буйным и порой вероломным вождям безупречными качествами этих способных государственных деятелей пограничья, Нейпиров, Лоуренсов, генерала Джейкоба и майора Сэндимена. Это распространило *мир Британии* на территорию размером с Великобританию и незаметно ввело воинственный народ в сферу влияния Индии. Это можно сравнить с Актом посредничества Бонапарта в Швейцарии (1803), ознаменовавшим триумф сильного организующего интеллекта над фракционными группами, которым он принес мир и порядок под покровительством в целом благоприятствующего сюзеренитета. Вскоре в Кветте был размещен сильный гарнизон, и мы получили право привлечь белуджийские войска превосходной боевой мощи. Позиция Кветта - это горный бастион, который укрепляет внешнюю оборону Индии, точно так же, как Альпы и Юры, когда они находились под контролем Наполеона, угрожали любым захватчикам Франции.

Это огромное преимущество было уравновешено одним существенным недостатком. Победа британского влияния в Белуджистане вызвала крайнее негодование Шер Али, который теперь видел, что Британия обошла его южную границу с флангов. В январе-феврале 1877 года были предприняты попытки прийти к взаимопониманию; но, поскольку лорд Литтон настаивал на допуске британских резидентов в Афганистан, долгая череда бесед в Пешавуре между главным советником Эмира и сэром Льюисом Пелли не привела ни к какому иному результату, кроме усиления подозрений с обеих сторон. Вслед за этим вице-король предупредил эмира, что все поставки и субсидии будут прекращены до тех пор, пока он не станет прислушиваться к советам и не перестанет жестоко обращаться с подданными, которые, как известно, благосклонны к британскому союзу. В качестве ответной меры Амир попытался призвать пограничные племена *кджихаду*, или священной войне, против британцев, но без особого успеха. Он не имел никакой власти над племенами между Читралом и Хайберским перевалом, и этот инцидент только укрепил намерение вице-короля подчинить их Британии. В случае с джоваки мы добились успеха, хотя и только после кампании, которая оказалась дорогостоящей в людях и деньгах.

Фактически, теперь лорд Литтон был убежден в необходимости радикального изменения пограничной политики. В своих донесениях от начала лета 1877 года он резюмировал свои доводы следующими фразами: "Шер Али безвозвратно ускользнул из наших рук; ... Я полагаю, что теперь мы должны стремиться скорее к распаду и ослаблению, чем к консолидации и утверждению афганской мощи". Что касается горного барьера, на который привыкли полагаться

люди школы Лоуренса, он назвал его "военной мышеловкой" и заявил, что Наполеон I раз и навсегда показал тщетность опоры на горный хребет. там было несколько проходов[302]. Эти утверждения показывают, в чем, возможно, заключались слабые стороны лорда Литтона в практической политике - в пылком и импульсивном характере, слишком склонном быть ослепленным самим блеском фраз, которые он придумывал.

В конце своего послания от 8 апреля 1878 года лорду Крэнбруку (преемнику лорда Солсбери в Министерстве Индии) он в общих чертах изложил, в качестве "наилучшего варианта", схему разрушения власти Кабулов и "создания Западноафганского ханства, включающего Мерв, Маймену, Балх, Кандагар и Герат, под властью какого-нибудь принца по нашему собственному выбору, который зависел бы от нашей поддержки". Когда Западный Афганистан будет таким образом уничтожен, а у нас будет собственная небольшая станция недалеко от нашей границы в долине Куррам, судьба самого Кабула не будет для нас иметь значения[303]."

Таким образом, это была новая политика в самом широком смысле. Естественно, она встретила резкое противодействие со стороны лорда Лоуренса и других членов Совета по Индии в Уайтхолле. Помимо полной смены фронта, это, естественно, привело бы к войне с Америкой и (если намерения относительно Мерва сохранятся) также с Россией. И с какой целью? Для того, чтобы мы могли захватить передовые рубежи и разбить на куски единственное важное государство, которое оставалось буфером между Индией и русской Азией. В глазах всех, кроме военных, эта политика была самоосуждающейся. Его оппоненты указывали, что в Кабуле, несомненно, происходили русские интриги; но они были результатом явной враждебности между Англией и Россией в Европе и естественным ответом на отправку индийских войск на Мальту. Кроме того, правда ли, что британское влияние в Кабуле было навсегда утрачено? Разве его нельзя было восстановить с помощью денег и дипломатии? Или, если эти средства окажутся безуспешными, не могли бы дела в Кабуле быть устроены так, чтобы привести к смещению Эмира в пользу какого-нибудь претендента, который поддерживал бы Англию? В любом случае, распространение нашей ответственности на такие отдаленные центры, как Балх и Герат, привело бы к чрезмерной нагрузке на и без того обремененные финансы Индии и подорвало бы ее обороноспособность в жизненно важных точках.

Эти возражения, по-видимому, имели некоторый вес в Уайтхолле, поскольку к августу вице-король несколько сбавил тон; он оставил всякую надежду повлиять на Мерв и согласился предпринять еще одну попытку вернуть Эмира или попытаться заменить его более сговорчивым принцем. Но, потерпев неудачу в этом, он посоветовал, хотя и с неохотой по политическим соображениям, завоевать и оккупировать такую часть афганской территории, которая была бы "абсолютно необходима для постоянного поддержания нашей северо-Западной границы"[304].

Но к этому времени всякая надежда на мир стала ненадежной. 13 июня, в день открытия Берлинского конгресса, русская миссия под командованием генерала Столицева выехала из Самарканда в Кабул. Говорят, что Амир услышал эту новость с глубокой озабоченностью и попытался предотвратить ее пересечение границы. Русские, однако, отказались повернуть назад и вошли в Кабул 22 июля[305]. Как будет видно из "Плана вторжения в Индию" Скобелева (Приложение II), миссия должна была быть подкреплена колоннами войск; и с целью удвоения давления российской дипломатии в Европе военный министр в Санкт-Петербурге 25 апреля 1878 года издал приказ об отправке трех колонн войск, которые должны были выступить против

Индии. Главные силы, численностью 12 000 человек, с 44 орудиями и ракетной батареей, должны были выступить из Самарканда и Ташкента на Кабул; вторая, состоящая всего из 1700 человек, должна была подвигнуть горные племена Читральского округа совершить набег на север Пенджаба; в то время как третья, такой же силы, двинулась из средней части Амударьи (Оккус) в направлении Мерва и Герата. Основные силы выступили из Ташкента 13 июня и после труднейшего марша достигли российско-бухарской границы, но обнаружили, что их усилия были бесплодны из-за подписания Берлинского мирного договора (13 июля). Те же неутешительные новости развеяли мечты о завоеваниях, которые воодушевляли другие колонны в их пламенном марше.

Так закончился план вторжения в Индию, которому Скобелев недавно придал форму. В январе 1877 года, находясь под командованием в Центральной Азии, он составил подробный план, важные части которого будут приведены в Приложениях к этому тому¹. Ранней весной 1878 года, когда русская армия стояла в Сан-Стефано, недалеко от Константинополя, он составил другой план того же содержания. Представляется несомненным, что общий план этих проектов занимал умы офицеров и рядовых в только что упомянутых экспедициях; поскольку колонны отходили на север наиболее медленно и неохотно[306].

Внимательное изучение плана Скобелева покажет, что он также полагался на дипломатическую миссию в Кабул и на отправку афганского претендента Абдур Рахмана из Самарканда к афганской границе. Оба эти средства были применены по очереди; первое привело к поразительному, но временному успеху.

Как было указано выше, миссия генерала Столицева вошла в Кабул 22 июля. Сам вождь вернулся 24 августа; но другие члены его Миссии оставались на несколько недель дольше. По-видимому, есть веские основания полагать, что эмир Шер Али подписал договор со Столицевым; но относительно его смысла у нас нет никакой другой подсказки, кроме проекта, который, как утверждается, был переписан по памяти секретным агентом индийского правительства. Другие российские документы, некоторые из которых лорд Грэнвилл впоследствии описал как содержащие "некоторые очень неприятные пассажи ... написанные после Берлинского мирного договора", были обнаружены лордом Робертсом; и российское правительство затруднилось дать им удовлетворительное объяснение[307].

В любом случае правительство Индии не могло оставаться в стороне и наблюдать за вторжением московского влияния в Афганистан. Действовать, однако, было очень трудно из-за отчужденности Амира. Его негодование теперь переросло в стойкую ненависть. В качестве проверочного вопроса лорд Литтон пытался навязать ему прием в британской миссии. 8 августа он получил телеграфное разрешение из Лондона выдвинуть это требование. Эмир, однако, отказался впустить в страну ни одного британского офицера, а смерть его сына и наследника 17 августа позволила ему отказаться от участия в государственных делах на целый месяц.

Поборники "виртуозного бездействия" в этой стране оправдали его поведение в этом вопросе, обвинив вице-короля в поспешности с отправкой британской миссии на границу до окончания полного траура[308]. Однако теперь мы знаем, что это сочувствие было неуместным. Горе Шер Али не помешало ему встретиться с офицерами Русской миссии после тяжелой утраты и (как

кажется) заключить союз с царскими эмиссарами. Лорд Литтон был лучше осведомлен о положении дел в Кабуле, чем его многочисленные критики, один из которых под прикрытием анонимности уверенно заявил, что русская миссия в Кабуле была либо вопросом этикета, либо средством отражения возможного нападения Индии на русский Туркестан; что Эмир не подписывал никакого договора с Миссией и был глубоко смущен ее присутствием; в то время как обращение лорда Литтона с эмиром было невежливым[309].

В свете известных теперь фактов эти обвинения рассматриваются как плод живого воображения или пристрастного злого умысла. Не может быть никаких сомнений в том, что Шер Али обманул нас. Помимо своих интриг с Россией, он потворствовал убийству британского офицера, оставив убийцу на своем посту, и стремился подтолкнуть пограничные племена к священной войне. Наконец, он отдал приказ остановить британскую миссию в Али-Мусджиде, форте, господствующем над входом в Хайберский проход. Это действие, произошедшее 22 сентября, должно быть объявлено преднамеренным оскорблением, учитывая, что ход выполнения этой Миссии был рассчитан так, чтобы она достигла Кабула после окончания дней траура. По мнению вице-короля, правильным ответом было бы объявление войны; но правительство Метрополии снова проявило осторожность, настаивая на отправке ультиматума, чтобы дать время Кабулу покаяться. Оно было отправлено 2 ноября с намеком на то, что, если ответ не поступит на границу к 20 ноября, начнутся военные действия. Ответа не поступало до более позднего срока, да и тогда он носил уклончивый характер.

Таковы, вкратце, были причины второй афганской войны. В более полном свете сегодняшнего дня трудно объяснить ту страсть, которую вызвало их обсуждение в то время. Но критики правительства твердо стояли на двух позициях. Они могли бы показать, во-первых, что война произошла в основном из-за упорного противостояния лорда Биконсфилда России в Восточном вопросе, а также что московские интриги в Кабуле были естественным и очень эффективным ответом на эффектный и неэффективный прием переброски индийских войск на Мальту; короче говоря, что афганская война была вызвана в значительной степени желанием России отомстить.

Во-вторых, они настаивали на том, что, несомненно, было слабым местом в деле министра, а именно на том, что в речи лорда Биконсфилда на банкете у лорда-мэра 9 ноября 1878 года подчеркивалась почти исключительно необходимость создания научного рубежа на северо-западе Индии. В ходе парламентских дебатов 9 декабря он попытался исправить эту ошибку, заявив, что он никогда не утверждал, что новая граница была целью войны, а скорее возможным следствием. Его критики отказались принять исправление. Они привязали его к первым словам. Если это так, сказали они, то зачем пересказывать наши жалобы на Шер Али? Это были всего лишь предлоги, а не причины войны, которая должна была вестись исключительно в хладнокровных поисках научного рубежа. "Да погибнет Индия, - кричали они, - если ее воображаемые интересы требуют принести тысячи жизней храбрых горцев на алтарь нового империализма".

Эти обвинения были логически оправданны в адрес министров, которые в основном придерживались этой холодной абстракции, "научных границ", и меньше подчеркивали опасность оставить союзника России на троне Афганистана. Сильная сторона дела лорда Литтона заключалась в том факте, что политика министерства Гладстона вынудила Шер Али встать на сторону России; но этот факт был объяснен неадекватно или, по крайней мере, не

таким образом, чтобы повлиять на общественное мнение. Популярное воображение зацепилось за фразу "научный рубеж", и на этот раз ловкость лорда Биконсфилда в составлении фраз привела к его свержению.

Но логика слов не соответствует логике фактов. Слова по большей части просты, откровенны и абсолютны. Факты истории очень редко бывают такими. Их важность очень часто относительна и обусловлена меняющимися обстоятельствами. Так было и с событиями, которые привели ко второй афганской войне. Они были очень сложными, и от них нельзя было подвести итог или избавиться, ссылаясь на единую формулу. Несомненно, вопрос о границе был важен; но он не приобрел первостепенной важности до тех пор, пока, во-первых, Шер Али не стал нашим врагом и, во-вторых, не проявил безошибочных признаков тесного взаимопонимания с Россией. С тех пор для Индии стало жизненно важным иметь границу, которую можно было легко защитить от такой мощной комбинации, как Россия и Афганистан.

Было бы интересно узнать, что сделали бы мистер Гладстон и его сторонники, приди они к власти летом 1878 года. То, что они обвиняли своих оппонентов во многих деталях, не доказывает, что они не прибегли бы к решительным мерам, чтобы избавиться от Шера Али. В том плачевном состоянии, в которое скатились дела в 1878 году, как это можно было осуществить без войны? Сложившуюся тогда ситуацию, пожалуй, лучше всего можно резюмировать словами, которые генерал Робертс написал в Кабуле 22 ноября 1879 г. после долгого и поучительного разговора с новым эмиром о пристрастиях его отца к России: "Наш недавний разрыв с Шер Али, фактически, был средством разоблачения и пресечения очень серьезного заговора против мира и безопасности нашей Индийской империи[310]."

Учитывая ситуацию, фактически существовавшую в 1878 году, действия британского правительства оправданны в том, что касается деталей. Слабым местом политики Биконсфилда было то, что такая ситуация не обязательно должна была существовать. Насколько можно судить по опубликованным до сих пор свидетельствам (если не считать некоторых диких разговоров московских шовинистов), Россия не вмешалась бы в Афганистан иначе, как для того, чтобы парализовать действия Англии в турецких делах. Как указывалось выше, афганская проблема была естественным продолжением противодействия, оказываемого Дизраэли России со времени возобновления обсуждения балканской проблемы в 1875-1876 годах; и рассмотрение событий, которые будут описаны в следующей главе, добавит еще одно комногим уже существующим доказательством роковой ошибки, допущенной им, когда он сорвал Берлинский меморандум, нарушил Соглашение держав и сделал безнадежным мирное решение Восточного вопроса.

СНОСКИ:

[276] См. Цезарь, *Галльская война*, bk. vi., рассказ о формировании бродячего отряда на собрании племен.

[277] О казаках см. "Россия" Д. М. Уоллеса, том ii. стр. 80-95; и "Россия на Тихом океане" *Владимира*, стр. 46-49. Первый указывает на то, что их некогда демократическая организация исчезла при самодержавии; и что их чиновники, назначенные царем, владеют большей частью земли, ранее находившейся в общем владении.

[278] Цитируется Вандалом, *Наполеон I. и Александр*, том i, стр. 136.

[279] Цитируется на стр. 14 *Дипломатического исследования Крымской войны*, выпущенного Министерством иностранных дел России и приписываемого барону Жомини (русское издание, 1879; английское издание, 1882).

[280] Для описания Самарканда и Бухары см. *Россия в Центральной Азии*, Достопочтенного Г. (лорда) Керзона (1889); *Путешествия по Центральной Азии* А. Вамбери (1867-68); Преподобный Х. Ланселл, *"Российская Центральная Азия"*, 2 тома. (1885); Э. Шайлер, *Путешествие по русскому Туркестану*, и др., в 2 т. (1876); Э. О'Донован, *Мервский оазис*, в 2 т. (1883).

[281] Сэр Дж.У. Кей, *История войны в Афганистане*, 5 томов. (1851-78).

[282] Г.Б. Маллесон, *История Афганистана*, стр. 421.

[283] Парл. Papers, Афганистан, № 1 (1878), стр. 10. В защиту этой политики "виртуозного бездействия" см. *"Жизнь лорда Лоуренса" м-ра Босворта Смита*, том ii. стр. 570-590; также *"Очерки о внешней политике Индии" м-ра Дж.У.С. Уилли.*,,

[284] Покойный герцог Аргайлл в своем *"Восточном вопросе"* (том ii, стр. 42) привел факт этого предложения денег и оружия как доказательство того, что лорд Лоуренс не был привержен теории "виртуозного бездействия", и заявил, что этот подарок помог Шер Али добиться полного успеха. Однако ясно, что лорд Лоуренс ждал, чтобы убедиться в том, что успех будет обеспечен, прежде чем сделать предложение.

Герцог Аргайлл доказывает одну вещь, что действия лорда Лоуренса в сентябре 1868 года не были вызваны депешей сэра Генри Роулинсона из Лондона (датированной 20 июля 1868 года) в пользу более решительных действий. Это было связано с восприятием Лоуренсом перемен, вызванных действиями России в Бухарском ханстве, недалеко от афганской границы.

[285] Герцог Аргайлл, указ. соч. том ii. стр. 226 (Лондон, 1879). О договоре см. Parl. Документы Афганистана, № 1 (1878), стр. 1.

[286] Сэр У.У. Хантер, *граф Мэйо*, стр. 125 (Оксфорд, 1891); герцог Аргайл, указ. соч. т. ii, стр. 252.

[287] Аргайлл, указ. соч. том i. Предисловие, стр. xxiii.-xxvi.

[288] Аргайлл, указ. соч. том ii. стр. 263.

[289] Аргайлл, указ. соч. том ii. стр. 289, 292. Заверения царя в том, что "расширение территории" было "расширением слабости", см. в Parl. Papers, Афганистан, № 1 (1878), стр. 101.

[290] Аргайлл, указ. соч. том ii. 331. Кабинет Гладстона явно ослабил первоначальное предложение лорда Нортбрука и поэтому должен нести большую долю ответственности за отчуждение Эмира, которое вскоре последовало. Герцогу удалось выявить множество неточностей в версиях этих событий, впоследствии представленных лордом Литтоном и лордом Крэнбруком; но он, по-видимому, совершенно не осознавал последствий, вытекающих из приверженности устаревшей теории.

[291] Дж. Поповски, *Соперничающие державы в Центральной Азии*, стр. 47 (англ. редактировать); А. Вамбери, *Грядущая борьба за Индию*, стр. 21; А.Р. Колкухун, *Россия против Индии*, стр. 24-26; Лависс и Рамбо, *История человечества.*, том хii. стр. 793-794.

[292] Парл. Документы, Афганистан, № 1 (1878), стр. 101.

[293] Лорд Робертс, *Сорок один год в Индии*, том ii. стр. 247; также *Жизнь Абдура Рахмана*, Мохаммед Хан, 2 тома. (1900), том i, стр. 149.

[294] Аргайлл, *Восточный вопрос*, том ii. стр. 347. См., однако, письма, которыми обменивались генерал Кауфман, губернатор Туркестана, и Кабул в 1870-74 годах, в Парл. Документы, Центральная Азия, № 1 (1881), стр. 2-10.

[295] Парл. Документы, Афганистан, № 1 (1878), стр. 107.

[296] Генерал Джейкоб задолго до этого выступал за занятие этой сильной фланговой позиции. Это было поддержано сэром К. Дилке в его книге *"Великая Британия"* (1867).

[297] Парл. Документы, Афганистан, № 1 (1878), стр. 128-129.

[298] Парл. Газеты Центральной Азии, № 1 (1881), стр. 12-14; также напечатаны письма Шер Али к нему (некоторые из них вызывают подозрение) и ответы.

[299] Парл. Документы, Центральная Азия, № 1 (1881), стр. 156-159.

[300] Там же. стр. 225-226.

[301] Сэр Роберт Сэндемэн, автор Т.Х. Торнтон, *chaps, ix.-x.*; Парл. Документы, относящиеся к Договору ... от 8 декабря 1876 г.; *Политика продвижения вперед и ее результаты*, Р.И. Брюс; *Администрация лорда Литтона в Индии*, леди Бетти Бальфур, глава iii.

Индийская рупия стоит шестнадцать пенсов.

[302] Леди Б. Бальфур, указ. соч. стр.166-185, 247-148.

[303] Там же. стр. 246-247.

[304] Леди Б. Бальфур, указ. соч. стр. 255. В защиту этого с военной точки зрения см. *"Сорок один год в Индии"* лорда Робертса, том. ii, стр. 187; и *Азиатские соседи* Торберна, глава XIV.

[305] Документы Parl, Афганистан, № 1 (1878), стр.242-243; там же. Центральная Азия, № 1, с.165 и далее.

[306] Подробнее см. *Продвижение России в сторону Индии*, "Индийский офицер", том ii. стр.109 и далее.

[307] Предполагаемый международный договор напечатан вместе с другими документами в Parl. Документы, Центральная Азия, № 1 (1881), стр. 17-30. См. также *"Сорок один год в Индии"* лорда Робертса, том ii. стр.477.

[308] Герцог Аргайлл, *Восточный вопрос*, том ii. стр. 504-507.

[309] *Причины афганской войны*, стр. 305 и далее.

ГЛАВА XIV

АФГАНСКАЯ И ТУРКМЕНСКАЯ КАМПАНИИ

"Политика продвижения вперед - другими словами, политика стремления распространить наше влияние и установить закон и порядок на той части границы [с Индией], где до настоящего времени безраздельно царили анархия, убийства и грабежи, политика, которая привела к самым счастливым результатам в Белуджистане и на границе с Гилгитом, - обусловлена неопровержимым фактом, что великая Военная держава сейчас находится на расстоянии удара от наших индийских владений и в непосредственном контакте с государством, за целостность которого мы взяли на себя ответственность". РОБЕРТС: Речь в Палате лордов, 7 марта 1898г.

Операции в начале афганской войны закончились столь легкой победой британского оружия, что нет необходимости описывать их подробно. Их планировалось провести в трех точках на нерегулярной дуге юго-восточной границы Афганистана. Самая северная колонна генерала сэра Сэмюэля Брауна располагала базой снабжения в Пешаваре. Примерно 16 000 человек численностью, они легко захватили форт Али Мусджид в устье Хайберского прохода, затем преодолели это ущелье практически без сопротивления и продвинулись к Джелалабаду. Вокруг этого города (прославившегося благодаря обороне генерала Сейла в 1841-2 годах) он расправлялся с набегающими кланами афридиса.

Центральной колонной, действовавшей из Кохата в качестве базы против долины Куррам, командовал генерал, которому суждено было завоевать известность на более поздних этапах войны. Генерал-майор Робертс олицетворял все самое благородное и рыцарственное в анналах британской армии в Индии. Второй сын генерала сэра Абрахама Робертса, Г.К.Б., родившийся в Канпуре в 1832 году, он унаследовал традиции службы, которую ему предстояло сделать еще более прославленной. Его телосложение, невысокое и хрупкое, казалось, едва ли подходило ему для военных занятий; и в те времена, когда в почете были только высокий рост и крепкие

сухожилия, его можно было бы отнести к гражданской жизни; но карьеры Вильгельма III, Люксембурга, Нельсона и Робертса показывают, что для полководца важнее мужество, чем животная сила, и что ход кампаний определяет ум, а не мускулы. То, что молодой претендент на славу не испытывал недостатка в личной доблести, проявилось в Худагандже, одном из сражений Мятēja, когда он захватил знамя у двух сипаев, а позже, в тот же день, зарубил третьего сипая. Но именно его ясное понимание людей и дел, его приверженность принципам войны, его живость ума и его организаторская сила подняли его над толпой заслуженных офицеров, которые спасли Индию для Британии в те бурные дни.

Его достижения на посту заместителя помощника генерального квартирмейстера в Дели и других местах в то время нет необходимости упоминать здесь; ибо он сам рассказал о них в ясных, жизненных, домашних выражениях, которые раскрывают один из источников его личного влияния. Англичане восхищаются человеком, который активен, но не суетлив, который сочетает в себе величие с простотой, чья доброта так же лишена показухи, как его религия слащавости, и у которого честолюбие всегда служит помощником патриотизма. Характер командира, возможно, имеет большее значение для британских войск, чем для каких-либо других, за исключением французских; и люди, которые прошли с Робертсом маршем от Кабула до Кандагара и от Паардеберга до Блумфонтейна, вряд ли смогли бы проявить те подвиги стойкости, которые были свойственны генералу, не пользовавшемуся их доверием и любовью.

Преданность колонны Куррам своему начальнику вскоре подверглась испытанию. Продвинувшись вверх по этой долине, опоясанной с обеих сторон высокими горами и изрезанной многочисленными оврагами, отряд увидел в ее начале перевал Пейвар Котал - крутой склон, изрезанный бороздами только в одном месте, где узкая зигзагообразная тропа бежала вверх через сосны и гигантские валуны. Разведка показала, что афганцы удерживают верхнюю часть в силе; и на некоторое время Робертса охватили самые серьезные опасения. Скрывая эти чувства, особенно от своих родных войск, он провел несколько дней в разведке этой грозной позиции. Эти усилия привели к открытию майором Коллеттом другого практически возможного ущелья дальше на север, ведущего к соседней высоте Пейвар-Спингави, откуда, возможно, можно повернуть к истоку Котала.

Разделять колонну, состоящую всего из 889 британских и 2415 местных солдат, да еще и перед лицом численного превосходства противника, было рискованным предприятием, но генерал Робертс решил испытать эффект ночного марша до Спингави. Он надеялся атакой на рассвете на расквартированный там афганский отряд повернуть основные позиции к Коталу и добиться его эвакуации. Этот план часто удавался афганцам. Их характеристики как в мирное, так и в военное время отчетливо кошачьи. Склонные к легкости и удовольствиям в обычное время, тем не менее, когда ими движет жажда крови или добычи, они способны на великие подвиги в быстром свирепом нападении; но, как и все люди и животные, подверженные внезапным порывам, их храбрость неустойчива и они склонны сдаваться при настойчивом нападении или когда их тылу угрожают. Кошачий инстинкт преследования обладает чем-то вроде стратегической осторожности, даже в самых диких настроениях; ему нравится быть уверенным в линии отступления^[311].

Британский командующий рассчитывал в полной мере использовать эти особенности, преследуя противника на его левом фланге, в то время как он оставил около 1000 человек, чтобы снова атаковать его спереди. Отправившись в путь с наступлением темноты 1 декабря, он повел

остальных на север через боковую долину, а затем вверх по оврагу на склоне реки Спингави. Подъем по сосновому лесу и скалам, несмотря на ледяной ветер, был очень трудным; и движение было близко к провалу из-за предательства двух солдат-патанов в строю, которые стреляли из своих винтовок в надежде предупредить афганцев наверху. Впоследствии выяснилось, что эти выстрелы были услышаны часовым, который доложил о случившемся командиру афганского отряда; тот, со своей стороны, ничего не предпринял. Большая тревога охватила британскую колонну, когда в темноте раздались выстрелы; офицер-туземец, находившийся поблизости, сразу же подошел и, понюхав винтовки всех своих людей, обнаружил преступников; но поскольку они были мусульманами, он ничего не сказал, надеясь прикрыть своих единоверцев. Позже эти факты выяснились в военном суде, после чего старший из двух преступников, который также первым открыл огонь, был приговорен к смертной казни, а младший - к длительному сроку тюремного заключения. Чиновник-нарушитель также получил должное наказание[312].

После этого тревожного инцидента 72-й горский полк был отправлен вперед, чтобы занять место туземного полка, который ранее возглавлял движение; и снова маленькая колонна с трудом продвигалась в темноте вверх по каменистой тропе. Их стойкость была вознаграждена. На рассвете горцы и 5-й гуркхский полк атаковали афганский отряд в его окопах и брустверах из деревьев и вскоре стали хозяевами позиции в Спингави. Последовало долгое и тревожное ожидание, вызванное неудачей первой лобовой атаки на Котал; но давление Робертса на фланг главной афганской позиции и еще одна лобовая атака обратили противника в полное бегство, оставив после себя орудия и фургоны. Колонна Куррама выбила восемь афганских полков и несколько горцев с кажущейся неприступной позиции и теперь удерживала второй из внешних перевалов, ведущих к Кабулу (2 декабря 1878 года). Афганцы оказали лишь небольшое сопротивление на перевале Шутаргардан далее, и с этого момента захватчики смотрели вниз на долины, которые легко вели их к столице Амира[313].

Тем временем такой же успех сопровождал 3-й британской колонне генерала Биддульфа, действовавшей из Кветты. Она заняла Сиби и перевал Ходжак, а 8 января 1879 года генерал Стюарт и авангард достигли Кандахара, в который они вошли с триумфом. Люди, казалось, отнеслись к их появлению с безразличием. Это было вполне естественно. Шер Али погубил свое собственное дело. Услышав о первых поражениях, он бежал из Кабула вместе с оставшимися членами Русской миссии, все еще находившимися в этом городе (13 декабря), и направился в афганский Туркестан в надежде склонить своих северных союзников оказать активную помощь.

Теперь он обнаружил свою ошибку. Царское правительство проявляло наибольшую активность в разжигании вражды между Англией и США, особенно во время дипломатической борьбы в Берлине; но после подписания Берлинского мирного договора (13 июля 1878 г.) естественная склонность Александра II ослабла. Стремление к миру и покою начало постепенно заявлять о себе. Воинственные замыслы Кауфмана и его чиновников в Туркестане были пресечены, хотя и не так быстро, как это соответствовало строгому нейтралитету.

Постепенно пелена спала с глаз бывшего Эмира. В день своего бегства (13 декабря) он написал "Должностным лицам британского правительства", заявив, что собирается отправиться в Санкт-Петербург, "где перед Конгрессом вся история сделок между мной и вами будет представлена всем державам"[314]. Но девять дней спустя он опубликовал фирман, содержащий весьма примечательное письмо, якобы пришедшее от генерала Столицева из Ливадии в Крыму, где он

гостил у царя. После сообщения ему, что британцы желают прийти к соглашению с ним (эмиром) посредством вмешательства султана, письмо продолжалось следующим образом: -

Но желание императора состоит в том, чтобы вы не впускали англичан в свою страну, и, как и в прошлом году, вы должны обращаться с ними обманом до тех пор, пока не закончится нынешнее холодное время года. Тогда воля Всевышнего будет явлена вам, то есть Правительство [России], повторив Бисмиллу, придет вам на помощь. Короче говоря, вы должны быть уверены, что все закончится хорошо. Если Бог позволит, мы созовем заседание Правительства в Санкт-Петербурге, то есть Съезд, что означает собрание Властей. Затем мы начнем официальную дискуссию с английским правительством, и либо силой слов и дипломатических действий мы полностью прекратим все английские коммуникации и вмешательство в дела Афганистана, либо события закончатся мощной и важной войной. С Божьей помощью к весне в Афганистане не останется ни симптома, ни следа беспокойства и неудовлетворенности.

Невозможно думать, что царю было что-либо известно об этом предательском послании, которое, следует надеяться, исходило от самого низкого из российских агентов или от какого-нибудь афганского вождя, находящегося на их жалованье. Тем не менее тот факт, что Шер Али опубликовал это, показывает, что он надеялся на помощь России, даже когда британцы держали в своих руках ключи от его страны. Но одна надежда таяла за другой, и в свои последние дни он, должно быть, пришел к пониманию, что был всего лишь лапой русского медведя. Он умер 21 февраля 1879 года недалеко от города Бактра, современного Балха.

Эта "мать городов" стала свидетелем странных перипетий. Он питал зороастрийские и буддийские верования в их юности; из его переполненных монастырей лился свет для миллионов людей Азии, пока культура не была растоптана пятой Чингисхана, а позже Тимура. Еще позже он увидел рассвет величия самого блестящего, но неудачливого из императоров династии Великих Моголов, Аурунгзебе. Его разрушенные храмы и монастыри, простирающиеся на многие мили, провозглашают его городом похороненных надежд. Значит, на месте смерти Шер Али было что-то подходящее. Он мог бы с такой легкостью создать могущественное афганское государство в дружественном союзе с британским владычеством; он выбрал иное и закончил свою жизнь среди крушения своих планов и разорения своего королевства. Этот результат доверия, которое он оказал московским обещаниям, не остался незамеченным для афганского народа и его правителей.

Нет необходимости подробно описывать события первой половины 1879 года в Афганистане. На заседании парламента в феврале лорд Биконсфилд заявил, что наши цели на этой земле достигнуты, теперь, когда три главные горные магистрали между Афганистаном и Индией полностью в нашей власти. Оставалось найти ответственного правителя, с которым можно было бы подписать прочный мир. На пути стояло много трудностей из-за клановой вражды афганцев и количества возможных претендентов на корону. Два человека считались наиболее вероятными правителями: мятежный сын Шер Али, Якуб-хан, который недавно был освобожден из своего длительного заключения, и Абдур-Рахман, сын Уфзал-хана, которого русские все еще держали в Туркестане под некоторым давлением, несомненно, в надежде, что он станет полезной козырной картой в сложной игре соперничающих интересов, которая наверняка разыграется в Кабуле.

Около 20 февраля Якуб направил британскому правительству предложения о мире; и, поскольку смерть его отца в то время значительно укрепила его притязания, это было благосклонно рассмотрено в Лондоне и Калькутте. Несмотря на по крайней мере один акт вопиющего предательства, он был признан Амиром. 8 мая он вошел в британский лагерь в Гандарнаке, недалеко от Джелалабада; и после переговоров там 26 мая был подписан мирный договор. Он предусматривал амнистию, контроль британского правительства над внешней политикой Эмира, учреждение британского резидента в Кабуле, строительство телеграфной линии до этого города, предоставление коммерческих объектов и передачу Индии приграничных округов Куррам, Пишин и Сиби (последние два находятся недалеко от Кветты). Британское правительство сохранило контроль над перевалами Хайбер и Мични, а также над соседними племенами (которые никогда определенно не признавали афганское правление). Далее он согласился выплачивать Эмиру и его преемникам ежегодную субсидию в размере шести лакхов рупий (почти 50 000 фунтов стерлингов)[315].

Генерал Робертс и многие другие опасались, что договор был подписан слишком поспешно и что афганцам, "по сути высокомерному и тщеславному народу", нужен более суровый урок, прежде чем они согласятся с британским сюзеренитетом. Но никакие дурные предчувствия не угнетали майора сэра Луи Каваньяри, доблестного и способного офицера, который выполнил так много работы на границе, когда он приступил к своему пребыванию в Кабуле в качестве британского резидента (24 июля). Главная опасность заключалась в афганских войсках, особенно в полках, ранее расквартированных в Герате, которые почти ничего не знали о доблести британцев и чей фанатизм подогревался задолженностью по жалованью. Дневник Каваньяри, который он вел в Кабуле, заканчивался 19 августа заявлением о том, что тридцать три русских поднимаются вверх по Оксу к афганской границе. Но настоящей тревожной причиной, по-видимому, была ненависть афганских военнослужащих к иностранцам.

Невыплата была настолько обычным обстоятельством в Афганистане, что едва ли могла объяснить последующие события. И все же это послужило поводом для вспышки. Рано утром 3 сентября, собравшись для того, что оказалось фарсом с оплатой в Бала-Хиссаре (цитадель), три полка взбунтовались, забросали камнями своих офицеров, а затем бросились к британскому посольству. Эти полки приняли участие в первом наступлении на ничем не укрепленное здание, удерживаемое Миссией, и небольшой эскорт. Непрерывный ружейный огонь защитников долго сдерживал их; но, когда к ним присоединились горожане и другие войска, мятежники подожгли ворота, а затем, ворвавшись внутрь, одолели доблестный гарнизон. Эмир предпринял лишь незначительные усилия, чтобы подавить эту предательскую вспышку, и, хотя верные войска защищали его собственные дворцы, никого не послал на помощь посланнику. Эти факты, о которых сообщают заслуживающие доверия свидетели, не соответствовали высокопарным заверениям в верности, которые исходили от самого Якуба[316].

Сразу же были приняты меры по ликвидации последствий стихийного бедствия, но организация работы персонала и транспорта привела к серьезной задержке. Наконец генерал Робертс смог продвинуться вверх по долине Куррам и взять штурмом перевал Шутаргардан, подвиг, полностью равный его предыдущему захвату Пейвар Котала в том же горном массиве. Несколько позже он встретил Эмира и произвел на него неблагоприятное впечатление: "Человек незначительного вида ... со скошенным лбом, головой конической формы и полным отсутствием подбородка, о котором можно было бы говорить ... обладал, кроме того, очень бегающими глазами". Якуб обосновал это мнение тем, что пытался под различными предложениями

задержать продвижение британцев и посылал в Кабул известия о численности британских войск.

По всем данным, в нем насчитывалось всего 4000 бойцов при 18 пушках. Тем не менее, приблизившись к Кабулу, она атаковала сильную позицию в Харасии, удерживаемую 13 регулярными полками противника и примерно 10 000 иррегулярных частей. Атаки горцев (72-й и 92-й), гуркхов и пенджабцев оказались непреодолимыми и отбросили афганцев с двух горных хребтов подряд. Этот ратный подвиг, граничивший с чудом, раскрыл чувства Эмира в равной степени нелепым и зловещим образом. Сидя в британском лагере, он наблюдал за боем с большим нетерпением, затем с растущим беспокойством, пока, наконец, ему не понадобилось все его восточное самообладание для последнего комплимента, которым он наградил победителя. Позже выяснилось, что он и его сторонники разработали тщательные планы по извлечению выгоды из поражения маленького отважного отряда, чтобы обеспечить его уничтожение^[317].

Блестящее дело в Харасии продемонстрировало выдающуюся доблесть двух мужчин, которым позже предстояло отличиться на более широких поприщах, майора Уайта и сержанта Гектора Макдональда. Уайт нес гребень во главе отряда из 50 горцев. Когда враг бежал на второй гребень, он решил сохранить жизни своих людей, взяв винтовку и преследуя врага в одиночку, пока тот внезапно не появился у них на фланге. Полагая, что его люди у него за спиной, афганцы развернулись и обратились в бегство.

9 октября Робертс занял хребет Сиах Санг, возвышающийся над Кабулом, а на следующий день вошел в цитадель Бала-Хиссар, чтобы осмотреть обугленные и окровавленные руины британского посольства. В углях костра он и его сотрудники нашли множество человеческих костей. 12 октября Якуб пришел к генералу, чтобы объявить о своем намерении сложить с себя полномочия посла, поскольку "он предпочел бы быть подстригателем травы в английском лагере, чем правителем Афганистана". На следующий день британские войска с триумфом вошли в сам город, и Робертс арестовал министров Эмира. Граждане были молчаливы, но почтительны и выразили свое удовлетворение, когда он объявил, что наказаны будут только виновные в вероломном нападении на Резиденцию. Сам Кабул был гораздо более русским, чем английским. Афганские офицеры носили русскую форму, на базарах продавались русские товары, а в Казне водились русские деньги. Очевидно, что царские чиновники давно вынашивали свои планы и что дальнейшее упорство Англии в проведении устаревшей политики "виртуозного бездействия" привело бы к тому, что Афганистан превратился бы в московскую сатрапию.

Теперь маятник резко качнулся в пользу Индии. В эту страну Робертс отправил бывшего эмира 1 декабря после того, как Комиссия пришла к выводу, что он был виновен в преступной халатности (если не хуже) во время резни Каваньяри и его сопровождения. Два афганских сирдара, чья вина в этой трагедии была четко доказана, также были депортированы и заключены в тюрьму. Это вызвало большой переполох, и к концу года проповедь фанатика, чье имя означало "благоухание вселенной", возбудила ненависть к завоевателям.

Банды соплеменников начали собираться вокруг Кабула, и попытка рассеять их привела к временному отступлению британцев недалеко от шерпурского расквартирования, где Робертс держал свои войска. Ситуация была серьезной. Как это обычно бывает с азиатами, горцы поднялись тысячами при известии об этом и окружили линию сообщения с Индией. Сэр

Фредерик Робертс, однако, стойко удерживал свои позиции в лагере шерпуров, отбив одну очень серьезную атаку туземцев 20-23 декабря. На следующий день генералу Гофу удалось прорваться из Гандамака к нему на помощь. Из Индии были спешно переброшены другие войска, и это известие положило конец тревоге, охватившей Империю при известии об окружении Робертса близ Кабула.

Теперь, когда лига горцев была на время распущена, стало более чем когда-либо необходимо найти правителя для Афганистана и как можно скорее уладить дела. Это было также желательно ввиду вероятности всеобщих выборов в Соединенном Королевстве в начале 1880 года, министерство хотело подготовить афганское урегулирование, которое подействовало бы как снотворное на ненасытного Цербера демократии у себя дома. К несчастью, начало зулусской войны 11 января 1880 года, за которой вскоре последовала катастрофа при Исандлане, удвоило количество жалоб в Соединенном Королевстве, в результате чего ситуация в Афганистане обострилась как никогда.

Некоторые племена требовали возвращения Якуба, но генерал Робертс сообщил им, что такой шаг никогда не будет допущен. Посреди этой неопределенности, когда, казалось, пробили час появления сильного человека, он появился как нельзя кстати. Как ни странно, он был родом из русского Туркестана.

Как уже говорилось выше, Абдур Рахман, сын Уфзал-хана, долгое время жил там в качестве царского пенсионера; его храбрость и умение интриговать были хорошо известны. Русский писатель Петровский описал его как человека, стремящегося, прежде всего, наладить отношения с англичанами и Шер Али. Несомненно, именно из-за такой веры в цели изгнанника русские дали ему 2500 фунтов стерлингов и 200 винтовок. Его появление в Афганистане, казалось, было хорошо рассчитано на то, чтобы усугубить там неразбериху и трудности Англии. Имея всего 100 последователей, он перешел Оксу вброд и в начале 1880 года начал собирать вокруг себя отряд в афганском Туркестане. Его успех был поразительно быстрым, и к концу марта он стал хозяином всего этого района[318].

Но политические результаты этого первого успеха были еще более удивительными. Лорд Литтон, сэр Фредерик Робертс и мистер Лепел Гриффин (политический комиссар в Афганистане) вскоре увидели преимущество переговоров с ним по поводу его наследования трона Кабула. Вице-король, однако, верный своему прежнему решению разделить Афганистан, добавил неприятное условие, согласно которому районы Кандахар и Герат теперь должны быть отделены от севера Афганистана. Первая просьба Абдур Рахмана о том, чтобы вся страна образовала нейтральное государство под совместной защитой Великобритании и России, была решительно отклонена на том основании, что бывшая держава обязалась по Гандамакскому мирному договору не допускать вмешательства какого-либо иностранного государства в афганские дела. Такой сильный человек, как Абдур Рахман, оценил решительность этого заявления; и, хотя он сдерживал свою руку с осторожностью и подозрительностью, естественными для афганцев, с тех пор он больше склонялся к британской стороне, несмотря на тот факт, что лорд Литтон признал второго Шер Али как "Вали", или губернатора Кандахара и его округа.[319]. 19 апреля сэр Дональд Стюарт разгромил крупные афганские силы близ Газни, а затем занял этот город. 5 мая он достиг Кабула. Оказалось, что сопротивление туземцев было сломлено.

Таково было положение дел, когда Всеобщие выборы в апреле 1880 года привели мистера Гладстона к власти вместо лорда Биконсфилда. Как было намекнуто выше, афганские дела помогли вызвать эти перемены; и теперь мир ждал, какими будут действия партии, которая выступила против "передовой политики" в Индии. Как это обычно бывает после смены министров, новый премьер-министр разочаровал надежды своих самых ярых друзей и опасения своих самых ярых противников. О политике "бегства", конечно, никто и не думал; но, поскольку новое правительство обязалось максимально ограничить свои полномочия в Индии, произошло одно большое изменение. Лорд Литтон сложил с себя полномочия вице-короля, когда стали известны полные результаты всеобщих выборов; и мир увидел странное зрелище: блестящий и могущественный правитель, стоявший выше древних династий в Индии, уходит в частную жизнь по воле голосов, молчаливо поданных в урны для голосования далеко на северных островах.

Более поразительных результатов функционирования демократической системы в имперских делах никогда не было видно; и это может навести изучающего римскую историю на размышления о том, какими могли бы быть результаты в этой древней империи, если бы население Италии могло честно выполнять аналогичные обязанности в отношении действий своих проконсулов. Римской политике, возможно, недоставало некоторой величественности и основательности, но, несомненно, управление провинциями улучшилось бы. Что бы ни говорили о зле перемен, вызванных народным капризом, они менее серьезны, чем те, которые произрастают под сенью некритичной и безответственной бюрократии.

Прошло некоторое время, прежде чем новый вице-король, лорд Рипон, смог взять бразды правления в свои руки. В этот период возникли трудности с Абдур Рахманом, но 20 июля британские власти в Кабуле публично признали его эмиром Северного Афганистана. Вопрос об отделении Кандахара от Кабула и размере субсидии, которая должна была быть выплачена новому правителю, остался открытым и вызвал некоторые разногласия; но дружественное соглашение было практически достигнуто несколько дней спустя.

По многим причинам это было желательно. Еще 11 апреля 1880 года мистер (ныне сэр) Лепел Гриффин объявил на дурбаре в Кабуле, что британские войска уйдут из Афганистана, когда правительство сочтет, что достигнуто удовлетворительное урегулирование; что оно является другом, а не врагом ислама и сохранит меч для своих врагов. Теперь пришло время подтвердить эти заявления. В последние дни июля Абдур Рахман был должным образом приведен к власти в Кабуле и получил 19-1/2 лакхов рупий (190 500 фунтов стерлингов)^[320]. Тем временем его воины готовились покинуть этот город и отомстить за катастрофу, постигшую их войска в провинции Кандахар. 29 июля поступило известие, что британская бригада была разбита вдребезги в Майванде.

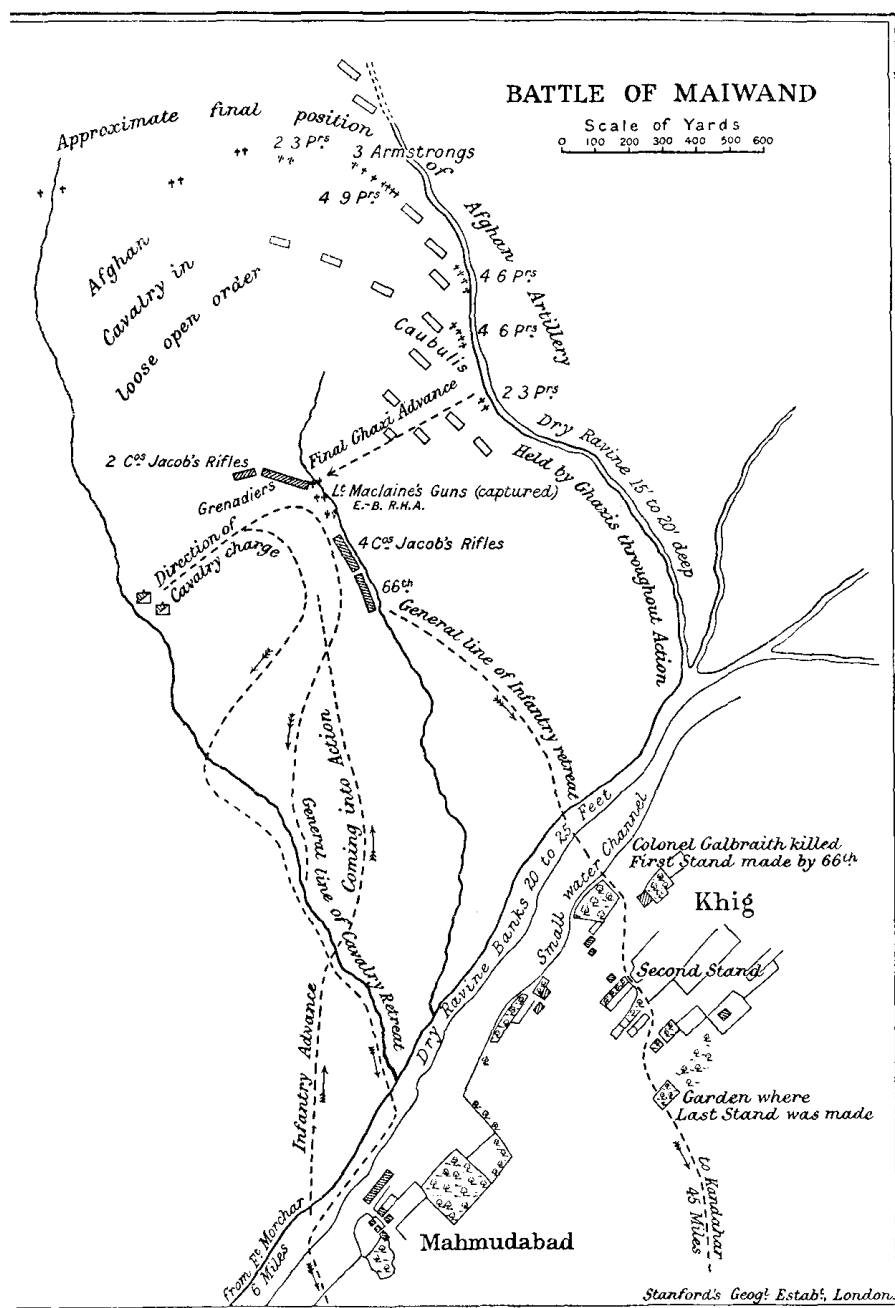
Тот факт, что мы поддержали сирдара по имени Шер Али в Кандахаре, казалось, подорвал его авторитет среди соплеменников в этом квартале. Всякая надежда на сохранение его правления исчезла, когда пришло известие, что Аюб-хан, младший брат депортированного Якуба, выступает со стороны Герата, чтобы претендовать на корону. Новый претендент уже заручился поддержкой нескольких афганских вождей в окрестностях Герата и теперь провозгласил джихад, или священную войну, против неверных, удерживающих Кабул. С отрядом в 7500 человек и 10 орудиями он покинул Герат 15 июня и двинулся к реке Гильменд, собрав вокруг себя множество соплеменников и гази^[321].

Чтобы разорвать это сгущающееся облако войны, индийское правительство приказало генералу Примроузу, командовавшему британским гарнизоном в Кандахаре, направить бригаду в Гильменд. Соответственно, бригадный генерал Берроуз с 2300 британскими и индийскими военнослужащими выступил из Кандахара 11 июля. По другую сторону Гильменда располагались афганские силы, действующие в интересах Великобритании, посланные туда сирдаром Шер Али. Два дня спустя все местные силы взбунтовались и двинулись маршем в сторону Айюб-хана. Берроуз быстро погнался за ними, захватил их шесть орудий и рассеял мятежников с потерями.

Несмотря на это, его положение было крайне серьезным. Перед ним, на небольшом расстоянии, были намного превосходящие силы, разгоряченные фанатизмом и надеждой на легкую победу; река Гильменд почти не защищала, если вообще защищала, поскольку в то время года ее везде можно было перейти вброд; позади него простиралась двадцать пять миль раскаленной пустыни. Быстрым отступлением через эту засушливую зону к Хушк-и-Нахуду Берроуз предотвратил неминуемую катастрофу, но его беспокойство по поводу выполнения телеграфных приказов главнокомандующего и предотвращения подхода войск Аюба к Газни привело его к предпрятию, которое оказалось далеко за пределами его сил.

Услышав, что 2000 вражеских всадников и большое количество гази поспешили вперед, опережая основные силы, к Майванду, он решил атаковать их там. В 6.30 утра 27 июля он снялся с лагеря и двинулся вперед со своим небольшим отрядом из 2599 бойцов. Отвага творила чудеса в войне с индейцами, но редко какой британский командующий брался за столь опасное дело, как то, к которому Берроуз приложил руку в то утро.

Во время своего марша он услышал от шпиона известие о том, что основные силы афганцев вот-вот присоединятся к их авангарду; но, либо потому, что он не доверял этим новостям, либо надеялся даже в последний момент "вырвать цветок безопасности из крапивы опасности", он продолжил движение и попытался прорваться через линию наступления противника, направлявшегося к Майванду. Около 10 часов утра его колонна миновала деревню Хиг и, перейдя пересохший ручей, вступила на выжженную равнину, на которой сквозь густой и знойный воздух смутно виднелись передовые позиции противника. Полагая, что ему не придется иметь дело с большим отрядом людей, Берроуз двинулся дальше, и два орудия лейтенанта Маклейна начали обстреливать их разрозненные группы. Подобно разъяренным осам, гази ринулись друг на друга, словно для атаки, и в поле зрения появились ряды афганских регулярных войск. Обманчивая дымка выдала свой секрет. Бригада Берроуза стояла лицом к лицу с 15 000 афганцами. Более того,

Битва при Майване.

какое-то пагубное для Англии влияние удержало этих азиатов от их обычно безрассудной атаки. Их орудия поднялись и открыли огонь по линии Берроуза. Даже дрожащие от страха белые группы своих гази воздержались от атаки с заточенными ножами, но держались за овраг, который обеспечивал хорошее прикрытие в 500 ярдах от британского фронта и правого фланга; там афганские регулярные войска прорвали незащищенную линию хаки, в то время как их пушки, теперь насчитывавшие тридцать орудий, вели огонь, на который двенадцать орудий Маклейна не могли дать адекватного ответа.

[Иллюстрация: Битва при Майване]

Военными критиками было заявлено, что Берроуз допустил ошибку, позволив с самого начала вести бой артиллерии, в которой он был явно слабее. Некоторые из его орудий были выведены из строя, и на этой открытой равнине не было укрытия ни для линии фронта, ни для резервов, ни для поддерживающей кавалерии. Все они понесли тяжелые потери из-за необычайно точного прицеливания афганских артиллеристов. Но враг также пострадал под нашей канонадой и ружейным огнем; и это согласуется с традициями индийской войны - предполагать, что решительная атака, предпринятая при первых признаках колебания во вражеской массе, восстановила бы тот день. Плесси и Ассайе были побеждены благодаря чистой смелости. Говорят, что такой шанс представился около полудня в Майванде. Как бы то ни было, Берроуз решил оставаться в обороне, возможно, потому, что вражеские массы были слишком плотными и слишком полными борьбы, чтобы оправдывать применение лихой тактики.

После того, как солнце миновало зенит, противник начал наступать спереди и с флангов. Берроуз взмахнул крыльями, чтобы отразить эти угрожающие движения; но по мере того, как кошачьи и хищнические инстинкты афганцев разгорались все больше и больше при виде слабой, согнутой и неподвижной линии, *моральный дух* защитников падал. Британские и индийские войска были одинаково измотаны долгим маршем и мучительной жаждой в условиях невыносимой жары. Под огнем афганских пушек и фронтальным и фланговым наступлением противника линия фронта начала колебаться около 14 часов дня, и два передовых орудия были потеряны. Местный полк в центре, "Винтовки Джейкоба", бежал в полном замешательстве и распространил беспорядок на фланги, где 1-й бомбейский гренадерский и 66-й линейный полки долгое время вели отчаянный бой. Генерал Наттолл приказал нескольким эскадронам 3-го полка легкой кавалерии и 3-го Синд-конного вернуть орудия и остановить надвигающийся прилив, но их численность была слишком мала для выполнения этой задачи, и атака не была доведена до конца. Наконец вся масса преследуемых покатила к деревне Хиг и ее окрестностям.

Там была предпринята последняя попытка. Полковник Гэлбрейт и около сотни офицеров и рядовых 66-го бросились в садовую ограду, яростно осыпали врага пулями и раз за разом отбивали каждый натиск гази, которые теперь бесчинствовали на этом карнавале смерти. Окруженный потоком наступающих афганцев, маленький отряд продолжал сражаться, потеряв надежду на жизнь, но полный решимости до последнего отстаивать честь своего флага и страны. Наконец их осталось всего одиннадцать. Эти герои решили умереть на открытом месте; бросившись на толпу вокруг, они образовали каре и стояли спина к спине, ведя огонь по врагу. Только когда последний из них пал под ударами афганских винтовок, гази осмелились приблизиться со своими ножами, настолько бесстрашной была осанка этого отряда[322].

Они сражались не напрасно. Их упорное сопротивление сдержало преследование афганцев и дало время беглецам собраться вместе на обратном пути в Кандагар. Если бы преследование продолжалось энергично, немногие, если вообще кто-либо, могли бы выжить. Несмотря на это, Майванд был одним из самых серьезных поражений, когда-либо понесенных нашей индийской армией. Это стоило силам Берроуза почти половины их численности; 934 офицера и рядового были убиты и 175 ранены. Странная диспропорция между этими цифрами может служить показателем свирепости афганцев в час победы. Из числа мирных жителей 790 человек пали от ножей гази. Остатки с трудом продвигались к Кандахару, откуда 28-го генерал Примроуз отправил колонну на помощь измученным выжившим. К наступлению ночи в цитадели этой

крепости собралось целых 4360 человек. Но что это было перед лицом победоносной армии Аюба, к которой теперь присоединились соплеменники, жаждущие мести и грабежа[323]?

Перед лицом этой катастрофы британские генералы на Севере Афганистана приняли решение, заслуживающее похвалы как за свою смелость, так и за свою прозорливость. Они решили немедленно отправить все имеющиеся в наличии войска из Кабула на помощь осажденному гарнизону Кандахара. Генерал сэр Фредерик Робертс передал командование в Кабуле сэру Дональду Стюарту и собирался действовать среди племен на афганской границе, когда известие о катастрофе заставило его поспешить обратно, чтобы посоветоваться с новым главнокомандующим. Вместе они рекомендовали план, названный выше.

Это было сопряжено с серьезными опасностями, поскольку дела на севере Афганистана были неурегулированы, а вывод остальных наших сил из Кабула в Хайбер дал бы повод местному недовольству. Индийские власти в Симле склонялись к отправке из Бомбея сил в Кветте, состоящих из семи полков местных войск. Маршрут, безусловно, был намного проще; поскольку, благодаря труду инженеров, железная дорога из долины Инда в сторону Кветты была достроена на некоторое время раньше Сиби; а труды майора Сэндмена, Брюса и других сохранили этот район в относительном спокойствии[324]. Но войска в Кветте и Пишине были признаны неспособными противостоять превосходящим силам победоносных афганцев. В Кабуле было девять пехотных полков, три кавалерийских и три горные батареи, все британские или отборные индийские части. 3 августа лорд Рипон телеграфировал о своем разрешении на отправку кабульских полевых сил в Кандахар. Это составляло 2835 британцев (72-й и 92-й горцы и 2-й батальон 60-го стрелкового полка и 9-й уланский), 7151 индийский военнослужащий вместе с 18 орудиями. 9 августа он снялся с лагеря и выступил в поход, которому суждено было стать знаменитым.

К счастью, перед тем, как оно покинуло лагерь в Кабуле 9 августа, мистер Гриффин умело договорился с Абдуром Рахманом на условиях, о которых мы сейчас расскажем. Несмотря на один или два подозрительных инцидента, его лояльность делу Великобритании теперь, казалось, была обеспечена, и это тоже, несмотря на протесты многих его сторонников. Поэтому он отправил вперед гонцов, чтобы подготовить путь для отряда Робертса. Они сделали это, сообщив соплеменникам, что новый Амир выводит иностранную армию из страны через Кандахар! Эта приятная выдумка в какой-то мере способствовала продвижению полиции, и ход событий доказал, что она не была слишком большой пародией на правду.

Требовались все возможные средства, чтобы обеспечить победу над физическими препятствиями. Чтобы ускорить марш по труднопроходимой местности между Кабулом и Кандахаром, с войсками не сопровождалась ни колесные орудия, ни повозки. Около 8000 местных носильщиков или погонщиков отправились вместе с отрядом, но очень многие из них дезертировали, и с тех пор 8255 лошадьми, мулами и осликами управляли люди, уволенные из полков. Маршрут марша сначала проходил по плодородной долине реки Логар, где войска и последователи смогли собрать созревающий урожай и жить с комфортом. За полученный таким образом урожай были выплачены деньги. После отъезда из этого плодородного района в бесплодные нагорья вопрос о еде и топливе стал очень серьезным; но он решался благодаря изобретательности и терпению, хотя иногда приходилось сталкиваться с лишениями, как, например, когда для приготовления кукурузы и мяса удавалось найти только очень маленькие корнеплоды. Высокий хребет Замбурак-Котал был преодолен с большим трудом и в условиях

пронизывающего ночного холода; но способности командира, предусмотрительность и организаторская сила его штаба, а также стойкость людей преодолели все испытания и препятствия.

Затем армия достигла более плодородных районов вокруг Газни и 15 августа без сопротивления вошла в эту некогда грозную цитадель. Непрерывный марш привел войска восемь дней спустя к горному форту Келат-и-Гильзай, где их радушно встретил британский гарнизон численностью 900 человек. Сэр Фредерик Робертс решил взять с собой эти войска, поскольку ему требовались все его силы, чтобы справиться с растущей мощью Якуба. После дневного отдыха (вполне заслуженного, учитывая, что войска прошли 225 миль за 14 дней) колонна двинулась в свой последний путь, воодушевленная мыслью о спасении своих товарищей в Кандахаре, но все больше и больше угнетаемая жарой, которая в нижних районах Южного Афганистана такая же жестокая, как и где бы то ни было в мире. Мистер Хенсман, военный корреспондент *Daily News*, охарактеризовал в одной красноречивой фразе главные трудности войск. "Солнце смеялось, презирая 100 ° F в тени". 27-го командир упал с острым приступом лихорадки.

Тем не менее он приказал индийской кавалерии продвигаться к Робату и установить гелиографическую связь с Кандахаром. Затем выяснилось, что подход колонны уже изменил ситуацию. Уже 23 августа Аюб снял осаду и отступил на холмы к северу от города. Это облегчение пришло не слишком скоро, оно наступило утром 31-го, когда слабые возгласы приветствия, которыми спасатели были встречены при въезде в давно осажденный город, поведали печальную историю нужды, болезней и душевной подавленности. Солдаты, которые прошли 313 миль за 22 дня - в среднем 14-1/4 мили в день, - испытывали трепет сочувствия, в некоторых случаях смешанный с отвращением, из-за недостатка духа, слишком явно заметного среди защитников. Британский флаг не поднимали на цитадели, пока спасатели не оказались поблизости^[325]. Генерал Робертс мог бы применить к ним слова Гекубы, сказанные Приаму:

Non tali auxilio, nec defensoribus istis
Tempus eget.

Что касается *морального духа* сил, идущих на выручку, то сейчас он находился в зените, что было видно на следующий день. Сформулировав свои меры таким образом, чтобы побудить Аюба стоять на своем, Робертс спланировал свою атаку способом, который уже привел к успеху, а именно лобовой атакой, более внушительной, чем серьезной, в то время как фланг противника был повернут и его коммуникации находились под угрозой. Эти действия были осуществлены генералами Россом и Бейкером с большим мастерством. Под постоянным давлением британского наступления афганцы отступали с позиции на позицию к северо-западу от Кандахара; пока, наконец, майор Уайт с 92-м полком, поддержанный гуркхами и 23-м пионерным полком, не отбросил их обратно к их последнему хребту, Баба Вали Котал, не ворвался на его западный фланг и в полном замешательстве не отбросил всю вражескую массу на равнину за ним. Из-за очень пересеченной местности немногим британским и индийским всадникам удалось сполна пожать плоды победы; но многие из регулярных войск Аюба и гази пали под их мстительными саблями. Разгромленный отряд не заслуживал пощады. Когда британский триумф был обеспечен, афганский вождь приказал зарезать своего пленного лейтенанта Маклейна; после чего он сам и его свита обратились в бегство. Вся его артиллерия, двадцать семь орудий, включая два британских орудия, потерянных при Майванде, попала в

руки победителя. Фактически, силы Аюба прекратили свое существование; многие из его войск сразу же переоделлись мирными земледельцами, а сам претендент бежал в Герат[326].

Так закончилось предприятие, которое, если бы не проявление высочайших качеств со стороны генерала Робертса, его штаба, офицеров и рядовых, легко могло закончиться непоправимой катастрофой. Это будет видно из следующих соображений. Вопрос о продовольствии и воде во время длительного перехода в это засушливое время года мог вызвать серьезнейшие трудности; но они были решены разумным выбором маршрута вдоль ручьев или вблизи них, где обычно можно было раздобыть воду. Те несколько дней, когда воды было мало или ее вообще не было, показали, что могло произойти. Кроме того, помощь, оказанная эмиссарами Амира среди соплеменников, была малоэффективна после того, как долина Логар осталась позади. Многие племена были настроены враждебно и вырезали оставших и вьючных животных.

Помимо этих повседневных трудностей, существовала проблема с линией отступления, которую следовало избрать в случае контратаки, нанесенной племенами *по пути*. Армия оставила свою операционную базу, поскольку в то же время оставшиеся в Кабуле британские и индийские полки были отведены к Хайберскому перевалу. Правда, силы генерала Файра удерживали Кветту и пытались протянуть руку помощи к Кандагару; но естественные препятствия и отсутствие транспорта препятствовали прибытию помощи с этой стороны. Однако вряд ли правильно говорить, что у Робертса не было гарантированного пути отступления в случае поражения[327]. Перед Кандагаром не следовало ожидать серьезных боевых действий, поскольку афганский инстинкт грабителя, вероятно, удерживал Аюба поближе к этому городу, где гарнизон испытывал сильное давление. После отъезда из Газни маршрут Кветта стал естественным путем выхода на пенсию.

Так получилось, что трудности были в основном вызваны суровой рукой самой Природы; об их серьезности можно судить по тому факту, что из хорошо подготовленного отряда численностью менее 10 000 бойцов в госпиталь в Кандахаре пришлось сразу отправить 940 больных. Палящие дни и морозные ночи афганского нагорья были более смертоносны, чем винтовки Аюба и ножи гази. Как скромно признал лорд Робертс, длительный марш приобрел драматический эффект, потому что на три недели он и его армия были потеряны для всего мира и, внезапно появившись из неизвестности, одержали решающую победу. Но, принимая во внимание этот элемент живописности, столь необычный в эпоху, когда ежедневный гул телеграмм притупляет восприятие читателей, мы все же можем утверждать, что марш из Кабула в Кандахар выдержит сравнение с любым подобным достижением в современной истории.

История британских отношений с Афганистаном иллюстрирует бесконечную способность нашей расы "пробиваться" к какому-либо более или менее удовлетворительному урегулированию. Особенно это было актуально весной и летом 1880 года, когда приход к власти мистера Гладстона и катастрофа при Майване изменили дипломатическую и военную ситуацию. В каком-то смысле, и это не загадочно, эти события дополняли друг друга. Они сделали неизбежной всю эвакуацию Афганистана. Вряд ли нужно говорить, что такова была политика мистера Гладстона, министра по делам Индии лорда Хартингтона (ныне герцога Девонширского) и лорда Рипона.

В одном обе стороны были согласны. События показали, насколько нежелательно удерживать Кабул и Центральный Афганистан. Эвакуация всех этих районов была определена в последнем официальном Меморандуме лорда Литтона, который он подписал 7 июня 1880 года, как неизбежная, как только политические договоренности в Кабуле будут должным образом урегулированы. Уходящий в отставку вице-король, однако, заявил, что, по его мнению, вся провинция Кандахар должна быть отделена от власти Кабула, независимо от того, согласился на это Абдур Рахман или нет[328]. Очевидно, это подразумевало подчинение Кандахара британскому правлению в той или иной форме. Сам генерал Робертс решительно выступал за сохранение этого города и района; то же самое делало большинство военных. Лорд Уолсли, с другой стороны, настаивал на том, что это создало бы нежелательную нагрузку на ресурсы Индии и что город можно было бы легко занять с позиции Кветты, если бы русские когда-нибудь продвинулись к Герату. Кабинет министров твердо придерживался этого мнения. Выразители идей вигов, лорд Хартингтон и герцог Аргайлл, соглашались в этом с выразителями мирного неимперского коммерциализма, мистером Брайтом и мистером Чемберленом. Следовательно, последние британские войска были выведены из Кандахара 15 апреля 1881 года.

Внешне отставка была более серьезной, чем на самом деле. Война принесла некоторые существенные выгоды. Новая граница, приобретенная по Гандамакскому мирному договору - а условия этого соглашения были практически недействительны до тех пор, пока победа Робертса при Кандахаре не вернула им тело и жизнь, - предоставляла достаточно средств для легкой переброски войск в окрестности Кабула, Газни и Кандахара; и опыт показывал, что войска, размещенные на горных станциях на границе, сохраняли свой боевой дух гораздо лучше, чем войска, расквартированные в только что названных нездоровых городах или поблизости от них. Афганцы также получили наглядный урок опасности и тщетности опоры на Россию; и к этому факту следует отнести устойчивую приверженность нового Эмира британской стороне.

Более того, успех его правления во многом зависел от нашей эвакуации с его земель. Опыт показал, что практически независимый и единый Афганистан является лучшим барьером для российского наступления, чем Афганистан, раздираемый фанатичной враждой, возникающей во время иностранной оккупации. Наконец, самой большой потребностью Индии после длительного голода была экономика. Процветающей и довольной Индии можно было доверять в отражении ударов любой армии, которую могла послать Россия; обанкротившаяся Индия стала бы рассадником раздоров и мятежей; и на эти павшие державы Скобелев рассчитывал как на своих самых грозных союзников[329].

Оставалось выяснить, сможет ли Абдур Рахман завоевать Кандахар и Герат и, выиграв их, удержать. Поначалу Удача улыбнулась его сопернику, Аюбу. Этот претендент направил войска из Герата на юг против войск Амира, разбил их и захватил Кандахар (июль 1881 г.). Но Абдур Рахман научился презирать переменчивую богиню. С большим войском он двинулся к этому городу, перекупил часть сторонников Аюба, а затем наголову разбил остальных. Это поражение стало концом карьеры Аюба. Вернувшись в Герат, он обнаружил его в руках сторонников Эмира и был вынужден искать убежища в Персии. Оба этих успеха, по-видимому, были достигнуты благодаря субсидиям, которые новый Ameer получил от Индии[330].

Здесь мы можем сослаться на последнюю сцену, в которой Аюб играл роль перед англичанами. Потерпев крах в Персии, он в конце концов удалился в Индию. Позже он появился в качестве пенсионера, получающего милость от этого правительства, на смотре, проведенном в Равал Пинди в Пенджабе в честь визита Его Королевского Высочества принца Виктора. Принц, узнав о его присутствии, подъехал к своему экипажу и отдал честь павшему сирдару. Этот инцидент глубоко тронул присутствовавших афганцев. Один из них сказал: "Это был благородный поступок. Это показывает, что вы, англичане, достойны быть правителями этой земли[331]."

Афганцы привыкли видеть побежденных раздавленными и презираемыми завоевателем. Поэтому они не возмущались жестокими методами, к которым прибегал Абдур Рахман для укрепления своей власти. В его безжалостной хватке афганские племена вскоре обрели нечто вроде стабильности. Конечно, лорд Литтон никогда не делал более мудрого выбора, чем выбор Абдура Рахмана на пост президента; и, как ни странно, этот выбор устранил зло, которое вице-король предсказывал как неизбежное в результате вывода британских войск из Кандагара[332]. Сравнивая действия Великобритании по отношению к себе с действиями России по отношению к Шер Али в последние дни его жизни, новый эмир едва ли мог колебаться в своем выборе союза. И хотя он держал индийское правительство на расстоянии вытянутой руки, в глубине души он никогда не колебался.

Ибо тем временем Россия возобновила свое продвижение на юг, приступив к работе с упорством, которое она обычно проявляет, мстя за оскорбления и подавляя сопротивление. Скудость казны, заговоры нигилистов и недовольство всего народа после бесславной борьбы с Турцией заставили бы любое другое правительство проводить политику покоя и экономии. Для чопорной бюрократии Санкт-Петербурга это было очень много мотивов для проведения передовой политики в Азии. Завоевания туркменской территории принесли бы богатство, по крайней мере, бюрократам и генералам; и можно было бы рассчитывать, что военные победы поднимут дух войск, заставят замолчать разговоры о казнокрадстве во время турецкой кампании и будут действовать в манере, столь пронизательно указанной Генрихом IV. принцу Хэлу:

Поэтому, мой Гарри,
Будь в твоём обычае занимать легкомысленные умы
иностранными ссорами, это действие, подтвержденное таким образом,
Может стереть память о былых днях.

Осенью 1878 года генерал Ломакин провел неудачную кампанию против туркмен-текке и в конце концов с большими потерями отступил к Красноводску, своей оперативной базе на Каспийском море. Летом 1879 года из этого порта отправилась другая экспедиция, чтобы отомстить за поражение. Из-за смерти начальника Ломакин снова вступил в командование. Его плохое расположение духа в кульминационный момент кампании привело его к более серьезной катастрофе. Подойдя к крепости Денгил-Тепе, недалеко от города Геок-Тепе, он повел всего 1400 человек, или менее половины своих сил, на бомбардировку и штурм крепости, удерживаемой примерно 15 000 туркменами и укрепленной по плану, предложенному британским офицером, лейтенантом Батлером[333]. Предваряя свою атаку убийственной канонадой, он послал свою кавалерию остановить бегство малодушных из гарнизона; и, прежде чем его пушки полностью выполнили свою работу, он приказал всей линии наступать и

брать стены штурмом. Сразу же огонь туркмен удвоился в силе, прорвал фронт каждой атакующей стороны и, наконец, отбросил нападавших отовсюду с большими потерями (9 сентября 1879 г.). На следующее утро захватчики отступили к реке Атрек, а оттуда пробрались обратно в Каспий через тяжелые проливы[334].

Следующий год стал свидетелем появления на сцене великого солдата. Скобелев, буревестник русской жизни, человек, чье гигантское тело было одушевлено душой героя, который, будучи сброшен с лошади в схватке на одном из смертоносных редутов Плевны, неустрашимо поднялся на ноги, взмахнул в воздухе сломанным мечом и выкрикнул врагу вызов, который заставил его сломанные ряды ринуться в последнюю безумную атаку через вал, - Скобелев был рядом. Он снискал свои первые лавры в Хиве и Коканде, а теперь прибыл на берега Каспия, чтобы нести знамена, которые надеялся однажды водрузить на стенах Дели. О том, что он лелеял эту надежду, свидетельствует Меморандум, который можно найти в Приложении к этому тому. Его заявление мистеру Чарльзу Марвину о каких-либо подобных намерениях (которое также можно найти там) показывает, что под его откровенной внешностью скрывалась восточная двуличность, столь часто встречающаяся среди его соотечественников в политической жизни.

На операциях сразу же почувствовалось влияние его активной, жизнерадостной и командирской личности. Материалы для строительства железной дороги, которые лежали неиспользованными в Бендерах, теперь были доставлены; и Россия нашла деньги, чтобы приступить к строительству железной дороги из Михайловска в страну текке туркмен - предприятию, которому было суждено полностью изменить условия ведения войны в Южном Туркестане и на афганской границе. К концу года было примерно проложено более сорока миль, и Скобелев был готов к своему последнему наступлению от Кизил-Арвата к Денгил-Тепе.

Тем временем теккеи получили подкрепление от своих соплеменников в Мервском оазисе и собрали - по слухам - около 40 000 человек в своей крепости. Тем не менее, они не оказали серьезного сопротивления русскому наступлению, несомненно, потому, что надеялись увеличить трудности его отступления после отпора, который они решили нанести своей крепости на холме. Но Скобелев превосходил Ломакина в мастерстве не меньше, чем в доблести и магнетическом влиянии. Он продолжал продвигать свои траншеи к крепости, так что 23 января 1881 года его людям удалось заложить 2600 фунтов пороха под юго-восточный угол вала. Рано утром следующего дня русские начали штурм; и в то время как пушки и реактивные снаряды сеяли смерть и смятение среди плохо вооруженных защитников, мощный взрыв разрушил пятьдесят ярдов их укрепления.

Сразу же русские линии двинулись вперед, чтобы закончить работу, начатую с помощью пороха. Под звуки боевой музыки и громкие приветствия они атаковали все еще грозные стены. Молодой офицер, полковник Куропаткин, с тех пор снискавший дурную славу в других странах, был готов с двенадцатью ротами ринуться в прорыв. Их передовые отряды взобрались на нее прежде, чем теккеи полностью оправились от удара, нанесенного рукой западной науки; но затем храбрые кочевники приблизились к врагам, с которыми они могли сражаться, и остановили штурмующий отряд. Скобелев был готов к чрезвычайной ситуации. Верный своей плевненской тактике постоянного подкрепления атаки в критический момент новыми войсками, он бросил вперед два линейных батальона и роты спешенных казаков. Они ринулись в атаку, прорубили себе путь через все препятствия и вскоре встретились с меньшими штурмующими

отрядами, которые проникли в другие пункты. К часу дня русский штандарт победоносно развеивался на центральном холме крепости, и с тех пор отряды текке начали стекаться в пустыню на дальней стороне.

Теперь Скобелев преподавал своим врагам суровый урок, который, как он утверждал, в конечном итоге оказался самым милосердным. Он приказал своим людям, как конным, так и пешим, преследовать беглецов и никого не щадить. Приказ был беспощадно выполнен. Сначала град картечи из легких орудий, затем штык и, наконец, казацкая пика усеяли равнину трупами мужчин, женщин и детей; только с наступлением темноты бою был положен конец, а затем пустыня на одиннадцать миль к востоку от Денгиль-Тепе стала свидетелем основательности московитских методов ведения войны. Все мужчины в крепости были преданы мечу. Сам Скобелев оценивал число убитых в 20 000 человек[335]. Добыча стоимостью 600 000 фунтов стерлингов выпала на долю победителей. С того ужасного дня некогда хищные племена текке не доставляли особых хлопот. Скобелев послал свою правую руку, Куропаткина, занять Аскабад и произвести разведку в направлении Мерва. Но эти шаги были остановлены по приказу царя.

Любопытный инцидент, рассказанный лорду Керзону, иллюстрирует ужас, в котором с тех пор пребывали российские войска. Пять лет спустя, на открытии железной дороги в Аскабад, заиграли российские военные оркестры. Тут же присутствующие женщины и дети подняли крики ужаса, в то время как мужчины бросились на землю. Они вообразили, что музыка была сигналом к еще одному нападению, подобному тому, которое предшествовало захвату их бывшего оплота[336].

Эта победа оказалась последней в карьере Скобелева. Правительство, использовавшее своего странствующего рыцаря, теперь отложило его в сторону как слишком непослушного и амбициозного для своего поста. К его большому отвращению, его отозвали. Он прожил недолго. По малоизвестным причинам, среди которых, как говорят, свою роль сыграл период быстрого образа жизни, он скоропостижно скончался от сердечной недостаточности в своей резиденции под Москвой (7 июля 1882 года). Кое-кто нашептывал мрачные вещи о том, что его воинственные замыслы не понравились новому царю Александру III; другие многозначительно указывали на Бисмарка. Другие снова заговорили о Судьбе; но лучшим комментарием к смерти Скобелева, по-видимому, было бы просветляющее высказывание Новалиса: "Характер - это судьба". Любовь к славе пробудила в нем желание однажды помериться силами с лордом Робертсом в Пенджабе; но более грубая натура привела его на землю в возрасте тридцати девяти лет.

Восшествие на престол Александра III после убийства его отца 13 марта 1881 года обещало на короткое время проведение более мирной политики; но, по правде говоря, это была последняя важная дипломатическая гарантия правления Александра II. Это было передано министром М. де Жиром лорду Дафферину относительно решимости России не оккупировать Мерв. "Мы не только не хотим туда идти, но, к счастью, нет ничего, что могло бы потребовать от нас туда идти".

Несмотря на аналогичное заверение, данное 5 апреля российскому послу в Лондоне, вскоре возникла как необходимость, так и желание. Московские агенты пробрались в плодородный оазис Мерв; и отважный солдат Алиханов под видом купеческого приказчика проследовал туда в начале 1882 года, умело распределил деньги для подготовки русского отряда и тайно набросал план крепости. Многие вожди и торговцы яростно выступали против России, поскольку наш блестящий и предприимчивый соотечественник О'Донован, находясь там в

плону, стремился открыть им глаза на надвигающуюся опасность. Но влияние Англии упало до нуля после победы Скобелева и ее собственного ухода из Кандагара[337].

В 1882 году русский инженер Лессар под видом научного исследователя обследовал маршрут между Мервом и Гератом и обнаружил, что он представляет гораздо меньше трудностей, чем сообщалось ранее[338]. Наконец, в 1884 году царское правительство попыталось отомстить за продолжающуюся британскую оккупацию Египта, спровоцировав беспорядки вблизи афганской границы. Затем Алиханов появился снова, уже не маскируясь, запугал враждебных вождей в Мерве угрозами русского вторжения и, наконец, побудил их принести присягу на верность Александру III. (12 февраля 1884 г.)[339].

Однако была какая-то причина для нарушения Россией своих неоднократных обещаний в отношении Мерва. В практической политике теория компенсации давно завоевала надежную опору; и, видя, что Британия оккупировала Египет частично в качестве мандата Европы, а теперь отказалась эвакуировать эту землю, у российского правительства появился хороший предлог для ответных мер. Как это случалось во все периоды напряженности между двумя империями с 1855 года, царь решил поставить в неловкое положение Островную державу, двинувшись в сторону Индии. На самом деле, чем большее давление оказывала Россия на афганской границе, тем сильнее становилась решимость Англии не уходить из Египта. Следовательно, в 1882-1884 годах обе державы еще глубже погрузились в тот "порочный круг", в который их заключила политика Крымской войны и из которого они так и не освободились.

Факт прискорбный. Это вызвало бесконечные трения и истощило ресурсы двух великих империй; но утверждение о вероломстве России в мервском деле можно оставить тем, кто смотрит на факты исключительно с островной точки зрения. В глазах патристически настроенных русских Англия была преступником, во-первых, тем, что из всех сил сопротивлялась политике Москвы на Балканах, во-вторых, захватив Египет, и, в-третьих, отказавшись уйти со своей господствующей позиции. Важно отметить тот факт, что после каждой из этих провокаций Россия стремилась отомстить на том фланге Британской империи, куда ее вели ее собственные верные инстинкты и вопли островных Кассандр. Двинув несколько сотен казаков к Герату, она вынудила своего соперника потратить в сто раз больше на военные приготовления в Индии.

Нельзя отрицать, что постоянное нарушение Россией своих обещаний в азиатских делах привело общественное мнение в ярость и поставило две империи на грань войны. Поведение, подобное описанию, ставит в тупик дипломатические ресурсы, предназначенные для урегулирования споров. К сожалению, иностранные дела Великобритании находились в руках лорда Грэнвилла, чьи мягкие упреки только пробудили презрение в Санкт-Петербурге. Недавний отъезд лорда Дафферина из Санкт-Петербурга в Константинополь под предлогом плохого состояния здоровья также был несчастьем; но его назначение в вице-королевство Индии (сентябрь 1884 г.) поставило в Калькутте генерал-губернатора, превосходящего лорда Рипона по дипломатическому опыту.

Как в Вестминстере, так и в Калькутте было необходимо проявить все свои способности и твердость. Кульминация российской политики уколов копьём была достигнута в следующем году; и было высказано предположение, по-видимому, основанное на достоверных данных, что

взаимопонимание, достигнутое тремя императорами на их встрече в Скерневице (сентябрь 1884 г.), подразумевало молчаливое поощрение замыслов России в Центральной Азии, как бы сильно они ни сдерживались на Балканском полуострове. Это, безусловно, было целью Бисмарка, и то, что он много знал о передвижениях русских, ясно из его слов Бушу 24 ноября 1884 года: "Просто внимательно следите за новостями из Афганистана. Скоро там что-то произойдет[340]."

Это было явно больше, чем предположение. В то время была назначена англо-российская пограничная комиссия для урегулирования многих спорных вопросов, касающихся делимитации российско-афганской границы. Генерал сэр Питер Ламсден направился в Саррахс, ожидая там встречи с российскими комиссарами, назначенной на середину октября 1884 года. Под различными предлогами работа Комиссии откладывалась в соответствии с рекомендациями, присланными из Санкт-Петербурга. Цель этой политики промедления вскоре стала очевидной. Это было время, когда (как будет показано в главе XVI) британская экспедиция медленно продвигалась к Хартуму в попытке распутать паутину судьбы, в то время окружавшую доблестного Гордона. Весть о его гибели достигла Англии 5 февраля 1885 года. Именно тогда Россия раскрыла свои замыслы. Они включали присвоение города и района Панджде, которые она самаранее признала находящимися на афганской территории. Напрасно протестовал лорд Грэнвилл; напрасно он выдвигал предложения, которые уступали царю очень многое, но меньше того, чего хотели добиться его министры. Все, чего он смог добиться, - это обещания, что русские не будут продвигаться дальше в ходе переговоров.

13 марта г-н Гладстон официально объявил, что соглашение на этот счет было достигнуто с Россией. Министр иностранных дел в Санкт-Петербурге М. де Гирс 16 марта заверил нашего посла сэра Эдварда Торнтона, что это заявление было правильным. Однако 26 марта легкие войска генерала Комарова продвинулись за ранее согласованную демаркационную линию и на следующий день прорвались мимо афганских сил, удерживавших позиции перед Пандждехом. Афганцы отказались ввязываться в бой, но удержали свои позиции; после этого 29 марта Комаров направил им ультиматум, приказывающий им отступить за пределы Пандждеха. Британский штабной офицер попросил его пересмотреть и отозвать это требование, но от него самого отказались. Наконец, 30 марта Комаров атаковал афганские позиции и выбил защитников, потеряв 900 человек. Оставшиеся в живых отступили к Герату, генерал Ламсден и его эскорт отступили в том же направлении, и Россия завладела желанным призом[341].

Весть об этом безобразии достигла Англии 7 апреля и вызвала трепет негодования в сердцах самых мирных людей. Двадцать дней спустя мистер Гладстон предложил парламенту проголосовать за выделение суммы в 11 000 000 фунтов стерлингов на подготовку к войне. Из этой суммы все, кроме 4 500 000 фунтов стерлингов (необходимых для Судана), было потрачено на военные и военно-морские приготовления против России; и у нас есть авторитет мистера Джона Морли, заявившего, что это голосование было поддержано либералами "с гораздо большей, чем механическая лояльность".[342]. "Россия добила невозможного; она объединила против себя либералов всех оттенков мысли, и шутка о том, что либералы "Мервуозности" больше не было слышно.

Тем не менее твердость правительства напоминала твердость Боба Эйкрса: вскоре она иссякла. Министры прислушались к гневному заявлению царя о том, что он не допустит никакого

расследования действий генерала Комарова. Само по себе это было самым пагубным прецедентом, поскольку имело тенденцию вселять в российских офицеров веру в то, что они могут безопасно нарушать нормы международного права. Еще хуже были знаки благосклонности, которыми осыпал нарушителя перемирия государь, снискавший репутацию сторонника мира. Из всего, что полуофициально известно об остром кризисе весны 1885 года, складывается впечатление, что мир был достигнут исключительно благодаря такту сэра Роберта Морье, нашего посла в Санкт-Петербурге, и сговорчивости кабинета Гладстона.

Безусловно, это качество очень далеко продвинуло министров по пути уступок. Когда переговоры были возобновлены, британское правительство опровергло свои прежние обещания о твердости в вопросе, который тесно касался нашего союзника, и передало Панджде России, но при том понимании, что перевал Зульфикар должен быть сохранен афганцами. Следует, однако, отметить, что Абдур Рахман уже заверил лорда Дафферина во время бесед, которые они провели в Равал-Пинди в начале апреля, в своей готовности оставить Пандждех, если он сможет удержать этот перевал и подходы к нему. Российское правительство признало этот пункт, но затем их переговорщики приступили к работе по закреплению за собой высот, господствующих над перевалом. Казалось, что лорд Грэнвилл был открыт для осуждения даже по этому вопросу.

Таково было положение дел, когда 9 июня 1885 года министерство мистера Гладстона ушло в отставку из-за поражения по бюджетному вопросу. Приход к власти лорда Солсбери после короткого перерыва помог прояснить эти споры. Кризис в Болгарии в сентябре 1885 года (см. Главу X.) также послужил отвлечению внимания российского правительства, главным занятием царя теперь было отомстить принцу Александру Баттенбергскому. Следовательно, две державы пришли к компромиссу по[343]. Все еще оставалось несколько нерешенных вопросов, и только после долгих и кропотливых изысканий, сопровождавшихся спорами, нынешняя граница была согласована в Протоколе, подписанном 22 июля 1887 года. Здесь мы можем сослаться на пророчество, сделанное одним из *доверенных лиц* Бисмарка, Бухером, в конце мая 1885 года: "Я полагаю, что [афганский] вопрос возникнет снова примерно через пять лет, когда [русские] железные дороги будут достроены[344]."

Таким образом, Россия закрепила свою власть в районах, находящихся в опасной близости от Герата. Ее методы в Панджде можно охарактеризовать только как преднамеренное нарушение международного права. Ясно, что Александр III. и его чиновники не заботились об общественном мнении Европы, и что они настаивали на своих требованиях средствами, которые с непреодолимой силой апеллировали к доминирующему мотиву жителей Востока - страху. Но их действия основывались на другом соображении. Опираясь на хорошо известное миролюбие мистера Гладстона, они стремились унижить британское правительство в глазах азиатских народов. В какой-то мере им это удалось. С тех пор престиж Британии померк перед престижем царя; а легкость и решительность русских завоеваний, контрастирующие с порывистыми наступлениями и быстрым выводом британских войск, распространили в Центральной Азии ощущение, что будущее принадлежит России.

К счастью, Абдур Рахман рассматривал инцидент не в таком свете. Он был не из тех, кто поддается запугиванию. Это "странное, сильное существо", как назвал его лорд Дафферин, "проявило меньше эмоций, чем можно было ожидать", но его негодование против России от

этого не стало менее острым[345]. Ее давление только подтолкнуло его к более тесному союзу с Великобританией. Очевидно, русские неправильно поняли Абдурахмана. Их просчет был столь же велик в отношении характера афганцев и условий жизни среди этих горных кланов. Российские офицеры и администраторы, с легкостью пробравшиеся сквозь рыхлые завалы племен, составляющих Туркестан, не понимали, что в Афганистане им пришлось иметь дело с совсем другими людьми. Жестокое обращение с племенами, живущими в пустыне и не имеющими естественного места сбора, может быть очень эффективным; но такая политика рискованна, когда применяется к племенам, которые цепляются за свои горы.

Аналогия Афганистана со Швейцарией может снова послужить иллюстрацией разницы между горцами и жителями равнин. Только когда габсбурги или французы угрожали швейцарцам, они создавали сколько-нибудь эффективный союз для защиты Отечества. Вечно враждующие в мирное время кантоны объединялись только под давлением общей опасности. Чем сильнее было давление извне, тем теснее был союз. Эта истина была проиллюстрирована несколько раз, начиная с эпохи легендарного Телля и заканчивая славными усилиями 1798 года. Одним словом, те же самые горцы, которые живут разобщенно в мирное время, объединяются и действуют тесно сообща на войне или под угрозой войны.

Соответственно, действия Англии по выводу войск из Кандагара, контрастирующие с действиями России в Панджде, обозначили линию истинной политики Абдур Рахмана. С тех пор он и его соплеменники яснее, чем когда-либо, увидели, что Россия - враг; и примечательно, что под сенью северной угрозы среди этих мятежных кланов выросло чувство единства, которого они никогда прежде не знали. Россия бессознательно играла роль Наполеона I. Она объединила по крайней мере некоторые народы Центральной Азии с основательностью, которая может привести к неожиданным результатам, если когда-либо события будут благоприятствовать всеобщему восстанию против завоевателя.

Несмотря на все его кажущиеся колебания в политике, Абдур-Рахманом руководила мысль о том, чтобы удержать Англию, а тем более Россию, от проникновения на его территорию. Он категорически отказывался допускать железные дороги и телеграф на свою территорию; ибо, как он сказал: "Там, где европейцы строят железные дороги, их армии быстро следуют за ними. Все мои соседи были поглощены таким образом. У меня нет ни малейшего желания постигнуть их участь".

Его суждение было здравым. Скобелев покорил текеев с помощью своей железной дороги; и овладение Мервом и Панджде было на самом деле результатом строительства новой транскаспийской линии, которая, как указал лорд Керзон, полностью изменила проблему обороны Индии. Раньше естественным направлением наступления России было направление из Оренбурга в Ташкент и верхний Оксус; и даже сейчас эта железная дорога позволила бы ей совершить мощный отвлекающий маневр против Северного Афганистана[346]. Но маршрут из Красноводска на Каспии в Мерв и Кушк представляет собой более короткий и гораздо более легкий маршрут, ведущий, к тому же, на открытую сторону Афганистана, в Герат и Кандахар. Недавние эксперименты показали, что дивизия войск может быть переброшена за восемь дней из Москвы в Кушк на небольшом расстоянии от афганской границы. Одним словом, Россия может действовать против Афганистана по линии (или, скорее, по двум линиям), гораздо более

короткой и простой, чем любая из тех, которые Великобритания может использовать для своей обороны[347].

Поэтому крайне важно не допустить, чтобы она двинулась по своим железным дорогам в эту страну. Это соображение вдохновило мистера Бальфура на примечательное заявление от 11 мая 1905 года в Палате общин:

Поскольку транспорт представляет большую трудность для армии вторжения, мы не должны допускать, чтобы делалось что-либо, что могло бы облегчить транспортировку. На мой взгляд, любая попытка построить железную дорогу, связанную с российскими стратегическими железными дорогами, на территории Афганистана должна рассматриваться как акт прямой агрессии против этой страны.

Совершенно очевидно, что нынешний эмир Хабибулла, сменивший своего отца в 1901 году, придерживается этих взглядов. Несомненно, это было причиной, по которой в начале 1905 года он предпринял беспрецедентный шаг, *пригласив* индийское правительство направить Миссию в Кабул. Ввиду увеличения железных дорог России в Центральной Азии возникла большая, чем когда-либо, необходимость в тайном соглашении с целью защиты от этой Державы.

Наконец, мы можем отметить, что Великобритания очень много сделала для того, чтобы компенсировать свои естественные недостатки положения. Дело Пандждеха низвело политику "виртуозного бездействия" до уровня благожелательной бесполезности, и материалы для железной дороги Кветта, которые в значительной части были отправлены обратно в Бомбей в 1881 году, теперь были возвращены обратно; и был проложен альтернативный маршрут в Кветту. Настоятельная необходимость пресечь французские интриги в Бирме привела к аннексии этой земли (ноябрь 1885 г.); и долина Куррам, господствующая над Кабулом, которую покинуло правительство Гладстона, была вновь оккупирована. Округ Кветта был присоединен к Индии в 1887 году под названием Британский Белуджистан. В 1891 году перед Кветтой была проведена важная работа: затем туннель Ходжак был проложен через горный хребет недалеко от афганской границы, а неподалеку был построен укрепленный лагерь для хранения оружия и припасов. Эти позиции и общая власть, которую Британия удерживает над кланами белуджей, позволяют защитникам Индии угрожать с фланга любому наступлению по практически возможному маршруту от Кандахара до Инда.

Безусловно, есть все основания для тщательной подготовки к любому подобному предприятию. Лорд Керзон, писавший до завершения строительства стратегических железных дорог в России, считал возможным для России быстро перебросить 150 000 человек в Афганистан, накормить их там и отправить 90 000 из них против Инда[348]. После оптимистичного изложения проблемы обороны Индии, данного мистером Бальфуrom в упомянутой выше речи, хорошо бы помнить, что, хотя Россия не может вторгнуться в Индию, пока не завоюет Афганистан, все же для этого предварительного начинания у нее есть преимущества во времени и положении, которые почти полностью на ее стороне. Кроме того, завершение строительства ее железных дорог почти до афганской границы (ташкентская железная дорога вот-вот будет проложена до северного берега Оксуса, недалеко от Балха) сводит к минимуму трудности с поставками продовольствия и транспортом в Афганистане, на которые премьер-министр делал такой упор.

Однако бесспорно, что безопасность Индии значительно укрепилась благодаря неуклонному проведению этой "Передовой политики", которую все друзья мира обычно осуждали. Эмир

Абдур Рахман, раздраженный строительством туннеля Ходжак, был успокоен миссией сэра Мортимера Дюранда в 1893 году; и в обмен на увеличение субсидий и другие преимущества он согласился, что племена спорной пограничной территории - вазири, африди, а также племена долин Сват и Читрал - должны находиться под контролем вице-короля. Россия продемонстрировала свое раздражение этой миссией, попытавшись захватить афганский город Мургаб; но войска Амира отбили их[349]. Лорд Лэнсдаун утверждал, что это право постоянного контроля над очень беспокойными племенами положит конец дням бесполезных "карательных экспедиций". В основном он был прав. Мир и безопасность на границе зависят от такта, с которым несколько десятков офицеров выполняют сложную работу, о которой никто никогда не слышит[350].

Почти во всех случаях они преуспевали в своем героическом труде. Но работа по умиротворению была нарушена в 1895 году восстанием в долине Читрал, которое отрезало в форте Читрал небольшой отряд сикхов и лояльных кашмирских войск с их британскими офицерами. Освободительные колонны из долины Сват и Гилгита пробивались сквозь толпы горцев и освободили маленький гарнизон после сорокапятидневного изматывающего противостояния с лигой[351]. Раздражение, проявленное русскими офицерами в связи с успехом экспедиции и удержанием всего округа Читрал (размером с Уэльс), наводит на предположение, что они не были новичками в первоначальной вспышке. В этом году Россия и Англия разграничили свои границы на Памире.

В 1897 году все горные племена к западу и югу от Пешавара восстали против британского владычества. Говорят, что причиной взрыва стал мусульманский фанатизм, разожженный победами султана над греками, хотя критики правительства Калькутты приписывают это официальной глупости[352]. С истинно римской твердостью британское правительство подавило восстания, захват "веселыми гордонами" даргайских высот показал стойким горцам, что они не могут сравниться с нашими лучшими войсками. С тех пор "Политика продвижения вперед" полностью оправдала себя, тысячи отборных солдат были набраны из племен, которые еще недавно были отважными мародерами, готовыми к прорыву вавнины Пенджаба по приказу любого потенциального нарушителя мира в Индии. Таким образом, в данном случае Британия превратила вызывающую беспокойство пограничную полосу в защитный пояс.

Намеревается ли российское правительство в будущем вторгнуться в Индию - это вопрос, на который может ответить только время. Рассматривая ее политику в Центральной Азии со времен Крымской войны, студент должен признать, что она носит отчетливые следы такого замысла. Ее продвижение всегда было наиболее заметным в годы, последовавшие за любым отпором, нанесенным Великобританией, как это произошло после той войны и, что еще более важно, после Берлинского конгресса. Поначалу для объяснения такого прогресса можно было бы привести теорию о том, что цивилизованная держава должна смириться с беспокойными соседями, совершающими набеги; но такая защита совершенно не объясняет циничную агрессию в Пенджабе и благосклонность, проявленную царем к генералу, нарушившему перемирие. Точно так же это не объясняет расширения стратегических железных дорог со времени заключения англо-японского договора 1902 года. Возможно, Россия намеревается лишь оказать на эту ахиллесову пяту Британской империи ужасное, но номинально мирное давление, которое она оказывает на открытые границы Германии и Австрии; и постоянное

обсуждение ее офицерами планов вторжения в Индию может быть совершенно неофициальным. В то же время мы должны помнить, что эта идея долгое время была излюбленной российской бюрократией; и пример 1877-81 годов показывает, что этот класс готов и горит желанием стереть кампанией в Центральной Азии память о войне, не принесшей славы и трофеев. Но это опять-таки зависит от более общих вопросов, особенно финансовых (сейчас это очень серьезный вопрос для России, учитывая, что она лишила Париж и Берлин всех возможных займов) и союза с какой-нибудь Великой державой или державами, стремящимися осуществить свержение Великобритании.

Если Роскошь не ослабит Великобританию; если ее не собьют с пути истинной политики пустые разговоры о "великолепной изоляции"; если также она сможет сохранить лояльную поддержку различных народов Индии, - она сможет встретить непредвиденные обстоятельства такого вторжения с твердостью и хладнокровием. То, что это произойдет, - это мнение очень многих авторитетов высокого ранга. Местный джентльмен высокого официального ранга, который приводит новые доказательства по этому вопросу, недавно заявил, что это "неизбежная[353]". В это также верит величайший авторитет в области ведения войны с индейцами. Лорд Робертс завершает свою автобиографию утверждением, что вторжение "в конце концов неизбежно. Мы многое сделали и можем сделать еще больше, чтобы отсрочить это; но когда начнется эта борьба, на нас будет возложена обязанность, как по политическим, так и по военным причинам, использовать все войска и военную технику, которые Коренные Штаты могут предоставить в наше распоряжение".

ПОСТСКРИПТУМ

22 мая 1905 года *Times* опубликовала подробности, касающиеся англо-афганского договора, недавно подписанного в Кабуле. Это возобновило соглашение, заключенное с покойным Амиром, согласно которому он соглашался не иметь никаких отношений ни с какой иностранной державой, кроме Великобритании, последняя соглашалась защищать его от иностранной агрессии. Субсидия в размере 120 000 фунтов стерлингов в год будет продолжена, но нынешний эмир, Хабибулла, отныне получает титул, эквивалентный "королю", и именуется "Его Величеством".

СНОСКИ:

[311] Генерал [сэр] Дж. Л. Воган в лекции "Афганистан и военные операции в нем" (6 декабря 1878 г.) сказал об афганцах: "При решительном нападении они редко удерживают свои позиции с каким-либо упорством и всегда беспокоятся о своем тылу".

[312] Лорд Робертс, *Сорок один год в Индии*, том ii. стр. 130 и далее.; Майор Дж.А.С. Колкухун, *из полевых войск Куррама, 1878-79*, стр. 101-102.

[313] Лорд Робертс, указ. соч., т. ii. стр. 135-149; С.Х. Шэдболт, *Афганские кампании 1878-80 гг.*, т. i. стр. 21-25 (с планом).

[314] Парл. Документы, Афганистан, № 7, (1879), стр. 9. Он также заявляет на стр. 172, что советы афганских чиновников, сопровождавших Шер Али в его бегстве, были (даже в апреле-мае 1879 г.) благоприятны для союза с Россией, и что они давали Якубу советы в этом смысле. Смотрите письма Кауфмана Якубу в Parl. Papers, Афганистан, № 9 (1879).

[315] Парл. Документы, Афганистан, № 7 (1879), стр. 23; Робертс, указ. соч. стр. 170-173.

[316] Парл. Документы, Афганистан, № 1 (1880), стр. 32-42, 89-96.

[317] Робертс, указ. соч. том ii. стр. 213-224; Хенсман, *Афганская война 1878-1880 гг.*

[318] Посмотрите его приключения в "*Жизни Абдура Рахмана*", Султана Мохаммеда Хана, том. ii, парни, v., vi. Он заявил, что приехал изгнать англичан (стр. 173-175).

[319] Робертс, указ. соч. том ii. стр. 315-323.

[320] *Жизнь Абдура Рахмана*, том ii. стр. 197-98. Об этих переговорах и окончательном признании см. Parl. Документы Афганистана, № 1 (1881), стр. 16-51.

[321] "Гази - это человек, который исключительно ради своей религии убивает неверующего, кафра, сикха, индуиста, буддиста или христианина, полагая, что таким образом он гарантированно получит право на рай" (Р.И. Брюс, *Политика продвижения*, стр. 245).

[322] Отчет генерала Примроуза в парламенте. Документы, Афганистан, № 3 (1880), стр. 156.

[323] С.Х. Шэдболт, *Афганские кампании 1878-80 гг.*, стр. 96-100. Парл. Документы, Афганистан, № 2 (1880), стр. 21; № 3, стр. 103-5; Лорд Робертс, указ. соч. том ii. стр. 333-5; Хенсман, указ. соч. стр. 553-4.

[324] *Полковник Сэндемани: его жизнь и работа на нашей индийской границе*, Т.Х. Торнтон; Р.И. Брюс, *Политика продвижения вперед и ее результаты* (1900), главы iv. v.; *Кандахар в 1879 году; дневник майора Ле Мезурье*, Р.Э. (1880). Последний сообщал в 1879 году, что укрепления Кандахара были слабыми, а цитадель в плохом состоянии.

[325] Робертс, указ. соч. том ii. стр. 357.

[326] Парл. Документы, Афганистан, № 3 (1880), стр. 82. Хенсман, *Афганская война*; Шэдболт, указ. соч. стр. 108-110. В последнем случае силы Аюба оцениваются в 12 800 человек, из которых 1200 были убиты.

[327] Shadbolt, указ. соч. стр. 107.

[328] Леди Б. Бальфур, указ. соч. стр. 430, 445. 8 июня лорд Рипон прибыл в Симлу и принял от лорда Литтона вице-королевство; последний был возведен в графский титул.

[329] Смотрите Приложение; также речи лорда Хартингтона в Палате общин, 25-6 марта 1881 г.

[330] Собственный отчет Абдура Рахмана (указ. соч. гл. ix.) приписывает свой триумф собственному мастерству и трусости Аюба.

[331] *Восемнадцать лет на Хайберском перевале (1879-1898)*, полковник сэр Р. Уорбертон, стр. 213. Отец автора был женат на племяннице эмира Дост Мохаммеда.

[332] Речь лорда Литтона в Палате лордов, январь 1881г.

[333] Этот офицер написал в "Глобус" 25 января 1881 года, заявив, что он укрепил два других поста к востоку от Денгиль-Тепе. Это побудило Скобелева после взятия этого места двинуться к Аскабаду, но он не нашел никаких укреплений. См. *"Продвижение России в Индию" Марвина*, стр. 85.

[334] Парл. Документы, Центральная Азия, № 1 (1880), стр. 167-173, 182.

[335] *Осада и штурм Денгиль-Тепе*. Генералом Скобелевым (перевод). Лондон, 1881.

[336] *Россия в Центральной Азии в 1889 г.* Достопочтенный Г.Н. Керзон (1889), стр. 83.

[337] К. Марвин, *Мерв, королева мира* (1881); Э. О'Донован, *Оазис Мерв*, 2 тома. (1882-83) и *Мерв* (1883).

[338] Смотрите его отчеты в разделе. Документы, Центральная Азия, № 1 (1884), стр. 26, 36, 39, 63, 96, 106.

[339] Там же. стр. 119.

[340] *Бисмарк: некоторые тайные страницы его истории*, том iii. стр. 124, 133 (англ. изд.).

[341] См. раздел. Документы, Центральная Азия, № 1 (1885), за опровержение генералом Ламсденом искажений Комарова; также за общие отчеты, там же. № 5 (1885), стр. 1-7.

[342] Дж. Морли, *Жизнь Гладстона*, том iii. стр. 184.

[343] Парл. Документы, Центральная Азия, № 4 (1885), стр. 41-72.

[344] *Бисмарк: некоторые секретные страницы*, и др., том iii. стр. 135.

[345] В своей жизни (том i, стр. 244-246) он также сильно обвиняет британскую политику.

[346] См. книгу полковника А. Дюрана *"Создание границы"* (1899), стр. 41-43.

[347] Колкхун, *Россия против Индии*, стр. 170. Лорд Керзон в 1894 году обследовал большую часть территории между Саррахсом и Кандахаром и обнаружил, что это довольно легко для армии (за исключением снабжения продовольствием).

[348] Указ. соч. стр. 307. Другие власти расходятся во мнениях относительно целесообразности прокорма такого большого контингента даже в сравнительно плодородных районах Герата и Кандахара.

[349] *Жизнь Абдура Рахмана*, том i, стр. 287.

[350] Для этой работы см. *Жизнь сэра Р. Сэндемана*; сэр Р. Уорбертон, *Восемнадцать лет в Хайбере*; Дюран, указ. соч.; Брюс, *Политика продвижения вперед и ее результаты*; Книга сэра Джеймса Уиллока *"От Кабула до Кумасси"*; С.С. Торберн, *Пенджаб в мире и войне*.

[351] *Рельеф Читрала*, капитаны Дж.Дж. и Ф.Э. Янгхасбанд (1895).

[352] Смотрите *"Пенджаб в мире и войне"*, С.С. Торберн, *ad fin.*

[353] Смотрите *Девятнадцатый век и после мая 1905 года.*

ГЛАВА XV

БРИТАНИЯ В ЕГИПТЕ

Будет хорошо начать рассказ о экспансии европейских народов в Африку с краткого изложения событий, которые привели Великобританию к ее нынешнему положению в Египте. Как мы видели, французское завоевание Туниса, произошедшее годом ранее, стало первой из многих экспедиций, положивших начало "разделу Африки" - теме, которая, что касается запада, центра и юга этого континента, привлечет наше внимание впоследствии. В этой и следующей главах будет удобно свести воедино факты, касающиеся долины Нила, района, который до недавнего времени имел лишь слабую связь с другими частями этого могущественного континента. В своем необычном описании этой таинственной страны Геродот всегда говорил о ней как о чем-то отличном от Ливии; и эта отчужденность характеризовала Нижний Египет почти вплоть до наших дней, когда события, которые мы собираемся рассмотреть, привели его в тесное соприкосновение с экваториальными регионами.

История проникновения британского влияния в Египет - одна из самых любопытных во всей истории. По сей день, несмотря на недавнее соглашение с Францией (1904 г.), положение Англии в долине Нижнего Нила является неправильным ввиду неоспоримого факта, что султан по-прежнему является сюзереном этой земли. Что еще более странно, это результат постепенного контроля, который владелец кошелька установил над заемщиком. Власть, которая распоряжается денежными средствами, имеет большое значение в политическом мире, как и везде. Как в национальных, так и во внутренних делах это обеспечивает, в конечном счете, контроль отдела доходов над отделом расходов. Это *максимальное соотношение* парламентов и мужей.

Чтобы полностью понять отношения Египта к Турции и к держателям кошельков Запада, мы должны оглянуться назад на важнейшие события в его истории за прошедшее столетие. Первым событием, которое вывело страну фараонов на арену европейской политики, было завоевание ее Бонапартом в 1798 году. Он намеревался превратить Египет в процветающую колонию, перерезать Суэцкий канал и использовать Александрию и Суэц в качестве баз для действий против британских владений в Индии. Этот дерзкий план был сорван победой Нельсона на Ниле и экспедицией Аберкромби-Хатчинсона 1801 года, которая вынудила французскую армию, оставленную Бонапартом в Египте, капитулировать. Три года французской оккупации не принесли больших политических результатов, за исключением пробуждения британской государственной мудрости к осознанию ценности Египта для защиты Индии. Они также способствовали ослаблению власти мамелюков, черкесской военной касты, которая превратила власть султана над Египтом в простую тень. Разгром этой воинственной кавалерии был постепенно завершен албанским солдатом удачи по имени Мохаммед Али, который сначала от имени султана, а затем вопреки его власти постепенно завоевывал преданность различных рас Египта и фактически стал правителем страны. Этот могущественный паша завоевывал северную часть Судана и основал Хартум как южный оплот своего королевства (1823). Похоже, он осознал важный факт: поскольку Египет полностью зависит от вод, изливаемых Нилом во время его периодических разливов, его правители должны контролировать эту реку в ее верхнем течении - этой идеи придерживались и самые способные из фараонов. Какое место могло бы быть более подходящим для обеспечения этого контроля, чем Хартум, расположенный на слиянии Белого и Голубого Нилы?

Мохаммед Али смог создать армию и флот, которые в 1841 году были на грани свержения турецкой власти в Сирии, когда вмешалась Великобритания и захватом Акко вынудила амбициозного пашу отказаться от своих северных планов и снова установить сюзеренитет Порты. Султан, однако, признал, что египетский титул должен передаваться по наследству в его семье. Здесь мы можем отметить, что в том году Англия и Франция едва не подрались из-за сирийского вопроса; но, благодаря твердому поведению лорда Пальмерстона, их соперничество закончилось, как и в 1801 году, триумфом британского влияния и утверждением номинального господства султана в Египте. Мухаммед должен был платить своему господину 363 000 фунтов стерлингов в год. Он умер в 1849 году.

Во время правления следующих пашей, или хедивов, как их теперь называли, Аббаса I. (1849-54) и Саида (1854-63), не произошло никаких значительных событий, за исключением того, что месье де Лессепс, французский инженер, получил согласие Саида в 1856 году на прокладку судоходного канала, северный вход в который носит название этого хедива. Из-за соперничества Великобритании и Франции за каналостроительство не было завершено до 1869 года, во время правления Измаила (1863-79). Здесь мы можем отметить, что, поскольку концессия была предоставлена Компании Суэцкого канала только на девяносто девять лет, канал перейдет в собственность египетского правительства в 1968 году.

Открытие канала вновь вывело Египет на одну из величайших торговых магистралей мира и обещало принести неисчерпаемые богатства в его порты. Эта надежда не оправдалась. Прибыль почти полностью досталась иностранным инвесторам, и определенный объем торговли был изъят с египетских железных дорог. Сэр Джон Стоукс, выступая в 1887 году, сказал, что он обнаружил в Египте распространенное впечатление, что страна пострадала от канала[354].

Конечно, Египет был менее процветающим после своего открытия, но, вероятно, из-за другого, более могущественного события, произошедшего в начале правления Исмаила. Это была Гражданская война в Америке. Блокада Южных Штатов федеральными крейсерами отрезала Ланкашир и Северную Францию от поставок хлопка-сырца, которые являются жизненной силой их промышленности. Хлопок дорожал до тех пор, пока даже консервативные феллахи Египта не увидели желательность выращивания этого странного нового кустарника - первого зарегистрированного случая изменения их методов обработки почвы, которое произошло без принуждения. Смышленные земледельцы получали столь большие прибыли, что многие феллахи покупали жен-черкесок и абиссинок и основывали гаремы, в которых можно было найти драгоценности, духи, шелка и зеркала. Одним словом, Египет бунтовал из-за своего новообретенного богатства. Это можно представить по общим объемам экспорта, который за три года вырос с 4 500 000 фунтов стерлингов до значительно более 13 000 000 фунтов стерлингов[355].

Но затем закончилась Гражданская война в Америке. Хлопок упал до своей обычной цены, и Египту грозила разруха. Ибо не только купцы и феллахи, но и их правитель погряз в расходах, причем в самом расточительном масштабе. Нет! Веря, что Суэцкий канал принесет его стране безграничное богатство, Исмаил упорствовал в строительстве дворцов и других формах восточной экстравагантности, в результате чего за первые двенадцать лет своего правления, то есть к 1875 году, он потратил более 100 000 000 фунтов стерлингов государственных денег, из которых едва ли десятая часть была потрачена на полезные цели. Наиболее примечательными из последних были Заграждение Нила в верхней части дельты, ирригационный канал в Верхнем Египте, канал Ибрагимия и начало строительства железной дороги Вади Хайфа-Хартум. Величие его взглядов становится понятным, если вспомнить, что он приказал сделать эту железную дорогу той же колеи, что и в Южной Африке, потому что "в конце концов это избавило бы от лишних хлопот".

Что касается внезапного падения цен на хлопок, то его единственным средством восполнить потери было выращивание сахара в больших масштабах, но это было сделано настолько неразумно, что привело к увеличению дефицита. Как естественное следствие, долг Египта, который при его восшествии на престол составлял 3 000 000 фунтов стерлингов, достиг невероятной суммы в 89 000 000 фунтов стерлингов в 1876 году, и это тоже несмотря на увеличение земельного налога вдвое. Все средства, которые восточная изобретательность изобрела для систематического грабежа народа, теперь были пущены в ход; так что сэр Альфред Милнер (ныне лорд Милнер), после беспрецедентных возможностей изучения египетского вопроса, заявил: "В финансовой истории какой-либо страны, с древнейших времен до настоящего времени, нет ничего, что могло бы сравниться с этим карнавалом экстравагантности и угнетения"[356]."

Самому хедиву пришлось пойти на некоторые жертвы частного характера, и одна из них привела к событию международного значения. Ближе к концу 1875 года он решил продать 177 000 акций, которыми он владел в Компании Суэцкого канала. Во-первых, он тайно предложил их французскому правительству за 100 000 000 франков; и министр иностранных дел герцог Деказ, по-видимому, хотел их купить; но премьер-министр г-н Бюффе и другие министры колебались, возможно, ввиду угрозы войны со стороны Германии, которая встревожила всех ответственных людей. В любом случае, Франция упустила свой шанс[357]. К счастью для Великобритании, новость об этом деле дошла до одного из ее самых способных журналистов, мистера Фредерика

Гринвуда, который сразу же упросил лорда Дерби, тогдашнего министра иностранных дел, дать ему интервью. Результатом стало срочное послание лорда Дерби полковнику Стонтону, британскому посланнику в Египте, с просьбой выяснить правду у самого хедива. Новости оказались верными, и кабинет Биконсфилда немедленно санкционировал покупку акций на сумму около 4 000 000 фунтов стерлингов.

Говорят, что французский посланник в Египте играл в бильярд, когда услышал о покупке, и в ярости сломал свой кий пополам. Его гнев был естественным, совершенно независимо от финансовых соображений. В этом отношении покупка была блестяще успешной, поскольку акции сейчас стоят более 30 000 000 фунтов стерлингов и приносят ежегодный доход около миллиона фунтов стерлингов; но эта денежная выгода - ничто по сравнению с влиянием, которое Соединенное Королевство приобрело в делах великого предприятия, посредством которого г-н де Лессепс надеялся обеспечить господство Франции в Египте.

Следует отметить, что исторические факты подтверждают это утверждение "великого француза". Идея канала возникла у Наполеона I. И была с большой энергией возрождена последователями французского философа Сен-Симона в 1833-37 годах^[358]. Однако затем этот проект столкнулся с противодействием британских государственных деятелей, как это было со времен Питта и до времен Пальмерстона. В этом не было ничего противоестественного, ибо это обещало вернуть портам Средиземноморья преобладающую долю в восточной торговле, которой они пользовались до открытия маршрута мимо мыса Доброй Надежды. Политические и коммерческие интересы Англии были связаны с морским путем, особенно после того, как Мыс Кейп был окончательно закреплен за ней Парижским миром 1814 года; но она не могла безразлично относиться к контролю Франции над каналом, который снова вернул бы торговлю к старому сухопутному маршруту. Теперь эта опасность была предотвращена только что замеченным финансовым *переворотом* - событием, которое, возможно, оказалось едва ли менее важным в политическом смысле, чем победа Нельсона на Ниле.

По правде говоря, Морская держава компенсировала недостатки своего положения в отношении Египта четырьмя великими ударами - триумфом своего великого адмирала, покупкой акций Исмаильского канала, подавлением восстания Араби и победой лорда Китченера при Омдурмане. Автор настоящей статьи не удержался от резкой критики британской политики в период 1870-1900 годов; и египетская политика кабинетов королевы Виктории временами подвергалась серьезному порицанию; но, в целом, она прошла успешно, благодаря способности отдельных людей проявлять такие качества, как дальновидность, инициатива и непоколебимая настойчивость, в которых министры со времен Чатема редко преуспевали.

Продажа акций Ismail's canal только предотвратила надвигающийся крах, который стал бы естественным продолжением этого нового "Пузыря Южных морей". Все, кто принимал участие в этом карнавале безумия, должны были пострадать одинаково: Исмаил и его беи, а также биржевики и охотники за дивидендами из Лондона и Парижа. В обычном случае эти последние потеряли бы свои деньги; но в данном случае заемщик был слаб и зависим, в то время как кредиторы были в состоянии побудить к действию два могущественных правительства. Почти все египетские займы находились в Англии и Франции; и в 1876 году, когда Исмаил стремительно плыл вниз по течению к пропасти банкротства, британские и французские держатели облигаций стали искать средства для обеспечения собственной безопасности. Они организовались для защиты своих интересов. Хедив согласился прислушаться к совету своих

представителей, господ. Гошен и Жубер; но вскоре стало ясно, что он желал всего лишь удобной ликвидации и продолжения своих нынешних расходов.

В том же году было учреждено "Управление делами", уполномоченное получать доходы, отложенные для обслуживания долга, и санкционировать или запрещать новые займы; а в ноябре 1876 года комиссия держателей облигаций приняла форму "Двойного контроля". В 1878 году была назначена Комиссия, уполномоченная проверить всю египетскую администрацию. Это встретило сильнейшее противодействие со стороны хедива, пока в следующем году не были найдены средства добиться его отречения актом султана (26 июня 1879 г.). Его преемником стал его сын Тевфик (1879-92).

Со своей стороны держатели облигаций были вынуждены согласиться на снижение процентных ставок до единой ставки в 4% по Единому долгу. Тем не менее, в 1881 году - благополучном году - было обнаружено, что около половины доходов Египта, составлявших тогда 9 229 000 фунтов стерлингов, пришлось направить на выплату этих процентов^[359]. Опять же, следует отметить, что такая ситуация в перегруженной налогами стране, естественно, закончилась бы банкротством; но этому помешал иностранный контроль, который стремился сократить расходы по всем направлениям. Как естественный результат, многие отрасли промышленности пострадали от отсутствия должной поддержки; ибо даже в заиленных слоях, образованных Нилом (а это настоящий Египет), существует потребность в капитале для достижения должных результатов. Короче говоря, народное недовольство придало сил движению, направленному на вытеснение всех видов иностранного влияния, не только ростовщиков и биржевиков, высасывавших жизненную силу земли, но даже инженеров и банкиров, которые ускоряли ее вялое обращение. Это движение было названо национальным движением; и его подстрекатели подняли крик "Египет для египтян", который находит свое отражение везде, где эгоистичные патриоты стремятся сохранить все блага страны при себе. Египетские волнения 1882 года возникли отчасти из-за чувств такого узкого толка, а отчасти из-за зависти и распри военных клик.

Сэр Д. Маккензи Уоллес, тщательно исследовав происхождение "арабского движения", пришел к выводу, что его следует искать в решимости коренных египетских офицеров пробиться к высшим чинам этой армии, которые до сих пор предназначались для турок или черкесов. Саид и Исмаил выступали за возвышение лучших солдат класса феллахов (то есть местных жителей), и некоторые из них, став полковниками, нацелились на еще более высокие посты. Это вызвало горькое негодование в доминирующей турецкой касте, которая смотрела на феллахов как на рожденных платить налоги и нести бремя. При властном Исмаиле эта ревность была скрыта; но молодой и неопытный Тевфик, кандидат от соперничающих западных держав, не смог обуздать беспокойный дух армии, которая искала вокруг себя средства укрепить свои позиции за счет своих соперников. Эта ревность была разжигается юношеским капризом Тевфика. Сначала он оказал большую услугу Али Фехми, офицеру феллахского происхождения, но затем отозвал ее из-за интриг соперника-черкеса. Али Фехми стремился отомстить, создав заговор с другими полковниками-феллахами, среди которых вскоре появился популярный лидер. Это был Араби бей.

Телосложение Араби воплощало прекрасные животные качества феллахов высшего класса, но к ним он добавил умственные способности не самого низкого порядка. Получив довольно узкое образование правоверного мусульманина, он немного познакомился с западной мыслью, и из

нее его легкий ум отобрал запас идей, которые нашли готовое выражение в разговоре. Его мягким мечтательным глазам и беглой речи редко удавалось очаровать мужчин всех сословий[360]. Его популярность придала недовольной камарилье новую силу, позволив ей сосредоточить все недовольные элементы и стать движением почти национального значения. И все же Араби был его представителем, или фигурой-руководителем, а не фактической движущей силой. Похоже, что он в значительной степени был одурачен интриганами, которые подталкивали его к своей собственной выгоде. В любом случае важно, что после своего падения он заявил, что британское превосходство - единственное, что необходимо Египту; и в течение своей старости, проведенной на Цейлоне, он часто делал подобные заявления[361].

Министры хедива, прослышав об интригах недовольных офицеров, решили арестовать их начальников; но после того, как тайна просочилась наружу, преступники поменялись ролями с властями и при поддержке солдат потребовали отставки военного министра и удовлетворения своей главной жалобы - неправомерного продвижения турок и черкесов по службе.

Хедив почувствовал себя вынужденным уступить и согласился на назначение военного министра, который был тайным другом заговорщиков. Затем они отважились на военную демонстрацию перед дворцом хедива с целью добиться отставки способного и энергичного премьер-министра Риаса-паши. Тевфик снова уступил и согласился на назначение слабого и ленивого шериф-паши. Чтобы закрепить свой триумф, мятежники теперь предлагали меры, которые понравились бы населению. Главным из них был план создания консультативной национальной ассамблеи. Это послужило бы сдерживающим фактором для Двойного контроля и для молодого хедива, которого это поставило в его нынешнее двусмысленное положение.

Палата знати собралась в последние дни 1881 года и пробудила большие надежды не только в Египте, но и у всех, кто видел надежду в чувстве национальной принадлежности и в искреннем желании мусульманского народа к реформам. Что произошло бы, если бы Знатные люди были свободны в определении будущего Египта, сказать невозможно. Судьба младотурецкой партии и конституции Мидхата от декабря 1877 года ни в коем случае не была обнадеживающим предзнаменованием. В целом многое можно сказать о двух главных требованиях знати - что министры хедива должны нести ответственность перед народными представителями и что Двойной контроль Великобритании и Франции должен быть ограничен контролем доходов, выделяемых для целей государственного долга Египта. Петиционеры, однако, проигнорировали тот факт, что вряд ли можно ожидать успешной работы демократии в стране, где ни один человек из ста не имел ни малейшего представления о том, что это значит, и, более того, что западные державы не откажутся от своего преимущества по приказу знати, которая на самом деле представляла собой немногим больше, чем доминирующую военную партию. Кроме того, действия этой партии характеризовали ее как восточную, даже когда она маскировалась под одеяние западной демократии. Взяв в свои руки бразды правления, полковники-феллахи отправили своих турецких и черкесских соперников на службу в Хартум - остроумная форма изгнания. Против этого и других деспотических актов представители Великобритании и Франции энергично протестовали и, видя беспомощность хедива, подняли военные корабли, чтобы устроить демонстрацию против *фактических* правителей Египта.

Следует отметить, что эти шаги были предприняты кабинетами Гладстона и Гамбетты, которые вряд ли стали бы выступать против подлинно демократического движения только в интересах держателей британских и французских облигаций. 7 января 1882 года два кабинета направили

Совместную ноту хедиву, заверяя его в своей поддержке и желании устранить все обиды, как внешние, так и внутренние, которые угрожают существующему порядку[362].

Однако, в то время как западные державы встали на сторону хедива, другие европейские государства, включая Турцию, начали проявлять признаки нетерпения и раздражения при любом вмешательстве с их стороны. Россия увидела шанс отомстить Англии за события 1878 года, и Бисмарк стремился снискать расположение султана. Что касается этого властителя, то его поведение было таким же извилистым, как и обычно. С самого начала он оказывал тайную поддержку партии Араби, вероятно, с целью подрыва как системы Двойного контроля, так и династии хедива. Он, несомненно, понимал, что турецким интересам в конечном счете могут способствовать даже те люди, которые заключали в тюрьму или подвергали позору турецких офицеров и министров.

Возможно, весь вопрос можно было бы решить мирным путем, если бы Гамбетта остался у власти; ибо он решительно выступал за совместное англо-французское вмешательство в случае продолжения беспорядков. Правительство Гладстона в то время возражало против такого вмешательства и утверждало, что оно будет более законным со стороны Турции или, если это нежелательно, со стороны всех Держав; но это расхождение во взглядах не помешало двум правительствам действовать сообща по ряду вопросов. Гамбетта, однако, отстранен от власти в конце января 1882 года, и его гораздо более слабый преемник де Фрейсине, столкнувшийся со сложнейшей парламентской ситуацией во Франции и возможной враждебностью других держав, отказался от ведущего положения, которое более смелая политика Гамбетты предоставила Франции. Колебания в Париже имели тенденцию в равной степени ослаблять англо-французские действия и поощрять арабскую партию и султана. По мере того как дела в Египте шли все хуже и хуже, министр иностранных дел Великобритании лорд Грэнвилл 24 мая предложил державам санкционировать оккупацию Египта турецкими войсками. На это г-н де Фрейсине возразил и, заявив, что Франция не пошлет экспедицию, предложил созвать Европейскую конференцию по египетскому вопросу.

Кабинет Гладстона сразу согласился с этим, и Конференция собралась на короткое время в конце июня, но без участия Турции[363]. Ибо султан, надеясь, что разделение держав позволит ему восстановить турецкое влияние в Египте, теперь направил своих эмиссаров работать над пробуждением там мусульманского фанатизма, который он так выгодно использовал во всех частях своей империи. Турецкая комиссия была направлена для расследования этого дела - с единственной целью обогатить главного комиссара. Короче говоря, благодаря замешательству и колебаниям западных держав и недоброжелательности, проявленной Германией и Россией, Европа была беспомощна, и партия Араби чувствовала, что игра в их собственных руках. 8 июня Бисмарк сказал своему секретарю Бушу: "Они [британцы] взялись за это дело неуклюжим образом и встали на ложный путь, отправив свои броненосцы в Александрию, и теперь, обнаружив, что ничего нельзя сделать, они хотят, чтобы остальная Европа помогла им выйти из затруднительного положения посредством Конференции[364]".

Уже 27 мая египетские недовольные отважились на крупную военную демонстрацию против хедива, которая привела к назначению Араби военным министром. Его последователи также стремились разжечь ненависть к иностранцам, за которую в значительной степени была ответственна жадность греческих и еврейских ростовщиков. Результаты, возможно, превзошли надежды египетских националистов. Мусульманский фанатизм внезапно вспыхнул пламенем.

11 июня уличная драка между мусульманином и мальтийцем привела к ожесточенному восстанию. "Истинно верующие" напали на дома европейцев, захватили большое количество добычи и убили около пятидесяти из них, включая солдат британской эскадрильи. Английская сторона, которая всегда призывает к невмешательству, прилагала энергичные усилия в то время и впоследствии, чтобы представить этот бунт и резню как простое мимолетное событие, которое серьезно не подорвало благосостояние Египта; но сэр Альфред Милнер в своем спокойном и беспристрастном обзоре всего вопроса заявляет, что опасения, которые тогда испытывали европейцы в Египте, "вовсе не были преувеличены ... возможно, даже не соответствовали опасности, которая действительно надвигалась"[365]."

События в Александрии и Тантахе сделали вооруженное вмешательство неизбежным. От Турции нечего было ожидать. Специальный посланник султана, Дервиш-паша, прибыл в Египет всего за несколько дней до вспышки; и после этого события Абдул Хамид счел нужным послать Араби награду. Воодушевленная поддержкой Турции и хорошо известной завистью держав, военная партия теперь открыто готовилась бросить вызов Европе. У них были некоторые основания для надежды. Все знали, что Франция была в очень осторожном настроении, у нее было достаточно забот в Тунисе и Алжире, в то время как ее отношения с Англией быстро охладели[366]. Германия, Россия и Австрия, казалось, действовали вместе в соответствии с договоренностью, достигнутой тремя императорами после их встречи в Данциге в 1881 году; и Германия начала ту работу по оказанию благосклонности султану, которая позволила ей вытеснить британское влияние в Константинополе. Соответственно, мало кто, и меньше всего Араби, верил, что кабинет Гладстона осмелится действовать в одиночку и нанести решающий удар. Но они рассчитывали неверно. Терпимость Гладстона в отношении иностранных дел была великодушной, но имела свои пределы. Теперь он заявил в парламенте, что Араби сбросил маску и, очевидно, работает над смещением хедива и изгнанием всех европейцев из Египта; Англия вмешается, чтобы предотвратить это - если возможно, с авторитетом Европы, при поддержке Франции и сотрудничестве Турции; но, если необходимо, в одиночку[367].

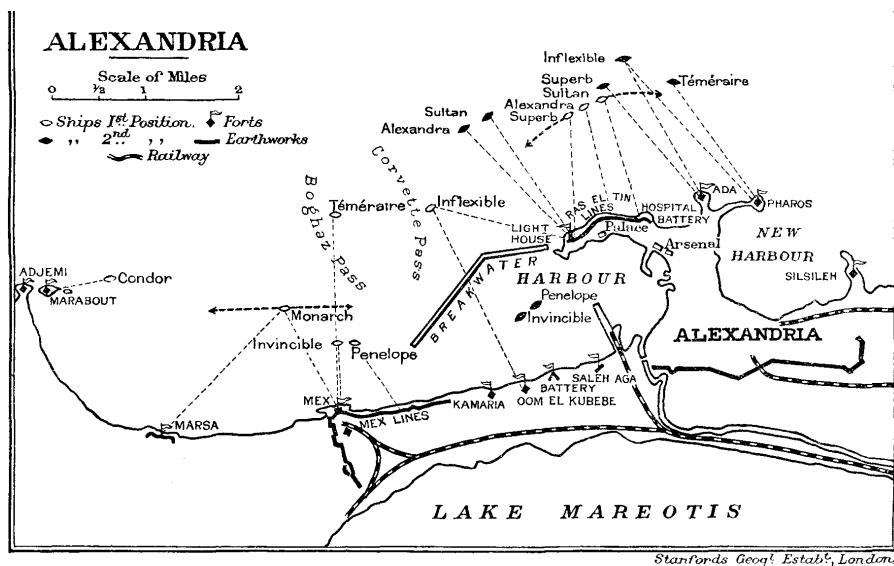
Даже это ясное предупреждение не ускользнуло от внимания Араби и его последователей. Полагая, что Британия слишком слаба, а ее министерство слишком нерешительно, чтобы осуществить эти угрозы, они приступили к вооружению населения и укреплению фортов Александрии. Сэр Бошан Сеймур, теперь возглавлявший сильную эскадрилью, доложил в Лондон, что эти работы ведутся угрожающим образом, и 6 июля направил Араби требование немедленно прекратить операции. Араби сразу же согласился. Тем не менее, внезапно включенный прожектор показал, что работа велась ночью. Впоследствии в одном из фортов было найдено донесение египетского офицера, в котором он жаловался на использование англичанами электрического освещения как на явную невежливость. Здесь можно отметить, что месье де Фрейсине в своем желчном обзоре британских действий в это время пытается поставить под сомнение возобновление работы людьми Араби. Но отчеты адмирала Сеймура не оставляют места для сомнений. Наконец, 10 июля адмирал потребовал не только прекращения враждебных приготовлений, но и сдачи некоторых фортов в руки британцев. Французский флот покинул гавань и направился в Порт-Саид. Большинство европейцев Александрии удалились на выделенные для них корабли; и на следующий день, когда последние двадцать четыре часа отсрочки не принесли покорности, британский флот открыл огонь в 7 часов утра

Последовавшие за этим действия представляют большой интерес как один из очень немногих случаев в современной войне, когда корабли успешно столкнулись с современными фортами.

Кажущаяся беспомощность британских небронированных кораблей перед Кронштадтом во время Крымской войны, их неудача перед фортами Севастополя и бесполезность французского военно-морского флота во время войны 1870 года распространили представление о том, что военные корабли не могут одолеть современные укрепления. Вероятно, это впечатление лежало в основе неповиновения Араби. У него были некоторые основания для уверенности. Британский флот состоял из восьми линкоров (из которых только "Инфлексибл" и Александра обладали большой боевой мощью), а также пяти небронированных судов. В фортах были установлены 33 нарезных дульнозарядных орудия, 3 нарезных затвора и 120 старых гладкоствольных ружей. Преимущество в вооружении было на стороне кораблей, тем более что моряки были гораздо лучшими стрелками. Однако превосходство фортов над кораблями настолько велико, что сражение длилось пять или более часов (с 7 утра до полудня), прежде чем большинство фортов были более или менее полностью заставлены замолчать. Форт Фарос продолжал вести огонь до 4 часов дня, в целом египетские артиллеристы мужественно стояли у своих орудий. Учитывая вес металла, брошенного в форты, а именно 1741 тяжелый снаряд и 1457 легких, нанесенный им урон был невелик, только 27 орудий были заглушены полностью и 5 временно. С другой стороны, корабли были поражены всего 75 раз и потеряли всего 6 убитыми и 27 ранеными. Результаты показывают, что сегодняшняя канонада на сравнительно большом расстоянии, даже из мощных орудий, гораздо менее смертоносна, чем старые морские сражения, когда корабли стояли рука об руку.

[Иллюстрация: АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ БИТВА (БОМБАРДИРОВКА, 1882).]

Если бы адмирал Сеймур немедленно высадил десант морской пехоты и "синих мундиров", все форты, вероятно, были бы сданы сразу. По какой-то неизвестной до конца причине этого сделано не было. Утром снова началась беспорядочная стрельба, но вскоре было заключено перемирие, которое оказалось лишь средством, позволившим Араби и его войскам спастись бегством. Город, тем временем, стал ареной яростной атаки на европейцев, в результате которой погибло около 400 или 500 человек. Ущерб, впоследствии оцененный в 7 000 000 фунтов стерлингов, был нанесен пожаром

Александрийская битва (бомбардировка, 1882)

и грабить. Только 14-го адмирал, получив подкрепление, почувствовал себя способным ввести войска в город, когда несколько суровых примеров устрашили грабителей и восстановили порядок. Хедив, который заперся в своем дворце в Рамлехе, теперь вернулся в морской порт под эскортом британских войск и с тех пор фактически, хотя и не номинально, находился под защитой Великобритании.

Бомбардировка Александрии привела к отставке этого стойкого квакера и друга мира мистера Джона Брайта из министерства Гладстона; но все указывает на то (как признает даже мсье де Фрейсине), что кризис застал министров врасплох. Дома ничего не было готово к важной кампании; и, по-видимому, военные действия были вызваны, во-первых, жестокостью сторонников Араби в Александрии и, во-вторых, их упорством в военных приготовлениях, которые могли поставить под угрозу безопасность флота адмирала Сеймура. Ситуация становилась похожей на ту, что была в 1807 году в Дарданеллах, когда турки давали гладкие обещания адмиралу Дакворту, постоянно укрепляя свои форты, с очень неприятными результатами. Вероятно, аналогия с 1807 годом вкупе с доказанным вероломством людей Араби вызвали военные действия, которых британские министры до конца стремились избежать.

В любом случае, теперь жребий был брошен, и Англия с сомнением приступила к выполнению задачи, масштабы и трудность которой никто тогда не мог предвидеть. Она взялась за это дело в одиночку, и это при том, что министерство Гладстона делало настойчивые попытки заручиться помощью Франции, во всяком случае, в том, что касалось защиты Суэцкого канала. В этом смысле де Фрейсине и его коллеги были готовы оказать свою помощь; но, несмотря на настоятельный призыв Гамбетты к совместным действиям с Англией в тот момент, Палата депутатов все еще оставалась в осторожно негативном настроении, и этому настроению г-н Клемансо придавал силы речью, закончившейся восхвалением благоразумия. "Европа, - сказал он, - покрыта солдатами; каждый находится в состоянии ожидания; все Державы сохраняют за собой свободу действий в будущем; оставляете ли вы за собой свободу действий Франции". Ограниченное сотрудничество с Англией, рекомендованное Кабинетом министров, нашло поддержку только у семидесяти пяти депутатов; и, оказавшись лицом к лицу со значительным враждебным большинством, де Фрейсине и его коллеги подали в отставку (29 июля 1882 г.)^[368]. Благоразумие, страх перед новообразованным Тройственным союзом или зависть к Англии уводили Францию в сторону от пути, на который в прошлом ее манили величайшие военачальники, мыслители и инженеры. Каким бы ни был преобладающий мотив, он изменил ход истории в долине Нила.

После отказа Франции сотрудничать с Англией даже в самой малой степени Конференция держав прекратила свое существование, и ее сессии прекратились, несмотря на отсутствие каких-либо официальных перерывов^[369]. Здесь, как и во многих других случаях, Соглашение Держав продемонстрировало свою слабость; и не может быть никаких сомнений в том, что султан и Араби рассчитывали на эту слабость, играя в опасную игру, которая привела к испытанию дела мечом. Ревность Сильных Мира Сего теперь была полностью раскрыта. Россия выразила решительный протест против действий Англии в Александрии; Италия выразила большое раздражение и сразу же отклонила британское предложение о сотрудничестве; Германия также проявила большое негодование и обратила ситуацию в выгодную сторону, заменив свое влияние влиянием Великобритании в советах Порты. Султан, которому помешали

в разгар его извилистых интриг по великому мусульманскому возрождению, продемонстрировал свою сплинность и дипломатическое мастерство, выразив надменный протест против нарушения Великобританией международного права, а затем отказавшись (1 августа) объявить Араби мятежником против власти хедива. Присущая Абдул Хамиду робость перед превосходящими силами была продемонстрирована последующей сменой фронта. Услышав об успехах британцев, он наложил запрет на Араби (8 сентября).

Тем временем британская экспедиция численностью около 10 000 человек, отправленная в Египет под командованием сэра Гарнета Уолсли, сделала вид, что собирается атаковать Араби из Александрии как базу. Но, приблизившись к этому порту с наступлением темноты, он развернулся и занял Порт-Саид (15 августа). Кантара и Исмаилия, расположенные на канале, были быстро захвачены; а горцы Сифорта быстрым маршем заняли Шалуф и предотвратили перекрытие повстанцами пресноводного канала. С этого момента у маленькой армии было преимущество, заключавшееся в том, что она двигалась вблизи пресной воды и по маршруту, на котором Араби поначалу их не ожидал. Движения сэра Гарнета Уолсли были быстрыми и решительными, что так много значит против выходцев с востока. Ожесточенные бои у Тель-эль-Махуты вынудили силы Араби численностью около 10 000 человек покинуть укрепленные в этом месте позиции (24 августа).

Четыре дня спустя произошли отчаянные бои у шлюза Кассассен на пресноводном канале. Там египтяне в большом количестве бросились против небольшого отряда, посланного вперед под командованием генерала Грэхема для охраны этого важного пункта. Нападавшие сражались с безрассудством, порожденным провозглашением священной войны против неверных, и в течение некоторого времени исход оставался под вопросом. Наконец, около захода солнца, три эскадрона домашней кавалерии и 7-й гвардейский драгунский полк вместе с четырьмя легкими орудиями были спешно отправлены вперед из тыла основных сил, чтобы завершить дело. Генерал Друри Лоу обошел этот небольшой отряд вокруг левого фланга противника и, подойдя незамеченным в сгущающейся темноте, атаковал с такой яростью, что обратил вражеский строй в мгновенное бегство[370]. Противник отступил к укреплениям в Тель-эль-Кебуре, в то время как все британские силы (включая дивизию из Индии) сосредоточились в Кассассине численностью 17 400 человек с 61 орудием и 6 "Гатлингами".

Финальная акция состоялась 13 сентября в Тель-эль-Кебуре. Там Араби соорудил двойную линию земляных укреплений некоторой мощности протяженностью около четырех миль и располагал силами, которые оценивались в 20 000-25 000 регулярных и 7000 иррегулярных войск. Если бы нападавшие прошли маршем через пустыню и атаковали эти сооружения днем, они, должно быть, понесли бы большие потери. Поэтому сэр Гарнет решил испытать эффект внезапности на рассвете и двинул своих людей вперед после захода солнца 12-го, пока они не подошли на расстояние удара к укреплениям. После короткого отдыха они возобновили свое продвижение незадолго до того времени, когда на востоке должны были появиться первые проблески зари. Примерно в 500 ярдах от укреплений наступающие смутно вырисовывались на фоне частокола с востока. Незадолго до пяти часов раздался резкий предупредительный выстрел египетской винтовки, и тотчас же из окопов вырвались клубы дыма и пламени. Британцы немедленно ответили радостными возгласами и бросились врассыпную, каждый полк стремился первым принять удар в штыки. Горцы под командованием генерала Грэхема лидировали слева и поэтому победили в этой гонке за славой; но захватчики почти одновременно обрушились на укрепления со всех сторон. В течение нескольких минут на

бруствере шел ожесточенный бой; но англичанам нельзя было отказать, и они гнали перед собой защитников, как своего рода живой заслон от огня, который велся из вторых окопов; они также захватили их и вытеснили всю массу в пустыню[371]. Там сотни из них пали под ударами сабель британской кавалерии, которая обрушилась с северного конца линии фронта; но преследование не было ни продолжительным, ни кровопролитным. Сэр Гарнет Уолсли был удовлетворен подвигом, превратившим армию Араби в вооруженный или невооруженный сброд одним резким ударом, и теперь берег лошадей и людей на всякий случай.

Благодаря одной из тех вспышек интуиции, которые отличают прирожденного лидера, британский командующий понял, что вся война может закончиться, если кавалерийский отряд двинется на Каир и потребует сдачи его цитадели в тот момент, когда известие о катастрофе в Тель-эль-Кебуре лишит сил ее защитников. Эта концепция должна считаться одной из самых смелых, зафиксированных в анналах войны. В древней столице Египта проживало более 300 000 мусульман, недавно доведенных до опасных высот фанатизма провозглашением "священной войны" против неверных. Могло показаться, что его огромная цитадель, возвышающаяся примерно на 250 футов над городом, бросает вызов всем всадникам британской армии. Наконец, Араби направился туда, чтобы придать бодрости гарнизону численностью около 10 000 человек. Тем не менее Уолсли рассчитывал, что моральный эффект его победы сравняет с землей крепостные валы цитадели и уменьшит рост гордости Араби.

Его предположение было более чем оправдано событиями. В то время как его индийский контингент продвигался к занятию Загазига, сэр Друри Лоу с отрядом численностью менее 500 сабель продвигался к Каиру по пустынной дороге, чтобы вызвать его на следующий день. После привала в Бельбеисе солдаты дали поводья своим коням, и, проехав почти 40 миль, они прибыли в город к заходу солнца. Слухи увеличивали их число; в то время как фатализм, который раньше нервировал мусульманина в его великие дни, теперь предрасполагал его преклонять колена и бормотать Судьба при появлении, казалось бы, predetermined хозяев Египта. Этому маленькому, усталому, но благородному отряду сдался Каир, и Араби сам передал свой меч. На следующий день подошла пехота и закрепила это непрочное завоевание.

В преддверии этого ошеломляющего триумфа пресса Континента попыталась найти основания для предположения, что Араби, а также Каир были тайно подкуплены британским золотом. Несколько удивительно обнаружить, что М. де Фрейсине[372] повторяет сегодня эту злобную глупость, которая с таким же основанием могла бы быть использована для объяснения побед Клайва и Кута, Аутрама и Хэвлока. Клевета континентальных авторов сама по себе нуждается в объяснении. Ее можно найти в их раздражении, обнаружив, что у Англии была армия, способная провести трудную кампанию к быстрому и триумфальному завершению. Их типичным отношением было отношение Бисмарка, а именно ликование по поводу ее трудностей и надежда на ее поражение. Теперь их тон сменился на тон праведного негодования по поводу неправильности ее поведения, когда она действовала от имени Европы без какого-либо мандата от Держав и использовала Суэцкий канал в качестве базы для операций.

В этом последнем отношении поведение Великобритании, безусловно, было открыто для критики[373]. С другой стороны, сомнительно, что Араби спровоцировал бы ее на действия, если бы его молчаливо не поощряли другие державы, которые, заявляя о своем желании восстановить порядок в Египте, в большинстве случаев тайно стремились увеличить ее трудности в выполнении этой задачи. Что касается султана, то теперь он урезал свои надежды,

объявив Араби мятежником против власти хедива; и в должное время этот офицер предстал перед судом, был признан виновным и сослан на Цейлон в начале 1883 года. Поведение Франции, Германии и России, если мы можем судить по тону их официально инспирированной прессы, едва ли было более прямолинейным и, безусловно, менее сдержанным. Со всех сторон раздавались обличительные речи против своевольного и незаконного поведения Великобритании, а некоторые немецкие газеты притворялись, что Гамбург может быть выбран британским флотом для бомбардировки в следующий раз. Эти вспышки гнева в случае Германии, возможно, были вызваны желанием Бисмарка угодить России и, во вторую очередь, Франции всеми возможными способами. Сомнительно, добился ли он этого. Несомненно, он и его приспешники в прессе расширили пропасть, которая теперь разделяла два великих тевтонских народа.

Раздражение Франции было более естественным. Она проложила Суэцкий канал и участвовала в Двойном контроле; но ее ошибка, заключавшаяся в том, что она не участвовала в работе по наведению порядка, была непоправимой. Каждый в Египте понимал, что контроль над этой страной должен оставаться за Властью, которая сместила правительство Араби и восстановила упавший авторитет хедива. Несколько человек в Англии, включая даже одного члена администрации Гладстона, мистера Кортни, настаивали на скорейшем уходе; но кабинет министров, который неохотно, но непреодолимо был втянут до сих пор силой обстоятельств, не мог оставить Египет жертвой анархии; и, очевидно, рука, подавлявшая анархию, какое-то время правила страной. Примечательно, что 4 апреля 1883 года более 2600 европейцев в Египте представили петицию с просьбой о том, чтобы британская оккупация была постоянной[374].

Однако г-н Гладстон и другие члены его Кабинета заявили, что это будет лишь временным и фактически продлится лишь до тех пор, пока не позволят порядку и процветанию расти в тени новых и более совершенных институтов. Эти обещания были даны со всей искренностью, и премьер-министр и его коллеги, очевидно, хотели освободиться от того, что было для них неприятным бременем. Французы в Египте, конечно, держались за эти обещания, и одна из их газет, *Journal Egyptien*, печатала их каждый день во главе своих первых колонок[375]. Г-н Гладстон, который прежде всего стремился к дружественному взаимопониманию с Францией, остро чувствовал, даже к концу своей карьеры, что продолжающаяся оккупация Египта препятствует этому наиболее желанному завершению. Он, несомненно, был прав. Нерегулярность действий Англии в Египте во многих отношениях препятствовала ее международным отношениям; и это может быть названо одной из причин, приведших Францию к союзу с Россией.

Что же тогда препятствовало выполнению обещаний мистера Гладстона? Во-первых, политика французских чиновников и публицистов "собака на сене" увеличила трудности британских администраторов, которые теперь, в качестве советников хедива, действительно направляли его и контролировали его министров. Принятая схема управления в основном была рекомендована лордом Дафферином в его качестве специального посланника. Детали, однако, слишком обширны и сложны, чтобы излагать их здесь. То же самое относится и к спорам между нашими официальными лицами и официальными лицами Франции. Достаточно сказать, что, закрывая фонды "Казначейства", французские администраторы этого огромного резервного фонда надеялись сделать положение Великобритании невыносимым и ускорить ее эвакуацию. Фактически, эти и бесчисленное множество других булавочных уколов задержали

восстановление Египта и послужили веской причиной, по которой Британии не следует выводить войска[376].

Но помимо этих административных деталей была еще одна непреодолимая причина - облако войны, которое теперь угрожало стране фараонов из этого очага дикости и фанатизма, Судана.

ПРИМЕЧАНИЕ Ко ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Чтобы пролить новый свет на националистическое движение в Египте и роль, которую Араби сыграл в нем, читателю следует обратиться к книге А.М. Бродли "*Как мы защищали Араби*" (Лондон, 1884). Тот же автор в своей книге "*Тунис, прошлое и настоящее*" (2 тома, 1882) пролил много света на тунисский вопрос и на панисламское движение в Северной Африке.

СНОСКИ:

[354] Цитируется Д.А. Камероном, *Египет в девятнадцатом веке*, стр. 242.

[355] *Египет и египетский вопрос*, сэр Д. Маккензи Уоллес (1883), стр. 318-320.

[356] *Англия в Египте*, сэр Альфред Милнер (лорд Милнер), 1892, стр. 216-219. (Египетский фунт равен 1 фунту стерлингов: 0: 6.) Я привожу цифры в фунтах стерлингов.

[357] *Египетский вопрос*, К. де Фрейсине (1905), стр. 151.

[358] *Египетский вопрос*, К. де Фрейсине, стр. 106.

[359] *Англия в Египте* и др. стр. 222. Смотрите там подробности о двойном управлении; также de Freycinet, указ. соч.. глава ii., и *Расширение Египта*, А. Сильва Уайт, глава vi.

[360] Сэр Д.М. Уоллес, *Египет и египетский вопрос*, стр. 67.

[361] Г-н Морли говорит (*Жизнь Гладстона*, том iii, стр. 73), что движение Араби "на самом деле было национальным, а также военным; оно было антиевропейским, и, прежде всего, оно преследовало антитурецкие цели". - С учетом доказательств, собранных сэром Д.М. Уоллесом и лордом Милнером (*Англия в Египте*), я рискну подвергнуть сомнению эти утверждения. Движение явно было военным и антитурецким в своем начале. Позже оно искало поддержки в народе и стало антиевропейским и в некоторой степени национальным; но в этой степени оно перестало быть антитурецким. Кроме того, почему султан должен был поощрять это? Насколько она действительно полагалась на население, пока должно оставаться под вопросом; но свидетельства, собранные м-ром Бродли в книге "*Как мы защищали Араби*" (1884), кажется, показывают, что Араби и его сторонники руководствовались исключительно патриотическими и просвещенными мотивами.

[362] Дешети Гамбетты см. де Фрейсине, указ. соч. стр. 209 и далее.

[363] Морли, *Жизнь Гладстона*, iii. стр. 79.

[364] *Бисмарк: некоторые тайные страницы его истории*, том iii. стр. 51.

[365] *Англия в Египте*, стр. 16. Для получения подробной информации о резне и ее предвзятом характере см. раздел Parl. Газеты, Египет, № 4 (1884).

[366] О причинах осторожности де Фрейсине см. Его работу, гл. iii., особенно стр. 236 и далее.

[367] Смотрите также речь Гладстона от 25 июля 1882 г., в которой он утверждал, что нет ни малейших доказательств в поддержку заявлений Араби о том, что он лидер национальной партии; также его письмо Джону Брайту от 14 июля, цитируемое мистером Морли, *Жизнь Гладстона*, том iii. стр. 84-85. Вероятно, Гладстон была дезинформирована.

[368] Де Фрейсине, указ. соч. стр. 311-312.

[369] Для ознакомления с ее материалами см. Parl. Документы, Египет, 1882 г. (Конференция по египетским делам).

[370] *История кампании в Египте* (Военное министерство), полковник Дж.Ф. Морис, стр. 62-65.

[371] *Жизнь, письма и дневники генерала сэра Джеральда Грэма* (1901). Дж.Ф. Морис, указ. соч. стр. 84-95.

[372] *Op. cit.*.

[373] Говорят, однако, что Араби предупредил М. де Лессепса, что "защита Египта требует временного разрушения Канала" (Трейл, *Англия, Египет и Судан*, стр. 57). Статус канала был определен в 1885 году. Там же. стр. 59.

[374] Сэр А. Милнер, *Англия в Египте*, стр. 31.

[375] Х.Ф. Вуд, *Египет под властью британцев*, стр. 59 (1896).

[376] Читателю следует проконсультироваться для получения полной информации с сэром А. Милнером, *Англия в Египте* (1892); сэром Д.М. Уоллесом, *Египетский вопрос* (1883), особенно с chaps, xi.-xiii.; и А. Сильва Уайт, *Расширение Египта* (1899), лучший отчет об англо- Египетская администрация, с ценными приложениями о "Каиссе" и т.д.

Гораздо более благоприятный свет на поведение Араби и его сторонников проливает мистер А.М. Бродли в своей работе *"Как мы защищали Араби"* (1884).

ГЛАВА XVI

ГОРДОН И СУДАН

Какими были мои идеи при выходе? Они были таковы: *Согласились оставить Судан, но вывести гарнизоны*; и таковы были инструкции правительства ("*Дневник Гордона*", 8 октября 1885 г.).

Одна из особенностей мусульманской веры заключается в том, что любое возрождение обычно сопровождается воинственным пылом, отчасти подобным тому, который позволил ее ранним приверженцам охватить половину известного мира за одно поколение. Это воинствующее вероучение становится опасным, когда оно олицетворяется в святом человеке, который может доказать свое право быть принятым как преемник Пророка. Такой человек недавно появился в Судане. Сомнительно, был ли Мохаммед Ахмед искренне уверен в своих экстравагантных заявлениях, или же он принял их для того, чтобы отомстить Рауфу паше, египетскому губернатору Судана, за оскорбление, нанесенное одним из его подчиненных. В мае 1881 года, живя недалеко от острова Абба на Ниле, он выдвинул свои претензии на то, что он Мессия или Пророк, предсказанный основателем этого вероучения. Удалившись с несколькими учениками на этот остров, он прославился своим рвением и аскетизмом. Его последователи называли его "Эль Махди", лидер, но его заявления были отвергнуты улемами Хартума, Каира и Константинополя на том основании, что Мессия мусульман должен был прийти на Восток. Тем не менее, пока британцы сокращали движение Араби, Махди взбудоражил Судан до глубины души и быстро потряс египетское правление до основания^[377].

Были все основания опасаться скорого краха. В 1874-76 годах провинция Белый Нил познала преимущества справедливого и тактичного правления этого прирожденного лидера людей, полковника Гордона; и в течение трех последующих лет, будучи генерал-губернатором Судана, он получил большие полномочия, которые, по его мнению, были необходимы для подавления работорговли и других видов зла. Плохое состояние здоровья и скрытое противодействие различного рода вынудили его уйти в отставку со своего поста в 1879 году. Затем, ко всеобщему отвращению, хедив назначил своим преемником Рауфа-пашу, которого Гордон недавно отправил в отставку за плохое управление провинцией Харрар на границах Абиссинии^[378]. Таким образом, Судан, испытав на себе преимущества справедливого и дееспособного правительства, вернулся к прежнему плохому состоянию в то время, когда Махди становился властью в стране. Летом 1882 года никакой помощи из Египта не последовало, и восстание Махди быстро продвигалось вперед, даже несмотря на несколько остановок со стороны египетских войск.

Возможно, если бы мистер Гладстон и его коллеги решили сокрушить его той осенью, задача была бы легкой. Но, вместо того чтобы сделать это, они стремились отговорить хедива от попыток удержать наиболее беспокойные районы Кордофана и Дарфура за пределами Хартума.

Возможно, это был бы наилучший курс, если бы эвакуацию можно было провести немедленно и без риска катастрофы от рук фанатиков. Но Тевфик пожелал иного. Вопреки совету лорда Дафферина, он попытался отвоевать Судан, и это тоже совершенно недостаточными силами. Результатом стала серия катастроф, кульминацией которых стало истребление египетских войск Хикс-паши последователями Махди близ Эль-Обейда, столицы Кордофана (5 ноября 1883 г.).

Подробности катастрофы полностью неизвестны. 20 августа 1883 года хедив назначил Хикс-пашу командовать экспедицией в эту провинцию. Он выступил из Омдурмана 9 сентября с 10 000 человек, 4 орудиями Круппа и 16 легкими пушками, 500 лошадьми и 5500 верблюдами. Его последняя депеша, датированная 3 октября, показывала, что силы были сильно ослаблены из-за нехватки воды и провизии, и больше всего из-за чар, наложенных на войска претензиями Махди на непобедимость. Тем не менее, Хикс остановил мятежников в двух или трех столкновениях, но, согласно рассказу одного из немногих выживших, погонщика верблюдов, отряд в конце концов уступил яростной атаке на египетской площади в конце изнурительного марша, затянувшегося из-за предательства местных проводников. Почти все силы были преданы мечу. Хикс-паша погиб вместе с пятью британскими и четырьмя немецкими офицерами и многими известными египтянами. Предприимчивые газетные корреспонденты О'Донован и Визетелли также встретили свою гибель (5 ноября 1883 г.)^[379].

Эта катастрофа решила судьбу Судана на многие годы. Британское правительство никоим образом не было ответственно за назначение генерала Хикса командующим Кордофаном. Лорд Дафферин и сэр Э. Малет настоятельно призывали хедива оставить Кордофан и Дарфур; но, похоже, желание правящего класса в Каире приложить руку к управлению Суданом перевесило эти мудрые увещевания, и отсюда катастрофа близ Эль-Обейда с ее длинной чередой пагубных последствий^[380]. За этим быстро последовал еще один разгром в Токаре, недалеко от Суакима, где налетчики на рабов и племена с побережья Красного моря уничтожили еще один отряд под командованием капитана Монкрифа.

Министерство Гладстона и британские советники хедива, среди которых был сэр Эвелин Бэринг (нынешний лорд Кромер), снова настаивали на полной эвакуации Судана и ограничении власти Египта укрепленной позицией Первого водопада в Ассуане. Затем эта политика получила полное одобрение человека, который должен был стать одновременно героем и мучеником этого предприятия^[381]. Но как должны были быть выведены египетские гарнизоны? Делом чести было не допустить, чтобы они были убиты или поработаны жестокими фанатиками Махди. И все же под руководством египетских офицеров их почти наверняка постигла бы одна из этих участи. Был предложен способ побега - в первую очередь лондонской вечерней газетой. Имя Гордона прославилось справедливостью и отвагой по всему Судану. Пусть этот странствующий рыцарь будет послан - так сказал этот Наставник Прессы - и его странная власть над людьми совершит невозможное. Предложение вызвало всеобщее одобрение, и лорд Грэнвилл, который обычно следовал любому решительному примеру, послал за генералом.

Чарльз Джордж Гордон, родившийся в Вулвиче в 1833 году, был отпрыском стойкой расы шотландских бойцов. Его прадед служил под командованием Коупа в Престонпансе; его дед сражался в экспедиции Боскавена в Луисбурге и под командованием Вулфа в Квебеке. Его отец получил звание генерал-лейтенанта. От своей матери он также унаследовал такие качества, как уверенность в себе и немалая выносливость. Несмотря на то, что у нее было одиннадцать детей

и что трое из ее сыновей были в Крыму, говорят, что она ни разу не дрогнула в то мрачное время. Один из этих сыновей Чарльз Джордж служил в инженерных войсках; при первом соприкосновении с войной он проявил способности и находчивость, которые вызвали всеобщее восхищение. "Раньше мы всегда посылали его узнать, какие новые шаги предпринимают русские", - таково было свидетельство одного из его вышестоящих офицеров. О его последующих обязанностях по делимитации новой бессарабской границы и его чудесной карьере в Китае мы не можем говорить подробно. По общему согласию, именно его солдатский дух помог спасти эту Империю от анархии со стороны мятежников Тейпинга, чье движение представляло собой странную смесь извращенного христианства, коммунизма и вольнодумства. Именно там его магнетическое влияние на мужчин впервые проявилось в полной мере. Хотя ему было всего тридцать лет, его прекрасное телосложение, бесстрашная отвага и дух непререкаемого авторитета, светившийся в его добрых глазах, быстро завоевали контроль над разношерстной группой офицеров и рядовых китайцев - половина из них бывшие повстанцы, - которые сформировали ядро "вечно победоносной армии". Что удивительного, что с тех пор он был известен как "Китайский гордон"?

В 1865-71 годах, которые он провел в Грейвсенде, руководя строительством новых фортов в устье реки, религиозная и филантропическая сторона его характера нашла свободное проявление. Его биограф, мистер Хейк, рассказывает о его интересе к бедным и страждущим, и, прежде всего, к мальчикам, оставшимся без друзей, которые стали боготворить его мужественную, но отзывчивую натуру. Призванный впоследствии хедивом сменить сэра Сэмюэля Бейкера на посту губернатора Судана, он серьезно боролся со страшными трудностями, с которыми сталкиваются все, кто пытался покончить с работорговлей в ее главном очаге деятельности. Позже он выразил убеждение, что "Судан - бесполезное владение, когда-либо был таким и когда-либо будет таким". Эти слова и некоторые эпизоды его официальной карьеры в Индии и Капской колонии выявили слабую сторону его исключительно благородной натуры. Иногда он был поспешен и импульсивен в своих решениях, и тогда вспыхивала гордость его расы. Во время его кадетства в Вулвиче его упрекнули в некомпетентности и сказали, что из него никогда не получится офицера. Он тут же сорвал эполеты со своих плеч и швырнул их к ногам своего начальника. Определенное нетерпение контролировать себя характеризовало его на протяжении всей жизни. Ни один человек никогда не был более рыцарственным, более добросовестным, более преданным или более способным управлять подчиненными; но его способности заключались скорее в быстрой интуиции и стремительных достижениях, чем в здравом суждении и кропотливом труде. Короче говоря, его качества были качествами странствующего рыцаря, а не государственного деятеля. Властные призывы совести и инстинкта наделили его силами, уникальными для того, чтобы привлекать и порабощать простые прямолинейные натуры и подчинять жителей Востока своей воле. Но империя совести, инстинкта и силы воли плохо сочетается с теми дипломатическими способностями к своевременному компромиссу, которые значительно способствуют успеху в жизни. В этом была одновременно и сила, и слабость существа Гордона. Посреди *пресного*, скептического века проявилась его личность, богобоязненная, как у члена Ковена, романтическая, как у Львиного сердца, нежная, как у Флоренс Найтингейл. По правде говоря, это взывало ко всему самому элементарному в человеке.

В то время король Бельгии поручил Гордону отправиться к реке Конго, чтобы покончить с работорговлей. Воображение будет настойчиво гадать, каким мог бы быть результат, если бы он выполнил этот столь необходимый долг. Возможно, он приобрел бы такое влияние, чтобы

направить "Свободное государство Конго" по пути, далеко отличному от того, к которому оно пришло. Он сам осознал величие открывшейся возможности. В своем письме Х.М. Стэнли от 6 января 1884 года он заявил, что "никогда не было представлено такого эффективного средства искоренить работорговлю, как то, которое Бог открыл нам благодаря доброму бескорыстию Его Величества".

Теперь жребий был брошен в пользу Конго и Нила. Гордон провел краткую беседу с четырьмя членами Кабинета министров - лордами Грэнвиллом, Хартингтоном, Нортбруком и сэром Чарльзом Дилке. Гладстона в Хавардене не было, и они немедленно решили, что ему следует отправиться в Верховья Нила. О том, что произошло на этой важнейшей встрече, известно только из отчета Гордона о ней в частном письме:

В полдень он, Уолсли, пришел ко мне и отвел к Министрам. Он вошел и поговорил с министрами, а вернувшись, сказал: "Правительство Ее Величества хочет, чтобы вы взялись за это. Правительство намерено эвакуировать население Судана, поскольку оно не гарантирует будущее правительство. Вы пойдете и сделаете это?" Я сказал: "Да". Он сказал: "Войдите". Я вошел и увидел их. Они спросили: "Уолсли сообщил вам о наших приказах?" Я ответил: "Да". Я сказал, "Вы не гарантируете будущее правительство Судана, и вы хотите, чтобы я поднялся наверх для эвакуации прямо сейчас?" Они сказали "Да", и на этом все закончилось, и в 8 часов вечера я уехал в Кале.

Прежде чем встретиться с министрами, Гордон имел продолжительную беседу с лордом Уолсли, который прошлой осенью был назван бароном Уолсли из Каира. Этот разговор нам также неизвестен, но, очевидно, он, должно быть, повлиял на впечатления Гордона относительно круга обязанностей, возложенных на него Кабинетом министров. Обратимся, таким образом, к "Инструкции генералу Гордону", составленной Министерством 18 января 1884 года. Они предписали ему "немедленно отправиться в Египет, доложить им о военной ситуации в Судане и о мерах, которые, возможно, было бы целесообразно предпринять для обеспечения безопасности египетских гарнизонов, все еще удерживающих позиции в этой стране, и для безопасности европейского населения в Хартуме". Он также должен был доложить о наилучшем способе проведения эвакуации из внутренних районов Судана и о мерах, которые могли бы быть приняты для противодействия последующему распространению работорговли. Он должен был подчиняться указаниям генерального консула Его Величества в Каире (сэра Эвелина Бэринга). Далее следовало следующее предложение: "Вы будете считать себя уполномоченным и проинструктированным выполнять такие другие обязанности, которые правительство Египта, возможно, пожелает возложить на вас, и которые могут быть доведены до вашего сведения сэром Эвелин Бэринг"[382]."

Получив эти инструкции, Гордон немедленно отправился в Египет в сопровождении полковника Стюарта. В Каире у него была встреча с сэром Эвелином Бэрингом, и он был назначен генерал-губернатором Судана хедивом. Фирман от 26 января содержал следующие слова: "Мы верим, что вы осуществите наши добрые намерения по установлению справедливости и порядка, и что вы обеспечите мир и процветание народа Судана, поддерживая безопасность дорог" и т.д. В нем не было ни слова об эвакуации Судана, равно как и о том, что хедив объявил суданцам ту же дату. Единственное упоминание об эвакуации было в его письме Гордону от того же числа,

начинающемся так: "Вам известно, что целью вашего прибытия сюда и вашей миссии в Судане является проведение эвакуации этих территорий и вывод наших войск, гражданских чиновников и тех жителей вместе с их имуществом, которые, возможно, пожелают уехать в Египет . . . " После выполнения этой задачи он должен был "предпринять необходимые шаги для создания организованного правительства в различных провинциях Судана для поддержания порядка и прекращения всех бедствий и подстрекательства к восстанию"[383]. Каким образом Гордон, отослав все войска, должен был усмирять эту огромную территорию, Его высочество не объяснил.

Почти столько же двусмысленности содержится в "дальнейших инструкциях", которые сэр Эвелин Бэринг составил 25 января в Каире. Заявив, что британское и египетское правительства согласились с необходимостью "эвакуации" Судана, он отметил тот факт, что Гордон одобрил это и считает, что это ни в коем случае не должно быть изменено; далее в сообщении говорится:--

Вы считаете, что для безопасного выполнения этого может потребоваться несколько месяцев.

Вы также придерживаетесь мнения, что "восстановление страны должно быть возложено на различных мелких султанов, которые существовали во время завоевания Мухаммедом Али, и чьи семьи все еще существуют"; и что следует приложить усилия к формированию конфедерации этих султанов. С этой точкой зрения египетское правительство полностью согласно. Разумеется, следует полностью понимать, что египетские войска не должны оставаться в Судане только с целью укрепления власти новых правителей страны.

Но египетское правительство полностью доверяет вашим суждениям, вашему знанию страны и вашему пониманию общей линии политики, которую необходимо проводить.

Следовательно, вам предоставляется полное дискреционное право удерживать войска в течение

такого разумного периода, который вы сочтете необходимым, чтобы оставление страны могло быть осуществлено с

наименьшим возможным риском для жизни и имущества. В Финансовом отделе для вас открыт кредит в размере 100 000 фунтов стерлингов[384]. . . .

Сами по себе эти инструкции были не совсем ясны. Офицер, которому разрешено использовать войска для заселения или умиротворения огромного участка страны, вряд ли может быть проводником политики простого "отказа". Ни Гордон, ни Бэринг, похоже, в то время не осознавали несоответствия этих двух наборов обязанностей, но вскоре эта мысль промелькнула в голове Гордона. В Абу-Хаммеде, приближаясь к Хартуму, он телеграфировал Бэрингу: "Я бы очень просил, чтобы программой была эвакуация, а не оставление". Или, как он выразился, он хотел, чтобы Египет признал ее "моральный контроль и сюзеренитет" над Суданом[385]. Это, конечно, было продолжением программы, на которую он дал свое согласие в Каире; она отличалась *от политики отказа от того казало*, проводимой в Лондоне.

Даже сейчас невозможно понять, почему министры сразу же не упростили ситуацию, четко изложив свои приказы Гордону, конечно, не как генерал-губернатору Судана, а как британскому

офицеру, на которого они возложили определенные обязанности. Позже они попытались ограничить его рамками ограниченной сферы, очерченной в Лондоне; но тогда было слишком поздно подчинять своей воле натуру, которая, непоколебимая во все времена, становилась такой же непреклонной, когда внутри заговаривал голос совести. Оно уже высказалось, причем против "оставления".

В этой ситуации были и другие сбивающие с толку элементы. Гордон полагал, что "полная дискреционная власть", предоставленная ему сэром Э. Бэрингом, была обещанием, обязательным для британского правительства; и, учитывая, что он был уполномочен выполнять такие другие обязанности, о которых ему сообщит сэр Эвелин Бэринг, он был прав. Но министры, похоже, не поняли, что это подразумевало огромное расширение первоначальной программы. Далее, сэр Эвелин Бэринг использовала термины "эвакуация" и "оставление" так, как если бы они были синонимами; в то время как, по мнению Гордона, они были очень разными. Как мы увидим, его натура, одновременно добросовестная, неистовая и настойчивая, пришла к тому, что он отверг идею покинутости как трусливую и, следовательно, невозможную.

Наконец, мы можем отметить, что Гордону предоставили свободу объявлять о предстоящей эвакуации Судана или нет, по его усмотрению[386]. Он решил сохранить это в секрете. Если бы он сохранил это полностью до настоящего времени, у него все было бы хорошо; но, как говорят, он разгласил это одному или двум чиновникам в Бербере; если так, то это была очень прискорбная неосторожность, которая поставила под угрозу оборону этого города. Но, конечно, ни на одного человека никогда не возлагались столь сложные и противоречивые обязанности. Качества Нестора, Улисса и Ахиллеса, объединенные в одном смертном, вряд ли помогли бы развязать или разрубить этот узел.

Первое резкое столкновение между Гордоном и правительством Метрополии произошло в результате его настоятельной просьбы о приеме на работу Зебер-паши в качестве будущего правителя Судана. Уроженец Судана, этот человек благодаря своей энергии и честолюбию достиг огромного богатства и власти и считался кем-то вроде царя среди работоторговцев Верхнего Нила, пока за какое-то преступление против египетского правительства не был интернирован в Каире. В этом городе Гордон провел совещание с Зебером в присутствии сэра Э. Бэринга, Нубар-паши и других. Она была долгой и бурной и производила впечатление неугасимой ненависти работоторговца к освободителю рабов. Одно это, казалось, оправдывало министерство Гладстона в отказе в просьбе Гордона[387]. Если бы Зебер поехал с Гордоном, он, несомненно, предал бы его - так думал сэр Эвелин Бэринг.

Выехав из Каира и быстро поднявшись вверх по Нилу, Гордон достиг Хартума 18 февраля и получил восторженный прием от обескураженного населения. Он сразу же публично сжег все орудия пыток и записи о старых долгах, так что его популярность затмила популярность Махди. Он вновь призвал к отправке Зебера в качестве своего "преемника" после вывода войск и гражданского населения из Судана. Но, как сказал сэр Эвелин Бэринг, передавая запрос Гордона на Даунинг-стрит, было бы крайне опасно размещать их вместе в Хартуме. Далее следует отметить, что телеграммы Гордона показали его убежденность в том, что власть Махди была переоценена, и что его личное наступление на Хартум было крайне маловероятным[388]. Поэтому неудивительно, что 22 февраля лорд Грэнвилл телеграфировал сэру Э. Бэрингу, что общественное мнение Англии "не потерпит назначения Зебер-паши"[389]. Оно уже было оскорблено заявлением Гордона в Хартуме о том, что правительство не будет вмешиваться в

покупку и продажу рабов, хотя, как указал сэр Эвелин Бэринг, восстановление рабства вполне естественно стало результатом политики эвакуации; и теперь он настоятельно призвал Гордона предоставить "полную свободу действий для завершения исполнения его общих планов".[390].

Здесь желательно помнить, что махдистское движение тогда было почти полностью ограничено тремя главными районами - Кордофаном, частями земель, прилегающих к Голубому Нилу, и племенами, обитавшими к западу и юго-западу от Суакима. Пока что эти последние были самыми опасными. Они уже одолели и вырезали два египетских отряда, а 22 февраля до Каира дошла весть о падении Токара под ударами доблестных воинов Османа Дигны. Но это было далеко от Нила и не угрожало Гордону. Британские войска были высажены в Суакиме для защиты этого порта, но этот шаг не подразумевал изменения политики в отношении Судана. Слабое впечатление, которое две блестящие, но дорогостоящие победы при Эль-Тебе и Тамаи произвели на воинственные племена в тылу Суакима, безусловно, показало необходимость осторожности при вводе войск в Судан в разгар летней жары[391].

Первый намек на какое-либо изменение политики был сделан Гордоном в его депеше сэру Э. Бэрингу от 26 февраля. Выразив свое сожаление по поводу отказа британского правительства разрешить назначение Зебера своим преемником, он произнес следующие замечательные слова:

Вы должны помнить, что когда будет проведена эвакуация, Махди спустится сюда и с помощью агентов не даст Египту успокоиться. Конечно, мой долг - эвакуация, и я делаю все возможное для установления спокойного правительства. Первое я надеюсь выполнить. Второе - более сложная задача, и касается Египта больше, чем меня. Если Египет хочет успокоиться, Махди должен быть разгромлен. Махди наиболее непопулярен, и при наличии осторожности и времени его можно разгромить. Помните, что как только Хартум перейдет к Махди, задача станет намного сложнее; и все же вы, ради безопасности Египта, выполните ее. Если вы решите разбить Махди, тогда выделите еще 100 000 фунтов стерлингов и отправьте 200 индийских солдат в Вади-Хайфу, а офицера отправьте в Донголу под предлогом поиска жилья для войск. Оставьте Суакима и Массову в покое. Я повторяю, что эвакуация возможна, но вы почувствуете эффект в Египте и будете вынуждены заняться гораздо более серьезным делом, чтобы защитить Египет. В настоящее время было бы сравнительно легко уничтожить Mahdi[392].

Это утверждение вызывает различные мнения в зависимости от точки зрения, с которой мы его рассматриваем. Как декларация общей политики это не менее разумно, чем пророчески; как депеша генерал-губернатора Судана египетскому правительству, оно требовало серьезного внимания; как рекомендация, направленная британским офицером правительству Метрополии, это было совершенно за пределами его полномочий. Гордон был послан с определенной целью; теперь он предлагал подчинить эту цель другой, гораздо более обширной цели, которая лежала за пределами его провинции. Тем не менее, сэр Э. Бэринг 28 февраля и 4 марта даже сейчас убеждал министерство Гладстона удовлетворить просьбу Гордона о назначении Зебера-паши его преемником на том основании, что в Судане должно быть оставлено какое-то правительство, а Зебер считался в Каире единственно возможным губернатором. И снова правительство Метрополии отказалось и тем самым взяло на себя моральное обязательство предложить альтернативный курс. Единственный предложенный курс состоял в том, чтобы

разрешить отправку британских войск вверх по Нилу, если этого потребуют обстоятельства[393].

В этой связи хорошо бы помнить, что вопрос о Египте и Судане был лишь одним из многих, привлекавших внимание министров. Одни только события за пределами Суакима могли бы заставить их остановиться, прежде чем они вторгнутся в Судан; ибо это было время, когда Россия продвигалась в направлении Афганистана; и соглашение между тремя императорами налагало необходимость осторожности на такое изолированное и непопулярное государство, каким тогда была Англия. Принимая во внимание замыслы немецкой колониальной партии (см. Главу XVII) и давление ирландской проблемы, кабинет Гладстона, несомненно, был оправдан, отказываясь брать на себя какие-либо новые обязанности, за исключением самой неотложной необходимости. Жизненно важные интересы были поставлены на карту в слишком многих местах, чтобы оправдывать политику донкихотских авантюр вверх по Нилу.

Тем не менее вызывает сожаление тот факт, что министры заняли по суданской проблеме позицию, которая была логически обоснованной, но бесполезной в сфере действий. Миссия Гордона, по словам эрла Грэнвилла, была мирной, и он с тревогой поинтересовался, какого прогресса удалось добиться в выводе египетских гарнизонов и гражданского населения. Этот вопрос он задал даже вопреки позитивному заявлению Гордона в телеграмме от 8 марта:

Если вы не пошлете Зебера, у вас нет шансов вывести гарнизоны; . . . Зебер здесь был бы гораздо могущественнее Махди, и он быстро расправился бы с Махди[394].

Неделей ранее Гордон закрыл телеграмму словами отчаяния:

Я сделаю все возможное, чтобы выполнить мои инструкции, но я убежден, что меня поймают в Хартуме[395].

Неудивительно, что министры были озадачены депешами Гордона или тем, что Баринг телеграфировал Хартуму, что ему очень трудно понять, чего хочет генерал. Все, кто сейчас просматривает его депеши, должны испытывать то же чувство, смешанное с сожалением о том, что он когда-либо ослаблял свои позиции предложением "разгромить Махди". С тех пор британское правительство, очевидно, испытывало некоторое недоверие к своему посланнику; и в этом тревожном факторе и двойственности обязанностей Гордона мы можем усмотреть по крайней мере одну причину окончательной катастрофы.

11 марта британское правительство отказалось либо разрешить назначение Зебера, либо направить британские или индийские войска из Суакима в Бербер. Не желая преждевременно давить на Гордона, граф Грэнвилл настаивал на необходимости эвакуации как можно скорее. 16 марта, услышав зловещие новости о распространении власти Махди вблизи Хартума и Бербера, он посоветовал эвакуировать бывший город в кратчайшие возможные сроки[396]. Здесь мы можем отметить, что повстанцы начали смыкаться вокруг него 18 марта.

Совет эрла Грэнвилла прямо противоречил чувству чести Гордона. Как он заявил 20 марта или около того, верность жителей Хартума, в то время как предательство было распространено повсюду, обязывала его не покидать их, пока он не сможет сделать это "при правительстве, которое даст им некоторую надежду на мир". И здесь его долг как губернатора Судана или его чрезвычайная добросовестность как человека удержали его на этом посту, несмотря на недвусмысленные рекомендации британского правительства. О его решении когда-нибудь

придется пожалеть; но оно делает ему честь как христианину и солдату. В основе недопонимания между ним и Кабинетом министров лежали разные взгляды на долг. Гордон изложил свои сомнения в телеграмме Бэрингу:

Вы должны понимать, что ни вы не могли отозвать меня, ни я, возможно, не мог повиноваться, пока каирские *служащие* не выйдут из всех мест. Я назначал людей в разные места, тем самым связывая их с Махди. Как я мог смотреть миру в лицо, если я бросил их и сбежал? Как джентльмен, не могли бы вы посоветовать этот курс?

Эрл Грэнвилл резюмировал свое изложение дела следующими словами:

Миссия генерала Гордона, в том виде, в каком она была первоначально задумана и решена, носила мирный характер и никоим образом не касалась каких-либо перемещений британских войск Он был, кроме того, уполномочен и проинструктирован выполнять такие другие обязанности, которые правительство Египта могло пожелать возложить на него и о которых вы могли сообщить ему Правительство Ее Величества, принимая во внимание остроту ситуации, согласилось с этими инструкциями [правительства Египта], которые фактически изменили миссию генерала Гордона с рекомендации на выполнение или, по крайней мере, руководство эвакуацией не только военных, но и гражданских лиц. Хартум, но не всего Судана, и они были готовы к тому, чтобы генерал Гордон получил очень широкие полномочия, предоставленные ему хедивом, чтобы дать ему возможность выполнить свою трудную задачу. Но они все время разделяли ваше беспокойство о том, что он не должен подвергать себя ненужному личному риску или ставить себя в положение, из которого отступление было бы затруднительным[397].

Затем он заявляет, что ясно, что Хартум может продержаться по крайней мере шесть месяцев, если на него нападут, и, учитывая, что британская оккупация Египта была лишь "с особой и временной целью", любая экспедиция в Судан была бы крайне нежелательна как по общим, так и по дипломатическим соображениям.

Оба этих взгляда на долг понятны и заслуживают похвалы тех, кто их придерживался. Но первая точка зрения принадлежит офицеру с высокой душой; вторая - ответственному и испытанному министру и дипломату. Они полностью расходились, и это расхождение привело к катастрофе.

Услышав об осаде Хартума, генерал Стивенсон, командовавший тогда британскими войсками в Египте, посоветовал немедленно направить бригаду в Донголу - шаг, который, вероятно, привел бы к наилучшим результатам; но этот совет был отклонен в Лондоне по причинам, изложенным выше. Министры, похоже, опасались, что Гордон может использовать силу в наступательных целях. Египетский батальон был отправлен вверх по Нилу в Короско в середине мая; но "моральный эффект", на который надеялись от этого смелого шага, исчез перед лицом серьезного противодействия. 19 мая важный город Бербер был взят махдистами[398].

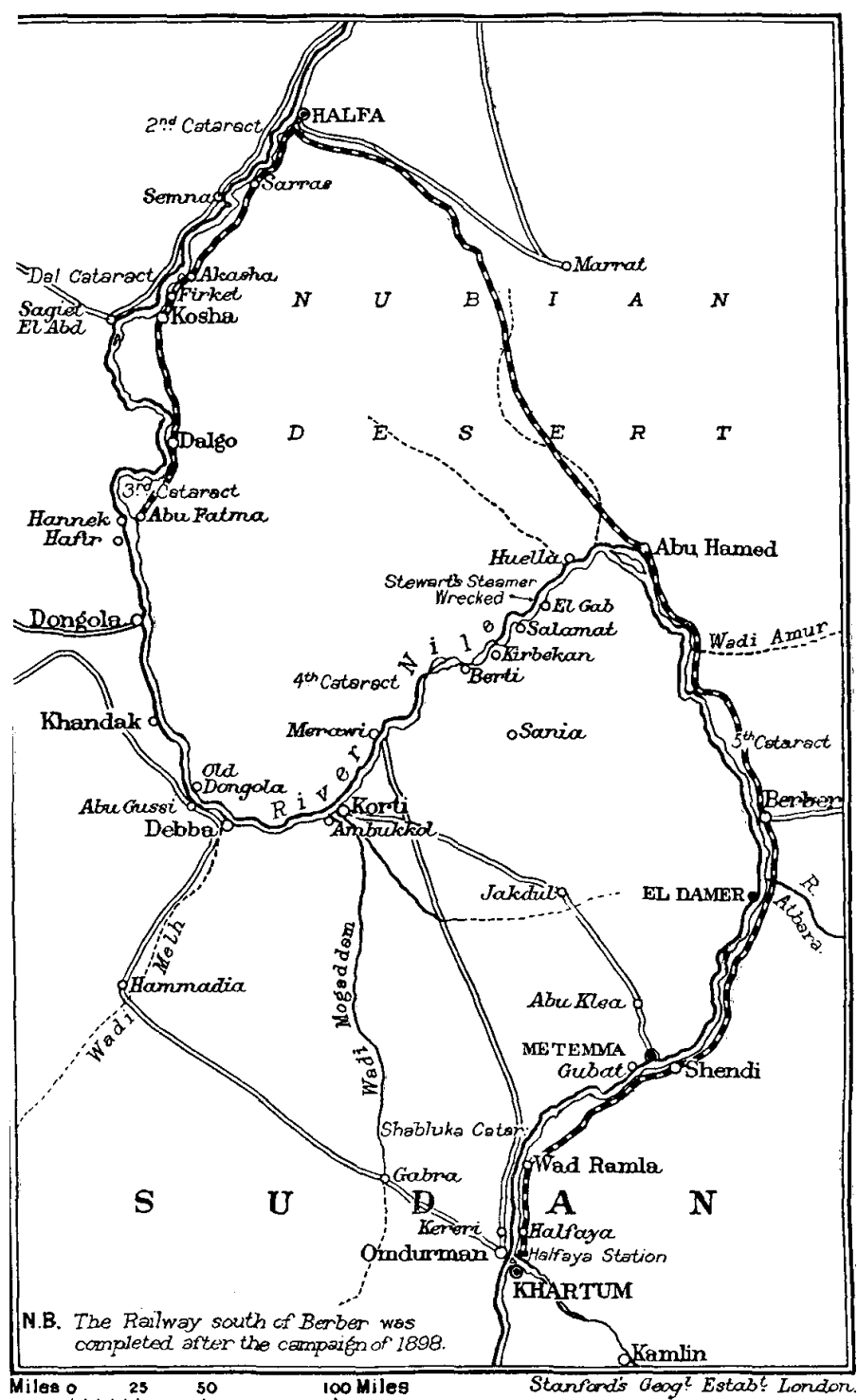
Каким бы трудным ни был вывод от 10 000 до 15 000 человек[399] Египтян из Хартума всегда было - и требовалось спасти еще пятнадцать гарнизонов - теперь это было практически невозможно, если только по повстанцам в этом районе не был нанесен какой-нибудь удар. Единственным эффективным ударом был бы тот, который нанесли бы британские или индийские войска, но правительство отказалось от этого, хотя Гордон снова и снова указывал, что небольшие, хорошо оснащенные силы сделают гораздо больше, чем крупные. "Тяжелой, неуклюжей колонны, какой бы сильной она ни была, нет нигде в этой стране (так он написал в

своих *дневниках* 24 сентября). . . . Это страна нерегулярных, а не регулярных". Через месяц после взятия Бербера небольшой британский отряд покинул Сиут на Ниле и направился в Асуан; но этот шаг, который вызвал бы волнение в Судане в марте, не возымел особого эффекта в середине лета. Тем не менее, быстрое наступление на Донголу, а оттуда на Бербер, вероятно, спасло бы ситуацию в последний час.

Но сначала военные власти должны были провести битву на маршрутах. Уже 25 апреля правительство приказало генералу Стивенсону доложить о наилучших способах освобождения Гордона; после должного рассмотрения этой сложной проблемы он посоветовал отправить 10 000 человек в Бербер из Суакима в сентябре месяце. Подготовка фактически была начата в Суакиме, но в июле эксперты стали отдавать предпочтение маршруту по Нилу. В том месяце лорд Уолсли настаивал на немедленной отправке войск вверх по этой реке и обещал, что они будут в Донголе к середине октября. Тем не менее, официальные колебания препятствовали осуществлению проекта, и только 29 июля решение, по-видимому, было окончательно принято в пользу маршрута по Нилу. Еще 8 августа лорд Хартингтон, тогдашний военный министр, заявил, что Гордону будет направлена помощь, *если это окажется необходимым*^[400]. 26 августа лорд Уолсли был назначен командовать спасательной экспедицией, собирающейся на Ниле, но только 5 октября он достиг Вади-Хайфы, ниже Второго порога.

Тем временем паутина судьбы захлестывала Хартум. Тщетно Гордон пытался поддерживать связь. Все, что он мог сделать, - это стойко держаться за этот последний оплот цивилизации. Еще оставались некоторые основания для надежды. Махди остался в Кордофане, нехватка продовольствия препятствовала его походу на север в полном составе. Его полуоружным фанатикам город противопоставил мощный заслон. Разбросанные по земле "Вороньи лапки" положили конец их безумному натиску, и мины сотнями подбрасывали их в воздух. Хартум, казалось, бросал вызов этим сынам пустыни. Огонь пароходов отогнал их от берегов и превратил в пыль их форты^[401]. Арсенал мог выпускать 50 000 патронов "Ремингтон" в неделю. Таким образом, были все основания удерживать город; ибо, как записал Гордон в своем *Дневнике* 17 сентября, если Махди возьмет Хартум, понадобятся большие силы, чтобы остановить его пропаганду. То тут, то там в этих патетических записях борьбы не на жизнь, а на смерть мы улавливаем проблеск надежды Гордона спасти Хартум для цивилизации. Он не раз отмечал легкость удержания Судана от Нила в качестве базы. С фортами у порогов и вооруженными пароходами, патрулирующими чистые участки реки, оборона Судана, по его мнению, ни в коем случае не была невозможной^[402].

10 сентября ему удалось отправить вниз по течению на пароходе полковника Стюарта и господ. Пауэр и Хербин; но, к сожалению, они потерпели крушение и погибли

Карта Нила

от рук арабов близ Корти. Совет и помощь этого доблестного офицера оказали бы неоценимую услугу силам, пришедшим на помощь. 10 сентября, когда начались *Дневники*, Гордон все еще надеялся на успех, хотя еды было мало.

В это время спасательная экспедиция собиралась в Вади-Хайфе, месте, которое сужающееся ущелье Нила отмечает как одно из естественных защитных сооружений его нижней долины. Там британское и египетское правительства собирали силы, которые вскоре составили 2570 британских военнослужащих и несколько египтян, которые должны были использоваться исключительно для выполнения транспортных и волочительных работ. Поразительной данью солидарности Империи стало присутствие 350 канадцев, в основном французов, чье мастерство в управлении лодками на порогах вызвало восхищение со всех сторон. Трудности пути по Нилу вскоре оказались гораздо серьезнее, чем предполагалось. Действительно, многие люди до сих пор считают, что маршрут Суаким-Бербер был бы гораздо предпочтительнее. К сожалению, уровень воды в Ниле был ниже обычного, и многие пороги, по которым поднимались небольшие пароходы, когда вода была глубокой и полноводной, были непроходимы даже для китобоев, от которых зависело продвижение экспедиции до Корти. Много раз все лодки приходилось вытаскивать на берег и переносить канадцам или египтянам к следующему свободному месту. Письма, написанные Гордоном в 1877 году в более благоприятное время года, теперь были признаны вводящими в заблуждение и отчасти привели к ошибочному расчету времени, который впоследствии оказался столь катастрофическим.

Еще одним неприятным фактом стал отказ властей настаивать на строительстве железной дороги выше Сарраса. К этому моменту строительство было завершено от Вади-Хайфы, и большая работа была проделана примерно на пятнадцать миль дальше. Но либо из-за нехватки необходимых средств, либо из-за того, что линию не удалось завершить вовремя, строительство было остановлено приказом лорда Уолсли в начале октября. Следовательно, было потеряно много времени на перетаскивание лодок и их припасов вверх или вокруг сложных порогов выше Семне[403].

Тем временем в Донголе и Деббе было собрано большое количество припасов; там же находилось множество лодок, так что быстрое продвижение авангарда оттуда более спокойными участками вверх по Нилу, казалось, давало много шансов на успех. Это соответствовало совету Гордона действовать быстро небольшими колоннами; но по какой-то причине этот план не был реализован, хотя полковник Китченер, который собрал эти запасы, рекомендовал его. Еще одним аргументом в пользу скорейшего принятия мер стало получение 14 ноября письма от Гордона, датированного десятью днями ранее, в котором он заявлял, что может продержаться сорок дней, но ему будет трудно делать это дольше.

Продвижение основных сил к Донголе было очень медленным, несмотря на героический труд всех заинтересованных сторон. Теперь мы знаем, что до середины сентября министерство Гладстона лелеяло веру в то, что силам не нужно продвигаться дальше Донголы. Их оптимизм снова оказался напрасным. Махдисты продолжали осаду Хартума и разгромили верные племена ниже по реке. Таковы были новости, отправленные Гордоном и полученные лордом Уолсли 31 декабря в Корти. "Секретная и конфиденциальная" часть сообщения Гордона заключалась в том, что продовольствие на исходе, и спасатели должны прибыть быстро; они должны прибыть на Метамме или Бербере и сообщить Гордону через посыльного, когда они захватят Бербера.

Последние записи в *Дневниках* Гордона или в той части, которая сохранилась, содержат следующие утверждения:

13 декабря. "... Все, что абсолютно необходимо, - это чтобы пятьдесят человек экспедиционного корпуса сели на пароход и прибыли в Халфейю и, таким образом, дали почувствовать свое присутствие; это не требует многого, но это должно произойти немедленно; иначе (как обычно) будет слишком поздно".

14 декабря. [После заявления, что он пошлет пароход с "Журналом" экспедиционному корпусу]. . . . "Теперь запомните это, если экспедиционный корпус, а я прошу не более двухсот человек, не прибудет через десять дней, *город может пасть*; и я сделал все возможное для чести нашей страны. До свидания".

Из-за нехватки транспорта и других трудностей передовой отряд сил, осуществляющих замену, не мог начать свой марш с новой базы на Ниле, недалеко от Корти, до 30 декабря. Оттуда доблестный сэр Герберт Стюарт повел отборную колонну людей с 1800 верблюдами через пустыню к Метамме. Лорд Уолсли остался охранять новую базу операций. В Абу-Клеа-Уэллсе, при приближении к Нилу, колонна подверглась нападению огромной массы арабов. Они продвигались пятью колоннами, каждая из которых имела клиновидную форму, предназначенную для прорыва британского каре. С тихим приглушенным криком или песнопением они бросились дальше в замечательном порядке, не обращая внимания на тяжелые потери, вызванные непрерывным огнем с трех сторон площади. Их командиры вскоре увидели слабое место в обороне, а именно, на одном из задних углов, где запоздалые стрелки все еще искали укрытия, где также в критический момент заклинило одно из орудий. Один из их эмиров, спокойно читая молитвы, въехал в образовавшуюся таким образом брешь, и в течение десяти минут штык и копье наносили смертельные удары с близкого расстояния. Благодаря стойкости британской пехоты каждый араб, пробивший себе дорогу, погиб; но в этой схватке погиб храбрый солдат, которого Англия вряд ли могла пощадить, полковник Барнэби, герой похода на Хиву. Лорд Чарльз Бересфорд из Морской бригады едва спасся, когда пытался починить неисправную пушку. Всего мы потеряли 65 человек убитыми и 60 ранеными, что само по себе говорит о боевых действиях[404].

Два дня спустя, когда войска отбивали атаку арабов близ Метаммеха, генерал Стюарт получил ранение, которое оказалось смертельным. Командование теперь перешло к сэру Чарльзу Уилсону из Королевских инженеров. Отрадив атаки других махдистов и укрепив свои позиции на Ниле, новый командующий вступил в контакт с пароходами Гордона, которые прибыли туда 21-го числа со 190 суданцами. И снова, однако, наступление других арабов из Омдурмана вызвало задержку до тех пор, пока не будет сформирован укрепленный лагерь или зариба. Теперь у Уилсона было всего 1322 неврежденных человека; и он увидел, что махдисты располагали гораздо большими силами, чем ожидали лорд Уолсли или генерал Гордон. Только 24 января командир смог отправиться на юг с 20 солдатами Сассекского полка и 190 суданскими солдатами на двух самых больших лодках Гордона - его "копеечных пароходиках", как он их причудливо называл.

Продолжение хорошо известно. Преодолев множество трудностей, вызванных камнями и песчаными отмелями, выдержав натиск огня махдистов, эта безнадежная надежда

приблизилась к Хартуму 28-го числа, только чтобы обнаружить, что это место пало. Ему ничего не оставалось, как развернуться и сбежать, пока это было возможно. Сэр Чарльз Уилсон описал эту сцену: "Массы противника с развевающимися знаменами близ Хартума, длинные ряды стрелков в траншеях-укрытиях в Омдурмане, многочисленные группы людей на Тути [острове], разрывы снарядов и вода, разорванная сотнями пуль, а иногда и более тяжелыми снарядами, произвели впечатление, которое никогда не забудется. Глядя на бурную сцену, казалось почти невозможным, чтобы мы избежали[405]."

Подавленные горем из-за печального провала всех своих стремлений, маленькому отряду все же удалось сбежать в Метамме. Впоследствии они узнали, что опоздали на два дня. Окончательная причина падения Хартума полностью неизвестна. Представление first current о том, что это произошло из-за предательства, было дискредитировано. Конечно, защитники были ослаблены лишениями и запуганы успехами махдистов. Последняя атака также была нанесена по слабому месту в длинной линии обороны; но то ли все защитники сделали все возможное, то ли стремились заключить соглашение с Махди, вероятно, никогда не будет известно. Поведение нападавших, которые сразу открыли огонь по высадившимся силам, исключает предположение, что они все это время намеревались проникнуть в Хартум путем предательства непосредственно перед приближением пароходов. Если бы это было их целью, они, несомненно, добавили бы один коронный штрих коварства - сохранять спокойствие до тех пор, пока Уилсон и его люди не высадутся в Хартуме. Таким образом, захват города, по-видимому, произошел благодаря силе, а не предательству.

Все эти предположения затмеваются тем ошеломляющим фактом, что Гордон погиб. Были выдвинуты различные версии причин его смерти. Одно из них, основанное на достоверных данных, заключается в том, что он погиб, сражаясь. Другой рассказ, который, кажется, больше соответствует его характеру, состоит в том, что, услышав о врывании врага в город, он спокойно заметил: "Все кончено; сегодня Гордон будет убит". Вскоре ворвался вождь арабов баггара с несколькими другими людьми и приказал ему подойти к Махди. Гордон отказался. Шейх трижды повторил приказ. Гордон трижды спокойно повторил свой отказ. Затем шейх выхватил меч и полоснул его по плечу. Гордон по-прежнему пристально смотрел ему в лицо. После этого негодяй ударил его по шее, отрубил голову и отнес ее Махди[406].

Какой бы ни была правда в деталях, несомненно, что ни один человек никогда не смотрел смерти в лицо так долго и безмятежно, как Гордон. Для него жизнь была всего лишь долгом - долгом перед Богом и долгом перед человеком. Мы можем уместно применить к нему благородные строки, которые Теннисон посвятил памяти другой стойкой души -

Тот, кто всегда следует ее приказам,
продолжая с трудом сердца, колен и рук,
Через длинное ущелье к далекому свету, отвоевал
Свой путь наверх и одержал победу,
Обнаружит, что обрушивающиеся скалы Долга, по которым взобрались,
Находятся недалеко от сияющих плоскогорий,
На которых Сам наш Бог - луна и солнце.

ПРИМЕЧАНИЕ Ко ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Незадолго до публикации этой работы лорд Эдмунд Фицморис опубликовал свою *Жизнь графа Грэнвилла*, некоторые детали которой несколько изменяют описание отношений, существующих между графом и генералом Гордоном. Смотрите также выпуск *Times* от 10 декабря 1905 г. (Еженедельный выпуск), в котором исправлены некоторые утверждения, сделанные в "*Жизни графа Грэнвилла*" лордом Кромером (сэром Эвелином Бэрингом).]

СНОСКИ:

[377] Смотрите Отчет Разведывательного отдела Военного министерства, напечатанный в *Дневниках генерал-майора К.Г. Гордона в Хартуме*, Приложение к Вк. iv.

[378] Смотрите письмо Гордона от апреля 1880 г., цитируемое во введении к *Дневникам генерал-майора К.Г. Гордона в Хартуме* (1885), стр. xvii.

[379] *Gordon's Journals*, стр. 347-351; также Парл. Документы, Египет, № 12 (1884), стр. 85 и 127-131 для другого отчета. Смотрите также "*Махдизм*" сэра Ф.Р. Уингейта, главы i-iii, о возвышении Махди и его победе над Хиксом.

[380] Дж. Морли, *Жизнь Гладстона*, том iii. стр. 146; сэр А. Лайалл, *Жизнь лорда Дафферины*, том ii. глава ii.

[381] Морли, *Жизнь Гладстона*, том iii. стр. 147.

[382] Парл. Документы, Египет, № 2 (1884), стр. 3.

[383] Parl. Документы, Египет, № 12 (1884), стр. 27, 28.

[384] Парл. Документы, Египет, № 6 (1884), стр. 3.

[385] Египет, № 12 (1884), стр. 133.

[386] *Там же*. стр. 27.

[387] *Там же*. стр. 38-41.

[388] Египет, № 12 (1884), стр. 74, 82, 88.

[389] *Там же*. стр. 95.

[390] *Там же*. стр. 94.

[391] Подробнее об этих битвах см. "*Махдизм*" сэра Ф. Уингейта, глава iii., и "*Жизнь сэра Джеральда Грэма*" (1901).

[392] Египет, № 12 (1884), стр. 115.

[393] Египет, № 12 (1884), стр. 119.

[394] *Там же*. стр. 145.

[395] Там же. стр. 152.

[396] Там же. стр. 158, 162, 166.

[397] Египет, № 13 (1884), стр. 5, 6. Эрл Грэнвилл сделал то же заявление в своем послании от 23 апреля. Посмотрите также, *Жизнь лорда Грэнвилла*.

[398] Парл. Документы, Египет, № 25 (1884), стр. 129-131.

[399] Это число подсчитано Гордоном в его *Дневниках* (10 сентября 1884 г.), стр. 6.

[400] Морли, *Жизнь Гладстона*, том iii. стр. 164.

[401] Подробнее см. в *Письмах Фрэнка Пауэра из Хартума*.

[402] *Журнал*, стр. 35 и др.

[403] Смотрите письма Гордона за 1877 год, процитированные в Приложении А. Макдональдса "*Слишком поздно для Гордона и Хартума*" (1887); также главу vi. этой книги.

[404] Сэр К.У. Уилсон, *От Корти до Хартума*, стр. 28-35; также смотрите Статью почтенного Р. Тэлбота об "Абу Клеа" в *девятнадцатом веке* за январь 1886 года.

[405] Сэр К.У. Уилсон, указ. соч. стр. 176-177.

[406] Третий отчет, предоставленный Бордейни Беем, торговцем из Хартума, отличается многими деталями. Это напечатано сэром Ф.Р. Уингейтом в его книге "*Махдизм*", стр. 171.

ГЛАВА XVII

ЗАВОЕВАНИЕ СУДАНА

"Суданом, если бы сразу была налажена надлежащая коммуникация, управлять было бы несложно. Единственный способ улучшить доступ в Судан, учитывая плачевное состояние египетских финансов, и способ сделать это без затрат более 10 000 фунтов стерлингов, - это по Нилу". -*Дневники Гордона* (19 сентября 1884 г.).

Может показаться, что рассказ о падении Хартума неуместен в книге, посвященной только формирующим событиям. Но это не так. Пример героизма Гордона сам по себе был большим стимулом к действиям во имя создания оседлого правительства на этой земле. За это он отдал свою жизнь, и мало кто из британцев остался глух к немому призыву этой одинокой борьбы. С другой стороны, огромное усиление власти Махди в результате захвата арсенала в Хартуме представляло (как и предсказывал Гордон) серьезную опасность для Египта. Продолжающееся присутствие британских войск в Вади-Хайфе, и только это, спасло долину Нижнего Нила от опустошающего потока варварства. Это был факт, признанный всеми в Каире, даже ультрагалльской партией. Одному Египту редко удавалось сдерживать какое-либо крупное движение племен Эфиопии и Нубии вниз; и опасность никогда не была так велика, как в 1885 году и после него. Обращения Махди к верующим теперь были полны непостижимой гордости. Колеблющемуся шейху он послал предупреждение: "Если ты проживешь достаточно долго, ты увидишь, как войска Махди распространятся по Европе, Риму и Константинополю, после чего для тебя не останется ничего, кроме ада и вечных мук". Туманность географии была скрыта силой теологии, и все скептики Нубии поспешили принять нового пророка.

Но время его тирании вскоре подошло к концу. Женщина из Хартума, которая была оскорблена им или его последователями, решила отомстить. 14 июня 1885 года ей удалось дать ему медленный яд, который привел его к смерти в продолжительных мучениях восемь дней спустя. Это должно было бы означать смерть и махдизма, но суеверия тяжело умирают в этой стране фанатиков. Фактотум Махди, искусный интриган по имени Абдулла Тааши, ранее получил от своего хозяина письменное заявление о том, что он будет халифом после него; теперь он предъявил этот документ и усилил его влияние, описав в мельчайших подробностях видение, в котором дух Махди вручил ему священный волос неопределимой ценности и свет продолговатой формы, пришедший непосредственно из рук истинного Пророка, который получил его из рук ангела Гавриила, которому он был доверен Всевышним.

Многие охотно поверили в эту глупую историю, и те немногие, кто задавал вопросы, также сочли за благо развеять свои сомнения перед лицом смерти или пыток. Благочестие и политика быстро сработали рука об руку, чтобы укрепить власть самозванца. Над могилой Махди в избранной им столице Омдурмане начала возводиться мечеть; и его преемник заручился поддержкой и пожертвованиями тысяч паломников, которые пришли посетить эту чудотворную святыню. Такова была основа нового правления, которое распространилось по долине Верхнего и Среднего Нила и принесло ужас почти к границам Египта^[407].

Там закон и порядок медленно укоренились под сенью британской администрации, но Египет перестал контролировать земли к югу от Вади-Хальфы. Г-н Гладстон объявил об этом решении в Палате общин 11 мая 1885 г.; и те, кто обнаруживает следы вероломства Альбиона даже в колебаниях его политики, утверждают, что это заявление было сделано с целью возможной аннексии Судана Англией. Их доводы были бы еще более убедительными, если бы они доказали, что министерство Гладстона намеренно принесло Гордона в жертву в Хартуме, чтобы усилить власть Махди и оставить Египет открытым для его ударов, тем самым получив еще одно оправдание для отсрочки давно обещанной эвакуации красных мундиров из дельты Нила.

Таков был *исход* событий; и те, кто рассуждает наоборот, должны набраться смелости отстаивать свои убеждения и использовать все факты дела в своих силлогизмах.

Все, кто хоть сколько-нибудь знаком с тенденциями британской государственной мудрости восьмидесятых годов, прекрасно знают, что на оккупацию Египта смотрели как на серьезную угрозу. Кабинет министров Солсбери стремился выполнить обещания об эвакуации и с этой целью направил сэра Генри Драммонда Вольфа в Константинополь в 1887 году для урегулирования деталей. 1890 год был окончательно установлен при условии, что Египту не должно угрожать никакой опасности в результате таких действий и что Великобритания должна "сохранить за собой предусмотренное договором право на вмешательство, если в любой момент либо внутреннему миру, либо внешней безопасности [Египта] будет серьезно угрожать". С этим последним условием султан, казалось, был готов согласиться. Австрия, Германия и Италия заявили о своем полном согласии с этим; но Франция и Россия отказались принять британское предложение с добавлением этой оговорки и даже повлияли на султана так, что он тоже в конце концов выступил против него. Их недружественные действия можно объяснить только желанием унижить Великобританию и лишиться ее какого-либо эффективного влияния на земле, которую она, ценой такой потери крови и сокровищ для себя, спасла от анархии. Их возражения сорвали это предложение, и поэтому вся позиция осталась неизменной. Британские официальные лица продолжали управлять Египтом, несмотря на противодействие со стороны Франции во всех возможных деталях, связанных с жизненно важным вопросом финансов^[408].

Другие инциденты, произошедшие за годы, прошедшие между падением Гордона и отправкой экспедиции сэра Герберта Китченера, не должны нас здесь задерживать^[409]. Причины, приведшие к этому новому отъезду, будут более подробно рассмотрены, когда мы обратимся к инциденту в Фашоде; но здесь мы можем отметить, что они, вероятно, возникли из-за французских и бельгийских планов раздела Центральной Африки. Желание спасти Судан от жестокой и унижающей достоинство тирании и предложить запоздалую компенсацию памяти Гордона, несомненно, имело определенный вес у министров, как, несомненно, и у общественности. Действительно, сомнительно, что *vox populi* разрешил бы экспедицию, если бы не эти более сентиментальные соображения. Но, по мнению автора настоящей статьи, экспедиция в Судан представляет собой лучший пример дальновидности, решимости и умелого исполнения, который можно найти в недавних летописях Британии.

С наступлением часа человека. За мрачные годы политики "засекай время" полковник Китченер приобрел известность как решительный боец и способный организатор. В течение некоторого времени он исполнял обязанности губернатора Суакима и продемонстрировал свое умение командовать, подчинив себе некоторые соседние племена и спланировав нападение на Османа Дигну, которое было очень близко к успеху. Под его руководством и многими другими британскими офицерами египтяне и суданцы постепенно обрели уверенность в себе и разрушили чары непобедимости, которые так долго владели ордами дервишей. Со всех сторон власть халифа явно шла на убыль. Могущественное племя хадендова близ Суакима, доставившее столько неприятностей в 1883-84 годах, стало нейтральным. На Ниле дервиши также потеряли свои позиции. Англо-египетские войска отбили у них пост Саррас, примерно в тридцати милях к югу от Вади-Хальфы; и попытки фанатиков захватить колодцы на пустынных

маршрутах далеко к востоку от реки были с кровью отбиты. Пока Саррас, Вади-Хальфа и эти колодцы прочно удерживались, Египет был в безопасности.

В Гедарефе, недалеко от Омдурмана, халифа выдержал суровый натиск итальянцев (декабрь 1893 г.), которые вслед за этим заняли город Кассала. Этого не должно было случиться в течение какого-то длительного времени. Все их предприятия против воинственных абиссинцев полностью провалились; и после сокрушительного поражения при Адове (1 марта 1896 г.) вся нация отчаялась извлечь какую-либо выгоду из Внутренних районов своей колонии вокруг Массовы. Новый кабинет министров в Риме принял решение вывести войска из районов вокруг Кассалы. Когда эта новость была доведена до сведения британских министров, они направили в Рим запрос о том, что эвакуация Кассалы может быть отложена до тех пор, пока англо-египетские войска не будут отправлены для занятия этой важной станции. Таким образом, предполагаемый вывод итальянцев способствовал укреплению решимости британского правительства помочь хедиву в восстановлении Судана[410].

Подготовка к наступлению на юг продвигалась медленно и методично в течение лета и осени 1896 года. В настоящее время операции были ограничены возвращением Донголы. Командующим был назначен сэр Герберт Китченер, в то время сирдар египетской армии. Под его началом были люди, доказавшие свою состоятельность за годы беспорядочной борьбы с халифой - Бродвуд, Хантер, Льюис, Макдональд, Максвелл и многие другие. Тренировки были настолько долгими и суровыми, что отсеяли всех слабаков; и сам сирдар был воплощением того сурового, но спасительного закона Природы, который предписывает выживать наиболее приспособленным. Десятки офицеров, которые не смогли выполнить его требования, были тихо уволены; и результат был виден в виде прекрасно подготовленных людей, способных выполнять все задачи, от штабных обязанностей до управления железной дорогой. Сравнение египетской армии, которые воевали в Омдурмане с тем, что тринадцать лет назад убежал с воплями от одной десятой от числа дервишей дает самый впечатляющий Урок современной эпохи торжества духа над материей, западного духа над слабой стороне Восточного фатализма.

Такое формирование характера, как это подразумевает, не могло произойти за месяц или два, поскольку в сознании египтян и суданцев поначалу не было ни малейшего представления о необходимости быстрого повиновения и еще более быстрых действий. Был зафиксирован забавный случай их невероятной расслабленности. На первом параде нового подразделения по перевозке верблюдов перед лордом Китченером ведущий погонщик остановил свое животное, а следовательно, и всех, кто следовал за ним, непосредственно перед сирдаром, чтобы прикурить сигарету. Излишне говорить, что сигарета не была зажжена, но потенциальный курильщик получил свой первый урок превосходства требований коллективизма над прихотями личности[411].

Как видно из карты на стр. 477, решение ограничить кампанию Донголой было связано с выбором маршрута по Нилу. Если бы удар был направлен прямо на Хартум, маршрут Суаким-Бербер или даже через Кассалу имел бы много преимуществ. Прежде всего, речной маршрут открывал перспективу эффективной помощи канонерских лодок в последних атаках на Бербер, Омдурман и Хартум. Однако, поскольку большая часть русла реки между Саррасом и Донголой была изрезана порогами, железная дорога и верблюды поначалу должны были выполнять почти все транспортные функции, для которых Нил там был непригоден. Работа по ремонту железной

дороги от Вади-Хайфы до Сарраса, а затем по прокладке ее через каменистые пустоши, в условиях постоянного риска набегов дервишей, потребовала применения всех способностей изобретательности, терпения и отваги. Но мало-помалу линия продвигалась вперед; локомотивы перевозили груды продовольствия, припасов и боеприпасов все дальше и дальше на юг, пока 6 июня 1897 года не был нанесен первый удар внезапностью и уничтожением отряда дервишей в Феркете.

Там был объявлен привал, так как пришло известие, что дальше к северу небывалый ливень смыл железнодорожные насыпи в некоторых оврагах. Говорили, что на устранение повреждений уйдет тридцать дней. Сирдар заявил, что линия должна быть готова через двенадцать дней; он вернулся, чтобы продолжить работу; через двенадцать дней линия была готова. В качестве примера различных трудностей, которые были встречены и преодолены, мы можем упомянуть одну. Работа по сборке парохода, который поднимался по частям, была остановлена из-за того, что при транспортировке была потеряна важная гайка. Сирдар немедленно приказал всадникам патрулировать железнодорожную линию - и орех был найден. Наконец судно было готово; но во время пробного рейса у него лопнул цилиндр, и его пришлось оставить[412]. Однако три небольших парохода и четыре канонерские лодки были готовы к эксплуатации в середине сентября, когда экспедиция двинулась дальше.

К этому времени боеспособные силы насчитывали около 12 000 человек. У дервишей не хватило духу сражаться к северу от Донголы; и даже в этом городе дервиши оказали лишь слабую поддержку, напуганные снарядами пароходов и сбитые с толку обходными маневрами, которые приказал предпринять сирдар; 700 человек были взяты в плен в Донголе, и лучшие 300 из них были включены в суданские полки Сирдара (23 сентября 1896 г.).

Так закончилась первая часть экспедиции. События оправдали заявление Гордона о том, что небольшая, хорошо оснащенная экспедиция могла быстро свергнуть Махди - то есть в дни его сравнительной слабости перед взятием Хартума. Легкость, с которой была взята Донгола, и сравнительная дешевизна экспедиции предрасположили египетское правительство и английскую общественность относиться к ее расширению на юг с меньшим недоверием.

И снова к новому рывку вперед пришлось готовиться путем тщательной подготовки на базе. Вопрос о маршруте также вызвал задержку. Оказалось желательным проложить новую железную дорогу от Вади-Хайфы через пустыню до Абу-Хамеда на северной оконечности глубокого изгиба, который Нил делает ниже Бербера. Провести линию в пустыню, чтобы атаковать противника, удерживающего хорошую позицию за ее пределами, казалось глупостью. Тем не менее это было сделано, и со средней скоростью около 1/4 мили в день. Со временем генерал Хантер продвинулся вперед и захватил Абу-Хамед, жители которого почти не сопротивлялись, будучи совершенно уставшими от тирании дервишей (6 августа 1897 г.).

Прибытие канонерских лодок после долгой борьбы с порогами ниже Абу-Хамеда дало небольшому отряду Хантера столь необходимую поддержку; и прежде чем он смог продвинуться дальше, до него дошла весть, что дервиши покинули Бербер. Этот шаг вызвал всеобщее удивление, и он так и не был полностью объяснен. Некоторые утверждали, что паника охватила жен гарнизона дервишей в Бербере, и что, когда они бросились из города на юг, их мужья последовали за ними[413]. Несомненно, что семейные чувства, которые дервиши так легко оскорбляли в других, играли ведущую роль во многих их движениях. Какой бы ни была причина, отказ от берберского языка значительно облегчил работу сэра Герберта Китченера.

Вскоре в этом городе были собраны значительные силы, и путь к Красному морю был вновь открыт благодаря дружеской договоренности с местными шейхами.

Следующим важным препятствием на пути наступления была река Атбара. Здесь у дервишей было около 18 000 человек; но вскоре сирдар получил своевременное подкрепление в виде британской бригады, состоящей из горцев Камерона и Сифорта, а также линкольнширского и уорикширского полков под командованием генерала Гатакра. Различные соображения заставляли сирдара ждать, пока он не сможет нанести решающий удар. Больше всего следовало опасаться принятия врагом парфянской тактики. К счастью, они построили зарибу (лагерь, окруженный колючим кустарником) на северном берегу Атбары в месте, расположенном в двадцати милях выше ее впадения в Нил. Наконец, 7 апреля 1898 года, после попытки склонить противника к сражению на открытом пространстве, сирдар двинул вперед свои 14 000 человек в надежде захватить позиции вскоре после рассвета следующего дня, в Страстную пятницу.

Прежде чем первые лучи восходящего солнца окрасили восток, нападавшие продвинулись к горному хребту, возвышающемуся над позицией дервишей; но очень мало голов было видно над колючим валом в ложине напротив. Было сочтено слишком рискованным сразу атаковать превосходящие силы, укрывшиеся в таком надежном укрытии; и в течение полутора часов британские и египетские орудия обстреливали зарибу в надежде вызвать фанатиков на бой. Тем не менее, они сохраняли спокойствие; и их стойкость во время этой кровавой бойни свидетельствовала об их храбрости и дисциплине[414].

В 7.45 сирдар отдал приказ о наступлении. Британская бригада удерживала левое крыло, камероны лидировали в линейном строю, в то время как позади них в колоннах выстроились Уорики, Сифорты и Линкольны, чтобы усилить натиск. Египетские и суданские бригады Макдональдса и Максвелла, выстроившись в шеренги, образовывали центр и правый фланг. Эскадроны египетской кавалерии и батарея "Максимов" противостояли всадникам-дервишам, выстроившимся в ряд вдоль фронта из густого кустарника слева от зарибы. Когда сходящиеся линии продвинулись вперед, их встретил ужасающий залп; к счастью, он был направлен слишком высоко, иначе потери были бы ужасающими. Затем ворвались горцы и суданцы, разорвали колючие кусты и завязали ожесточенный бой в ближнем бою. Из своих укрытий-траншей, ям и хижин-дервиши производили судорожные залпы или бросались на нападавших с копьями или штыками. Но даже при этом фанатики пустыни не могли противостоять закаленным войскам сирдара; и вскоре разбитые остатки хлынули наружу через кустарник или по сухому руслу Атбары. Около 2500 человек были убиты, а 2000, включая командира Махмуда, взяты в плен. Те, кто пытался добраться до плодородной местности вокруг Кассалы, были там выслежены или взяты в плен недавно прибывшим туда египетским гарнизоном.

Как и в предыдущих случаях, сирдар теперь ждал некоторое время, пока железная дорога не будет подведена к недавно завоеванным точкам. Для заключительного этапа экспедиции было также построено еще несколько канонерских лодок. Наступление на Омдурман и Хартум обещало полностью истощить силы армии; но вскоре к экспедиции присоединилась еще одна бригада британских войск под командованием полковника Литтелтона, доведя ее фактическую численность до 23 000 человек. Генерал Гатакр принял командование британской дивизией. Десять канонерских лодок, пять транспортных пароходов и восемь барж обещали обеспечить

полный контроль над берегами реки и предоставить средства для транспортировки армии и всех необходимых припасов на западный берег Нила, когда сирдар сочтет это целесообразным. Дожди в середине лета в экваториальных районах теперь давали о себе знать, и в середине августа Нил покрыл песчаные отмели и скалы, что делало судоходство опасным во времена "низкого Нила". В последнюю неделю того месяца все было готово к долгой и тщательно подготовленной акции. Пехота добиралась на пароходах или баржах до подножия Шаблуки, или Шестого водопада, и такой способ продвижения вызывал у дервишей некоторые сомнения в том, по какому берегу будет предпринято окончательное наступление.

Благодаря неожиданной удаче дервиши покинули скалистые вершины ущелья Шаблука. Это было поводом для радости. Там Нил, ширина которого выше и ниже мили, сужается до русла шириной немногим более ста ярдов. Это естественная защита Хартума на севере. Стратегия халифы и здесь была необъяснима, как и его оставление хребта Керрери, примерно в семи милях к северу от Омдурмана. Мистер Беннетт Берли в своем отчете о кампании утверждает, что "Халифа" наведывался туда раз в год, чтобы поблагодарить за триумф, который должен был быть там одержан.

Наконец, 1 сентября, на вершине хребта Керрери, захватчики впервые увидели Омдурман. Канонерские лодки уже направлялись к столице махдистов, чтобы сбросить свои первые снаряды. Они быстро демонтировали несколько орудий, и один из снарядов оторвал большую часть безвкусного купола, прикрывавшего гробницу Махди. Кроме этого предзнаменования, в тот день не было предпринято ничего важного; но представляется вероятным, что бомбардировка побудила халифа рискнуть напасть на захватчиков в пустыне на стороне, противоположной берегу Нила. Ближе к основным силам сирдара стычка 21-го уланского полка, новичка в войне, но стремящегося "завоевать свои шпоры", была встречена яростными, но бессильными атаками конницы и пехоты халифа, пока на закате обе стороны не удалились на ночной отдых.

Англо-египетские войска совершили зарибу вокруг деревни эль-Геннуайя на берегу реки; и там, в полном ожидании ночной атаки, они искали, где бы поспать. Из-за панического бегства суданских слуг и топота разъяренного верблюда ночь прошла тревожно; но не было такого нападения дервишей, которое могло бы принести смерть в сердце этой маленькой зарибы. Говорят, что сирдар передал нескольким надежным шпионам намек притвориться дезертирами и предупредить врага, что он собирается напасть на них ночью. Если это так, то шпионы никогда не несли лучшей службы.

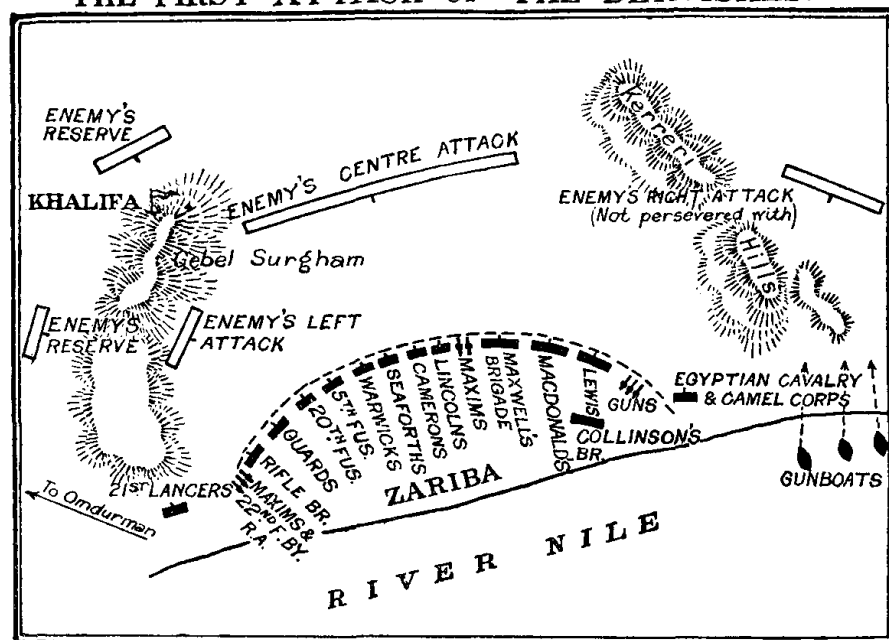
Когда 2 сентября забрезжил первый проблеск рассвета, каждый человек инстинктивно почувствовал, что халифа упустил свой последний шанс. И все же немногие были готовы к кульминационному акту безумия. Все боялись, что он будет крепко держаться за Омдурман и сражаться с новыми крестоносцами от дома к дому. Возможно, кажущаяся слабость зарибы подтолкнула его к концентрической атаке с холмов Керрери и хребта, который тянется по обе стороны крутых склонов холма Гебель Сургам. Беглый взгляд на прилагаемый план покажет, что позиция была такой, чтобы соблазнить уверенного в себе противника. Сирдар также маневрировал, чтобы вызвать атаку. Вскоре после рассвета он отправил египетскую кавалерию и верблюжий корпус на равнину, лежащую между Гебель-Сургамом и Омдурманом, чтобы заманить людей халифы.

Устройство оказалось полностью успешным. Полагая, что они смогут поймать всадников на скалистом хребте рядом с Гебель Сургамом, дервиши толпами выступили из своей столицы, сильно потеснили их и нанесли некоторые потери. Отступая в полном порядке, кавалерия наступала на нетерпеливые орды, пока примерно в 6.30 утра белый блеск их гиббехов, или туник, не показался над коричневато-коричневыми склонами по обе стороны от Гебель-Сургамы. Они наступали бесчисленными толпами, пока, продвигаясь на север вдоль линии неба, их ряды не достигли холмов Керрери к северу от зарибы. Их цель была очевидна: они намеревались окружить захватчиков, запереть их в зарибе и там перебить. Всем, кто не знал значения центральной позиции на войне и мощи современного оружия, казалось, что атака обещает полный успех. Захватчики находились в 1300 милях от Каира, и поражение означало бы уничтожение.

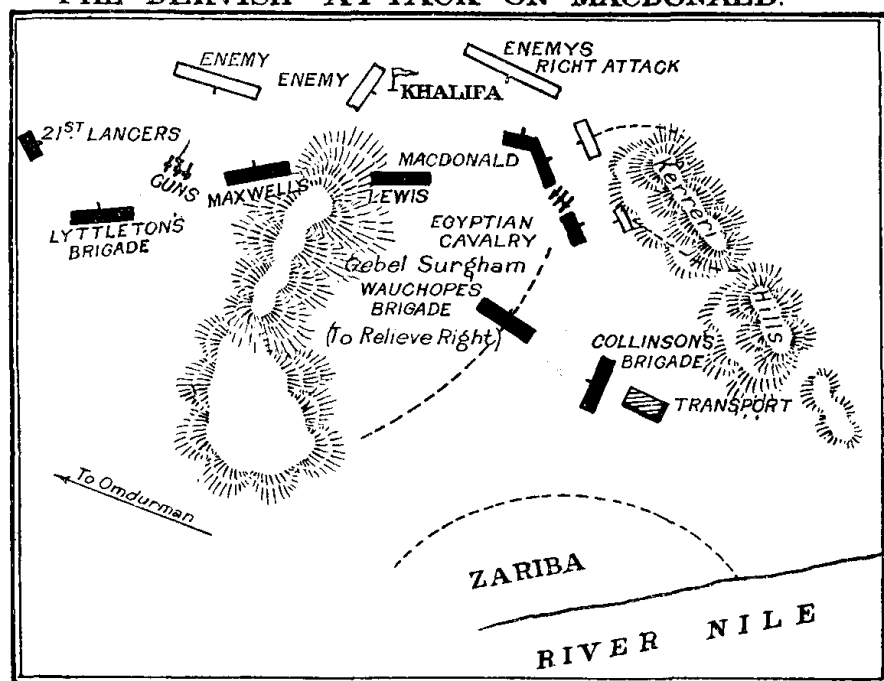
Религиозное рвение придало сил наступлению. Со стороны сходящегося полумесяца махдистов до зарибы донесся звук, похожий на приглушенный ропот. Мало-помалу он усилился до хриплого рева, когда войско двинулось дальше, распевая благочестивые заклинания, которые так часто наводили ужас на египтян. Теперь они слушали угрожающий гул с невозмутимыми сердцами; более того, с душами, жаждущими мести за невыразимые обиды. Таким образом, в течение нескольких минут в этом огромном амфитеатре дисциплина и спокойная уверенность Запада спокойно противостояли фанатичной ярости Востока. Там сражались два мира: мир мусульманства и мир христианской цивилизации; империя необузданной силы и империя разума.

Наконец, после нескольких минут напряженного ожидания, пушки открыли огонь, и вскоре в белых массах появились бреши. И все же полумесяц никогда не замедлял своего наступления, за исключением тех случаев, когда группы останавливались, чтобы стрелять из мушкетов с невозможной дистанции. Размахивая своими флагами и распевая молитвы, дервиши бросились в атаку с полным презрением к смерти; но когда их ряды оказались в пределах досягаемости ружейного огня, они пали, как пучки травы под косой. Затем было замечено чудесное зрелище. Когда мертвые падали быстрее всех, группа из примерно 150 человек

THE FIRST ATTACK OF THE DERVISHES.

THE DERVISH ATTACK ON MACDONALD.

Stanfords Geog. Estab^t, London.

Битва при Омдурмане

Всадники-дервиши выстроились возле темно-зеленого штандарта халифы в центре и помчались через зону огня, полные решимости одержать победу или обрести чувственные радости мусульманского рая. Никто из них не уехал далеко.

Только на севере, где верблюжий корпус попал в затруднительное положение среди скал на склоне Керрери, атака имела какие-то шансы на успех; и там снаряды одной из

шестиканонерских лодок прикрытия помогли сдержать атакующих. На этой стороне полковник Бродвуд и его египетская кавалерия также оказали отличную службу, уведя немалую часть оставшихся дервишей от атаки на зарибу. В середине огненного полумесяца нападавшие устроили кое-какие расправы, стреляя из углубления в земле примерно в 400 ярдах от них; но все их попытки прорваться на разделяющее пространство закончились простой резней. Вскоре после восьми часов халифа, видя безнадежность попыток пересечь зону огня вокруг эль-Геннуайи, теперь густо усеянную его убитыми, отвел выживших за хребет Гебель-Сургам; и те, кто последовал за конницей Бродвуда, также отказались от бесполезного преследования и начали собираться на хребте Керрери.

Сирдар теперь стремился навязать бой на открытом месте; и с этой целью командовал общим наступлением на Омдурман. Для того, чтобы, как могло показаться, сохранить боевой порядок, который внушал бы уважение к бандам дервишей на холмах Керрери, он принял построение, известное как эшелон бригад слева. Суданская бригада Макдональда, удерживавшая северный склон зарибы, была поэтому вынуждена развернуться и двинуться по диагонали к Гебель-Сургаму; и, имея более протяженное пространство для прикрытия, чем другие бригады, она вскоре отстала от них.

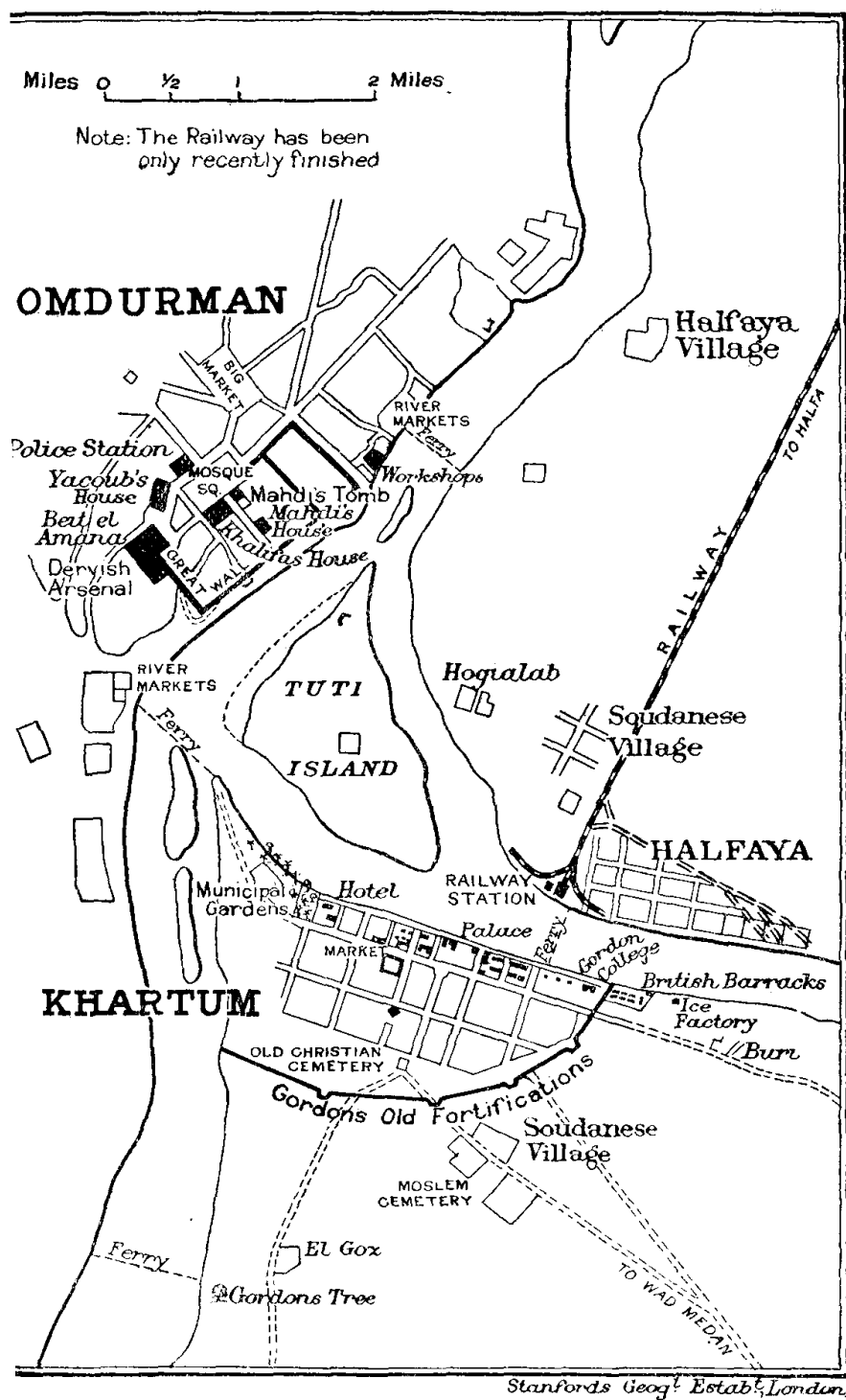
Однако в настоящее время основная тяжесть опасности пала не на Макдональда, а на авангард. 21-й уланский полк был послан вперед через горный хребет между Гебель-Сургамом и Нилом с приказом произвести разведку и, если возможно, оттеснить дервишей от их города. Выбросив разведчиков, они перевалили через хребет, но вскоре после этого наткнулись на крутой и, следовательно, скрытый холм или овраг, откуда большая группа спрятавшихся дервишей вела резкий огонь[415]. Полковник Мартин немедленно приказал своим людям броситься на врага. солдаты с готовностью подчинились приказу и бросились на своих лошадях вниз по склону в толпу разъяренных фанатиков внизу; они рубили на куски каждого, кто падал, и яростно пытались подрезать лошадям сухожилия сзади. Проталкиваясь сквозь толпу, уланы вскарабкались на дальний берег, перестроились и бросились на группы за ним; отбросив их в сторону, они прибегли к менее драматичным, но более эффективным методам. Спешившись, они открыли быстрый и очень эффективный огонь из своих карабинов по толпе, которая все еще толпилась в овраге или рядом с ним. Атака, хотя и являвшая собой прекрасную демонстрацию британской отваги, дорого обошлась всадникам: из 320 человек 60 были убиты и ранены; 119 лошадей были убиты или пришли в негодность[416].

Тем временем бригада Макдональдса, состоящая из одного египетского и трех суданских батальонов, оказалась на грани катастрофы. Отряды с холмов Керрери тайно готовились атаковать его с тыла, в то время как основные силы халифы повернули назад, обогнули западные отроги Гебель-Сургамы и угрожали охватить его правый фланг. Сирдар, увидев опасность, приказал бригаде Уошоупа повернуть обратно на помощь Макдональду, в то время как суданцы Максвелла, карабкавшиеся по восточным склонам Гебель-Сургамы, обрушили смертоносные залпы на следующих за халифой. Дивизии Коллинсона и верблюжьему корпусу было приказано наступать из окрестностей зарибы и поддерживать Макдональда с этой стороны. Еще до того, как эти действия были завершены, этот крепкий шотландец и его суданцы ощутили на себе всю тяжесть наступления халифы. Возбужденные сверх всякой меры, люди Макдональда открыли беспорядочную стрельбу, когда противник приблизился; таким образом, развертывание в линию было беспорядочным, и Макдональду потребовалась вся сила

командования, чтобы отстоять линию. Его стойкость усилила оборону, и перед мощным очарованием западной дисциплины натиск халифы угас.

Но теперь грозовая туча, собирающаяся сзади, разразилась с неожиданной яростью. Массы людей во главе с сыном халифа, шейхом эд Дином, устремились вниз по склонам Керрери и угрожали сокрушить бригаду. И снова было замечено доказательство превосходства разума над грубой силой. Макдональд немедленно приказал левой части своей линии развернуться, удерживая правую в качестве оси, так что все они быстро образовали два фронта, напоминающих заглавную букву V, указывающую наружу на две враждебные силы. Те, кто видел это движение, одинаково удивлялись мастерскому решению, неуклонности исполнения и фанатичной храбрости, которые грозили свести все это к нулю. Белые полчища арабов надвигались с севера, пока стрельба суданцев снова не стала дикой и неэффективной; но, когда боеприпасы у черных иссякли и они приготовились положиться на штык, ближайшее подразделение британской дивизии, "Линкольны", удвоилось, продолжило линию Макдональда справа и давало залп за залпом наискосок в бушующий поток. Он ослаб, замер на месте, а затем медленно пошел на убыль. Хладнокровие Макдональдса и своевременное прибытие Линкольнов, несомненно, предотвратили серьезную катастрофу^[417].

Тем временем основные силы халифы были сдержаны и уничтожены артиллерией, размещенной теперь на Гебель-Сургаме, и огнем бригад на его склонах или вблизи них; так что около одиннадцати часов линии сирдара могли повсюду продвигаться вперед. Отбив отчаянную атаку всадников Баггара с запада, Макдональд развернул свою бригаду и отбросил угрюмые орды эд Дина к западным отрогам холмов Керрери, где их преследовала конница Бродвуда. Теперь все было кончено, за исключением центра силы халифа,

План Хартума

где верный отряд сгрудился вокруг темно-зеленого штандарта своего предводителя и выкрикивал вызов неверным, пока они не пали один за другим. Сам вождь, недостойный объект такой преданности, сбежал на быстром верблюде незадолго до того, как последняя группа стойких воинов коснулась песка.

Несмотря на ужасную жару и жажду своих людей, сирдар позволил себе лишь краткий отдых, прежде чем возобновить поход на Омдурман. Не оставив времени основной массе выживших дервишей добраться до своей столицы, он двинулся дальше во главе бригады Максвелла, в то время как снаряды канонерских лодок снова сеяли ужас в городе. Новости, принесенные несколькими беглецами, и вид штандарта халифы, несомого за египетским знаменем, развеяли все надежды на сопротивление дисциплинированных суданских батальонов; и, чтобы решить дело, сирдар с великолепной храбростью поехал во главе бригады, чтобы призвать город к капитуляции. Он ехал сквозь скопления лачуг на окраинах, несмотря на протесты своего персонала против любого ненужного разоблачения его жизни. Он справедливо рассчитывал на эффект, который такая смелость вождя должна была произвести на колеблющееся население. Фанатики тут и там стреляли в завоевателей, но известие о трусливом бегстве халифа из города вскоре заставило колеблющуюся массу склониться перед непостижимыми предначертаниями судьбы и попросить отступления у победителей.

Так был взят Омдурман. Австрийский торговец Нойфельд и несколько греков и монахинь, пробывших в плену несколько лет, были немедленно освобождены. Впоследствии было подсчитано, что в битве погибло около 10 000 дервишей; очень многие умерли от ран на поле боя или были заколоты штыками из-за упорства в стрельбе по победителям. Этот эпизод сформировал самую темную сторону триумфа; но некоторые континентальные журналы злонамеренно раздули его, превратив в массовую бойню. Это ложь. Омдурман по всем параметрам можно сравнить с победой Скобелева при Денгиль Тепе.

Через два дня после своего триумфа сирдар приказал провести парад напротив руин дворца в Хартуме, где Гордон встретил свою судьбу. Заупокойная служба, состоявшаяся там в память о погибшем герое, была, пожалуй, самой трогательной сценой, свидетелем которой стало это поколение. Подразделения большинства полков сил спасения образовали полукруг вокруг Сирдара; а рядом с ним стояла группа измученных войной офицеров, которые вместе с ним годами трудились, чтобы дожить до этого дня. Была отслужена заупокойная служба; торжественное собрание исполнило любимый гимн Гордона "Пребуди со мной", и шотландские трубы зазвучали в оплакивании погибшего вождя. Мало у кого глаза не были затуманены слезами по окончании этой службы - небольшого, но ощутимого возмещения за задержки и промахи четырнадцатилетней давности. Затем были подняты флаг Юнион Джек и египетский полумесяц, и был дан салют из 21 орудия.

Возвращение Судана Египтом и Великобританией не должно было пройти бесспорно. Все это время Франция смотрела на отвоевание долины верхнего Нила с плохо скрываемой завистью, и некоторые люди утверждали, что французское правительство было не чуждо замыслам Франции помочь халифу^[418]. Теперь, когда эти вопросы были благополучно похоронены англо-французским соглашением 1904 года, было бы глупо пересказывать все, что было сказано среди волнений 1898 года. Следует, однако, упомянуть инцидент в Фашоде, который на короткое время угрожал привести Великобританию и Францию к открытому разрыву.

5 сентября пароход под белым флагом достиг Омдурмана. Бывший капитан-дервиш принес известие, что в Фашоде он был обстрелян белыми людьми, несущими странный флаг. Сирдар разгадал правду, а именно, что французская экспедиция под командованием майора (ныне полковника) Маршана, должно быть, прошла путь от Конго до Белого Нила в Фашоде с целью аннексии этого района для Франции.

Теперь, когда пыль споров рассеялась, мы можем видеть факты в их истинных пропорциях, особенно после того, как работа, недавно опубликованная месье де Фрейсине, и откровения полковника Маршана пролили больше света на это дело. Вкратце, французский случай таков. Г-н Гладстон 11 мая 1885 года официально заявил, что Египет ограничивает свое влияние линией, проведенной через Вади-Хайфу. Таким образом, власть хедива над Суданом прекратилась, хотя это не означало прекращения сюзеренитета султана в этих регионах. Кроме того, Англия действовала так, как если бы Судан был ничейной землей, присвоив самую южную часть в соответствии с англо-германским соглашением от Первого июля 1890 года; а Уганда стала британским протекторатом в августе 1894 года. Французы протестовали против такого расширения британского влияния на Верхний Нил; и мы должны признать, что с точки зрения международного права они были правы. Власть завещать этот район принадлежала султану, поскольку притязания хедива практически утратили силу. Германия, это правда, согласилась не оспаривать аннексию Уганды, но Франция ее оспаривала.

Республика также выразила протест против Англо-Конголезской конвенции от 12 мая 1894 года, согласно которой в обмен на приобретение правого берега Верхнего Нила Англия уступила Свободному государству Конго левый берег[419]. Этот договор был, соответственно, отозван, и 14 августа 1894 года Франция добилась от Свободного государства признания ее претензий на левый берег Нила, за исключением района Ладо ниже Альбер-Ньянца. Это действие со стороны Франции подразумевало желание с ее стороны присвоить эти земли и оспорить британские притязания на правый берег. С точки зрения закона, у нее были на то основания; и если бы она, действуя в качестве мандатария султана, отправила экспедицию из Конго в верховья Нила, ее поведение при провозглашении турко-франкского кондоминиума было бы безупречным. Позиция Британии была под вопросом, поскольку мы практически проигнорировали султана[420] и действовали (насколько известно) по нашей собственной инициативе, изменив политику отказа, официально объявленную в мае 1885 года. Однако с точки зрения справедливости хедив первым предъявил претензии на территории, от которых затем отказался под давлением обстоятельств; и Власть, которая помогла ему вернуть наследие его предков, очевидно, имела серьезные права на рассмотрение, пока она действовала с полного согласия этого властителя.

Британский кабинет, возглавляемый лордом Розбери, откровенно заявил о своей решимости отстаивать претензии хедива перед всеми желающими, сэр Эдвард Грей официально заявил в ходе дебатов 28 марта 1895 года, что отправка французской экспедиции в верховья Нила была бы "недружественным актом"[421]. Теперь мы знаем, благодаря откровениям, сделанным полковником Маршаном в *Matin* от 20 июня 1905 года, что в июне 1895 года он оказывал давление на французское правительство, чтобы оно вмешалось в эту ситуацию; но это мало что дало, полагаясь (как утверждает г-н де Фрейсине) на соглашение от 14 августа 1894 года, а не, по-видимому, на какой-либо мандат султана. Если это так, то у нее было меньше прав на вмешательство, чем у британского правительства в силу его тесной связи с хедивом. Фактически, обе державы не имели авторитетного мандата и действовали в соответствии со своими собственными интересами. Поэтому бесполезно апеллировать к закону, как это сделал г-н де Фрейсине.

Оставалось посмотреть, кто из них двоих будет действовать эффективнее. М. Маршан утверждает, что его план действий был одобрен французским министром по делам колоний М. Бертло 16 ноября 1895 г.; но из этого мало что вышло, пока известие о подготовке англо-

египетской экспедиции не достигло Парижа. Было бы интересно услышать, что сказали бы на это лорд Роузбери и сэр Эдвард Грей. В настоящее время мы можем с некоторой уверенностью утверждать, что новости о франко-конголезском соглашении от августа 1894 года и об экспедициях, отправленных под командованием Монтейля и Лиотара в бассейн Нила, должны были послужить истинным мотивом для отправки армии Сирдара в поход на Донголу. Это событие, в свою очередь, вызвало гнев в Париже, и месье Бертло зашел так далеко, что сообщил лорду Солсбери, что он не несет ответственности за события, которые могут произойти, если экспедиция вверх по Нилу будет продолжена. Сделав это резкое, но полезное предупреждение о том значении, которое Франция придает верховьям Нила, г-н Бертло покинул свой пост, и г-н Буржуа, премьер-министр, получил портфель министра иностранных дел. Он подтолкнул экспедицию Маршана; то же сделал и его преемник, г-н Аното, в кабинете Мелина, который быстро сменился.

Маршан покинул Марсель 25 июня 1896 года, чтобы присоединиться к своему экспедиционному корпусу, который в то время готовился во Французском Конго. Нет необходимости подробно описывать борьбу доблестной группы. После двухлетней борьбы с порогами, болотами, лесами и горами Восточного Конголенда и Бахр-эль-Газала он привел свою флотилию к Белому Нилу, оттуда вверх по его течению до Фашоды, где он поднял трехцветный флаг (12 июля 1898 года). Его люди укрепили старый египетский форт и отбили атаку дервишей.

Тем не менее они добились успеха лишь наполовину, поскольку рассчитывали на приближение французской миссии с востока через Абиссинию. Принц из Орлеанского дома упорно трудился для достижения этой цели, но из-за враждебности туземцев Южной Абиссинии эта экспедиция была вынуждена вернуться в Куконг. Русский офицер, полковник Артоморов, с трудом пробился вниз по реке Собат, но ему и его группе также пришлось отступить^[422]. Смысл этих франко-русских замыслов пока неизвестен, но даже в этом случае мы можем видеть, что ситуация была очень опасной. Если бы французские и русские офицеры из Абиссинии объединились с Маршаном в Фашоде, их правительства могли бы считать делом чести остаться и заявить права на территорию Франции, простирающуюся от границ Французского Конго на восток до Обока на Красном море.

Как бы то ни было, Маршан и его героический маленький отряд оказались в большой опасности со стороны дервишей, когда Сирдар и его отряд подошли к Фашоде. Беседа двух вождей в этом месте представляла исторический интерес. Сэр Герберт Китченер поздравил майора с его исследовательским триумфом, но заявил, что он должен водрузить флаг хедива в Фашоде. М. Маршан заявил, что сам водрузит его над деревней. - Над фортом, майор, - ответил сирдар. - Я не могу этого допустить, - воскликнул майор, - поскольку там французский флаг. Ссылка сирдара на его превосходство в силах не произвела никакого эффекта, французский командующий заявил, что, если оно будет использовано, он и его люди погибнут на своих постах. Он, однако, попросил Сирдара передать этот вопрос правительству в Париже, на что сэр Герберт согласился. После обмена вежливыми подарками они расстались, сирдар оставил египетские войска в деревне и подал письменный протест против присутствия французских войск^[423]. Затем он направился вверх по течению к притоку Собат, на берегах которого в Нассаре он оставил половину суданского батальона, чтобы преградить дорогу на той стороне географическим исследователям, снабженным флагами. Затем он вернулся в Хартум.

Продолжение хорошо известно. Правительство лорда Солсбери повело себя с неожиданной твердостью, заявив, что свержение Махди вновь привело под египетский флаг все земли, которые этот лидер какое-то время занимал. Это утверждение было не совсем убедительным с точки зрения логики, но победа Омдурмана придала ему силу. Таким образом, ясно, что независимо от того, был ли майор Маршан посланником цивилизации или пионером французского правления, у него не было *locus standi* на Ниле. Вскоре французское правительство уступило и отозвало майора Маршана, который вернулся во Францию через Каир. Столь скромный конец героической борьбы за расширение французского влияния сильно разгневал майора; и в Каире он произнес речь, заявив, что в настоящее время Франция потерпела поражение в долине Нила, но может наступить день, когда она станет верховной.

Принято считать, что Франция уступила на этом этапе отчасти потому, что было известно, что ее военно-морской флот не способен к конфликту с военно-морским флотом Великобритании, но также и потому, что франко-германские отношения были не из лучших. Или, выражаясь языком парижских бульваров: "Откуда нам знать, что, пока мы сражаемся с британцами за долину Нила, Германия не вторгнется в Лотарингию?" Относительно влияния, исходящего из Санкт-Петербурга, были сделаны противоречивые заявления. Ходили слухи, что царь стремился умерить раздражение во Франции и добиться мирного урегулирования спора; и эта история получила всеобщее признание. Поэтому велико было удивление, когда в начале русско-японской войны парижская газета "*Фигаро*" опубликовала документы, которые, казалось, доказывали, что он заверил французское правительство в своей решимости выполнить условия союза, если дело дойдет до меча.

На этом мы должны оставить это дело, просто отметив, что англо-французское соглашение от марта 1899 года мирно положило конец спору и поместило весь египетский Судан вместе с районом Бахр-эль-Газаль и большей частью Ливийской пустыни к западу от Египта под англо-египетскую сферу влияния. (Смотрите карту в конце этого тома.)

Таким образом, битва при Омдурмане считается одной из самых решающих в современной истории не только в военном смысле, но и потому, что она расширила британское влияние в долине Нила до Уганды. Если бы французские государственные деятели и М. Маршан достигли своих целей, нет никаких сомнений в том, что прочный клин был бы вбит через северо-центральную Африку с запада на восток, от провинции Убанги во французском Конгоlande до устья Красного моря. Триумф сирдара пришелся как раз вовремя, чтобы сорвать этот замысел и передать в руки тех, кто управлял Египтом, контроль над водами, из которых эта земля черпает свою жизнь. Не веря историям, которые были опубликованы во французской прессе относительно возможности перекрытия Францией Нила плотиной в Фашоде и направления его паводков в район Бахр-эль-Газаль, мы можем признать, что контроль над этой рекой со стороны Египта является жизненной необходимостью, и что нация, которая помогла хедиву восстановить этот контроль, тем самым предъявила еще одно требование на тесное партнерство в администрации Каира. Обоснованность этого требования была окончательно признана Францией в англо-французском соглашении 1904 года.

Этот договор, по-видимому, наложил печать на серию усилий странно неоднозначного характера. Контроль держателей облигаций, опрометчивые устремления Араби, вооруженное вмешательство, предпринятое сэром Бошаном Сеймуром и сэром Гарнетом Уолсли, тщетная

надежда миссии Гордона в Хартуме, фанатизм махдистов, дипломатическое мастерство лорда Кромера, скрытое противостояние Франции и султана и организаторский гений лорда Китченера - такова смесь влияний, варьирующихся от самых низменных до самых благородных, на которые способна человеческая природа, которые все глубже и глубже затягивали правительство Великобритании. запуталась в сетях египетского вопроса, пока героизм, мастерство и упрямство нескольких еесыновей не привели к результатам, которые сейчас поразили бы тех, кто в начале восьмидесятых запоздало предпринял первые робкие попытки вмешательства.

СНОСКИ:

[407] Уингейт, *махдизм*, стр. 228-233.

[408] *Англия в Египте*, сэр Альфред Милнер, стр. 145-153.

[409] О Судане в этот период см. "*Махдизм*"; "*Огнем и мечом в Судане*" Слатина; "Пленник халифа" К. Нойфельда.....

[410] Смотрите *статьи* доктора Э. Дж. Диллона и Жюля Саймона в "*Современном обзоре*" за апрель и май 1896 года. Кассала была передана египетским войскам под командованием полковника Парсонса в декабре 1897 года. *Египетский Судан*, Х. С. Л. Элфорд и У. Д. Сворд (1898).

[411] *Суданская кампания*, 1896-97, автор "Офицер", стр. 20.

[412] *Там же*, стр. 54.

[413] "*Падение дервишей*", Э. Н. Беннетт, М.А., стр. 23.

[414] *Египетский Судан: его утрата и восстановление*, Х. С. Л. Элфорд и У. Д. Суорд, глава iv.

[415] В некоторых сообщениях утверждается, что у улан не было разведчиков, но "офицер" отрицает это (*Суданская кампания*, 1896-99, стр. 198).

[416] Общее мнение армии заключалось в том, что атака улан "была великолепной, но не была войной". См. книгу Г.В. Стивенса "*С Китченером в Хартум*", глава xxxii.

[417] Смотрите "*Войну на реке*" мистера Уинстона Черчилля, том ii. стр. 160-163, о помощи, оказанной Линкольнами.

[418] Смотрите неподписанную статью в *Contemporary Review* за декабрь 1897 года.

[419] Парл. Документы, Египет, № 2 (1898), стр. 13-14.

[420] Ответ графа Кимберли от 14 августа 1894 г. М. Аното очень слаб в этой теме. Parl. Документы, Египет, № 2 (1898), стр. 14-15.

[421] *Там же*. стр. 18.

[422] *Маршан л'Африкэн*, К. Кастеллани, стр. 279-280. Автор раскрывает свою злобу заявлением (стр. 293) о том, что сирдар после битвы при Омдурмане приказал *эвакуировать 14 000 раненых дервишей*.

[423] Парл. Документы, Египет, № 2 (1898), стр. 9; № 3 (1898), стр. 3-4.

ГЛАВА XVIII

РАЗДЕЛ АФРИКИ

При открытии новых земель европейскими народами порядок событий обычно примерно следующий: Первыми приходят исследователи, первопроходцы или миссионеры. Они проливают некоторый свет на характер страны или ее народа, торговцы следуют за ними по пятам; и со временем образуются фабрики и возникают поселения. Представления новоприбывших о правах собственности и землевладения настолько сильно отличаются от представлений туземцев, что часто возникают ссоры и раздоры. Затем на сцене появляются военные корабли и солдаты, и конец старого порядка вещей знаменуется поднятием британского флага, французского или немецкого триколора. В случае с экспансией России, как мы видели, процедура совершенно иная. Но Африка по большей части исследовалась, эксплуатировалась и аннексировалась агентствами, работающими с моря и идущими только что описанным путем.

Период с 1870 года по большей части был свидетелем действия последней и наименее романтической из этих так называемых цивилизаторских попыток. Великая эпоха освоения Африки тогда подходила к концу. В 1870 году этот самоотверженный исследователь-миссионер Дэвид Ливингстон пропал из виду на много месяцев из-за своего искреннего стремления мирным путем решить великую проблему водных путей Центральной Африки и, таким образом, проложить легкий путь для пресечения работорговли. Но когда в 1871 году мистер Х. М. Стэнли, предприимчивый корреспондент "*Нью-Йорк Геральд*", возглавлявший спасательную экспедицию, встретил седого, страдающего лихорадкой ветерана близ Уджиджи и

приветствовал его словами: "Мистер Ливингстон, я полагаю", эпоха таинственности и живописности исчезла.

Изменение духа и методов исследования естественным образом происходит, когда усилия отдельных людей уступают место коллективному предпринятию[424], и теперь это изменение должно было быстро распространиться на всю область исследований Африки. День парков Мунго и Ливингстоунов уходил в прошлое, и приближался день ассоциаций и компаний. В 1876 году Леопольд II, король Бельгии, вызвал в Брюссель нескольких ведущих исследователей и географов, чтобы обсудить наилучшие методы открытия Африки. Конкретные результаты этой важной конференции будут рассмотрены в следующей главе; но здесь мы можем отметить, что под эгидой основанной тогда "Международной ассоциации по исследованию и цивилизации Африки" была проведена большая пионерская работа в районах, удаленных от реки Конго. Огромный континент также открывал свои секреты путешественникам, пробиравшимся сюда с юга и севера, так что в конце семидесятых годов перед белой расой открылись обширные и густонаселенные районы, которые изобретательные картографы других эпох разнообразили Лунными горами или знаками Зодиака и чудовищами животного мира.

Последняя эпохальная работа, выполненная отдельным человеком, была выполнена шотландским исследователем, чьи достижения почти соперничали с достижениями Ливингстона. Джозеф Томсон, уроженец Дамфрисшира, сменил в 1879 году командование исследовательской группой, которая стремилась открыть страну вокруг озер Ньясса и Танганьика. Четыре года спустя, по поручению Королевского географического общества, он взялся исследовать страну за Момбасой, которая была немногим лучше известна, чем когда Васко да Гама впервые побывал там. В ходе этого путешествия Томсон открыл две заснеженные горы, Килиманджаро и Кению, и познакомился с ресурсами страны вплоть до рек Виктория-Ньянза. Учитывая небольшие ресурсы, которыми он располагал, и жестокий и воинственный характер народа масаи, через который он проходил, это путешествие было, безусловно, самым замечательным и важным в анналах исследований восьмидесятых годов. Впоследствии Томсон предпринял попытку открыть путь от Бенуэ, великого восточного притока Нигера, к озеру Чад и Белому Нилу. И здесь он снова преуспел сверх всех ожиданий, в то время как его тактичное обращение с туземцами привело к политическим результатам высочайшей важности, как вскоре станет известно.

Эти исследования, а также исследования французских, немецких и португальских путешественников привели к тому, что почти вся Африка оказалась в поле зрения цивилизованного мира, и выявили тот факт, что почти все части тропической Африки имели явную коммерческую ценность.

Это открытие, мы можем указать, является необходимой подготовкой к любой большой и продолжительной работе по колонизации и аннексии. Три условия могут рассматриваться как существенные для таких усилий. Во-первых, чтобы было известно, что новые земли стоят труда по эксплуатации или заселению; во-вторых, чтобы более старые нации обладали достаточной жизнестойкостью, чтобы заселять их поселенцами и обогащать; и в-третьих, чтобы были доступны механические приспособления для преодоления естественных препятствий.

Теперь краткий взгляд на великие эпохи исследовательской и колонизационной деятельности покажет, что во всех этих трех направлениях последние тридцать лет принесли преимущества, уникальные в мировой истории. Несколько слов будет достаточно, чтобы подтвердить это

утверждение. Войны, которые постоянно опустошали древний мир, и скудные ресурсы в области навигации, которыми располагали отважные капитаны, такие как Ганнон Карфагенский, серьезно затрудняли все усилия морских исследователей, в то время как механические приспособления были настолько слабы, что сводили на нет усилия человека проникнуть внутрь страны. То же самое можно сказать и о средневековых путешественниках. Только самые великие среди людей - Колумб, Магеллан, Васко да Гама, Кабот, Кабрал, Гилберт и Рэли - могли сделать то, что они сделали с кораблями, которые были всего лишь игрушками. Наука должна была проделать свою долгую и терпеливую исследовательскую работу, прежде чем человек смог бы надеяться столкнуться с могущественными силами и пагубными влияниями тропиков. Сам по себе прогресс знаний и изобретений был недостаточен для того, чтобы вооружить человека для успешной войны с океаном, пустыней, лесом и болотом. Политическое и социальное развитие старых стран было в равной степени необходимо. Для того чтобы тысячи поселенцев были способны и готовы продвигаться туда, куда указал путь один великий лидер, Европа должна была обрести что-то вроде мира и стабильности. Только таким образом, когда естественный избыток белых рас смог бы посвятить себя задаче мирного подчинения земли, а не отвратительному делу взаимной резни, живая кровь Европы могла бы излиться оплодотворяющими потоками в пустынные места других континентов.

Вторая половина восемнадцатого века обещала на короткое время открыть такой период бурной жизни. Завершение Семилетней войны, казалось, стало отправной точкой для мирной кампании против неизвестного; но усилия Кука, д'Антркасто и других тогда не имели большого практического результата из-за Войны за независимость Америки и великого цикла Революционных и наполеоновских войн. Это, в свою очередь, оставило Европу слишком истощенной, чтобы добиться многого на пути колониальной экспансии вплоть до середины девятнадцатого века. Даже тогда, когда под рукой были пароход и локомотив, способные приумножить силы человека, пока еще не было общего желания, за исключением более удачливых англоговорящих народов, приобщиться к новому наследию человека. Проблемы Европы должны были быть решены до того, как эпоха экспансивной деятельности засияла во всем своем блеске. Как было показано ранее, Европа находилась в интроспективном настроении вплоть до 1870-1878 годов.

Наши предыдущие исследования показали, что годы, последовавшие за русско-турецкой войной 1877-8 годов, привели к состоянию политического равновесия, которое привело к миру и застою в Европе; и природные силы Континента, стесненные противостоянием равных и могущественных сил, выбрали линию наименьшего сопротивления - прочь от Европы. Для России линией наименьшего сопротивления была Центральная Азия. Для всех остальных европейских государств это было море и новые земли за его пределами.

Более того, в то знаменательное десятилетие эффективность парохода и локомотива постоянно возрастала; электричество выходило на арену как новая и могущественная сила; к этому времени медицинская наука продвинулась настолько далеко, что защитила человека от многих болезней, которыми изобилуют тропики; а самозарядное ружье умножило мощь белого человека в его конфликтах с дикими народами. Когда все преимущества нынешнего поколения сопоставляются со скудным оснащением более ранних первооткрывателей, девятнадцатый век едва ли может похвастаться превосходством над пятнадцатым. По правде говоря, его великие

достижения в этой области носили практический и политический характер. Он лишь выполнил богатые обещания эпохи великих мореплавателей. Там, где они могли лишь удивительным образом обогнуть границы нового мира, современные люди проложили себе путь к сути вещей и обнаружили множество Эльдорадо, потенциально более богатых, чем те, которые соблазняли алчность Кортеса и Писарро.

В одном отношении европейские государственные деятели недавнего прошлого возвышаются над своими предшественниками прошлых веков. В восемнадцатом веке "меркантилистское" помешательство на захвате новых рынков и устранении всех возможных конкурентов привело к большинству войн, опустошивших Европу. В 1880-1890 годах великие державы прилагали постоянные и успешные усилия, чтобы предотвратить подобное бедствие и прикрыть дипломатией страстную борьбу за не востребуемые земли по всему миру.

По разным причинам внимание государственных деятелей было приковано почти исключительно к Африке. Центральная и Южная Америка были разделены между государствами, которые номинально были цивилизованными и пользовались защитой Доктрины Монро, выдвинутой Соединенными Штатами. Австралия была полностью британской. В Азии о слабости Китая лишь смутно догадывались; и только Сиам и Кочинхинский Китай представляли собой какое-либо поле для заселения или завоевания европейскими народами с моря. В Полинезии несколько групп островов все еще оставались не востребуемыми; но они не могли утолить земельный голод Европы. Только Африка предоставляла свободные пространства, соразмерные потребностям и амбициям белого человека. Открытие Суэцкого канала в 1869 году сделало восточное побережье этого континента легко доступным для Европы; а открытия в верховьях Нила, Конго и Нигере открыли путь в другие обширные районы. Таким образом, к 1880 году все благоприятствовало "разделу Африки".

Слухи, под видом намеков, сделанных общительными молодыми атташе или "хорошо информированными" корреспондентами, приписывают первые зачатки планов раздела Африки неофициальным беседам государственных деятелей во время Берлинского конгресса (1878). Точно так же, как архитектор защищает свое творение, устанавливая громоотвод, так и строитель Германской империи стремился отвести от этой структуры мстительные бури, которые можно было ожидать с юго-запада. Другие государственные деятели не меньше Бисмарка стремились отвлечь внимание соперников от их собственных политических владений, указав путь к более желанным пустым областям. Короче говоря, государственные деятели Европы стремились установить в Африке громоотводы, которые защитили бы новые порядки в Европе, включая кипрский. Известно, что тогда германское и британское правительства наметили правительству Франции на желательность присвоения ею Туниса. Республика приступила к осуществлению планов, результаты которых уже были рассмотрены (глава XII); и, как продолжение оккупации Туниса, были приведены в действие планы окончательного завоевания всего Северо-запада Африки (за исключением Марокко и нескольких британских, испанских и португальских поселений) от мыса Бон до Зеленого Мыса Верде, а оттуда почти до устья реки Нигер. Мы также можем отметить, что в 1883 году и после него Франция вынашивала свои планы по завоеванию части, а в конечном итоге и всего Мадагаскара, проект, который был завершен в 1885 году^[425].

Военная оккупация Египта Великобританией в 1882 году также способствовала усилению интереса европейских держав к Африке. Было высказано предположение, что британское

молчаливое согласие с французским господством в Тунисе, Западной Африке и на Мадагаскаре имело некоторую связь с событиями, произошедшими в Египте, и что сохранение британского господства в долине Нила было фактически куплено отказом от большинства наших политических и торговых интересов на этих землях, утрата которых под французским "покровительственным" режимом вызвала много огорчений в коммерческих кругах.

Последней из особых причин, привлечших внимание к Африке, была деятельность Ассоциации короля Леопольда в Брюсселе по открытию района Конго в 1879-1882 годах. Таким образом, все шло к тому, что принадлежность тропической Африки стала самым сложным вопросом начала восьмидесятых.

По разным причинам Германия вышла на поле боя немного позже Франции и Англии. Враждебность Франции на западе, а после 1878 года и России на востоке сделала нецелесообразным для новой империи отдавать заложников Фортуне в виде колоний, пока с помощью союзов она не укрепит свои позиции дома и не обзаведется флотом, достаточно сильным, чтобы защищать отдаленные владения. В какой-то мере германскому правительству пришлось обуздать рвение своей "колониальной партии". Автор настоящего письма был в Германии в 1879 году, когда продвигалась колониальная пропаганда, и отметил рвение в одних кругах и недоверие в других, с которым памфлеты, подобные брошюре герра Фабри *"Бедарф Немецкой колонии?"* были приняты. Бисмарк сам сначала проверял "колонистов", пока не почувствовал уверенности в ситуации в Европе. Это, однако, было в некоторой степени прояснено включением Италии в соглашение, которое, таким образом, стало Тройственным союзом (май 1882 г.), и вступлением в должность тихоокеанского канцлера де Гира в Санкт-Петербурге немного позже. Таким образом, было меньше необходимости официально обуздывать колониационный инстинкт тевтонского народа. Образование Немецкого колониального общества во Франкфурте в декабре 1882 года и огромный успех его пропаганды побудили государственных деятелей Берлина принять меры. Они с тоской смотрели (как и до сих пор смотрят) на Бразилию, в южных районах которой их народ поселился в большом количестве; но над всей этой землей Доктрина Монро распростерла свои спасительные крылья. Война с Соединенными Штатами была бы безумием, и поэтому Германия обратилась к Полинезии и Африке. Здесь мы можем отметить, что в 1885 году она попыталась отобрать Каролинские острова у Испании, чье право собственности на них, казалось, утратило силу; но испанская гордость вспыхнула от оскорбления, и через короткое время Бисмарк успокоил возмущенные чувства в Мадриде, приняв посредничество папы Римского, который передал их Испании, однако Германия получила право занять остров из группы в качестве станции добычи угля.

Однако Африка поглотила почти всю энергию немецкой колониальной партии. Передовое крыло этой партии в начале 1884 года начало антибританскую кампанию в прессе, которая, вероятно, пользовалась поддержкой правительства. Как было указано в главе XII, это было время, когда Лига трех императоров продемонстрировала признаки возобновления жизнедеятельности; и Бисмарк, подписав секретный договор от 24 марта 1884 года (позже ратифицированный в Скерневице), чувствовал себя в безопасности, продвигая колониальные замыслы против Англии в Африке, тем более что было известно, что Россия планирует не менее угрожающие действия против империи королевы в Азии. Мы недостаточно знаем о том, что тогда происходило между германским и российским канцлерами, чтобы утверждать, что они заключили определенное соглашение, направленное на ущемление британских интересов на

этих континентах; но, судя по общему направлению дипломатии Бисмарка и по "придирам", которым Англия подвергалась с тех пор в течение двух лет, представляется весьма вероятным, что политика, одобренная в Скирневице, была направлена на то, чтобы топтаться на месте в европейских делах и продвигаться вперед на других континентах за счет Островной державы.

Англофобы немецкой прессы сразу же обрушились с критикой на все британское; и хорошо известная газета *"Кельнише цайтунг"* в статье от 22 апреля 1884 года использовала следующие слова: "Африка - это большой пудинг, который англичане приготовили для себя за счет других людей, и корочка которого уже пригодна для употребления в пищу. Будем надеяться, что на гвинейском побережье наши моряки добавят в него несколько зернышек перца, чтобы наши друзья на Темзе не переварили его слишком быстро". Продолжение покажет, правильно ли это сравнение описывает состояние аппетита Джона Булля или легкую отчужденность тевтонского наблюдателя.

Будет удобно рассмотреть этот важный и сложный вопрос на топографической основе и начать с обзора положения дел в Восточной Африке, особенно в районах материковой части к северу и югу от острова Занзибар. В этом важном торговом центре, естественной отправной точке для обширного района Великих озер, влияние британских и индийских торговцев было первостепенным; и в течение многих лет султан Занзибара находился "под прямым влиянием Соединенного Королевства и правительства Индии"[\[426\]](#). Тем не менее, в 1880 году и после него немецкие купцы, особенно из Гамбурга, проявляли большую энергию и строили планы аннексии соседних территорий на материке.

Их энергия странно контрастировала с летаргией, проявленной британским правительством в защите англо-индийских торговых интересов. В 1878 году султан Занзибара, владевший обширной территорией на материке, предложил контроль над всей торговлей своих владений сэру У. Маккиннону, председателю Британско-Индийской пароходной компании; но по какой-то необъяснимой причине Кабинет Биконсфилда отказался участвовать в этом соглашении, которое, следовательно, провалилось[\[427\]](#). Несмотря на то, что Англия и Франция в 1862 году согласились признать независимость султана Занзибара, немцы сочли поле боя свободным, и в начале ноября 1884 года доктор Карл Петерс и два других энтузиаста колониальной партии высадились на Занзибаре под видом механиков с целью отвоевать новые земли для своего Отечества. У них было с собой несколько чистых бланков договоров, скрытую силу которых вскоре предстояло ощутить темным властителям на материке. Вскоре им удалось убедить некоторых из этих новичков в дипломатии поставить свои метки на этих документах, что превратило их в подданных кайзера и быстро обеспечило 60 000 квадратных миль для немецкого триколора. Говорят, что правительство Берлина либо не знало об этих процедурах, либо не одобряло их; и, когда граф Грэнвилл отважился сделать несколько заявлений относительно них, он получил ответ, датированный 28 ноября 1884 г., что имперское правительство не намерено устанавливать протекторат над Занзибаром[\[428\]](#). Трудно согласовать эти заявления с несомненным фактом, что 17 февраля 1885 года германский император санкционировал действия доктора Петерса, распространив свой сюзеренитет на подписавших его вождей[\[429\]](#). Это событие вызвало недовольство британских исследователей и индийских торговцев, которые первыми открыли страну для цивилизации. Тем не менее министерство Гладстона не предприняло никаких эффективных шагов для защиты их интересов.

В защиту их академического подхода к этому вопросу можно привести некоторые соображения общего характера.

Потребность Германии в колониях была настолько естественной, настолько властной, что ее нельзя было удовлетворить высокими и сухими юридическими аргументами относительно приоритета коммерческих интересов Великобритании. Такое отношение привело бы к войне с Германией из-за Восточной Африки и войне с Францией из-за Западной Африки, в то самое время, когда мы были на грани военных действий с Россией из-за Мерва и фактически сражались с махдистами за спиной Суакима. "Усталый титан" - если воспользоваться живописным выражением Мэтью Арнольда - был тогда перегружен. Девиз "Живи и давай жить другим" был в то время наиболее разумным, при условии, что он не был истолкован слабым и сентиментальным образом по основным пунктам.

Однако многие критики утверждают, что дипломатические отношения мистера Гладстона и лорда Грэнвилла с Германией в 1884 и 1885 годах демонстрировали прискорбную слабость, даже когда было известно, что доктор Питерс и другие усердно работали на задворках Занзибара с отмеченными результатами. В апреле 1885 года Кабинет приказал сэру Джону Кирку, британскому представителю на Занзибаре и основателю до сих пор неоспоримого превосходства своей нации на этом побережье, немедленно свести на нет дело всей жизни, "поддерживая дружеские отношения" с немецкими властями в этом порту. Это, конечно, подразумевало молчаливое признание Великобританией того, что представляло собой германский протекторат над материковыми владениями султана. Не часто бывает, чтобы правительство в своем рвении "живи и давай жить другим" возлагало на британского представителя столь унижительную задачу. Султан не придерживался безмятежного и философского взгляда на ситуацию, сложившуюся на Даунинг-стрит, и появление немецкой эскадры было необходимо для того, чтобы заручиться его согласием на эти мероприятия (август-декабрь 1885 г.)[\[430\]](#)

"Синяя книга", посвященная Занзибару (Африка, № 1, 1886), никоим образом не разрешает загадку переговоров, которые велись между Лондоном и Берлином в начале 1885 года. Из других источников мы знаем, что самые ярые из немецких колонизаторов были далеки от удовлетворения своим триумфом. Появились любопытные подробности, свидетельствующие о том, что их планы включали в себя установку ловушки для султана Занзибара, которая провалилась из-за неуклюжей приманки и болтливости потенциального похитителя. Согласно немецким отчетам, лорду Роузбери также удалось одержать верх над графом Гербертом Бисмарком в отношении залива Сент-Люсия (см. стр. 528) и районов на реке Бенуа; так что это, возможно, можно сопоставить с потерями, понесенными Великобританией на побережье напротив Занзибара. Даже там, как мы видели, результаты не полностью соответствовали большим надеждам, которые возлагали на немецких шовинистов[\[431\]](#).

Тем временем (июнь 1885 г.) кабинет министров Солсбери ненадолго пришел к власти, но пагубные последствия вялости британской дипломатии еще не закончились. В это время британские купцы, особенно из Манчестера, пытались освоить горную страну вокруг гигантского конуса горы Килиманджаро, где мистер (ныне сэр) Гарри Джонстон в сентябре 1884 года добился некоторых торговых и других прав у определенных вождей. Для продвижения британских интересов была сформирована компания, и вскоре она превратилась в Имперскую Британскую Восточноафриканскую компанию, которая стремилась к территориальному

контролю в частях к северу от тех, на которые претендовала компания доктора Питерса. Между двумя компаниями произошла борьба, Немецкая Восточноафриканская компания претендовала на район Килиманджаро. И снова это доказало, что у немцев была более эффективная поддержка, и, несмотря на возражения нашего министра иностранных дел лорда Розбери против действий немецких агентов в этом районе, вопрос о собственности был передан на решение англо-германской комиссии по установлению границы.

Лорд Иддесли взял на себя управление Министерством иностранных дел в августе, но приход консерваторов к власти никоим образом не помог делу Великобритании. По соглашению между двумя державами от 1 ноября 1886 года район Килиманджаро был передан Германии. От северных отрогов этой горы разделительная линия проходила в северо-западном направлении к реке Виктория-Ньянза. В том же соглашении признавалась власть султана Занзибара, распространяющаяся на одноименный остров, острова Пемба и Мафия, а также на полосу береговой линии шириной в десять морских миль; но право собственности на район Виту к северу от Момбасы было оставлено открытым^[432]. (Смотрите карту в конце этого тома.)

В целом, мастерство, лишившее суверена большей части его прав под предлогом дипломатических перестановок и развития цивилизации, должно быть признано непревзойденным; и Британия представляла собой жалкую фигуру как слабый и невольный соучастник этого акта. Единственной удовлетворительной чертой во всем процессе был успех Великобритании в аренде у султана Занзибара административных прав на прибрежный регион вокруг Момбасы. Приобретение этой части обеспечило беспрепятственный доступ с побережья к северной половине озера Виктория-Ньянца. Немецкая компания получила аналогичные права на береговую линию своего района, а в 1890 году полностью выкупила его. По соглашению от декабря 1896 года река Ровума была признана Германией и Португалией границей их восточноафриканских владений.

Высокие надежды, которые когда-то возлагали немцы на продуктивность своей части Восточной Африки, были реализованы лишь частично^[433]. Жестокое обращение с местными жителями привело к крупномасштабному восстанию в 1888-89 годах. Необходимость британского сотрудничества в подавлении этого восстания привела Германию к более дружественному отношению к этой стране. Вероятно, отставка или, скорее, смещение Бисмарка нынешним императором в марте 1890 года также имела тенденцию уменьшать трения между Англией и Германией. Принц, находясь в отставке, выразил решительное неодобрение восточноафриканской политики своего преемника, графа Каприви.

Его более примирительный дух нашел выражение в англо-германском соглашении от 1 июля 1890 года, которое разграничило районы, на которые претендовали две страны, вокруг реки Виктория Ньянза в смысле, благоприятном для Великобритании и разочаровывающем неутомимого сторонника заключения договоров доктора Питерса. В нем признавались британские притязания на северную половину берегов и воды этого великого озера и на долину Верхнего Нила, а также на побережье Индийского океана около Виту и оттуда на север до Кисмаю.

С другой стороны, Германия приобрела земли к северу от озера Ньясса, где интересы Великобритании были первостепенны. Одно и то же соглашение применяло как к британским, так и к германским землям, о которых идет речь, принцип свободного или неограниченного транзита товаров, а также между великими озерами. Германия также признала британский

протекторат над островами, принадлежащими султану Занзибара, сохранив определенные права для немецкой торговли в случае с островом Мафия. Наконец, Великобритания уступила Германии остров Гельголанд в Северном море. По обе стороны Северного моря соглашение вызвало бурю враждебных комментариев, которые, возможно, подчеркивали его справедливость[434]. Мнение Бисмарка заслуживает цитаты:--

Занзибар не следовало оставлять англичанам. Было бы лучше сохранить старое соглашение. Тогда мы могли бы получить его позже, когда Англии понадобятся бы наши добрые услуги против Франции или России. Тем временем наши купцы, которые умнее и, подобно евреям, довольствуются меньшими прибылями, сохранили бы преимущество в бизнесе. Рассматривать Гельголанд как эквивалент - значит проявлять больше воображения, чем здравого расчета. В случае войны для нас было бы лучше, если бы он находился в руках нейтральной державы. Укреплять[435].

Этот отрывок поучителен, поскольку показывает цель колониальной политики Бисмарка, а именно: дожидаться, пока трудности Англии не станут острыми (или, возможно, усугубить эти трудности, что он, безусловно, и сделал, продвигая российские планы против Афганистана в 1884-85 гг.[436]), а затем оказывать безжалостное давление во всех точках, где пересекались колониальные или коммерческие интересы двух стран. страны столкнулись.

Чем больше становится известно о его политике, тем более опасной она представлялась для Англии, особенно в 1884-86 годах. Фактически, тех людей, которые сегодня выступают против немецких колониальных амбиций, можно попросить вспомнить, что внеевропейские вопросы, недавно возникшие между Великобританией и Германией, являются тривиальными по сравнению с важными проблемами, которые были мирно решены соглашением 1890 года. Насколько важны Самоа, Киао-чау и проблема Марокко по сравнению с вопросами доступа к великим озерам Африки и контроля над низовьями Нигера? Было бы несправедливо по отношению к Вильгельму II, как и к кабинету министров Солсбери, не признавать качества государственного деятеля, которые привели к соглашению от 1 июля 1890 года - одному из самых серьезных завоеваний, достигнутых мирным путем для дела цивилизации на протяжении девятнадцатого века.

К числу его многочисленных преимуществ можно отнести фактическое урегулирование долгих и запутанных споров за верховенство в Уганде. У нас нет места подробно описывать соперничество французских и британских миссионеров и агентов при дворе короля М'тесы и его преемника М'ванги или тщетную попытку доктора Питерса усилить немецкое влияние. Даже англо-германское соглашение 1890 года не положило конец запутанности ситуации; ибо, хотя Британская Восточноафриканская компания (которой в 1888 году был предоставлен чартер) с тех пор имела главное влияние на северных берегах Виктория-Ньянца, британское правительство отказалось брать на себя какую-либо прямую ответственность за столь труднодоступный район. Однако благодаря активности и такту капитана Лугарда трудности были устранены, в результате чего большая и плодородная территория Уганды (ранее входившая во владения хедива) стала британским протекторатом в августе 1894 года (см. Главу XVII).

Значение только что описанных событий станет очевидным, если вспомнить, что Британская Восточная Африка, включая Уганду и бассейн Верхнего Нила, занимает в общей сложности 670 000 квадратных миль, в значительной степени плодородных и пригодных для заселения белыми людьми более возвышенных участков внутренних районов. Немецкая Восточная Африка насчитывает 385 000 квадратных миль, и ей также суждено иметь будущее, которое затмит многие второстепенные государства современности.

Процветанию Британской Восточной Африки значительно способствовало открытие в 1902 году железной дороги протяженностью 580 миль от Момбасы до Виктория-Ньянза. Среди других преимуществ, это положило конец работорговле, которая раньше зависела от вьючного животного из числа людей при перевозке всех тяжелых грузов[437].

Англо-германское соглашение 1890 года также прояснило некоторые вопросы между Великобританией и Германией, касающиеся Юго-Западной Африки, которые привели к вражде между двумя странами. В 1882 году и после него внимание колониальной партии Германии было приковано к району к северу от Оранжевой реки, и весной 1883 года герр Людериц основал фабрику и водрузил немецкий флаг в Ангра-Пекенья. Есть основания полагать, что этот район был желанным не столько из-за его внутренней ценности, которая невелика, сколько потому, что он обещал открыть коммуникации с бурскими республиками. Лорд Грэнвилл осмелился выразить свои сомнения по этому поводу графу Герберту Бисмарку, которого канцлер направил в Лондон летом 1884 года, чтобы забрать дело из рук слишком англофильского посла графа Мюнстера. Желая показать свой характер, молодой Бисмарк вспыл и сообщил лорду Грэнвиллу, что его вопрос был вызван простым любопытством; позже он сообщил ему, что это вопрос, который его не касается[438].

Однако следует признать, что британское правительство действовало медлительно и неэффективно. Сэр Дональд Карри представил депутацию лорду Дерби, министру колоний в кабинете Гладстона, которая серьезно предупредила его относительно целей Германии на побережье Дамараленда; в ответ на что этот флегматичный министр заявил, что Германия не является колонизирующей державой и что аннексия этих районов будет воспринята Великобританией как "недружественный акт"[439]. В ноябре 1883 года германский посол поинтересовался, будет ли предоставлена британская защита нескольким немецким поселенцам на побережье Дамараленда. Решающего ответа дано не было, хотя существование британских интересов в этом вопросе было подтверждено. Затем, когда Германия заявила о праве на ее аннексию, Уайтхолл выдвинул встречный иск (вероятно, по наущению правительства Кейптауна) о том, что рассматриваемая земля представляет для нас большой интерес, поскольку она может быть аннексирована в будущем. Именно против этого запоздалого и нелогичного заявления графа Бисмарка послали подать протест; и в августе 1884 года Германия завершила дело, объявив Ангра-Пекенью и прилегающие районы немецкой территорией. (См. Примечание в конце главы.)

В этой связи мы можем отметить, что Ангра-Пекенья недавно фигурировала как британское поселение на немецких картах, включая карту Штилера 1882 года. Залив Уолфиш, расположенный дальше к северу, был оставлен за Британским флагом, поскольку этот флаг был поднят там с официального разрешения в 1878 году благодаря настоятельным представлениям сэра Бартла Фрера, губернатора Капской колонии. Остальная часть побережья была оставлена Германии; правительство Гладстона сообщило правительству Берлина, что не будет возражать

против оккупации этой территории. На Кейпе испытывали сильное раздражение из-за того, что считалось неуместным отказом от британских претензий, особенно когда правительство Метрополии не смогло обеспечить справедливое обращение с британскими поселенцами. Сэр Чарльз Дилке утверждает в своих *"Проблемах Великой Британии"*, что только постоянные протесты капского министерства помешали властям Уайтхолла удовлетворить непрекращающиеся просьбы Германии об уступке Уолфиш-Бей, несомненно, в качестве предмета обмена в ходе переговоров 1889-90 гг.[\[440\]](#).

Мы можем добавить здесь, что в 1886 году Германия определила северные границы "Юго-Западной Африки" - так называлась новая колония - соглашением с Португалией; а в 1890 году статья англо-германского соглашения, о котором говорилось выше, расширила эту северную границу на восток, которая привела ее к берегам реки Замбези.

Британское правительство заняло более твердую позицию в вопросе, который тесно касался благосостояния Наталя и отношений Республики Трансвааль с Германией. В 1884 году несколько немецких старателей попытались закрепиться в заливе Сент-Люсия в Зулуленде и водрузить немецкий флаг. Полная правда по этому интересному вопросу пока неизвестна; он послужил основой для более масштабного вопроса о заливе Делагоа, на который здесь следует вкратце обратить внимание.

Между Великобританией и Португалией возникли трения из-за противоречивых претензий на залив Делагоа и прилегающие к нему земли; и в этой связи может быть интересно отметить, что министерство Дизраэли ранее упустило возможность выкупа португальских претензий. Покойный лорд Карнарвон заявил, что, когда он получал портфель по делам колоний в этом министерстве, он полагал, что покупка могла быть осуществлена за сравнительно небольшую сумму. Вероятно, власти Лиссабона осознали потенциальную ценность своих владений Лауренсо Маркеса в результате борьбы за Африку, начавшейся в начале восьмидесятых; и следует сожалеть, что британское правительство, со свойственным ему отсутствием дальновидности, упустило возможность обезопасить бухту Делагоа до тех пор, пока ее ценность не значительно возросла. Затем он согласился передать спорные вопросы на рассмотрение арбитража генерала Мак-Магона, президента Французской Республики (1875). Как это обычно случалось, когда иностранные властители выносили решения в интересах Великобритании, его вердикт был полностью враждебен нам. Он даже закрепил за Португалией большой район к югу от залива Делагоа, который португальцы никогда не думали отнимать у его коренных жителей, Тонгасы[\[441\]](#). Фактически, рассказ обо всех завоеваниях, которые были достигнуты Португалией в заливе Делагоа, а затем и людьми, контролировавшими ее железную дорогу в Преторию, пролил бы зловещий свет на связь, которая слишком часто существовала между благородной теорией арбитража и прибыльной практикой мирного отказа или присвоения прав и имущества других. Вскоре Португалия оказалась неспособной воспользоваться возможностями, открывшимися благодаря подарку, неожиданно преподнесенному ей Мак-Магоном. Она была не в состоянии контролировать ни Тонги, ни буров.

Поскольку Англия была исключена, у какой-то другой державы появился шанс вмешаться и захватить залив Сент-Люсия, один из естественных выходов из южной части Республики Трансвааль. Ни для кого не секрет, что предшественники "колониальной партии" в Германии уже стремились установить более тесные отношения с бурскими республиками. В 1876 году президент Трансвааля в сопровождении голландского члена парламента Кейптауна посетил

Берлин, вероятно, с целью ответить взаимностью на эти авансы. У них была беседа с Бисмарком, подробности которой полностью неизвестны. Однако в то время из этого ничего не вышло из-за озабоченности Бисмарка европейскими делами. В начале "восьмидесятых" немецкая колониальная партия, тогда начинавшая свою кампанию, неоднократно привлекала внимание к преимуществам закрепления в заливе Делагоа или поблизости от него; но рост колониальных настроений в Германии привел к аналогичному развитию общественных настроений Португалии, да и вообще всех стран; так что к тому времени, когда Бисмарк перешел на сторону тевтонской экспансии, португальцы отказались обменять что-либо из своих древних владений. Вероятно, этим объясняется концентрация немецких сил в других частях побережья Южной Африки, которые, хотя и менее ценны сами по себе, могли бы послужить *опорными пунктами* для немецких политических агентов и торговцев в их будущих сделках с бурами, которые тогда стремились получить контроль над Бечуаналендом. Пункты, выбранные немцами для своих действий, находились, как уже говорилось, на побережье Дамараленда и в заливе Сент-Люсия в Зулуленде - позиции, которую президент Бюргерс стремился закрепить за Трансваалем в 1878 году.

Что касается залива Сент-Люсия, то наше повествование должно быть туманным в общих чертах из-за почти полной секретности, которой немецкое правительство мудро скрывает провал. Официальные лица и авторы газет Германии еще не заразились английской привычкой заявлять о своих намерениях заранее и выставлять напоказ перед всем миром свои взаимные обвинения в случае фиаско. Таким образом, все, что можно сказать с уверенностью, - это то, что осенью 1884 года немецкий торговец по имени Эйнвольд попытался закрепиться в заливе Сент-Люсия и подготовить почву для признания немецких претензий, если все пойдет хорошо. На самом деле, его могли либо приветствовать как *крейхсканцлера*, либо отречься от него как от несанкционированного вмешательства.

Здесь мы можем привести отрывки из Дневника доктора Буша, секретаря Бисмарка, которые доказывают, что государство проявило живой интерес к приключению Эйнвольда. 25 февраля 1885 года у Буша состоялся разговор с герром Андре, в ходе которого они "порадовались трудностям Англии в Судане, и я выразил надежду, что голова Уолсли вскоре прибудет в Каир, хорошо замаринованная и упакованная". Затем Буш упомянул о трениях Великобритании с Россией в Афганистане и с Францией в Бирме, а затем задал вопрос Андре: "Отказались ли мы от Южной Африки, или дело Люции Бэй все еще открыто?" Он сказал, что этот вопрос все еще находится на рассмотрении[442]."

Впоследствии выяснилось, что британское правительство могло бы уступить давлению из Берлина, если бы не более сильное давление со стороны Наталя и британских купцов и судовладельцев, заинтересованных в торговле с Южной Африкой. Сэр Дональд Карри в уже упомянутом документе заявил, что он легко мог бы подробно описать средства, которые должны были быть использованы для того, чтобы побудить британское правительство к решительным действиям. К сожалению, он был предусмотрительно сдержан и просто заявил, что в то время под вопросом был не только залив Сент-Люсия, но и все побережье между Наталем и районом залива Делагоа, и что министерство Гладстона в конце концов было вынуждено телеграфировать в Кейптаун инструкции об отправке крейсера для предъявления британских претензий на залив Сент-Люсия. Его Превосходительство "*Ястреб-тетеревятник*" немедленно направился туда и поднял британский флаг в силу договора, заключенного с вождем зулу в 1842 году. Затем последовал обычный обмен гневными нотами между Берлином и

Лондоном; Бисмарк и граф Герберт пытались привлечь на свою сторону или запугать лорда Розбери, тогдашнего министра колоний. В этом, однако, он потерпел неудачу; и объяснение неудачи, данное Бушу, состояло в том, что лорд Роузбери был слишком умен для него и "совершенно загипнотизировал его". 7 мая 1885 года Германия отказалась от своих претензий на эту важную позицию, принимая во внимание завоевание за счет Англии Камеруна[443]. Здесь снова заслуживает цитаты отрывок из записей Буша. В разговоре, который он имел с Бисмарком 5 января 1886 г., он задал вопрос: -

"Почему мы не смогли обезопасить бухту Санта-Лючия?" - Спросил я. "Ах!" - ответил он. "Это не так ценно, как казалось сначала. Люди, которые преследовали свои собственные интересы на месте, представляли это более важным, чем это было на самом деле. И тогда буры не были расположены предпринимать какие-либо надлежащие действия в этом вопросе. Бухта была бы для нас ценной, если бы расстояние от Трансвааля не было таким большим. И англичане придавали этому такое большое значение, что заявили, что для них невозможно отказаться от этого, и в конечном счете они во многом уступили нам в Новой Гвинее и Занзибаре. В колониальных вопросах мы не должны брать в свои руки слишком много за один раз, и у нас уже есть достаточно для начала. Теперь мы должны скорее придерживаться англичан, в то время как, как вы знаете, раньше мы были больше на стороне французов[444]. Но, как показали последние выборы во Франции, каждый скольконибудь значимый человек там должен был демонстрировать враждебность по отношению к нам".

Этот отрывок объясняет, по крайней мере частично, почему Бисмарк отказался от тактики придира, которую в последнее время применял по отношению к Великобритании. Очевидно, он надеялся переключить течение мысли во Франции с Эльзас-Лотарингского вопроса на земли за морями, и его приспешники в прессе делали все, что было в их силах, чтобы убедить людей как в Германии, так и во Франции, что Англия - враг. Англофобская агитация была яростной, пока длилась; но ее искусственность раскрывается только что процитированным отрывком.

Мы можем пойти дальше и сказать, что недавняя вспышка англофобии в Германии, вероятно, может быть объяснена тем же официальным стимулом; и можно ожидать, что она также прекратится, когда политики Берлина увидят, что больше не стоит дергать британского льва за хвост. Этот вид спорта прекратился в 1886 году и после него, потому что Франция по-прежнему считалась врагом. Французы мало говорили об Эльзас-Лотарингии. Они последовали совету Гамбетты: "Никогда не говори об этом, но всегда думай об этом". Недавние выборы во Франции показали Бисмарку этот факт; и, о чудо! кампания клеветы против Англии сразу же пошла на убыль.

Мы можем добавить, что два немецких торговца обосновались на побережье Пондоленда, к югу от Наталя; и в августе 1885 года государственные деятели Берлина прощупали Уайтхолл с целью установления немецкого протектората над этим побережьем. Они встретили решительный отпор[445].

Между тем, тупиковая позиция Германии, Франции и России против британских интересов в 1883-85 годах принесла плоды, которых эти державы мало ожидали, но которые полностью соответствовали предыдущему опыту. Это пробудило британских государственных деятелей от их апатии и побудило их принять непривычно энергичные меры. В 1885 году французским планам в Индокитае помешала аннексия Бирмы. Немецкие замыслы в Южной Африке,

несомненно, усилили решимость министерства Гладстона сохранить Бечуаналенд для Британской империи.

Здесь невозможно погрузиться в беспокойное море бурской политики, тем более что конфликт, естественно возникший из-за двух непримиримых наборов идей, пережил столетие, которому посвящена эта работа. Поэтому мы можем только констатировать, что банды буров-флибустьеров совершали набеги на некоторые районы Бечуаналенда и, казалось, собирались перекрыть торговый путь на север, к Замбези. Одно это было бы серьезным препятствием для процветания Капской колонии; но лоялисты потеряли доверие к британскому правительству после событий 1880 года, в то время как большая часть в капском министерстве, включая в то время мистера Сесила Родса, казалось, была готова содействовать бурам во всех их действиях. Бурская депутация отправилась в Англию осенью 1883 года, и ей удалось уговорить лорда Дерби на весьма примечательную капитуляцию. Среди прочего, он уступил им важную полосу земли к западу от реки Хартс[446].

Этот акт не только не удовлетворил их, но и побудил некоторых из их наиболее беспокойных духов основать две республики под названием Стеллаланд и Гошен. Однако там они встретили жесткого противника, Джона Маккензи. Этот преданный миссионер, после долгого знакомства с бурами и бечуанами, понял, насколько серьезной была бы потеря для местных племен и для дела цивилизации, если бы рейдерам позволили удерживать пути в глубь страны. Постепенно он вызвал сочувствие ведущих представителей прессы, которые после этого начали подстегивать отстающих с Уайтхолла и Даунинг-стрит. Следовательно, Маккензи по возвращении в Южную Африку было поручено действовать в качестве британского резидента в Бечуаналенде, и в этом качестве он объявил, что эта страна находится под защитой Великобритании (май 1884 года). Голландцы по всей Южной Африке сразу же подняли против него шумиху, к которой присоединился мистер Родс, в результате чего 30 июля он был отозван.

Его место занял государственный деятель, чьи подвиги подняли его на высокое место среди строителей Империи. Как бы сильно Сесил Родс ни расходился с Маккензи в вопросе о туземцах и других делах, он пришел к пониманию настоятельной необходимости сохранения для Империи центральных районов, которые, как сказал один старый бур, составляли "ключ к Африке". Никогда лоялисты не были так удручены отсутствием энергии, проявленной правительством Метрополии; и никогда еще они не нуждались в большей твердости. Однако в некотором смысле действия немцев на побережье Дамараленда (август-октябрь 1884 г.) помогли спасти ситуацию. Настоятельная необходимость сохранить открытым путь во внутренние районы Страны, который был бы закрыт для торговли, если бы когда-нибудь буры и немцы объединили усилия, побудила министерство Гладстона поддержать меры, предложенные мистером Родсом и лоялистами Капской колонии. Когда станет известна вся правда об этом периоде, вероятно, выяснится, что британское правление находилось в очень серьезной опасности во второй половине 1884 года.

Конечно, ни одна маленькая экспедиция никогда не делала так много для Империи, столь незначительной ценой и без пролития крови, как та, что была отправлена сейчас. Это было поручено сэру Чарльзу Уоррену. Он набрал свои силы в основном из лоялистов Южной Африки, хотя отряд под названием "Конь Метуэна" вышел с этих островов. Всего в нем насчитывалось около 5000 человек. Быстро двигаясь от Оранжевой реки через западный Грикваленд, он достиг берегов Ваала в лагере Баркли к 22 января 1885 года, то есть всего через шесть недель после

своего прибытия в Кейптаун. В то же самое время, когда 3000 военнослужащих заняли свою позицию на севере Наталя в готовности атаковать бурав Трансвааля, если они нападут на Уоррен, вскоре, однако, выяснилось, что более уважаемые буры не испытывали особой симпатии к рейдерам в Бечуаналенд. Они снова были настолько ошеломлены скоростью его передвижений и тщательностью его организации, что не проявили особого желания атаковать силы, которые, казалось, всегда были готовы в любой точке и следили за ними с воздушных шаров. Поведение командира было настолько тактичным, насколько эффективной была его диспозиция; и в результате этих благоприятных обстоятельств (которые поверхностный взгляд может приписать удаче) он смог быстро очистить Бечуаналенд от этих незваных гостей[447].

30 сентября он стал тем, чем и остался с тех пор - британским владением, охраняющим маршрут в глубь страны и удерживающим бурав Трансвааля от соприкосновения с немцами Дамараленда, которое вряд ли могло не вызвать взрыв. Важность последнего факта уже была разъяснена. Значение первого станет очевидным, если мы вспомним, что мистер Родс в своем более позднем и более известном образе строителя Империи смог из Бечуаналенда в качестве базы расширить владения своей Зарегистрированной компании до южной оконечности озера Танганьика в 1889 году.

Хорошо известно, что Родс надеялся расширить владения своей компании на север до южной границы Британской Восточноафриканской компании. Здесь, однако, немцы опередили его своей энергией в Центральной Африке. Наконец, англо-германское соглашение 1890 года закрепило за Германией *всевнутренние районы* Занзибара на запад до границы Свободного государства Конго, тем самым стерилизовав идею общebritанского маршрута от Кейпа до Каира, которая обладала для некоторых умов всеохватывающим очарованием.

Что касается будущего огромной территории, которая стала известна в народе как Родезия, мы можем отметить, что часть, граничащая с озером Ньясса, была отделена от Южно-Африканской компании в 1894 году и получила название Британского протектората Центральной Африки. В 1895 году юг Бечуаналенда был присоединен к Капской колонии, о чем многие доброжелатели местных жителей сильно сожалели. Умный вождь Кама посетил Англию в том году, главным образом для того, чтобы выразить протест против аннексии его земель Капской колонией и Южно-Африканской компанией. В этом он преуспел; он и другие вожди находятся непосредственно под защитой короны, но части севера и востока Бечуаналенда находятся в ведении Британской Южно-Африканской компании. Просторы между реками Лимпопо и Замбези, а оттуда на север до Танганьики, образуют территорию более обширную и густонаселенную, чем любая из тех, которыми в последние годы управляла компания; и ее правление оставляет желать лучшего.

Теперь пришло время обратиться к расширению сфер влияния Германии и Великобритании в Гвинейском заливе и вдоль течения рек Нигер и Бенуэ. В самой внутренней части Гвинейского залива британские коммерческие интересы были первостепенны примерно до 1880 года; но примерно в то же время немецкие фабрики основывались во все большем количестве и, благодаря медлительным действиям британских фирм, приобретали все большее влияние на торговлю нескольких округов. Уважение, испытываемое местными вождями к британскому законодательству, было продемонстрировано просьбой пяти "королей" Камеруна о том, чтобы они могли ввести его на своих землях (1879). Власти Даунинг-стрит и Уайтхолла остались глухи к

этой просьбе. Разительным контрастом с этим были действия правительства Германии, которое в начале 1884 года направило доктора Нахтигалля исследовать эти районы. Посол Германии в Лондоне сообщил эрлу Грэнвиллу 19 апреля 1884 года, что целью его миссии было "дополнить информацию, которой сейчас располагает Министерство иностранных дел в Берлине, о состоянии немецкой торговли на этом побережье". Поэтому он просил предоставить британским властям соответствующие рекомендации по его приему^[448]. Это было сделано соответствующим образом, и, получив гостеприимство в различных консульствах, он заключил договоры с местными вождями и поднял немецкий флаг в нескольких пунктах, которые ранее считались находящимися под британским влиянием. Особенно это касалось побережья к востоку от реки Нигер.

Британское правительство было возмущено этой процедурой, тем более что в то время разрабатывались планы укрепления британского влияния в Камеруне. На этой реке было шесть британских и две немецкие фирмы, и местные жители обратились за защитой к Англии; но его превосходительство *Флинт*, войдя в реку 20 июля, обнаружил, что немецкий флаг был поднят офицерами немецкого военного корабля *Möwe*. Нахтигаль подписал договор с "Кинг Белл" 12 июля, согласно которому местные обычаи должны были оставаться неизменными и таможенные сборы не взимались, но весь район был передан под сюзеренитет Германии^[449]. То же самое произошло и в соседних районах. Вслед за этим консул Хьюитт, в соответствии с инструкциями из Лондона, установил британское господство на Нефтяных реках, Старом и Новом Калабаре и в нескольких других пунктах, прилегающих к дельте Нигера, вплоть до Лагоса.

В течение некоторого времени между Лондоном и Берлином было много разногласий по этим вопросам, но 7 мая 1885 года, наконец, было достигнуто соглашение, линия, проведенная между Рио-дель-Рей и Старой рекой Калабар, была закреплена в качестве границы сфер влияния двух держав, в то время как Германия далее признала суверенитет Великобритании над заливом Сент-Люсия в Зулуленде и пообещала не аннексировать какие-либо земли между Наталем и заливом Делагоа^[450]. В адрес этого соглашения было высказано множество нареканий, которое, безусловно, принесло в жертву важные британские интересы в Камеруне в связи с отказом Германии от претензий на побережье Зулу, которые были юридически несостоятельны. Таким образом, оказывая давление на различные пункты, ранее считавшиеся находящимися под британским влиянием, Бисмарк захватил по крайней мере один значительный район - более того, самый здоровый на побережье Западной Африки. Последующее расширение превратило Камерун в колонию площадью около 140 000 квадратных миль с населением более 1 100 000 человек.

Ни для кого не секрет, что в 1884-85 годах Германия упорно трудилась, чтобы закрепиться в Нижнем течении Нигера и его притока Бенуэе. Весной 1885 года два важных колониальных общества объединились, чтобы направить герра Флегеля для обеспечения владения районами на тех реках, где британские интересы до сих пор были первостепенными. К счастью для дела свободной торговли (от которого Германия окончательно отказалась в 1880 году), частным лицам хватило дальновидности и решимости эффективно вмешаться и возместить ущерб, который в противном случае должен был бы быть нанесен поглощенностью м-ра Гладстона и его коллег внутренними делами.

В данном случае британские торговцы смогли спасти ситуацию, потому что в 1879 году фирмы, имевшие важные деловые отношения с рекой Нигер, объединились в Национальную африканскую компанию, чтобы противостоять угрожающему давлению французского наступления, о котором вскоре будет рассказано. В 1882 году полномочия Компании были расширены, во многом благодаря сэру Джорджу Таубману Голди, и она получила название Национальной африканской компании. Расширяя свою деятельность вверх по реке Нигер, она постепенно выбивала почву из-под ног французских компаний, которые были созданы для эксплуатации и окончательного приобретения этих районов, так что через некоторое время французские акционеры согласились слиться с британским предприятием.

Этот важный шаг был предпринят как раз вовремя, чтобы предотвратить действия Германии со стороны Камеруна, которые угрожали перекрыть британскую торговлю с берегами реки Бенуэ и озера Чад. Предупрежденные об этой опасности, сэр Джордж Голди и его директора призвали этого смелого и успешного исследователя, мистера Джозефа Томсона, защищать интересы страны вдоль Бенуэ и к северу от нее. Томсон едва оправился от тягот своего эпохального путешествия по Масайланду; но теперь он бросился в прорыв, быстро добрался из Англии до Нигера и, благодаря своему непревзойденному опыту как в средствах передвижения, так и в обычаях местных жителей, сумел заключить договоры с султанами Сокото и Гандо, прежде чем немецкий посланник достиг места назначения (1885). Энергия Национальной африканской компании и оперативность и такт мистера Томсона обеспечили его соотечественникам бесспорный доступ к озеру Чад и великой стране, населенной воинственными хауссами^[451].

Видя, что и Франция, и Германия стремятся ограничить внешнюю торговлю в своих колониях, в то время как Великобритания предоставляет свободный доступ всем торговцам на равных условиях, мы можем рассматривать этот блестящий успех как выигрыш не только для Соединенного Королевства, но и для мировой торговли. Раздражение, выраженное во влиятельных кругах Германии по поводу провала планов захвата торгового района Бенуэ, показало масштаб интересов, которые там рассматривались как перспективные и исключительно немецкие. Разграничение новой британской территории с территорией Камеруна и ее расширение на северо-восток до озера Чад было осуществлено англо-германским соглашением 1886 года, согласно которому Германия получила часть верхнего Бенуэ и южного берега озера Чад. В общей сложности территории, контролируемые британской компанией, составляли около 500 000 квадратных миль (более чем в четыре раза больше территории Соединенного Королевства).

Для британской колониальной процедуры того периода в некоторой степени характерно, что возникло много трудностей с предоставлением чартера компании, которая выполнила эту работу национального значения; но 10 июля 1886 года она получила этот чартер с названием Королевской нигерской компании. Главные трудности с тех пор возникли из-за французской агрессии на западе, на которую мы вскоре обратим внимание.

В 1897 году Королевская нигерская компания свергла власть беспокойного султана Нупе, совершавшего набеги на рабов, недалеко от Нигера, но, как это часто случалось, сам успех компании обрекал ее на поглощение нацией. 1 января 1900 года ее руководящие полномочия были переданы короне; британский флаг заменил частный флаг; и сэр Фредерик Лугард пополнил услуги, которые он оказал Империи в Уганде, взяв на себя организацию этой великой

и плодородной колонии. В интересном докладе, прочитанном перед Королевским географическим обществом в ноябре 1903 года, он так охарактеризовал свои административные методы: "Управлять через местных вождей и, сдерживая грабительские поборы прошлого, справедливо оценивать и обеспечивать соблюдение древней дани. Таким образом, эмирам будет гарантирован справедливый доход вместо их прежнего источника богатства, который состоял в рабстве и работорговле, а также в грабительских налогах на торговлю. . . . Организованная работорговля ушла в прошлое в стране, где она недавно существовала в своей наихудшей форме ". Далее он заявил, что новая колония добилась удовлетворительного прогресса; но легкие железные дороги были крайне необходимы, чтобы соединить озеро Чад с верховьями Нила и Гвинейским заливом. Площадь Нигерии (за исключением протектората побережья Нигера) составляет около 500 000 квадратных миль[452].

Таким образом, результат деятельности французов и немцев в Западной Африке в целом не был неблагоприятным для британских интересов. Усилия, ведущие к этим заслуживающим внимания результатам, описанным выше, вряд ли были бы предприняты, если бы не некоторый внешний стимул. Как это произошло во времена Дюпле и Монкальма, и снова во времена малоизвестных попыток Наполеона I. присвоить середину Австралии, усиление иностранной конкуренции способствовало не только исследованиям, но и расширению Британской империи.

Расширение французского влияния в Африке было гораздо большим, чем расширение влияния Германии; и, хотя оно привлекало меньше внимания по политическим соображениям, оно, вероятно, достигло более серьезных результатов - факт, тем более примечательный, если мы примем во внимание истощение Франции в 1871 году и очень медленный рост ее населения у себя дома. С 1872 по 1901 год число ее жителей выросло с 36 103 000 до 38 962 000; в то же время данные по Германской империи показали увеличение с 41 230 000 до 56 862 000. Таким образом, в какой-то степени колониальный рост Франции является искусственным; по крайней мере, он не основан на непреодолимой необходимости, которая вытесняет избыточное население Великобритании и Германии. Тем не менее, насколько правительственная энергия и организаторские способности могут сделать колонии успешными, французские владения в Западной Африке, Индокитае, Мадагаскаре и Тихом океане, безусловно, оправдали свое существование[453]. Мы больше не слышим старую шутку о том, что французское колониальное поселение состоит из дюжины чиновников, *ресторатора* и парикмахера.

В семидесятые годы Французской Республики принял еще раз работа колониальной экспансии в Западной Африке, в котором император Наполеон III. приняла большой интерес. Губернатор Сенегала М. Фейдербэ предпринял экспедиции из этой колонии в верховья Нигера в 1879-81 годах. Там французы столкнулись с могущественным вождем работорговцев Сэмори, которого они разгромили в серии кампаний в последующие пять лет. Таким образом, события обещали исполнить желания Гамбетты, который во время своего короткого срока полномочий в 1881 году инициировал планы строительства транссахарской железной дороги (так и не завершенной) и создания двух мощных французских компаний в Верховьях Нигера. Французская энергия обеспечила Республике те самые земли, которые великий путешественник Мунго Парк впервые открыл взорам цивилизованных народов. Стоит отметить, что в 1865 году Палата общин, когда ее призвали содействовать британской торговле и влиянию на этой могучей реке, приняла

резолюцию, объявляющую нецелесообразным любое расширение нашего правления в этом районе. Однако продвижение французского оружия в Нигере и в стране за нашими поселениями на Золотом Берегу было настолько быстрым, что частные лица в Лондоне и Ливерпуле начали принимать меры. Уже в 1878 году британские фирмы, торгующие с Низовьями Нигера, сформировали Объединенную африканскую компанию, результаты которой были отмечены выше. Британский протекторат был также установлен в 1884 году над прибрежными районами вокруг Лагоса "с целью защиты их интересов от наступления французов и немцев"[454]."

Тем временем французы быстро продвигались вперед под предводительством Галлиени и Арчинара. В 1890 году последний завоевал Сегу-Сикоро, а годом позже Биссандугу. Гораздо больший приз достался триколору в конце 1893 года. Буате и Боннье преуспели в том, чтобы повести флотилию и колонну к таинственному городу Тимбукту; но немного позже французские войска выдержали серьезную проверку со стороны соседних племен. Это дело только подстегнуло Республику к еще большим усилиям, которые в конечном итоге привели к разгрому войск Сэмори и его пленению в 1898 году. Этот грозный вождь, пятнадцать лет бросавший вызов Франции, был отправлен в качестве пленника в Габун.

Эти кампании и другие, более мирные "миссии" добавили к французским владениям обширную территорию площадью около 800 000 квадратных километров в бассейне реки Нигер. Тем временем возникли разногласия с королем Дагомеи, которые привели к полному свержению его власти полковником Доддсом в ходе блестящей небольшой кампании 1892 года. Коронованный работоторговец был схвачен и отправлен на Мартинику.

Эти быстрые завоевания, особенно на Нигере, не раз ставили Францию и Англию на грань войны. Осенью 1897 года агрессия французов в Буссе и ее окрестностях, на правом берегу Нижнего течения Нигера, привела к крайне серьезной ситуации. Несмотря на то, что этот город входил во владения Королевской нигерской компании, он был оккупирован французскими войсками. На банкете в Гилдхолле (9 ноября) лорд Солсбери сделал твердое, но действительно благоразумное заявление о том, что правительство не потерпит вмешательства в договорные права британской компании. Заявление было своевременным, поскольку действия Франции при Буссе, предпринятые совместно с экспедицией Маршана из бассейна Нигера в верховья Нила у Фашоды (см. Главу XVII), по-видимому, свидетельствовали о намеренном неповиновении Соединенному Королевству. Однако в конечном счете трехцветный флаг был изъят из ситуаций, которые были юридически несостоятельны. Эти вопросы были урегулированы англо-французским соглашением 1898 года, которое, мы можем добавить, подготовило почву для еще более важного договора 1904 года.

Поскольку рамки этой главы уже пройдены, невозможно распространяться о роли Италии и Португалии в разделе Африки. В лучшем случае они были второстепенными; колониальные усилия Италии на Красном море и в Сомалиленде пока не привели ни к чему, кроме катастрофы и разочарования. Но что касается роли, сыгранной Серпой Пинто в бассейне Замбези, то роль Португалии заключалась в бездействии. Некоторые авторитетные источники, как будет показано в следующей главе, описали бы это менее благозвучным термином; теперь известно, что охота на рабов продолжается в верхней части бассейна Замбези, принадлежащей им.

Французское поселение в Обоке, напротив Перима, и раздел Сомалиленда между Англией и Италией также могут быть только названы.

Общие результаты раздела Африки лучше всего можно понять, изучив карту в конце этого тома и следующие статистические данные, представленные мистером Скоттом Келти в *Британской энциклопедии*:

	Квадратные мили.
Французские территории в Африке (включая Сахару)	3,804,974
британских (включая Трансвааль и колонии Оранжевой реки, но исключая англо-египетский Судан - 610,000 квадратных миль)	2,713,910
Немецких	933,380
Свободного государства Конго	900 000
португальцев	790,124
итальянцев	188,500

Эти результаты в основном соответствуют дальновидности и энергии, проявленным несколькими государствами, и первоначальным преимуществам, которыми они пользовались на побережье Африки. Методы, используемые Францией и Германией, представляют собой счастливый союз индивидуальной инициативы с разумным и настойчивым руководством со стороны государства; ибо следует помнить, что до 1880 года у первых было мало хороших операционных баз, а у вторых их вообще не было. Природные порталы Африки находились в руках Великобритании и Португалии. Трудно сказать, каким было бы нынешнее состояние Африки, если бы все зависело от чиновников с Даунинг-стрит и Уайтхолла. Конечно, расширение британского влияния на этом континенте (за исключением долины Нила) было бы незначительным, если бы не усилия частных лиц. Среди них имена Джозефа Томсона, сэра Уильяма Маккиннона, сэра Джона Кирка, сэра Гарри Джонстона, сэра Джорджа Голди, сэра Фредерика Лугарда, Джона Маккензи и Сесила Родса запомнятся как имена настоящих строителей Империи.

Рассматривая этот вопрос с европейской точки зрения, раздел Африки можно рассматривать как триумф дела мира. В 1880-1900 годах Франция, Германия, Великобритания, Португалия, Италия и Бельгия вступили во владение новыми землями, гораздо большими, чем те, за которые французский и британский флоты и армии так отчаянно сражались в восемнадцатом веке. Если мы вернемся еще дальше в прошлое и вспомним о войнах, которые велись за обладание пограничными городами Фландрии, контраст между бесплодными раздорами той эпохи и мирным урегулированием дел на могущественном континенте покажется еще более разительным. Конечно, верно, что разграбление земель туземцев белыми людьми столь же неоправданно с моральной точки зрения, сколь и неизбежно в условиях стремительной экспансии нынешнего века. Далее, можно признать, что методы, применяемые по отношению к аборигенам, иногда были позорными. Но даже в этом случае события 1880-1900 годов, какими

бы черными ни были некоторые из них, выгодно отличаются от событий долгих веков, когда термин "африканская торговля" был всего лишь эвфемизмом для обозначения охоты на рабов.

ПРИМЕЧАНИЕ. - Парламентские документы по Ангра-Пекенья (1884) показывают, что спор с Германией был в значительной степени вызван желанием лорда Дерби выяснить, понесет ли правительство Капской колонии расходы по управлению всем этим побережьем, если оно будет аннексировано. Из-за смены министерства в Кейптауне в начале 1884 года утвердительный ответ очень долго не приходил; а тем временем Германия предприняла решительные действия, как описано на стр. 524.

СНОСКИ:

[424] Говоря это, я не преуменьшаю достижений таких исследователей, как Стэнли, Томсон, Камерон, Швайнфурт, Погге, Нахтигалл, Пинто, де Бразза, Джонстон, Виссман, Голуб, Лугард и другие; но, кроме первых двух, ни один из них не совершил открытий, которые можно назвать эпохальными.

[425] О договоре Франции с Мадагаскаром от 17 декабря 1885 г. см. Parl. Документы, Африка, № 2 (1886).

[426] Парл. Документы, Африка, № 1 (1886), стр. 2.

[427] *Раздел Африки*, Дж. Скотт Келти (1893), стр. 157, 225.

[428] Парл. Документы, Африка, № 1 (1886), стр. 1.

[429] Там же. стр. 12-20.

[430] Дж. Скотт Келти, *Раздел Африки*, глава xv.

[431] *Бисмарк: некоторые тайные страницы его истории*, том iii. стр. 135, 144-45. Парл. Документы, Африка, № 1 (1886), стр. 39-45, 61 и далее.; также № 3 (1886), стр. 4, 15.

[432] Запрет, указ. *цит.* стр. 45-50; Парл. Документы, Африка, № 3 (1887), стр. 46, 59.

[433] Смотрите Отчет по Германской Восточной Африке за 1900 год в наших *дипломатических и консульских отчетах*.

[434] Парл. Документы, Африка, № 6 (1890).

[435] *Бисмарк: некоторые тайные страницы его истории*, том iii. стр. 353. См. также С. Уитмена, *Личные воспоминания принца Бисмарка*, стр. 122.

[436] *Бисмарк: некоторые тайные страницы его истории*, том iii. стр. 124, 133: смотрите также стр. 426 этой работы.

[437] О прогрессе и перспективах этой важной колонии см. Сэр Г. Портал, *Британская миссия в Уганде в 1893 г.*; сэр Чарльз Эллиот, *Британская Восточная Африка* (1905); также Лугард, *Наша Восточноафриканская империя*; сэр Х. Джонстон, *Протекторат Уганды*.

[438] *Бисмарк: некоторые тайные страницы его истории*, том iii. стр. 120.

[439] Смотрите доклад сэра Д. Карри о Южной Африке для членов Королевского колониального института, 10 апреля 1888 г. (*Труды*, том xix. стр. 240).

[440] Указ. соч. том i, стр. 502.

[441] Сэр К. Дилке, *Проблемы Великой Британии*, том i. стр. 553-556.

[442] *Бисмарк: некоторые тайные страницы его истории*, том iii. стр. 132.

[443] Парл. Документы, Африка, № 6 (1885), стр. 2.

[444] Здесь он ссылался на франко-германское соглашение от 24 декабря 1885 года, в соответствии с которым две державы мирно установили границы своих западноафриканских земель, а Германия согласилась не препятствовать французским планам на Таити, островах Общества, Новых Гебридах и т.д. See Banning, *Le Partage politique de l'Afrique*, pp. 22-26.

[445] Капская колония, Документы о Пондоленде, 1887, стр. 1, 41. О прогрессе германской Юго-Западной и Восточной Африки см. Парл. Документы, Германия, № 474, 528, 2790.

[446] О переговорах и Конвенции от 27 февраля 1884 г. см. Документы, касающиеся Южно-Африканской Республики, 1887г.

[447] Смотрите краткий отчет сэра Чарльза Уоррена об экспедиции в *Трудах Королевского колониального института за 1885-86 гг.*, стр. 5-45; также "*Австралийская Африка*" Маккензи, том ii. ad init., и "*Джон Маккензи*", У.Д. Маккензи (1902)..

[448] Парл. Документы, Африка, № 1 (1885), стр. 14.

[449] Там же. стр. 24.

[450] Парл. Документы, Африка, № 6 (1885), стр. 2.

[451] Этот величайший из недавних исследователей Африки умер в 1895 году. Он так и не получил никакой соответствующей награды от Двора за свои великие заслуги перед наукой и нацией в целом.

[452] *Географический журнал*, 1 января 1904 г., стр. 5, 18, 27.

[453] см колонизации ла-Шез-Ле народов современные, Поль Леруа-Болье; дискурс Эт мнения, Жюля Ферри; *Ла размещают Франция* (6-е редактирование. 1893), Альфреда Рамбо; *Ла колонизации де л'Инд-Китай* (1902), на Chailley-Берт; *л'Инд шин Франсез* (1905), Поль Думер (с описанием своего прогресса под его управлением); *Нотр-Ерорее размещают* (1901), П. Лежандр; *Ла режиссура Валера де Нотр домен размещают* (1903), С. парень; *ООН века д'расширение размещают* (1900), м. Дюбуа и А. терьер; *Отель Le partage рассказывает де л'Африк* (1898), В. Девиль.

[454] Информацию о ходе работ смотрите в Colonial Reports, Протекторат побережья Нигера, за 1898-99 годы. О франко-германском соглашении от 24 декабря 1885 г., разграничивающем их западноафриканские земли, см. Banning, *Le Partage politique de l'Afrique*, стр. 22-26. Об англо-французском соглашении от 10 августа 1889 г. см. Parl. Документы, Африка, № 3 (1890).

ГЛАВА XIX

СВОБОДНОЕ ГОСУДАРСТВО КОНГО

"Цель, которая объединяет нас здесь сегодня, является одной из тех, которые в высшей степени заслуживают того, чтобы занимать друзей человечества. Открыть цивилизации единственную часть нашего земного шара, куда она еще не проникла, рассеять тьму, окутывающую целые народы, - это, осмелюсь сказать, крестовый поход, достойный этого века прогресса". - КОРОЛЬ ЛЕОПОЛЬД II., *Речь на Географическом конгрессе 1876 года в Брюсселе.*

Свободное государство Конго обязано своим возникновением, во-первых, самоотверженной пионерской работе Ливингстона; во-вторых, энергии покойного сэра Х.М. Стэнли в прояснении проблем исследования Африки, которые этот преданный миссионер не смог полностью решить, и, в-третьих, интересу, который Его Величество Леопольд II, король Бельгии, всегда проявлял к открытию этого континента. Будет полезно кратко отметить основные факты, которые помогли обратить внимание Европы на бассейн Конго; поскольку эти события имели практическое значение; они помогли королю Леопольду и мистеру Стэнли установить тесный контакт с целью установления постоянного правительства в сердце Африки.

В 1874 году мистер Х.М. Стэнли (он не был посвящен в рыцари до 1899 года) получил поручение от владельцев *Daily Telegraph* отправиться в Центральную Африку, чтобы завершить географические открытия, которые были прерваны печальной смертью Ливингстона близ озера Бангвеоло. Этот князь исследователей не до конца разгадал загадку водных путей Центральной Африки. Он обнаружил то, что на самом деле было верховьями Конго в озере Моэро и вблизи

него; и даже достиг самой могучей реки вплоть до Ньянгве; но он не мог доказать, что эти огромные потоки образовывали верхние воды Конго.

Путешествие Стэнли в 1874-1877 годах привело ко многим важным открытиям. Сначала он прояснил форму и протяженность Виктория-Ньянца; он проследил главный источник этого обширного водохранилища; и он доказал, что озеро Танганьика впадает в реку Конго. Путешествуя по ее течению до устья, он обнаружил обширные и плодородные территории, доказав тем самым то, о чем Ливингстон мог только догадываться, а именно, что здесь находился естественный водный путь в сердце "Темного континента".

Вплоть до 1877 года почти все первопроходческие работы во внутренних районах бассейна Конго были результатом англо-американских инициатив. Следовательно, в той мере, в какой приоритет открытия дает право на обладание, это право принадлежало англоязычным народам. Король Леопольд признал этот факт и разрешил британским купцам на определенный период времени вступить во владение тем, что потенциально было их естественной "сферой влияния". Стэнли, однако, не смог убедить своих соотечественников в целесообразности открытия этого обширного района для мирной торговли. В то время они страдали от серьезной депрессии в торговле и сельском хозяйстве, а также от споров, возникших в результате Восточного вопроса как на Ближнем Востоке, так и в Афганистане. В то время "усталый титан" был поглощен своими мыслями и не мог обратить свои мысли к коммерческой экспансии, которая быстро излечила бы его от пороков. Следовательно, в ноябре 1878 года Стэнли отправился в Брюссель, чтобы предоставить королю Леопольду возможность, которую упустила Англия.

Уже королю бельгийцев удалось пробудить широкий интерес к исследованию Африки. Осенью 1876 года он созвал совещание ведущих исследователей и географов шести Великих держав и Бельгии для обсуждения вопросов, связанных с открытием этого континента; но в то время и до тех пор, пока не стали известны результаты путешествия Стэнли, король и его помощники обратили свой взор почти исключительно на Восточную Африку. Поэтому вряд ли уместно, чтобы один из бельгийских панегиристов королю заявлял, что, когда Центральная Африка будет отмечать свой День благодарения за бесчисленные блага цивилизации, дарованные этим монархом, она будет вспоминать день заседания этой Конференции (12 сентября 1876 г.) как зарю новой эры доброй воли и процветания^[455]. Король Леопольд, открывая Конференцию, использовал вдохновляющие слова, приведенные в начале этой главы, и попросил делегатов обсудить средства, которые следует принять для "окончательного утверждения стандарта цивилизации на земле Центральной Африки".

В результате Конференции была основана "Международная ассоциация исследования и цивилизации Африки". У нее были комитеты в большинстве столиц Европы, но энергия короля Леопольда и суммы, которые он и его люди выделили на новаторскую работу Ассоциации, рано отдали Брюсселю приоритет, который был хорошо использован в дальнейшем^[456]. Великие державы в это время были отвлечены русско-турецкой войной и последовавшим за ней острым международным кризисом. Таким образом, зависть и слабость Великих держав оставили поле свободной деятельности Бельгии, которая, благодаря энергии британского исследователя, была определенно сосредоточена на эксплуатации Конго.

25 ноября 1878 года в Брюсселе был сформирован отдельный комитет Международной ассоциации под названием "Комитет исследований Верхнего Конго". В 1879 году она получила название "Международная ассоциация Конго" и практически заменила своего

предшественника. Однако внешне Ассоциация по-прежнему оставалась международной. Стэнли стал его главным агентом на реке Конго и в 1879-1880 годах заключил многочисленные договоры с местными вождями. В феврале 1880 года он основал первую станцию Ассоциации в Виви, а за четыре года основал двадцать четыре станции на реке Мейн и ее главных притоках. Расходы на эти исследования в значительной степени взял на себя король Леопольд.

Король также поручил лейтенанту фон Виссманну завершить его прежнюю исследовательскую работу в огромном районе, омываемом рекой Касаи и ее притоками; и в 1886 году и после 1886 года он и его коллега, доктор Вольф, значительно расширили знания о южной и центральной частях бассейна Конго[457]. Тем временем британские миссионеры, преподобный У.Х. Бентли и преподобный Г. Гренфелл, продолжали исследования, особенно на реке Убанги и в землях между ней и Конго. Роль, которую миссионеры сыграли в деле открытий и умиротворения, дает им право на высокое место в летописях экваториальных исследований; и их влияние часто оказывалось благотворным для местных жителей. Мы можем добавить здесь, что М. де Бразза проделал хорошую работу для французского триколора, исследуя земли к северу от рек Конго и Убанги; он основал несколько станций, которые впоследствии превратились в великую французскую колонию Конго.

Тем временем в Европе произошли события, которые придали стабильность этим начинаниям. Энергия, брошенная на исследование бассейна Конго, вскоре пробудила зависть к Державе, которая давным-давно открыла устье великой реки и прилегающие к ней побережья. В 1883, 1884 годах Португалия выдвинула претензии на господство над этими районами на основании приоритета открытия и заселения. Со всех сторон эти претензии были сочтены необоснованными. Оккупация этой территории португальцами была недолгой, и почти все ее следы исчезли, за исключением Кабинды и одного или двух пунктов на побережье. Тот факт, что Диого Кам и другие открыли устье Конго в пятнадцатом веке, был слабым аргументом в пользу закрытия для других народов три столетия спустя всей обширной территории между этой рекой и устьем Замбези. Эти претензии подняли проблему Внутренних районов, то есть владения целым рядом территорий за береговой линией. Более того, португальские чиновники были печально известны своей неэффективностью и, как правило, коррумпированностью, в то время как таможенная система этого государства была такова, что сковывала торговую деятельность поистине средневековыми оковами.

Против этих затхлых претензий Португалии стояли предложения "Международной ассоциации Конго" принести благословения свободной торговли и цивилизации угнетенным миллионам негров, если только будет предоставлен доступ с моря. Контраст между унылым мракобесием Лиссабона и благожелательными намерениями Брюсселя поразил народное воображение. В то время око веры разглядело в бельгийском короле идеального крестного отца благородного начинания, и велико было возмущение, когда Португалия вмешалась в свободный доступ к морю в устье Конго. Между Португалией и Великобританией также возникали споры по различным вопросам, касающимся торговых прав на этом важном торговом пункте; и они никоим образом не были урегулированы англо-португальской конвенцией от 26 февраля (1884 г.), в которой лорд Грэнвилл, министр иностранных дел в кабинете Гладстона, как считалось, проявлял слишком большое уважение к сомнительным претензиям. Соединенные Штаты, Франция и Германия выступили с протестами против этой Конвенции, в результате чего лиссабонское правительство предложило передать все эти вопросы на рассмотрение

Конференции держав; и вскоре были приняты меры для вызова их представителей в Берлин под председательством принца Бисмарка.

Перед заседанием Конференции Соединенные Штаты предприняли решающий шаг по признанию прав Ассоциации на управление этим речным бассейном (10 апреля 1884 г.) - процедура, которая должна была обеспечить Соединенным Штатам постоянное влияние на дела Государства, для создания которого они так много сделали. Примеру Соединенных Штатов вскоре последовали и другие державы. В том же месяце Франция сняла возражения, которые она выдвинула против работы Ассоциации, и согласовала их в договоре, по которому она получила приоритет в праве покупки ее требований и имущества. Таким образом, путь был расчищен, и Берлинская конференция собралась 15 ноября 1884 года. Принц Бисмарк предложил рассмотреть три основные темы: (1) свобода судоходства и торговли в районе Конго; (2) свобода судоходства по реке Нигер; (3) формальности, которые отныне должны соблюдаться при законных и обоснованных аннексиях территорий в Африке. Британский полномочный представитель сэр Эдвард Малет, однако, указал, что, хотя его правительство желает сохранить свободу судоходства и торговли на Нигере, оно будет возражать против создания какой-либо международной комиссии для этих целей, учитывая, что Великобритания является единственной собственницей в Нижнем течении Нигера (см. Главу XVIII.)^[458]. Это твердое заявление, возможно, предотвратило вторжение претензий, которые могли бы привести к ограничению британских прав на эту великую реку. Впоследствии была назначена англо-французская комиссия для наблюдения за судоходством по Нигеру.

Поскольку главный вопрос, таким образом, был сосредоточен на Конго, Португалия была вынуждена уступить практически единогласному отказу Держав признать ее притязания на нижние части этой реки; и 19 ноября она признала принцип свободы торговли в этих водах. Затем было решено, что Ассоциация Конго должна приобрести и удерживать права управления почти на всем обширном пространстве, осушаемом Конго, с некоторыми оговорками в пользу Франции на севере и Португалии на юге. Аналогичным образом было подтверждено распространение принципа свободы торговли почти до Индийского океана; и установление монополий или привилегий "любого рода" было категорически запрещено в районе Конго.

Попытка строго контролировать продажу опьяняющих напитков местным жителям потерпела неудачу из-за сильного противодействия Германии и Голландии, хотя более слабое предложение по тому же важнейшему вопросу было принято (22 декабря). 7 января 1885 года Конференция приняла строгую декларацию против работорговли: "... эти регионы не должны использоваться в качестве рынков или путей транзита для торговли рабами, независимо от расы. Каждая из этих Держав обязуется использовать все имеющиеся в ее распоряжении средства, чтобы положить конец этой торговле и наказать тех, кто в ней участвует".

В феврале были урегулированы пограничные претензии с Францией и Португалией на основаниях, почти таких же, какие существуют до сих пор. Ассоциация Конго получила северный берег реки в ее устье, но уступила Португалии небольшую полосу береговой линии немного севернее вокруг Кабинды. Эти договоренности были, в целом, удовлетворительными для трех сторон. Франция теперь окончательно получила по праву договора свою обширную территорию Конго площадью около 257 000 квадратных миль, в то время как Португалия сохранила за собой к югу от реки побережье протяженностью почти 1000 миль и доминион, оцениваемый в 351 000 квадратных миль. Ассоциация, хотя и передала этим державам

соответственно 60 000 и 45 000 квадратных миль земли, которые надеялись получить ее пионеры, тем не менее закрепила за собой огромную территорию площадью около 870 000 квадратных миль.

Общий акт Берлинской конференции был подписан 26 февраля 1885 года. Его положения и положения Протоколов убедительно доказывают, что руководящие полномочия, возложенные на Ассоциацию Конго, были возложены на нейтральное и международное государство, ответственное перед Державами, которые обеспечили его существование. В частности, статьи IV. а пункт V. Общего закона гласил следующее:

Товары, ввозимые в эти регионы, должны оставаться свободными от импортных и транзитных сборов. Державы оставляют за собой право определять по истечении двадцати лет, будет ли сохранена эта свобода импорта или нет.

Ни одной державе, которая осуществляет или должна осуществлять суверенные права в вышеупомянутых регионах, не разрешается предоставлять там монополию или льготы любого рода в вопросах торговли. Иностранцы, без каких-либо различий, пользуются защитой своей личности и собственности, а также правом приобретения и передачи движимого и недвижимого имущества, а также национальными правами и режимом при осуществлении своей профессиональной деятельности.

Прежде чем описывать рост государства Конго, необходимо сослаться на два предварительных соображения. Во-первых, следует отметить, что Берлинская конференция совершила ошибку, не сумев разработать никаких средств для обеспечения соблюдения изложенных на ней принципов. Ее работа, если рассматривать ее абстрактно, была превосходной. Сам факт, что представители Держав могли мирно встретиться, чтобы обсудить и урегулировать управление огромной территорией, которое в другие века спровоцировало бы их на смертельную вражду, сам по себе был весьма обнадеживающим предзнаменованием, и, возможно, успех Конференции внушил слишком самоуверенную веру в эффективную заботу Держав о благополучии молодого государства, крестными отцами которого они тогда были. В любом случае следует признать, что с тех пор они стали относиться к своим обязанностям с той легкостью, к которой все крестные отцы слишком склонны. Как в случае с Берлинским мирным договором 1878 года, так и в случае с Берлинской конференцией 1885 года вина заключалась не в обещании, а в невыполнении исполнителями условий обещания.

Остается отметить еще один момент. Это стало результатом требований, выдвинутых Португалией в 1883-84 годах. В качестве возражения полномочные представители теперь объявили любую оккупацию территории действительной только тогда, когда она действительно имела место и была уведомлена всеми державами, представленными на Конференции. Он также определил "сферу влияния" как территорию, в пределах которой одна держава признается обладающей приоритетом притязаний перед другими государствами. Эта доктрина должна была оказаться удобной для экспансионистских государств в будущем.

Первым важным событием в жизни нового государства стало принятие королем Леопольдом II суверенных полномочий. Все страны, и не в последнюю очередь Бельгия, были поражены его заявлением своим министрам 16 апреля 1885 года о том, что он желает согласия бельгийского парламента на это разбирательство. Он заявил, что союз между Бельгией и государством Конго будет носить сугубо личный характер и что последнее будет пользоваться, как и первое,

преимуществами нейтралитета. Парламент 28 апреля выразил свое согласие, всего одним несогласным голосом, с изложенным выше пониманием. Полномочия также выразили свое одобрение. 1 августа король Леопольд проинформировал их о только что изложенных фактах и объявил, что новое государство получило название Свободного государства Конго (*Независимое государство Конго*)[459].

Вскоре возникли вопросы относительно делимитации границы с территорией Французского Конго; и это привело к подписанию протокола в Брюсселе 29 апреля 1887 года, согласно которому Свободное государство Конго отказалось от некоторых своих претензий в северной части региона Конго (правый берег реки Убанги), но взамен потребовало добавления заявления, "что преимущественное право, предоставленное Франции, не может быть предъявлено к Бельгии, суверенном которой является король Леопольд"[460]."

Однако, по-видимому, возникает некоторый вопрос о том, будет ли это положение иметь какой-либо практический эффект. Очевидно, что этот пункт не действует, если Бельгия в конечном итоге откажется от захвата территории Конго, и есть, по крайней мере, шанс, что это произойдет. Если это произойдет, король Леопольд и бельгийский парламент признают прежние притязания Франции на всю конголезскую территорию. Король и министры Конго, по-видимому, воспользовались этим обстоятельством, чтобы несколькими способами укрепить финансовые отношения Франции с их новым государством, в частности, путем формирования монополистических групп для эксплуатации Конго. Пока мы можем отметить, что в соответствии с пунктом франко-бельгийского договора от 5 февраля 1895 г. правительство Брюсселя заявило, что оно "признает преимущественное право, которым обладает Франция по отношению к своим конголезским владениям, в случае их принудительного отчуждения, полностью или частично"[461].

Тем временем король Леопольд действовал так, как будто он был абсолютным правителем нового государства. Он даровал ему конституцию на самой автократической основе. М. Каттье в своем отчете об этой конституции подводит итог, заявляя, что

Суверен является непосредственным источником законодательной, исполнительной и судебной власти. Он может, если он выбирает, делегировать свои тренировки определенных функционеров, но наша делегация не имеет никакого другого источника, кроме его воли. . . . Он может издавать правила, по которым, так долго, как они в прошлом, базируется на действительность определенные действия сам или по его делегатов. Но он может отменить эти правила всякий раз, когда они кажутся ему хлопотными, бесполезными или опасными. Организация правосудия, состав армии, финансовые системы, промышленные и коммерческие учреждения - все это создано исключительно им в соответствии с его справедливыми или ошибочными представлениями об их полезности или эффективности[462].

Естественным результатом такой линии политики стало постепенное устранение должностных лиц, не являющихся гражданами Бельгии. В июле 1886 года сэр Фрэнсис де Винтон, преемник Стэнли в администрации региона Конго, уступил место бельгийскому "генерал-губернатору" М. Янссену; аналогичные изменения были внесены во все звания службы.

Тем временем происходили другие события, которые позволили должностным лицам государства Конго существенно изменить положения, изложенные на Берлинской

конференции. Эти события заключались в следующем. В течение многих лет арабские работорговцы расширяли свои набеги в восточном и юго-восточном направлениях, пока не начали опустошать районы государства Конго, ближайшие к великим озерам и Бахр-эль-Газалю.

Их деятельность может быть объяснена следующими причинами. Работорговля в Африке велась на протяжении поколений. Негритянские племена сами издавна практиковали это; и арабы, постепенно завоевывая многие районы Центральной Африки, обнаружили, что это, безусловно, самое прибыльное из всех занятий. Рынок был почти безграничен, ибо со времен Венского (1815) и Веронского (1822) конгрессов христианские державы запретили своим подданным более заниматься этим гнусным призванием. Это правда, что похищение негров продолжалось тайно, несмотря на все усилия британских крейсеров по поимке работорговцев. Говорят, что последний захват португальской шхуны, незаконно торговавшей человеческим мясом, был произведен у берегов Конго еще в 1868 году[463]. Но прекращение трансатлантической работорговли только подстегнуло арабских охотников на людей в Восточной Африке к еще большим усилиям; а рост махдизма беспрецедентным образом ускорил спрос на рабов. Таким образом, ненавистная торговля развивалась быстрыми темпами, угрожая опустошить Континент, который открывали исследователи, миссионеры и торговцы.

Процессы становления цивилизации и разрушения, несомненно, вскоре столкнутся; и, как и предвидел Стэнли, конфликт разразился в Верхнем Конго. Там особенно активны были работорговцы, субсидируемые или возглавляемые арабами Занзибара. Действуя с Уджиджи и других баз, они атаковали некоторые экспедиции, посланные Свободным государством Конго. Главным среди налетчиков был араб-негр-полукровка по кличке Типу Тиб ("Собиратель богатств"), который благодаря своей энергии и хитрости стал практически хозяином огромного района между Конго и озером Танганьика. Сначала (1887-1888) Свободное государство Конго приняло предложение Стэнли назначить Типу Тиба губернатором округа Стэнли Фоллс с зарплатой 30 фунтов стерлингов в месяц[464]. Столь искусственная договоренность вскоре рухнула, и в начале 1892 года разразилась война. Силы Свободного государства Конго, возглавляемые комендантами Дханисом и Лотэром, а также капитаном С.Л. Хинде, наконец, одержали победу над арабами после двух долгих и изнурительных кампаний, проведенных в Верхнем Конго. В подробности войны невозможно вникать. Отчеты обо всех операциях, включая операцию капитана Хайнда[465], написаны с определенной сдержанностью; и впечатление, что авторы работали от имени цивилизации и человечества, несколько размыто поразительными признаниями, сделанными капитаном Хайндом в докладе, прочитанном им перед Королевским географическим обществом в Лондоне 11 марта 1895 года. Там он заявил, что арабы, "несмотря на их склонность к набегам на рабов", "превратили страну Маниема и Малела в одну из самых процветающих в Центральной Африке". Он также признался, что во время боевых действий два процветающих города, Ньянгве и Касонго, были полностью стерты с лица земли. В свете этих заявлений результаты кампании нельзя рассматривать с неизменным удовлетворением.

Однако в то время такой точки зрения не придерживались. Незадолго до этого Континент огласился проповедями и выступлениями кардинала Лавиджери, епископа Алжирского, который, подобно второму Петру Отшельнику, призвал всех христиан объединиться в великом крестовом походе за искоренение рабства. Итогом всего этого стало заседание Конференции по борьбе с рабством в Брюсселе в конце 1889 года, в котором вновь приняли участие Державы, разработавшие Берлинский акт. Вторая статья, принятая в Брюсселе, утверждала, среди

прочего, обязанности Держав "оказывать помощь коммерческим предприятиям в обеспечении их законности, особенно контролируя контракты на обслуживание, заключаемые с местными жителями". Злоупотребления в торговле огнестрельным оружием должны были тщательно проверяться и контролироваться.

Ближе к закрытию Конференции было выдвинуто предложение (10 мая 1890 г.) о том, что, поскольку пресечение работоторговли и работа по воспитанию туземцев повлекут за собой большие расходы, желательно отменить пункт Берлинского акта, запрещающий введение импортных пошлин, по крайней мере, на двадцать лет с этой даты (то есть до 1905 года). Это предложение казалось настолько правдоподобным, что разоружило оппозицию всех держав, за исключением Голландии, которая решительно протестовала против этого изменения. Правительство лорда Солсбери пренебрег защитой британских интересов в этом вопросе; и, несмотря на упорное противодействие голландского правительства, неприятное изменение было, наконец, зарегистрировано 2 января 1892 г. При том понимании, что пошлины не должны были превышать 10% *адвалорных* за исключением спиртных напитков, и что никакой дифференцированный режим не будет предоставляться импорту какой-либо страны или наций.

Таким образом, европейские державы, поддавшись благовидному заявлению о том, что они должны предоставить Свободному государству Конго право взимать таможенные сборы для продвижения его филантропических целей, отказались от одного из основополагающих принципов, согласованных на Берлинской конференции. *Смысл существования* Свободного государства Конго заключался в том, что оно выступало за свободу торговли на этой огромной территории; и отказ от одного из неотъемлемых прав современной цивилизации под предлогом временной нехватки наличных в Конголанде можно охарактеризовать только как акт политического исава. Общий акт Брюссельской конференции получил временную санкцию (пункт о таможенных сборах еще окончательно не урегулирован) 2 июля 1890 г. [\[466\]](#).

На следующий день Свободное государство Конго заключило финансовое соглашение с правительством Бельгии, что стало еще одним шагом в изменении политики, согласованной в Берлине пять лет назад. В этой связи мы должны отметить, что король Леопольд в своем завещании, датированном 2 августа 1889 года, завещал Бельгии после своей смерти все свои суверенные права на это государство, "вместе со всеми благами, правами и привилегиями, присущими этому суверенитету". По-видимому, поводом для составления завещания была острая необходимость в займе в размере 10 000 000 франков, который государство Конго вынудило бельгийское правительство предоставить от имени железной дороги Конго. Таким образом, накануне созыва Европейской конференции в Брюсселе правительство Конго (то есть король Леопольд) обратилось не к Великим державам, а к правительству Бельгии и попыталось облегчить предоставление желаемого займа перспективой окончательной передачи своих суверенных прав Бельгии.

Несомненно, в прошлом король вел себя очень великодушно по отношению к Ассоциации и государству Конго. Утверждалось даже, что его займы часто составляли сумму в 40 000 000 франков в год; но даже в этом случае это не давало права завещать какому-либо одному государству результаты международного предприятия. На самом деле, однако, государство Конго было в то время почти банкротом; и в этом обстоятельстве, несомненно, можно найти объяснение апатии держав в связи с нарушением условий Берлинского акта 1885 года.

Теперь мы в состоянии более ясно понять значение Конвенции от 3 июля 1890 года между Свободным государством Конго и правительством Бельгии. По его условиям последнее обязалось предоставить Государству Конго заем в размере 25 000 000 франков в течение десяти лет без процентов при условии, что по истечении шести месяцев после истечения этого срока Бельгия получит право аннексировать Свободное государство со всем его имуществом и обязательствами.

Мы не можем вдаваться в жаркие дискуссии, которые происходили в бельгийском парламенте весной и летом 1901 года по поводу Конвенции от 3 июля 1890 года. Король вмешался, чтобы помешать принятию разумного компромисса, предложенного премьер-министром Бельгии М. Бернар; и в конечном итоге дело было улажено указом от 7 августа 1901 года, который, вероятно, приведет к передаче суверенных прав короля Леопольда Бельгии после его смерти. Тем временем весь исполнительный и законодательный контроль возложен на него, а также на министра колоний и Совет из четырех членов, которые ответственны исключительно перед ним, хотя министр имеет место в бельгийском парламенте[467]. Таким образом, на короле Леопольде лежит основная ответственность за все, что делается в Свободном государстве Конго. Как выразился М. Каттье в 1898 году: "Бельгия имеет не больше прав вмешиваться во внутренние дела Конго, чем государство Конго имеет право вмешиваться в бельгийские дела. Что касается правительства Конго, Бельгия не имеет права ни на вмешательство, ни на руководство, ни на контроль[468]."

Очень многие бельгийцы решительно возражают против создания *imperium in imperio* на их земле; и богатство, которое слоновая кость и каучук Конго приносят в их среду (не говоря уже о биржевой торговле и продвижении компаний, которые продолжают в Брюсселе и Антверпене), не закрывает от них глаза на моральную ответственность, которую косвенно понес бельгийский народ. Это правда, что Бельгия не несет юридической ответственности, но государство, которое предоставило крупную сумму займа правительству Конго, помимо предоставления значительной части должностных лиц и эксплуататоров этой территории, не может избежать некоторой ответственности. М. Вандервельде, лидер Лейбористской партии Бельгии, смело и настойчиво отстаивал право бельгийского народа на долю в контроле над его возможным наследством, но до сих пор все усилия его коллег терпели неудачу перед группами капиталистов, которые приобрели огромные монопольные права в Конголанде.

Теперь, проследив шаги, с помощью которых конголезское правительство достигло своего нынешнего аномального положения, мы перейдем к краткому отчету о его материальном прогрессе и управлении.

Никто не может отрицать, что многое было сделано в области инженерии. Была построена легкорельсовая дорога из окрестностей Виви в Нижнем Конго до Стэнли-Пула, еще одна - из Бома в районы к северу от этого важного речного порта. Другие были запланированы или уже строятся между водопадом Стэнли и северной оконечностью озера Танганьика, с ответвлением к Альберт-Ньянза. Другая линия соединит верхнюю часть реки Конго с самым западным притоком реки Касаи, таким образом, образуя основание дуги вместо огромного изгиба основного потока. К 1903 году для движения было открыто 480 километров железной дороги, в то время как еще 1600 находились в процессе строительства или планировались. Похоже, что первые 400 километров в холмистой местности недалеко от побережья обошлись в 75 000 000 франков вместо первоначально оцененных 25 000 000 франков[469]. Строительство дорог также

продвигалось во многих направлениях. Флотилия пароходов курсирует по великой реке и ее основным притокам. В 1885 году их было всего пять; сейчас их число превышает сотню. В настоящее время открыто 1532 километра телеграфных линий. Экспорт вырос с 1 980 441 франка в 1885-86 годах до 50 488 394 франков в 1901-02 годах, в основном из-за огромной торговли каучуком, о котором скоро будет рассказано больше; импорт с 9 175 103 франков в 1893 году до 23 102 064 франков в 1923 году[470].

Гораздо важнее моральная выгода, полученная в результате подавления работорговли на значительной части территории государства. По этому поводу мы можем процитировать свидетельство мистера Роджера Кейсмента, британского консула в Бома, содержащееся в официальном отчете, основанном на наблюдениях, сделанных во время длительной поездки по Конго. Он пишет: "Открытая продажа рабов и караваны каноэ, которые когда-то плавали по Верхнему Конго, повсеместно исчезли. Ни одно действие правительства штата Конго, возможно, не привело к более похвальным результатам, чем энергичное подавление этого широко распространенного зла[471]."

Король Леопольд также упорно стремился расширить границы государства Конго. Не удовлетворенный своим соглашением с Францией от апреля 1887 года, которое определило реку Убанги и ее притоки границей их владений, он продвинулся на северо-восток от этих границ и в начале девяностых годов установил посты в Ладо на Белом Ниле и в бассейне Бахр-эль-Газаль. Очевидно, его целью было завоевание районов, которые Египет на время уступил Махди. Эти усилия вызвали острые трения между конголезскими властями и Францией и Великобританией. После долгих обсуждений Лондонский кабинет согласился с конвенцией от 12 мая 1894 года, согласно которой государство Конго получило бассейн Бахр-эль-Газаль и левый берег Верхнего Нила вместе с портом на Альберт-Ньянза. Со своей стороны, король Леопольд признал притязания Англии на правый берег Нила и на полосу земли между Альберт-Ньянзой и озером Танганьика. Из-за решительных протестов Франции и Германии это соглашение было расторгнуто, и парижский кабинет министров в конце концов вынудил короля Леопольда отказаться от всех претензий на Бахр-эль-Газаль, хотя он и получил право арендовать район Ладо ниже Альберт-Ньянза. Важность этих вопросов для развития британской политики в бассейне Нила была отмечена в главе XVII.

Однако очевидной целью основателей Свободного государства Конго была не эксплуатация района Верхнего Нила, строительство железных дорог и экспорт большого количества слоновой кости и каучука из Конголанда, а цивилизованность и возвышение Центральной Африки. Общий акт Берлинской конференции начинается с обращения к Всемогущему Богу; и в этом Брюссельская конференция подражала своей предшественнице. Таким образом, именно как цивилизующее и морализаторское учреждение правительство Конго всегда будет оцениваться потомками.

Первое, что необходимо для успеха в общении с отсталыми расами, - это сочувствие их самым заветным представлениям. Однако с самого начала одно из них было нарушено. 1 июля 1885 года в декрете Свободного государства Конго утверждалось, что все свободные земли являются собственностью правительства, то есть фактически самого короля. Далее, 30 июня 1887 года был издан указ, утверждающий право сдавать в аренду или продавать домены и предоставлять права на добычу полезных ископаемых или вырубку леса на любой земле, "право собственности

на которую не признается принадлежащим кому-либо". Следует отметить, что эти указы некоторое время держались в секрете, пока их действие не стало очевидным.

Все, кто хоть что-нибудь знает о земельном устройстве примитивных народов, увидят, что оно противоречило обычаям, которые так дороги дикарям. Участки, которыми на самом деле владеют и обрабатывают их туземцы, бесконечно малы по сравнению с обширными территориями, на которые их племена претендуют на право охоты, пастбищ и других прав. Земельная система дикаря повсюду общинная. Индивидуальная собственность в европейском смысле является сравнительно поздним развитием. Конголезские власти, должно быть, знали об этом, поскольку почти все проблемы с коренными народами возникали из-за глубоких различий в представлениях европейца и дикаря о землевладении.

Однако, учитывая опыт прошлых времен, государство Конго выдвинуло требование, которое привело или приведет к конфискации всех племенных или общинных прав на землю на этой огромной территории. Такая конфискация, возможно, может быть оправдана в случае Соединенных Штатов, где вновь прибывшие значительно превосходили краснокожих индейцев численностью и возделывали земли, которые ранее были опустошены. Это непростительно в тропиках, где белые поселенцы всегда будут оставаться единицами по сравнению с миллионами, которых они возвышают или эксплуатируют^[472]. Дикарь твердо придерживается определенных рудиментарных представлений о справедливости, особенно о праве, которое он и его племя всегда отстаивали и осуществляли, *на использование* земли племени для удовлетворения первичных жизненных потребностей. Когда ему отказывают в праве охотиться, рубить лес или пасти пастбища, он чувствует себя "загнанным в клетку и ограниченным". Это, несомненно, главный источник раздоров между новым государством и его *протеже*, а также подавленности духа, которую мистер Кейсмент находил столь распространенной. Лучшие французские специалисты по колониальному развитию теперь признают, что вмешиваться в права коренных жителей тропической Африки - безумие.

Метод, используемый при наборе мужчин на общественные работы и в армию, также вызвал много проблем. Этот вопрос, по общему признанию, является одним из самых сложных. Необходимо выполнять тяжелую работу, и в тропиках белый человек может только руководить ею. Кроме того, там, где жизнь довольно легка, мужчины не будут охотно соглашаться на труд. Либо предлагаемое поощрение должно быть адекватным, либо должна быть принята какая-то форма обязательного призыва на военную службу. Бельгийские чиновники из-за острой нехватки средств, которая всегда была проблемой в их штате, пытались прибегнуть к принуждению, как правило, через местных вождей. Они побуждаются предложением хлопчатобумажной ткани или ярких носовых платков для снабжения мужчин из племени. Если работники не приходят, вождя наказывают, а его деревню иногда сжигают. Таким образом, с помощью ярких носовых платков или головешек можно заполучить рабочих. Они фигурируют как "подмастерья" в соответствии с законом от 8 ноября 1888 года, который предоставлял "особую защиту чернокожим".

Британский консул мистер Кейсмент в своем отчете об администрации Конго заявил, что большинство государственных служащих в Леопольдвиле подвергались той или иной форме принуждения, но в целом о них хорошо заботились^[473].

По словам немецкого резидента в Конголанде, участь подмастерьев мало чем отличается от участи рабов. Их положение, в отличие от их прежнего отношения к начальнику, с юмором определяется термином *libérés*^[474] Трудности рабочих на государственных железных дорогах были таковы, что британское правительство отказалось разрешить их набор из Сьерра-Леоне или других британских владений.

Однако теперь, когда британский кабинет министров разрешил крупной колонии использовать на своих рудниках наемную рабочую силу желтого цвета, Великобритания не может без вопиющей непоследовательности подать какой-либо протест против нарушения в Конголанде Акта Берлинской конференции по вопросу обращения с наемными рабочими. Если мы хотим улучшить участь конголезских учеников, инициатива должна исходить не из Лондона, а из какой-нибудь другой столицы.

Еще один вопрос, который практически касается благосостояния государства Конго, - это набор и использование местных войск. Их часто набирают из самых варварских племен в глубине страны; их жалование очень мало; и слишком часто главным стимулом служить под голубым знаменем с золотой звездой является возможность пировать и грабить за счет других туземцев, которые не устраивают власти. Как наивно сказал один из них мистеру Кейсменту, *он предпочитал быть с охотниками, а не с добычей.*

Похоже, что серьезные злоупотребления впервые проявились в ходе кампании за искоренение рабства и работорговли в районе Стэнли-Фоллс. Арабские работорговцы были богаты не только рабами, но и слоновой костью - трофеями, которые возбуждали алчность местных войск и даже, как говорят, их европейских офицеров. В любом случае, несомненно, что силы освобождения, наспех созданные и плохо контролируемые, учинили ужасающие бесчинства над племенами, ради которых они вели войну. Покойный мистер Глэйв в упомянутой выше статье в журнале *"Сенчури Мэгэзин"* усомнился в том, что крестовый поход не принес почти такого же вреда, как зло, которое он был направлен для лечения. Его слова были таковы: "Черные солдаты настроены на борьбу и набеги; они не хотят мирного урегулирования. У них есть хорошие винтовки и боеприпасы, они осознают свое превосходство над туземцами с их луками и стрелами, и они хотят стрелять, убивать и грабить. Блэку доставляет удовольствие убивать блэка, будь то мужчина, женщина или ребенок, и не важно, насколько он беззащитен". Эту глубоко укоренившуюся привычку трудно искоренить; и среди некоторых менее уважаемых бельгийских офицеров она иногда использовалась для того, чтобы терроризировать племена, которые выступали против указов государства Конго.

Несомненно, избежать трений с туземными племенами очень трудно. Все правительства в определенное время и в определенных местах вели себя по отношению к ним более или менее виновато. Британские летописи были запятнаны многими проступками со стороны суровых чиновников и алчных первопроходцев, в то время как недавние разоблачения относительно обращения с аборигенами в Западной Австралии показывают необходимость пристального надзора за официальными лицами даже в колонии, управляемой народом. Показатели немецкой Восточной Африки и французского Конго также далеки от чистых. Тем не менее, по мнению всех, кто следил за благосостоянием аборигенов, среди которых мы можем назвать сэра Чарльза Дилке и мистера Фокса Борна, обращение с аборигенами в значительной части Свободного государства Конго было хуже, чем в названных выше районах^[475]. Существует также еще один ужасающий факт, что само государство, которое заявляло, что является

крупным филантропическим агентством, до самого недавнего времени отказывалось провести какое-либо полное расследование предполагаемых недостатков своего управления.

Некоторые из этих недостатков могут быть связаны с плохой системой оплаты труда должностных лиц. Им не только недоплачивают, но и нет пенсии, подобной той, которую правительства Великобритании, Франции и Нидерландов назначают своим служащим. В результате конголезский офицер рассматривает срок своей службы в этом нездоровом климате как время, когда он должен обогащаться всю жизнь. Изучающие римскую историю знают, что, когда это чувство становится традицией, оно может привести к серьезным злоупотреблениям, рассказ о которых придает неугасающий интерес речи Цицерона против Верреса. В случае с конголезскими администраторами государство (несомненно, невольно) дало стимул к жестокости. Недостаточное жалование часто дополнялось "поощрениями", которые М. Каттье описывает и критикует следующим образом: "Был введен обычай выплачивать чиновникам премии, пропорциональные количеству продукции, произведенной в "частных владениях" государства, и налогам, уплаченным местными жителями. Это равносильно подстрекательству должностных лиц, руководствуясь личной заинтересованностью, к строгости в применении законов и нормативных актов". Поистине, более пагубного применения плана "оплаты по результатам" невозможно представить; и М. Каттье утверждает, что, хотя номинально он был отменен, в действительности он существовал вплоть до 1898 года.

К этому добавляются дефекты, возникающие из-за неопределенности при приеме на работу. Чиновник может быть немедленно уволен генерал-губернатором на основании непригодности к службе в Африке; и этот человек, будучи уволен, не имеет никаких средств добиться возмещения ущерба. Естественным результатом является рост привычки почти рабского повиновения властям не только в отношении писаного закона, но и частных и полуофициальных намеков[476].

Еще одним пятном на репутации Свободного государства Конго является эксклюзивный характер торговой корпорации, которой оно предоставило концессии. Несмотря на обещания, данные частным фирмам, которые рано стремились открыть бизнес на своей земле, само правительство превратилось в крупную торговую корпорацию с монопольными правами, которые закрывают большие регионы для частных торговцев и подвергают местных жителей непосильному бременю. Эта система приобрела определенную форму в сентябре 1891 года, когда правительство заявило об исключительных правах в торговле на крайнем севере и северо-востоке. В конце того же года капитан Бэрт, администратор этих округов, также предписал местным жителям собирать каучук и другие изделия в пользу государства.

Следующим шагом было запретить частным торговцам в этом квартале покупать эти продукты у местных жителей. В мае 1892 года государственная монополия на каучук и т.д. была распространена на район "Экватор", местным жителям не разрешалось продавать его никому, кроме государственных чиновников. Многие торговцы протестовали, но тщетно. Главным результатом их протеста стало учреждение привилегированных компаний "Сосьете Анверсоис" и "Англо-бельгийский", а также резервирование за государством обширных территорий под названием "*Привилегированные владения*" (октябрь 1892 г.)[477]. Апологетическое мастерство сторонников государства Конго очень велико; но оно вряд ли сравнится с задачей доказать, что

этот новый отход не является прямым нарушением статьи V. Общего акта Берлинской конференции 1885 года, процитированной выше.

Странный комментарий к последней части этой статьи, согласно которой всем иностранцам предоставляется полная защита, был дан казнью бывшего миссионера Стокса от рук бельгийских чиновников в 1895 году - дело, по которому правительство Конго в конце концов неохотно и неполно возместило ущерб[478]. Другой случай был не менее тяжким. В 1901 году австрийский торговец Рабинек был арестован и заключен в тюрьму за "незаконную" торговлю каучуком в стране "Катанга Траст". С ним жестоко обращались во время его переезда в другую часть страны, и он умер от лихорадки. Его имущество было изъято и не было возвращено его наследникам[479].

Когда такое обращение применяется к белым людям, которые занимались своим ремеслом, полагаясь на первоначальную конституцию штата, можно ожидать, что туземцам придется плохо. Их несчастья усугубились, когда правительство, ссылаясь на то, что туземцы должны вносить свой вклад в государственные расходы, начало требовать от них сбора и сдачи определенного количества каучука. Свидетельство мистера Кейсмента ясно показывает, что местные жители не могли понять, почему это внезапно должно было быть наложено на них; что требуемая сумма часто была чрезмерной; и что наказание, назначенное за невыполнение официальных требований, привело ко многим варварским действиям со стороны официальных лиц и их местных войск. Так, в Болобо он обнаружил большое количество трудолюбивых работников металлургической промышленности, бежавших из "Domaine de la Couronne" (частных владений короля Леопольда), потому что "они подверглись такому жестокому обращению со стороны правительственных чиновников и правительственных солдат в своей собственной стране, что жизнь стала невыносимой, что дома им ничего не оставалось, кроме как быть убитыми за то, что они не ввезли определенное количество резины, или умереть от голода или переохладения в попытках удовлетворить предъявленные к ним требования"[480]."

На северном берегу озера Мантумба мистер Кейсмент обнаружил, что население сократилось на 60 или 70 процентов с момента введения налога на каучук в 1893 году - факт, однако, который можно частично отнести к сонной болезни. Налог приводил к постоянным столкновениям, пока, наконец, чиновники не отказались от своих усилий и не ввели реквизицию продовольствия или жевательной резинки; изменение, по-видимому, было удовлетворительным там и в других частях, где оно было опробовано. В прежние времена туземные солдаты наказывали провинившихся увечьями: доказательства на этот счет здесь и в нескольких других местах были неоспоримы. На реке Лулонго мистер Кейсмент обнаружил, что количество каучука, собранного у местных жителей, в целом оказалось пропорциональным количеству оружия, используемого силами сбора.[481]. В некоторых случаях туземцы были расстреляны, даже белыми офицерами, из-за того, что они не привезли должное количество каучука[482]. Сравнительно легкой формой наказания был захват жен и содержание их под стражей до тех пор, пока их мужья не выдумают эту историю. Удивительно ли, что тысячи уроженцев севера бежали во Французский Конголанд, который сам по себе отнюдь не свободен от власти компаний-монополистов, но и не терроризирован, как большинство племен "Свободного государства"?

Ливингстон в свое время считал слоновую кость главной причиной работорговли в Центральной и Восточной Африке; но сомнительно, чтобы даже слоновая кость (ныне исчезающий продукт) принесла миллионам негров больше горя, чем вязкая жидкость, которая позволяет любителям

удовольствий Парижа, Лондона и Нью-Йорка роскошно носиться в космосе. Стремительный Джаггернаут нынешнего века несет ответственность за столько же страданий, сколько сахар или слоновая кость в старые времена рабства. Но, похоже, что до тех пор, пока автомобильная промышленность процветает, немые беды миллионов африканцев не будут иметь большого значения в судах Европы. Во время сессии 1904 года лорд Лэнсдаун предпринял похвальные усилия, чтобы привлечь их внимание к неправильному управлению государством Конго; но он не встретил никакой реакции, за исключением Соединенных Штатов, Италии и Турции (!). Никогда еще не было более наглядного доказательства слабости и циничного эгоизма, распространенных сейчас в высших кругах, чем в этом отказе от простого и непреклонного долга.

Небольшого проявления общественного духа со стороны сторон, подписавших Берлинский акт, было бы достаточно, чтобы предотвратить скатывание конголезских дел к нынешней крайне аномальной ситуации. Эта земля не бельгийская и не международная - за исключением строго юридического смысла. Трудно сказать, что это такое, если это не частное владение короля Леопольда и нескольких трастов, контролирующих монополистов. Вероятно, единственным выходом из нынешней трясины уныния является определенное принятие на себя исключительной ответственности бельгийским народом; ибо следует помнить, что очень большое количество бельгийских патриотов настоятельно желает исправить зло, в котором они, как они считают, сами несут косвенную и в ограниченной степени ответственность. В настоящее время те, кто внимательно изучает свидетельства, относящиеся к Берлинской конференции 1885 года, и факты, насколько они могут быть установлены сегодня, должны объявить эксперимент в Конго ужасным провалом.

СНОСКИ:

[455] *Новая Африка*. Пер. Э. Дескампа, Брюссель, Париж, 1903, стр. 8.

[456] Подробнее см. Дж. де К. Макдонелл, *король Леопольд II.*, стр. 113.

[457] Х. фон Виссманн, *Мое второе путешествие по Экваториальной Африке*, 1891 г. Преподобный У.Х. Бентли, *"Первопроходцы Конго"*, 2 тома.

[458] См. Протоколы, раздел. *Документы*, Африка, № 4 (1885), стр. 119 и далее.

[459] *История Свободного государства Конго*, Х.В. Вак (Нью-Йорк, 1905), стр. 101; Уотерс, *Независимое государство Конго*, стр. 36-37.

[460] *Государство Конго*, Д.К. Булджер (Лондон, 1896), стр. 62.

[461] Каттье, *Право государственного управления независимым государством Конго*, стр. 82.

[462] Каттье, *указ. соч.* стр. 134-135.

[463] А.Дж. Уотерс, *Независимое государственное учреждение Конго*, стр. 52.

[464] Стэнли, *В самой темной Африке*, том i. стр. 60-70.

[465] "*Падение арабов Конго*", капитан С.Л. Хайнд (Лондон, 1897).

[466] 1 августа 1890 года султан Занзибара объявил, что впредь в его владениях не должно происходить продажи рабов. Он также предоставил рабам право обжаловать его в случае жестокого обращения с ними. См. Parl. Документы, Африка, № 1 (1890-91).

[467] Х.Р. Фокс-Борн, *Цивилизация в Конголанде* стр. 277.

[468] М. Каттье, *указ. соч.* стр. 88.

[469] *L'Afrique nouvelle*,.

[470] *Там же.* стр. 589-590.

[471] Парл. Документы, Африка, № I (1904), стр. 26.

[472] Количество белых в Конголенде составляет около 1700 человек, из которых 1060 бельгийцев; по словам Стэнли, черных насчитывается около 29 000 000 человек; бельгийский генерал-губернатор Вахис считает, что это не соответствует действительности. See Wauters, *L'État indépendant du Congo*, pp. 261, 432.

[473] Парл. Документы, Африка, № 1 (1904), стр. 27.

[474] А. Бошарт, *Zehn Jahre Afrikanischen Lebens* (1898), цитируется Фоксом Борном, *указ. соч.* стр. 77. Для получения дополнительной информации см. Статью г-на Глэйва, бывшего должностного лица Свободного государства Конго, в журнале *Century*, vol. liii.; также его работа "*Шесть лет в Конго*" (1892).

[475] Сэр Чарльз Дилке очень убедительно заявил об этом в речи, произнесенной в ратуше Холборна 7 июня 1905 года.

[476] Каттье, *Право на администрирование . . . в Конго*, стр. 243-245.

[477] Карту доменов, которые в настоящее время присвоены этими и другими привилегированными "Трастами", смотрите в Morel, *op. cit.* стр. 466.

[478] Смотрите доказательства в разделе. Газеты, Африка. № 8 (1896).

[479] Морель, *указ. соч.* парни. xxiii.-xxv.

[480] Парл. Документы, Африка, № I (1904), стр. 29, 60. Миссионер, преподобный Дж. Уайтхед, писал в июле 1903 года: "В течение последних семи лет это "частное владение" короля Леопольда было настоящим "адам на земле"". (*Там же.* стр. 64).

[481] *Там же.* стр. 34, 43, 44, 49, 76, и т.д.

[482] *Там же.* стр. 70. Усилия шевалье Де Кювелье по опровержению обвинений мистера Кейсмента в основном сводятся к неэффективному *tu quoque*. Сравнение налога на каучук в штате Конго с налогом на хижины в Сьерра-Леоне ставит под вопрос весь вопрос. Г-н Кейсмент доказывает (стр. 27), что местные жители не возражают против разумного налогообложения, которое осуществляется регулярно. Они возражают против чрезмерных требований к каучуку,

которые часто сопряжены с большими лишениями. Прежде всего, наказания совершенно пугают их и заставляют бежать в леса.

Усилия мистера Макдоннелла в "*короле Леопольде II*". (Лондон, 1905) опровержения мистера Кейсмента также кажутся мне слабыми и неубедительными. Ответ Свободного государства Конго напечатан г-ном Х.В. Ваком в Приложении к его *Истории Свободного государства Конго* (Нью-Йорк, 1905). Это обвиняет г-на Кейсмента в неточности некоторых деталей. Несмотря на все, что было написано различными апологетами, можно утверждать, что Свободное государство Конго до сих пор не предприняло адекватной защиты. Возможно, это появится в отчете, который, как мы надеемся, будет полностью опубликован официальной следственной комиссией, заседающей сейчас.

ГЛАВА XX

РОССИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

"Эта война ведется... за господство в водах Тихого океана, столь необходимое для мирного процветания не только нашей собственной, но и других наций". - *Прокламация царя от 3 марта 1905 г.*

Из всех столкновений расовых интересов, вошедших в недавнюю историю, ни одно не обратило мысли мира к столь отдаленным регионам и событиям, столь драматичным по своей интенсивности и важным по своим результатам, как то, что произошло в Маньчжурии. Дальневосточный вопрос - это результат экспансии двух энергичных рас, России и Японии, за счет почти вялого государственного устройства Китая. Борьба развернулась на спорных землях к северу и западу от Кореи, где татары и китайцы некогда воевали за господство и где географические и коммерческие соображения повышают ценность самого северного из незамерзающих портов Азиатского континента.

Чтобы понять значение этой великой борьбы, мы должны оглянуться назад, на более ранние этапы расширения российского влияния. Вплоть до самого недавнего периода восточный рост

России представляет собой пример быстрого и естественного расширения. Представьте себе, с одной стороны, молодое и энергичное сообщество, воодушевленное патриотической гордостью в результате длительного и в конечном итоге победоносного конфликта с татарскими ордами и живущее на унылых равнинах, где Природа время от времени гонит людей вперед в поисках достаточного количества пищи. С другой стороны, перед вами обширная территория, хорошо орошаемая, без естественного барьера между Уралом и Тихим океаном, малонаселенная племенами кочевников, имеющими мало общего. Единое активное сообщество поглотит плохо организованные единицы так же неизбежно, как прилив захлестывает соседние илистые отмели, когда однажды преодолевается промежуточный барьер. В случае России и Сибири единственным барьером являются Уральские горы; и их пологие склоны образуют более тонкий барьер, чем где-либо еще, изображенный на карте мира столь заметной цепью. Однажды пересеченный Урал, склоны и водные пути манят путешественника на восток.

Французские революционеры 1793 года говорили: "С хлебом и железом можно добраться до Китая". Русские первопроходцы оправдали это хвастовство почти за два столетия до того, как оно было произнесено в Париже. Движущая сила, приведшая в движение московскую волну, исходила от человека, чье имя редко услышишь за пределами России. И все же, если бы слава людей была пропорциональна результатам их подвигов, немногие имена были бы более широко известны, чем имя Ермака. Этот человек был перевозчиком лодок по берегам Волги, пока его сила, отвага и любовь к приключениям не подтолкнули его к жизни вольноотпущенника, в которой его умение командовать и свирепая тщательность его методов быстро принесли ему имя Ермак, "жернов". В 1580 году богатая семья Строгановых, соблазненная рассказами о богатстве, которое можно получить от пушных зверей Сибири, обратила свои мысли к Ермаку и его банде разбойников как к наиболее подходящему инструменту для завоевания этих равнин. Это предприятие понравилось Ермаку и отважным казакам, с которыми ему приходилось иметь дело. Он и его люди были не менее искусны в речном ремесле, чем в бою; и бродячий казачий дух воспламенился для гарри при мысли о новых землях. Отправившись на лодке из Перми, они добрались до отрогов Урала, а затем не очень долгим волоком пересекли один из его нижних перевалов и оказались на одном из притоков Оби.

С тех пор их путь был легок. Ермак и его небольшой отряд отборных бойцов были более чем достойным противником для плохо вооруженных и трусливых татар, которые бежали при звуке огнестрельного оружия. В 1581 году поселение, названное Сибирью, пало под натиском захватчиков; и, хотя они вскоре покинули этот грубый лагерь ради нового основания - города Тобольска, все же название "Сибирь" напоминает об их гордости за завоевание вражеской столицы. Традиционное мастерство казаков в обращении с лодками значительно помогло им продвинуться вперед, и, несмотря на гибель Ермака в бою, его люди продолжали наступление и за десять лет завоевали почти половину Сибири. То, что Дрейк и девонские морские псы делали тогда для Англии на западном мейне, совершалось для России бывшим пиратом и его бандой с Волги. Двум экспансивным движениям было суждено в конце концов встретиться на берегах Тихого океана в северных заливах нынешней Британской Колумбии.

Более поздние этапы российской экспансии не должны нас здесь задерживать. Превосходство казачьих методов в набегах, пионерской работе и создании военных поселений закрепило московские завоевания. Татары были готовы подчиниться царю или бежать к кочевым племенам Центральной Азии или Северного Китая. Захватчики достигли реки Лена в 1630 году;

а некоторые из их искателей приключений отправились вниз по Амуру и бороздили волны Тихого океана в 1636 году. Казачьи отряды завоевали Камчатку в 1699-1700 годах[483].

Тем временем первое столкновение белой и желтой рас произошло на реке Амур, которую китайцы считали своей. Поначалу русские легко одерживали верх, но в 1689 году они потерпели неудачу. Новая энергия тогда проявилась на советах Пекина, и молодой царь Петр Великий, в своем стремлении к победам над шведами и турками, легкомысленно относился к завоеваниям за счет "небожителей". Поэтому он придал русской энергии то направление на запад и юг, которое после него ознаменовало правление Екатерины II, Александра I и, частично, Николая I. Передача долины Амура Китаю в 1689 году положила конец всем усилиям России в этом направлении на полтора столетия. Многие россияне считают, что более ранний импульс был более разумным и плодотворным по результатам для России, чем ее вмешательство в войны Французской революции и Империи.

Только в 1846 году Россия возобновила свой поход вниз по долине Амура; и тогда новое движение было частично вызвано действиями Великобритании. В то время враждебность России и Великобритании обострялась по азиатским и турецким вопросам. Кроме того, первая англо-китайская война (1840-42) привела к уступке Гонконга жителям далеких островов, у которых также было открыто пять китайских портов для их торговли. Это позволило России изображать из себя защитницу Китая и претендовать на выгодные позиции, откуда ее прикрывающие крылья могли быть простерты над этой Империей. Государственные деятели Пекина мало верили в искренность этих предложений, особенно с учетом быстро начавшегося тщательного изучения Амурской области и Охотского залива.

Царь, по сути, теперь начал проводить передовую азиатскую политику и доверил ее способному губернатору Муравьеву (1847). Новый отъезд ознаменовался изданием императорского указа (1851 г.), предписывающего русским поселенцам за озером Байкал подчиняться казачьей системе, то есть нести воинскую повинность в обмен на владение землей в более уязвимых местах. Три года спустя Муравьев приказал 6000 казакам переселиться из этих забайкальских поселений на земли, недавно приобретенные у Китая на границах Маньчжурии[484]. В том же году русские основали станцию в устье Амура, а в 1853 году получили контроль над частью острова Сагалиен.

Таким образом, в настоящее время все, казалось, благоприятствовало передовой политике России. Племена на Амуре были пассивны; атака англо-французской эскадры на Петропавловск, порт на Камчатке, провалилась (август 1854 г.); и русские надеялись, что смогут помешать британской торговле с этой и других военно-морских баз на Тихом океане. Наконец, разрыв с Англией и Францией и начало Тайпинского восстания в Китае побудили Пекинский двор согласиться с требованиями России в отношении границы по Амуру и последующего соглашения о владении районами между устьем этой реки и заливом, на котором сейчас стоит порт Владивосток (15 мая 1858 г.). Последняя уступка оставила открытой дверь для Муравьева, чтобы настаивать на притязаниях России на этот важный участок территории. Его действия были характерными. Он расселил казаков вдоль реки Уссури, южного притока Амура, и, неустанно нажимая на небожителей (тогда отвлеченных войной с Англией и Францией), в конце концов заставил их согласиться на уступку района вокруг нового поселения, которое вскоре должно было получить название Владивосток ("Владыка Востока"). Он также приобрел для царя Маньчжурское побережье вплоть до границ Кореи (2 ноября 1860 года). Таким образом, Россия

заключила в объятия великую провинцию, которая дала Китаю свою династию и свою касту воинов и до сих пор остается одной из самых богатых и почитаемых земель этой империи. Закрепившись на этих выгодных позициях в Северном Китае, москвиты могли с уверенностью ожидать дальнейшего развития событий в процессе распада этого некогда грозного организма.

Такова, вкратце, история русской экспансии от Урала до Японского моря. Вероятно, ни одно завоевание такого масштаба никогда не совершалось с такой малой затратой крови и денег. В каком-то смысле это его оправдание, то есть, если мы рассматриваем ход событий не с точки зрения абстрактного права, а с точки зрения обычной целесообразности. Завоевания, которые истощают ресурсы победителей и оставляют у побежденных жажду мести, влекут за собой их собственное осуждение. С другой стороны, победа России над плохо организованными племенами Сибири и северной Маньчжурии напоминает о простых и неизменных методах Природы, которая вынуждает низший тип жизни жертвовать своей ничтожной силой в пользу высшего. Это напоминает победу человека над четвероногими, порядка над беспорядком, хорошо регулируемой силы над слабостью и глупостью.

Муравьев заслуживает того, чтобы его причислили к создателям современной России. Он ждал своего часа, использовал свои казачьи пешки как эффективную ширму перед каждым новым началом партии и сильнее всего давил на своих противников, когда они были наиболее слабы. Более того, подобно Бисмарку, он знал, когда остановиться. Он видел предел, отделяющий осуществимое от неосуществимого. Он приблизил русское побережье к широтам, где гавани свободны ото льда; но он воздержался от вторжения в Корею - шага, который привел бы Японию на поле боя. Было ясно, что московская раса проглотила достаточно, чтобы обеспечить свое пищеварение на многие годы; и отчасти по его совету русская Северная Америка была продана Соединенным Штатам.

Тем не менее, продвижение России на юг к незамерзающим портам было лишь приостановлено, а не остановлено. В 1861 году русский военный корабль вступил во владение островами Цусима между Кореей и Японией, но отступил по протесту британского адмирала. Шесть лет спустя москвиты усилили свою власть над Сагалином и после этого осуществляли совместный с Японией суверенитет над этим островом. Последовал естественный результат. В 1875 году Россия нашла средства изгнать своего партнера, японцы получили в качестве компенсации бесспорные претензии на бесплодные Курилы, которыми они уже владели^[485].

Еще до этого очередного доказательства экспансивности России Япония осознала необходимость адаптации к новым условиям, возникшим в результате прихода Великих держав на Дальний Восток. Здесь не место для описания замечательной революции 1867-71 годов. Достаточно сказать, что описанные выше события, несомненно, способствовали централизации власти в руках Микадо и европеизации институтов и вооруженных сил Японии. Перед лицом агрессии со стороны России и ссор с морскими державами энергичный мореплавательный народ почувствовал потребность в системах организации и самообороны, отличных от тех, которые обеспечивались правлением феодалов, и призывниках, обученных стрельбе из луков и стрел. Последующую историю Дальнего Востока можно резюмировать в утверждении, что Япония встретила новую ситуацию с живостью морского народа, в то время как Китай тащился по своим старым следам с терпением и упрямством, в высшей степени присущими быку.

События, которые в конечном итоге привели Россию и Японию к столкновению, возникли из-за очевидной необходимости строительства железной дороги из Санкт-Петербурга в Тихий океан с конечной точкой в незамерзающем порту. Только так Россия могла осваивать ресурсы Сибири и Амурской области. В шестидесятых и семидесятых годах в Северной Америке планировались и успешно прокладывались трансконтинентальные железные дороги. Но есть одно различие: в Новом Свете железный конь был другом мира; на Дальнем Востоке Азии он ускорил начало войны; и по этой причине Россия, не имевшая незамерзающей гавани в конце своей великой сибирской линии, испытывала искушение ухватиться за то, что желтая раса считала полностью своим.

Просчет был естественным. Быстрое расширение торговли на Тихом океане, казалось, побуждало Россию заявить о своей полной доле в развитии событий, которые уже обогатили Англию, Соединенные Штаты, а позже Германию и Францию; а события поставили Москву в положение, отвечающее всем условиям, необходимым для коммерческого процветания и военного и морского господства.

В течение многих лет в воздухе витали смутные проекты Транссибирской магистрали. В 1857 году английский инженер предложил построить конный трамвай от Перми через Урал до Тихого океана. Американец также предложил проложить железную дорогу для локомотивов от Иркутска до верховьев Амура. В 1875 году российское правительство решило построить линию от Перми до западного притока реки Оби; но из-за нехватки средств линия была проведена не дальше Тюмени на реке Тобол (1880).

Финансовые трудности были окончательно преодолены благодаря щедрости французов, которые, как мы уже видели (глава XII), в конце восьмидесятых годов начали подписываться на все российские займы, размещенные на Парижской бирже. Теперь этот план стал осуществимым, и в марте 1891 года появился императорский указ, санкционирующий это грандиозное начинание. Об этом стало известно во Владивостоке цесаревичу (ныне Николаю II.) в ходе длительного турне по Дальнему Востоку; и известно, что тогда он проявил тот глубокий интерес к этим регионам, который формировал российскую политику на протяжении всего его правления. Тихий, ненавязчивый и даже апатичный по большинству вопросов, он тогда, как мы можем судить по последующим событиям, решил придать русской энергии решительное направление в сторону Тихого океана. Как царь, он поставил эту цель во главу угла своей политики. Для него Ближний Восток всегда был на втором месте после Дальнего; и в критические 1896-97 годы, когда страдания христиан в Турции обострились, он оставался глух к крикам мириад людей, которые редко тщетно отправляли свои молитвы на север. Наиболее разумным объяснением такой черствости является то, что Николай II. в то время у него не было ушей, кроме зова Тихого океана. Это, безусловно, была политика его министров, князя Лобанова, графа Муравьева и графа Ламсдорфа. Она была океанической.

Необходимой прелюдией к новой политике России стало завершение строительства Транссибирской магистрали, несомненно, одного из величайших инженерных достижений, когда-либо предпринятых человеком. Хотя большая часть маршрута представляет не больше трудностей, чем покорение безграничных уровней, есть участки, которые требуют максимального мастерства и терпения инженера. Глубокая впадина озера Байкал в настоящее время (июнь 1905 г.) была обойдена строительством железной дороги (здесь проложены двойные пути), которая проходит вдоль скалистого южного берега. Эта часть линии длиной 244

версты (162 мили) потребовала огромных затрат. На протяжении пятидесяти шести миль насчитывается тридцать девять туннелей и тринадцать галерей для защиты от камнепадов. Говорят, что этот короткий участок обошелся в 1 170 000 фунтов стерлингов. Энергия, с которой правительство проводило эту колоссальную работу во время русско-японской войны, является еще одним доказательством их решимости любой ценой достичь целей, которые они ставили перед собой в 1891 году и после него[486].

Другие участки трассы также представляли большие трудности. К востоку от озера Байкал линия постепенно поднимается к плато примерно на 3000 футов выше озера, а затем спускается к коварным болотам. Район Амура изобилует препятствиями, не в последнюю очередь из-за ужасных наводнений, которые время от времени (как в 1897 году) превращают всю долину в впадину с бурлящими водами[487].

Со временем все эти трудности были преодолены, но оставался вопрос о конечной остановке. До 1894 года целью был Владивосток, но начавшаяся в то время китайско-японская война открыла перед нами огромные возможности. Россия могла либо встать на сторону островитян и поделиться с ними добычей в Северном Китае, либо, выдавая себя за покровительницу небожителей, потребовать в награду несколько выгодных товаров.

Она выбрала последний вариант, и, по мнению некоторых ее собственных авторов, ошибочно. Война доказала, что смелость, патриотизм и организаторское мастерство японцев столь же очевидны, как лень и продажность их врагов. Тогда впервые мир увидел абсолютную слабость Китая - факт, который несколько наблюдателей (включая лорда Керзона) тщетно пытались прояснить. Тем не менее, когда китайские генералы и армии обращались в бегство при малейшей провокации; когда их линкоры терпели поражение от японских броненосных крейсеров; когда их великая цитадель Порт-Артур была взята штурмом с потерей около 400 человек убитыми, мораль всего этого была скрыта от мудрецов Запада. О японцах как о завоевателях - китайцах - говорили покровительственные вещи; но мало кто понимал, что возникла новая Держава. Казалось самым простым делом лишить "ядовитых карликов" плодов их триумфа над Китаем[488].

Главными условиями китайско-японского мирного договора в Симоносеки (17 апреля 1895 г.) были передача Японии острова Формоза и полуострова Ляотун. Последний был очень ценным, поскольку в нем находились хорошие незамерзающие гавани, господствовавшие в Желтом море и Печильском заливе; и здесь следует искать причину действий России в этом кризисе. Ли Хунг Чанг, китайский переговорщик, уже был подкуплен Россией в важном вопросе[489], и он рано раскрыл секрет условий мира с Японией. Россия, таким образом, была предупреждена; и, прежде чем мирный договор был ратифицирован в Пекине, ее правительство, действуя заодно с Францией и Германией, вмешалось с угрожающим заявлением о том, что уступка Ляотунского полуострова даст Японии опасное преобладание в делах Китая и нарушит весь баланс сил на Дальнем Востоке. В российской ноте, адресованной Японии, далее говорилось, что такой шаг "стал бы постоянным препятствием на пути к постоянному миру на Дальнем Востоке". Если бы речь шла только о России, возможно, японцы передали бы дело в руки меча; но, оказавшись лицом к лицу с комбинацией трех держав, они решили 4 мая уступить и вернуть Ляотунский полуостров Китаю[490].

Причины поведения Франции и Германии в этом вопросе до конца неизвестны. Мы можем с уверенностью предположить, что Республика действовала заодно с царем, чтобы заключить

новый франко-российский союз, а не из какого-либо особого уважения к Китаю, Державе, с которой она часто вступала в столкновения из-за Тонкина. Что касается Германии, то она тогда вступала в новые колониальные отношения; и она, несомненно, видела в совместной интервенции 1895 года средство стерилизации франко-русского союза, насколько это касалось ее самой, и, возможно, получения согласия России на будущую немецкую экспансию на Дальнем Востоке.

Здесь, конечно, мы вынуждены строить догадки, но эти догадки согласуются с более поздними разработками. В любом случае, новый Тройственный союз был временным и искусственным союзом, который при быстрых и совместных действиях Великобритании и Соединенных Штатов был бы быстро распущен. К сожалению, эти Державы были поглощены другими заботами и не предприняли никаких действий, чтобы восстановить равновесие, которое самопровозглашенные поборники политической стабильности нарушали в своих собственных интересах.

Последствия их действия были разнообразными и по большей части непредвиденными. Во-первых, Япония, отнюдь не обескураженная этим отпором, приступила к работе по совершенствованию своей армии и флота с тщательностью, которой позавидовали бы Рун и Мольтке. Организация, вооружение, муштра, меткая стрельба (последнее слабое место в войне с Китаем) были улучшены; тяжелые броненосцы заказывались, главным образом, на британских верфях, и, когда они были закуплены, использовались с замечательной эффективностью. Немногие из тех "катастроф", которые столь обычны для британского военно-морского флота в мирное время, если вообще имели место, произошли в новом японском военно-морском флоте - факт, который в равной степени делает честь британским инструкторам и самим ученикам.

Неожиданному развитию событий в дальневосточном вопросе вскоре предстояло подвергнуть новые вооружения ужасному испытанию. Япония и весь мир верили, что Ляодунский полуостров был передан Китаю на вечные времена. Вскоре выяснилось, что у царя и его министров были другие взгляды и что, использовав Францию и Германию для предупреждения Японии, они готовили планы подчинения Маньчжурии российскому влиянию. Или, скорее всего, Ли Хун Чан уже договорился с Россией о следующих условиях в качестве цены за ее вмешательство от имени Китая. Потребности Пекинского двора и зудящие ладони его чиновников оказались исключительно полезными при заключении сделки. Китай был не в состоянии выполнить задачу выплаты японской военной контрибуции, и Россия обязалась получить четырехпроцентный заем в размере 400 000 000 франков - конечно, главным образом в Париже, - чтобы покрыть половину этого долга. В обмен на эту услугу москвичи потребовали создания российско-китайского банка с широкими полномочиями, включающими получение налогов, управление местными финансами и строительство таких железнодорожных и телеграфных линий, на которые могли бы согласиться китайские власти.

Это само по себе было отличным "посредничеством" во французских деньгах, в которых, как предполагалось, нуждался Китай. Одним махом Россия положила конец торговому господству Англии в Китае, ставшему результатом целого поколения коммерческих предприятий, проводимых по обычным линиям, и заменила свой контроль полномочиями, почти равными полномочиям вице-короля. Они позволили ей вытеснить англичан с различных постов в Северном Китае и препятствовать усилиям их торговцев на каждом шагу. Мы можем добавить,

что британское правительство проявило исключительную невозмутимость перед лицом этой процедуры.

Но это было еще не все. В конце марта 1896 года выяснилось, что благодарность, которую китайская Андромеда испытывала к русскому Персею, переросла в определенный союз. Две державы заключили секретный союзный договор, который предоставлял северному государству право использовать любую гавань в Китае и вводить китайские войска в случае конфликта с азиатским государством. В частности, Пекинский суд предоставил своему союзнику право свободного пользования Порт-Артуром в мирное время или, если другие державы будут возражать, Киао-чау. Маньчжурия была открыта для русских офицеров с целью обследования и т.д., и было решено, что по завершении строительства Транссибирской магистрали линия должна быть проложена на юг до Талиенвана или какого-либо другого места, находящегося под совместным контролем двух держав^[491].

Этот договор знаменует окончание первого этапа русификации Маньчжурии. Вскоре был пройден еще один этап, и, как представляется, благодаря ловкости графа Кассини, российского посланника в Пекине. Детали и даже само существование Конвенции Кассини от 30 сентября 1896 года были оспорены; но есть веские основания принять следующий отчет как правильный. Россия получила разрешение построить свою линию до Владивостока через Маньчжурию, тем самым сохранив северный объезд по труднопроходимой долине Амура; также построить свою собственную линию до Мукдена, если Китай окажется неспособным это сделать; и линия на юг до Талиенвана и Порт-Артура должна была быть проложена по российским планам. Кроме того, все эти новые линии, построенные Россией, могли охраняться ее войсками, предположительно для защиты от местных жителей, которые возражали против изобретений "иностранных дьяволов". Что касается военно-морских дел, царское правительство получило право "арендовать" у Китая гавань Киао-чау на пятнадцать лет, а в случае войны - использовать Порт-Артур. Последние пункты предоставляли российским подданным право приобретать права на добычу полезных ископаемых в Маньчжурии, а царским офицерам обучать новобранцев в этой провинции в европейском стиле, если Китай пожелает их реорганизовать.^[492]

Но протектор не получил полной награды за свое своевременное вмешательство весной 1895 года. Он еще не получил полного контроля над незамерзающей гаванью. Фактически, при Киао-чау, который был почти в пределах досягаемости, теперь, казалось, был вырван из его рук кайзером Вильгельмом. Подробности хорошо известны. Двое немецких подданных, которые были римско-католическими миссионерами в провинции Шаньдун, были варварски убиты китайскими головорезами 1 ноября 1897 года. Возмущение было вопиющим, но в обычное время оно было бы смягчено наказанием нарушителей и штрафом, выплаченным округом. Но случай был далеко необычным. Поэтому немецкая эскадра вошла в Киао-чау и заняла эту важную гавань.

Есть основания полагать, что Германия уже давно стремилась закрепиться в этой богатой провинции. Автор настоящего письма был заверен экспертом-геологом профессором Скертчли, который составил первую карту района для китайских властей, что эта карта была срочно затребована германским посланником в Пекине примерно в это же время. В любом случае, минеральные богатства района, несомненно, повлияли на ход событий. В соответствии с переработанной версией старой христианской поговорки: "Кровь мучеников - это семя Империи", император Вильгельм отправил своего брата принца Генриха - "бронированного

кулака" Германии - с эскадрой для усиления имперского контроля над Киао-чау. Принц сделал это без сопротивления ни со стороны Китая, ни со стороны России. Наконец, 5 марта 1898 года Пекинский суд подтвердил Германии аренду этого порта и соседних частей провинции Шаньдун.

Все это дело вызвало большой переполох, поскольку, казалось, предвещало раздел Китая, и это тоже, несмотря на благонамеренные заявления кабинета Солсбери в пользу, во-первых, целостности этой империи, а когда это оказалось несостоятельным, политики "открытых дверей" для торговцев всех наций. Наиболее значительным из всех было поведение России. Насколько известно, она не выразила протеста против действий Германии в районе, на который она сама претендовала. Разумно, по многим причинам, предположить, что две державы пришли к какому-то взаимопониманию, и Россия уступила Киао-чау кайзеру при условии, что она сама получит Порт-Артур и прилегающий к нему полуостров. Очевидно, что она не могла столкнуться с недоброжелательностью Японии, Великобритании, Германии и Соединенных Штатов - всех более или менее обеспокоенных ее быстрым продвижением на юг; и, по крайней мере, весьма вероятно, что она откупилась от Германии, отказавшись от своих притязаний на Киао-чау, при условии, что она получила идеальную конечную точку для своей сибирской линии, а также большую военно-морскую цитадель. Также стоит отметить, что первые немецкие войска были высажены в Киао-чау 17 ноября 1897 года, в то время как три российских военных корабля вошли в Порт-Артур 18 декабря; и что немецкий "договор аренды" был подписан в Пекине 5 марта 1898 года; в то время как договор, предоставленный России, датирован 27 марта[493].

Если мы примем наивное предположение российского автора "Владимира", "оккупация Киао-чау Германией" вынудила Россию "потребовать некую эквивалентную компенсацию". Или, возможно, уступка Порт-Артура была еще одним пунктом сделки Ли Хун Чанга с Россией. В любом случае, русские военные корабли вошли в Порт-Артур, сначала как бы для временной стоянки; когда два британских военных корабля направились туда, царское правительство потребовало от них уйти - просьба, которую кабинет Солсбери выполнил необъяснимо трусливо (январь 1898 г.). Требовалось гораздо большее давление на сонных пекинских мандаринов; но под угрозой войны с Россией, если договор об аренде полуострова Ляодун не будет заключен до 27 марта, он был подписан в тот же день. Таким образом, она получила контроль над этим полуостровом на двадцать пять лет, срок, который мог быть продлен "по взаимному согласию". Командование всеми сухопутными войсками было возложено на российского чиновника, и Китай обязался не размещать войска на севере без согласия царя. Порт-Артур был зарезервирован для использования российскими и китайскими военными кораблями, и Россия получила право возводить укрепления.

Британское правительство, которое до сих пор стремилось сохранить целостность Китая, вслед за этим попыталось "спасти свое лицо", сдав в аренду Вэй-хай-вэй (1 июля). Было выдвинуто оправдание слабости Кабинета министров в китайских делах, а именно, что вопрос о суданской кампании все еще оставался под вопросом и что усилия Франции и России достичь верховьев Нила из французского Конго и Южной Абиссинии вынудили министров сосредоточить свое внимание на этом великом предприятии. Но это оправдание не выдерживает проверки. Сила ни в одной точке Империи не увеличивается за счет позорных капитуляций в других точках. Ни один великий государственный деятель не исходил бы из такого предположения.

Очевидно, что баланс выгод в этих сомнительных сделках на севере Китая был в значительной степени в пользу России. Теперь она со всей возможной энергией продвигалась по своей железной дороге на юг. Вскоре оказалось, что Порт-Артур не может оставаться открытым портом, и он был закрыт для торговых судов. Затем вместо него был назван Талиенван, но с ограничениями, которые сделали это место малоценным для иностранных купцов. Впоследствии новый порт Дальний был выделен для торговых целей, но эффективность существующих там механизмов так и не была проверена. В намерениях царя Порт-Артур должен был стать Гибралтаром Дальнего Востока, в то время как Дальний, как коммерческая конечная остановка Транссибирской магистрали, фигурировал как Кадис новой эры исследований и торговли, открывающийся взору России.

Можно с готовностью согласиться с тем, что мотивы подлинной филантропии сыграли свою роль в дальневосточной политике царя; но энтузиасты, провозгласившие его мировым миротворцем на Гаагском конгрессе (май 1899 г.), были несколько обеспокоены мыслью о том, что он вынудил Китай уступить своей огромной империи тот самый полуостров, приобретение которого маленькой Японией было объявлено недопустимым нарушением баланса сил на Дальнем Востоке.

Эти события вызвали значительную сенсацию в Великобритании, даже в поколении, которое привыкло к "изысканным уступкам". По правде говоря, роль, сыгранная ею на Дальнем Востоке, была плачевной; и если найдутся ревностные сторонники, которые все еще утверждают, что британский империализм - это беспринципно агрессивная сила, постоянно находящаяся в поиске новых врагов для борьбы и новых земель для аннексии, курс изучения "Синих книг", посвященный китайским делам в 1897-99 годах, может быть с некоторой уверенностью предписан в качестве успокаивающего и понижающего тонус питания. Представляется вероятным, что слабость британской дипломатии вызвала в Санкт-Петербурге уверенность в том, что никакого сколько-нибудь значимого противодействия не последует. Поскольку Франция выступала в роли покладистого казначея, а Германия уступала, царь и его советники вполне могли поверить, что достигли цели своих усилий - "господства на Тихом океане".

Боксерское движение 1899-1900 годов нас здесь не касается. С точки зрения патологии, это был всего лишь спазматический протест организма, который, по мнению диссекторов, был готов к операции. Приписывание этого исключительно неприязни к европейским миссионерам свидетельствует о явной неспособности понять законы доказательства. Миссионеры работали в Китае несколько десятилетий, и их любили не больше, чем других "иностранных дьяволов". Восстание явно было вызвано возмущением алчностью европейских держав. Мы можем отметить, что это дало русскому губернатору города Благовещенска возможность запугать китайцев северной Маньчжурии, убив и утопив около 4500 человек в этом месте (июль 1900 года). После этого Россия вторглась в Маньчжурию и заявила о своих неограниченных правах в результате фактического завоевания. 8 апреля 1902 года она пообещала вывести войска; но ее упорное пренебрежение выполнением этого обещания (закрепленного договором с Китаем) привело к началу военных действий с Японией[\[494\]](#).

Теперь мы можем видеть, что Россия с момента восшествия на престол Николая II совершила две большие ошибки на Дальнем Востоке. Она переоценила себя; и она упустила из виду один очень важный фактор в этой проблеме - Японию. Подданные Микадо задрожали от ярости из-за оскорбления, нанесенного захватом Порт-Артура; но, руководствуясь инстинктом народа,

одновременно гордого и практичного, они погасили пламя негодования и превратили его в могучую движущую силу. Их приготовления к войне, прежде неуклонные и методичные, теперь приобрели удвоенную энергию; и вся нация втайне, но неудержимо стремилась к одной заветной цели - возвращению Порт-Артура. Насколько велика сила рыцарства и патриотизма, мир теперь увидел; но он склонен забывать, что любовь к жизни и страх смерти являются чувствами столь же первичными и неотъемлемыми у японцев, как и у других народов. Вдохновляющей силой, побудившей около 40 000 человек с радостью отдать свои жизни на холмах вокруг Порт-Артура, было чувство, что они помогают бросить в лицо России перчатку, которую она так нагло бросила как низшей расе.

СНОСКИ:

[483] Владимир, *Россия в Тихоокеанском регионе*.

[484] Поповский, *Соперничающие державы в Центральной Азии*, стр. 13.

[485] *Русско-японский конфликт*, автор К. Асакава (1904), стр. 67; *Европа и Дальний Восток*, сэр Р. К. Дуглас (1904), стр. 191.

[486] Смотрите статью мистера Дж.М. Прайса в *Fortnightly Review* за май 1905 года.

[487] *Россия на Тихом океане*, автор "Владимира"; *"Пробуждение Востока"*, П. Леруа-Болье, ребята, ix. x.

[488] Смотрите доказательства, приведенные В. Чиролом, *Дальневосточный вопрос*, глава xi., относительно в конечном итоге агрессивных замыслов Китая в отношении Японии.

[489] *Маньчжур и москвич*, Б.Л. Патнэм Уил, стр. 60.

[490] Асакава, указ. соч. стр., 76.

[491] Асакава, стр. 85-87.

[492] Асакава, глава ii.

[493] Асакава, стр. 110, примечание.

[494] Асакава, глава vii.; и по корейскому вопросу, главы. xvi, xvii

ГЛАВА XXI

НОВАЯ ГРУППИРОВКА ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ[495]

(1900-1907)

Когда я писал эти слова в конце главы XX, казалось вероятным, что безумная гонка вооружений должна привести либо к войне, либо к революции. В этих трех дополнительных главах я пытаюсь очень кратко проследить причины, которые привели к войне, другими словами, к преобладанию (возможно, временному) национального принципа над социальными и международными тенденциями эпохи.

Крах международного и пацифистского движения можно объяснить различными причинами. Франко-германская и русско-турецкая войны оставили после себя невыносимую ненависть, из-за которой нациям было очень трудно разоружиться; и после того, как эти разногласия утихли, возникли другие, ставшие результатом греко-турецкой и англо-бурской войн. Далее, конфликт между Японией и Россией настолько ослабил последнюю, что оставил Германию и Австрию почти главенствующими в Европе; и, в то время как во Франции и Соединенном Королевстве общественное движение добилось значительного прогресса, Германия и Австрия остались на том, что можно назвать национальной стадией развития, которая дает много преимуществ перед международной в целях ведения войны. С другой стороны, в Центральных империях парламентские институты не увенчались успехом, что в целом привело к обострению споров между доминирующей и подчиненной расами. Частично то же самое можно сказать и о России, и в гораздо большей степени о Балканских государствах. Следовательно, в Центральной и Восточной Европе национальная идея стала воинственной и агрессивной; в то время как Великобритания, Нидерланды и в некоторой степени Франция стремились, насколько это было возможно, сконцентрировать свои усилия на социальном законодательстве, вооружаясь только в целях самообороны. В этом контрасте заключалась одна из опасностей сложившейся ситуации.

Национальность стала причиной движений и войн 1848-77 годов. После этого этот принцип, казалось, пошел на убыль. Но она возродилась с удвоенной силой среди балканских народов отчасти благодаря жестоким притеснениям Блистательной Порты; и родственная идея, направленная, однако, не на свободу, а на завоевание, становилась все более популярной среди немецкого народа после восшествия на престол кайзера Вильгельма II. Продолжение слишком хорошо известно. Цивилизация была подавлена рецидивом национализма, и самая богатая эпоха, которую когда-либо видел мир, стала жертвой совершенства и мощи его механизма. Восстановление старой веры в солидарность человечества и убежденность в тщетности всех попыток какого-либо одного народа добиться господства являются первыми предпосылками для восстановления условий, способствующих миру и доброй воле.

Между тем недавняя история была связана в основном с группировками или союзами, которые в основном были результатом амбиций, недоверия или страха. Как уже было показано, Раздел Африки был организован без применения оружия; но после этого присвоения земель темных рас белые народы юга вступили в столкновение в конце 1899 года.

О причинах англо-бурской войны написано много; но тайная поддержка, которую эти храбрые фермеры получали от Германии, до сих пор известна лишь частично. Еще в 1894 году м-р Мерримен предупреждал сэра Эдварда Грея об опасности, исходящей от "неуклонного подхода Крюгера к тевтонизации Трансвааля". Германия, несомненно, подставила шею Крюгеру и реакционным бурам в сопротивлении столь необходимым реформам. Примечательно, что телеграмма кайзера Крюгеру после разгрома рейдеров Джеймсона была отправлена всего за несколько дней до его заявления, 18 января 1896 года, о том, что Германия теперь должна проводить мировую политику, как она это делала, запугивая Японию на Дальнем Востоке. Эти события стали возможными благодаря открытию Кильско-Североморского канала в 1895 году - достижению, которое удвоило военно-морскую мощь Германии. С тех пор она настаивала на строительстве, особенно в соответствии с Законом о военно-морском флоте 1898 года. Зависимость от нее в значительной степени объясняет упорное сопротивление буров справедливым требованиям Англии и чужеземцев в 1899 году. Немецкий историк граф Ревентлоу сказал, что "британская Южная Африка не могла не помешать всем интересам Германии"; и антибританская ярость, преобладавшая в Германии в 1899 году и после него, не предвещала ничего хорошего для сохранения мира в двадцатом веке, как только ее новый флот был готов[496].

Результаты англо-бурской войны были следующими. На тот момент Великобритания очень серьезно потеряла в престиже и материальных ресурсах. На фоне успехов, достигнутых бурами, вмешательство одного или нескольких европейских государств в их пользу казалось весьма вероятным; и почти наверняка Крюгер рассчитывал на такое событие. Он нанес визиты в некоторые главные европейские столицы и был принят президентом Франции (ноябрь 1900 г.), но не кайзером Вильгельмом. Личность и цели кайзера будут рассмотрены нами позже; но здесь мы можем заметить, что в тот год у него были особые причины избегать разрыва с Соединенным Королевством. Франко-русский союз заставил его задуматься, особенно с июня 1898 года, когда решительный человек Делькассе стал министром иностранных дел в Париже и проявил меньше уступчивости к Германии, чем это было в последнее время[497]. Кроме того, в 1898 году кайзер заключил с Великобританией секретное соглашение по африканским делам и в начале 1900 года получил единоличный контроль над Самоа вместо совместного англо-американо-германского протектората, который вызвал трения. Наконец, летом 1900 года Боксерское восстание в Китае выявило серьезные проблемы, которые потребовали сотрудничества Германии и Соединенного Королевства.

Часто заявлялось, что кайзер желал сформировать коалицию против Великобритании во время англо-бурской войны; и совершенно очевидно, что он звонил в Россию и Францию с целью совместных дипломатических усилий по прекращению войны под предлогом гуманности, и что после провала этого устройства он тайно проинформировал британское правительство об опасности, которую, как он утверждал, предотвратил[498]. Его действия отражали импульсивность и порывистость, которые часто озадачивали его подданных и тревожили его соседей; но представляется вероятным, что его цели ограничивались либо оказанием давления на Британию во время ее трудностей, либо поиском средств разрушения франко-русского

союза. Его энергичная ловля рыбы в беспокойных водах вызвала много тревоги; но маловероятно, чтобы он желал войны с Великобританией до тех пор, пока его новый военно-морской флот не будет готов к выходу в море. Канцлер Германии принц фон Бюлов впоследствии написал следующее: "Мы не давали Англии повода препятствовать нам в строительстве нашего флота: ... мы никогда не вступали в фактический конфликт с Двойным союзом, который помешал бы нам в постепенном приобретении военно-морского флота"[499]. Это, несомненно, было руководящим мотивом немецкой политики - воздерживаться от любых действий, которые повлекли бы за собой войну, использовать любую возможность для продвижения германских требований и, прежде всего, использовать преобладающее раздражение по поводу беспомощности Германии на море как средство преодоления все еще грозного противодействия немецких либералов постоянно растущим военно-морским расходам.

Чтобы пресечь бесполезные антибританские обличительные речи в немецкой прессе, Бюлов заявил в рейхстаге, что ни у кого не было намерения вмешиваться против Англии. Есть основания усомниться в искренности этого высказывания, поскольку российский государственный деятель Муравьев, несомненно, желал вмешаться, как и влиятельные группы в Петрограде, Берлине и Париже. В любом случае, опасность для Великобритании была достаточно острой, чтобы призвать на помощь все части империи и внушить убежденность в необходимости более тесного союза и сохранения военно-морского превосходства. Риски 1899-1902 годов также выявили очень серьезную опасность того, что было названо "великолепной изоляцией", и пробудили желание дружеского взаимопонимания с одной или несколькими державами, если представится случай.

Война произвела аналогичное впечатление и на немецкий народ. Неприязнь к Англии, всегда острая в Пруссии, особенно в реакционных кругах, теперь распространилась на все части и все классы нации; и кайзер, как мы видели, умело использовал ее для продвижения своей военно-морской политики. Его речь в Гамбурге 18 октября 1899 года о необходимости создания мощного военно-морского флота ознаменовала начало новой эры, которой суждено было закончиться войной с Великобританией. Адмирал фон Тирпиц, представляя законопроект о внесении поправок от февраля 1900 года, потребовал удвоения военно-морского флота по схеме, работавшей автоматически до 1920 года. Лидер социалистов Бебель выступал против этого, считая, что это неизбежно приведет к обострению отношений с Англией, война с которой была бы величайшим возможным несчастьем для немецкого народа. С другой стороны, канцлер, принц Гогенлоэ, выразил мнение правящего класса и Немецкой военно-морской лиги, когда заявил, что потребность в большом военно-морском флоте возникла из стремления немецкой нации стать Мировой державой[500]. Законопроект был принят, и с этого момента Соединенное Королевство и Германия стали объявленными соперниками на море. К счастью для островитян, новый германский военно-морской флот не мог быть готов к боевым действиям раньше 1904 года; в противном случае возникла бы очень опасная ситуация. Несмотря на это, британские государственные деятели были вынуждены заручиться поддержкой союзника и как можно быстрее положить конец англо-бурской войне.

Во время этого конфликта напряженность между Англией и Двойным союзом (Францией и Россией) временами была настолько острой, что вызывала сомнения в том, не следует ли нам

тяготеть к соперничающему Тройственному союзу. Эта проблема была самой важной, с которой сталкивались британские государственные деятели в течение столетия. Родство и традиции, казалось, манили нас к Германии и Австрии. С другой стороны, демократия и общественные отношения говорили в пользу французских связей. Более того, теперь, когда Россия все больше и больше отказывалась от своих проектов на Балканах и в Центральной Азии, чтобы сосредоточиться на Дальнем Востоке, она перестала угрожать Индии и Леванту. Более того, личность царя Николая II вселяла уверенность, в то время как личность кайзера Вильгельма II вызывала недоверие и тревогу.

По правде говоря, непомерное тщеславие, неугомонная энергия и яркий шовинизм кайзера создали большие трудности на пути англо-германской антанты. Статья, которая, как полагают, была вдохновлена Бисмарком, содержала следующую ссылку на манию величия кайзера: "Это вызывает глубочайшую тревогу в Германии, потому что есть опасения, что это может привести к какому-нибудь непоправимому проявлению такта, а следовательно, к войне. Утверждается, что в основе всего этого лежит тщеславие, и император обнаруживает, что он неспособен обрести преждевременное бессмертие, которого он жаждет, мирными подвигами, его беспокойная нервная раздражительность может перерасти в безрассудство, и тогда его мания величия может ослепить его в отношении опасностей, с которыми он и, прежде всего, бедная, пропитанная кровью Германия могут столкнуться на тропе войны[501]." Кайзер Вильгельм обладает большей силой самоограничения, чем указано в этом отрывке; ибо, хотя он и распространил воинственный энтузиазм среди своего народа, он также сдерживал его до тех пор, пока не представилась подходящая возможность для его проявления. Это произошло, когда Германия и ее союзники были гораздо лучше подготовлены, как на суше, так и на море, чем Державы, с которыми она ожидала встретиться с оружием в руках.

Его отношение к Великобритании удивительно менялось. В течение нескольких лет он считался ее другом. Но трудно поверить, что человек с его острым умом не предвидел впереди столкновения, которое неизбежно повлечет за собой его политика. Его многочисленные претензии на приобретение морского господства и Мировой империи были либо простым блефом, либо зловещим вызовом. Только добродушная, покладистая британская раса могла так долго цепляться за первое объяснение, тем самым оставляя самую разрозненную, уязвимую и плохо вооруженную Империю, которая когда-либо существовала, лицом к лицу с Империей компактной, хорошо укрепленной и вооруженной до зубов. В этом противоречии заключается одна из главных причин нынешней войны.

Более того, внутренние трудности Франции и озабоченность России на Дальнем Востоке принесли кайзеру Вильгельму тревожно легкую победу в делах Ближнего Востока. Его визит в Константинополь и Палестину в 1898 году положил начало левантйской политике, которой суждено было привести к важным результатам. На Босфоре он постеснялся пожать руку султану Абдул-Хамиду II, все еще обагренную кровью христиан Армении и Македонии. В Иерусалиме он был христианским странствующим рыцарем, а в Дамаске - защитником мусульманского вероучения. После возложения венка к могиле Саладина он произнес речь, в которой раскрыл свой план использования боевой мощи ислама. Он сказал: "Триста миллионов мусульман, живущих по всему земному шару, могут быть уверены в том, что германский император всегда будет их другом". Взятый в сочетании с его протурецкой политикой, это подразумевало, что Тройственный союз должен был подкрепляться самой страшной боевой силой на Востоке[502].

Во время турне он заключил выгодный бизнес с Блистательной Портой, получив обещание построить железную дорогу до Багдада и Персидского залива под эгидой Германии. Схема приобрела практическую форму в 1902-3 годах, когда султан выдал фирман на строительство этой линии вместе с очень обширными правами собственности на ее протяжении. Российская оппозиция была подкуплена в 1900 году принятием более южного курса, чем предполагалось первоначально; и теперь кайзер стремился заручиться финансовой поддержкой Англии в этом предприятии. Британское общественное мнение, однако, было настроено непобедимо скептически, и справедливо, поскольку этот план разрушил бы нашу ценную торговлю на реке Тигр и в Персидском заливе; в то время как предлагаемое продление линии до Ковейта на заливе позволило бы Германии, Австрии и Турции угрожать Индии.

К 1903 году Австрия настолько овладела Балканами, что это дало ей и Германии возможность в ближайшем будущем перебрасывать войска через Константинополь и Малую Азию по железным дорогам, которые они контролировали. Соответственно, дела на Ближнем Востоке становились все более напряженными; и когда Россия была вовлечена в японскую войну, ни одна великая держава не могла эффективно противостоять австро-германской политике в этой области. Влияние Франции и Великобритании, ранее имевшие первостепенное значение как в политическом, так и в коммерческом плане в Турецкой империи, пошло на убыль, в то время как влияние Германии стало преобладающим. Поэтому все соображения благоразумия побудили правительства Лондона и Парижа прийти к тесному взаимопониманию, чтобы добиться успеха в противодействии агрессивным планам двух кайзеров на Балканах и в Малой Азии. Забегая вперед, мы можем отметить, что военный крах России в 1904-1905 годах позволил Центральным державам продвинуться вперед в Леванте. Германия укрепила свою власть над турецким правительством, эксплуатировала ресурсы Малой Азии и выдавала себя за защитницу мусульманского вероучения. В начале двадцатого века это вероучение стало агрессивным, главным образом под влиянием султана Абдул Хамида II, который разнообразил свою пропаганду массовыми убийствами с призывами к верующим смотреть на него как на свою единственную надежду в этом мире. Константинополь и Каир были центрами этого панисламского движения, которое, стремясь к более тесному объединению всех мусульман Азии, Европы и Африки вокруг султана, угрожало поставить в неловкое положение Великобританию, Францию и Россию. Кайзер, видя в этом возрождении ислама действенную силу, предпринял шаги для поощрения "истинно верующих" и укрепления султана путем строительства ответвления Багдадской системы, идущей на юг через Алеппо и район к востоку от Мертвого моря в направлении Мекки. Предполагаемый способ облегчить тяготы паломников, он на самом деле позволил султану угрожать Суэцкому каналу и Египту.

Агрессивный характер этих схем объясняет, почему Франция, Великобритания и Россия начали сближаться для взаимной поддержки. Три державы почувствовали угрозу, исходящую от организации мусульманского мира под эгидой кайзера. Он, прилежный исследователь карьеры Наполеона, очевидно, стремился доминировать на Ближнем Востоке и привлечь на свою сторону силу мусульманского энтузиазма, которого корсиканец лишился своим нападением на Египет в 1798 году. Строительство немецких железных дорог в Леванте и господство Австрии на Балканском полуострове передали бы в руки германских держав ключи от Востока, которые всегда были ключами к Мировой империи.

С этими далеко идущими планами был тесно связан быстрый рост пангерманского движения. Она стремилась объединить германские и родственные народы в некую форму политического

союза - программа, которая угрожала поглотить Голландию, Бельгию, большую часть Швейцарии, Балтийские провинции России, западные части владений Габсбургов и, возможно, скандинавские народы. Получившееся государство или Федерация государств, таким образом, простирались бы от Остенде до Ревеля, от Амстердама (или Бергена) до Триеста.

Даже те немцы, которые не поддерживали эти амбициозные планы, глубоко прониклись экспансивными патриотическими идеями, отстаиваемыми кайзером. Еще в 1890 году он приказал ввести их в действие в университетах и школах[503]. С тех пор профессора и преподаватели наперебой превозносили величие Германии и цивилизаторскую миссию Гогенцоллернов, чьи подвиги в будущем должны были затмить все достижения Фридриха Великого и Вильгельма I. Более того, новый германский военно-морской флот был признан необходимым средством для триумфа немецкой культуры во всем мире. Другие нации изображались ленивыми, эгоистичными, декадентскими; и падение престижа Великобритании, Франции и России в какой-то степени оправдывало эти претензии. Царь, повернувшись от Балкан к Корее, заглушил славянские устремления. В то время панславизм казался умирающим. Пангерманизм стал гораздо более угрожающей силой.

Подводя итог и включая одну тему, которая вскоре будет рассмотрена, мы можем сделать следующий вывод: Германия показала, что она не хочет дружбы Англии, за исключением того, что это помогло бы ей противостоять доктрине Монро или снабдило бы ее деньгами для завершения строительства Багдадской железной дороги. По причинам, которые были объяснены, она и Австрия, вероятно, подорвали британские интересы на Ближнем Востоке; в то время как, с другой стороны, перенаправление деятельности России из Центральной Азии и Балкан на Дальний Восток уменьшило московскую угрозу, которая так долго определяла направление британской политики. Более того, союзник России, Франция, проявила примирительный настрой. Забыв об отпоре в Фашоде (см. *ante*, стр. 501-6), она нацелилась на экспансию в Марокко. Корея и Марокко нас не интересовали жизненно. Багдадская железная дорога и панисламистский двор кайзера были определенными угрозами нашему существованию как Империи. Наконец, развитие германского военно-морского флота и рост яростной антибританской пропаганды угрожали протяженному и уязвимому восточному побережью Великобритании.

Временное взаимопонимание с Германией могло быть достигнуто, если бы мы согласились с ее притязаниями на равноправие на море и с восточными и колониальными предприятиями, которые стали его продолжением. Но этот курс, уступив ее бесспорному господству во всех частях света, привел бы к политике раздела. Теперь, начиная с 1688 года, британские государственные деятели последовательно выступают, часто силой оружия, против политики раздела за счет цивилизованных наций. Их целью была поддержка более слабых европейских государств против более сильных и агрессивных, обеспечивая таким образом Баланс сил, который в целом оказался главной гарантией мира. Стремясь к антанте с Францией, а впоследствии и с Россией, британская политика следовала курсом, соответствующим советам умеренности и учению опыта. Здесь мы можем отметить, что немецкий историк граф Ревентлов указал, что берлинское правительство не могло заключить никакого долгосрочного соглашения с англичанами; поскольку рано или поздно они, несомненно, потребовали бы ограничения колониальных целей Германии и ее военно-морского развития, ни на что из чего она не могла согласиться. Объяснение имеет большое значение[504].

Тем не менее, поначалу Великобритания стремилась достичь дружественного взаимопонимания с Германией на Дальнем Востоке, вероятно, с целью предотвращения планов раздела Китая, которые в 1900 году приняли угрожающий вид. В то время казалось, что Россия, скорее всего, возьмет на себя ведущую роль в этих проектах. Но напротив русской крепости Порт-Артур находилась немецкая провинция Киао Чау, к которой кайзер проявлял глубокий интерес. Его решимость играть ведущую роль в китайских делах проявилась в его речи перед немецкими войсками, направленными в 1900 году для оказания помощи в подавлении Боксерского восстания. Он приказал им применить методы террора, подобные методам гуннов Аттилы, чтобы "ни один китаец больше никогда не осмеливался косо смотреть на немца". Приказы были безжалостно выполнены. После захвата Пекина союзниками (сентябрь 1900 г.) наступило время осторожного балансирования. Россию и Германию подозревали в планах расчленения Китая; но им противостояли Великобритания и Япония. Эта неясная ситуация была несколько прояснена государственными деятелями Лондона и Берлина, согласившимися поддерживать территориальную целостность Китая и свободу торговли (октябрь 1900 г.). Но в марте 1901 года канцлер Германии принц фон Бюлов аннулировал это соглашение, официально объявив, что оно не распространяется на экспансию России в Маньчжурии и не ограничивает ее. Что вызвало этот *поворот*, неизвестно; но он подразумевал отказ от британской политики сохранения *статус-кво* на Дальнем Востоке и официальное поощрение России продвигаться к Тихому океану, где она наверняка вступила бы в конфликт с Японией. Такое столкновение ослабило бы эти две державы; в то время как Германия, как *терциус годенс*, была бы свободна исполнять свою волю как в Европе, так и в Азии[505].

С другой стороны, Экардштейн, посол Германии в Лондоне, как говорят, выступил с предложениями об англо-германо-японском союзе в марте-апреле 1901 года. Если мы можем доверять работе, озаглавленной "*Секретные мемуары графа Хаяси*" (посол Японии в Лондоне), эти предложения обсуждались в течение нескольких недель, почему, он никогда не мог понять. Вероятно, Германия вела двойную игру, поскольку Хаяси верила, что у нее есть тайное взаимопонимание с Россией по этим вопросам. Он обнаружил, что кабинет министров Солсбери приветствовал ее приверженность принципам поддержания территориальной целостности Китая и свободы торговли на Дальнем Востоке[506].

В октябре 1901 года Германия предложила Соединенному Королевству, чтобы каждая держава гарантировала владения другой на всех континентах, кроме Азии. Непонятно, почему Азия была исключена, если только Германия не хотела развязать России руки на этом континенте. Правительство Берлина подчеркивало необходимость нашей поддержки в Северной и Южной Америке, где его цель подорвать доктрину Монро была печально известна. Предлагаемая гарантия также вынудила бы нас помогать Германии в любом споре, который мог бы возникнуть между ней и Францией по поводу Эльзас-Лотарингии или колониальных вопросов. Цель была очевидна - заручиться поддержкой британского флота либо против Соединенных Штатов, либо против Франции. Британский дипломат с высокой репутацией, посетивший Берлин, заявил, что министерство иностранных дел Германии использовало искаженные и вводящие в заблуждение документы, чтобы склонить его к этим взглядам[507]. Это было напрасно. Британское правительство нельзя было обмануть, и, как только оно отклонило эти компрометирующие предложения, в немецкой прессе разразилась буря оскорблений в адрес варварства британских войск в Южной Африке. Этот инцидент положил конец всем шансам на взаимопонимание либо между двумя правительствами, либо между двумя народами.

Поскольку включение Германии в англо-японский договор оказалось невозможным, две островные державы подписали союзный договор в Лондоне 30 января 1902 года. Он гарантировал сохранение *статус-кво* на Дальнем Востоке и предлагал вооруженную помощь любой из подписавших его сторон в случае нападения на их союзника более чем одной державы[508]. Этот союз положил конец изоляции британской расы и ознаменовал вступление Японии в круг мировых держав. Главными возражениями против нового уюда были его новизна и вероятность того, что он окончательно втянет нас в конфликт с Россией и Францией или Россией и Германией. Эти опасения были беспочвенны, поскольку Франция и даже Россия (!) выразили свое удовлетворение этим договором. Дипломатический *переворот* лорда Лэнсдауна не только положил конец изоляции двух островных государств, которым по отдельности угрожали могущественные соперники; он также защитил Китай; и, наконец, подняв престиж Великобритании, он помог ускорить окончание англо-бурской войны. Во время обсуждения их будущей политики бурскими делегатами в Веренигинге 30 мая генерал Бота признал, что у него больше нет никакой надежды на вмешательство с Европейского континента, поскольку их депутация туда потерпела неудачу. Все лидеры, кроме Де Вета, согласились, и 31 мая они пришли к соглашению с лордами Китченером и Милнером в Претории. В том, что англо-японское соглашение положило конец последним надеждам буров на интервенцию, едва ли можно сомневаться.

Еще более важным был новый альянс как предупреждение России не заходить слишком далеко в своих предприятиях на Дальнем Востоке. 12 апреля 1902 года она согласилась с Китаем эвакуировать Маньчжурию; но (как показано в главе XX) в конце концов она продолжила наступление не только в Маньчжурии, но и в Корею, в которой англо-японский договор признавал преобладающие интересы Японии. В проведении этой передовой политики Россия пользовалась общей поддержкой кайзера, целям которого на Ближнем Востоке, очевидно, отвечал перенос оттуда деятельности России на Дальний Восток. Действительно, вполне вероятно, что он и его агенты хотели поссорить Россию и Японию. Несомненно то, что русский народ рассматривал русско-японскую войну, начавшуюся в феврале 1904 года, как "Войну великих князей". Русские войска вели тяжелую борьбу преданно и упорно, но без энтузиазма, столь заметного в нынешней подлинно национальной борьбе. В Маньчжурии ошибки и неспособность их лидеров привели к почти непрерывной серии поражений, закончившихся затяжными и масштабными боями вокруг Мукдена (1-10 марта 1905 г.). Почти полное уничтожение русского Балтийского флота адмиралом Того в Цусимском сражении (27-28 мая) положило конец последним надеждам царя и его министров; и, опасаясь роста недовольства в России, они приняли дружественные предложения Соединенных Штатов о посредничестве. По Портсмутскому мирному договору (5 сентября 1905 г.) они уступили Японии южную половину Сагалиена и полуостров, на котором стоит Порт-Артур: они также согласились эвакуировать Южную Маньчжурию и признать Корею в пределах сферы влияния Японии. Военная контрибуция не была выплачена. Действительно, ее нельзя было требовать, поскольку Япония не оккупировала ни одной российской территории, которую она не намеревалась аннексировать. Для России материальными результатами войны были потери около 350 000 человек убитыми, ранеными и пленными; двух флотов; и ценных провинций и незамерзающих гаваней, для приобретения которых она построила Транссибирскую магистраль. Столь тяжелый удар не наносился Великой державе со времен падения Наполеона III.; И, возможно, хуже материальных потерь был престиж, вызванный поражением от рук Островного государства, народ которого пятьдесят лет назад сражался с луками и стрелами.

Япония вышла из войны победительницей, но финансово истощенной. Соответственно, она была не прочь заключить с Россией 30 июля 1907 года конвенцию, которая урегулировала нерешенные вопросы в дружественной манере[509]. Правда об этом русско-японском *сближении*, конечно, неизвестна; но это можно разумно приписать отчасти хорошим услугам Англии (которая тогда собиралась создать *антанту* с Россией); и отчасти подозрениям государственных деятелей Петрограда и Токио в том, что немецкое влияние тайно подтолкнуло Россию к политике безрассудной эксплуатации в Корее, которая привела к войне и катастрофе.

Главными результатами русско-японской войны были паралич России, тем самым выхолостивший Двойной союз и оставивший Францию такой же уязвимой для немецких угроз, какой она была до его заключения; а также возвышение Тройственного союза и предоставление его членам (Германии, Австрии и Италии) возможности последовательно проводить наступательную политику, которой были отмечены 1905, 1908, 1911 и 1914 годы. Таким образом, русско-японская война открыла новую эру в европейской истории. До этого времени Тройственный союз был оборонительной лигой, за исключением тех случаев, когда буйные порывы кайзера Вильгельма толкали его на провокационные действия; и тогда провокации обычно ограничивались телеграммами и речами. Но в 1905 году и после него Тройственный союз отказался от лозунгов Бисмарка, Андраши и Криспи. Доминирующей целью стала экспансия за счет конкурентов.

Теперь мы должны вернуться к событиям во Франции, которые побудили ее установить дружеские отношения сначала с Италией, затем с Великобританией. Ее внутренняя история в 1895-1906 годах во многом связана с делом Дрейфуса. В 1895 году он, еврейский офицер французской армии, был обвинен и осужден за продажу военных секретов Германии. Но возникли подозрения, что он стал жертвой антисемитов или козлом отпущения настоящих преступников; и, наконец, благодаря поддержке Золя было доказано, что его осуждение было вызвано подделкой (июль 1906 г.). Тем временем общество раскололось надвое, и доверие к армии и отправлению правосудия было серьезно подорвано. Началась яростная антимилиитаристская агитация, имевшая важные последствия. Уже в мае 1900 года премьер-министр Вальдек-Руссо назначил военным министром генерала Андре, который сочувствовал этим взглядам и опасно ослабил дисциплину. Министерство Комбеса, пришедшее к власти в июне 1902 года, усилило раздор между клерикальной и антиклерикальной секциями такими мерами, как отделение Церкви от государства и изгнание религиозных орденов. В результате Франция была почти беспомощна в первые годы столетия, что объясняет ее готовность пожать руку Англии в 1904 году и в 1905 году, после военного краха России на Дальнем Востоке, уступить перед угрозами Германии[510].

Слабость Франции заставила Италию забыть о проступке, совершенном французскими государственными деятелями при захвате Туниса двадцать лет назад. Эта ошибка (как мы видели на стр. 328, 329) толкнула Италию в объятия Германии и Австрии. Но теперь Криспи и другие прогерманские авторы Тройственного союза скончались; и этот договор, основанный на преходящей страсти против Франции, а не на общности интересов или чувств с Центральными империями, заметно ослаб. Раз за разом итальянские министры жаловались на пренебрежение их интересами со стороны руководства Берлина и Вены[511], тогда как в 1898 году Франция заключила с Италией благоприятный торговый договор. Виктор Эммануил III. свой первый государственный визит нанес в Петроград, а не в Берлин. В декабре 1900 года Франция и Италия пришли к взаимопониманию в отношении Триполи и Марокко; а в мае 1902 года

способный французский министр Делькассе, в то время увлеченный своим предприятием в Марокко, подготовил почву для этого, подписав конвенцию с Италией, которая предусматривала, что Франция и Италия должны отныне мирно урегулировать свои разногласия, в основном возникающие из-за вопросов Средиземноморья. Видя, что Италия и Австрия расходятся во мнениях относительно Албании, франко-итальянская антанта ослабила Тройственный союз; и старая ненависть к Австрии проявилась в криках "Вива Тренто", "Вива Триест", часто раздававшихся перед австрийским посольством в Риме. Несмотря на возобновление Тройственного союза в 1907 и 1912 годах, присоединение Италии было под вопросом, если только союзники не станут объектом бесспорной агрессии.

Еще более важным было Англо-французское соглашение 1904 года. То, что англофобские вспышки парижской прессы и населения в 1902 году так быстро уступили место дружескому взаимопониманию, было делом рук отчасти друзей мира в обеих странах, отчасти личного такта и обаяния Эдуарда VII, проявившихся во время его визита в Париж в мае 1903 года, но главным образом французского и британского правительств. В октябре 1903 года они договорились по договору передавать на арбитраж в Гаагский трибунал споры, которые могут возникнуть между ними. Это соглашение (один из величайших триумфов принципа арбитража[512]), естественно, привело к более сердечным отношениям. Во время визита президента Лубе и М. Делькассе в Лондон в июле 1903 года последний обсудил с лордом Лэнсдауном вопросы, препятствующие урегулированию, а именно: нашу оккупацию Египта (мучительная рана во Франции с 1882 года); претензии Франции на доминирование в Марокко как в коммерческой, так и в политической сфере, "французский берег" Ньюфаундленда, Новые Гебриды, французскую каторжную колонию в Новой Каледонии, а также территориальную целостность Сиам, которую отстаивает Англия, которой угрожает Франция. Более сложный набор проблем никогда не стоял перед государственными деятелями. И все же решение было найдено просто потому, что они оба стремились к решению. Их тревога понятна в связи с только что замеченными действиями Германии и началом русско-японской войны в феврале 1904 года. Правда, Франция была союзницей России только в европейских делах; а наш союз с Японией касался главным образом Дальнего Востока. Тем не менее, существовала опасность столкновения, которое и Париж, и Лондон хотели предотвратить. Это было предотвращено благодаря мастерству и такту лорда Лэнсдауна и месье Делькассе, чьи беседы в июле 1903 года указали путь к окончательному соглашению от 8 апреля 1904 года.

Короче говоря, Франция уступила по большинству вышеперечисленных вопросов, за исключением одного, то есть Марокко. Там она достигла своей цели - признания нами ее первостепенных требований. Из-за этого она признала большинство спорных моментов между двумя странами в Египте, хотя у нее есть Юридическая школа, больницы, миссионерские школы и несколько других учреждений. С тех пор Англия противостояла ей на этой земле только немецкому влиянию и египетским националистам и панисламским фанатикам, которых она стремилась поощрять. Франция также отказалась от некоторых своих прав на рыболовство в Ньюфаундленде в обмен на приобретение территории на реке Гамбия и вблизи озера Чад. В обмен на эти уступки она добилась от нас признания ее права следить за спокойствием в Марокко, а также предложения помощи во всех "административных, экономических, финансовых и военных реформах, в которых оно нуждается". Правда, она пообещала не менять политическое положение Марокко, а также сохранить равенство коммерческих привилегий. Великобритания дала аналогичное обязательство в отношении Египта[513].

Англо-французское соглашение 1904 года - важнейшее событие современной дипломатии. Вместе с предыдущим арбитражным договором он устранил всякую вероятность войны между двумя нациями, которые раньше были "естественными врагами"; и тот факт, что он ни в коем случае не угрожал Германии, появился в сообщении его условий немецкому послу в Париже незадолго до его подписания. 12 апреля Бюлов заявил рейхстагу, что одобряет соглашение, поскольку оно, вероятно, положит конец спорам в нескольких кругах, помимо обеспечения мира и порядка в Марокко, где интересы Германии были чисто коммерческими. Два дня спустя в ответе пангерманскому лидеру графу Ревентлову он заявил, что не будет привлекать Германию к каким-либо предприятиям в Марокко. Эти заявления были разумными и справедливыми. Антанта уменьшила трения между Великобританией и Россией во время неблагоприятных инцидентов русско-японской войны. После заключения Антанты русский посол в Париже публично заявил об одобрении своего правительства и, процитировав пословицу "Друзья наших друзей - это *наши* друзья", добавил с поистине пророческим оттенком: "Кто знает, не окажется ли это правдой?" Соглашение также послужило укреплению позиций Франции в то время, когда ее внутренний кризис и первые поражения России на Дальнем Востоке угрожали отдать ее практически во власть Германии. Возникла бы опасная ситуация, если бы Франция недавно не заручилась дружбой Англии и Италии.

Наконец, англо-французская Антанта вынудила Италию пересмотреть свою позицию. Ее зависимость от нас в отношении угля и железа, вместе с уязвимостью ее многочисленных прибрежных городов, делала разрыв с двумя державами Антанты крайне нежелательным, в то время как по сентиментальным соображениям она едва ли могла принять вызов своего бывшего угнетателя, Австрии, двум нациям, которые помогли ей в освобождении. Как мы увидим, она заявила на конференции в Альхесирасе о своей полной солидарности с Великобританией.

Несмотря на это, Германия удерживала командное положение благодаря завершению первой части своей военно-морской программы, которая поставила ее намного впереди Франции на море. По изложенным причинам военная и военно-морская слабость Франции была настолько заметна, что сильно поощряла немецких шовинистов; но Антанта заставила их сделать паузу, особенно когда Франция согласилась сосредоточить свои главные военно-морские силы в Средиземном море, в то время как силы Великобритании были сосредоточены в Ла-Манше и Северном море. Несомненно, Антанта с Францией никогда не была союзом; это было совершенно ясно заявлено; но было маловероятно, что британское правительство потерпело бы неспровоцированное нападение на Республику или безучастно смотрело бы, как пангерманцы переделывают Европу и другие континенты. Кроме того, Великобритания была сильна на море. В 1905 году она располагала тридцатью пятью линкорами водоизмещением 12 дюймов. орудия; в то время как восемнадцать немецких линкоров несли только 11-дюймовые и 9,4-дюймовые орудия. Далее, в 1905-1907 годах мы начали и закончили первый *дредноут*; и принятие этого типа на вооружение линейного флота ближайшего будущего уменьшило ценность канала Киль-Северное море, который был слишком мал для приема *дредноутов*. В этих соображениях, возможно, можно найти причину осторожности Германии в то время, которое в остальном было очень благоприятным для агрессивных действий.

Тем временем кайзер Вильгельм, на которого давили колонизаторы, весьма сенсационным образом вмешался в дело Марокко, тем самым подчеркнув свое предыдущее утверждение о том, что ни в одной части мира не должно происходить ничего важного без участия Германии. Ее торговля в Марокко была неважной по сравнению с торговлей Франции и Великобритании;

но положение этой земли, господствующей над путями в Средиземное море и Южную Атлантику, было таково, что интересовало все военно-морские державы, в то время как государство, закрепившееся в Марокко, имело бы участие в решении мусульманских вопросов, приобретавших тогда первостепенную важность. Как мы видели, кайзер в 1898 году заявил о своей решимости дружить со всеми мусульманскими народами; а его канцлер Бюлов утверждал, что происламская политика Германии вынудила ее вмешаться в марокканский вопрос. Посол Германии в Константинополе барон фон Маршалл сказал, что, если после этого обещания Германия пожертвует Марокко, она сразу же потеряет свое положение в Турции, а следовательно, и все преимущества и перспективы, которые она с трудом приобрела многолетним трудом[514].

С другой стороны, распри мавританских племен жизненно беспокоили Францию, поскольку они приводили к многочисленным набегам на ее алжирские земли, которые она не могла просто отразить. В 1901 году она приняла более активную политику "тихоокеанского проникновения" и, заключив последовательные договоры с Италией, Великобританией и Испанией, обеспечила себе своего рода опеку над делами Марокко. Однако такая политика вызвала глубокое негодование в Берлине. Хотя Германия мирно проникала в Турцию и Малую Азию, она завидовала успеху Франции в Марокко не по коммерческим причинам, а по другим, тесно связанным с высокой дипломатией и мировой политикой. Как заявил немецкий историк Рахфаль, Марокко должно было стать испытанием на прочность[515].

В одном отношении у Германии были основания для жалоб. 6 октября 1904 года Франция подписала Конвенцию с Испанией в подозрительно расплывчатых выражениях. Они были истолкованы секретными статьями, которые определяли сферы французского и испанского влияния на случай прекращения правления султана Марокко. Не похоже, что Германия знала об этих секретных статьях на момент своего вмешательства[516]. Но об их существовании, даже, возможно, об их общем характере, можно было только догадываться. Действительными причинами ее вмешательства были, во-первых, ее решимость консультироваться по каждому важному вопросу и, во-вторых, катастрофа, постигшая русских под Мукденом в начале марта 1905 года. В конце месяца кайзер высадился в Танжере и в резких выражениях объявил, что прибыл с визитом к султану как независимый суверен. Этот вызов французским притязаниям вызвал острый кризис. Делькассе желал продолжать мирное проникновение; но в дебатах 19 апреля недостатки французской военной системы были признаны с поразительной откровенностью; а угроза из Берлина выявила намерение унизить Францию и, если возможно, разорвать англо-французское соглашение. Вот, действительно, внутреннее значение кризиса. Германия недавно заявила о своем безразличии ко всем вопросам в Марокко, кроме коммерческих. Но теперь она воспользовалась крахом России, чтобы попытаться положить конец англо-французским связям, которые она недавно объявила безвредными. Очевидно, целью было посеять раздор между этими двумя державами. В этом она потерпела неудачу. Лорд Лэнсдаун и Делькассе оказывали друг другу твердую поддержку, настолько сильную, что парижская временная служба обвинила нас в том, что мы подталкиваем Францию к опасному делу, которое ее жизненно не касалось. Обвинение было не только несправедливым, но и малодушным, поскольку Германия действовала таким образом, чтобы побудить Англию разгромить Францию или заставить Францию разгромить Англию. Правительства двух стран заметили ловушку и избежали ее, твердо держась вместе[517].

Главная трудность ситуации заключалась в том, что она возлагала на Францию выполнение двух гигантских задач: умиротворение Марокко, а также противостояние кайзеру в Европе. В этом отношении почва для конфликта была полностью в его пользу, и и он, и она это знали. Следовательно, компромисс был желателен; и сам кайзер, настаивая на проведении Конференции, построил золотой мост, по которому Франция могла отступить, несомненно, с честью, вероятно, с успехом; ибо в дипломатической сфере она была по крайней мере так же сильна, как и он. Поэтому, когда Делькассе выступил против Конференции, его коллеги приняли его отставку (6 июня). В Берлине его падение приветствовали как унижение для Франции. Тем не менее, ее покладистость вызвала всеобщее сочувствие, в то время как издевательский тон немецкой дипломатии, продолжавшийся во время Конференции, проходившей в Альхесирасе, усилил противодействие почти всех держав, включая Соединенные Штаты. Особенно примечательным было заявление Италии о том, что ее интересы совпадают с интересами Англии. Предложения Германии были поддержаны только Австрией, которая, таким образом, получила от кайзера сомнительный комплимент в виде того, что сыграла роль "блестящего заместителя" Германии.

Нет необходимости подробно описывать Акт в Альхесирасе (7 апреля 1906 г.). Она создала полицию и Государственный банк в Марокко, пресекла контрабанду и незаконную торговлю оружием, реформировала налоги и начала общественные работы. Конечно, из всего этого мало что вышло; но позиция Франции была молчаливо урегулирована, и ей предоставили свободу продолжать мирное проникновение. "Мы не победители и не побежденные", - сказал Бюлов, рассматривая Закон; и М. Рувье повторил это заявление от имени Франции. На самом деле Германия потерпела поражение. Ее главной целью было разорвать англо-французскую Антанту, и ей это не удалось. Она пыталась привлечь Италию на свою сторону, и ей это не удалось; поскольку Италия теперь провозгласила свое согласие с Францией по средиземноморским вопросам. Наконец, *Северогерманский вестник* отдал дань уважения лояльным и миролюбивым целям французской политики; в то время как другие менее официальные немецкие газеты сожалели об ошибках своего правительства, которое подчеркивало изоляцию Германии[518]. Это действительно выдающийся результат Конференции. Угрожающий тон Берлина вызвал отвращение у всех. Прежде всего, это привело к более сердечным отношениям между бывшими соперниками, Великобританией и Россией.

Как уже появлялось, трения между Великобританией и Россией быстро исчезли после японской войны. Во время конгресса в Альхесирасе бывшие соперники сердечно сотрудничали, чтобы сдержать экспансионистскую политику Германии, в которой теперь крылась главная причина политических волнений. Фактически, тюркофильская политика кайзера приобрела новое значение благодаря распространению панисламистской пропаганды, которая вызвала вспышки фанатизма в Северо-Западной Африке, Египте и Центральной Азии. На острове Святой Елены Наполеон часто заявлял, что ислам значительно превосходит христианство как боевую религию; и теперь его подражатель, казалось, собирался направить его против Франции, России и Великобритании. Естественно, три державы объединились для взаимной поддержки. Кроме того, Германия сама по себе была очень могущественна, значительный рост ее промышленности и торговли обеспечил ее богатством, которое она щедро тратила на свою

армию и флот. В мае 1906 года рейхстаг одобрил новый законопроект о военно-морском флоте для дальнейшего строительства, который, по оценкам, увеличил общие ежегодные расходы на военно-морской флот с 11 671 000 фунтов стерлингов в 1905 году до 16 492 000 фунтов стерлингов в 1917 году; и это тоже, хотя Бебель предупредил Палату представителей, что агитация Германской военно-морской лиги имеет своей целью войну с Англией.

В 1906 и 1907 годах Эдуард VII. нанес визиты Вильгельму II., который вернул комплимент в ноябре 1907 года. Но этот обмен любезностями не мог положить конец недоверию, вызванному увеличением вооружений Германии. Мирлюбивая администрация Кэмпбелла-Баннермана, пришедшая к власти в результате всеобщих выборов 1906 года, стремилась достичь взаимопонимания с Берлином, особенно на второй Гаагской конференции 1907 года, в отношении ограничения вооружений. Но Германия отклонила все такие предложения[519]. Безднадежность заключения дружественного соглашения с ней бросила нас в объятия России; и 31 августа 1907 года были подписаны англо-русские конвенции, дружески определяющие интересы двух держав в Персии, Афганистане и Тибете. Правда, интересы персидских реформаторов были принесены в жертву этой сделке; но ее следует рассматривать, во-первых, в свете плана строительства Багдадской железной дороги, который угрожал вскоре привести Германию к воротам Персии и поставить под угрозу положение обеих держав на этой земле[520]; во-вторых, в свете общей ситуации, при которой Германия и Австрия быстро прокладывали себе путь к полному военному господству и отказалась рассматривать вопрос о каком-либо ограничении вооружений. Подробные причины, побудившие к созданию англо-русского союза, конечно, неизвестны. Но тот факт, что самая демократическая из всех британских администраций должна прийти к соглашению с российским самодержавием, является наиболее убедительным доказательством вполне реальной опасности, которую оба государства усмотрели в агрессивном поведении центральных держав. Тройственный союз, созданный Бисмарком исключительно для защиты мира, стал в руках Вильгельма II угрозой для его соседей и вынудил их сформировать предварительные договоренности для защиты в случае нападения. Это все, что подразумевалось под Тройственной Антантой. Это стало слабым дополнением к Двойственному союзу между Францией и Россией, который был обязывающим и прочным. С этими державами Соединенное Королевство заключило отдельные соглашения; но они не были союзами; они были дружественными договоренностями по определенным конкретным объектам и ни в коем случае не угрожали Тройственному союзу, пока он оставался неагрессивным[521].

Остается один вопрос. Когда впервые обострились трения между Великобританией и Германией? Некоторые датируют это Марокканским делом 1905-6 годов. Это утверждение не соответствует фактам дела. Задолго до этого кризиса политика кайзера все больше склонялась к столкновению. Его покровительство бурам в начале 1896 г. было угрожающим знаком; еще более угрожающим признаком была его Мировая политика, неоднократно провозглашавшаяся в последующие годы, когда назначения Тирпица и Бюлова показали, что угрозы захвата трезубца и так далее не были простой бравадой. Начало англо-бурской войны в 1899 году, за которым быстро последовала речь кайзера в Гамбурге, и принятие ускоренного плана военно-морского строительства в 1900 году вызвали серьезную напряженность, которую не ослабила уступчивость Великобритании в отношении Самоа. Кокетство с султаном, определенное начало осуществления Багдадского плана (1902-3), и завершение первой части новой военно-морской программы Германии в 1904 году объясняют англо-французское соглашение того года. Главное значение Марокканского дела 1905-1906 годов заключалось в замысле кайзера разорвать эту

Антанту. Его провал, который был еще более подчеркнут во время конференции в Альхесирасе, доказал, что политика, основанная на угрозе и постоянно наращивании вооружений, вызывает растущее недоверие и вынуждает государства, которым угрожает опасность, формировать оборонительные механизмы. Это также выдающийся урок карьеры Наполеона I. Тем не менее, кайзер, как и корсиканец, упорствовал в силовой процедуре, пока законопроекты об армии, флоте и отклонение мирных предложений в Гааге не привели к их естественному результату - англо-российскому соглашению 1907 года. Это событие должно было заставить его усомниться в разумности использования вооруженной силы и процедуры угроз. Соглашение между царем и администрацией Кэмпбелла-Баннермана сформировало молчаливое, но решительное осуждение политики Потсдама; поскольку оно реализовало опасения, которые преследовали Бисмарка, как кошмарный сон[522]. Его влияние на Вильгельма II. цель состояла в том, чтобы побудить его усилить военные и военно-морские приготовления, отклонить все предложения о замене арбитража господством силы и тем самым заключить политику Великих держав в порочный круг, единственным выходом из которого было общее сокращение вооружений или война.

СНОСКИ:

[495] Написано в мае-июле 1915 года.

[496] Э. Левин, *Немцы и Африка*, стр. xvii. и главы. v.-xiii.; Дж. Х. Роуз, *Истоки войны*, Лекции I.-III.; Ревентлоу, *Немецкая национальная политика*, стр. 71.

[497] До 1905 года Делькассе был министром иностранных дел в пяти администрациях.

[498] Сэр В. Чирол, *Ежеквартальный обзор*, октябрь 1914г.

[499] Бюлов, *Имперская Германия*, стр. 98-9 (английский перевод); Рахфаль, *Кайзер и Рейх* (стр. 163), утверждает, что, поскольку в 1900-19 годах германский флот, даже наряду с французским и Российским, не мог сравниться с британским флотом, Германия обязательно оставалась нейтральной. Смотрите также, Херд и Касл, *Морская мощь Германии*, глава V.

[500] Принц Гогенлоэ, *Мемуары*, том ii. стр. 480.

[501] *Современное обозрение*, апрель 1892г.

[502] См. Хургронье, *Священная война; сделано в Германии*, стр. 27-39, 68-78; также Г. Э. Холт, *Марокко Пикантное* (1914), который говорит (глава xiv.): "Ислам ждет войны в Европе . . . Война между любыми двумя европейскими державами, на мой взгляд, означала бы восстание ислама".

[503] В последнее время лозунг "*Англия - враг*" ("England is the enemy") преподается в очень многих школах.

[504] Ревентлоу, *Deutschlands auswärtige Politik*, стр. 178-9; *Речи мистера Чемберлена*, том ii. стр. 68.

[505] В сентябре 1895 года царь поблагодарил принца Гогенлоэ за поддержку его дальневосточной политики и сказал, что устал от Армении и не доверяет Англии; то же самое было и в сентябре 1896 года, когда русско-германские отношения также были превосходными (*Hohenlohe Mems.*, англ. изд., ii. 463, 470).

[506] *Тайные мемуары графа Хаяси* (Лондон, 1915), стр. 97-131. В этой книге есть подозрительные черты. Я отношусь к ней со всей сдержанностью. Ревентлоу (*Deutschlands auswärtige Politik*, стр. 178) считает, что Экардштейн, возможно, вел свою собственную игру - невероятное предположение.

[507] ежеквартальный обзор, октябрь 1914 г., стр. 426-9.

[508] Например,, если русские в одиночку нападут на Японию, мы не обязаны были помогать ей: но если французы также нападут на Японию, мы должны помочь ей. Цель явно состояла в том, чтобы не допустить захвата Японии, как в 1895 году (см. стр. 577). Договор был подписан сроком на пять лет, но был продлен 12 августа 1905 года и в июле 1911 года.

[509] Хаяси, указ. соч. глава viii. и Прил. D. 10 июня 1907 года Япония заключила с Францией соглашение, о котором см. Хаяси, гл. vi. и Прил. C.

[510] Даже в 1908 году имели место безрассудные забастовки, и в армии было зарегистрировано не менее 11 223 случаев неподчинения. Профессор Гюстав Эрве покинул университет, чтобы руководить газетой "*Социальная война*", в которой пропагандировалась классовая война.

[511] Криспи, *Мемуары* (англ. ред.) том ii. стр. 166, 169, 472; том iii. стр. 330, 347.

[512] Сэр Томас Барклай, *Англо-французские воспоминания* (1876-1906), гл. xviii-xxii; М. Аното (*La Politique de l'Equilibre*, стр. 415) утверждает, что г-н Чемберлен сыграл главную роль в начале переговоров, приведших к созданию Антанты с Францией.

[513] А. Тардьё, *Дипломатические вопросы эпохи 1904 года*, Приложение II. Англия в 1914 году аннулировала обещание в отношении Египта из-за объявления войны Турцией и помощи, оказанной ей хедивом Аббасом II. (см. Граф Кромер, *Современный Египет и Аббас II.*) 15 февраля 1904 года Франция урегулировала договором с Сиамом давние пограничные споры.

[514] Бюлов, *Имперская Германия*, стр. 83.

[515] Тардьё, *Дипломатические вопросы 1904 года*, стр. 56-102; Рахфаль, *Кайзер и Рейх*, стр. 230-241; Э.Д. Морель, *Марокко в дипломатии*, chap. i-xii.

[516] Рахфал, стр. 235, 238. Для получения подробной информации см. Морель, глава ii.

[517] В интервью М. Тардьё в Баден-Бадене 4 октября 1905 г. Бюлов сказал, что Германия вмешалась в Марокко из-за своих интересов там, а также в знак протеста против этой новой попытки изолировать ее (Тардьё, *Актуальные вопросы политики в стране*, стр. 87). Если это так, то ее поведение усилило эту изоляцию. Вероятно, второй англо-японский договор от 12 августа 1905 года (опубликован 27 сентября) был заключен из-за страха перед германской агрессией. Франция и Германия пришли к предварительному соглашению относительно Марокко 28 сентября.

[518] Тардье, *Конференция в Альхесирасе*, стр. 410-20.

[519] Смотрите циничный раздел в Reventlow, указ. соч. (стр. 280-8), озаглавленный "Утопия и интриги в Гааге". Об усилиях Австрии по предотвращению англо-российского соглашения см. H.W. Steed, *Гамбургская монархия*, стр. 230.

[520] Рахфал (стр. 307) признает это, но обвиняет Англию в скрытом противодействии повсюду, даже на Гаагской конференции.

[521] 24 декабря 1908 года министр иностранных дел России Извольский заверил Думу, что "между Россией и Англией не существует открытых или тайных соглашений, направленных против интересов Германии".

[522] *Бисмарк, его размышления и воспоминания*, том ii. стр. 252, 289. Есть основания полагать, что Вильгельм II. был подтолкнут к воинственной политике Военно-морским флотом, Колониальными и Пангерманскими лигами. В 1908 году он, по-видимому, попытался сделать паузу, но мощные влияния (как и во время июльских кризисов 1911 и 1914 годов) подтолкнули его к этому. Смотрите статью в *Парижском "Ревю де Пари"* от 15 апреля 1913 года "Гийом II и пангерманисты". В своем повествовании я говорю о кайзере как о эквиваленте германского правительства; ибо он абсолютен, и его министры ответственны исключительно перед ним.

ГЛАВА XXII

ТЕВТОНЕЦ *против* СЛАВЯНИНА (1908-13)

"По правде говоря, славянин кажется нам прирожденным рабом". - ТРЕЙЧКЕ, июнь 1876г.

7 октября 1908 года Австро-Венгрия взорвала политическую бомбу, заявив о своей решимости аннексировать Боснию и Герцеговину. После заключения Берлинского мирного договора 1878 года она временно оккупировала эти провинции и управляла ими в качестве обязательных для Европы (см. стр. 238). Но теперь, не посоветовавшись с Европой, она присвоила себе свои полномочия. С другой стороны, она согласилась уйти из санджака Нови-Базар, который она

оккупировала в силу секретного соглашения с Россией от июля 1878 года. Тем не менее, ее аннексия огромной провинции вызвала острый кризис по следующим причинам: (1) Это нарушило международное право Европы безкаких бы то ни было оправданий. (2) Это привело в ярость Сербию, которая надеялась в конечном счете завладеть Боснией, землей, населенной ее сородичами и необходимой для ее экспансии на море. (3) Это не менее глубоко оскорбило младотурок, которые были полны решимости возродить турецкий народ и утвердить свою власть над всеми частями османских владений. (4) Это произошло одновременно с принятием болгарским принцем Фердинандом титула царя болгар. Это изменение названия, которое подразумевало перспективу суверенитета над булгарами Македонии, было организовано во время недавнего визита в Буда-Пешт и предвещало господство австрийского влияния не только в новом королевстве Болгария, но, в конечном итоге, и в болгарских районах Македонии[523].

Таким образом, действия Австрии представляли собой серьезный вызов державам в целом, особенно России, Сербии и возрожденной Турции[524]. Столь дерзкого *переворота* Австрия не совершала с 1848 года, когда на трон взошел Франциск Иосиф; считается, что он хотел получить провинции в качестве юбилейного подарка, компенсирующего потерю Ломбардии и Венеции в 1859 и 1866 годах. Несомненно, Австрия провела значительные улучшения в Боснии; но оккупант, улучшающий ферму, не получает права владеть ею, кроме как по соглашению с другими лицами, имеющими совместные претензии. Более того, младотурки, находящиеся у власти с июля 1908 года, хвастались своей способностью цивилизовать Боснию и все части своей империи. Сербия также стремилась включить его в состав большого сервохорватского королевства будущего.

Боснийский вопрос возник из конфликта расовых претензий, который два властных человека, эрцгерцог Франц Фердинанд и министр иностранных дел Австрии Эренталь, были полны решимости решить в пользу Австрии. Эрцгерцог не любил немцев и мадьяр из-за своих прославянских наклонностей. В 1900 году он заключил морганатический брак со славянкой, графиней Чотек, что привело его к натянутым отношениям с императором и двором. Молчаливый, решительный человек, он решил уменьшить влияние немцев и мадьяр в империи, поддержав закон о всеобщем избирательном праве (1906) и назначив министром иностранных дел Эренталя, который вынашивал амбициозные планы. Эрцгерцог также проводил политику, известную как триализм, то есть федерализацию Двойной монархии путем включения славянских провинций в качестве третьей из составляющих ее групп. Аннексия Боснии послужила бы продвижению этой программы, угнетая до сих пор доминирующие расы, немцев и мадьяр, помимо спасения монархии от положения "блестящего второго" после Германии. Кайзер Вильгельм был ошеломлен этим смелым ударом, особенно после того, как он нанес удар Турции; но вскоре он увидел преимущество наличия энергичного, а не пассивного союзника; и во время визита, который он нанес эрцгерцогу в ноябре 1908 года, их общение, которое до сих пор было холодно-вежливым, переросло в дружбу, которая переросла в восторженное восхищение, когда эрцгерцог выступил за строительство австрийских *дредноутов*.

Аннексия Боснии была вызовом Европе, потому что на Конференции держав, состоявшейся в Лондоне в 1871 году, все они (включая Австрию) торжественно согласились не отступать от своих обязательств по договору без предварительной договоренности со странами, подписавшими его. Таким образом, поведение Австрии в 1908 году нанесло серьезный удар по режиму международного права. Но особенно это возмущало русских, потому что на протяжении веков они проливали кровь и сокровища, добиваясь освобождения балканских народов. Кроме

того, в 1897 году царь заключил соглашение с Венским двором с целью совместного осуществления некоторой степени контроля над балканскими делами; и затем он наложил вето на предложение Австрии о приобретении Боснии. В 1903 году, когда две империи разработали программы "Февраль" и "Мюрцштег" для более эффективного разрешения расовых споров в Македонии, суд Габсбургов не возобновил предложение о Боснии, однако в 1908 году Австрия аннексировала эту провинцию. Очевидно, что она не стала бы таким образом бросать вызов общественному праву Европы и интересам России, Сербии и Турции, если бы не недавнее унижение России на Дальнем Востоке, которое объясняет как драматическое вмешательство кайзера в Танжере против союзника России, Франции, так и внезапное появление Австрии в качестве агрессивной державы. В своей речи перед австро-венгерскими делегациями Эренталь заявил, что намерен продолжать "активную внешнюю политику", которая позволила бы Австро-Венгрии "в полной мере занять свое место в мире". Она должна была действовать, потому что в противном случае "дела могли бы обернуться против нее".

Таким образом, Восточный вопрос вновь стал предметом острых споров. Австро-российские соглашения 1897 и 1903 годов сглаживали и маскировали эти расовые и религиозные споры, так что было мало шансов на то, что из-за них возникнет всеобщая война. Но с 1908 года Восточный вопрос угрожал перерасти во всеобщий конфликт, если Австрия не умерит свои притязания. Она этого не сделала, поскольку, как мы видели, Германия отдавала им предпочтение, чтобы обеспечить бесперебойное сообщение между Центральной Европой и своей Багдадской железной дорогой. Влияние Габсбургов уже было максимальным в Бухаресте, Софии и в македонских делах. Если бы она могла доминировать в Сербии (антиавстрийской с момента восшествия на престол короля Петра в 1903 году), весь полуостров находился бы под австро-германским контролем. Правда, влияние Германии в Константинополе поначалу пострадало от младотурецкой революции июля 1908 года; и эти пылкие националисты были глубоко возмущены аннексией Боснии, которую они приписывали австро-германскому союзу. Однако жители Берлина не только не поддержали этот акт, но и не одобрили его, поскольку он поставил под угрозу их контроль над Турцией и эксплуатацию ее ресурсов. Фактически, задача Германии побудить своих потенциальных вассалов, турок, подчиниться разграблению со стороны ее союзника Австрии, была чрезвычайно сложной; и в создавшемся таким образом напряжении третий партнер Тройственного союза, Италия, почти рассталась с компанией из-за отвращения к австрийским посягательствам в квартале, где она лелеяла надежды. Как мы видели, Виктор Эммануил III в начале своего правления выступал за дружественные отношения с Россией; и они быстро созрели во время "Аннексионного кризиса" 1908-9 годов, поскольку обе державы желали сохранить *статус-кво* против Австрии^[525]. 24 декабря 1908 года министр иностранных дел России Извольский заявил, что с этой целью он действует в тесном сотрудничестве с Францией, Великобританией и Италией. Он призвал Болгарию, Сербию и Черногорию тесно держаться вместе для защиты своих общих интересов: "Нашей целью должно быть объединение их вместе с Турцией в рамках общего идеала защиты их национального и экономического развития". Сердечный союз между славянскими государствами и Турцией сейчас кажется фантастической идеей; но тогда это было возможно под давлением австро-германской угрозы, которой младотурки активно сопротивлялись.

В начале 1909 года всеобщая война казалась неизбежной, поскольку славянские чувства были сильно возбуждены в России и Сербии. Но, поскольку зимой военные действия были

невозможны, страсти успели остыть. Вскоре стало очевидно, что эти государства не смогут противостоять Австрии и Германии. Более того, франко-российский союз не обязывал Францию действовать совместно с Россией, если только последняя не подвергалась определенному нападению; а Франция была ослаблена широкомасштабными забастовками 1907-8 годов и яростной антимилитаристской агитацией, о которой уже говорилось. Кроме того, Италия была отвлечена землетрясением в Мессине, и вооруженного вмешательства не следовало ожидать от министерства Кэмпбелла-Баннермана. Болгария и Румыния были проавстрийски настроены. Турция в одиночку не могла надеяться отвоевать Боснию, а турко-сербско-российский союз был за пределами практической политики. Эти материальные соображения решили ход событий. Ближе к концу марта кайзер Вильгельм, до сих пор молчаливый сторонник Австрии, положил конец кризису, отправив своему послу в Петрограде письмо с автографом, действие которого на царя было решающим. Россия уступила и отмежевалась от Франции, Англии и Италии. Принимая во внимание компенсацию в размере 2 200 000 фунтов стерлингов от Австрии, Турция признала аннексию. Следовательно, ни одна Конференция Держав не собралась даже для того, чтобы зафиксировать *свершившийся факт* в Боснии. Германские империи принудили Россию и Сербию, разорили Турцию и навязали Европе свою волю. Кайзер Вильгельм характерно утверждал, что именно его появление "в сияющих доспехах" на стороне Австрии решило исход событий. Не менее решающим, возможно, было грозное судостроение Германии в 1908-9 годах, а именно четыре *дредноута* против двух английских, что объясняет это заявление Бюлова: "Когда, наконец, во время боснийского кризиса небо международной политики прояснилось, когда немецкая мощь на Континенте разорвала свои оковы, мы уже вышли за стадию подготовки к строительству нашего флота"[526]."

Кризис 1908-9 годов поразительным образом выявил слабость международного права в случае, когда более сильные государства были полны решимости добиться своего. Таким образом, это, как правило, препятствовало пропаганде мира и общественному движению в Великобритании и Франции. Возросшая скорость немецкого военно-морского строительства встревожила британский народ, который потребовал принятия мер предосторожности[527]. Франция и Россия также улучшили свои вооружения, поскольку было ясно, что Австрия, как и Германия, намеревалась проводить активную внешнюю политику, которая нанесла бы другие удары неподготовленным соседям. Кроме того, Тройственная Антанта оказалась слишком слабой для этого случая. Правда, Франция и Англия лояльно поддерживали Россию в вопросе, который в основном касался ее и Сербии, и ее внезапное отступление перед угрозой кайзера поставило их в затруднительное положение. Следовательно, отношения между западными державами и Россией были определенно прохладными в 1909-10 годах, особенно в ноябре 1910 года и после него, когда царь встретился с кайзером Вильгельмом в Потсдаме и заключил соглашение как об их общих отношениях, так и о строящихся тогда железных дорогах в Персию. С другой стороны, быстрое наступление Германии и Австрии встревожило Италию, которая, чтобы защитить свои интересы на Балканах (особенно в Албании), договорилась с Россией о поддержке своих притязаний. Подробности неизвестны, как и соглашения Австрии с Болгарией и Румынией, хотя представляется вероятным, что они были заключены двумя королями, а не правительствами Софии и Бухареста. Этими суверенами были немецкие князья, и события 1908-9 годов, естественно, привлекли их к Центральным державам.

В 1909-10 годах Франция и Англия также потеряли позиции в Турции. Там младотурки, захватившие власть в июле 1908 года, были свергнуты в апреле 1909 года, когда был свергнут Абдул Хамид II. Был свергнут. Ему наследовал его слабо покладистый брат Мухаммед V. Это

изменение, однако, не способствовало делу реформ. Турецкий парламент превратился в медвежий сад, а реформаторы - в орудия реакции. За четыре 1908-12 года сменилось семь министерств и бесчисленные министерские кризисы, и младотурки, копируя формы и убивая дух английского либерализма, вскоре стали самыми нетерпимыми угнетателями своих немусульманских подданных. В административных вопросах они руководствовались старой турецкой пословицей: "Сокровище султана - это море, и тот, кто не черпает из него, - свинья". Германия нашла средства удовлетворить эти доминирующие и стяжательские инстинкты и таким образом восстановила власть в Великой Порте. Таким образом, Османская империя оставалась отчаянием патриотически настроенных реформаторов, охотничьим угощем для тевтонских *концессионеров*, адом для своих христианских подданных и главным штормовым центром Европы[528].

Смерть короля Эдуарда VII. 6 мая 1910 года стала несчастьем для дела мира. Его такт и проницательность несколько раз смягчали враждебность и прокладывали путь к дружескому взаимопониманию. Правда, немецкая пресса стремилась представить эти усилия как направленные на "окружение" (*Einkreisung*) Германии. Но здесь мы можем отметить, что (1) король Эдуард никогда не нарушал конституционный обычай, который предписывал не заключать никаких важных соглашений отдельно от ответственных министров короны[529]. (2) Соглашения с Испанией, Италией, Францией, Германией и Португалией (в 1903-4 годах) были заключены для целей арбитража. (3) Союз с Японией и Антанты с Францией и Россией были призваны положить конец опасному состоянию изоляции, существовавшему на момент его вступления на престол. (4) В то время Германия была союзницей Австрии, Италии и (вероятно) Румынии, не говоря уже о ее тайных договоренностях с Турцией. Она не имела права жаловаться на прекращение нашей изоляции. (5) Брак короля Испании Альфонсо с принцессой Эной Баттенбергской (май 1906 г.) был браком по любви, а не результатом усилий короля Эдуарда отделить Испанию от Германии. Это не имело никакого политического значения. (6) Сестра кайзера была наследной принцессой (ныне королевой) Греции; король Румынии был Гогенцоллерном; а король Болгарии и принц-консорт Голландии были немецкими принцами. (7) Король Эдуард несколько раз свидетельствовал о своей дружбе с Германией, особенно во время своего визита в Берлин в феврале 1909 года, который, по признанию немцев, способствовал заключению в том месяце дружественного франко-германского соглашения по Марокко; также в своем письме от января 1910 года по случаю дня рождения кайзера, когда он выразил надежду, что Соединенное Королевство и Германия всегда смогут работать вместе для поддержания мира[530].

Главная опасность для общественного спокойствия возникает из-за энергичной экспансии одних народов и упадка других. Почти все великие нации Европы экспансивны; но на их периферии находятся другие народы, особенно турки, персы, корейцы и народы Северной Африки, которые находятся в состоянии упадка или полуанархии. При таком положении вещей трения неизбежны и войны трудно избежать, если только в советах наций добрая воля и великодушие не возобладают над подозрительностью и жадностью, которые слишком часто являются доминирующими мотивами. Едва закончился боснийско-турецкий кризис, как Марокко вновь стало угрозой миру во всем мире.

Там продолжалась анархия, что привело к обострению отношений между Францией и Германией. Тем не менее, 8 февраля 1909 года (вероятно, благодаря дружественным офисам Великобритании[531]) два соперника пришли к соглашению, что Франция должна уважать

независимость Марокко и не препятствовать немецкой торговле в этом квартале, в то время как Германия заявила, что ее единственные интересы там коммерческие, и что она не будет выступать против "особых политических интересов Франции в этой стране"[532]." Но, поскольку торговля зависела от поддержания порядка, это расплывчатое соглашение сопряжено с трудностями. Очевидно, что если беспорядки продолжатся, задача Франции станет обременительной и относительно невыгодной, поскольку она будет работать в основном на благо британских и немецких торговцев. Действительно, новый канцлер Бетман-Гольвег призналась французскому послу Жюлю Камбону, что отныне Марокко - плод, которому суждено упасть на колени Франции; только она должна потакать общественному мнению в Германии. К сожалению, "Консорциум" совместных коммерческих предприятий французов и немцев в Марокко и Французском Конго распался из-за мелочей; и это вызвало очень болезненные чувства в Германии весной 1911 года. Далее, когда мавританские повстанцы усилили свои набеги до самых ворот Феса, французские войска в те же месяцы двинулись маршем к этой столице (апрель 1911 г.). Кайзер увидел в этом шаге и соответствующем продвижении испанских войск на Север намерение разделить Марокко. Не получив того, что он считал удовлетворительными гарантиями, он решил отправить в Агадир корвет "*Пантера* (1 июля 1911 г.), замененный крейсером "*Берлин*.

За его спиной стояли амбициозные партии, которые стремились обеспечить мировое господство Германии. Пангерманская, колониальная и Военно-морская лиги приобрели огромное влияние с 1905 года, когда они убедили кайзера посетить Танжер; а в начале 1911 года они выпустили брошюры, призывающие к аннексии части Марокко. Шефа, которого называли *Западно-Марокко дойч*, вдохновил заместитель министра иностранных дел Кидерлен-Вехтер, который впоследствии официально призвал правительство учитывать общественное мнение, которым он сам манипулировал.

Опять же, как и в Танжере в 1905 году, процедура Германии была излишне провокационной, если, как декларировалось в соглашении 1909 года, ее интересы в Марокко носили исключительно коммерческий характер. Если бы это было так, зачем посылать военный корабль, когда дипломатическое настаивание на условиях 1909 года удовлетворило бы требованиям дела, тем более что торговля Германии с Марокко составляла менее половины торговли французских фирм и менее одной трети торговли британских фирм? Очевидно, Германия стремилась к чему-то большему, чем поддержание своей торговли (которой, действительно, французы способствовали, подавляя анархию); в противном случае она не стала бы рисковать возможностью столкновения, которое могло в любой момент произойти из-за присутствия немецкого крейсера рядом с французскими военными кораблями в маленькой гавани.

Почти наверняка колониальная и военная партии в Берлине стремились подтолкнуть кайзера к военным действиям. Случай был благоприятный. Весной 1911 года Франция стала жертвой масштабных бунтов виноградарей. 28 июня произошла неловкая смена министерства. Кроме того, французская армия и военно-морской флот еще не оправились от социалистического режима предыдущих лет. Перестройка российской армии также была далека от завершения. Более того, царь и кайзер пришли к дружескому взаимопониманию в Потсдаме в ноябре 1910 года, уважая Персию и их отношение к другим вопросам, так что было сомнительно, окажет ли Россия помощь Франции, если действия Франции в Марокко представятся незаконными. Что касается Великобритании, то ее способность предоставить французам достаточно крупную и

своевременную помощь была под вопросом. Находясь в агонии острого конституционного кризиса и охваченная острыми проблемами с родами, она была не в состоянии даже защитить себя. К концу 1911 года военно-морской флот насчитывал всего четырнадцать первоклассных кораблей по сравнению с девятью немецкими; в то время как Австрия также становилась Военно-морской державой. Слабость Франции и Англии проявилась весной, когда они уступили перед притязаниями Германии в Малой Азии. 18 марта 1911 года по соглашению с Турцией она получила право построить от Багдадской железной дороги ответвление до Александретты вместе с большими привилегиями над этим портом, что сделало его практически немецким и естественным выходом в Месопотамию и Северную Сирию, ранее находившуюся в сфере Великобритании и Франции. Правда, она условно отказалась от своих притязаний продвинуть Багдадскую линию до Персидского залива; но ее недавняя сделка с царем в Потсдаме дала ей львиную долю торговли Западной Персии.

После таких успехов в Леванте Германии не следовало проявлять зависть к успехам Франции в Марокко, где ее торговля была невелика. Как и в 1905 году, она явно использовала этот случай, чтобы проверить действенность англо-французского соглашения и эффективность британской поддержки Франции. Вероятно также, что она желала либо территориального приобретения в Южном Марокко, чего требовали колониальная партия и большая часть прессы; либо она намеревалась, вместо этого, приобрести Французское Конго. В настоящее время неясно, на какой из этих объектов она нацелилась. Кидерлен-Вехтер в частном порядке заявила, что Германия должна получить округ Агадир и никогда просто не примет взамен конголезскую территорию[533].

Каковы бы ни были истинные цели кайзера, они шли вразрез с интересами Франции и Великобритании. Более того, предупреждение сэра Эдварда Грея от 4 июля о том, что с нами необходимо консультироваться относительно любых новых событий, было полностью проигнорировано; и даже 21 июля германский посол в Лондоне не мог дать никаких гарантий относительно политики своего правительства. Следовательно, в тот вечер мистер Ллойд Джордж во время речи в Мэншн-Хаусе проинформировал Германию о том, что любая попытка относиться к нам как к незначительному фактору в Кабинете наций "была бы унижением, невыносимым для такой великой страны, как наша". Напряженность, должно быть, была гораздо более серьезной, чем представляется в опубликованных документах, чтобы побудить столь миролюбивого министра высказаться в таких выражениях. Они вызвали бурю страстей в немецкой прессе; и, несколько позже, немецкий адмирал Стиге заявил, что они оправдали бы немедленное объявление войны Германией[534]. Конечно, они были более угрожающими, чем это обычно принято в дипломатической речи; но наше бесцеремонное обращение со стороны Германии (возможно, из-за веры Бетман-Гольвега в прямолинейность Бисмарка) оправдало протест, который, в конце концов, был менее сомнительным, чем отправка Германией крейсера в Агадир, благодаря сдержанности французского министерства иностранных дел. Вплоть до 27 июля кризис оставался острым, но в тот день германский посол дал заверения относительно возможного соглашения с Францией.

Что вызвало смену фронта в Берлине? Вероятно, это было связано с острым финансовым кризисом (неожиданный результат политического кризиса), который привел бы к общему краху финансов Германии, оказавшейся в то время в небезопасном положении; и благоразумие,

возможно, подсказало принять менее амбициозный курс, а именно дружественные переговоры с французами о территориальной экспансии на их территории в Конго в обмен на признание их протектората над Марокко. Такой компромисс (который, как мы увидим, в конце концов был достигнут) не повлек за собой потерь для Германии. Напротив, она получила плодородные районы в тропиках и оставила французов преданными предприятию в Марокко, которое, хотя и стоило им больших затрат, в конечном итоге пошло бы на пользу торговле в целом, а следовательно, и Германии.

Кроме того, перед окончанием этих дискуссий произошли два события, которые вполне могли склонить кайзера к компромиссу с Францией. Во-первых, в результате переговоров с Россией (тогда испытывавшей острую нехватку продовольствия) он получил более крупные железнодорожные и торговые концессии в Персии, а соглашение от 19 августа открыло двери для новых немецких предприятий в Леванте. Во-вторых, 29 сентября Италия объявила войну Турции, отчасти (как говорят) потому, что недавняя активность Германии в Триполи поставила под угрозу господство, которое она была полна решимости приобрести на этой земле. Это событие сильно расстроило планы кайзера. Он надеялся сохранить Тройственный союз в неприкосновенности и в то же время добавить к нему огромную потенциальную боевую силу Турции и мусульманского мира. Теперь, как бы он ни "подстраховывался", ему вряд ли удалось бы не оскорбить ни Рим, ни Константинополь; и даже если бы ему это удалось, его друзья истощили бы друг друга и были бы бесполезны в ближайшем будущем. Следовательно, итало-турецкая война (с ее продолжением, Балканской войной 1912 года) нанесла ему серьезный удар. Тройственный союз сразу же оказался напряженным почти до предела из-за того, что Австрия запретила Италии проводить военно-морские операции в Адриатике (вероятно, также и в Эгейском море). Не менее серьезной была враждебность мусульман к европейцам в целом, которая ставила под угрозу планы кайзера по использованию ислама. Соответственно, в настоящее время его политика приняла более мирный характер.

Здесь, несомненно, кроются решающие причины франко-германского соглашения от 4 ноября 1911 года, согласно которому правительство Берлина признало протекторат Франции над Марокко и согласилось не вмешиваться во все еще продолжающиеся франко-испанские переговоры. Франция открыла некоторые "закрытые" порты (в том числе Агадир) и гарантировала равенство торговых прав всем странам. Она также уступила Германии около 100 000 квадратных миль плодородных земель на северо-западе своей территории в Конго, что обеспечивало доступ к рекам Конго и Убанги. Взрыв тевтонского гнева, вызванный этими далеко не неблагоприятными условиями, показал масштабность замыслов, которые привели к *перевороту* в Агадире. Министр колоний немедленно подал в отставку; и презрительный смех встретил канцлера, когда он объявил рейхстагу, что "*Берлин*" будет выведен из этого порта, поскольку в защите немецких подданных больше нет необходимости. Он добавил, что Германия не будет ни сражаться за Южное Марокко, ни растрачивать свои силы в дальних экспедициях. Фактически, он "избежал бы любой войны, которой не требовала бы честь Германии". Совершенно иным был тон лидера консерваторов герра Гейдебранда, который заявил, что немецкий народ не потерпит "вызова" мистера Ллойд Джорджа; Англия пыталась втянуть их в войну с Францией, но теперь они увидели, "где находится настоящий враг". Присутствовавший при этом наследный принц громко аплодировал этим англофобским вспышкам. Немецкая пресса выразила не меньшую горечь. Помимо критики буйного начала и торгашеского завершения канцлера, они продемонстрировали решимость в том, что Германия должна всегда и везде добиваться успеха. Берлинский журнал "*Пост*" зашел так далеко, что назвал кайзера се

Полтрона несчастным за то, что тот отказался от Южного Марокко; и было ясно, что значительная часть немецкого народа страстно желала войны с западными державами.

Многие французы и бельгийцы приписывали немецкой колониальной партии намерение захватить все Французское Конго в качестве первого шага к аннексии Бельгийского Конго[535]. Бельгия встревожилась и в 1913 году значительно расширила принцип обязательной военной службы. С другой стороны, немецкие шовинисты, безусловно, желали приобретения военно-морской базы в Марокко, которая помогла бы объединить их военно-морские базы и облегчить завоевание Мировой империи. Такова была политика, изложенная Бернхарди в заключительных частях его работы *"Германия и следующая война"*, где он протестовал против капитуляции канцлером Марокко как унижающей достоинство нации и наносящей ущерб ее будущему. Следуя примеру Трейчке, он обесценил колонии, богатые только продуктами; поскольку Германии нужны были дома для ее детей в будущих поколениях, и она должна бороться за них изо всех сил при первой благоприятной возможности. В этом суть послания Бернхарди, который полон ярости из-за потери Марокко. Он считал эту землю более важной, чем Конго, поскольку, в дополнение к стратегической ценности ее побережья, она предлагала точку опоры на западе, с помощью которой можно было поднять мусульман против Тройственного союза. В послесловии он пишет: "Наши отношения с исламом изменились к худшему из-за оставления Марокко. . . . Мы потеряли престиж во всем мусульманском мире, что для нас имеет первостепенное значение".

Логическим завершением тезиса Бернхарди было то, что Германия и Австрия должны смело встать на сторону мавров и турок против Франции и Италии, призвав ислам к оружию, если потребуется, против христианского мира. Возможно, если бы у Турции были 1 500 000 военнослужащих, которых, как надеялся ее военный министр Чевкет-паша, стремился набрать, таков был бы исход событий. Как бы то ни было, *Realpolitik* советовала соблюдать благоразумие и формы христианства.

Конечно, не было достаточного повода для войны. Франция и Россия потакали Германии. Что касается "настоящего врага", то ее позиция была пролита светом во время дебатов 27 ноября 1911 года в Вестминстере. Сэр Эдвард Грей затем заявил, что мы последовательно помогали франко-германским переговорам, а не препятствовали им. Мы никогда не играли с Германией в "собаку на сене". На самом деле, берлинское правительство значительно ослабило бы напряженность, если бы заявило раньше, что не намерено захватывать часть Марокко. Кроме того, Соглашение об Антанте с Францией (обнародованное 24 ноября) не содержало никаких секретных статей; их также не было ни в одном договоре, заключенном британским правительством. 6 декабря мистер Асквит заявил, что у нас не было никакого тайного соглашения с какой-либо Державой, обязывающего нас братья за оружие. "Мы не желаем стоять в свете какой-либо Державы, которая хочет найти свое место под солнцем. Первым из британских интересов, как и всегда, является мир во всем мире; и на его достижение будут направлены британская дипломатия и политика". Канцлер Германии Бетман-Гольвег также заявила в рейхстаге: "Мы также, господа, искренне желаем жить в мире и дружбе с Англией" - заявление, встреченное полным молчанием. Отдельные аплодисменты были встречены его заявлением о том, что он приветствовал бы любое определенное доказательство того, что Англия желает более дружественных отношений с Германией.

Так закончился 1911 год. Французы были огорчены, обнаружив, что Антанта не обязана с нашей стороны помогать им силой оружия[536]; а немцы, далекие от радости по поводу легкого приобретения новой колонии, затаили обиду на обе западные державы. Британцы отвлеклись от партийных распрей и рабочих распрей, обнаружив новые доказательства дикой вражды, с которой относились к ним юнкеры, колонизаторы и пангерманцы; и проблема заключалась в следующем: должна ли Англия стремиться вернуть дружбу Германии, оставаясь при этом в стороне от тесных связей с Францией и Россией; или она должна признать, что ее неуверенная позиция обладает всеми недостатками и немногими преимуществами определенного союза?

В начале 1912 года на ситуацию был пролит свет, и с тех пор берлинское правительство не могло ссылаться на незнание наших намерений, поскольку были предприняты усилия, как государственные, так и частные, для улучшения англо-германских отношений. Г-н Черчилль выступал за дружественное взаимопонимание в военно-морских делах. Лорд Холдейн также посетил Берлин по официальному приглашению. Он заявил этому правительству, что "мы ни при каких обстоятельствах не будем участвовать в какой-либо агрессии против Германии". Но мы должны противодействовать нарушению нейтралитета Бельгии, и, если военно-морское соперничество продолжится, мы должны поставить два кия против одного у Германии. В продолжение этих дискуссий два правительства обсудили основы Антанты. Вскоре оказалось, что Германия стремилась почти безоговорочно обязать нас соблюдать нейтралитет во всех случаях. На это британский кабинет возразил, но предложил следующую формулу:

Поскольку обе державы взаимно желают обеспечения мира и дружбы между ними, Англия заявляет, что она не будет ни предпринимать, ни присоединяться к какому-либо неспровоцированному нападению на Германию. Агрессия против Германии не является предметом и не является частью какого-либо договора, договоренности или комбинации, участником которых Англия сейчас является, и она не станет участником ничего, что преследует такую цель.

Дальше этого дело идти отказывалось; и мистер Асквит в своей речи от 2 октября 1914 года в Кардиффе так объяснил причину:

Они [немцы] хотели, чтобы мы пошли дальше. Они просили нас поклясться в абсолютном соблюдении нейтралитета в случае вступления Германии в войну, и это, заметьте, в то время, когда Германия чрезвычайно наращивала как свои агрессивные, так и оборонительные ресурсы, особенно на море. Они попросили нас (выражаясь совершенно откровенно) о свободе действий, насколько это касалось нас, когда они выбрали возможность подчинить себе европейский мир, доминировать над ним. На такое требование был возможен только один ответ, и это был ответ, который мы дали[537].

Таким образом, усилия по установлению хорошего взаимопонимания с Германией потерпели крах из-за жестких требований немецкой дипломатии о нашем нейтралитете при любых обстоятельствах (включая, конечно, немецкое вторжение в Бельгию). Вслед за этим она приступила к принятию нового Закона о военно-морском флоте (пятого за четырнадцать лет) о значительном увеличении строительства[538].

Возможно, Германия была бы более миролюбивой, если бы предвидела события следующей осени. Как уже было показано, нападение Италии на турок (совпавшее с трудностями, возникшими из-за их суровости) предоставило возможность, которой так жаждали балканские

государства, сбросить турецкое иго. 13 марта 1912 года Сербия и Болгария заключили секретный союзный договор против Турции, который содержал условия относительно совместных действий против Австрии или Румынии, в случае их нападения, и общее понимание относительно раздела Македонии. Греция присоединилась к соглашению позже[539]. Не было определено время для действий против Турции; но ввиду ее упрямства и нетерпимости действия были неизбежны. Она ускорила события, устроив резню христиан в Македонии и на границах с ней. Вслед за этим три государства и Черногория потребовали проведения реформ и терпимости, гарантированных Берлинским мирным договором (см. стр. 242). Турки, как обычно, тянули время (хотя они все еще находились в состоянии войны с Италией[540]), четыре государства потребовали полной автономии и восстановления границ в соответствии с расовыми потребностями. Обе стороны отклонили совместные предложения Австрии и России о дружественном вмешательстве; после чего Турция объявила войну Болгарии и Сербии (17 октября). На следующий день Греция объявила ей войну. Черногория уже начала военные действия. Принимая во внимание эти факты, более поздние утверждения германских держав о том, что Балканская лига была российским заговором с целью свержения Турции и ослабления тевтонского влияния, явно ложны. Турция обращалась со своими христианскими подданными (включая некогда верующих албанцев) хуже, чем когда-либо. Их союз против Турции был давно предсказан. Этому способствовало неправильное правление османской империи, и, наконец, оно было закреплено резней. Кроме того, Россия и Австрия действовали сообща, стремясь предотвратить нападение на Турцию; и державы коллективно предупредили балканские государства, что не потерпят никаких изменений границ. Эти государства отказались принять европейский указ, поскольку нынешнее плохое правление было невыносимым, а неспособность турок справиться ни с итальянцами, ни с албанскими повстанцами вселяла надежду. Обвинения Германии в адрес России, очевидно, были частью общей схемы, принятой в Берлине и Вене для раздражения общественного мнения против дела славян.

Балканские государства, хотя и вели войну без единой цели, быстро разгромили турок в самом драматичном и решающем конфликте нашего времени. Греки вошли в Салоники 8 ноября (болгарские войска несколькими днями позже); 18 ноября сербы заняли Монастир, а албанский морской порт Дураццо в конце месяца. Тем временем болгарская армия гнала турок на юг в безудержном бегстве, пока на третьей неделе ноября укрепленные линии Чаталджи не наткнулись на непреодолимое препятствие. Там 3 декабря все воюющие стороны, кроме Греции, заключили перемирие, а 16 декабря в Лондоне начались переговоры о мире. До 22 января 1913 года Турция, казалось, склонялась к миру; но на следующий день в Константинополе произошла революция, министерство Кямиля паши было свергнуто воинственной фракцией Энвер-бея. Он, один из организаторов июльской революции 1908 года, с тех пор состоял при турецком посольстве в Берлине; и его успешный переворот стал триумфом немецкого влияния. Мирная конференция в Лондоне распалась 1 февраля. В марте греки и болгары захватили Янину и Адрианополис соответственно, в то время как Скутари перешел к черногорцам (22 апреля). Державы (включая Россию) потребовали от Черногории эвакуации этого города, поскольку они решили сделать Албанию (самую беспокойную часть полуострова) независимым государством, включая Скутари.

В Албании, как и везде, вражда соперничающих рас залила кровью балканские земли; греческие и болгарские войска сражались близ Салоник, и казалось, что шансы на мирное урегулирование в Центральной Македонии невелики. Этот шанс исчез, когда Державы, участвовавшие в возобновленной Мирной конференции в Лондоне, упорствовали в изгнании сербов и черногорцев из Албании, решение, очевидно, продиктованное стремлением Австрии и Италии заполучить эти земли при удобном случае. Этот удар по устремлениям Сербии вызвал страстное негодование как там, так и в России. В конце концов сербы уступили и заявили права на гораздо большую часть Македонии, чем было предусмотрено в их соглашении с Болгарией до войны. Отсюда возникли раздоры между их войсками, в которых греки также встали на сторону болгар. Тем временем Лондонская конференция держав и Балканских государств сформулировала условия мира, которые были в значительной степени обусловлены влиянием сэра Эдварда Грея[541].

Здесь ими можно пренебречь, поскольку вскоре они были проигнорированы всеми Балканскими государствами. Стремясь незаметно напасть на своих соперников, болгарские войска (как говорят, по наущению своего царя и его неофициальных советников) предприняли внезапную и вероломную атаку. Так вот, суровые, напористые болгары - самая непопулярная раса на полуострове. Поэтому не только сербы и греки, но также румыны и турки жестоко напали на них[542]. Подавленная со всех сторон, Болгария запросила мира; и снова Великим державам пришлось пересмотреть условия, которые они объявили окончательными. В конечном итоге, 10 августа 1913 года был подписан Бухарестский мир. Это установило нынешние границы Балканских государств и привело их в ярость, но они были беспомощны сопротивляться политике, которая, как известно, диктовалась в основном из Вены и Берлина. В мае 1914 года горячий друг балканских народов так описал его последствия: "Окончательного решения балканского вопроса достигнуто не было. Этнографические вопросы были проигнорированы. Часть каждой расы была передана под управление другой, которую она ненавидит. Сербия приобрела население, состоящее в основном из болгар и албанцев, хотя из последних она вырезала и изгнала многие тысячи. Болгары были захвачены греками, греки - болгарскими, албанцы - греками, и ни одна из этих рас до сих пор не продемонстрировала признаков того, что способна справедливо править другой. Были посеяны семена ненависти, которые прорастут и принесут плоды[543]." Особенно прискорбными были восстановление турками Адрианопольского района и неспровоцированный захват Румынией чисто болгарского района к югу от Силистрии. С другой стороны, кайзер Вильгельм таким образом поздравил своего короля Карла (Гогенцоллерна) с миром, "великолепным результатом, за который не только ваш собственный народ, но и все воюющие государства и вся Европа должны благодарить вашу мудрую и поистине государственную политику. В то же время ваше упоминание о том, что я смог внести свой вклад в то, что было достигнуто, доставляет мне большое удовлетворение. Я рад нашему взаимному сотрудничеству во имя мира".

Эта телеграмма, следуя тенденциям австро-германской политики, стремилась вернуть Румынию Центральным державам, от которых она в последнее время отошла. В других отношениях Бухарестский мир был заметным триумфом Австрии и Германии. Они не только сделали невозможным быстрое возрождение Балканской лиги, которая препятствовала их экспансии в Левант, но и укрепили Османскую державу, когда ее вытеснение из Европы казалось неизбежным. Они также истощили Сербию, довели Болгарию до разорения и навязали Албании немецкого принца Вильгельма Видского, офицера прусской армии, которому было суждено увидеть свое княжество со шканцев своей яхты. Таков был Бухарестский мирный

договор. Помимо нанесения серьезного удара по славянскому делу, он увековечил недавние позорные грабежи и подтолкнул всех, кого это касалось, к дальнейшим конфликтам. В течение года весь Континент был объят пламенем.

СНОСКИ:

[523] Х.В. Сид, *Монархия Габсбургов*, стр. 52, 214.

[524] Конституционный режим, который младотурки навязали реакционеру Абдул Хамиду II в июле 1908 года, приветствовался как победа британского влияния. Перемены, произошедшие в апреле 1909 года, благоприятствовали влиянию Германии. У меня нет места для описания этих сложных событий.

[525] Титтони, *Внешняя и колониальная политика Италии* (перевод на английский, стр. 128). Титтони отрицал, что Тройственный союз уполномочивал Италию требовать "компенсации", если Австрия расширится на Балканах. Но Договор о тройственном союзе, возобновленный в 1912 году, включал такой пункт, № VII.

[526] Бюлов, *Имперская Германия*, стр. 99.

[527] Раздражение вызвало письмо кайзера от 18 февраля 1908 года лорду Твидмуту, первому лорду Адмиралтейства, в котором он советовал (хотя и в дружеских выражениях) прекратить подозрения в отношении военно-морского строительства Германии. Это было расценено как попытка заставить нас врасплох.

[528] Нехватка места не позволяет рассказать о Критском вопросе, а также о судебных процессах Аграма и Фридьонга, которые пролили зловещий свет на отношение Австрии к своим южнославянским подданным, о чем см. Сетон-Ватсон, *Коррупция и реформы в Венгрии*. Рорбах, *"Немецкая война в Мире"* (1912), стр. 172, объясняет успех немецких усилий в Порту верой младотурок в то, что Германия была единственной державой, которая желала им добра - Германией, которая помогла Австрии обезопасить Боснию; Германией, чья железнодорожная схема Багдад безжалостно эксплуатировала турецкие ресурсы! (См. Д. Фрейзер, *Короткий путь в Индию*, глава iii. iv.)

[529] Я был уверен в этом из высоких инстанций.

[530] Виконт Эшер, *Влияние короля Эдуарда: и другие эссе*, стр. 56. Миф об "окружении" разработан Рахфалом, *"Кайзер и рейх"*, стр. 228; Ревентлоу, *соч., цит. по* стр. 254, 279, 298 и т.д.; и Рорбахом, *"Немецкая война в мире"* (гл. vi.), где он говорит, что главной идеей короля Эдуарда с самого начала было нанести ущерб Германии. Таким образом, он завоевал Японию, Францию, Испанию и Россию, его целью было обезопасить всю Африку от Кейптауна до Каира и всю Азию от Синайского полуострова до Бирмы.

[531] Рахфаль, стр. 310.

[532] Морель, Приложение XIV.

[533] Важны следующие факты. 9 ноября 1911 года канцлер Бетман-Гольвег заверил рейхстаг, что Германия никогда не намеревалась аннексировать территорию Марокко, и это утверждение было подтверждено Кидерлен-Вехтер 17 ноября. Но во время иска о клевете, поданного против берлинской *почты*, было положительно подтверждено, что правительство и Кидерлен-Вехтер намеревались аннексировать юго-Запад Марокко. Высокопоставленный чиновник, доктор Хайльбронн, позвонил по этому поводу в *Post*, призывая ее потребовать этого шага.

[534] Контр-адмирал Штиге в *Убералле* за март 1912 года.

[535] Аното, *Политика равновесия*, стр. 417.

[536] Nanotaux, *La Politique de l'Équilibre*, p. 419.

[537] См. *Times* от 3 октября 1914 г. и 20 июля 1915 г. (с цитатами из *North German Gazette*). Бетман-Гольвег заявила рейхстагу 19 августа 1915 года, что заявление Асквита было ложным; но в письме, опубликованном 26 августа, и официальном заявлении от 1 сентября 1915 года сэр Э. Грей убедительно опроверг его.

[538] Касл и Херд, *военно-морская мощь Германии*, стр. 142-152.

[539] Утверждение о том, что греческий государственный деятель Венизелос основал лигу, кажется неверным. Так же, как и слух о том, что Россия через своего министра Хартвига в Белграде подставила его (но см. N. Jorga, *Hist. des États balcaniques*, p. 436). Милюков в "Отчете для Фонда Карнеги" отрицает это. Этот план пришел в голову многим людям, как только турецкая реформа оказалась фиктивной. Говорят, что Венизелос обсуждал это с мистером Джеймсом Буршье в мае 1911 года. (Р. Рэнкин, *Внутренняя история Балканской войны*, стр. 13.)

[540] Италия заключила мир 15 октября, получив во владение Триполи и согласившись эвакуировать Эгейские острова, но под различными предлогами удерживала там свои войска. Чуть позже она продлила Тройственный союз с Германией и Австрией на пять лет. Возможно, это было результатом начавшегося тогда балканского кризиса и визитов министра иностранных дел России Сазонова в Париж и Лондон, после чего было официально заявлено, что Россия придерживается как своего договора с Францией, так и Антанты с Англией. Он добавил, что объединение великих государств было необходимо в интересах баланса сил.

[541] См. *Times* от 30 мая 1913 г.; Рэнкин, *указ. соч.* стр. 517.

[542] Внезапное вмешательство Румынии вызвало раздражение Австрии, которая надеялась на более длительную и изнурительную войну на Балканах.

[543] Эдит Дарем, *Борьба за Скутари*, стр. 315.

ГЛАВА XXIII

КРИЗИС 1914 ГОДА

"У нас есть интерес к независимости Бельгии, который шире, чем тот, который мы имеем в буквальном действии гарантии. Это содержится в ответе на вопрос, стала бы эта страна спокойно стоять в стороне и наблюдать за совершением самого страшного преступления, которое когда-либо пятнало страницы истории, и, таким образом, стала бы соучастницей этого греха". - ГЛАДСТОН:

Речь в августе 1870 года.

Законы о прусской и германской армии от 1860 года и далее имели тенденцию превращать военную готовность в весомый фактор недавнего развития наций; и исход событий слишком часто определялся не справедливостью дела, а скорее стоящей за ним вооруженной силой. Поэтому мы должны взглянуть на военные и военно-морские приготовления, которые позволили Центральным державам одержать свою опасную победу над Россией и славянами Балкан. В апреле 1912 года канцлер Германии внес в рейхстаг законопроекты об армии и флоте (принятые 21 мая), предусматривающие значительное увеличение военно-морского флота, а также сил, достигающих двух новых армейских корпусов, и это тоже, хотя финансовое положение Германии было признано "очень серьезным", а предлагаемые меры были просто предупредительными. Тем не менее, против них проголосовали только социалисты, поляки и эльзасцы. Но события первой Балканской войны были названы угрожающими Германии конфликтом, в котором ей "возможно, придется защищать от нескольких врагов границы, которые по своей природе в значительной степени открыты". Поэтому в марте 1913 года был внесен новый закон об армии (принятый в июне), который увеличил общую численность вооруженных сил на 145 000 человек и увеличил их численность в мирное время в 1914 году до более чем 870 000 человек. Канцлер с благодарностью упомянул "экстраординарные способности и дух примирения" сэра Эдварда Грея во время Конференции в Лондоне и признал, что столкновение между немцами и славянами не было неизбежным; но Германия также должна принять меры предосторожности в то время, когда Россия и Австрия согласились снова перевести свои войска на мирную основу. Германия, отнюдь не ослабив своих усилий после резкого отпора славянскому делу летом 1913 года, продолжала свою военную политику. Это вызвало серьезные опасения, особенно после того, как новые жесткие налоги (по оценкам, они составят 50 000 000 фунтов стерлингов) были громко объявлены бременем, которое нельзя будет нести долго. Что касается предложений ВМС, канцлер одобрил предложение г-на

Черчилля (от 26 марта) о "военно-морском празднике", но сказал, что на этом пути было много трудностей.

Британский военно-морской бюджет 1912 года предусматривал шестилетнюю программу строительства 25 *дредноутов* против 14 германских; и на каждый дополнительный немецкий корабль добавлялось два британских. В марте 1913 года это было продолжено предложением "отпуска" на 1914 год, если Германия вскоре согласится. Согласия не последовало. В начале 1914 года численность британской регулярной армии в мирных условиях оценивалась в 156 000 человек, при этом действовало около 250 000 человек на территории.

Увеличение численности немецкой армии побудило французские палаты в июле 1913 года вернуться к трехлетней военной службе, причем двухлетний срок считался недостаточным перед лицом новой угрозы из-за Рейна[544]. Жорес и социалисты, выступавшие за создание национального ополчения по швейцарской системе, потерпели поражение 496 голосами против 77, после чего некоторые из них прибегли к тактике обструкции, и 8 июля мера была проведена с некоторыми трудностями. Всеобщая конфедерация труда и Конгресс анархистов объявили о своей решимости продолжать агитацию в армии против трехлетней службы. Симптомы мятежа уже проявились. Военная техника французской армии была официально признана находящейся в неудовлетворительном состоянии во время дебатов 13 июля 1914 года, когда выяснилось, что Франция далека от готовности к кампании. Численность армии в мирное время тогда оценивалась в 645 000 человек.

В России в 1912 году основные усилия были сосредоточены на военно-морском флоте. Что касается армии, то в Бюджете от июля 1913 года было предложено оставить 300 000 человек на действительной службе на шесть месяцев дольше, чем раньше, таким образом укрепляя силы, особенно в зимние месяцы. Помимо этой меры (ответной на меру Германии), в 1912-14 годах не произошло никаких важных событий. Численность русской армии в Европе в 1914 году превысила 1 200 000 человек[545]. Численность Австро-Венгрии превысила 460 000 человек, Италии - 300 000 человек. Следовательно, Тройственная Антанта имела в пешем строю чуть более 2 000 000 человек против 1 590 000 у Тройственного союза; но последняя группа образовывала прочный, хорошо подготовленный блок, в то время как Тройственная Антанта была отдельными подразделениями; и русские и британские войска не могли быть быстро переброшены в необходимые пункты на Континенте. Более того, все великие войны, особенно со времен Фридриха Великого, показали преимущество центрального положения, если его энергично и умело использовать.

В этих соображениях кроется ключ к ситуации в Европе летом 1914 года. Нарастающее финансовое недовольство и неудовлетворенная военная гордость в Германии вызвали всеобщую тревогу, особенно когда воспоминания об освободительных войнах 1813-14 годов систематически использовались для разжигания воинственного пыла против Франции. Против Англии не требовалось официального стимула, поскольку профессора и преподаватели давно учили, что "Англия - враг". В частности, в Юго-Западной Африке велись приготовления к разжиганию восстания буров в качестве предварительной подготовки к изгнанию британцев из Южной Африки. Были установлены отношения с Де Ветом и Марицем. В 1913 году последний отправил агента в немецкую колонию с вопросом, какую помощь окажет кайзер и в какой степени он гарантирует независимость Южной Африки. Пришел ответ: "Я не только признаю независимость Южной Африки, но даже гарантирую ее при условии, что восстание начнется

немедленно[546]". Причина задержки неизвестна. Вероятно, при дальнейшем расследовании было установлено, что ситуация не была готова ни в Европе, ни в Южной Африке. Но что касается германских приготовлений к войне с Англией как в Юго-Западной Африке, так и в Египте, в этом не может быть никаких сомнений. Индией и, вероятно, Ирландией также не пренебрегли.

На самом деле значительная часть немецкого народа ожидала войны с Великобританией как столь же неизбежной и желанной. Она была богата и любила удовольствия; ее правительство было склонно ждать, пока общественное мнение не выразится решительно; ее сыновья, слишком эгоистичные, чтобы защищать ее, платили за это "наемникам". Следовательно, ее разбросанные владения станут легкой добычей хорошо организованной, воинственной и глубоко патриотичной нации. Пусть мир принадлежит самой способной расе - германцам. Таково было учение Трейчке и его учеников задолго до Англо-бурской войны или Англо-французского соглашения. Эти события и Марокканский вопрос 1905 и 1911 годов обострили соперничество; но было бы поверхностным толкованием событий предполагать, что Марокко стало причиной соперничества, которое явно проистекало из решимости немцев обладать Мировой империей. Как только их влиятельные классы отчетливо осознали, что разрешение конфликта неизбежно с Великобританией, которая преграждала им путь к океану и обладала во всех морях ценными колониями, которые она, казалось, была мало в состоянии защитить. Дело в Марокко раздражало их, потому что, во-первых, они хотели занять эту стратегическую позицию, а во-вторых, они хотели расколоть англо-французскую Антанту. Но Марокко было заселено в 1911 году, и все же трения не ослабевали. Оставался Восточный вопрос, гораздо более серьезный, ибо на него возлагались надежды Германии на Востоке и Австрии на Балканах.

Трудность для Германии заключалась в том, как приравнять ее всемирные амбиции к ограниченным и разнообразным целям Австрии и Италии. Интересы двух Центральных империй совпадали только в отношении Восточного вопроса. *Мировоззрение* в целом и Марокко в частности ни в малейшей степени не касалось Австрии. Кроме того, планы Вены и Рима в отношении Албании безнадежно столкнулись. В рамках Тройственного союза, возобновленного в 1912 году, была предпринята попытка защитить итальянские интересы, настаивая на том, что, если Австрия укрепит позиции на Балканах, Италия получит "компенсацию". Попытка вовлечь правительство Рима в балканские авантюры побудила Австрию предложить от 9 августа 1913 года совместные действия против Сербии. Италия отказалась, заявив, что, поскольку Сербия не была виновна в агрессии, австро-итальянский союз не годится для такого предприятия. Германия также отказалась от австрийского предложения - почему, неясно. Австрия была раздосадована завоеваниями Сербии в Бухарестском мире, за которые в значительной степени отвечал кайзер Вильгельм. Вероятно, тогда они расходились во мнениях относительно некоторых деталей балканского урегулирования. Но гораздо более вероятно, что Германия сдерживала австрийцев, потому что она еще не была полностью готова к энергичным действиям. Доктрина полной готовности была поучительно изложена хорошо информированным писателем Рорбахом, который в 1912 году призывал своих соотечественников к терпению. В 1911 году они были неправы, беспокоя Францию и Англию по поводу Марокко, где интересы Германии не были жизненно важными. Пока железные дороги Багдада и Хеджаза не приблизятся к своим целям, сотрудничество Турции в нападении на Египет будет слабым. Кроме того, добавляет Рорбах, канал Киль-Северное море не был готов, а Гельголанд и другие береговые укрепления не были достаточно развиты, чтобы Германия могла

уверенно противостоять войне с Англией. Благодаря кайзеру флот вскоре был бы в великолепном состоянии, и тогда Германия могла бы смело выйти в мир. Того же курса придерживался граф Ревентлоу в начале 1914 года. Германия должна продолжать вооружаться, хотя и полностью осознает, что она "строит для своей внешней политики и дипломатии Голгофу, на которую *волей-неволей* ей придется взобраться"[547].

Другие свидетельства, особенно Бернхарди, Фробениуса и работы Пангерманской лиги и Военно-морской лиги, могут быть приведены в доказательство намерения Германии начать войну, когда она будет полностью готова. Огромные суммы, утвержденные в Военном бюджете 1913 года, еще не обеспечили запасы артиллерии и боеприпасов, которые должны были удивить мир. Турция также не оправилась от ран 1912 года. Не был готов и расширенный канал Киль-Северное море. Его открытие в середине лета 1914 года создало гораздо более благоприятную для Германии военно-морскую ситуацию. Годом ранее французский военно-морской офицер предсказал, что она дождется открытия канала, прежде чем объявить войну[548].

В середине лета 1914 года общее положение было следующим. Германия достигла вершины совершенства в вооружении, и Кильский канал был открыт. Франция была не готова, хотя трехлетняя служба обещала улучшить ее армию. Численность и сплоченность русских войск постепенно увеличивались. Бельгия также, встревоженная немецкой угрозой как в Европе, так и в Конго, в 1912-13 годах значительно расширила принцип обязательной службы, так что в 1914 году в ее распоряжении было более 200 000 человек, а к 1926 году - уже 340 000. По военно-морской мощи было маловероятно, что Германия догонит Великобританию. Но подводная лодка обещала сделать даже самые мощные броненосцы сомнительной ценности.

Следовательно, Германия и ее друзья (за исключением, возможно, Турции) никогда не могли надеяться на более длительное превосходство над державами Антанты, чем в 1914 году, по крайней мере, в том, что касается эффективности и подготовленности. Таким образом, в глазах военной партии в Берлине проблема напоминала проблему 1756 года, которую Фридрих Великий сформулировал следующим образом: "Война была столь же несомненной и неизбежной. Оставалось только рассчитать, было ли больше преимуществ в том, чтобы отложить это на несколько месяцев или начать сразу". Мы знаем, что последовало в 1756 году - вторжение в нейтральную Саксонию, потому что она не завершила свое вооружение[549]. Для Вильгельма II. в 1914 году ситуация с Бельгией была очень похожей. Она предоставила ему кратчайший способ нанести удар по врагу и богатейшую землю для снабжения немецких войск. То, что Пруссия гарантировала нейтралитет Бельгии, не имело значения; то, что в 1912 году лорд Холдейн предупредил его о враждебности Англии, если он вторгнется в Бельгию, едва ли было важнее. Уильям, как и его предок, действовал исключительно из военных соображений. Он презирал Англию: разве она не была отвлечена жестокой партийной распрей, трудовыми неурядицами, необузданными женщинами и тем, что, казалось, было началом гражданской войны в Ирландии? Все способные правители Дома Гогенцоллернов умели распознавать, когда нужно нанести удар, и нанести сильный. В июле 1914 года действия Вильгельма II были типично гогенцоллернскими; и к этому времени его обаятельная личность и пламенные речи, подкрепленные профессорской пропагандой и прессой, основательно пруссианизировали Германию. Что касается *морали*, а также *материалов*, "день" настал к середине лета 1914 года.

Более того, ее обычно пассивный партнер, Австрия, была тогда доведена до иступления убийством наследника престола, эрцгерцога Франциска Фердинанда. Преступниками были австрийские сербы; но ни тогда, ни с тех пор не было получено никаких доказательств соучастия сербского правительства. Тем не менее, в состоянии острой напряженности, долгое время существовавшей между Сербией и Австро-Венгрией, это дело казалось кульминацией серии попыток разрушить Двойственную монархию и создать Сербохорватское королевство. Поэтому вспыхнули немецкие и мадьярские настроения, и стали громко требовать войны с Сербией. Доктор Диллон, сводя к минимуму вопрос об убийстве, предсказал, что ссора перерастет в гигантскую борьбу между тевтоном и славянином[550]. В этой связи мы должны помнить, что Центральные империи дважды диктовали условия остальной Европе: во-первых, во время боснийского кризиса 1908-9 годов; во-вторых, на переговорах, которые привели к Бухарестскому мирному договору (август 1913 года). В других случаях кайзер Вильгельм нарушал волю царя Николая II, в частности, в потсдамском интервью в ноябре 1910 года. Поэтому возможно, что Берлин снова рассчитывал на уступчивость России; и в этом случае Австрия захватила бы Сербию и переделала балканские земли по своему желанию, а Германия тем временем "держала бы кольцо". Такое объяснение кризиса, однако, допускает возражение, что рассматриваемые вопросы затронули Россию более жизненно, чем вопросы 1908-10 годов, и она почти восстановила нормальные силы. Если только политики Берлина и Вены не были слепы, они должны были предвидеть, что Россия поможет Сербии противостоять возмутительным требованиям, направленным из Вены в Белград 23 июля. Эти требования были несовместимы с независимостью Сербии; и хотя она в течение оговоренных сорока восьми часов согласилась со всеми из них, за исключением двух, австрийское правительство объявило войну (28 июля). При этом она опиралась на заверения германского посла фон Чирски в том, что Россия не будет воевать. Но в качестве ответа на австрийский приказ о полной мобилизации (31 июля, 1 час ночи) Россия довольно рано в тот же день приказала принять аналогичные меры[551].

Процедура Австрии и Германии теперь требует нашего внимания. Политика графа Берхтольда, министра иностранных дел Австрии, в целом была миролюбивой. 28 июля он уступил народным призывам к войне против Сербии, но только, по-видимому, из-за своей веры в то, что "Россия не имела бы права вмешиваться после получения его заверений в том, что Австрия не стремится к территориальному расширению". 30 и 31 июля он согласился продолжить дружественные переговоры с Россией. Еще 1 августа австрийский посол в Петрограде выразил министру иностранных дел Сазонову надежду, что дело не зашло слишком далеко[552]. Тогда еще оставалась надежда, что предложение сэра Эдварда Грея о дружественном посредничестве может быть принято Германией, Австрией и Россией. Но 1 августа Германия объявила войну России.

Следует помнить, что своими действиями в августе 1913 года она удержала Австрию от воинственной политики. В июле 1914 года некоторые официальные лица Германии знали о сути требований Австрии к Белградскому двору; а ее посол в Вене 26 июля заявил, что Германия знала, что она делает, поддерживая Австрию. Кайзер Вильгельм, находившийся в круизе на яхте, поспешно вернулся в Берлин в ночь с 26 на 27 июля. Должно быть, он одобрил объявление Австрией войны Сербии 28 июля, поскольку в тот день его канцлер Бетман-Гольвег окончательно отклонил предложение сэра Эдварда Грея о мирной конференции для урегулирования этого спора. Затем канцлер также выразила нашему послу сэру Эдварду Гошену убеждение, что Россия не имела права вмешиваться в австро-сербское дело.

Австрийский посол в Берлине также высказал мнение, что "Россия не хотела и не была в состоянии развязать войну". Это мнение было широко выражено в дипломатических кругах Берлина. Военные, вероятно, рассматривали ситуацию с этой точки зрения; и, по всей вероятности, между гражданскими лицами и солдатами произошла борьба, которая, по-видимому, закончилась победой последних на важном заседании Совета, состоявшемся в Потсдаме вечером 29 июля. Сразу после этого канцлер вызвал сэра Эдварда Гошеня и сделал ему "позорные предложения" о нейтралитете Великобритании в случае европейской войны при условии, что Германия (1) не будет отнимать территории у материковой части Франции (он не будет давать никаких обещаний в отношении французских колоний).; (2) будет уважать нейтралитет Голландии; (3) восстановит независимость Бельгии в случае, если французская угроза вынудит ее вторгнуться в эту страну.

Эти предложения доказывают, что к вечеру 29 июля Германия рассматривала войну как неизбежную[553]. Но почему? Даже на Востоке ситуация пока не угрожала таким конфликтом. Россия заявила, что Сербия не должна становиться вассалом Габсбургов; и, чтобы претворить в жизнь это заявление, она мобилизовала южную и восточную части своих войск в ответ на аналогичную частичную мобилизацию Австрии. Но ни Россия, ни, возможно, Австрия не желали и не ожидали европейской войны[554]. Австрия, похоже, ожидала *ограниченной* войны, т.е. только с сербами. Она отрицала, что русские имели какое-либо право вмешиваться до тех пор, пока она не аннексирует сербские земли. Ее целью было подчинить сербов вассалитету, и она ожидала, что Германия успешно предотвратит вмешательство России, как в 1909 году[555]. Германские предложения от 29 июля являются первым явным признаком общего конфликта; ибо они предполагали вероятность войны с Францией, в которую могли бы быть вовлечены Бельгия и, возможно, Англия, в то время как Голландия осталась бы в одиночестве. В ходе своего выступления канцлер сказал, что "он имел в виду соглашение об общем нейтралитете между Англией и Германией" - отсылка к немецким предложениям 1912 года, описанным в этой главе. Как в то время канцлер стремился связать нам руки в связи с любыми действиями Германии, так и в настоящее время его целью явно было исключить возможность нашей активности от имени Бельгии. И Гошен, и Грей, должно быть, заметили ловушку. Первый передал предложения Грею, который, конечно, решительно отказался от них.

Это было первое действие Грея, которое обозначило напряженность в отношениях с Германией. До 28-го числа казалось, что его усилия по установлению мира увенчаются успехом. 20 июля, то есть за три дня до того, как Австрия ускорила кризис, он умолял правительство Берлина попытаться смягчить ее требования к Сербии. На следующий день после австрийской ноты он призвал к проведению Конференции между Францией и Англией, с одной стороны, и Германией и Италией - с другой, с тем чтобы посоветовать умеренность их соответствующим союзникам, России и Австрии. Германия и Австрия опровергли это своими актами 28-го. Тем не менее Грей работал во имя мира с одобрения России, а с 30 июля по 1 августа - Австрии. Но 31 июля и 1 августа произошли события, которые сорвали эти усилия. 31 июля берлинское правительство, узнав о полной мобилизации России (ответ на аналогичные действия Австрии несколькими часами ранее), направило жесткое требование в Петроград о демобилизации в течение двенадцати часов; также в Париж за ответом в течение восемнадцати часов, сохранит ли оно нейтралитет в случае русско-германской войны.

Здесь мы должны остановиться и заметить, что просить Россию о демобилизации, не требуя такой же меры от Австрии, было явно несправедливо. Россия не могла бы согласиться, не заняв более низкого положения по сравнению с Австрией. Если бы Германия желала мира, она предложила бы аналогичные действия для каждой из спорящих сторон. Кроме того, обвиняя русских в мобилизации, она сама предприняла все предварительные шаги, включая то, что называется *Kriegsgefahr*, что сделало ее армию намного лучше подготовленной к войне, чем сама мобилизация для Российской империи ввиду ее сравнительно неразвитой железнодорожной системы. Опять же, если кайзер хотел избежать войны, почему он не согласился дождаться прибытия (1 августа) специального посланника Татищева, которого в ночь на 30 июля царь отправил в Берлин[556]? Нет ни единого признака того, что берлинское правительство действительно боялось "восточного колосса", хотя заявления о "восточной опасности" были очень полезны для запугивания немецких социалистов.

Германский ультиматум не смог запугать Россию; и поскольку она не дала ответа, кайзер объявил войну 1 августа. Он добавил телеграммой, что он стремился, *в согласии с Англией*, выступить посредником между Россией и Австрией, но мобилизация русских привела к его нынешним действиям. В ответ на требование Германии в Париже французский премьер М. Вивиани заявил 1 августа в 13:00, что Франция сделает то, "что продиктуют ее интересы" - уклончивый ответ, призванный выиграть время и посмотреть, какой курс выберет Россия. После того как кайзер объявил войну России, у Франции не было иного выбора, кроме как прийти на помощь своему Союзнику. Но объявление кайзером войны Франции достигло Парижа только 3 августа в 18:45 вечера[557] Его целью было оставить Францию и Бельгию в сомнении относительно своих намерений, а тем временем сосредоточить превосходящие силы на их границах, особенно у границ Бельгии.

Между тем, 1 августа немецкие власти задержали и конфисковали грузы нескольких британских судов. 2 августа немецкие войска нарушили нейтралитет Люксембурга. В тот же день сэр Эдвард Грей заверил французского посла месье Поля Камбона, что в случае нападения германского флота на Францию или ее побережье британский флот обеспечит защиту. Однако эта гарантия зависела от санкции парламента. Практически несомненно, что парламент санкционировал бы это разбирательство; и, если бы это было так, война началась бы из-за военно-морского соглашения с Францией[558], то есть, если бы Германия решила проигнорировать это. Но другой инцидент прояснил ситуацию. 3 августа немецкие войска вошли в Бельгию, хотя накануне посол Германии заверил правительство короля Альберта, что такого шага предпринято не будет. Предлогом теперь было то, что французы собирались вторгнуться в Бельгию, чему не было ни тогда, ни с тех пор никаких доказательств.

Здесь мы должны вернуться назад, чтобы понять действия британского, французского и германского правительств. Они и все Державы подписали мирный договор 1839 года, гарантирующий независимость Бельгии, и с тех пор не произошло ничего, что могло бы разорвать их помолвку. Предложения Германии от 29 июля 1914 года встревожили сэра Эдварда Грея, и он потребовал от Парижа и Берлина гарантий, что ни одна из держав не вторгнется в Бельгию. Позиция Франции от 1 августа была ясной и удовлетворительной. 31 июля государственный секретарь Германии фон Ягов отказался дать ответ, поскольку "любой ответ, который они [император и канцлер] могли бы дать, не мог не раскрыть определенную часть их плана кампании на случай начала войны". Поскольку 2 августа официальные заверения посла Германии в Брюсселе были удовлетворительными, министерство иностранных дел

Великобритании, похоже, не испытывало большой тревоги по этому поводу. Но в 7 часов вечера того же дня тот же посол вручил ноту своего правительства с требованием предоставить право ввести свои войска в Бельгию, чтобы предотвратить аналогичную меру со стороны Франции. На следующий день Бельгия выразила протест против этого акта и опровергла слухи о действиях Франции. Король Альберт также телеграфировал королю Георгу с просьбой о помощи Соединенного Королевства. Новость дошла до британского кабинета министров после того, как он тщательно обдумал, не будет ли германская агрессия против Бельгии *поводом к войне*^[559].

Новости о требовании Германии и обращении короля достигли Вестминстера незадолго до первых дебатов 3 августа. Сэр Эдвард Грей заявил, что мы не являемся участниками франко-русского союза, точных условий которого мы не знали; и с Францией не было никакого обязательного соглашения; но беседы по военно-морским делам обязали нас консультироваться с ней с целью предотвращения неспровоцированного нападения германского военно-морского флота. Он объяснил месье Камбону свое условное обещание. Вслед за этим мистер Редмонд пообещал горячую поддержку всех ирландцев. Мистер Рамзи Макдональд, хотя и возражал против политики сэра Эдварда Грея, сказал: "Если бы Достопочтенный джентльмен мог прийти к нам и сказать, что такое маленькое европейское государство, как Бельгия, находится в опасности, и мог бы заверить нас, что он собирается ограничить конфликт этим вопросом, тогда мы поддержали бы его". Так вот, Кабинет министров к этому времени решил, что независимость Бельгии должна быть контрольным вопросом, как это было в 1870 году. Таким образом, появилась надежда, что не только ирландцы, но и вся Лейбористская партия окажут правительству объединенную поддержку. К вечерним дебатам поступила официальная информация; и, за исключением некоторых придиричивых критических замечаний, парламент в подавляющем большинстве высказался за решительные действия от имени Бельгии. Сэр Эдвард Грей направил в Берлин ультиматум с требованием надлежащего признания Германией нейтралитета Бельгии. Не получив ответа, Великобритания и Германия вступили в состояние войны незадолго до полуночи 4 августа.

Чем полнее становятся известны факты, тем яснее проявляется агрессивный характер немецкой политики. Некоторые из ее министров сомневались в целесообразности войны и надеялись достичь своих целей угрозами, как в 1909 и 1913 годах; но они были подавлены воинствующей партией 29 июля или незадолго до этого. Бесполезно рассуждать о том, кто больше виноват - кайзер, кронпринц или Генеральный штаб; но германская дипломатия в период кризиса демонстрирует все признаки того, что ее навязали военные. Бетман-Гольвег никогда не отличался широтой взглядов и проницательностью; и все же он один вряд ли смог бы совершить безумства, которые оттолкнули Италию и оскорбили чувства цивилизованного мира, ради того, чтобы на несколько дней опередить Францию и нанести удар в ее незащищенную сторону. Это неуклюжее подражание политике Фридриха в 1756 году.

Что касается выдержки Великобритании во время кризиса, то здесь требуется несколько слов. В прежние времена захват британских кораблей и их грузов (1 августа) привел бы к разрыву. Очевидно, что сэр Эдвард Грей и его коллеги цеплялись за мир настолько долго, насколько это было возможно. Мудрость его процедуры в одном или двух пунктах была подвергнута резкому сомнению. Критики говорили, что в начале кризиса ему следовало уполномочить сэра Джорджа Бьюкенена, нашего посла в Петрограде, присоединиться к России и Франции в заявлении о нашей решимости присоединиться к ним в случае войны^[560]. Но (1) ни один британский министр не имеет права принуждать свою страну к таким действиям. (2) Условия Соглашения не

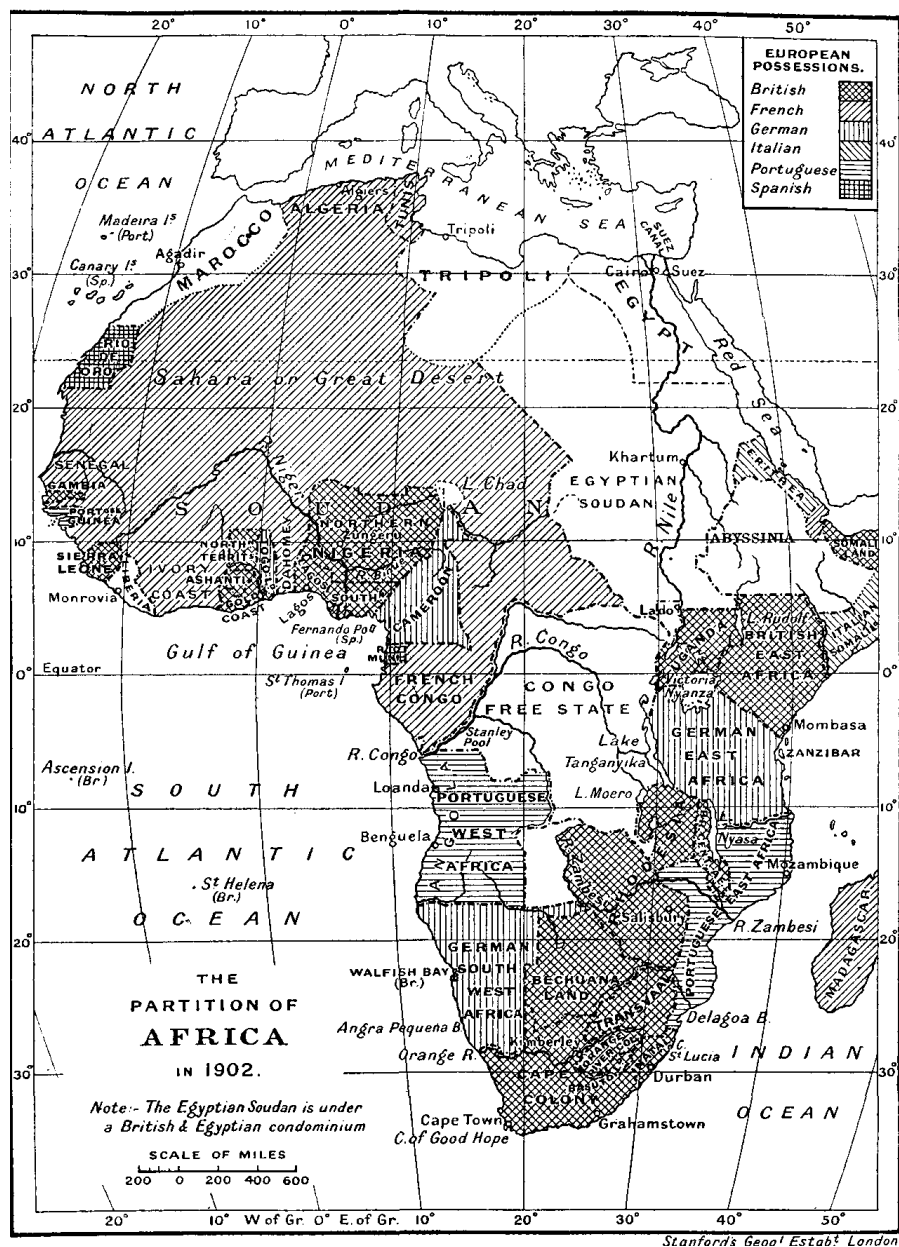
оправдывали этого. (3) Угроза Германии и Австрии, согласно условиям Тройственного союза, вынудила бы Италию присоединиться к ним, и британское правительство явно стремилось предотвратить такую катастрофу. (4) 30 и 31 июля Грей прямо заявил Германии, что она не должна рассчитывать на наш нейтралитет во всех случаях и что франко-германская война (совершенно независимо от вопроса о Бельгии), вероятно, втянет нас в[561].

Сэра Эдварда также обвиняют в том, что он не прояснил наши намерения относительно того, что произойдет в случае нарушения нейтралитета Бельгии. Но он потребовал как от Франции, так и от Германии заверений в том, что они будут уважать этот нейтралитет; и 1 августа он проинформировал германского посла в Лондоне о нашем "очень большом сожалении" по поводу двусмысленности немецкого ответа. Кроме того, 2 августа посол Германии в Брюсселе выразил протест, заявив, что Бельгия находится в полной безопасности в том, что касается Германии[562]. Когда великая Держава дает такие гарантии, угрожать ей войной, если она их нарушит, дела не улучшит. Она нарушила их 3 августа; после чего Грей предпринял решительные действия, о которых Холдейн объявил в 1912 году и которые мы предпримем. Шум, поднятый в Германии по поводу того, что наше вмешательство было неожиданным, вероятно, является результатом слепой приверженности предвзятой теории и гнева на "декадентскую" нацию, осмеливающуюся противостоять "непобедимой" нации. Немецкое правительство, конечно, знало правду, но формирование общественного мнения с помощью прессы превратилось в настоящее искусство. Следовательно, в начале войны все немцы верили, что Франция вот-вот вторгнется в Бельгию, после чего они вмешались, чтобы спасти ее; что Восточный колосс ускорил войну своей беспричинной мобилизацией (ложь, из-за которой почти все немецкие социалисты были на стороне правительства); что Россия и Сербия спланировали расчленение Австрии; что, следовательно, тевтоны (и турки) должны отчаянно бороться за национальное существование в конфликте, навязанном им Россией, Сербией и Францией, при этом Англия вероломно выступила в качестве союзника. отступница от своей расы и вероисповедания.

Благодаря этой лжи, внушенной на редкость хорошо вымуштрованному и послушному народу, немцы были доведены до состояния безумия в связи с предприятием, к которому их правители готовились более десяти лет. Колоссальные запасы военного имущества, накопленные особенно в 1913-14 годах (некоторые из них, несомненно, вскоре пришли в негодность), чрезвычайно тщательные приготовления во всех сферах национальной жизни, включая колонии, опровергают выдумку о том, что Германии была навязана война. Ход переговоров, предшествовавших войне, усердные усилия Германии по разжиганию трудовых конфликтов в России перед кризисом, неподготовленность союзников к ожесточенному и продолжительному наступлению тевтонцев - все эти симптомы доказывают вину Германии[563]. Главным доказательством является то, что до настоящего времени (август 1915 г.) она не опубликовала полного набора дипломатических документов и ни одной депеши, подтверждающей заявление канцлера о том, что он использовал свое влияние в Вене для установления мира. Двадцать девять депеш, опубликованных в ее Белой книге, представляют собой лишь фрагмент ее огромной дипломатической переписки, которую она сочла желательной сохранить в секрете, и, как мы видели, ее официальные лица скрыли вторую телеграмму царя от 29 июля, в которой содержался призыв передать австро-сербский спор в Гаагский трибунал.

Подборки депеш, опубликованных союзниками, убедительно показывают, что каждый из них работал во имя мира и был застигнут врасплох войной. Их неподготовленность и абсолютная

боеготовность Германии проявились настолько ясно в ходе военных действий, что разоблачили немецких памфлетистов, которые стремились доказать, что в конечном итоге война была "превентивной войной", то есть рассчитанной на предотвращение будущего конфликта в неблагоприятное для Германии время. Нет никаких признаков того, что какая-либо из Держав Антанты проводила более чем строго оборонительные приготовления; и, как было показано, сами Антанты были сформированы для того, чтобы обеспечить взаимную защиту в случае агрессии с ее стороны. Отчаянный характер этой агрессии проявился в ее беспринципных, но успешных попытках втянуть Турцию в войну (октябрь-ноябрь 1914 г.). Ни одно преступление против христианского мира не сравнится с тем, посредством которого поборники *Культуры* стремились разжечь фанатичные страсти мусульманского мира против Европы. К счастью, этот план провалился; и, кстати, это усилило мотивы, побудившие Италию отделиться от Центральных держав и помочь союзникам в обеспечении будущего угнетенных национальностей Европы.

Карта Африки (1902)

СНОСКИ:

[544] "Temps" от 30 марта 1913 года подсчитала, что Германия вскоре будет иметь в своей первой линии 500 000 человек против 175 000 французов, если Франция не вернется к трехлетней службе. See M. Sembat, *Faites un Roi, si non faites la Paix*.

[545] Г. Алексинский, *Россия и война*, стр. 83-88.

[546] Речь генерала Боты в Кейптауне, 25 июля 1915г.

[547] Рорбах, *"Немецкая политика в мире"* (1912), стр. 216 (за год было продано более 10 000 экземпляров этой работы); Ревентлоу, *"Немецкая национальная политика"*, стр. 251.

[548] *Revue des questions diplomatiques* (1913), стр. 417-18.

[549] Фредерик, *История. de la guerre de sept Ans*, i. p. 37.

[550] *Daily Telegraph*, 25 июля 1914г.

[551] *J'accuse*, стр. 134-5 (издание на немецком языке). Частичная мобилизация Австрии и России ранее была направлена на угрозу Сербии и ее защиту. Время отдачи Австрией приказа о полной мобилизации указано во французской желтой книге, № 115. Название России в австрийском "Ротбухе", № 52, и российской оранжевой книге, № 77.

[552] Австрийский "Ротбук", № 50-56; Британские официальные документы, Разное (1914), № 6 (№ 137) и № 10, стр. 3; французская желтая книга, № 120.

[553] Месье Жюль Камбон телеграфировал из Берлина своему правительству 30 июля, что поздно вечером 29 июля Германия отдала приказ о мобилизации, но отменила его ввиду сдержанности сэра Эдварда Гошенена в отношении позиции Англии и в связи с телеграммой царя кайзеру от 29 июля. Были изъяты берлинские газеты, в которых объявлялась мобилизация. Были приняты все меры, предшествующие мобилизации (французская желтая книга, № 107; Немецкая белая книга, № 21).

[554] Оранжевая книга России, № 25, 40, 43, 58.

[555] Австрийский "Ротбук", № 28, 31, 44; Брит. Белая книга, № 91-97, 161. *Я обвиняю* (III. А) заходит слишком далеко, обвиняя Австрию в сознательном провоцировании европейской войны; ибо, как я показал, 1 августа она пожелала продолжить переговоры с Россией. Возражение о том, что она сделала это только тогда, когда узнала, что Германия вот-вот бросит вызов, кажется мне притянутым за уши. Кроме того, Австрия не была готова, а Германия была.

[556] Белая книга Германии, № 23а; *Обвинение*, раздел III. В, стр. 153, 164 (немецкая редакция), показывает, что немецкая Белая книга скрыла вторую телеграмму царя от 29 июля кайзеру, приглашавшую его передать австро-сербский спор в Гаагский трибунал. (См. также Дж.У. Хедлэм, *История двенадцати дней*, стр. 183.)

[557] Белая книга Германии, № 26, 27; Желтая книга Франции, № 147.

[558] Белая книга Великобритании, № 105 и приложения, также № 116.

[559] Британская белая книга, № 123, 151, 153; Бельгийская серая книга, № 20-25. Полное и убедительное опровержение немецких обвинений в том, что наши военные атташе в Брюсселе в 1906 и 1912 годах обязали нас *конвенциями*(!) высадить армию в Бельгии, см. Во второй бельгийской серой книге, стр. 103-6; Хедлам, *указ. соч.*, гл. хvi., также стр. 377, об обвинении Франции в том, что она собиралась вторгнуться в Бельгию.

[560] Белая книга Великобритании, № 6, 24, 99; Оранжевая книга России, № 17.

[561] Белая книга Великобритании, № 101, 102, 111, 114, 119. Я не согласен с мистером Ф.С. Оливером (*Испытание битвой*, стр. 30-34) по вопросу, обсуждавшемуся выше. Другие

аргументы см. в моем "*Происхождении войны*", стр. 167-9. Узы, связывавшие Румынию с Германией и Австрией, были более слабыми; но любая общая угроза Центральным державам, вероятно, привлекла бы ее и на их сторону.

[562] Британская белая книга, № 114, 122, 123, 125; Бельгийская серая книга, № 19.

[563] Смотрите убийственное обвинительное заключение немца в *J'accuse*, раздел III., также тщательное судебное расследование Дж.У. Хедлама, *История двенадцати дней*.